

Камбер Кулдский
Святой Камбер

Камбер Кулдский
Святой Камбер

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН
КУРТУ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KATHERINE
KURTZ

Camber of Culdi
Saint Camber

КЭТРИН

КУРТЦ

Камбер Кулдский
Святой Камбер

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург

2001

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
CAMBER OF CULDI
1976
SAINT CAMBER
1978

Литературная обработка Н. Баулиной ·

Серийное оформление А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и «Права и переводы».

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Куртц К.

К93 Камбер Кулдский. Святой Камбер: Романы / Пер. с англ. —
М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Северо-Запад Пресс», 2001. —
592 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-005857-8

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписав-
шая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрас-
ном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаян-
ных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных
кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире,
силоку магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между
Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

© Katherine Kurtz, 1976, 1978

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2001

© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2001

**КАМБЕР
КУЛДСКИЙ**

ПРОЛОГ

**Теперь пойдн, начертай это на доске
у них, и впишн это в книгу, чтоб ос-
талось на будущее время, навсегда,
навекн.¹**

Святой Камбер
Камбер Кулдский
Вельможный граф Дерини
Знаменитый ученый
Покровитель магов-Дерини
Defensor Nominum, Защитник человечества
Камбер...

Во времена Келсона Первого, Камбер сделался личностью почти легендарной. Его восхваляли, проклинали, страшились.

Но каким он был на самом деле — прежде чем стал демоном, или святым?

Был ли он и впрямь, как гласит молва, живым воплощением зла и жестокости, которые связаны в памяти людей с эпохой правления Дерини? Был ли он исчадием ада, как о нем говорили или обычным человеком, ставшим легендой при жизни, святым после смерти, и чье имя для последующих поколений превратилось в проклятие?

Так каким же он был — Камбер Кулдский?..

Если верить историческим анналам Дерини, сохранившимся до времен правления короля Келсона, то именно Камбер Мак-Рори, и никто иной, повинен в падении династии Фестилов. Именно он, со своими детьми и учениками, открыл, ка-

¹ Исайя 30:8

ким образом могущество Дерини может быть передано обычным людям.

В 904 году в Гвиннеде вновь воцарился род Халдейнов. Последующие десять лет люди и Дерини жили в мире и согласии.

Также известно наверняка, что спустя год после смерти, Камбер Куддский был причислен к лику святых за все добро, что он принес людям. Его именovali святым, покровителем магов, защитником человечества, и равно почитали как люди, так и Дерини. Благодарность людей, которых он избавил от гнета ненавистных Фестилов, не знала границ; церкви и монастыри почитали за честь носить его имя.

Во всех Одиннадцати Королевствах Дерини изучали магические приемы, открытые и доведенные до совершенства Камбером и целителем Райсом Турином. Его родичи и ученики стояли на защите трона Халдейнов и основали Совет Камбера, который продолжал действовать еще при короле Келсоне.

Однако память человеческая коротка и избирательна, а память сильных мира сего — еще слабее. То, что Дерини занимали большинство высших постов в государстве, людям, пострадавшим от ига Фестилов, казалось чуть ли не кощунством. Они помнили, как были рабами Дерини, но забыли, что и спасение также получили из рук магов. Враждебные чувства к Дерини нарастали.

Апогея недовольство в стране достигло в 917 году, после смерти короля Синхила. По всей стране прокатилась волна мятежей и погромов, в ходе которой погибли почти две трети всех Дерини Гвиннеда.

Они гибли тысячами — от стали, огня, на виселицах, — расплачиваясь за зло, совершенное Фестилами. Немногие уцелевшие Дерини устремились в изгнание, отреклись от своего рода и могущества, и лишь малой толике удалось найти защиту и покровительство у знатных лордов, еще хранивших память о событиях последних лет.

До самого 1121 года — когда разразилась война между Гвиннедом и Торентом, — для Дерини было небезопасно в открытую объявить себя таковым.

Разумеется, Камбер Куддский одним из первых пал жертвой этих гонений на Дерини: его имя было вычеркнуто из списков святых и предано забвению. Это произошло в 917 году, по требованию короля Элроя, наследника Синхила.

Обуянные религиозным рвением, церковные фанатики предали анафеме любую магию, объявили колдовство Дерини самой страшной ересью, а им самим и из по-

томкам — запретили принимать сан и занимать посты в иерархии Церкви. Кроме того, Дерини запрещалось, без особого на то дозволения, вступать в брак, владеть собственностью, занимать государственные посты. Так продолжалось почти два столетия.

Что касается самого Камбера, то все письменные источники были уничтожены или утрачены, устные рассказы, передаваемые из поколения в поколение, исказились, и с течением лет жизнеописание Камбера превратилось в невероятную смесь фактов, легенд и самой беззастенчивой лжи. И все же Камбер Кудаский остался в памяти людей.

В те далекие времена могущество Дерини считалось скорее наукой, чем волшебством, как при короле Келсоне. Особо одаренные маги обладали способностью к исцелению и далеко продвинулись в изучении болезней, однако впоследствии этот дар был утерян.

В те далекие времена переносящие Ходы, именовавшиеся также Порталами, служили основным средством сообщения между Одиннадцатью Королевствами, хотя создание их требовало больших затрат времени и энергии.

В те далекие времена большинство Дерини обладали навыками мысленного общения.

В те далекие времена пышно расцвело зодчество, строились великолепные замки, дворцы и монастыри — искусство, во многом утраченное во времена Келсона. Процветали также науки; монастырские школы выпускали блестящих ученых как в области богословия, так и в области светских наук.

Но уже близок был закат династии Фестилов, правителей-Дерини, хотя мало кто догадывался об этом.

Таким был мир, в который, за пятьдесят семь лет до описываемых событий, пришел лорд Камбер Мак-Рори, третий сын графа Кудаского и впоследствии — седьмой граф.

Блестящий ученый, как утверждают легенды, обожаемый муж и отец, хотя легенды о том и не упоминают, он был преданным слугой Фестилов, однако последнему из них — королю Имре — служить не стал. Еще во времена правления его отца, Блейна, Камбер видел, как клонится к упадку древняя династия, и принял решение. Он удалился в свое имение Кайрори близ Валорета и посвятил себя наукам и воспитанию детей и внуков, лишь со стороны наблюдая за тем, что происходит в государстве.

Первый же указ, изданный королем Имре после восшествия на трон, возмутил, но ничуть не удивил отшельника. Указ гласил:

«Мы, Имре, сын Блейна, потомок Фестилов, милостию Божьей король Гвиннеда, владыка Меары и Мурина, приказываем:

К середине будущего лета все наши подданные мужеского пола, достигшие четырнадцати лет, должны уплатить в королевскую казну в Валорете денежную подать в размере одной шестой стоимости всех их владений и земельных угодий.

Сей налог пойдет на возведение новой столицы государства в Найфорде. Подать должны уплатить все без исключения — будь то миряне или священники.

Далее, всем тем, чья собственность окажется менее установленной, надлежит отдать себя на королевскую службу не менее чем на год, дабы потрудиться для возведения новой столицы.

Уклонение от уплаты подати, равно как и от податных работ, будет наказываться конфискацией имущества и тюремным заключением по приговору суда. Если суд признает уклонение злостным, сие может быть расценено как государственная измена, и виновный будет приговорен к смерти.

Надзирать за надлежащим исполнением указа будет особая королевская комиссия в составе наших советников лорда Джоверта Лесли, графа Грандтулле, лорда Коула Хоувелла, лорда Торквилла де ла Марш.

Подписано, Имре Первый».

Владения Мак-Рори были обширны и богаты, так что Камбер без труда мог уплатить налог за себя и всех своих домашних, но не многим так повезло. К тому же, Имре не ведал жалости, и этот указ стал лишь первым в долгой череде жестоко-

В стране разгорелись волнения, доведенные до отчаяния люди убивали наместников Имре и тех Дерини, что использовали во зло свою магию и высокое положение.

Камбер по-прежнему занимал выжидательную позицию, не покидая своего поместья. Открыто восстать против власти он пока не решил, но народный гнев немало тревожил его.

Камбер Мак-Рори, седьмой граф Куддский, блестящий ученый. Отставной царедворец, исследователь магии Дерини.

Тогда, в 903 году, он еще не был причислен к лику святых.

ГЛАВА 1

Во множестве народа — величие царя, а при малолюдстве народа беда государю.¹

Еще только подходил к концу сентябрь, но ветры уже вовсю задували и бились в узкие стрельчатые окна, трепали на высоких башнях синие стяги Мак-Рори. У потрескивающего камина, кутаясь в меховой плащ, чтобы защититься от пронизывающего холода, корпела над счетами имения единственная дочь графа Кулдского. У ног ее уютно устроилась спящая гончая.

Еще не стемнело, но факелы ярко полыхали на стенах, разгоняя полумрак. Из кухни доносился аромат жареного мяса. Свечи бросали золотистые отблески на стол, за которым сидела девушка. Наконец она отложила перо, дописав последние цифры, и удовлетворенно вздохнула. Умфрид, управляющий поместьем, поклонился и стал собирать бумаги.

— Это все счета за последние три месяца, госпожа. Вы довольны?

Ивейн Мак-Рори, унаследовавшая Кайрори после смерти матери, одарила Умфрида ослепительной улыбкой. Собака подняла голову, посмотрела на управляющего и снова улеглась.

— Конечно, и ты сам это знаешь.

Засмеявшись, девушка ласково тронула за руку старика, убиравшего документы в особые футляры.

— Пусть кто-нибудь из слуг оседлает лошадь, а потом зайдет ко мне, — добавила она. — Хочу послать письмо Катану в Вало-рет.

Умфрид поклонился и вышел из комнаты.

¹ Притчи 14:28

Откинув прядь волос со лба, Ивейн потерла палец, испачканный чернилами. Она не сводила взор с послания, что лежало на столе. Что скажет Катан, когда получит его?

А Джорем, их второй брат,— что он сделает, узнав последние новости?

На самом деле, с Катаном проще, его реакция очевидна. Сперва он будет изумлен и даже возмутится, однако благоразумие вскоре возьмет верх. Он дружен с королем и будет просить того проявить снисхождение к подданным отца. Хотя те, собственно, и неповинны в случившемся, однако нельзя забывать, что все произошло именно во владениях Камбера.

«Только бы Имре оказался в хорошем расположении духа», — подумала Ивейн.

Другое дело Джорем, в отличие от старшего брата, он не придворный и не терпит дипломатии. Священник воинского монашеского Ордена святого Михаила, Джорем, когда узнает новости, наверняка разразится одной из тех неистовых тирад, которыми так славятся все михайлинцы.

И ладно бы он ограничился лишь гневными речами. Но всем известно, как скоро монахи святого Михаила переходят от словес к активным действиям!

Орден михайлинцев — это боевой Орден.

Уже не раз бывало, что они решительно вмешивались в такие дела, о которых предпочитали забыть их более сговорчивые и податливые братья.

Она успокоила себя тем, что Джорем, вероятно, ничего не узнает, пока не вернется домой, а это случится лишь через два дня. Затем она встала, потянулась, расправила складки на платье и приказала собаке оставаться на месте.

Возможно, ко дню Святого Михаила все разрешится само собой, однако Ивейн очень сомневалась в этом. Во всяком случае, в этом году праздник в Кайрори будет не таким радостным и беззаботным, как обычно.

Джорем, конечно, придет и привезет с собой ее возлюбленного Райса. Однако Катан с семейством наверняка останется в Валорете — король очень требователен и не терпит, когда кто-либо из придворных надолго покидает его.

О, эти долгие месяцы, что отец проводил при дворе во времена царствования старого короля...

Низко кланяясь, в залу вошел слуга и опустился перед ней на колени. Она дала ему краткие наставления и вручила письмо, которое следует передать ее брату. Затем Ивейн плотнее закуталась в плащ и направилась к узкой, недавно построенной лестнице, ведущей в кабинет отца. Они

вместе переводили классические саги Парджана Хавиккана, лирического поэта Дерини. Сегодня Камбер пообещал изучить вместе с ней наиболее сложные места. Она в который раз поражалась, как многогранны таланты ее отца. Вся во власти приятных мыслей, она поднималась по узкой винтовой лестнице.

То, насколько Камбер был одарен в самых разных областях, не переставало поражать всех, кто знал его, — тем более, что он никогда специально не развивал свои способности.

В юности он решил стать священником и получил великолепное академическое образование в новом университете Грекоты, где учился у лучших умов своего времени. Казалось, нет никаких преград для его подъема по лестнице церковной иерархии.

Но затем несчастье унесло двух его старших братьев, и Камбер остался единственным наследником владений Мак-Рори. И он, еще не принявший последнего обета, вдруг оказался грубо вырванным из религиозной жизни и брошенным в жизнь мирскую, которая неожиданно пришлось ему по душе.

Камбер как сын графа приступил к изучению светских наук и преуспел в этом. Он прославился в академических кругах задолго до того, как был впервые призван ко двору. Когда отец старого короля, Фестил Третий, по всей стране искал выдающихся людей, чтобы сделать их своими советниками, Камбер без труда попал в их число и следующие четверть века в основном провел на королевской службе.

Но это было давно. А три года назад, после смерти короля Блейна, в пятьдесят с лишним лет, Камбер ушел в отставку и удалился в свой любимый Кайрори, где он родился и где увидел свет пятеро его детей.

Это не была столица графов Куддских. Столица располагалась в крепости Кудди на границе Кирни, которую Камбер посещал всего несколько раз в год, чтобы председательствовать на заседаниях феодального Совета. Но здесь, близ столицы, он был наконец свободен и мог предаться занятиям, которые ему пришлось забросить много лет назад, — в обществе красивой, умной и проницательной дочери, всю глубину души и ума которой он только начал постигать.

Если бы ему сказали, что он любит кого-нибудь из детей больше, чем остальных, он бы лишь усмехнулся в ответ. И действительно, Камбер обожал всех своих детей, и все же Ивейн занимала особое место в его сердце — самая младшая и последняя, все еще оставшаяся в его доме.

Ивейн подошла к двери кабинета и постучала, затем нажала на дверную ручку и вошла.

Камбер сидел за круглым столом, заваленным рукописными документами, перьями и другими принадлежностями для работы. С ним был его кузен Джеймс Драммонд. Они о чем-то говорили, но тут же замолчали, когда заметили Ивейн.

Кузен Джеймс выглядел очень рассерженным, хотя и старался скрыть это.

Лицо Камбера было непроницаемым.

— Прошу прощения, отец. Я не знала, что тут Джемми. Я могу зайти попозже.

— В этом нет необходимости, дитя мое.

Камбер встал, опираясь обеими руками о стол.

— Джеймс уже собирается уходить, не правда ли, Джеймс?

Джеймс, чуть искаженная темноволосая копия человека с серебряными волосами, стоящего у стола, едва сдерживал недовольный взглас.

— Ладно. Но я еще не удовлетворен вашими объяснениями. Если вы не против, я вернусь завтра, и мы продолжим разговор.

— Конечно, Джеймс, — отозвался Камбер. — Я всегда рад поспорить с умным собеседником, даже если его мнение не совпадает с моим. А если хочешь, оставайся здесь. Отпразднуем вместе Святого Михаила. Катана не будет, но придут Джорем с Райсом. Все будут рады, если и ты присоединишься к нам.

Обезоруженный ответом Камбера, Джеймс пробормотал благодарность, отказавшись, сославшись на дела, и откланялся.

Подняв брови, Ивейн повернулась к отцу, задумчиво подняв глаза.

— О чем это вы? Или я лезу не в свое дело?

Камбер подошел к камину, который выглядел совсем не на месте в такой маленькой комнате, сдвинул два стула и пригласил ее сесть.

— Мы немного разошлись во взглядах, вот и все. После смерти отца Джеймс надеялся обрести в моем лице наставника. Боюсь, мне придется разочаровать его.

Он дернул шнур звонка и, дожидаясь слуги, начал поправлять дрова в камине.

На пороге появился слуга с освежающими напитками. Ивейн задумчиво смотрела, как ее отец взял поднос и отослал слугу. Затем она взяла кубок легкого вина и, держа его двумя руками, вновь взглянула на отца. Несмотря на огонь в камине, на закрытые коврами стены, в комнате было холодно.

— Ты что-то уж слишком спокоен, отец. В чем дело? Джеймс рассказал тебе об убийстве в деревне?

Камбер замер на мгновение, затем расслабился. Он не поднял глаз.

— А ты уже в курсе?

Она осторожно проговорила:

— Трудно оставаться в неведении, когда почти у твоего крыльца убивают Дерини. Говорят, король приказал взять в заложники полсотни человек. И грозил применить Закон Фестивалов, если они не выдадут убийцу.

Камбер залпом выпил вино и уставился на огонь.

— Варварский обычай — наказывать целую деревню за смерть одного человека, даже если он Дерини.

— Да. Может, раньше в этом была необходимость, — проговорила Ивейн. — А как иначе немногочисленные завоеватели могут держать народ в повиновении?.. Но Раннульфа тут все терпеть не могли даже сами Дерини. Помнится, Катан вышвырнул его из Кайрофи, когда ты еще служил при дворе. Уж если ему Катана удалось вывести из себя — представь, как неносен и груб был этот человек.

— Если убивать каждого невежу, скоро в королевстве не останется почти не души, — засмеялся Камбер. — Но как бы мы не относились к Раннульфу, он не заслуживал смерти, во всяком случае, такой.

Он помолчал.

— Я полагаю, что раз ты знаешь о том что случилось, то знаешь и подробности убийства?

— Только то, что это было неприятное зрелище.

— И это не было делом рук наших людей, хотя посланцы короля утверждают обратное, — сказал Камбер.

Он встал, выпрямился, пальцы его барабанили по стенке кубка.

— Раннульф был повешен, обезглавлен и четвертован, Ивейн, причем самым профессиональным образом. Наши крестьяне не способны на такую чистую работу. Кроме того, агенты короля уже провели считывание мыслей заложников и ничего не обнаружили. Некоторые из заложников думают, я подчеркиваю, только думают, что это дело рук вилимитов. Но никто из них ничего не знает и не может назвать ничьих имен.

Ивейн фыркнула.

— Виллимиты! Да я всегда считала, что Раннульф — отличная мишень для них. Говорят, что на прошлой неделе в одной из деревень Раннульфа в нескольких милях отсюда нашли замученного ребенка. Ты слышал об этом?

— И ты уверена, что это сделал Раннульф?

Ивейн удивленно посмотрела на него.

— Жители деревни так думают. И всем известно, что Ранульф держит в своем замке в Найфорде мальчиков для утех. Ведь его в прошлом году отлучили бы от церкви, если бы он не подкупил своего епископа. Виллимиты решили, очевидно, что пора брать дело в свои руки. Ты конечно знаешь, что святой Виллим принял мученическую смерть от колдовства Дерини.

— Не стоит давать мне уроки истории, дочка.— Камбер рассмеялся. — Ты опять говорила с Джоремом?

— Разве мне нельзя беседовать со своим братом?

— О, не топорищи перышки, дитя.

Камбер хмыкнул.

— Я вовсе не хочу, чтобы меня обвинили в том, что я всю жизнь сею рознь между братом и сестрой. Только будь с ним поосторожней. Он молод и временами бывает горяч; если он и его михайлинцы не поостерегутся, то молодой Имре натравит на них свою инквизицию, и не посмотрит, Дерини они или нет.

— Я знаю слабости Джорема, отец. Да и твои тоже.

Она лукаво посмотрела на него, заметила его удивленный взгляд и встала, довольная тем, что можно изменить тему беседы.

— Может, займемся переводом, отец? Я подготовила следующие две песни.

— Сейчас? — спросил он. — Ну, хорошо, принеси рукописи.

Обрадованная Ивейн подскочила к столу и начала перебирать бумаги, ища манускрипт. Наконец она нашла то, что искала, но вдруг взгляд ее упал на маленький блестящий камень, который лежал у чернильницы. Она взяла его в руки.

— Что это такое?

— Что?

— Этот золотистый камушек. Какой-то самоцвет?

Камбер улыбнулся и покачал головой.

— Не совсем. Горцы Кирни называют его ширалом. Морские волны полируют эти камни и выбрасывают на берег моря. Дай-ка его сюда, я покажу тебе кое-что любопытное.

Ивейн вернулась к своему креслу и села, положив забытый манускрипт на колени. Она была полностью захвачена загадочным камнем, словно излучавшим свет.

Ивейн молча протянула его отцу.

— Ты знаешь заклинание, которое использует Райс, чтобы улучшить свое восприятие пациента? — спросил Камбер, оживленно жестикулируя. — То, которому он научил тебя и Джорема, оно помогает сосредоточиться?..

Образ Райса мгновенно возник перед ней, стоило на миг задуматься.

— Конечно.

— Так вот. Во время моего последнего путешествия в Кулди я нашел этот камень. Он случайно оказался у меня в руке, когда я читал вечернюю молитву, и он... впрочем, смотри сама. Мне проще показать.

Осторожно держа камень кончиками пальцев, Камбер вдохнул, выдохнул. Глаза его сузились, когда он вошел в первую стадию транса. Дыхание замедлилось, черты лица расслабились, и вдруг камень начал светиться. Камбер, все еще находясь в легком трансе, протянул Ивейн руку со светящимся камнем.

— Как ты это делаешь? — с удивлением спросила девушка. Камбер вздрогнул и прервал заклинание. Свет в камне погас. Камбер некоторое время держал его в ладонях, затем протянул дочери.

— Попробуй сама.

— Хорошо.

Взяв камень в одну руку, Ивейн провела над ним другой рукой и склонила голову, повторяя в уме слова, для погружения в транс. Несколько мгновений с камнем ровным счетом ничего не происходило, но она пробовала и так, и этак, и в конце концов ширал обрел жизнь и вспыхнул ярким пламенем. Со вздохом сожаления Ивейн вернулась в реальный мир, все ближе поднося камень к глазам, чтобы углядеть последние угасающие искорки.

— Странно: это почти не требует усилий, если знаешь, что делать. Для чего он нужен?

Камбер пожал плечами.

— Не знаю. Я пока не сумел найти ему применение. Разве что удивить одну чрезмерно любопытную юную особу. Можешь взять его себе, если хочешь.

— Правда?

— Конечно. Но не думай, что он поможет тебе с Парджаном Хавикканом. Две песни, ха! Если ты когда-нибудь одолеешь две страницы, я буду очень удивлен. Счастлив, но удивлен.

— Хочешь бросить мне вызов? — Ивейн с торжествующей улыбкой развернула свиток. — Песнь четвертая. Битва при Дисси и странствия Джонатана.

И она принялась с чувством декламировать торжественные стихи древней саги.

ГЛАВА II

**Но он пойдет к роду отцов своих,
которые никогда не увидят света.¹**

Райс Турин торопливо пробирался сквозь густую толпу, пока наконец не увидел впереди старую бревенчатую лачугу. Крытая соломой крыша, на фоне богатых новых домов, неприятно поражала своим убожеством.

Хотя рассвело совсем недавно, на улице было полно народа. Торговцы открывали лавки, купцы распаковывали тюки с шелками и парчой, гомонили лотошники, расхваливая свой товар.

Хватало тут и всякого сброда - воришек-карманников, бродяг и попрошайек; однако все они почтительно расступались при виде зеленого одеяния Целителя, а иные даже с уважением приподнимали шляпы. Похоже, в этих местах народ не привык встречать Дерини.

Но даже если бы обитатели здешних мест оказались куда менее дружелюбны, это едва ли удержало бы молодого Целителя. Он направлялся на встречу со старым Даниелем Тряпичником, давним своим пациентом и другом.

Правду сказать, и эта часть города не всегда служила пристанищем воров и бродяг - но времена изменились. И начало этому положило правление Имре.

Поднявшись на крыльцо ближайшего дома, Райс осмотрелся поверх голов, отыскивая дом Даниеля, затем, подняв ворот плаща, вновь нырнул в толпу.

Еще немного - и он на месте. Гиффорд, слуга Райса, держа наперевес лекарскую суму хозяина, уже стучал в дверь посохом. Турин потянулся было забрать у него суму, но передумал.

Старому Дэну не впрок теперь ни лекарства, ни даже целительский дар. Когда человеку сравнялось восемьдесят три года, все что может сделать для него лекарь - даже Дерини - это облегчить душе страдальца путь на тот свет. А Дэн мучился уже долго.

Райс думал о Даниеле, ожидая, пока ему откроют дверь. Старик был бесценным кладом воспоминаний о старых временах. Он помнил даже эпоху Фестила Первого, который сменил на троне последнего короля из дома Халдейнов. Дэн видел трех других Фестилов. Однако пятого ему уже не пережить. Теперь на трон воссел молодой двадцатилетний правитель, который пришел на смену Блейну. Этот юноша отличался завидным здоровьем; нет, старику уже не суждено узреть Фестила Четвертого на троне Гвиннеда.

Одна из служанок впустила их и разрыдалась, увидев Райса. Другие слуги работали в лавке, занимаясь обычными делами. Они тут же бросили свои дела, когда мимо них прошел Целитель.

Райс старался держаться поувереннее, когда шел мимо них к лестнице, ведущей в жилые комнаты, расположенные наверху, однако вскоре понял, что ему не удалось обмануть слуг своим видом, и нервно пробежал рукой по рыжим волосам.

Райсу не надо было показывать нужную дверь, ведь он так часто бывал здесь. Он вошел и увидел, что в комнате царил полумрак, тяжелые занавеси закрывали окна, кругом витал запах лекарств и приближающейся смерти. Незнакомый священник окроплял ложе святой водой и шептал молитвы! Райс испугался, что пришел слишком поздно. Он подождал у двери, пока священник закончит молитвы, затем подошел к постели.

— Мое имя — лорд Райс, отче, — сказал он. Зеленый плащ Целителя должен был объяснить священнику цель его прихода. — Он...

Церковник покачал головой.

— Пока нет, милорд. Я дал ему последнее причастие, и теперь нам остается только ждать. Он спрашивал о вас. Но боюсь, даже вы не сможете помочь ему, несмотря на все ваше искусство, сударь.

— Скорее всего, вы правы, отче. — Райс показал на дверь рукой. — Вы не могли бы нас оставить на пару минут? Он сказал, что перед смертью хочет поговорить со мной.

— Хорошо, милорд.

Когда за священником закрылась дверь, Райс приблизился к постели и взглянул в лицо умирающего. Серые глаза смотрели в потолок. Райс даже не был уверен, что эти глаза способны видеть.

Дыхание человека было слабым, еле заметным.

Райс подошел к окну и откинул занавеси, впустив в комнату свет и воздух. Затем взял изможденную старческую руку и нащупал пульс. Он осторожно наклонился к уху старика.

— Это я, Райс. Дэн, ты меня слышишь? Я пришел, как только смог.

Старик моргнул, губы дрогнули, и серые глаза медленно повернулись к молодому Дерини. Тонкая рука шевельнулась, Райс взял ее и улыбнулся.

— Тебе больно? Я могу помочь?

— Ты слишком нетерпелив, — прошептал старик. — Я еще не готов умирать. Священник чересчур спешит.

Его голос был крепче, чем Райс ожидал услышать. Целитель похлопал по старческой руке.

— Похоже, мне стоит передать слугам, что они зря льют слезы?

Старик улыбнулся и покачал головой.

— Нет, на этот раз мне не ускользнуть, черный ангел смерти уже близко. Я порой слышу шелест его крыльев. Но прежде чем уйти, я хочу, чтобы ты меня выслушал. Я не хочу, чтобы это ушло со мной. Ты много значишь для меня, Райс. Ты мог бы быть моим сыном, которого я потерял, или внуком

Последовала пауза.

— Интересно, где он сейчас?

— Твой внук? — спросил Райс. — Я и не знал, что у тебя есть внук.

— Пусть лучше думают, что он умер, как его отец. Он ушел, когда ему было девятнадцать лет, сразу после того как мы потеряли его отца. В тот год был погром. Но ты тогда был ребенком, а может, и вообще еще не родился. Так что ты не можешь помнить.

Райс рассмеялся.

— Как ты думаешь, сколько мне лет?

— Ты достаточно молод, чтобы найти себе дело поинтереснее, чем слушать болтовню старого брызги.

Дэн засмеялся.

— Но выслушай меня, Райс. Это очень важно

— Я весь внимание.

Старик глубоко вздохнул, затем обвел взглядом комнату.

— Знаешь ли ты, кто я такой? — спросил он тихо. Райс подняла бровь и нахмурился.

— Еще бы мне не знать! Ты — хитрый старый лис, но я все равно люблю тебя.

Дэн закрыл глаза и засмеялся, затем снова посмотрел в потолок.

— Райс, что случилось с Халдейнами после того, как ваши Дерини Фестилов нанесли удар, который уничтожил их власть? Ты думал об этом?

— Нет, — отозвался Райс, — я был уверен, что Ифор и вся его семья погибли во время переворота.

— Не совсем так. Один спасся. Один из самых младших принцев. Ему тогда было года три-четыре. Преданный слуга вынес его из замка, выдав за собственного незаконного сына. Но принцу не позволили забыть свое происхождение — его самозванный отец надеялся, что когда-нибудь Халдейны снова смогут одолеть ненавистных Фестилов и вернуть себе трон Гвиннеда. Однако этого не случилось. И сыну принца тоже не довелось вернуть себе трон предков. Сам принц должен быть сейчас глубоким стариком, если, конечно, он жив.

— Если он жив, — повторил Райс.

Вдруг он замолчал, внезапно поняв, что хочет сказать дальше старик.

Дэн кашлянул и глубоко вздохнул.

— Ну, давай, спрашивай. Я знаю, ты не поверишь мне, но это правда. В те времена мое имя было принц Эйдан. Если бы жизнь текла по-прежнему, я бы сделался королевским наместником в какой-нибудь дальней провинции, так как от трона меня отделяли еще трое принцев. Однако после гибели всех родичей я остался единственным наследником Халдейнов.

Он помолчал.

— У меня ни разу не появилась возможность вернуть трон. И у моего сына тоже. Он умер совсем молодым, да и времена были неподходящие. Но мой внук...

— Подожди минуточку, Дэн. — Брови Райса недоверчиво сдвинулись. — Так ты утверждаешь, что ты — принц Эйдан, полноправный наследник рода Халдейнов, и твой внук еще жив?

— Его королевское имя Синхил, принц Синхил Донал Ифор Халдейн, — проговорил Дэн. — Ему сейчас лет сорок или около того. Не помню точно. Ведь с тех пор, как я видел его в последний раз, прошло более двадцати лет. Он вступил в монашеский Орден, удалился от мира. Сейчас

он в безопасности, ведь его подлинное имя давно забыто, похоронено в памяти умерших. Я думал, что так будет лучше.

Он, замолчал, а Райс в изумлении смотрел на него. Он не мог переварить услышанное.

— Почему ты мне все это рассказал? — после долгой паузы спросил он.

— Я тебе верю.

— Но я, Дэн, я... Дерини, представитель расы, захватившей трон. Ты не мог забыть этого. Долго ли проживет твой внук, если кто-нибудь узнает его настоящее имя? Кроме того, ты сказал, что прошло больше двадцати лет, может, он давно умер?

Даниэл попытался привстать, но это движение заставило его закашляться. Жестокий кашель сотрясал его хрупкое старое тело. Райс помог ему сесть, попытался облегчить его мучения, а затем осторожно опустил на подушки. Когда заклинание подействовало, Даниэл громко проглотил слюну, махнул рукой, на которой виднелись дряблые голубые вены.

— Может, ты и прав. Может, я — последний из Халдейнов, и я прожил с пустой надеждой всю жизнь. Если так, то мой рассказ никому не принесет вреда. Но если я не последний

Его голос сорвался, и Райс снова покачал головой.

— Слишком много «если», Дэн. Все, что ты говоришь, может быть всего лишь предсмертным бредом выжившего из ума старика. А кроме того, что я могу сделать?

Дэн посмотрел в лицо Райса. Выцветшие серые глаза встретились с молодыми глазами золотистого цвета.

— Я — выживший из ума старик? Не слишком ли просто? Но ты же Дерини. Ты можешь читать мысли. Влезь мне в сознание, и узнаешь правду. Я не боюсь.

— Я не хочу касаться мыслей людей в таких ситуациях, — нерешительно сказал Райс, опустив глаза.

— Не глупи. Ты же исцелял меня. И не твоя вина, что от старости нет лекарства. Но ты можешь коснуться моего сознания, Райс. Ты можешь убедиться, что я сказал тебе правду

Райс оглянулся на закрытую дверь, затем снова посмотрел на Даниэля Тряпичника, а может, на принца Эйдана Халдейна. Он посмотрел на руку старика, все еще сжимающую его ладонь, нащупал пульс и медленно поднял глаза.

— Ты слишком слаб. Это опасно. Ты близок к смерти, и сейчас на моем месте с тобой должен был бы быть священник

— Но я уже закончил с Церковью, к тому же мои слова не предназначены ей, — прошептал Даниэль. — Пожалуй-ста, Райс, уважь старика.

— Это может убить тебя, — возражал Райс.

— Тогда я умру. Ведь я и так умру. Правда важнее, чем несколько минут жизни. Торопись, Райс, времени в обрез.

Райс со вздохом присел на край постели. Он взял руку старика и сжал ее между ладонями. Затем посмотрел прямо в серые глаза Даниеля и заставил их закрыться. Выцветшие ресницы затрепетали и повиновались. Райс распространил свои чувства, взял контроль в свои руки и проник в разум.

Кружащаяся серая мгла поглотила его, иногда в нее врывались проблески света и звука, будто Райс шел сквозь сплошной туман. Только этим туманом была смерть, и мгла уже заслонила самые дальние углы разума Дэна. Изредка мелькавшие изображения были неразборчивы. Райс продвигался все дальше и дальше, не задерживаясь у нечетких картин.

Ага, вот оно! Неуловимый призрачный образ юноши. Райс каким-то образом понял, что это сын Дэна с ребенком на руках. Этот ребенок — Синхил?

Вот тот же человек, но гораздо старше. Он лежит в гробу, вокруг него свечи. Красивое лицо его отмечено смертной печалью. Темноволосый юноша и старик стоят в дверях. К мертвому их притягивает любовь, но страх мешает подойти ближе. У юноши иссиня-черные волосы и серые глаза Халдейнов. Затем эти образы исчезли.

Снова мрак, густой, черный, почти непроходимый. Но в этом мраке сгусток напряжения, безумного страха и крики, жуткие крики людей, молящих жестоких убийц о пощаде.

Он стал ребенком, дрожащим от страха. Он всхлипывал, прячась под лестницей. Вокруг бегали и кричали люди, огонь лизал стены замка, его вспышки озаряли зловещим светом все вокруг.

Солдаты схватили двух мальчиков постарше, его братьев. Они потащили братьев во двор, уже весь забрызганный кровью. Солдаты с наслаждением начали убивать их, рубить мечами. Сверкающая сталь, от которой отлетали красные брызги, поднималась и опускалась со свистом, снова поднималась и снова опускалась на то, что раньше было молодыми телами, а теперь превратилось в окровавленные бесформенные лохмотья.

Сестра его была прижата солдатами к каменной стене и в ужасе смотрела на происходящее. Затем раздался душераздирающий крик, и ее тело под гогот солдат взметнулось к небу на пике.

А вот его отец. Высокий, сероглазый, его одежда покрыта запекшейся кровью. У него нет никакого ору-

жия, кроме кинжала в руке. Он с неистовыми криками пытался пробиться к своей королеве.

Дождь стрел обрушился на короля. Они поразили его, и он рухнул, как попавшее в ловушку дикое животное. Солдаты еще долго боялись подойти к его безжизненному телу

И крики его матери, когда солдаты с хохотом раздвинули ей ноги и выдернули живого, еще не родившегося ребенка из чрева...

Райс отпрянул от жуткого зрелища и прервал контакт, будучи больше не в силах смотреть на это. Оглушенный всем, что он видел, он опустил глаза и посмотрел на свои руки. Они дрожали.

Стараясь успокоить их, он несколько раз глубоко вздохнул, заставил сердце войти в нормальный ритм и наконец ощутил, что вернулся в привычный мир. Он мягко погладил руку старика, приведя его в сознание. Слезы жгли глаза Райса, и он с трудом сдерживал их.

— Дэн, — прошептал он, — принц Эйдан!

Серые глаза открылись. Бескровные губы шевельнулись.

— Ты видел?

Райс кивнул. В его глазах таилось изумление, скованное ужасом.

— Значит, ты веришь, что я говорю правду? — спросил Дэн. — Сохранишь ли ты в тайне все это до той поры, когда появится шанс вернуть трон Халдейнам?

— Сейчас на троне король-Дерини, Дэн. Ты хочешь, чтобы я предал его ради твоего внука?

— Смотри и молись, Райс. И спрашивай себя, достоин ли этот человек на троне золотой короны. Спрашивай себя, такого ли ты хочешь короля для себя, своих детей, детей своих детей. И настанет время, когда ты придешь к решению, — я уверен, что ты к нему придешь, — и поддержишь моего внука. Когда я уйду, ты один будешь знать правду, Райс.

— Друг мой, то, о чем ты говоришь, — это измена! — пробормотал Райс. Он опустил глаза, но вдруг снова вспомнил все, что видел. — И все же придет время и я встану на его сторону.

— Да хранит тебя Господь, сын мой.

Старик улыбнулся. Он протянул руку и вытер слезу Райса.

— А ведь я когда-то был готов проклясть Дерини...

Он замолчал. Grimаса боли искажала его лицо.

— У меня на шее висит монета, серебряная монета. Говорят, что она отчеканена в аббатстве, где Синхил, мой внук, принял обет. Его имя в монашестве...

Старик стал задыхаться, и Райс наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

— Ну же, Дэн. Его имя?

— Его зовут Бенедикт. Он... Халдейн... Король...

Райс склонил голову и, закрыв глаза, автоматически нащупал пульс. Но он знал, что на этот раз уже ничего не почувствует. Он опустил на колени и простоял так несколько минут, затем, покачив головой, сложил руки старика на недвижимой груди и закрыл безжизненные глаза мертвеца. Райс перекрестился и отвернулся. Он был уже у двери и вдруг вспомнил о монете. Целитель быстро вернулся и снял ее с шеи друга.

Хотя Райс мог разобрать слова, выбитые на ней, для него они были лишены всякого смысла, и он вдруг понял, что Даниель назвал ему только монашеское имя внука — Бенедикт, но не сказал, как того звали до вступления в Орден. И если Райс решит отыскать этого человека, задача будет очень непростой.

Взволнованный, он опустил монету в кошелек на поясе и пошел к двери. Здесь он остановился, чтобы успокоиться и предстать перед слугами и священником, как подобает.

Бросив последний взгляд на старика, он открыл дверь.

— Все кончено, милорд? — спросил священник. Райс кивнул.

— Конец был легким. Он отошел почти без мучений.

Священник поклонился и вошел к усопшему для заупокойной молитвы. Слуги опустились на колени у дверей. Многие из них заливались слезами.

Райс, внезапно ощутив себя очень усталым, медленно спустился по лестнице к ожидавшему его Гиффору.

Слуга стоял, прижимая к груди лекарскую сумку Райса, выжидательно глядя на господина.

— Все кончено, милорд?

Райс кивнул, знаком велел слуге открыть дверь и вышел из лавки. «Да, все кончено, — думал он на ходу. — Или все только начинается?»

ГЛАВА III

**Представь возле себя место врачу,
так как Бог создал его, и не отпускай
его от себя, так как он может тебе
понадобиться.¹**

На другое утро зарядил противный моросящий дождь, и Райс Турин промок насквозь, когда наконец остановил коня у ворот аббатства святого Лиамы. Он скакал ночь напролет, один, без свиты и охраны – так не давала ему покоя загадка монеты, взятой у мертвеца.

Соскочив с седла, Райс завел жеребца на конюшню и передал поводья слуге, чтобы тот позаботился об усталом животном. Дорожный плащ Райса был весь в грязи, вода со шляпы и с волос лилась ручьями – но он не замечал этого, жадно осматриваясь по сторонам.

Именно здесь они с Джоремом учились, еще до того, как он открыл в себе дар Целителя. В памяти всплыли картины беззаботной юности

Однако отнюдь не тоска по минувшим дням привела его сюда. Здесь, в аббатстве, жил единственный человек, кто, возможно, сумел бы помочь Райсу определить происхождение таинственной монеты – Джорем Мак-Рори ныне возглавлял монастырскую школу. Если информация Райса подтвердится и этот Бенедикт, который сейчас находится в каком-то монастыре, действительно наследник Дома Халдейнов, то именно Джорем Мак-Рори должен знать, как лучше распорядиться этой тайной.

С тяжким вздохом Райс стянул с головы промокшую шляпу и, пригладив рукой влажные волосы, двинулся по крытой галерее в главное здание.

Конечно, Джорема в этот час там не могло быть. Капитул каноников закончился уже давно, когда воспитанники школы еще не поднялись.

Однако классы и квартиры преподавателей были в этом же здании — если он не найдет самого Джорема, то, весьма вероятно, встретит кого-нибудь, кто сможет сказать, где находится молодой священник.

Райс отошел в сторону, пропуская колонну воспитанников, которые явно очень гордились своими голубыми одеяниями с вышитой на груди эмблемой святого Лиамы. Затем он прошел в главный зал, куда выходили двери всех классных комнат, и там заметил знакомого священника. Райс подошел к нему с почтительным поклоном.

— Доброе утро, отец Доминик. Вы не скажете, где мне найти отца Мак-Рори?

Старый священник хмуро посмотрел на него, но когда узнал Райса, лицо его просветлело.

— О, да это Райс Турин! Ты учился у нас когда-то!

Райс улыбнулся и снова поклонился.

— Я польщен, что вы меня помните, отче.

Глаза священника заметили знак Целителя на тунике Райса, и теперь уже он поклонился почтительно.

— Как я мог забыть вас, милорд? Ваше высокое предназначение уже тогда было для меня очевидно.

Он осмотрелся вокруг, как будто забыл, где находится. Затем с улыбкой повернулся к Райсу.

— Вы ищите отца Джорема? Сейчас он в библиотеке. Вам повезло, что вы его застали: еще немного, и он уехал бы домой, на праздник святого Михаила.

— Да, я знаю. Я тоже приглашен к Мак-Рори на праздник, так что специально приехал пораньше, чтобы потом ехать вместе с ним.

— Не буду задерживать вас. Хранит вас Господь, сын мой.

— Благодарю, отче.

Райс повернулся к выходу из здания и пошел по крутой лестнице в библиотеку. Отец Доминик не соврал. Джорем действительно был там в одной из келий.

Он сидел, задрав ноги на стол, книга лежала у него на коленях, повернутая так, чтобы на нее падал свет из окна, по которому струилась вода. Увидев вошедшего Райса, Джорем приветливо улыбнулся.

— Райс, старина, ты похож на мокрую курицу! Что тебя занесло сюда в такую погоду? Ведь мы увиделись бы завтра у нас дома!

Райс помолчал. Он вынул из кошелька монету, посмотрел на нее и опустил серебряный кружок в руку Джорема.

— Ты видел когда-нибудь что-то подобное? — спросил он.

Джорем несколько минут внимательно рассматривал ее.

Отец Джорем Мак-Рори был высок, строен и светловолос, как его отец. Он обладал исключительной способностью выглядеть настоящим щеголем, будь то во время служения большой мессы или после утомительной охоты на оленя.

Сейчас на нем была простая сутана и накидка с капюшоном. Капюшон был откинут на плечи и открывал голову с кружевом тонзуры. Ноги, обутые в сандалии, покоились на краю стола. Узкие пальцы вертели монету. Джорем читал надпись.

Однако внешнее величие этого человека вовсе не было наигранным. В возрасте двадцати лет он был возведен в сан самим архиепископом Валоретским, и всем было ясно, что этому юноше предстоит занять самые высокие посты в церковной иерархии.

Как младший сын богатого дома с широкими связями он бы и так далеко пошел, даже если бы не обладал блестящими способностями в науках и в чтении человеческих душ. Он во всем был сыном своего отца. Он мог бы добиться многого на любой стезе, по которой бы пошел. В мире, где он жил, много значили политические связи.

Действительно, даже в религиозной жизни нельзя было обойтись без связей, если человек хотел войти в высшие круги аристократии Дерини. В прошлом столетии религиозная верхушка была духовным и интеллектуальным рупором, разоблачавшим все недостатки правящего режима и аристократической верхушки. Но этот Орден был и боевым Орденом. Его рыцари не раз приносили славу в свою обитель. Такова была церковь Гвиннеда.

И сам Джорем не мог полностью отказаться от политических интриг и связей, несмотря на все свои страстные разоблачения, выступления и призывы. Ему не позволили забыть, что его отец Камбер был когда-то высокопоставленным чиновником, даже советником короля, одним из его фаворитов.

Для посвященных причина отставки Камбера не была тайной. Хотя в официальном сообщении говорилось, что Камбер желает оставить государственную службу, потому что он уже недостаточно молод и хочет продолжить занятия наукой, но всем было известно, что Камбер не одобрял

политику молодого Имре. Камбер Мак-Рори был не тот человек, который станет служить короне, носителя которой он не уважает.

Положение Джорема усложнялось еще и тем, что его старший брат Катан был другом Имре и по просьбе самого короля занял место, которое освободилось после ухода Камбера. Однако вражды между сыном и отцом не возникало. Камбер хорошо понимал, что молодой и более гибкий человек сможет лучше воздействовать разумом на необузданный нрав короля. В этих способностях Катана Камбер не сомневался.

Но выход Катана на политическую арену еще больше усложнил положение Джорема, еще больше увеличил его трудности, которые он и так в полной мере унаследовал от отца.

Джорем и Райс не раз обсуждали эту проблему за бутылкой доброго вина долгими зимними ночами, когда ветер завывал в трубах камина и бился в окна.

Сам Райс считал, что врач, как и священник, должен оставаться нейтральным, несмотря на все попытки втянуть его в политические дразги. Однако сейчас его принцип нейтралитета был поколеблен, как никогда раньше, словами умирающего старика и этой старой монетой, которую вертели узкие пальцы священника.

— Где ты ее взял? — спросил Джорем.

В его голосе не было ни тени подозрительности, только любопытство.

— Сейчас это не имеет значения, — ответил Райс. — Что это такое?

— Это монастырская монета. Она вручается тем, кто вступает в старое религиозное общество-братство. Теперь таких не делают.

— Ты можешь сказать, откуда она? — Райс попытался скрыть нетерпение. — Из какого она монастыря?

— Хм-м. Я могу сказать приблизительно, но тебе ведь нужно точно. Идем посмотрим.

Райс молча встал и пошел за Джоремом в главный зал библиотеки. Они шли мимо монахов, склонившихся над древними рукописями, мимо переписчиков, копировавших древние манускрипты и книги. Наконец они подошли к закрытой двери, у которой сидел древний монах, охранявший вход.

Джорем прошептал ему что-то, затем поклонился и отодвинул засов. Он взял подсвечник со свечами, открыл дверь и пригласил Райса следовать за собой.

Они прошли в тесную комнату, заставленную шкафами с книгами, свитками, рукописями. Тома были

старые, растрепанные, и все они были прикованы цепями, длина которых позволяла достать нужный том и положить его на ближайший столик для чтения.

Передав свечу Райсу, Джорем внимательно просматривал ряды книг, затем достал пыльный том и прочел название. После этого он поставил его обратно в шкаф и достал другой. Джорем открыл его и начал просматривать, изредка поглядывая на монету. Райс старался заглянуть ему через плечо.

— Я не ошибся. Она отчеканена в святом Ярлате. Этот монастырь недалеко отсюда. Сам святой Ярлат был епископом Меары в VI веке, если не ошибаюсь.

Райс опустил глаза, помолчал.

— Где же это?

— В Барвике.

— Ты сказал, это недалеко. А поточнее?

— О, пару часов езды. Почему он тебя так интересует?

— Я...

Райс помолчал, затем заговорил более осторожно:

— Вчера умер один старик, Джорем. Мой пациент. Его внук постригся в монахи в аббатстве святого Ярлата двадцать лет назад. Мне нужно его найти.

— Чтобы сообщить о смерти деда?

— Да.

Джорем положил книгу в шкаф и с любопытством посмотрел на Райса.

— И что потом? — спросил он. — Райс, это глупо. Если он стал монахом двадцать лет назад, то наверняка уже умер. А если и нет, то он уже дряхлый старец. Чего ты добьешься? Чтобы он помолился за своего предка? Так он и без того делал это все двадцать лет. Может, старик оставил ему наследство или еще что-нибудь?

— Может быть, — пробормотал Райс. Он взял монету из рук священника и стал рассматривать ее, чтобы не встречаться с взглядом Джорема. Тот нахмурился и скрестил руки на груди.

— Что ты имеешь в виду? Если старик что-либо оставил внуку, то все это принадлежит Ордену. Ты ведь знаешь, что монах не имеет права на собственность.

Райс улыбнулся.

— Не в этом случае, друг мой. Такого наследства монахам не потянуть...

— А поточнее нельзя? Что ты темнишь? Все церковные законы о владении имуществом тебе известны не хуже моего. Кто этот монах?

Райс помолчал, затем нервно облизал губы.

— Все, что ты сказал, — правда. По крайней мере, при обычных обстоятельствах, — прошептал он, затем поднял глаза. — Но это не обычный случай, Джорем. Мы должны найти его. Пусть Бог поможет нам и ему, но мы должны найти его. Его отец давно умер, а теперь умер и дед. Но этим дедом был Эйдан Халдейн, младший сын короля Ифора! Так что наш монах — полноправный король Гвиннеда!

Челюсть Джорема отвисла, и он воззрился на Целителя.

— Полноправный наследник Халдейнов?

Райс осторожно кивнул. Джорем, как слепой, нащупал за собой скамью и опустился на нее.

— Райс, ты понимаешь, что говоришь?

— Я стараюсь не думать о политической подоплеке, если ты это имеешь в виду. Но ведь мы можем сказать всем, что просто ищем монаха, у которого умер дед. К тому же, возможно, ты и прав, и монах этот давным-давно помер

— А что если он жив? — спросил Джорем. — Райс, ты можешь не думать об этом, но я уверен, что в глубине души ты стараешься заглянуть вперед. Если то, что ты сказал, правда...

Со вздохом Райс сел рядом со священником.

— Я знаю, — прошептал он после долгого молчания. — И все же мечтания согревают мне душу. Видит Бог, я не создан для политики, Джорем, но... — Он опустил голову. — У меня был друг, — сказал он, — я держал его руку в последний час, и он оставил мне самое ценное свое состояние — имя своего внука. Он сказал, что мы можем иметь на троне нечто, отличное от того, что мы имеем. Он сказал: «Спроси себя — достоин ли нынешний король своего титула?» Он сказал: «Спроси себя — такого ли короля ты хочешь для себя, своих детей, детей своих детей? Тогда ты решишь».

— И ты решил?

Райс покачал головой.

— Пока нет. Не уверен, что я или ты, или любой другой может принять такое решение в одиночку. — Он посмотрел на Джорема. — Но я думал над словами старого Дэна и пришел к выводу, что мы должны найти его внука.

— Чтобы сказать ему о смерти дсда? — спросил Джорем. Райс бросил быстрый взгляд на друга, стараясь найти следы насмешки на его лице. Но насмешки не было. Губы Джорема лишь тронула мягкая улыбка.

— Благодарю тебя, — сказал Райс просто. — Вот почему люблю иметь дело с вами, михайлинцами! Решимости вам не занимать.

Джорем встал и, ухмыльнувшись, хлопнул друга по плечу.
— Это верно. — Он взял свечу. — Что ж, вперед на поиски монаха! Я уверен, он пожелает помолиться за упокой души своего деда!

* * *

Через полчаса Райс и Джорем уже выехали из святого Лиамы, держа путь сквозь дождь и ветер к маленькой деревушке Барвик, где находился святой Ярлат. Джорем, поняв всю значимость сказанного Райсом, тут же распорядился относительно свежих лошадей для себя и Целителя и объяснил, что он выезжает раньше, чем предполагал.

Пока он переодевался в своей комнате, Райс посвятил его во все подробности вчерашнего дня. Затем они вскочили на прекрасных чистокровных лошадей и выехали со двора.

До Барвика друзья добрались, когда уже стемнело, а сами они насквозь промокли и совсем ооченели.

— Где же монастырь? — прохрипел Райс, когда они остановились под деревом на площади.

Джорем вытер мокрое лицо и, привстав на стременах, стал осматриваться.

— По-моему, где-то там, — он показал на север рукой в мокрой перчатке. — Но пустят ли нас так поздно? Ну, поехали.

Со вздохом Райс опустилс в седло и двинулся за Джорем, тщетно стараясь защититься от воды, льющейся за воротник.

Он уже засомневался, что вообще когда-нибудь сможет выдохнуть и согреться, и начал думать, нужно ли было это путешествие вообще.

И тут перед ним появилась темная громада монастыря. Возблагодарив Бога, они остановились у ворот, и Джорем дернул за веревку. После этого он спрыгнул с коня, собираясь стучать в ворота каблуками, но прежде чем он осуществил свое намерение, появилась щель в воротах, и в ней показался испуганный беспокойный глаз.

— Бога ради, вы снесете ворота, — сказал человек, поежившись от дождя. — Почему бы вам не вернуться в деревню? Там есть гостиница, где вы можете провести ночь.

— Я хочу поговорить с настоятелем, — сказал Джорем. — А пока прояви христианское милосердие и дай нам войти, чтобы укрыться от дождя.

Повелительный тон Джорема заставил человека по ту сторону ворот заколебаться, но затем он покачал головой.

— Мне очень жаль, сэр, но мы не открываем ворота после наступления темноты. Разбойники, воры — вы же знаете... Кроме того, сегодня вы не сможете увидеть настоятеля, он болен и лежит в постели. Приезжайте утром.

— Добрый человек, мое имя — Джорем Мак-Рори. Я из Ордена михайлинцев. Мой спутник — лорд Райс Турин. Уверю тебя, что мы не стали бы ломиться сюда в такую погоду, если бы наше дело не было спешным. Ты откроешь ворота, или мне придется доложить завтра настоятелю о твоём упрямстве?

Глаза человека расширились от испуга. Он поклонился, и щель пропала. Секундой позже открылись ворота, монах все кланялся и кланялся, пропуская их.

Служка в грубой коричневой рясе уже готов был принять их лошадей, а другой монах в темно-серой сутане приветствовал их и пригласил следовать за ним.

Пока они шли за монахом по длинным коридорам, тот не сказал ни слова.

Они проходили мимо других монахов, которые, казалось, даже не замечали их.

Наконец друзья привели в маленькую комнату, в которой горели ароматические свечи, пахло травами и в каменном камине пылал огонь. Монах, приведший их, указал на сухие покрывала и сказал, что они могут погреться перед камином. Затем он исчез за тяжелой резной дверью, которая бесшумно закрылась за ним.

Джорем немедленно скинул мокрую шляпу и перчатки, снял плащ и повесил его сушиться.

— Сейчас нам принесут что-нибудь сухое переодеться, — сказал он, стянул сапоги и начал снимать тунику. — А пока давай-ка скинем с себя эти мокрые тряпки, пока не подхватили простуду!

Райс ухмыльнулся в ответ и последовал его примеру. Завернувшись, как в кокон, в сухое монашеское покрывало, он пристроился поближе к огню. От его мокрых волос пошел пар. Рядом с ним уселся Джорем, который, несмотря на беспорядок в одежде, каждым своим дюймоном выглядел, как лорд, нисколько не потерявший своего величия. Райс с завистью покосился на него и решил, что ему никогда не удастся увидеть Джорема в неподобающем виде.

Дверь тихо отворилась, и оба они встали, когда в комнату вошли два человека. Первый был, вероятно, аббат монастыря. Серебро сверкало у него на пальцах и на гру-

ди, одежда была ярко-красного цвета, откинутый назад капюшон сутаны открывал бритую голову. У носа он держал большой платок, поминутно громко сморкаясь в него. Монах, сопровождавший его, нес на руке две сухие сутаны. Джорем поклонился и поцеловал перстень аббата.

— Благодарю, что вы пришли к нам, достопочтимый отец. Я отец Мак-Рори, а это — лорд Райс Турин, Целитель.

Райс тоже поклонился и поцеловал перстень.

— Мы очень признательны за гостеприимство.

Аббат ответил им поклоном.

— Не надо церемоний, отче, и примите, пожалуйста, сухую одежду, которую принес Эгберт. Я — Григори Арденский, аббат монастыря святого Ярлата.

Он снова оглушительно чихнул, поднеся к носу платок. Брат Эгберт помог Райсу и Джорему одеться, после чего вышел из комнаты. Аббат подошел к камину и приложил руки к теплому камню.

— Мне передали, что вы из Ордена святого Михаила, отче,— сказал он простуженным голосом. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Джорем обескураживающе улыбнулся и затянул веревку на талии.

— Мы бы хотели посмотреть списки вступивших в ваш Орден за последние несколько лет, отец аббат.

— Это официальная проверка?

— О, нет! Мы здесь по личному делу, как душеприказчики.

— Ясно.

Аббат явно почувствовал облегчение.

— Это можно устроить. Но если вы ищите конкретного человека, то он уже принял последний обет, а значит, не сможет увидаться с вами.

Райс искоса посмотрел на друга, затем откашлялся.

— Простите меня, отче, но, возможно, отец Джорем неявно выразился. Он выполняет мою просьбу. Дед человека, которого мы ищем, был моим пациентом долгие годы вплоть до смерти. На смертном одре он просил, чтобы я отыскал его внука и попросил молиться о душе усопшего. Ведь вы не откажете старику в его последней просьбе?

Аббат поднял бровь, затем пожал плечами.

— Конечно, это можно ему передать. Каждый человек имеет право оплакивать близких, даже если весь остальной мир рушится. Как его зовут? Может, я могу прямо сейчас сказать вам, где он.

— Бенедикт. А в миру... дед пожелал, чтобы прежнее имя внука осталось в тайне, — ответил Джорем. — Можем мы немедленно взглянуть на записи?

— Сейчас?! — Аббат с изумлением взглянул на Джорема. — Разве это не может подождать до утра?

— Дед этого человека испытывает большую потребность в молитве, — невозмутимо солгал Джорем. — Мы обещали ему найти его внука как можно быстрее. Кроме того, мы не хотим нарушать покой вашего монастыря дольше, чем необходимо. Если кто-нибудь из братьев проведет нас в архив и снабдит свечой или лампой, то мы будем очень благодарны.

— Понимаю.

Аббат снова пожал плечами и поклонился. По всему было видно, что он ничего не понял.

— Хорошо. Брат Эгберт покажет вам записи и даст все необходимое. Может, вы, господа, присоединитесь к нам на утренней мессе, а потом разделите с нами трапезу?

— Большая честь для нас, отче. — Джорем поклонился.

— Благодарим, достопочтимый.

Кинув недоверчивый взгляд на них и приложив платок к красному носу, аббат вышел из комнаты и скрылся в темноте коридора. Брат Эгберт повел их в противоположную сторону.

Перед большой тяжелой дверью они зажгли свечи, и монах открыл ее тяжелым железным ключом. Он указал на шкаф в дальнем углу библиотеки, заполненный туго свернутыми свитками — списками вступающих в монастырь, затем поклонился и исчез.

Когда скрип двери подтвердил его уход, Джорем поставил свечу на стол и вытащил один из свитков. Расстелив его на столе, священник быстро просмотрел заглавие.

— Decimus Blainus — десятый год правления короля Блейна. Это было не так давно. Даниель сказал, что мальчик ушел в монастырь двадцать лет назад?

Райс кивнул.

— Даже раньше, по его словам. Но лучше нам проверить лет пять-десять до и после этого. Дэн говорил, его внуку было тогда всего девятнадцать лет, но он все же был глубоким стариком и вполне мог спутать даты.

— Ладно. Двадцать лет — это 883-й год, как раз перед кончиной Фестила Третьего. Давай проверим за десять лет до этого, и пять лет спустя. Жаль только, нам неизвестно, как парня звали в миру, а родовое имя в церковные анналы не вносится. С другой стороны, много ли людей за пятнадцать лет

взяли имя Бенедикт? Так что подбирай мне списки по годам, а я буду их просматривать.

Однако оптимизм Джорема оказался преждевременным. К тому времени, как Райс вернулся со свитками, перьями и чернилами, священник нашел уже четырех Бенедиктов.

Райс положил все на стол и взглянул через плечо друга.

— Рольф, сын Керрола, принят в Орден Бербилан и принял имя Бенедикт, находится в монастыре святого Пирана. Аволь, сын Джона Годдсикта, принят в Орегонто, взял имя Бенедикт и послан в монастырь святого Илатида. Генрих, младший сын графа Дегена. Ну, этого мы можем исключить. Отец не подходит. Джозаф, сын мастера Гилларди... имя Бенедикт... святой Ултэн. И это всего за одиннадцать лет!

Райс вздохнул, сел за стол, обмакнул перо в чернила и приготовился писать.

— Начнем с этих троих. Те, что раньше, наверное, уже отдали Богу душу. Да и наш тоже мог умереть. Ну, давай, я буду записывать.

— Хорошо. — Джорем вздохнул. — У нас будет долгая ночь.

Через три часа они составили список из шестнадцати имен, правда, троих из них они могли исключить сразу как отпрысков известных дворянских фамилий. К несчастью, они не знали имени отца, а сведений о более дальних предках не было.

Так что в списке осталось тринадцать имен. Проверив по возрасту, они сократили число претендентов до десяти.

Теперь следовало найти списки умерших, чтобы удостовериться, кто из этих десяти еще жив.

В восточные окна библиотеки уже пробивался слабый свет, предвестник близкого рассвета.

Утро наступило, когда последний список был просмотрен и занял свое место в шкафу.

Друзья откинулись на спинки кресел и расслабились.

— Пятеро еще живы, и возраст подходящий, — пробормотал Джорем.

Он повернулся и громко зевнул.

— Хорошо, что мы настояли на том, чтобы прийти сюда сразу же. Представляешь, что было бы, если бы все монахи монастыря сейчас дышали нам в затылок, пытаясь понять, чем мы занимаемся?

Райс отложил перо, пошевелил уставшими пальцами, поднял со стола исписанный лист. Глаза его воспалились от бессонной ночи, но дело было сделано.

Эндрю, сын Джеймса, сорок пять лет, монастырь святого Пирана.

Никлас, сын Ройстона, сорок три года, аббатство святого Фоиллана.

Джон, сын Даниеля, сорок два года, монастырь святого Пирана.

Роберт, сын Петера, тридцать девять лет, монастырь святого Ултэна.

Мэтьюз, сын Карла, сорок шесть лет, монастырь святого Иллтида.

Он еще раз просмотрел лист, затем аккуратно сложил его и спрятал.

— Святой Ултэн в Мурине, на побережье, святой Фоиллан — в горах Лендура, три дня пути на восток отсюда. Я думаю, нам сначала надо направиться в святой Пиран. Этот Джон, сын Даниеля, у меня как-то ассоциируется с родом Халдейнов. Имя Джон напоминает имя Ифор. И тут еще Даниель. Тряпичник мог назвать своего сына тоже Даниелем.

— А если все Бенедикты в святом Пиране — не те, кто нам нужен, тогда что?

— Тогда попытаем счастья в святом Фоиллане, святом Ултэне и даже в святом Иллтиде, хотя мне очень не хочется в это время года ехать в Найфорд. Надеюсь, что ты находишься в лучшей форме и съездишь сам.

Он со страдальческой миной потер свой зад, а Райс усмехнулся. Собрав все черновики, Райс приготовился сложить их в корзину для бумаг, но Джорем забрал их и, поднеся к пламени свечи, терпеливо ждал, когда они превратятся в пепел. Райс ничего не сказал, но когда все было кончено, повернулся к Джорему.

— Ты только что уничтожил остатки моей невинности, — сказал он. — До этого момента мы могли говорить, что ищем просто брата Бенедикта. И пока мы его не нашли, мы в безопасности, но когда мы его найдем, тогда что? Что нам останется, кроме как низвергнуть узурпатора и восстановить на троне подлинного короля?

Джорем поднял свечу и повернулся к Райсу. Его лицо, освещенное снизу мерцающим желтым светом, выглядело каким-то сверхъестественно-призрачным.

— Да, это настоящая измена; даже просто искать его, не думая о восстановлении на престоле, — это тоже измена. Но, с другой стороны, вся эта история может кончиться очень быстро. Может оказаться, что наш брат Бенедикт, если еще жив, настолько не годится для короны после двадцати лет монастырской жизни, что даже Имре покажется нам хорошим королем.

— О Боже, я и не думал о такой возможности.

— А это вполне вероятно.

Джорем рассмеялся.

— Но подумай сам; даже если он захочет нарушить обет и заявить о своих правах на престол, что вовсе не очевидно, то это только начало. Человек может быть рожден королем, но если он не получил воспитания и образования, необходимого королю, то ему будет очень трудно. Даже мы, михайлинцы, как бы мы не ругали Имре и его политику, не решимся поддерживать такого человека.

Он поджал губы, не сводя взгляда со свечи.

— Имре объявил новый налог на строительство столицы в Найфорде. Все страшно возмущены. Но свергнуть с трона короля — это чересчур даже для михайлинцев.

Райс долго молча смотрел на него, затем опустил глаза.

— Твои михайлинцы получают те сведения, которыми мы располагаем?

— Может быть, — пробормотал Джорем. Райс поднял голову.

— Ты не хочешь сообщить им?

— Ты же понимаешь, что я один не могу принимать решения, — отозвался Джорем. — Может, во мне говорит осторожность, а может, я помню, что мы все время ходим по острию ножа. Во всяком случае, если мы найдем Синхила и он окажется вполне подходящим для королевского сана, то нам придется подключить других людей. Мне бы хотелось, если ты не будешь возражать, рассказать обо всем отцу.

— Камберу? — выдохнул Райс. — Если Камбер решит, что вернуть трон Халдейнам — это единственный выход, то я с надеждой буду смотреть в будущее.

— Ну, ладно. — Джорем снова зевнул. — Тогда пойдем поспим немного. Скоро нас позовут к утренней мессе.

ГЛАВА IV

Слушайся совета и принимай обличение, чтобы сделаться тебе впоследствии мудрым.¹

Спать им почти не пришлось. Не успели друзья переступить порог отведенной им кельи и расстелить постель, как пришло время утренней молитвы.

Они едва успели сомкнуть глаза — а в дверях уже возник хмурый монах. Сурово застыв в дверях, точно бдительный страж, он не ушел, пока гости с кряхтением не поднялись и не принялись одеваться.

Райса подобная строгость удивила, но Джорем, когда они наконец остались одни, лишь рассмеялся в ответ на жалобы приятеля, напомнив тому, что они находятся не где-нибудь, а в монастыре. Для монахов они — обычные путники, которых пустили сюда на ночлег, а потому они обязаны отплатить за гостеприимство, приняв участие в общей молитве, очищающей душу от грехов.

Райс согласился, что молитва — не слишком большая плата за такое благодеяние, как крыша над головой, однако усталость от бессонной ночи давала себя знать, и он отнюдь не был готов воспарить душою вместе со всей братией, и потому лишь с большой неохотой последовал за Джоремом в монастырскую церковь, тщетно пытаясь изобразить на лице покорность и смирение, которых совершенно не испытывал.

Богослужение затянулось почти на все утро, после чего аббат пригласил гостей разделить с ним трапезу и засыпал вопросами о последних вестях из столицы. Когда наконец они смог-

¹ Притчи 19:20

ли выйти на улицу, над ними было хмурое бессолнечное небо, вновь обещающее дождь.

Лошади уже отдохнули и были готовы к поездке. Их копыта высекали искры из булыжников, которыми был вымощен двор монастыря. Но когда они выехали на улицу, задорный цокот копыт превратился в глухое хлюпанье и чавканье — вся дорога представляла собой жидкое месиво. Снова начался дождь, и, не проехав и двух миль, они уже снова вымокли до нитки.

Дождь преследовал их до полудня, и только когда они добрались до владений Мак-Рори, он превратился в надоедливую водяную пыль.

Всадники поднялись на последний холм перед деревней, и их глазам открылся величественный замок — Кайрори.

Это был замок Камбера, Серо-зеленые крыши, отмытые до блеска дождем, весело сверкали, как изумруды. Два друга постояли на вершине холма, переглянулись, как заговорщики, затем расхохотались и пустили лошадей вскачь вниз по склону, ведущему к деревне. Они подхлестывали лошадей, свистели, гикали — в общем, вели себя, как расшалившиеся мальчишки.

Они с шумом скакали по деревне, распугивая кур, собак и детей. Вдруг они увидели старого слугу Мак-Рори, стоявшего с двумя лошадьми у маленькой деревянной церкви.

Одну из них молодые люди узнали сразу же.

Они остановились, слуга взглянул на них и всплеснул руками. На его лице отразилась неописуемая радость.

— Отец Джорем!

Джорем с улыбкой спрыгнул с седла и тепло обнял старого слугу.

— Сэм, старина, как поживаешь? Это лошадь моей сестры?

— Да, отче, ее. — Слуга хмыкнул. — Леди сейчас преподает детям катехизис. Она скоро выйдет. Может, подождете и вернемся в замок вместе?

— Теперь-то я точно никуда не уеду! — воскликнул Джорем и с улыбкой повернулся к Райсу, который спешил подчеркнуть лениво и безразлично.

— Райс, ты помнишь Сэма?

— Конечно. Как дела, Сэм?

Райс пожал старику руку.

Сэм, очень довольный, поклонился, затем вдруг посерьезнел и опустил глаза.

— Вы, видно, ничего не слышали об убийстве, раз не задаете вопросов?

40

— О каком еще убийстве?!

Райс посмотрел на Джорема, а священник положил руку на плечо старого слуги.

— Что случилось, Сэм? Кто убит?

Сэм пожевал губу и взволнованно посмотрел на Джорема.

— Один Дерини, отче. Его убили в деревне несколько дней назад. Он был не из тех, кого уважают люди, это — лорд Ранульф.

— Дерини... — выдохнул Джорем.

— Да. И король применил закон Фестилов. Он захватил пятьдесят заложников и будет вешать по два человека ежедневно, пока не объявится убийца. Чтецы мыслей не смогли узнать его имени у жителей деревни. Казни начнутся завтра.

Райс тихо присвистнул.

— Вчера в Валорете я видел, как во все стороны мчались гонцы, я встретил троих или четверых на дороге в святой Лиа-м, но тогда мне это не показалось заслуживающим внимания.

Джорем хмыкнул.

— Неужели они не знают, кто настоящий убийца, Сэм?

— Пока нет, отче. Некоторые думают, что это виллимиты, но доказательств нет. Лорд Камбер послал своих людей, среди которых были и чтецы мыслей, чтобы они собирали слухи и расспрашивали всех. Но прошло два дня, а результатов нет. Сперва все только и говорили, что о новом налоге, а теперь еще и эта напасть. Лорд боится, что опасность грозит и другим Дерини. Он даже попросил меня сопровождать молодую госпожу, так как боится, чтобы ей не причинили вреда.

— Сэм, ты прелесть, но ужасный паникер, — слышался приятный музыкальный голос.

Они обернулись и увидели закутанную в плащ Ивейн, спускавшуюся по ступеням. Ее роскошные волосы выбивались из-под капюшона.

— Отец знает, что я и сама могу позаботиться о себе, — продолжала она. — Да и кто будет угрожать мне? Я ничем не оскорбила виллимитов, даже если они и виноваты в том, в чем их обвиняют. А простых, добрых людей мне бояться нечего.

Она со смехом обняла Джорема, взглядом встретившись с Райсом. Тот взял ее руку и поцеловал, стараясь скрыть смущение, которое охватило его при неожиданной встрече с Ивейн, он ведь готовился к тому, что увидится с ней гораздо позже. Однако он испытал большое удовлетворение, когда Ивейн притянула его к себе и легко поцеловала в щеку, обняв одной рукой. Не обошла она вниманием и Сэма, вся лучась жизнерадостным обаянием.

— Послушай, сестрица, — пробормотал Джорем, — тебе все же следует подумать о своей безопасности, Это правда, что отец боится за тебя?

— Конечно, нет.

Она шаловливо стукнулась лбом о его лоб и состроила смешную гримасу.

— Это наши преданные слуги, вроде Сэма, бояться за нас. А со мной все в порядке.

— Мне бы хотелось узнать об этой истории побольше, — сказал Джорем.

Он освободился из объятий сестры и дал знак Сэму, чтобы тот подавал лошадь.

— Поехали домой, если ты тут все закончила. Райс, ты можешь хоть ненадолго спуститься с небес на землю? Я хочу выяснить, что же здесь произошло.

* * *

— Ну, вот и вся история, вернее, то, что нам известно, — закончил Камбер свой рассказ.

Был уже вечер. Все сидели вокруг горящего камина.

— Раннунльфа обнаружила старая вдова Кларет. Она была в истерике, ведь труп оказался на ее земле, или, вернее, часть трупа — голова и четверть тела. Остальное... Впрочем, достаточно сказать, что несколько других семейств тоже ожидала поутру неприятная находка. Бейлиф немедленно сообщил мне о случившемся.

Райс и Джорем кивнули, и Камбер вновь наполнил их бокалы. Друзья прекрасно понимали весь ужас создавшегося положения, и несколько минут стояла мертвая тишина.

Последний из слуг был отослан к себе уже час назад, и теперь у камина в большом зале оставались трое мужчин и Ивейн.

Райс сидел возле Ивейн и изредка прикладывался к бокалу. Он взглянул на Джорема и увидел, что тот еле заметно кивнул ему, Райс собрал все свое мужество и повернулся к Камберу.

— Сударь, мы с Джоремом хотим сообщить вам нечто важное. Возможно, это имеет отношение к тому, что ты рассказал только что.

В его голосе было что-то, что приковывало к нему всеобщее внимание. Все взгляды устремились к нему. Юноша опустил голову, подбирая подходящие слова. Райс почувствовал успокаивающую руку Ивейн на своей руке. Он физически ощущал на себе взгляд Камбера.

— Вы все знаете, что я — Целитель, и потому мне приходится иметь дело с разными людьми.

Он нервно откашлялся и выпил глоток вина.

— Два дня назад умер один старик. Он не был важной персоной, во всяком случае, для окружающих, но история, которую он рассказал мне перед смертью, заставила меня помучиться.

Он поднял свои золотистые глаза и твердо встретил взгляд Камбера.

— Сударь, он объявил себя принцем Эйданом Халдейном, младшим сыном последнего короля Халдейна.

В ответ не прозвучало ни слова, но слушатели обменялись удивленно-встревоженными взглядами. Камбер посмотрел на Джорема, стараясь отыскать на его лице подтверждение словам Райса. Затем молча подал юноше знак продолжать.

Райс снова опустил глаза.

— Мне пришлось сделать то, что я делаю крайне редко, — медленно сказал он. — По просьбе старика, нет, по его требованию, я проник в его разум, чтобы получить подтверждение его словам. И он говорил правду! Он действительно был принцем Эйданом! И что еще важнее, у него был законный сын, и у этого сына тоже был сын. Сын Эйдана погиб во время резни двадцать лет назад, но у нас есть все основания полагать, что внук еще жив.

Он опять поднял голову и посмотрел прямо в глаза Камберу.

— Этот внук — принц Синхил Донал Ифор Халдейн, законный наследник трона Гвиннеда.

Наступила мертвая тишина, и в ней послышался мягкий вздох Ивейн, чьи голубые глаза расширились от изумления. Затем все повернулись к Камберу. Лорд Дерини все еще молчал. Он взвешивал и оценивал, он читал мысли в глазах Райса, потом он прервал считывание мыслей Райса и обвел глазами остальных. Когда его взгляд касался того или иного, каждый почтительно опускал голову, почтительно, но без страха. Даже обычно дерзко-мятежный Джорем молчал, подавленный могучей личностью и авторитетом отца.

— Ты сказал, что у тебя есть причины полагать, что он еще жив, Райс. А ты знаешь, где он?

Райс покачал головой.

— Не уверен. Но мы думаем, что он один из пяти человек, которых мы выписали из регистрационных книг. Он — монах. Двадцать лет назад он принял обет — это последнее, что дед слышал о нем. Кроме того, мы не знаем, как

звали Синхила в миру. Дед перед смертью назвал только имя, которое тот взял при вступлении в братство: Бенедикт. Нам неизвестно как звали его отца лишь королевское имя, которое тот скрывал — Элрой. Мы просмотрели книги Ордена и нашли пятерых Бенедиктов подходящего возраста. Принц Синхил, если еще жив, должен быть одним из них.

— Ясно.

Камбер вздохнул, откинулся на спинку кресла и аккуратно поставил стакан вина на стол перед собой.

— Этот Синхил или Бенедикт — монах. Если вы найдете его, что вы собираетесь с ним делать?

Теперь была очередь Джорема ответить.

— Мы еще не знаем, отец. Возможно, нам удастся определить, не вызывая подозрений, кто же из пяти нам нужен. Мы также рассмотрим вопрос, что нужно сделать, чтобы вызволить его из монастыря, если дело дойдет до этого, естественно. Но сначала следует выяснить, на что он способен. Затем... — Он пожал плечами. — Посмотрим.

— Хорошо сказано, Джорем. — Камбер кивнул. — Ты хитер. Затеваешь заговор, но обвинить тебя в измене трону невозможно. Однако чего вы ждете от меня? Чтобы я прикрыл глаза на ваши поиски? Но ведь я уже давно вышел из состава Совета Имре, потому что наш король мне не по душе. И вы знаете мое отношение к тем законам, которые он ввел. Но я никогда не пойду на свержение его с трона. Неужели вы думаете, что я пойду на такой риск человека, которого в глаза не видел? Да и вы оба его не видели. Даже твои михайлинцы не так глупы, я полагаю. Как относится ко всему этому ваш главный викарий?

Джорем беспокойно заворочался в кресле и посмотрел на Райса.

— Я еще не говорил ему. И мы вовсе не требуем, чтобы ты изменил своим принципам. Но ты же сам понимаешь, прежде всего мы должны во всем этом разобраться, отыскать наследника Халдейнов. А кроме того, ты же лучше нас знаешь, каков нынешний режим. Мы надеялись получить от тебя мудрый совет, что делать дальше.

— Мой мудрый совет, а не совет михайлинцев? — мягко спросил Камбер.

— Отец, я знаю, что ты не одобряешь...

— Нет, мое одобрение или неодобрение не имеет отношения к этому делу, сын мой. Я даже не хочу пытаться заставить тебя сделать выбор между семьей и Орденом, — прервал его

Камбер. — По правде говоря, если все начнет развиваться так, как хотите вы, то, я уверен, вам придется

обратиться к помощи Ордена. Реставрация потребует больших затрат в виде воинской силы, а михайлинцы — одни из лучших. Без них вы не добьетесь успеха, будь ваш Синхил хоть сам Господь Бог, а я уверен, что это далеко не так.

Джорем осторожно кивнул, слегка удивленный и обескураженный тем, что его отец так неожиданно поддержал михайлинцев.

— Но вернемся к вашему Хаддейну, — продолжал Камбер. — Предположим, что он тупое животное или что он вовсе не желает быть королем, что весьма вероятно, если он не дурак. Предположим, что религиозные обеты для него значат больше, чем права, полученные в результате случайности рождения. Или что он знает, кто он, и не желает бороться за свое право на престол. Не кажется ли вам, что он именно по этой причине не вступил в Орден, чтобы навсегда избавиться от груза своего наследства, чтобы избежать гибели? Ведь для него предъявление прав на трон равносильно самоубийству.

— Значит, ты утверждаешь, что мы потерпим неудачу? — звенящим голосом спросил Джорем.

— Нет, я просто хочу, чтобы вы предусмотрели все варианты. Это ведь не игра. Как только вы начнете действовать, ваши жизни окажутся под угрозой — и не только ваши.

Джорем переглянулся с Райсом. Целитель выпрямился в кресле.

— Сударь, — начал он, — мы рассматривали почти все варианты, которые вы предложили, поверьте. Но ради успокоения нашей совести мы должны хотя бы просто поговорить с этим человеком. Если он хоть что-то из себя представляет, тогда мы решим, что делать дальше. Но когда дело дойдет до этого, нам понадобится твоя помощь.

Он опустил глаза и продолжил:

— Мы можем найти Синхила, проникнуть в его мысли, узнать его душу лучше, чем он сам знает ее. Но я не уверен, что мы — по крайней мере, я — имеем право на окончательное решение: может ли этот человек быть королем. Разумеется, мы ничего ему не скажем, кроме того, что его дед умер, пока не будем уверены, что он не побежит с криком к своему настоящему. Мы просим вашего разрешения только на такие действия. Вы дадите нам свое благословение, сударь?

— Разве вы отступитесь от всего этого, если я скажу «нет»? — спросил Камбер.

Друзья долго смотрели на Камбера, затем одновременно покачали головами. Им даже не понадобилось советоваться друг с другом.

Камбер взглянул на Джорема, на Райса, затем перевел взгляд на Ивейн. Лицо девушки было непроницаемо, и по нему нельзя было прочесть, как она относится ко всему этому.

— Ну а ты, дочка, что скажешь? Ты видишь, что твой брат и Райс хотят, чтобы это стало семейным делом. Кстати, не по этой ли причине и ты завела со мной нынче утром разговор о политике? Что тебе известно об этом?

— О, я ничего не знала до сегодняшнего вечера, — горячо начала защищаться Ивейн.

Но она тут же поняла, что отец поддразнивает ее, и поняла, почему.

— Но я рада, что мы поговорили, — продолжала она, бросив искоса взгляд на Райса. — Потому что Райс и Джорем сообщали очень важные сведения.

— Ясно.

Камбер рассмеялся.

— А что ты думаешь об этом новоявленном короле Гвиннеда?

— Пока у меня нет никакого мнения, ведь я ни разу не видела его. Но я тоже согласна с тем, что Райс и Джорем должны и дальше вести поиски, чтобы удостовериться, действительно ли Бенедикт — сын Халдейна.

— Неужели и ты желаешь свергнуть нынешнего короля?

Ивейн натянуто улыбнулась.

— Отец, мы все знаем истинные причины твоей отставки. Я думаю, ты согласен с тем, что такой человек, как Имре, не должен восседать на троне, а тем более теперь, когда появилась вполне реальная альтернатива.

Она помолчала.

— Теперь появился законный наследник, и, следовательно, шанс на восстановление древнего и благородного рода, который успешно правил Гвиннедом в течение нескольких столетий. Кроме того, я совсем не верю, что Халдейны в свое время узурпировали трон, как пишут наши историки-Дерини, чтобы оправдать захват власти. По моему мнению, Фестила в своей алчности делают все, чтобы скрыть правду. И если появится новый достойный претендент на трон, его следует поддержать.

Камбер выслушал все это, слегка улыбаясь, сложив руки перед собой и задумчиво барабанил пальцами по груди. Когда Ивейн закончила, он улыбнулся и посмотрел на Джорема и Райса.

— Видите, к чему приводит женское образование? Твои же слова возвращаются к тебе. Джорем, никогда не давай образование своим дочерям.

— Я не думаю, что эта проблема встанет передо мной. — Джорем улыбнулся.

— Ах да, верно. Райс, но ты, во всяком случае, должен это учесть.

Райс не мог сопротивляться взгляду, который искоса бросила на него Ивейн.

— Я полагаю, что этим будет распоряжаться моя жена.

— Хм-м. Ну, дело твое. А если ваш Бенедикт — Синхил Халдейн, то неужели вы рискуете привлечь этого необразованного, необученного...

Джорем откашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

— Отец, я полагаю, он неплохо образован. В их Ордене много внимания уделяют наукам.

Камбер поднял руку.

— Согласен. Но он не обучен главному — быть королем, а это целое искусство. Не перебивай, Ивейн, неужели ты согласишься посадить на трон Гвиннеда такого человека?

— Разве образование помогает Имре? — возразила она. — И если мы попробуем представить, что нас ждет впереди, основываясь на том, что он творил до сих пор, — разве не удручающая получится картина?! А наш Синхил вполне может оказаться хорошим королем. И если у него неплохие задатки, то обучить его ничего не стоит. А кто может быть лучшим учителем, чем тот, кто служил двум королям, у кого хватило ума уйти в отставку, чтобы не служить третьему, когда он понял, что не может служить ему?..

— Тише! — воскликнул Камбер, четко выделяя оба слога. Он в восхищении хлопнул себя по коленям.

— Райс, разве я не говорил, что она искушена в логике? Опять она положила меня на лопатки моими же аргументами. Но в этом я сам виноват. Скажи мне, дочь, я правильно понял, что ты не колеблясь вступишь в заговор, если окажется, что этот Синхил способен быть хорошим королем?!

— А разве у нас есть выбор? — вопросом на вопрос ответила она. — Но в любом случае нам не обойтись без твоей помощи и без твоего совета.

— Нам? — Он улыбнулся. — Отлично. Но у меня есть условия.

— Естественно.

Джорем с облегчением вздохнул.

— В таком случае, я предлагаю следующее, Джорем, Райс, если он не окажется животным или, хуже того, если он согласится, чтобы мы работали с ним, если мы увидим, что он лучше того, кто сидит сейчас на троне Гвиннеда, —

вот тогда, возможно, мы начнем обдумывать, как вернуть ему трон. Но вы должны, как и обещали, держать меня в курсе дел все время. Вы также не должны забывать, что ваш брат Катан находится вблизи трона, и какие-либо ваши неосторожные действия могут грозить ему смертью. Так что вам надлежит двигаться вперед крайне осторожно, до тех пор, пока мы не решим, что эти действия будут на благо Гвиннеда.

Джорем и Райс переглянулись, а затем Джорем повернулся к отцу.

— Твои условия более чем разумны. Мы оба согласились с тем, что нельзя подвергать опасности Катана, пока он не введен в курс дела. Если у тебя нет возражений, то мы на этой неделе отправимся в святой Пиран. Там находятся двое из нашего списка.

— Вы ничего не откроете ему сейчас? — спросил Камбер.

— Нет. Скажем только о смерти деда и о его просьбе молиться за него. Ты одобряешь мой план?

— У меня нет возражений. Когда вы вернетесь?

— Через три дня, если все пойдет хорошо. Здесь день пути в одну сторону и...

В этот момент во дворе послышался лай собак, а затем глухой стук в ворота.

Вскоре открылась дверь в зал, и на пороге появился один из слуг Камбера, за ним стоял еще кто-то, о ноги которого радостно терлись собаки.

— Милорд, Джеймс Драммонд хочет видеть вас, — доложил слуга, загораживая вход рукой.

— Джемми, мальчик, заходи к нам, — радушно сказал Камбер.

Он поднялся и протянул руку вошедшему.

— Придвигай кресло и наливай вина. Я уже решил, что ты забыл свое обещание провести с нами День святого Михаила.

— Я не забыл, — сказал Драммонд.

Он опустился на колени перед Камбером и поцеловал его руку.

Собаки не отходили от него.

— Но я здесь и по необходимости. У меня вести из столицы от вашего сына.

Он протянул запечатанное письмо хозяину, зацепил носком сапога стул и, подняв его, направился к столу, кивком поздоровавшись с остальными.

— Вы лучше прочтите письмо, — сказал он, заметив, что

Камбер с любопытством смотрит на него. — Катан прислал меня сюда очень спешно.

Камбер сломал печать и быстро пробежал глазами письмо, Лицо его помрачнело. Он протянул письмо Джорему.

— Катан не может предотвратить казнь двух первых заложников, — сказал он, щелчком пальцев приказав собакам лечь. — Он будет продолжать давить на Имре, но надежды на милость почти никакой. Коул Хоувелл, родственник жены Катана, настаивает на казнях и репрессиях против виллимитов. Он утверждает, что они — убийцы Раннульфа.

— Отец, неужели ты не вступишься за бедных крестьян? — прошептала Ивейн.

Камбер печально покачал головой.

— Нет, дитя мое, если даже Катан, любимец короля, не может убедить его, то какие же у меня шансы? Ведь я отверг службу при дворе, когда Имре вступил на трон. Нет, Катан — единственный, кто способен помочь этим несчастным.

Он посмотрел на всех, скрестив руки на груди, затем опустил голову и уставился на носок сапога, выглядывавший из-под плаща.

— Но в письме есть и добрые слова. Катан желает нам всем весело провести праздник и пьет за наше здоровье. Я думаю, что и мы должны поднять за него бокалы.

С этими словами он неспешно наполнил кубок, поднял его и кивнул детям, которые встали и сделали то же самое. Они выпили молча. Тишина длилась несколько минут, затем беседа возобновилась. Теперь все говорили только на нейтральные темы.

ГЛАВА V

**Царь в это время, в девятом месяце,
сидел в зимнем доме,
и перед ним горела жаровня.¹**

В этот праздничный вечер дня Святого Михаила в королевском дворце Валорета никто и не поминал об умеренности. Молодой правитель с огромной неохотой исполнил то, что было положено ему по сану: отбыл мессу, поприветствовал знать и показался народу у Светлых Врат, как того требовал обычай; однако нынешний вечер принадлежал лишь ему, его приближенным и свите.

Ни о каком уединении не могло быть и речи!

Сразу по окончании церемоний, король удалился, дабы переодеться для бала. Уже звучали приглушенные мелодии — это придворные музыканты готовили инструменты, дабы вскоре усладить слух знати зажигательными джигами и степенными паванами. Расфранченная свита Имре собралась в богато украшенном зале, где обычно устраивались балы и званые вечера. Ожидали лишь возвращения молодого повелителя. И среди всего этого разудалого веселья хмурое лицо Катана казалось совсем не к месту.

Катан Мак-Рори пользовался известностью при дворе. Сын самого графа Кулдского, наследник всех владений и титулов, он был также членом королевского Совета и доверенным лицом короля. Многим казалось, Катан готов повторить путь своего знаменитого отца — хотя внешне он мало походил на него.

Ростом он был пониже Камбера, глаза и волосы — более темные, кожа чуть смуглее и все же он был Мак-Рори. Голос здорового рассудка при горячем молодом короле.

Даже Дерини, находившиеся при дворе на особом положении, не всегда одобряли крутой нрав и жестокие выходки Имре. Катану единственному зачастую удавалось смирить эти вспышки, к вящему удивлению окружающих. Хотя многие, да и сам Катан, сомневались, что этого влияния хватит надолго. Взять хоть нынешний вечер

Катан посмотрел на дверь, через которую должен войти Имре, а затем снова повернулся к своему собеседнику Гвейру Арлисскому.

Гвейр был одним из ближайших друзей Катана при дворе и помощником известного графа Молдред, который должен был руководить казнями пятидесяти заложников. День первой казни был назначен на завтра.

Сейчас Гвейр Арлиссский перечислял достоинства своего нынешнего господина Молдред, которые выгодно отличали его от старого господина Нозра Сантейра. Граф Сантейр сейчас смотрел на них с другого конца зала и, судя по выражению лица, говорил о них что-то оскорбительное молодому офицеру, стоящему рядом.

Коул Хоувелл еще не появился, и Катан был рад этому. Его хитрый родственник наверняка объединится с Молдредом и Сантейром.

— Я уверен, что Молдред может быть очень жестоким, — продолжал говорить Гвейр. — Он честно выполняет приказы, но должен же человек быть чист перед своей совестью. Это ведь не чрезмерное требование?

Катан покачал головой и слегка улыбнулся.

— Нет, конечно. Но сегодня вечером меня беспокоит именно Молдред. Ты думаешь, он поддержит короля в этом вопросе?

— Молдред поддержит короля, а не его политику. — Гвейр нахмурился. — Думаю, у тебя мало шансов, Катан.

— Это у заложников мало шансов. И не потому, что они сделали что-то плохое. Просто они родились не в той деревне. Чтецы мыслей знают, что они невиновны.

Гвейр презрительно фыркнул.

— Тебе не нужно меня убеждать. Я на твоей стороне. Но ты сам знаешь, что тебе ответят. И знаешь это лучше меня. Зачем королю-Дерини думать о каких-то крестьянах, если убит дворянин? Тем более что крестьяне — люди, а убитый дворянин — Дерини.

— Но он был мерзавцем, и ты это знаешь.

— Мерзавцем, согласен. Но все же он — Дерини и дворянин. Его убийца до сих пор не найден. Имре просто следует закону, установленному еще его дедом. Пятьдесят человеческих жизней за жизнь одного Дерини, вот и все, чего требует Имре. Раньше это было необходимо: цена за завоевание. А сейчас... Вероятно, Имре считает, что эта цена должна сохраниться, чтобы сохранить завоеванное для потомков.

Гвейр снова презрительно фыркнул.

— Впрочем, это только пустые разговоры. Едва ли у него будут потомки

Катан внимательно взглянул на Гвейра и был готов применить считывание, чтобы понять, в чем же смысл последнего замечания, но в этот момент музыканты подняли трубы, и прозвучали торжественные звуки фанфар.

С противоположного конца зала появилась шеренга охранников в одежде коричневого цвета с золотом. Они прошли к центру и выстроились возле трона. Снова взметнулись вверх трубы, и прозвучали звуки фанфар. Раскрылись двери, и в зале появился король Гвиннеда, господин Мурина и Меары. Рядом с ним стояла его сестра Эриелла, которая была старше брата на шесть лет и все еще не была замужем.

Они стояли в дверях, усиливая эффект своего положения, пока не затихли звуки фанфар.

Над их головами было сияние — так по древним обычаям должны были появляться на публике высшие Дерини.

Поприветствовал всех кивком, они медленно пошли по залу к двум тронам.

Когда они проходили мимо, придворные и их дамы склонились в почтительном поклоне. Казалось, что по просторному залу пронесся ветер. Каковы бы ни были нынешние правители Гвиннеда, никто не мог бы сказать, что у королев из династии Фестилов незффектный выход.

Сам Имре производил сильное впечатление, несмотря на свой маленький рост и молодость. На полголовы ниже большинства мужчин в зале, он, тем не менее, величественно шел через зал вместе с сестрой.

На голове его была высокая золотая корона, усыпанная рубинами, она, казалось, увеличивала его рост и вся переливалась в свете призрачного нимба над его головой. Темно-каштановые волосы короля были коротко острижены, живые карие глаза светились на красивом лице, которое, однако, было каким-то пустым, короткая туника коричневого бархата подчеркивала все линии его ладного молодого тела. На

нем были шелковые коричневые штаны и кожаные сапоги для танцев. Янтарно-золотая мантия, отделанная мехом красной лисы, волочилась за ним по полу, когда он поднимался на возвышение. На руках, в ушах и на шее сверкали драгоценные камни.

Выступающая рядом с ним Эриелла во многом походила на брата, но в ней было гораздо больше породы, роскоши и великолепия.

Она была одета в темно-коричневый бархат, отделанный золотом, и все ее роскошные формы скрывались под этим струящимся живым цветом. Только глубокое декольте открывало взору прекрасные формы округлых грудей. В волнующей ложбинке между ними покоился желтый камень, которому завидовали многие вельможи Гвиннедского королевского двора. Каштановые волосы выбивались из-под короны и сверкающим каскадом спускались на одно плечо.

Ее быстрые зоркие глаза не пропускали ничего, когда она вместе с братом поднималась на возвышение и усаживалась на троне. Она откинулась на спинку и с улыбкой осмотрела зал, наслаждаясь всеобщим восхищением, затем легко коснулась руки Имре. Этот жест показался Катану каким-то беспокойным.

— Мои дорогие друзья, — заговорил Имре. Его высокий тенор достигал самых отдаленных уголков дымного, освещенного факелами зала. — Мы с сестрой приветствуем вас и хотим, чтобы нам всем надолго запомнился праздник святого Михаила. Но вы пришли сюда не для того, чтобы благодарить его. Поэтому развлекайтесь. Я даже приказываю; развлекайтесь!

Эти слова были встречены вежливым смехом.

— Милорд капельмейстер!

Король встал и протянул руку сестре, которая также встала и вложила свою руку в его.

— Мы начнем с танца «Брен Тиган».

Шепот одобрения прошелестел в зале. Королевская пара сошла с возвышения и встала в центре специально очищенного пространства. Они поклонились друг другу и всем зрителям.

Музыканты кончили настраивать инструменты, и по залу разнеслись звуки старинной музыки Дерини.

Имре и Эриелла стали танцевать древний танец. Первые фигуры они исполнили одни, и только потом к ним присоединились придворные.

Катан рассеянно смотрел на все это; он повернулся, чтобы взять бокал вина с подноса проходящего слуги и обменяться приветствиями с одним из придворных.

Когда он снова взглянул на танцующих, Гвейра уже не было видно; он закружился в танце, подхватив леди, с которой весь вечер не сводил глаз.

Имре тоже исчез из виду, затерявшись в веселой толпе.

Катан выпил глоток вина и, дождавшись, когда начнется степенная гавотта, медленно пошел в отдаленный угол зала, надеясь, что там его никто не будет беспокоить. Он прислонился к колонне и, прихлебывая вино, смотрел на танцующих.

Вдруг он ощутил легкое прикосновение к плечу. Он обернулся и увидел принцессу Эриеллу, стоящую рядом с ним с лукавой улыбкой на лице и полным бокалом вина в руке. Катан постарался овладеть собой и почтительно поклонился.

— Ваше Высочество оказывает мне большую честь, — пробормотал он.

Эриелла улыбнулась и протянула руку для поцелуя. Корона ее осталась на троне, нимб Дерини тоже погас. Каштановые волосы сверкали своим собственным блеском. Эриелла Фестилийская не нуждалась в магии Дерини, чтобы выглядеть восхитительной.

— Почему ты такой угрюмый, Катан? — промурлыкала она и задержала свою руку в его чуть дольше, чем того требовал этикет. — Я хотела взять тебя в партнеры на танец, а ты спрятался здесь в тени. Где твоя милая женушка? Она не больна, я надеюсь?

Ее глаза светились лукавым блеском, и Катан почувствовал, что его взгляд невольно устремляется в глубокий вырез платья, откуда выглядывали в соблазнительной округлости ее груди. Он с трудом сглотнул, хорошо зная, куда приведет этот разговор, если он не будет крайне осторожен. Он вовсе не имел желания впутывать сестру Имре в это дело с заложниками, но знал, что ему придется обратиться к ней за поддержкой, если не найдется другого выхода.

— Моя жена просит простить ее за отсутствие, Ваше Высочество, — осторожно начал он. — Она не виделась со своими родителями со времени рождения нашего второго сына и поехала в Кэрбери, чтобы навестить их. Я должен был бы поехать с ней, если бы не нынешний кризис.

— Кризис? — переспросила Эриелла. — Я ни о каком кризисе не слышала.

Катан при виде ее сияющего лица почувствовал неприязнь. Он опустил глаза, чтобы скрыть свои эмоции.

— Ваше Высочество, несомненно, слышали о пятидесяти заложниках, взятых в Кайрори. Ваш брат хочет их казнить.

— Заложники? Да, я припоминаю. Это те, кого взяли за убийство лорда Раннульфа. А почему это тебя беспокоит?

Катан глупо моргнул, не в силах поверить, что она так плохо информирована. Затем понял, что она дурачится, смеется над ним.

— Ваше Высочество не может не помнить, что Кайрори — это владение моего отца, — холодно сказал он. — Заложники — подданные моего отца и мои. Я должен освободить их.

Эриелла подняла бровь и коснулась его руки.

— Ну что же, найди убийцу, Катан. Ты же знаешь закон. Если жители деревни не выдадут убийцу, им придется заплатить установленную законом цену, а так как Раннульф — Дерини, дворянин, то пятьдесят человек вполне разумная цена, не правда ли?

— А...

Катан опустил глаза, скрывая их блеск.

— Я должен возразить, Ваше Величество, чтецы мыслей работали жителей деревни. Теперь ясно, что они не повинны в смерти Раннульфа. Мы почти уверены, что это сделали вилимиты.

— Ну что же, найди вилимита, — сказала она сладким голосом. — Ведь не можешь же ты полагать, что мой брат просто так, без всякого возмещения освободит заложников. Закон есть закон.

— Да, закон есть закон, — раздался тенор незаметно приблизившегося Имре.

Он взял сестру под руку.

— Молдред, это ты говорил мне, что Катан носится с сумасшедшей идеей спасти заложников?

Молдред, высокий, начинающий полнеть человек, лстыиво поклонился.

— Да, у меня создалось такое впечатление, сир.

Имре фыркнул и повернулся к Катану.

— Почему ты так упрям, друг мой? Ведь они же не Дерини, они — крестьяне, ты делаешь из мухи слона.

— Сир, я умоляю вас, — глухо сказал Катан. — Если вы это сделаете, то грех камнем ляжет на вашу совесть. Обложите их денежной контрибуцией, если хотите. Мой отец охотно заплатит. Но не утоляйте ваш гнев убийством ни в чем не повинных людей. Крестьяне Кайрори не виноваты в убийстве Раннульфа, вы это знаете.

Имре с улыбкой посмотрел на собравшихся вокруг придворных, но было видно, что он начал немного беспокоиться.

— Катан, ты упрям, как баран, — сказал он тихо. — Ты же знаешь, что я этого не люблю.

— Пожалуйста, сир, — взмолился Катан, — ради нашей дружбы, проявите милосердие.

Он опустился на колени и протянул руки к королю.

— Неужели вы можете убить невиновных людей?!

— О, черт возьми, идем отсюда! Эриелла, что он пристал ко мне?

Эриелла пожала плечами и внимательно посмотрела на Катана, поднимавшегося с колен. Ее губы искривила странная улыбка.

— У меня появилась одна мысль, брат. Почему бы не дать ему то, что он так просит? Подари ему одного из заложников. Ради нашей дружбы.

Голова Катана резко дернулась, и он посмотрел в глаза Эриеллы.

В зале внезапно стало тихо. Имре недоуменно посмотрел на сестру, затем повернулся к Катану. Его беспокойство перешло в неуверенность.

— Одну жизнь?

Эриелла кивнула.

— Если Катан действительно твой друг, ты не можешь отказать ему в этой безделице. Сорок девять крестьян вполне достаточно за жизнь Раннульфа. Ведь он был не слишком приятный тип.

— Одну жизнь... — повторил Имре.

Он как бы пробовал эти слова на вкус и облизывал губу под узкой полоской усов.

Он посмотрел на Молдред и Мантеру, на придворных, ожидавших его решения, на охваченное ужасом лицо Катана, который понял, что Имре всерьез рассматривает это предложение.

Затем король сложил руки на груди, на лице его появилась кривая усмешка.

— Это что-то новенькое.

— И проявление милосердия, — добавила Эриелла. Она сжала его руку, с обожанием глядя брату в глаза, Имре взглянул на нее, улыбнулся и посмотрел на Катана. Его губы шевельнулись.

— Хорошо, пусть так. Одна жизнь. Согласен. — Он посмотрел на Молдред и кивнул. — Молдред, отведи милорда Катана в тюрьму, и пусть он выберет одного заложника.

— Хорошо, сир.

— И пусть не будет больше споров, Молдред, — добавила Эриелла, сладко улыбнувшись, и Катан с удив-

лением взглянул на нее.— Наш лорд Катан так переживает за жизнь заложников, что ему придется испытать слишком ужасные мучения, чтобы выбрать того, кого он решит спасти. Ему ведь придется делать выбор, а это очень мучительная задача.

Молдред поклонился, а Катан вздрогнул и повернулся к Имре.

— Ты хочешь что-то сказать, Катан? — проговорила Эриелла прежде, чем Катан успел открыть рот.

— Ваше Высочество, я...

— Прежде чем ты что-либо скажешь, позволь мне напомнить, что король может отменить свое милосердное решение, — предупредила Эриелла. Ее глаза сверкнули. — В этом случае умрут все пятьдесят, а может, и больше, если ты не прекратишь глупо упорствовать. Ты все еще хочешь что-то сказать?

Катан с трудом слотнул и поклонился.

— Нет, Ваше Высочество, я благодарю вас, сир.

Он снова поклонился.

— Если Ваше Величество извинит меня, то я удалюсь исполнять Вашу волю.

— Король тебя извиняет, — промурлыкала Эриелла. — И еще... Катан...

Он остановился.

— Ты поедешь завтра на охоту, не правда ли? — продолжала она. — Ты обещал.

Катан повернулся. На его лице была мольба.

— Да, я обещал, Ваше Высочество, но если я попрошу освободить меня от...

— Чепуха! Если ты останешься дома, то будешь все время сокрушаться о судьбе этих крестьян и станешь еще угрюмее, чем был все последние дни. Имре, пусть он сдержит свое обещание. Ты же знаешь, это нужно для его собственного блага!

Имре посмотрел на сестру, затем на Катана.

— Она права. Ты был слишком угрюмым последние дни.

Он коснулся плеча Катана.

— Катан, не принимай так близко к сердцу. Отдохни неделю в деревне с нами, и ты забудешь об этих крестьянах.

Катан хорошо знал этот тон Имре и понимал, что сейчас лучше не спорить — особенно, если рядом Эриелла. Со вздохом он кивнул в знак согласия, еще раз поклонился и повернулся, чтобы идти за Молдредом.

В этот момент перед ним стояла более важная проблема, чем королевская охота. Совершенно неожиданно он одержал победу. Но победа ли это?

Из пятидесяти смертников он должен выбрать одного — смерть для сорока девяти.

Он невольно вздрогнул, ощутив тяжесть того, что ему предстоит совершить.

* * *

Через десять минут он стоял с Молдредом перед тяжелой дверью и смотрел, как охранник поднимал тяжелый засов.

Дверь на ржавых петлях со скрипом отворилась. Молдред поклонился и ленивым жестом указал на открытую дверь.

— Когда ты выберешь, подойди к двери и позови, — сказал Молдред, не скрывая зевка. — Я подожду здесь. Терпеть не могу тюрьму. Она меня угнетает.

Катан кивнул, не осмеливаясь заговорить, чтобы голос не выдал его, и пошел в темницу.

Факел, закрепленный на стене, освещал длинный ряд ступеней, которые вели глубоко вниз и терялись в кромешной тьме. Закрывая глаза рукой от света, он взял факел и начал спускаться. Факел чадил и дымил, дым щипал в носу, и глаза слезились.

Восемь ступенек, поворот. Затем опять спуск на восемь ступенек, еще поворот — и он внизу. Узкий коридор привел к небольшой площадке, одна стена которой представляла собой решетку из грубых железных брусьев.

По ту сторону решетки виднелись железные клетки, в каждой из которых находилось по восемь-десять человек, закопавшихся в грязные опилки, чтобы согреться.

Когда он шел по коридору, некоторые узники зашевелились, и вскоре послышались приглушенные возгласы:

— Лорд Катан! Это лорд Катан!

Все вскочили и приникли к решетке. Катан с ужасом увидел, что среди узников находятся пять женщин и несколько юношей, почти мальчиков.

— Лорд Катан!

Знакомый голос послышался из самой дальней клетки. Катан приблизился к ней и увидел старого Эдульфа Остлера, прижавшегося к клетке. Эдульф был его первым учителем верховой езды и хранителем отцовских конюшен. Старик занимал эту должность так долго, сколько Катан помнил себя. Он потуповствовал на глазах слезы и невольно посмотрел на пол.

Катан знал, что эти слезы не от дыма факела.

— Лорд Катан! — снова услышал он знакомый го-

— Да, Эдульф. Это я — Катан, — сказал он.

Он посмотрел на старика, затем окинул взглядом остальных. Однако он понял, что не может смотреть им в глаза, и потому опустил взгляд.

— Я пришел от короля.

Он наконец справился с собой.

— Я пытался с самого начала добиться вашего освобождения, но, боюсь, я пришел к вам с дурными вестями. Казни начнутся завтра, как и было намечено, но с одним исключением.

Он сделал глубокий вздох и поднял глаза, стараясь выдержать взгляды несчастных.

— Я смог спасти только одного из вас. Только одного.

Когда все услышали эти слова, наступила тишина, через мгновение раздались возгласы и всхлипывания женщин, Старый Эдульф приподнялся, посмотрел на остальных, затем на Катана.

— Ты можешь спасти только одного, мальчик?

Катан с несчастным видом кивнул.

— Это мне «подарок» от Имре ко дню святого Михаила. Тот, кого я выберу, будет жить, остальные умрут. Я не знаю, как мне выбирать.

Приглушенный шепот среди узников прекратился, наступила мертвая тишина, и все глаза с надеждой устремились на Катана: только один из них останется жить, право выбора принадлежит их господину, и, конечно же, Катан выберет его, спасет от смерти.

О том, что остальные сорок девять человек должны погибнуть, несчастные предпочитали не думать. Ведь Мак-Рори всегда заботились обо всех. Вероятно, все это просто шутка. Но они не могли поверить, что лорд Катан может так жестоко шутить.

С надеждой все они смотрели на Катана, который повернулся, закрепил факел на стене и закрыл лицо руками.

Катан был в жутком положении. Как ему выбирать? Может ли он быть судьей и приговаривать к жизни и смерти, быть судьей людей, со многими из которых он вырос?

Справедливость требовала холодной, беспристрастной аналитической оценки каждого узника и выбора того из них, кто более достоин жизни и способен многое совершить в будущем.

Но здесь были женщины и юноши, едва ставшие мужчинами. Его совесть требовала защитить слабых, беспомощных. Как он может решить?

Он поднял голову, глубоко вздохнул, задержал дыхание и медленно выдохнул, произнося слова древнего заклинания Дерини, которое должно было снять усталость. Ему нужно иметь ясную голову, чтобы принять трудное решение. Еще один вдох, и он почувствовал, что пульс стал ровным, противный вкус во рту исчез.

Расправив плечи, он медленно повернулся к людям. Эдульф стоял у решетки, полный надежд.

За ним стояли два старика, справа от него — молодая женщина и два мальчика. Он узнал одного из мальчиков. Это был сын деревенского пастуха. Второй, вероятно, был его братом, а девушка — или сестра, или кузина. Двух стариков он не мог припомнить.

— Эдульф, — мягко сказал он.

— Да, милорд, — Голос старика был тихим, испуганным.

— Поверь, мне очень горько, что только один из этих прекрасных людей сможет уйти отсюда вместе со мной. — Он проглотил комок в горле. — И так как с остальными мне больше не придется встретиться еще раз, то, будь добр, представь мне их. Я не уверен, что знаю их всех.

Старик удивленно моргнул.

— Милорд, вы хотите услышать имя каждого из них?

Катан кивнул.

Эдульф переступил с ноги на ногу, посмотрел в пол, затем повернулся к двум старикам, стоявшим рядом.

— Хорошо, сэр, раз уж вы так хотите. Это — братья Селлар: Бат и Тим.

Катан поклонился им, и братья смущенно потупили головы.

— А это Мэри Бинер, ее брат Вилл и кузен Том.

Знакомство продолжалось. Катан часто узнавал имя или лицо или вспоминал, что он слышал об этом человеке, что он искусен в торговле или ремесле.

Он увидел молодую чету, которую купил Джорем всего год назад. Беременная женщина была в объятиях своего супруга Старка, чей дом был всегда полон счастливыми детьми, у которых больше не будет отца, если не вмешается он, Катан. Он увидел юношу, которого узнал. Сейчас ему было тринадцать лет, он был лучшим учеником в школе Ивейн, работал помощником портного. Другой мальчик, сын управляющего, которого Катан хотел послать в святой Диан учиться на клирика, — так остер был его ум. Сейчас мальчику было всего одиннадцать лет.

Перечисление продолжалось, и каждый человек был уникален в своем роде, каждый заслуживал жизни,

и каждый, за исключением одного, был приговорен к смерти, и Катан должен был решить.

Когда был назван последний узник, Катан снова посмотрел на всех. Взгляд его ласково коснулся всех: Эдульфа, беременной женщины и ее мужа, мальчика... Катан повернулся и опустил голову. Постояв немного, он медленно пошел по коридору и поднялся по ступеням. В двери был глазок, который открылся, как только Катан приблизился.

— Ну что, выбрал? — грубо спросил Молдред. Катан прижался лбом к железной двери и смотрел на смутные очертания головы Молдреда по ту сторону двери.

— Молдред, нужно выпустить отсюда беременную женщину.

— Правильно, — сказал голос. — Ты хочешь выбрать ее или ребенка?

— Ее или...

Катан прервался на полуслове.

— Ты имеешь в виду, что если я выберу ее, то это будет она одна, без ребенка?

— Его Величество говорил об одном, а не о двух, Катан, — ответил голос. — И ты лучше подумай, прежде чем выберешь. Скоро придут охранники и уведут первую пару.

Скоро! Катан посмотрел на тень Молдреда и опустил голову, стараясь успокоиться.

— А если женщина родит до того, как ее казнят, ты выпустишь одного, не правда ли, — заговорил он. — Ведь при живом ребенке заложников снова будет пятьдесят, а не сорок девять. Так что вы должны будете выпустить еще одного, кроме того, кого я заберу сегодня.

Из-за двери послышался смехок.

— Ты меня восхищаешь, Катан. Ты всегда думаешь. Полагаю, ты прав, и еще одного придется отпустить. Конечно, если женщина доживет до родов.

Катан снова опустил голову и прикусил губу. Затем он выпрямился.

— Хорошо. Я готов сделать выбор. Идем вниз. Надо его выпустить.

Дверь открылась, и вошли Молдред и два охранника. Молдред пошел за Катаном вниз по ступенькам, а охранники остались запирают дверь.

Они спустились вниз, и Молдред окинул взглядом узников.

— Ну так кто же, Катан? Не сидеть же нам здесь всю ночь?

Катан приказал охраннику открыть решетку и вошел в клетку к своим крестьянам. Тут же несколько узников упали на колени, а женщины начали плакать.

Рукой Катан нежно коснулся головы женщины, когда проходил мимо нее. Он шел, и рука его касалась головы, лица, руки. Он старался с помощью мысленного зондирования глубоко проникнуть в эмоции, заполнявшие камеру, найти лучшего, кого необходимо спасти.

«Вот! Я нашел! Искра, которую я искал!»

Теперь отыскать точно! Это справа, там, где стояли трое молодых...

Он вдруг услышал скрип входной двери и замер.

— Они идут выбирать двух первых узников! Давай живее!

Катан услышал шаги на лестнице — ровную поступь хорошо обученных солдат, готовых без раздумий и эмоций выполнить свой долг.

Катан снова окинул взглядом людей вокруг себя. Некоторые из мальчиков еле сдерживали плач, а две женщины рыдали открыто. Когда солдаты спустились вниз, Катан прошел вперед и вытянул руку.

— Реван, иди со мной, — сказал он.

Он мысленно подбадривал мальчика, поскольку тот застыл в немом недоумении. Это был ученик портного. По исходящей от него ауре, Катан понял, что мальчик наделен большими способностями; его необходимо было спасти.

— Я, милорд?

Глаза мальчика расширились. В них был страх, трепет. Он стоял, боясь протянуть руку и вложить ее в руку Катана. Шаги уже приближались к камере. Дверь начала открываться, готовая пропустить трех солдат, которые направлялись к ним.

— Возьми мою руку, Реван, — приказал Катан. Он старался поймать взгляд мальчика. — Идем отсюда, из этого царства смерти, в царство жизни.

Охранники выволокли одну женщину из камеры, и она начала громко плакать. Наручники защелкнулись на ее запястьях. Затем солдаты снова вошли в камеру, и мальчик медленно, как в трансе, подал руку Катану.

Это произошло как раз вовремя — солдат уже хотел забрать его, но после секундного колебания он схватил сына управляющего. Мальчик забился, заплакал, начал отбиваться ногами, но все было тщетно. Его выволокли из камеры, и наручники стиснули его запястья. Дрожащий Реван, всхлипывая, опустился на колени у ног Катана. Рука мальчика судорожно сжимала руку своего господина.

Молдред с недоумением наблюдал за всем этим.

— Ну что же, раз ты выбрал, выводил его отсюда, — наконец сказал граф.

Он направился к выходу из камеры. Наверху все еще слышались крики приговоренных к смерти.

Когда Молдред вышел, забрав с собой факел, Катан поднял мальчика и прижал его к себе. Мальчик рыдал, и Катан терпеливо ждал, когда слезы облегчат его страдания. Он погладил Ревана по голове, вводя успокоение в его разум. Через некоторое время всхлипывания прекратились, и юноша уже твердо держался на ногах. Вздохнув, Катан обнял его за плечи и повел к выходу из камеры.

Охранник задвинул тяжелый засов, а Катан снова обернулся к несчастным.

— Прощайте, друзья мои, — сказал он спокойно. — Я не надеюсь снова встретить вас в этом мире. Он опустил глаза. — Так пусть там вы найдете больше справедливости. Мои молитвы пребудут с вами.

Он повернулся, чтобы идти, а в камере послышался слабый шум — это все узники опустились на колени.

— Да хранит тебя Бог, молодой господин, — сказал Эдульф.

— Береги мальчика, — добавил другой.

— Мы все благодарим тебя.

ГЛАВА VI

**О, кто даст голове моей воду
и глазам моим — источник слез !
Я плакал бы день и ночь
о пораженной дочери
народа моего.¹**

Впоследствии Катан пытался вспомнить, как он вышел из тюрьмы — и не мог. Кажется, он отвел мальчика к себе и поручил слугам накормить и уложить его спать. Он пришел в себя, лишь заканчивая письмо к отцу, где описывал свое поражение. Подписав и запечатав послание, Катан немедленно отправил его с гонцом.

Затем он вновь утратил связь с реальностью и не помнил ничего с того самого мига, как опустил голову на руки, желая дать отдых уставшим глазам.

Разбудило его легкое прикосновение к плечу и голос Вулфера, управляющего, который пришел сообщить господину, что близится рассвет и что ванна для него готова.

Все тело его бунтовало, и Катан с раздражением оттолкнул цирюльника, явившегося побрить его; отказался он также и от кружки эля, принесенной заботливым Вулфером. Слегка перекусив, он оставил управляющему распоряжения на время своего отсутствия, заглянул к безмятежно спящему Ревану и неохотно спустился во двор, где слуга Кринан уже дожидался его с двумя лошадьми.

Спустя полчаса Катан уже въехал во двор королевской казновни. В голове слегка прояснилось от свежего воздуха, но на

сердце по-прежнему лежала тяжесть. Молодой придворный не смотрел по сторонам, он высоко поднял ворот плаща, показывая всем, что не желает ни отвечать на приветствия, ни отвечать на вопросы и пуще всего – говорить о вчерашнем происшествии.

Но ему не удалось остаться незамеченным. На пути он встретился с родичем своей жены – Коулом Хоувеллом.

Коул, очевидно, подстерег тот момент, когда Катан и Кринан въедут во двор. Тонкие губы изобразили улыбку, в которой было больше яда, чем доброжелательности.

– Доброе утро!

Коул подошел совсем близко, так что у Катана не было возможности объехать его.

– Хорошо ли ты спал, брат мой? Ты выглядишь очень утомленным.

Катан мысленно выругался, но постарался скрыть чувства.

– Хорошо. Благодарю. А ты?

– Я обычно плохо сплю, – пожаловался Коул. Он осторожно следил за выражением лица Катана. – Но у меня нет причин для беспокойства.

Он посмотрел на солнце, играя своим кнутом, и перевел взгляд на Катана.

– Я слышал, у тебя появился новый паж, – сказал он как бы между прочим.

– Новый паж?

– Да, тот, кого ты выбрал среди заключенных.

Катан почувствовал, что все мышцы его напряглись. Он удивился, что Коулу уже все известно. Должно быть, Молдред рассказал о случившемся в тюрьме всему двору.

– Это правда, – наконец сказал он, – я каждый год посылал несколько юношей для обучения. Почему ты спрашиваешь?

Коул пожал плечами.

– Просто так. Я любопытен. Думаю, ты догадываешься, что стал темой пересудов при дворе, когда вернулся Молдред.

– Очень рад, что доставил развлечение всему двору даже в свое отсутствие, – сказал Катан самым безразличным тоном, каким только мог. – Ну а теперь извини, у меня дела. Да и у тебя тоже.

Он хотел пройти мимо Коула в часовню, но тот, положив ему руку на плечо, задержал его.

– Его Величество сегодня в хорошем настроении, Катан, – сказал он. – Он просил меня ехать рядом с ним на охоту.

— Ты ждешь от меня поздравлений?

— Дело твое. Однако если ты хочешь сказать или сделать что-то такое, что приведет его в дурное расположение духа и сделает злым и раздражительным, каким он иногда бывает, то я не посмотрю, что ты мой родственник...

— Об этом ты можешь не беспокоиться, — сказал Катан без всякого выражения. — Я не намереваюсь говорить с Его Величеством, если, конечно, он сам не потребует этого. Ну, а теперь, если ты позволишь мне наконец пройти, я хочу помолиться один перед общей молитвой. Ведь сегодня принесены в жертву двое невинных.

— Невинных? — Коул скептически поднял бровь, давая Катану дорогу. — Я лично в этом сомневаюсь. Но вы, Мак-Рори, странные люди.

Когда кончилась месса, Катан смог выйти из церкви и сесть на лошадь, не говоря ни с кем. Умница Кринан выбрал место для них сзади всей охотничьей кавалькады, подальше от тех, с кем его господин был бы обязан говорить. Самый ужасный момент был тогда, когда мимо проехала принцесса в окружении придворных дам. Она послала кончиками пальцев воздушный поцелуй, но, к счастью, не остановилась, за что Катан был ей очень благодарен. Он не был уверен, что смог бы смотреть ей в лицо.

Кринан устроил так, что они выехали из городских ворот позже всех. Уже охотники трубили в рога и хлестали кнутами своих собак, чтобы они не сбивались в кучу, а на городской стене в петлях покачивались два трупа, причем один из них — труп ребенка.

У Катана на глаза навернулись слезы, и он долго ехал молча, с опущенной головой. Одна рука была прижата к ноющей груди. Он старался не думать о тех, кто болтался на виселице, и о тех, кто вскоре разделит их участь, но не мог избавиться от чувства вины перед ними. Оно разъедало его сердце и разум. Наверное, он мог бы их спасти, если бы постарался.

Теперь он не мог найти успокоения...

* * *

Закончился октябрь, а с ним и казни заложников, Верный своему слову, Имре не отменил казни и не возобновил репрессии против убийц Раннульфа. Крестьяне оплакивали своих земляков, но по крайней мере новых смертей не было.

Казненных оплакивали не только родственники.

66 Больше всех страдал Катан, который в течение двадца-

ти пяти дней мучился с каждым восходом солнца, с каждым рассветом, предвещающим смерть еще двоим несчастным, каждый из которых мог бы жить, если бы Катан выбрал его, а не Ревана.

Но каким-то чудом он сохранил рассудок, возможно, благодаря специальной тренировке Дерини. Во время охоты с королевским двором он пытался, и весьма успешно, скрыть неприязнь к тупому упрямству Имре. Эта черта раньше была несвойственна юному королю, которого он так хорошо знал и любил.

Охота продолжалась почти три недели. К тому времени, как охотники вернулись в Валорет, единственное, что мог делать Катан, — это тщательно скрывать свое горе.

Имре уже стал посмеиваться над Катаном, над его угрюмым видом и вовлек в эту игру весь двор. Так что Катан не мог больше оставаться при дворе и отправился вместе с Реваном в святой Лиам к своему брату-священнику. Однако это не спасло его от глубокой депрессии, в которую он погружался с каждым рассветом в течение двадцати пяти дней.

Теперь он все чаще запирался в отведенной для него комнате и не говорил ни с кем, почти не ел и даже не мог смотреть на Ревана, чья жизнь была куплена ценой жизней остальных заложников. И в день последней казни, когда он получил известие о смерти женщины, у которой неделю назад, в день казни ее мужа, родился мертвый ребенок, Катан больше не смог сдерживаться.

Сумасшедшее письмо Джорема заставило лететь в святой Лиам и Камбера, и Райса, а затем последовали долгие часы бесед, молитв и убеждений, прежде чем Катан начал постепенно выходить из состояния депрессии, и даже несколько раз потребовалось искусство Райса-Целителя, чтобы начал появляться прежний Катан.

Спустя неделю, в день Всех Святых, Катан провел один в холодной церкви аббатства всю ночь. Он никогда не рассказывал о том, что случилось с ним в эту ночь, но на следующее утро после мессы он, Камбер, Райс и Джорем выехали из аббатства в Кайрори. Это было спокойное возвращение домой.

* * *

Все эти события, естественно, отодвинули поиски наследника Халдейнов. Во время казней Райс и Джорем были вместе с Камбером и его людьми, а болезнь Катана задержала их отъезд.

И только в праздник святого Иалтида в первую неделю ноября они смогли отправиться в дорогу к святому Пирану.

За несколько миль до монастыря их нетерпение достигло предела.

На земле уже лежал первый снег. Он падал всю ночь, пока они спали, и теперь покрывал землю мягким белым ковром, который раздражал глаза и заставлял горизонт сливаться с бесцветным небом. Сырой воздух пробирал до костей; иней оседал на ноздрах лошадей, и еще не привыкшие к снегу животные раздраженно фыркали. Всадникам приходилось внимательно следить за дорогой, чтобы не попасть в яму или на камень. Сегодня они первыми прокладывали путь. Лошадиные копыта оставляли глубокий след на девственно-белом снегу.

— Мы уже где-то совсем рядом? — спросил Райс после того, как они молча проехали целый час.

Джорем стал дыханием согревать руку.

— Мы уже рядом. Скоро появятся первые постройки, Вообще-то мы доехали бы и вчера вечером, но было уже слишком поздно. Для нас лучше приехать сюда утром.

Они остановились на холме, чтобы взглянуть на широкую долину, расстилавшуюся внизу. Здесь снега было совсем мало, и по всей долине были видны монастырские строения. В другом конце долины стояла большая церковь со сверкающим крестом. Там и сям были раскиданы стога сена, чуть присыпанные снегом. Справа братья монахи в рабочих сутанах сгоняли коров на ферму. Рядом с главным зданием монастыря возвышался холм, из трубы которого струился дымок.

— О, у них здесь огромные владения, — заметил Райс, когда они приблизились к главным воротам. — А я думал, что этот Орден совсем бедный.

Джорем кивнул.

— В этих Орденах есть отпрыски знатных фамилий и даже королевской семьи, думаю, что эти маленькие земельные угодья — дары короля.

Их приняли здесь совсем иначе, чем в первый раз, когда они вместе въезжали в монастырь. Как только они остановились и спешили, тут же поводья их коней подхватили служки, почтительно поклонившиеся двум знатным приезжим.

Закутанный в серое монах поспешил через двор, чтобы встретить их. Он нервно поклонился сначала священнику, а затем Целителю в зеленом плаще.

— Доброе утро, отче, милорд. Да благословит вас

Господь! Мое имя — брат Сьеран. Чем могу служить.

Джорем вежливо поклонился в ответ, поддерживая холодный тон, предложенный монахом.

— Доброе утро, брат. Я — лорд Джорем Мак-Рори из Ордена святого Михаила, это — лорд Райс Турин, Целитель. Мы бы хотели поговорить с вашим приором.

— Конечно, господа. — Монах снова поклонился. — Пройдите, пожалуйста, сюда. Я спрошу его преосвященство, сможет ли он принять вас.

Он повернулся и пошел. Джорем бросил ободряющий взгляд на Райса, и последовал за братом Сьераном.

Их провели через двор, через длинную галерею, затем по саду, засыпанному снегом, в большую комнату, где не было ни стульев, ни скамеек. Здесь их оставили ждать среди четырех стен, увешанных картинами на религиозные темы. Вскоре в комнату вошел древний старик с седыми волосами. У него были по-детски удивленные карие глаза, а на груди висел серебряный крест на витом кожаном шнуре.

— Я — отец Стефан, приор монастыря святого Пирана, — сказал он и поклонился. — Чем я могу служить вам, милорды?

* * *

Вскоре брат Сьеран провел их в небольшую комнату. Вдоль стены стояла узкая скамья, и в стене на уровне пояса было небольшое круглое отверстие диаметром с ширину ладони. Оно было заткнуто прозрачной тканью, Монах предложил сесть, а сам с поклоном удалился. Дверь за ним бесшумно закрылась.

Через небольшое отверстие в потолке проходили свет и воздух, но в части комнаты, удаленной от центра, царил полумрак. Через круглое отверстие в стене тоже проник свет — это в соседнюю комнату вошел кто-то и закрыл за собой дверь. Они слышали чье-то дыхание. Человек по ту сторону стены подошел к отверстию и сел.

Все молчали. Джорем сел слева от отверстия и знаком показал Райсу место справа.

— Брат Бенедикт?

Человек откашлялся.

— Я — брат Бенедикт. Вы должны простить меня. Я отвык разговаривать.

— Я понимаю, — сказал Джорем. Он взглянул на Райса и сосредоточился для продолжения разговора. — Брат Бенедикт, мы явились с миссией весьма деликатной. Я —

священник Ордена святого Михаила, а мой друг — Целитель. Не так давно мы проводили в последний путь одного старика, который перед смертью сказал, что у него есть внук, монашеское имя которого — Бенедикт. Вы случайно не он?

Они слышали вздох, затем молчание и, наконец, голос;

— Как его звали?

— Мы бы хотели, чтобы вы назвали его имя, брат Бенедикт, — ответил Джорем. — Я могу сказать вам, что жил он в Валорете.

Снова послышался вздох, и человек за стеной откашлялся.

— Благодарение Богу, что мой дед всегда жил в Ренгарте. Он бедный каменщик, и у него не было дел в столице. Его звали Дунстан.

Дунстан — не Эйдан. И не Дан. Значит, это не их Бенедикт. Джорем вздохнул, взглянул на Райса, который уронил голову на руки.

— Дунстан, — повторил Джорем. — Нет, это не то имя. Может, другой Бенедикт — тот человек, которого мы ищем. Не можете ли вы попросить его прийти к нам, брат Бенедикт.

— Конечно, отче.

— И пусть ваш дед Дунстан живет в счастье и радости долгие годы.

— Благодарю, отче.

Послышался шорох одежды, когда человек встал, затем отблеск света от открывающейся двери и тишина за стеной.

Джорем посмотрел на Райса, поднявшего голову и казавшегося очень смущенным.

— Что случилось? Тебе что-то не нравится? — улыбнувшись, спросил Джорем.

Райс вздохнул и покачал головой, прикусив губу.

— Я не создан для интриг, Джорем. Я был простым Целителем перед тем, как вмешался в это дело. Я всегда действовал открыто. А теперь...

В отверстии опять мелькнул свет. В комнату кто-то вошел. Райс замолчал.

Человек шел неуверенно, прихрамывая и волоча за собой ногу. Он все время кашлял и, подойдя к скамье у отверстия, тяжело опустился на нее.

Райс и Джорем почти ощутили физическое усилие человека при этом. Райс применил считывание мыслей, но тут же преврал его. Человек за стеной был серьезно болен, легкие его были все разрезаны недугом.

Райс проглотил слюну и дал знак Джорему начинать.

— Доброе утро, брат Бенедикт, — сказал Джорем. — Мы благодарим вас, что вы пришли.

— Я постараюсь быть вам полезен, — пробормотал человек, — но вы слишком поздно явились. Если бы я мог летать... Но ничего, я все равно уйду отсюда. У меня есть верный способ покинуть эти стены.

Райс удивленно взглянул на Джорема.

— Вы хотите уйти отсюда, брат?

Человек опять закашлялся.

— Теперь это не имеет значения. Если бы двадцать лет назад мои враги были менее жестоки... Но как я могу помочь вам? Ведь вы же пришли не за тем, чтобы слушать мои жалобы?

Джорем взглянул на Райса, Он был уверен, что и Целитель мучается тем же вопросом, что и он. Что же случилось с этим человеком двадцать лет назад? Значит, его насильно отдали в монастырь, беспринципные люди так иногда поступали с врагами. И двадцать лет назад...

Но неужели это их Бенедикт, больной и умирающий...

— Я — священник Ордена святого Михаила, брат Бенедикт, мой друг — Целитель. Недавно мы похоронили одного старого человека, который, возможно, был вашим дедом.

Из-за стены послышалось хриплое дыхание, которое вскоре перешло в надсадный кашель.

Затем он стих, после чего раздался голос;

— Пусть он горит в аду!

— Простите, я не понял, — сказал Райс.

— Я сказал, пусть он горит в аду. Это он и его друзья затачили меня сюда, отобрали мою молодость, мои мечты...

— Одну секунду, — перебил его Джорем. — Как его звали?

— Как его звали? — повторил монах, — Его имя ненавистно мне, хотя его звали, как и моего отца, Джеймс.

— Джеймс, но не Даниель. Слава Богу, — подумал Джорем, — что этот обозленный человек не наш принц, не тот Бенедикт, которого мы ищем!

Во всяком случае, поиск следовало продолжить.

У них оставались еще три Бенедикта и надежда отыскать того, единственного.

Он встал, знаком приказал Райсу подняться. Он знал, что его другу тоже хочется поскорее уйти отсюда, раз их попытка окончилась неудачей. Джорем кашлянул, чтобы привлечь внимание монаха.

— Мы просим прощения за беспокойство, брат Бенедикт. Мы ошиблись, этого человека звали не

Джеймс. Я не могу, конечно, пожелать вам, чтобы вы смогли отомстить врагам, но я буду молиться, чтобы уход ваш отсюда был быстрым и безболезненным.

Человек снова закашлял и жалобно заговорил:

— Вы не расскажете отцу приору, о чем я говорил? Я... простите меня. Вероятно, потому что ко мне никто не приходит... Меня держат в строгом заточении, и ненависть овладевает мною. Но перед лицом приближающейся смерти... простите меня.

— Конечно, — ответил Джорем.

Они из комнаты и вскоре снова были во дворе. Служки тут же подвели им коней.

Брат Сьеран сопровождал их и даже погладил шею коня Райса, когда Целитель вскакивал в седло.

— Прекрасное животное, милорд. До вступления в Орден у меня тоже были такие лошади. — Он с сожалением пожал плечами. — Но, увы, это в прошлом. Надеюсь, вы не были разочарованы визитом, милорды? Вы нашли человека, которого искали?

Райс пожал плечами.

— Вот этот второй монах, с которым мы говорили... Врач осматривал его?

— Нет, милорд. Он отказывается от врача, — сказал брат Сьеран.

— Ему недолго осталось, — заметил Райс. — Он знает об этом?

— Думаю, да. Но это не тревожит его, — ответил Сьеран. — Он был озлоблен, когда попал сюда, а это было лет десять назад, а может, и больше. Я думаю, что у каждого свой путь к душевному покою. Все мы вошли в эти стены по разным причинам.

— И даже против собственной воли? — спокойно спросил Джорем.

— О, он вам сказал это? Боюсь, что разум его давно помутился. Он говорил об этом много раз, но это, разумеется, неправда. Никто не может войти сюда помимо собственного желания.

— Да, конечно, — сказал Джорем, не скрывая сарказма в голосе. — Благодарю за помощь, брат Сьеран. Да хранит вас Господь!

— И вас тоже, милорды! — ответил Сьеран, поднимая руку для благословения.

Он долго смотрел вслед выехавшим из ворот всадникам. Надвигалась буря.

ГЛАВА VII

**Искусство врача возвышает его,
но в присутствии великих людей
он должен склонить голову
в восхищении.¹**

Розыски удалось возобновить лишь через несколько дней, и на сей раз вместо Джорема с Райсом отправился сам Камбер, переодетый монахом-гавриилитом.

Джорем хотел составить им компанию и просил отца дожидаться, пока он отпросится из монастыря, но медлить им не хотелось, а уезжать без дозволения Камбер сыну не позволил, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Спешка же их была вызвана новыми бесчинствами молодого короля.

Едва лишь выпал первый снег, в Найфорде, где возводилась новая столица Имре, замерзли насмерть несколько десятков строителей, потому что для них не были подготовлены зимние жилища и одежда. Еще тридцать два человека погибли во время обвала в каменоломне, — виной тому оказались негодные крепления.

В Ремуте, старой столице Гвиннеда, двадцать крестьян были посажены в тюрьму, а поддюжины повешены за отказ платить налог и добровольно идти на строительство.

В Маривелле, на севере, перепившиеся солдаты спалили полгорода и не понесли никакого наказания, хотя сам архиепископ Валорета взывал к Имре с просьбой защитить ни в чем не повинных горожан.

¹ Экклезиаст 38:3

Когда Камбер услышал обо всем этом, его охватил сильный гнев. Такое пренебрежение подданными было непростиительно для короля.

И вот всего через неделю вместе со вконец издергавшимся Райсом Турином они поднимались в Лендурские горы, где находилось аббатство святого Фоиллана. Они уже три дня ехали по дороге, встречая множество путешественников, но в последний день, когда они въехали в область снегов, им не встретилось ни души.

И теперь, проезжая мимо широких монастырских полей, расположенных в горах и горных долинах, они уже видели дымки кухонь аббатства — единственные признаки жизни на этой замороженной земле. Большие озера были скованы льдом, огромные пастбища и поля занесены снегом. Все вокруг было мертво.

Два всадника плотно кутались в меховые плащи, лошади фыркали, выпуская клубы пара, скользили по льду, ежились от ледяного ветра.

Наконец они прибыли к воротам аббатства.

— Кто желает войти в ворота святого Фоиллана? — послышался старческий голос из окна высокой сторожевой будки.

Ветер унес эти слова, и Камбер заставил лошадь подойти на несколько шагов ближе.

— Откройте ворота двум замерзшим путникам, — крикнул Камбер. — Я от архиепископа. Я — брат Кайрил, а со мной лорд Райс Турин. Мы долго ехали к вам.

— Вы монахи?

Чья-то голова высунулась из окна, чтобы посмотреть на них, но выражение лица в слабом свете зимнего дня было трудно разобрать.

— Да, я из Ордена святого Гавриила, лорд Райс — Целитель. Примите нас, пожалуйста. У нас дело к вашему аббату.

Ответа не последовало, но голова исчезла, окно закрылось, и вскоре открылась боковая калитка ворот.

Райс двинулся за Камбером, а монах, прежде чем взять лошадей, тщательно запер за ними дверь.

Каменные башни и стены аббатства на фоне белого снега выглядели зловеще. Но они казались игрушечными по сравнению с неприступными скалами, служившими естественной границей на севере и востоке. Их склоны обдувались ветром и были свободны от снега.

В монастырской церкви на склоне горы высилось громадное здание с большими дощатыми дверями. В

эти двери служки ввели лошадей, когда Камбер, Райс и сопровождавший их монах вошли во двор.

«Вероятно, это зимние конюшни», — подумал Камбер.

Через пять минут Камбер и Райс уже сидели в комнате на скамье перед огнем. У каждого из них в руках был бокал с горячим вином, под ногами — подушки. Аббат еще не появился, и сопровождавший их монах сновал по комнате, зажигая свечи, вытирая пыль и спешно наводя порядок.

Камбер искоса бросил взгляд на Райса, как бы призывая его быть внимательным и осторожным, расстегнул ворот плаща и опустил его на плечи. Райс тоже начал согреваться, и ему пришлось даже отодвинуться от огня.

Вскоре открылась дверь, и на пороге появился аббат. Камбер сразу же встал, поставив бокал на скамью.

— Добрый день, аббат, — сказал он, склоняясь, чтобы поцеловать перстень. — Я — брат Кайрил и нахожусь на службе его милости архиепископа. Это — мой коллега, лорд Райс Турин, Целитель.

Райс тоже поставил в сторону бокал и поцеловал перстень аббата. Когда все требования этикета были соблюдены, аббат поднял костлявую руку и покачал головой.

— Нет, нет, брат Кайрил, давайте без церемоний. У вас был дальний путь по плохой погоде, и брат Джубал сказал мне, что вы приехали по важному делу. Чем я могу помочь вам?

Он знаком приказал монаху придвинуть кресло к огню, сел и позволил сесть Камберу и Райсу. Когда они расположились и аббат взял бокал, Камбер сложил руки перед собой и откашлялся.

— Отец аббат, мы приехали с очень деликатным делом и надеемся на ваше доброе отношение. — Он опустил глаза на бокал с вином. — Мы хотели бы поговорить с одним из ваших монахов. Это чрезвычайно важно.

Аббат долго смотрел на них поверх бокала, грея о него руки.

— Если человек чего-то хочет, — наконец заговорил он, — то всегда надо спросить — зачем. — Он прикрыл глаза. — Чтобы удовлетворить вашу просьбу, мне придется существенно нарушить наши правила, и если я это сделаю для вас, для его милости архиепископа, то я должен знать — почему?

Камбер опустил голову в знак согласия.

— Несколько месяцев назад умер один старик. Он был пациентом лорда Райса и, будучи на смертном одре, попросил Райса принести печальную весть его внуку. К

несчастьем, он успел только сказать, что его внук — монах вашего Ордена и имя его Бенедикт. Райс просил моей помощи в поисках монаха — и вот мы здесь.

— Ясно, — сказал аббат, опустив глаза к бокалу с вином. — Этот дед — он был важной личностью?

— Только для меня и для его внука, — ответил Райс. — Он был очень встревожен относительно своего прошлого и надеялся, что его внук сможет замолить его грехи и спасти душу. Я обещал, что постараюсь найти его внука, и я обязан это сделать. Могу ли я поговорить с ним, отец аббат?

— Это не положено... — начал аббат.

— Мы понимаем наше положение, отец аббат, — сказал Камбер. — Но это ведь не принесет никому вреда. Старик чувствовал себя большим грешником и надеялся, что молитвы его внука откроют ему путь на небеса. Я говорил об этом случае с его милостью архиепископом, и хотя он обычно не вмешивается в решения местных организаций церковной власти, пусть она формально находится под его юрисдикцией, но в данном случае он сказал, что отступление от правил возможно. Мы просим всего несколько минут.

— Хм-м, — промычал аббат.

Было ясно, что упоминание об архиепископе произвело впечатление на аббата, и сейчас он взвешивал обстоятельства.

— Как имя внука? — спросил он.

— Нам он известен только как брат Бенедикт, отец аббат.

Аббат встал и начал расхаживать по комнате. Руки его скрылись в широких рукавах сутаны, на лице отражалось сильное беспокойство.

— Вы ставите меня в ужасное положение. Вы должны понять, что брат Бенедикт принял обет молчания. Он не говорит ни с кем, только со своим ангелом и со мной, своим духовником, уже больше двенадцати лет. Он — святой человек и очень тверд в своих обетах. Я не уверен, что он захочет увидаться с кем-нибудь из внешнего мира.

Камбер встал на пути аббата, и тот остановился.

— Я — монах, отец аббат, лорд Райс — Целитель, а это тоже божественное призвание. Я полагаю, что мы не просто из внешнего мира, мы братья по духу. И думаю, что если он такой святой человек, то вы, его духовник, можете ему посоветовать встретиться с нами. Но, конечно, брат Бенедикт должен решать сам.

Аббат внимательно посмотрел в лицо Камбера, как бы ища там что-то, и перевел взгляд на Райса.

— Вы, милорд, тоже согласны с тем, как оценивает брат Кайрил брата Бенедикта, которого вы никогда не видели? Неужели вам так нужно, чтобы святой человек нарушил свой обет?

Райс опустил голову, чувствуя свою вину за то, что им приходится скрывать свои истинные цели, затем взглянул на аббата. В конце концов, они же не лгут, все, что они говорят, правда, хотя и не вся. Почему же он должен стыдиться?

— Кто может сказать, что он в чем-то уверен полностью, отец аббат? — спросил он тихо. — Разве мы не говорим в молитвах *Domini, non sum dignus*? Но затем мы говорим «Скажи, и слово излечит твою душу». Как Целитель я ежедневно ощущаю целительную силу Господа, проходящую сквозь них в меня. Я знаю, что это дар Божий. Если брат Бенедикт встретится с нами, то я буду полностью уверен, что прав, требуя свидания с ним.

Аббат улыбнулся и поклонился.

— Великолепно, милорд. Ваше искусство Целителя не затмило в вас знания закона Божия. — Он опять нахмурился. — Быть посему. Я спрошу брата Бенедикта, желает ли он вас видеть, но ничего не обещаю, я только спрошу.

С этими словами аббат медленно удалился.

А еще через десять минут, после того как их провели через зал в закрытый двор, Камбер и Райс оказались в маленькой темной комнате с мелкой решеткой на одной стене. В комнате было достаточно тепло, но сумрачно.

Свечи у двери были единственным источником света. У стены с решеткой лежал коврик, такой маленький, что на нем едва могли уместиться два коленопреклоненных человека.

Камбер спокойно стоял посреди комнаты и осматривал ее. Райс с подозрением смотрел на решетку.

— Вероятно, он согласился, — прошептал Райс, когда дверь их комнаты закрылась снаружи.

— Да, теперь моли Бога, чтобы это оказался он, — ответил Камбер.

Он придвинулся к Райсу, положил ему руку на плечо и сказал еле слышным голосом:

— Держись поближе, друг мой, У меня какое-то странное предчувствие, и оно мне не по душе.

Райс кивнул, понимая, что Камбер имел в виду не физическую близость. Он опустился на колени у решетки, когда услышал по ту сторону шелест одежды. Камбер встал на колени рядом с ним, рука его остановилась на руке Райса. Он кивнул Целителю, чтобы тот начинал.

— Брат Бенедикт? — прошептал Райс.

Шелест одежды прекратился, и Райс увидел смутные очертания за решеткой и почувствовал дыхание, чистое и свежее, но разглядеть что-либо было невозможно.

— Брат Бенедикт? — повторил Райс. Из-за решетки послышался слабый звук, похожий на кашель.

— Я — брат Бенедикт, — сказал тихий голос. — Чем я могу служить вам.

Целитель и аже-монах обменялись напряженными взглядами. Каждый из них остро чувствовал тревогу и напряженность другого. Камбер прильнул к решетке.

— Мы просим прощения, брат Бенедикт, за беспокойство, но мы очень надеемся, что вы именно тот человек, которого мы ищем. Мое имя — брат Кайрил, со мной лорд Райс Турин, Целитель. Он присутствовал при последних минутах жизни вашего деда.

Послышался вздох удивления.

— Мой дед? О, Иисус и все святые! Я думал, что он умер десять или пятнадцать лет назад!

— Умер? — спросил Камбер. — Я не понимаю. Как же его звали?

— Его имя Даниель. Я пытался связаться с ним лет десять назад, еще до того, как принял свой мрачный обет. Когда он умер, я не знаю. Но, простите, вы сказали, что лорд Райс Турин присутствовал при его смерти. Значит, он умер только сейчас?

— Боюсь, что да, — печально ответил Камбер. — Он...

Голос его прервался. Он вдруг понял, что это именно тот, кто им нужен.

Рука Райса крепко стиснула руку Камбера. Юноша прижался к решетке.

— Брат Бенедикт, это лорд Райс. Вы сказали, что вашего деда звали Даниель. Как его второе имя? Если вы тот человек, которого мы ищем, то у нас поручение для вас, но нам необходимо в этом убедиться. Скажите, что вы помните о своем деде?

Последовала пауза, полная тишина за решеткой. Затем спокойный голос произнес;

— Его звали Даниель Тряпичник, и он торговал одеждой, когда я вступил в Орден. Мой отец Ройстон был убит во время погрома за год до этого...

При упоминании этого имени в мозгу Райса вспыхнула та же картина, которую он видел в памяти старика: Ройстон лежит в гробу, а Даниель с мальчиком Синхилом со страхом и любовью смотрят на него.

Он внезапно понял, как выглядит человек за решеткой, Это тот же мальчик, но уже в зрелом возрасте: блестящие черные волосы, посеребренные на висках долгими трудными годами, чистые серые глаза Халдейнов на узком красивом лице, тонкие руки, изможденные годами молитв и постов, но руки сильные, способные делать многое, в том числе и держать тяжелый меч.

Он передал это изображение Камберу и почувствовал, как тот поморщился от чересчур интенсивного сигнала, и вдруг он принял сигнал самого Камбера: Синхил — нет, пока Бенедикт, — здесь не один!

Ничего необычного в этом не было: Бенедикт мог и сам попросить свидетеля на это свидание. Скорее всего это был сам аббат, тихо стоявший у двери в той же комнате.

Но им следовало быть осторожнее. Как же теперь им действовать, чтобы не возбудить подозрений?

— Но я говорю очень сбивчиво и неразборчиво, — говорил Бенедикт. — Вы должны извинить меня, милорды, мне трудно выражать свои мысли. Конечно же, я счастлив, что мой дорогой дед так долго прожил. Умоляю, скажите, были ли эти годы счастливыми для него? Умер ли он в мире и покое?

— Он был хороший человек, — ответил Райс и вопросительно посмотрел на Камбера, будто спрашивая, что же делать дальше. — Мне выпала честь лечить его с того момента, как я начал исцелять людей. Он просил меня на своем смертном одре, чтобы я нашел вас и передал просьбу молиться за его душу.

— О, бедная, добрая душа! — Монах вздохнул. — Прошу прощения, милорды, но я должен помолиться.

Послышался шелест одежды за решеткой, и Райс посмотрел на Камбера.

Что теперь? — мысленно спросил он.

— Я не знаю. Нам следовало бы узнать побольше. Но я боюсь вызвать подозрение.

— Это будет непросто, он...

— У меня есть план, — оборвал его Камбер. — Райс, ты можешь сделать так, чтобы он заболел?

— Что?!

— Слушай внимательно. Используй все свое искусство, чтобы вызвать у него признаки болезни. Пусть он упадет в обморок или еще что-нибудь. Это даст нам возможность войти туда и встретиться с ним лицом к лицу. Я сомневаюсь, что у них есть свой Целитель.

— Но использовать свое искусство, чтобы причинить вред...

— Нет, не вред. Оказать помощь. Ведь ты можешь сделать так, чтобы вреда не было. Райс, мы должны приблизиться к нему. Нам нужно знать, следует ли рисковать и вытаскивать его отсюда?

— Прошу прощения, милорды, — раздался голос Халдейна. — Я так потрясен...

— Давай! — приказал Камбер. — Он дезориентирован, находится в смятении. Ты можешь его просто перевести в состояние обморока. Делай!

Камбер откашлялся, кивнул Райсу и начал.

— Я думаю, что вам вряд ли известны причины, заставившие вашего деда беспокоиться о своей загробной жизни, брат Бенедикт, Даниель чувствовал, что он много грешил в этой жизни; я говорил с его духовником, и добрый отец заверил меня, что он уже получил полное отпущение грехов, однако...

Райс собрался с силами, успокоил свой разум, отключился от всего, и слова Камбера протекали сквозь него неслышанными. Он приводил себя в состояние полной отрешенности, которое было необходимо для воздействия на другого человека. Закрыв глаза, он полностью отключился от внешнего мира, мысленно произнося слова, которые должны были привести его в состояние транса.

Райс ощутил слабое покалывание в кончиках пальцев, в губах, под глазами, он чувствовал близость Бенедикта, внимательно слушающего Камбера. Медленно он протянул руку к решетке, коснулся пальцами металла, согрел его своим прикосновением.

Открывая глаза, он приблизил лицо к решетке, увидел лицо, очертания головы Бенедикта, прижавшегося к решетке, чтобы лучше расслышать слова Камбера, которых Райс не слышал совсем.

Он направил свою энергию в узкое пространство, разделявшее их. Рука его находилась всего в нескольких миллиметрах от головы Бенедикта.

Райс выпустил мощный сгусток энергии, которая проникла в разум монаха незамеченной, так как тот был полностью поглощен словами, простыми словами, обволакивающими его сознание. Теперь Райс был внутри его разума. Он мягко зондировал его, отыскивая слабые места, стараясь делать это незаметно, чтобы его нельзя было обнаружить.

Он нашел то, что искал, и приложил энергию в центр, управляющий сознанием, увеличил давление и понял, что не ошибся. Слова Камбера стали расплываться в мозгу Бенедикта, теряя смысл.

Вдруг Бенедикт обмяк у стены и сполз на пол.

Райс еще раз коснулся нужного места и увидел, что возле него кто-то копошится, излучая смятение и страх.

Райс убедился, что обморок будет длительным, затем выскользнул из разума и прервал контакт. Он обнаружил, что истекает потом, что рука его судорожно сжимает руку Камбера, который смотрит на него с почтительным уважением, даже с некоторой боязнью. Райс отпустил руку Камбера и с трудом проговорил дрожащим голосом:

— Что случилось?

— Он потерял сознание, — прошептал Камбер. Легкая улыбка играла на его губах, — Брат Бенедикт! — позвал он. — Брат Бенедикт, что с вами?

— Он без сознания. Я думаю, что ему плохо, — слышался голос аббата. — Брат Пол, брат Финеас, идите сюда.

Послышался шум бегущих ног.

— Бенедикт, скажи что-нибудь. Финеас, позови кого-нибудь! У него шок. Бенедикт, что с тобой?

Райс попытался заглянуть сквозь решетку, а Камбер спокойно стоял на коленях, немного склонив голову и прислушиваясь.

— Предложи им помощь, — почти беззвучно прошептал он.

Райс прижался к решетке.

— Отец аббат, может, я могу помочь? Я Целитель.

Никто не отреагировал на его слова. За стеной слышалась возня, беготня, перешептывания, а затем кто-то громко сказал:

— Я не понимаю, что с ним, отец аббат. Если это просто обморок, то он должен был бы уже давно пройти.

— Он очень много постился в последние дни, — сказал другой. — Я предупреждал его, что два раза в месяц — это слишком много.

— А может, это колдовство? — прошептал третий. — Боже, спаси нас!

— Чепуха! Не впадайте в панику, — слышался голос аббата, — Лорд Райс, вы еще здесь?

— Да, отец аббат. Я слышу. Что произошло? Может, я могу помочь чем-нибудь?

Он взглянул на Камбера, и тот одобрительно кивнул.

— Я не знаю, милорд. Брат Бенедикт в обмороке, и наш врач не может привести его в сознание. Может, вы заглянете сюда и посмотрите на него?

— Пожалуйста, отец аббат. Для меня большая честь оказать вам посильную помощь. Я чувствую себя виноватым в том, что произошло.

Камбер прикрыл рот рукой, скрывая улыбку, и Райс строго посмотрел на него.

— Но я не могу понять, почему он так остро воспринял смерть своего деда, — поспешно добавил он.

— Вам не за что ругать себя, милорд. Брат Финеас, пожалуйста, проводи лорда Райса. А вы помогите мне перенести брата Бенедикта в его келью.

Когда за стеной все затихло, Камбер встал и глубоко вздохнул.

— Надолго ли обморок? — прошептал он.

— Минут на пятнадцать-двадцать!

Райс, вставая, попытался заглянуть сквозь решетку.

— У меня будет много времени, чтобы привести его в себя. Я постараюсь все прочесть в его мозгу. Это, может быть, наша единственная возможность.

— Во всяком случае, мы... — начал было Камбер, но прервался на полуслове и закашлялся.

Дверь отворилась, и в комнату заглянул брат Финеас.

— Лорд Райс?

— Могу ли я пригласить с собой брата Кайрила? Мы часто работали вместе.

— Но...

— Пожалуйста, брат. Я — монах, — напомнил ему Камбер, — Идем, нельзя терять времени.

* * *

Этим вечером Райс и Камбер, держась за руки, сидели в комнате гостиницы за круглым столом, между ними горела свеча. По прибытии сюда они быстро поели внизу, в общей столовой, отогрелись после скачки по заснеженным равнинам и поднялись в свою комнату.

Последние полчаса они провели в глубоком трансе. Райс передавал Камберу информацию, воспринятую им во время короткого обследования разума Синхила. Передача мысленных впечатлений была гораздо проще, эффективнее, чем передача словами.

Первым вышел из транса и прервал контакт Камбер. Он выпрямился в кресле и потер онемевшие кончики пальцев, восстанавливая кровообращение. Веки Райса

затрепетали, и он тоже сделал глубокий вдох, затем другой, третий, вытесняя из разума остаточные явления транса. Камбер зевнул и наполнил две кружки ароматным вином.

— Ты очень искусно провел считывание мыслей, хотя обстановка была сложная. Должен сказать, что я поражен.

Райс потерял глаза и заставил взгляд сфокусироваться на Камбере.

— Да. Он великолепен, хотя и нетренирован. Но... — Он устало вздохнул. — Но, черт побери, почему такой незаурядный человек так искренне пожелал сделаться монахом! Это усложняет все дело.

— Он был честен перед собой. — Камбер улыбнулся. — Синхил — священник, он чувствует призвание к этому. И он — хороший священник. При нынешних обстоятельствах он и не мог быть никем другим.

— Джорем это бы понял, а я не понимаю, — упрямо настаивал Райс. — Весь вопрос в том, захочет ли он нарушить обет ради короны. Я уверен, что после соответствующего обучения он вполне способен быть королем. Но захочет ли он? Что для него выше: долг рождения или долг обета? Ему придется делать трудный выбор. Имеем ли мы право предлагать ему этот выбор?

— Нарушить обет и одеть корону? — Камбер вздохнул. — Жениться, произвести наследников, восстановить династию — это для большинства людей радостная задача. Но с Синхилом такого не будет. Боюсь, он — настоящий священник. И хотя мы можем уговорить его покинуть обитель, сбросить монашескую одежду, выйти в мир, жениться и надеть корону предков, — а я уверен, что мы это должны сделать, — он никогда не будет счастливым человеком, по-настоящему счастливым. Мы даже не имеем права предоставлять решение ему самому, если есть хоть малейший шанс, что он может отказаться. Синхил Халдейн должен стать королем.

— Но...

Райс положил локти на стол и, опустив на руки голову, погрузился в раздумья.

Камбер долго молчал и наконец спросил:

— Ты уверен в этом?

Райс покачал головой.

— Мы так мало знаем о нем. А что если мы ошибемся?

— Ошибиться могу только я. — Камбер хмыкнул. — Ведь мы с Джоремом уже решили выступить против тирании, свергнуть злого короля и восстановить истинного наследника трона.

Райс улыбнулся, несмотря на усталость, но затем снова стал угрюмым и посмотрел на Камбера.

— Я знаю. И ты, конечно, прав. Синхил обладает слишком большим потенциалом, так что мы должны попытаться посадить его на трон. Но цена...

— Она будет высока для всех нас. — Камбер кивнул. — И смерти крестьян — это не последние смерти, не окончательная цена, которую нам придется платить, И даже если нам удастся вытащить Синхила из святого Фоиллана, нам еще надо будет убедить его в том, что только он сможет нанести успешный удар.

Райс только кивнул в знак согласия и начал готовить себе постель. Но сон не шел к нему в эту ночь. Дневное напряжение истощило его и физически, и психически. Еще долго после того как глубокое, ровное дыхание Камбера возвестило, что тот уснул, Райс лежал на спине, глядя на темный потолок и слушая звуки, доносившиеся снизу из таверны, завывание ветра за ставнями.

Он продолжал думать о тех частях разума Синхила, которые он не смог исследовать: они находились за такими мощными непроницаемыми защитами, проникать за которые он не решился, боясь, что будет обнаружен. Он никак не мог предположить, что у людей могут быть такие защиты.

Знает ли Синхил, кто он в действительности, и задумывался ли он когда-нибудь над тем, что он — наследник рода Халдейнов и короны Гвиннеда, узурпированной жестокими Фестилами — королями Дерини.

ГЛАВА VIII

Жесток гнев, неукротима ярость, но кто устоит против ревности?¹

Имре Фестил упражнялся в фехтовании на тренировочном дворе королевского дворца в Валорете, под бдительным оком наставника. По периметру площадки толпились приближенные, криками выражая свое восхищение и помогая владыке советами. Однако присоединиться к королю никто не решался: за малейшую оплошность можно было угодить в опалу.

Все знали, как не любит Имре, когда при нем обнажают оружие — даже люди, не раз на деле доказавшие свою преданность королю. Лишь немногие имели на это право — Армах и Селкирк, его учителя фехтования, и еще горстка избранных. Имре мог счесть изменой и попыткой покушения обнаженный клинок, даже если несчастный придворный желал лишь поупражняться в фехтовании. При малейшем намеке телохранители готовы были броситься на помощь своему господину, атаковав незадачливого партнера по тренировке.

Так что уроки фехтования были для свиты нелегким испытанием.

К тому же, Имре не слишком хорошо владел мечом. Хрупкое телосложение мешало овладеть этим искусством, да и не слишком-то оно и привлекало короля. Наставники весьма средне оценивали его способности и давно отчаялись сделать из правителя истинного бойца.

Однако одолеть его в бою было непросто. Часто бывало, что противник, обманутый неуклюжими маневрами короля,

¹ Притчи 27:4

расслаблялся и получал удар, который в настоящем бою мог оказаться и смертельным. И хотя телохранители были все время рядом, тем, кто знал короля, было ясно, что Имре не привык полагаться на посторонних, чтобы защитить себя от возможных убийц.

Любимым оружием Имре был вовсе не меч, а небольшой кинжал. И в этой смертельной игре даже учителя должны были признать, что король очень опасен. Армах, который сегодня руководил занятиями Имре, уже получил рану в предплечье.

Имре, закончив работу, повернулся, отсалютовал учителю и, отойдя в центр площадки, стал поправлять сбившуюся одежду.

Селкирк, ожидавший на краю площадки, воспринял это как сигнал для него и вышел на поле. Он был одет в полные доспехи, кольчугу и шлем. Опустившись перед королем на колени, он протянул свой меч рукоятью вперед: так, по обычаю, он просил разрешения скрестить оружие с королем.

Имре засмеялся, опустил забрало и слегка притронулся к шлему Селкирка, что означало согласие на бой. Затем он отсалютовал свите, которая тут же разразилась рукоплесканиями. И вот он и Селкирк уже кружили друг возле друга, осторожно выбирая мгновения для удара. Все замолкли, когда начался поединок.

Катан Мак-Рори был среди придворных, ожидая, когда король освободится. Это было первое появление Катана у короля после уже упомянутых событий. Хотя он и приходил во дворец каждый день после своего возвращения в Валорет, его до этого дня к королю не приглашали, у Имре были вполне понятные причины избегать встреч со своим прежним фаворитом.

Но сегодня все было иначе. Катан присутствовал в королевской часовне на утренней службе, полностью уверенный, что король проигнорирует его, как это было три предшествующие недели, но когда король вышел от своего духовника, он направился прямо к Катану, тепло обнял его и сказал, что ему не хватало друга все эти дни. Имре сказал, что он понял поведение Катана в случае с заложниками, им руководил долг перед отцом, а не неприязнь к королю. И он, Имре, был совершенно не прав в том, что отдалил от себя своего друга Катана только за то, что тот выполнял свой сыновний долг.

Сможет ли Катан простить его?..

Катан мог. Он был потрясен этим публичным покаянием короля, и ему ничего не оставалось, как возобновить дружеские отношения с ним. Несмотря на все прома-

хи Имре, Катан все еще с обожанием относился к нему. Приглашение на тренировочные занятия Имре было еще одним доказательством того, что все забыто.

Теперь Катан стоял на почетном месте рядом с личным слугой Имре. В его руках была королевская чаша с вином и полотенце. Он улыбнулся и ободряюще кивнул, когда королю удалось сложная комбинация в бою с Селкирком.

Джеймс Драммонд и Гьюэр Арлиссский вежливо захлопали. Их лица совершенно не отражали их истинные чувства относительно утренних событий.

Катан решил игнорировать враждебные взгляды, которые непрерывно ощущал на себе.

Главным источником этих взглядов был Коул Хоувелл, величественно возвышавшийся между Молдредом и Сантейром, именно Коул занял место Катана возле Имре в последние недели, и теперь ему грозило отдаление от короля, если Катан снова станет фаворитом.

Через некоторое время Коул подозвал слугу и стал с его помощью натягивать доспехи, что-то сказав своим компаньонам, которые фыркнули и посмотрели на Катана.

Поединок короля уже подходил к концу, когда Коул взял щит и меч и вышел на поле.

— Сир, я не хочу обидеть мастера Селкирка, но он сегодня явно не в лучшей форме и не может оказать достойное сопротивление Вашему Величеству. Я, конечно, не могу сравниться в искусстве с вами, сир, но осмелюсь предложить вам более энергичный бой.

— Ну, друг Коул, давай сразимся.

Король усмехнулся и знаком отослал Селкирка. Коул поклонился в соответствии с этикетом, и они начали бой.

Катан поджал губы — он не мог понять намерений своего родственника. Коул был старше короля лет на десять и значительно превосходил его весом и силой. Это давало ему существенное преимущество над маленьким и легким королем.

Имре был очень быстр — в этом не было сомнений. Кроме того, лучшие фехтовальщики страны в разное время были его учителями. Катан еще никогда не видел его в такой хорошей форме. Но Коул был лучшим фехтовальщиком, чем король, хотя и редко выступал на публике.

Вскоре Катан понял, чего добивается Коул.

Это был типичный для него маневр. Он действовал с меньшей скоростью, чем мог, часто промахивался, попадая в ловушки Имре, в общем, он хотел, чтобы Имре

ощутил себя мастером, почувствовал свое королевское достоинство, в чем он так часто нуждался.

Катан смотрел на фехтование Имре, на его атаки, уклонь, выпады. Когда бойцы сблизились, Катан увидел, что король играет с противником: маневрирует так, чтобы солнце светило ему в глаза; Коул отбивал удары неуверенно, атаковал нерешительно.

Катан нахмурился, поняв, что это только часть большого плана.

Продолжая борьбу, противники развернулись так, что в забрало шлема Коула ударил ослепляющий луч, отраженный от оконного стекла дворца.

Коул оступился, опустил на мгновение меч, и Имре воспользовался этим. Он нанес удар мечом с размаха. Удар пришелся прямо по шлему Коула. Раздался громкий звук, который разнесся по всему полю.

Коул покачнулся.

Будь это обычный меч, а не тренировочный, Коул, несомненно, был бы убит, но сейчас он, придерживаясь правил игры, зашатался, выронил меч и рухнул с грохотом на землю. Все придворные дружно зааплодировали королю, который снял шлем и протянул руку Коулу, чтобы помочь ему подняться.

— Хороший бой!

Король рассмеялся и стиснул руку противника, с трудов поднимая его с земли.

— Клянусь, что ты чуть не победил меня. Тебе не повезло что тебя ослепило солнце.

— Да нет, что вы, это ваше искусство, сир! — Коул улыбнулся, передавая щит слуге. — Я хорошо дрался, но вы превзошли меня. Просто победил сильнейший, вот и все.

Он снял шлем, перчатки и тоже отдал слуге. Имре счастливо улыбнулся и знаком подозвал Катана. Тот приблизился и поставил себя не обращая внимания на злобные взгляды, которые метал в его сторону Коул из-за спины короля. Имре взял полотенце, вытер им потное лицо, затем передал его Коулу. Взяв чашу, Имре поднял ее перед Катаном.

— За твоего блестящего родственника, — сказал он.

Запрокинув голову, он сделал несколько жадных глотков. После этого он передал вино Коулу, который осушил чашу До дна.

Король повернулся и позвал Коула следовать за ним. Он не видел выражения лица Коула, сунувшего

чашу в руку Катана и бросившего ему скомканное полотенце, не слышал язвительного хохота друзей Коула, когда лицо Катана стало ярко-красным от такого унижения.

Катан смотрел им вслед, когда они скрывались из виду, затем с отвращением сунул чашу и полотенце слуге и направился, весь взбешенный и оскорбленный, в противоположную сторону. Очевидно, Коул приблизился к королю так, как он, Катан, не мог даже предположить, или же король еще не полностью простил его.

* * *

Немного позже в купальне Имре спокойно возлежал в бассейне, утопленном в пол на несколько футов. От воды исходил запах ароматных трав, пар поднимался над поверхностью и лениво клубился под потолком. Имре лежал на спине, положив голову на край бассейна и закрыв глаза.

Коул, скинув доспехи и быстренько сполоснувшись, чтобы отослать слуг, взял свежее полотенце для короля и опустился возле него на корточки. Его лицо не выражало никаких эмоций, но голос выдавал сильнейшее напряжение.

— Вам удобно, сир?

Имре открыл глаз и взглянул на Коула.

— В чем дело? Ты суеишься, как курица, потерявшая цыплят.

Коул придвинул стул поближе к бассейну и сел на него, положив полотенце Имре на колени.

— Сир, может, это и не мое дело, и, если вы прикажете, я замолчу и не буду говорить об этом, но я удивлен тем, что вы, кажется, снова хотите приблизить Катана.

— Ты полагаешь, что этого не стоит делать?

Коул приподнял бровь.

— Может, мне и не следовало бы говорить так о моем родственнике, но я не уверен, что ему можно довериться. Он очень изменился после казни крестьян. Он стал угрюмым и скрытным. Кроме того, ходят разные слухи относительно его и Раннульфа.

— Какие слухи? — рассеянно спросил Имре.

— Говорят, он знает об убийстве больше, чем говорит. Говорят, он знает, кто убил Раннульфа.

— Что?!

Имре резко выпрямился в ванне, затем сразу же нырнул обратно в теплую воду.

— Кто тебе сказал?! Это невозможно!

Коул сделал невинное лицо.

— Почему же, сир! Катан всегда не любил Раннульфа. Он не одобрял его образа жизни, его отношения к крестьянам. Я знаю, что однажды он изгнал Раннульфа из владений своего отца, когда Камбер служил при дворе вашего отца здесь, в столице.

Имре задумался, закусив губу.

— Но что это значит? Что он убил Раннульфа?

— А я и не утверждаю, что он убил его, сир, — быстро ответил Коул. — Я просто говорю, что ходят слухи о том, что он знает убийц и, возможно, защищает их. Ведь вы почти уверены, что это сделали виллимиты.

— Значит, Катан знает виллимитов? Он знает, кто они?

Коул пожал плечами.

— Я не могу сказать, сир. Я просто передаю, что слышал. Однако, если вы убеждены, что Катан невиновен в этом деле, я должен был бы оставить свои советы при себе. Вы знаете, как отец Катана Камбер относится к вам. Его брат Джорем — священник Ордена святого Михаила, тоже не очень дружелюбно настроен по отношению к вам. Если все они объединятся против вас...

Он сделал многозначительную паузу, и глаза Имре сузились. Коулу стало ясно, что Имре заглотил наживку и его мысли стали развиваться в том направлении, которое предложил ему Коул.

Имре резко выпрямился и вскочил на ноги.

— Имей в виду, что я не верю твоим словам, — сказал он. Имре закутался в полотенце и вышел из бассейна.

— Но осторожность никогда не помешает. Пошли сюда слуг, а затем пришли графа Молдред в мой кабинет. Если во всем этом есть хоть доля правды, я хочу знать ее, но я не хочу возбуждать подозрений у Катана. Давай поскорее, а то здесь холодно.

* * *

В этот же день Райс и Джорем прибыли в Валорет, и они сразу же направились в городской дом Катана Тал Трэт. С тех пор как Камбер и Райс после своего визита в монастырь святого Фоиллана удостоверились, что принц Синхил там, Камбер провел две недели, обсуждая ситуацию с Райсом, Джоремом и Ивейн и намечая предварительные планы. Во

время встречи Джорема с настоятелем отцом Келленом в Челтхеме михайлинцы были посвящены во все, и Камбер с Калленом даже обсуждали стратегию михайлинцев в новой ситуации.

Теперь Райсу и Джорему предстояло оценить положение, в котором находился Катан, и решить, следует ли предупредить его о первых шагах, которые было намечено сделать за неделю до Рождества. Если Катан все еще не отошел от душевной травмы, полученной месяц назад, то, возможно, он окажется очень полезным для них.

Но если у них возникнут какие-либо сомнения, то они просто будут находиться возле него, чтобы в случае необходимости и если позволят обстоятельства обеспечить его безопасность, когда Синхил будет в их руках. Сейчас их основное преимущество — неожиданность, и они не могли позволить, чтобы хоть что-нибудь достигло ушей короля. Ошибка была недопустима, так как второго шанса не будет.

Если Синхил погибнет, то уже никогда не будет второго наследника Хадсейнов.

В гостиную их встретил управляющий Вулфер и сказал, что лорд Катан встретится с ними в солярии. Этот ноябрьский день был ветреным, и в солярии было холодно, но лучи солнца все же согревали их. Через несколько минут к ним присоединился Катан. Они встретили его приветливыми улыбками.

В последний раз они виделись, когда Катан месяц назад уезжал из Кайрори. Тогда он был бледен и плохо выглядел. И сейчас он был бледен и плохо выглядел, хотя щеки его пылали нервным румянцем. В руке Катан сжимал детский мячик. Он рассеянно взглянул на мячик и виновато пожал плечами.

— Я играл в саду с детьми, — сказал он беспокояно. — Боюсь, что я мало уделял им внимания раньше.

— Сегодня хороший день для игры. — Джорем засмеялся. — Ну, как там мои племянники?

— Хорошо.

Катан улыбнулся.

Затем он бросил мяч в угол и нервным жестом пригласил их садиться. Он придвинул стул ближе к их скамье и сел на него верхом. Какая-то тень скользнула по его лицу, когда он добавил:

— Реван тоже с ними там играет, он к ним очень хорошо относится, и дети его любят.

И он посмотрел на пол, словно пересиливая себя. Джорем и Райс встревоженно переглянулись.

— Может, тебе лучше отослать его к отцу? — мягко спросил Джорем. — Ведь он все время напоминает тебе о...

— Нет... — прошептал Катан. — Реван останется со мной. Он — единственный, кто пережил те ужасные недели, и он напоминает мне о том единственном добре, которое я смог тогда совершить. Для меня это очень важно, иначе я сойду с ума.

— Но...

— Вопрос закрыт!

Он отвернулся от них, стараясь справиться с собой, затем медленно повернулся, встретившись взглядом с Джоремом.

— Но вы же приехали сюда не за этим. Что вас привело в Валорет? Я не надеялся вас увидеть раньше Рождества в Кайрори.

— У меня кое-какие дела, связанные с Орденом, — легко солгал Джорем. — И я подумал, почему бы не навестить своего братца. — Он махнул рукой в направлении Райса. — И вот мы решили посмотреть, чем ты тут занимаешься. Как дела при дворе?

Катан взглянул на них так, будто его охватила паника, и опустил глаза вниз, на руки, сложенные между коленями.

— Ситуация напряженная, непредсказуемая, хрупкая.

— Если ты не хочешь говорить об этом, то...

— Нет, думаю, что я должен сказать. До этого дня все было достаточно стабильно — постоянно плохо. Имре меня игнорировал, вел себя так, будто меня не существует. А в это утро он вышел от духовника, обнял меня, как брата, и сказал, что был не прав, когда сердился на меня, так как я только выполнял свой сыновний долг, стараясь спасти крестьян. Я решил, что он простил меня. Ведь он даже пригласил меня присутствовать на своем уроке фехтования.

— А ты хотел бы, чтобы он простил тебя? — осторожно поинтересовался Джорем. Катан вздохнул.

— Не знаю... Думаю, что да. Но как только мы пришли туда, начались странные вещи. Коул начал бой с Имре, как это он всегда делает, и затем позволил ему выиграть, хотя мы все знаем, что Имре как фехтовальщику далеко до Коула. Однако Коул все обставил так, что это выглядело честной победой, по крайней мере он убедил в этом Имре. Когда Имре пошел принимать ванну, сопровождаемый Коулом, я остался с пустой чашей и грязным полотенцем, а вокруг хохотал весь двор.

— Это чересчур подло даже для Коула, — сказал Райс. Катан воздел руки к небу, затем беспомощно опустил их.

— Что мне делать, Райс? Я начинаю думать, что он ненавидит меня. Ведь все зашло гораздо дальше про-

стой размолвки. Бог знает, что мы никогда не были друзьями, даже до того, как я женился на его сестре Элинон. Но потом... — Он вздохнул. — Я всегда старался думать, что раз он брат моей жены, то есть же в нем что-нибудь хорошее. Но если он и любит ее, а иногда я сомневаюсь в этом, то эта любовь совершенно не распространяется на ее семью. Он очень амбициозен, Джорем. Он хочет править. А если он не может править, то хочет хотя бы быть силой при троне. Вы знаете, что он привел во дворец двоюродную сестру Элинон, и я не удивлюсь, если он попытается женить Имре на ней!

— Есть основания полагать это? — спросил Джорем.

— Кто знает! Она прекрасна, хорошо сложена. Имре, должно быть, не замечает, как тесно она связана с Коулом. — Катан сардонически улыбнулся. — А с другой стороны, принцесса Эриелла возненавидела Мелиссу Хоувелл с первого взгляда. Уж слишком та хороша. Она понимает, что Имре когда-нибудь женится, хотя бы из династических соображений, но Эриелла хочет быть единственной, кто будет влиять на Имре. Может, она сыграла не последнюю роль в том, что Имре отвернулся от меня? Я не очень охотно отзываюсь на прозрачные намеки Ее Высочества...

— Я слышал дворцовые сплетни по этому поводу. — Райс усмехнулся. — Весьма своеобразная леди. Ей очень не нравится, что ты счастлив в браке.

— Кстати, а как Элинон? — спросил Джорем. — Я могу поклясться, что она самая великолепная женщина в королевстве после нашей сестры. Ни один мужчина не сможет изменить ей. Как ее здоровье?

Очень довольный комплиментом, Катан, несмотря на мрачное расположение духа, улыбнулся.

— С ней все в порядке. Правда, она не разделяет мои мрачные мысли, которыми я поделился с ней. Может, она и права. Но я ничего не могу поделать, Джорем. Это постоянное напряжение, неопределенность — все это разрывает меня на части!

— Я понимаю, — со вздохом сказал Джорем. Он посмотрел вдаль, на город, раскинувшийся до самого горизонта, и немного склонил голову в ответ на взгляд Райса. Когда он наконец заговорил, его голос был еле слышен:

— Катан, ты помнишь, мы говорили об Имре, когда ты бо-
леа?

— Да.

— Какова ситуация теперь, месяц спустя?

— Я...

Катан опустил глаза. Слова медленно приходили к нему, с остановками, с паузами. Они словно рождались в глубине его, в его голосе чувствовалась боль. Он даже не заметил, как рука Райса легла на его запястье, нащупывая пульс. Он хотел оценить его общее состояние, как физическое, так и моральное. Катан этого не заметил, а если и заметил, то не сказал ничего. Его голос был почти беззвучен.

— Теперь я не знаю. Раньше все было ясно. Я любил его, как брата, как люблю вас обоих. Мы были очень близки. Но те события убили меня, Джорем то, что он сделал с этими крестьянами... Но нельзя же бросить брата только за то, что он сделал ошибку. Пусть даже страшную, трагическую! — Он взглянул сначала на одного, затем на другого. — Я все еще люблю его, Джорем. Помоги мне, Боже! Весь прошлый месяц и даже сегодняшнее унижение — даже они не изменили этого. Я полагаю, что мне нужно привыкнуть к новой ситуации.

Джорем вздохнул. И Райс вспомнил, зачем он здесь. Он убрал руку. Было ясно, что помощи от Катана ждать не приходится. Они поднялись.

— Мне очень жаль, Катан, — прошептал Джорем. Он с сочувствием похлопал Катана по плечу.

— Но, во всяком случае, ты реалистически оцениваешь положение. Я не буду тебе говорить, как опасно полагаться на расположение королей.

Катан покачал головой, Джорем кивнул.

— Ну ладно. Нам бы хотелось погостить подольше, но Райса ждут пациенты, а мне нужно завершить кое-какие дела перед возвращением в святой Лиам. Пока!

Катан встал, внезапно почувствовав себя чужим и одиноким.

— Когда мы увидимся?

— На Рождество. Я думаю, Имре позволит тебе съездить домой.

* * *

Джорем заметил вооруженного человека на противоположной стороне улицы, который поправлял сбрую лошади, но не сделал никакого вывода. Он ведь не заметил его у дома Катана. И он не видел, что человек снова последовал за ним и дошел до самого дома Райса. Джорему даже и в голову не пришло, что за ними так быстро может быть установлена слежка.

Другому шпиону задача досталась посложнее. Он сопровождал Райса до замка и заметил, что Целитель вошел в королевский архив. Но он выбрал неудачное место для наблюдения, так что не мог видеть через окно, что его клиент сделал с несколькими толстыми томами, взятыми с полки. Но он заметил место, откуда были взяты книги, и, когда Райс вышел из библиотеки, он вошел туда, предварительно послав шпиона следить за подопечным, и просмотрел эти книги.

Однако книги были очень старые, а у шпиона образование было небольшое, так что он не смог прочесть их. Недовольно нахмутив брови, он положил книги на место и пошел докладывать своему хозяину.

Его коллега был уже там, и они вместе с господином ожидали его.

Священник доехал до церкви Святого Иоанна в квартале текстильщиков, вошел туда и немного погодя вышел. А после этого поехал в дом Райса Турина.

Нет, он не знает, что же тот делал в церкви. Он был один, и не рискнул исследовать подробнее из опасения упустить священника.

Затем свою историю рассказал второй шпион и добавил, что его клиентом был тот самый Турин, в чей дом его коллега проводил священника. Райс побывал в королевском архиве.

Да, он может показать книги, которые смотрел молодой милорд. Нет, он не знает, что он там искал, два человека оставлены следить за домом, где сейчас находятся двое подозреваемых, вернее, подозрительных. Может, милорд захочет, чтобы их задержали?

Нет, милорд не хочет.

Обдумывая все услышанное, Коул Хоувелл приказал одному из согладатаев принести плащ. Все это выглядело очень странно.

Он понятия не имел, зачем приехали Райс Турин и Джорем Мак-Гори, но вели они себя очень подозрительно, а это хорошо подходило к его планам. Он взял перчатки и стал натягивать их.

— Боре, ты поезжай в церковь Святого Иоанна и узнай, что он там делал, из твоего описания следует, что это — брат Катана Джорем, михайлинец. Так что будь осторожен.

— Хорошо, милорд, я все сделаю.

— Непременно сделай. Будет интересно, если отец Джорем тоже смотрел там архивные записи. Фальк!

Второй согладатай, поправлявший плащ на своем господине, поднял голову.

— Да, милорд?

— Ты поедешь со мной и покажешь книги, которые Турин брал с полок. Я хочу знать, что они ищут.

А в другой части города, не подозревая о том, что все их действия прослеживаются и подвергаются анализу, Райс и Джорем разложили свои дневные трофеи на небольшом столе в кабинете Райса. Кабинет был тщательно защищен от вторжения с помощью магии, высокие окна закрыты шторами.

Райс раскатал большой свиток: портрет человека с золотой короной на голове.

Человек был стройный, смуглый. Черные волосы, борода и усы были тронуты сединой. Взгляд прямой, чистый, но неспособный предвидеть события, произошедшие с ним через несколько лет после того, как он позировал для этого портрета. По полям были изображены знаки королевской власти, а внизу была надпись: «Ифор, король Гвиннеда».

— В нем течет настоящая кровь, — прошептал Райс. Он держал портрет поближе к свету и придирчиво рассматривал его, — Камбер будет доволен.

— Отрастить усы и бороду нашему Синхилу, прикрыть тонзуру, снять с него монашескую сутану, и он будет копией этого человека. Удивительно, что еще никто не заметил этого сходства.

— Это понятно, — ответил Джорем, — кто над этим задумывался? Все знают, что Халдейны погибли, и лишь немногие помнят, как выглядел Ифор Халдейн, да и те уже глубокие старики. Кроме того, кто свяжет жизнь бедного монаха с жизнью королевской семьи?

— Ты прав. Я об этом не подумал.

— Ты же не священник. — Джорем ухмыльнулся.

— У тебя есть еще портреты?

— Несколько. Я постарался взять те, пропаша которых не будет замечена. А как у тебя?

— Очень хорошо.

Джорем достал свернутый пергамент из складок сутаны. Он выложил один из листов на стол.

— Вот, запись от 28 декабря 843 года: «Крещен Ройстон Джон, рожденный от Даниеля Тряпичника и Элис, его жены». То есть наш принц имеет законных родителей.

— А здесь?

Джорем развернул второй лист.

— «27 апреля 860 года отец Эдвард крестил Никласа Габриэля, сына Ройстона Тряпичника и Полины, его жены, умершей во время родов». Так что наш принц — за-

коннорожденный, и мы можем представить письменные доказательства отцу и викарию. Я хотел бы еще забрать записи о рождении обоих родителей, но они, вероятно, находятся где-то в другом месте. Но и этого достаточно. Я сомневаюсь, что пропажа этих листов будет замечена, если, конечно, их не будут разыскивать специально.

— Ну, хорошо.

Райс, кивнув, просмотрел оба листа, сложил их и вернул Джорему.

— Я приказал Гиффорду разбудить нас пораньше, так что мы сможем выехать на рассвете. Нат приготовит лошадей.

Джорем с усталой, но довольной улыбкой хорошо поработавшего человека потянулся и сложил все документы в медицинскую сумку Райса вместе с портретами. Теперь, даже если на них обрушится катастрофа, документы будут в безопасности, так как медицинская сумка Целителя так же священна и неприкосновенна, как личность священника, и надежно защищена тайными силами.

Затем Джорем простер руки, произнес заклинание, чтобы снять охрану кабинета.

Райс задул свечи на столе. Они не имели ни малейшего понятия, что за каждым их шагом следят. И не могли даже предположить, что когда поутру они покинут Валорет, за ними вновь увяжутся соглядатаи.

ГЛАВА IX

**Если он говорит и нежным голосом,
не верь ему; потому что
семь мерзостей
в сердце его.¹**

Как они и собирались, Райс с Джоремом выехали из города первыми, сразу как открылись ворота. Снег еще не выпал.

Валорет, лежащий у подножия Лендурских гор, последним ощущал на себе дыхание зимы. Однако заморозки уже посеребрили все вокруг инеем, предвещая скорый приход холодов. Они и непрерывные дожди, лившие много дней подряд, сделали дорогу грязной, скользкой, а местами и вовсе затопленной. В лужах стояла грязная вода, скрывая рытвины и камни, так что Райсу пришлось несколько раз спешиваться, чтобы осмотреть ноги лошадей, а однажды он даже был вынужден прибегнуть к искусству Целителя.

Именно в тот момент, когда они вновь пустились в путь после вынужденной остановки, Джорем и заметил позади троих всадников. Сперва он не обратил на это внимания: тракт был наезженным, и друзьям то и дело встречались другие путешественники. Эти же трое, в одинаковых доспехах, возможно, состояли на службе у какого-нибудь барона. Так что беспокойство свое он отнес за счет обычных страхов, владеющих человеком, которому есть, что скрывать.

Однако когда эта тройца остановилась, а затем тронулась в путь в точности вслед за ними с Райсом, подозрения Джорема

укрепились. Особых причин следить за ними вроде бы ни у кого не было, и все же незванные соглядатаи представляли для двоих друзей немалую угрозу.

Джорем всмотрелся в них повнимательнее, когда они подъехали поближе, и одно лицо показалось ему знакомым. Джорем его вспомнил, выругался про себя и подъехал к Райсу.

— За нами следят, — тихо сказал он. — Одного из этих троих я вчера встретил, когда входил в церковь Святого Иоанна. Он, вероятно, толпал за мной от самого дома Катана.

— От дома Катана?

Райс с трудом удержался, чтобы не обернуться.

— О, Боже! Значит, и за мной следили? А что если они обнаружат украденные листы?

Джорем покачал головой.

— Вряд ли. А если и обнаружат, то не поймут, зачем они нам. Имре не так умен.

— Но не надо его недооценивать, — с сомнением ответил Райс. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Джорем едва сдержал улыбку.

— Успокойся, Райс. Если бы они хотели взять нас, то сделали бы это еще ночью или утром, когда мы выезжали из города, или сейчас, когда мы остановились и они чуть не наехали на нас.

— Тогда чего же они ждут?

Джорем пожал плечами.

— Чтобы выяснить, чем мы заняты. Имре, возможно, приказал следить за всеми, кто общается с Катаном. И вот он установил слежку, а может, он установил слежку за михайлинцами? Теперь нам следует предположить, что он о нас расспрашивал в церкви Святого Иоанна и в королевском архиве.

— Что?!

— Я думаю, может, нам следует перехватить инициативу, показать им, что мы знаем о слежке?

Он искоса посмотрел на Райса и заметил его беспокойство и неуверенность.

— Или, может, нам лучше скрыться от них?

— И тем самым показать, что нам есть что скрывать? — возразил Райс, почти не раздумывая. — Те, кому нечего скрывать, никогда не думают, что за ними могут следить.

Джорем громко расхохотался.

— Отлично, ты молодец!

Он оглянувшись, но преследователей не было видно, их закрывал поворот.

Райс с облегчением вздохнул.

— Значит, мы ничего предпринимать не будем?

— Поедем в Кайрори, как и намечали, — сказал Джорем. Они пришпорили лошадей и ускорили шаг. Джорем рассмеялся, когда жидкая грязь полетела из-под копыт во все стороны.

— Если им хочется сидеть и смотреть на Кайрори всю ночь, то пусть сидят. Сегодня, насколько я могу судить, будет снег. — Он посмотрел на небо. — Я думаю, что один из них тут же поскачет обратно доложить Имре.

* * *

Джорем был недалеко от истины. Только один из соглядатаев поскакал не к Имре, а к Коулу Хоувеллу.

Он прибыл в полдень следующего дня, чтобы доложить о том, что Джорем и Райс, очевидно, останутся в Кайрори некоторое время.

Расспросив крестьян в ближайших деревнях, он выяснил, что семья Мак-Рори обычно проводила это время года здесь, в замке, хотя отцу Джорему приходилось делить свое время между семьей и своими обязанностями в святом Лиаме, лорд Камбер ожидал и Катана, который с семьей предполагал прибыть сюда через несколько дней.

Коул выслушал все это с глубоким интересом и добавил только что полученную информацию к уже имеющейся у него.

Однако он все еще не мог уяснить, какую роль Джорем и Райс играют в этом деле. В своих усилиях сокрушить соперника Катана, он не мог не думать о том, что весь клан Мак-Рори объединится против него.

Он уже знал, что Джорем Мак-Рори изъезжал несколько страниц — три или четыре — из приходских книг, хотя возможно, что этих страниц не было уже давно. Священник в святом Джоне вспомнил, какие тома просил Джорем, и за соответствующее вознаграждение помог установить индексы, по которым эти страницы можно восстановить. Несколько клерков уже работали над этим.

Он также подозревал, что из книг, которые просматривал Райс в архиве, также исчезли страницы. Этим тоже сейчас занимались люди Хоувелла. И все же во всем этом Коул не видел никакой связи с Катаном. Но дело даже не в том, что он не видел связи, может, ее и не было вовсе, главное — он не мог сделать так, чтобы казалось, что связь есть.

Поблагодарив агента за информацию, он приказал ему слезть за Кайрори и дальше, отослал его и вернулся к своим делам.

Сегодня вечером, если все будет хорошо, он запустит колеса, которые сокрушат его соперника раз и навсегда. Что касается информации о Райсе и Джореме, то она вовсе не нужна для его теперешнего плана, но она добавит масла в огонь завтра утром. Он должен сначала посмотреть, какова будет реакция Имре вечером. Из этого он заключит, что ему делать дальше.

Ранний вечер застал Коула за пинтой доброго темного эля с графом Молдредом, люди которого помогали ему в расследовании.

Таверна, где они встретились, находилась недалеко от дома Катана, и поскольку Коул хотел развить новую интригу против Катана, то он и назначил свидание именно здесь. Молдред не часто приглашали для участия в интригах, он был слишком туп и прямолинеен, и теперь он чувствовал себя польщенным тем, что с ним хочет посоветоваться такое могущественное и влиятельное лицо.

Весь вечер они с Коулом беседовали о своих молодых годах. Молдред, войдя в роль, даже рассказал историю о своем деде, который воевал в рядах короля Фестила I восемьдесят лет назад.

Когда городские часы пробили два часа ночи, Коул одним глотком опустошил свою кружку, со стуком поставил ее на стол и отодвинулся от стола.

— Нам пора занимать свои места, — сказал он, поднявшись и поправляя пояс. — Мне сообщили, что прошлой ночью человек приходил примерно в это время, Если он появится снова, то мы должны быть там.

Молдред ухмыльнулся, допил свою кружку, вытер бороду рукавом и поднялся из-за стола.

Судя по росту и комплекции Молдреда, было глупо предполагать, что он пьян или даже хотя бы навеселе. Старый воин имел давнюю тренировку пить много и не пьянеть, оставаясь все в том же состоянии.

Тем не менее Коул надеялся, что эль оказал действие на Молдреда и немного усыпил его бдительность, а этого Коул и добивался. С трудом скрывая довольную улыбку, он вышел из таверны.

На улице было темно и холодно. После полуночи пошел снег, и слуги, ожидавшие своих господ, собрались в освещенном круге под горящими факелами и кутались в теплые плащи. Они увидели подошедшего Молдреда, выслушали его приказания, отданные тихим голосом, и растаяли в темноте.

Молдред, взяв факел, подошел к Коулу. Он уже стал совсем серьезным.

— Я отослал Карла и Джозефа к твоим людям. Куда нам надо идти?

— Сюда, — прошептал Коул и направился в темную боковую улочку.

Тень Коула прыгала впереди по камням мостовой, по стенам домов. Сзади слышались шаги Молдред. Несколько поворотов, и они вошли в еще более темную аллею. Далеко впереди виднелся свет факелов, до них было несколько сотен ярдов. Все чувства их обострились, но Коул шел, не соблюдая никакой осторожности, ведь за ним следовал ничего не подозревавший Молдред, а кто решится напасть на двух сильных вооруженных людей?!

Осторожные шаги по грубому камню, и это началось.

Когда факел выпал из пальцев Молдред, Коул резко повернулся. Руки под плащом сжимали ручку кинжала. Молдред не издал ни звука. Черная тень бросилась на него сзади, жилистые руки, преодолев бешеное сопротивление Молдред, затягивали тонкий шнур на его горле.

Борьба была недолгой.

Через несколько секунд убийца тихо опустил безжизненное тело на землю, завязав узел на шнурке, глубоко впившемся в шею жертвы.

Коул отделил кошелек от пояса и бросил его на землю. Он тяжело упал, глухо звякнув.

Коул поднял валившийся на земле факел.

— Давай поживее, — прошептал он, вынул меч и положил его на землю.

— Прикончи его и сматывайся подальше, я не хочу ждать всю ночь.

С быстротой молнии убийца бросился к кошельку и схватил его. Он не успел заметить кинжал, который таился в руке Коула и теперь пронзил его сердце.

Когда человек без звука опустился на землю, Коул бросился вперед, схватил кошелек и спрятал его, а на землю бросил клочок бумаги, слегка обожженный сверху, с виднеющейся печатью внизу. Клочок бумаги рядом с горящим факелом чуть позади труп убийцы.

Затем Коул взял кинжал незнакомца, приложил его к своему бедру и резким движением вонзил его себе в ногу. Боль обожгла его, и он не сдержал крик.

К чести ночного дозора, его не пришлось долго ждать. И все же они опоздали. Они прибыли слишком поздно, чтобы спасти блистательного лорда Молдред, чтобы успеть

Они нашли полубессознательное тело лорда Коула, плавающего в луже собственной крови, который старался погасить тлеющий клочок бумаги. На документе были видны печать и подпись, так хорошо знакомые всем.

Лорд Коул, когда его перевязали, смог рассказать им, как он и Молдред подверглись предательскому нападению на темной улице, и как убийца перед смертью старался сжечь кусок бумаги. Но Коул приказал, чтобы известие о гибели Молдреда и этот документ не достигли короля. Он сам ему обо всем расскажет утром. Затем он потерял сознание.

Часовые, хорошо обученные люди, повиновались ему без лишнего слов. Они отнесли Коула в его покои в замке, где раненым занялись слуги и врач, который промыл рану и перевязал ее.

— Рана не очень серьезная, — заверил он часовых, — и не нужно обращаться к Целителю. Но мой господин потерял много крови, и ему придется с неделю ходить с палкой.

Выпроводив часовых из покоев господина, он распорядился, чтобы трупы были отнесены в ближайшую церковь, а дальнейшие инструкции будут даны самим лордом Коулом, когда он очнется. Но это будет не раньше утра.

Коул, почувствовав, что остался один, открыл глаза, с торжеством осмотрел комнату, вновь закрыл глаза и погрузился в безоблачный сон без кошмаров и сновидений.

* * *

Ранним утром следующего дня Коул уже шел, опираясь на палку и на руку слуги, в кабинет Имре. Он был одет скромно, но со вкусом. Его стройное тело было затянуто серым бархатом, отороченным мехом. Под шерстяными штанами выделялся толстый слой бинта на бедре. Один из ночных часовых, который был на месте происшествия, шел рядом с ним, сжимая в руке клочок бумаги, спасенный Коулом от огня.

У дверей им преградил путь охранник, но нынче у Коула был такой вид, что не пропустить его было нельзя.

— Я должен говорить с его милостью, — сказал он внушительно.

— Его милость еще отдыхает, милорд. Я бы на вашем месте не рисковал беспокоить его.

Пройдя мимо охранника, Коул открыл дверь. Вместе с ночным часовым они вошли в покои. Спальня Имре была в следующей комнате, и один из королевских телохранителей пошел доложить ему.

— Сир, лорд Коул хочет видеть вас.

— Что?

Послышался шелест ткани, какая-то неразборчивая ругань, а затем голос короля:

— Коул? Какого черта ему надо в такую рань?

Коул вошел в спальню и, обращаясь к затянутому пологу королевской постели, произнес:

— Тысяча извинений, сир, но дело неотложное.

Он подошел поближе, тяжело опираясь на палку. Из-за полога высунулась голова короля с растрепанными волосами.

— Коул, какого черта?

Глаза Имре с недоумением смотрели на палку, на забинтованную ногу, на солдата, стоявшего на пороге. Коул низко поклонился, раскинув руки в извиняющемся жесте.

— Я попал сегодня ночью в западню, сир. К счастью, меня только ранили, но рана оказалась более серьезной, чем я думал.

— Но что случилось? — воскликнул Имре. Он отбросил полог и начал выбираться из постели, но понял, что в спальне холодно, и снова закутался в одеяло. — Ради Бога, Коул, не стой там, возьми кресло и расскажи, что случилось. Тебе, наверное, больно стоять.

Коул подчинился его приказу и, усевшись в кресло, с гримасой боли вытянул ногу, зажав палку между коленями.

— На нас напали, сир, — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе сквозило страдание. — К сожалению, лорд Молдред убит.

— Молдред убит?!

Имре плотнее закутался в одеяло и в испуге спрятался в подушки.

— Как?

— Задушен, — тихо ответил Коул, — мы шли по улице, и на него сзади бросился убийца. Я даже не успел повернуться, выхватить меч, он был намного быстрее. Он ударил меня кинжалом в бедро, прежде чем я успел что-либо сделать. Когда он хотел снять с моего пояса кошелек, я остановил его кинжалом. К сожалению, я убил его.

— Ты думаешь — В голосе Имре слышалось восхищение и ужас.— Мой Боже, Коул, он хотел тебя убить!

Коул опустил глаза.

— Наверное, сир. Но теперь мы не сможем узнать, кто послал его.

— Что?

Имре сел на край постели и наклонился к Коулу. Его длинные волосы упали на глаза, Имре откинул их назад нетерпеливым жестом, придерживая рукой одеяло у щек.

— Ты думаешь, что это насмный убийца? Ты подозреваешь, что кто-то послал его?

— К сожалению, да, — пробормотал Коул.

Он подозвал часового, который тут же подошел и поклонился, беспокойно глядя на короля. Имре посмотрел сначала на него, затем на Коула, чувствуя, что наступает кульминационный момент.

Часовой, расскажи Его Величеству, что ты видел?

Человек проглотил комок в горле и кивнул.

— Как будет угодно. Я стоял на часах в юго-западном секторе города прошлой ночью. Мы сделали обход и после двух часов ночи слышали крики и нашли милорда раненым и возле него два трупа, милорд старался спасти от огня вот эту бумагу.

Солдат достал документ. Коул взял его и протянул Имре. Король хотел взять его, но отдернул руку и выпрямился. Какая-то мысль внезапно мелькнула в его мозгу.

— Что это? — спросил король.

Коул проглотил слюну.

— Вашей милости будет это неприятно увидеть, но истина дороже всего. Сам я был уже почти без сознания и не помню того, о чем говорит часовой.

— Что это? — повторил Имре.

В его голосе чувствовалось нетерпение. Король знаком ото-слал часового, затем придвинулся поближе к постели.

— Вероятно, убийца хотел уничтожить это перед смертью, чтобы сохранить в тайне этот документ. Я могу только заключить, что он хотел скрыть имя своего нанимателя. Ему это почти удалось.

— Так что же это? — спросил Имре, широко раскрыв глаза.

— Мне не хочется говорить, сир.

— Черт побери, Коул, мне все это совсем не нравится, — воскликнул Имре, с силой ударив кулаком по постели. — Кто это?!

Коул положил бумагу так, чтобы Имре мог прочесть ее.

— Катан Мак-Рори... — тихо произнес он.

Эту подпись и печать можно было узнать безошибочно.

ГЛАВА X

**Вино — глумливо, сикера — буйна;
и всякий, увлекающийся ими,
неразумен.¹**

Нет, Катан, — прошептал Имре, когда дар речи вновь вернулся к нему. — Этого не может быть. Здесь какая-то ошибка. Он не мог.

Коул медленно кивнул, прикрывая глаза, словно не в силах поверить тому, что случилось.

— Я знаю, сир. Теперь вы понимаете, почему я не хотел говорить вам. Учитывая то, что говорят о связи Катана с виллимитами, теперь все становится ясно.

— Связь, — повторил Имре. Он опустил на подушки, упершись взглядом в потолок — А в чем ты видишь эту связь?

Коул откашлялся.

— За казни крестьян отвечал Молдред. А если Катан в союзе с виллимитами, то именно палач должен был стать следующей жертвой.

— Но Молдред действовал по моему приказу, — сказал Имре. — И если Катан хотел отомстить за крестьян, он должен был нанести удар... О, Боже!

Он поперхнулся словами, лишь сейчас осознав, что хотел сказать, и в ужасе отвернулся, прижимая руки к губам. Так Имре просидел почти минуту. Коул старался угадать, о чем думает король, но боялся прервать его молчание.

Наконец Имре повернулся. Глаза его были сухими и холодными, а голос, когда он заговорил, звучал бесстрастно и ровно.

— Принеси мою одежду.

Коул, не рискуя выказать неповиновение, держал отороченный мехом халат, терпеливо дожидаясь, пока Имре встанет с постели.

Наконец король рассеянно сунул руки в рукава и затянул пояс на талии. Он прошел к камину и долго смотрел на пляшущие языки пламени, бросавшие зловещие отблески на его угрюмое лицо.

Затем он повернулся к Коулу. Тот не двинулся с места и все еще стоял у постели короля.

— Если это сделал Катан, он будет наказан. Понял?

Коул кивнул, не решаясь заговорить.

— Но я не буду выдвигать против него никаких официальных обвинений. Это тоже понятно?

Коул внимательно взглянул на короля, пытаясь понять, что кроется за этим заявлением.

— Никаких официальных обвинений, сир?

— Никаких, — ответил Имре, поворачиваясь к огню спальни, — Если Катан виновен в том, в чем ты его обвиняешь, значит, он — предатель и его ждет судьба предателя. Но я не хочу, чтобы это дело было предано огласке, понятно? Катан Мак-Рори никогда не подставит голову под топор палача.

— Тогда как?

— Это не твоя забота! — рявкнул Имре. — Я сам займусь этим. Где бумага?

Коул посмотрел на документ в своей руке и протянул его Имре. Даже не взглянув на бумагу, король без колебаний бросил ее в огонь и ждал, пока она сгорит. Тогда он палочкой растолок пепел в пыль, а палочку бросил туда же.

— Этого больше нет, — прошептал он, глядя в огонь. — Кто еще знает об этом?

— Только двое часовых, сир, Я приказал им хранить все в тайне.

— Хорошо. Но ты их обработай, чтобы они все забыли. Делай что хочешь, но лучше бы оставить их в живых, если возможно. Не их вина, что они видели то, чего им не следовало видеть.

— Я выполняю ваш приказ, сир, — ответил Коул, кланяясь. Он был доволен, что Имре не видит его лица.

— Ты никому не говорил об этом?

— На моих губах печать молчания, сир.

— Ты можешь идти.

— Ваше Величество, — прошептал Коул, поклонившись и поворачиваясь к выходу.

— И еще одно, — добавил король, когда Коул был почти у двери.

— Слушаю, сир.

— Отправь посыльного к Катану. Я хочу, чтобы завтра перед праздником он был у меня.

Коул резко повернулся, совсем забыв о больной ноге.

— Здесь, сир?

— Ты слышал мой приказ? Иди! — рявкнул Имре. Когда Коул выскользнул за дверь и закрыл ее за собой, Имре едва сдержал рыдания, рвавшиеся у него из груди.

* * *

Приказ короля был передан Катану.

Подчиняясь ему, Катан в назначенный час был во дворце, одетый согласно этикету. На улице было темно, и с самого полудня шел снег. Глядя на хмурые стены дворца, Катан обнаружил, что ему хочется быть где угодно, только не здесь. Он не мог объяснить это чувство, которое испытывал впервые по отношению к Имре.

Но когда открылись ворота дворца, Катан выбросил из головы эту мысль и вышел из кареты.

Паж провел его по узким коридорам, сводчатым залам, и наконец они стали подниматься по пологой спиральной лестнице, ведущей в покои короля. Паж постучал в дверь, и появился один из личных слуг Имре в белой ливрее. Он вежливо поклонился Катану и пригласил его войти в комнату для приемов. Все происходило в тишине, без слов и объяснений.

Оставшись один, Катан осмотрелся. Он здесь часто бывал раньше, но только летом.

В этой комнате Имре любил устраивать небольшие ужины с ближайшими друзьями и советниками.

Иногда беседа оживлялась игрой музыкантов и пением бардов. Но Катан никогда не бывал здесь один. Полы, стены, потолки — все это было отделано белым алебастром и мрамором. Здесь было холодно и сыро, несмотря на огонь в камине, и полутемно, хотя в подсвечниках на стенах горели свечи.

Катан посмотрел на огонь в камине, но затем его взгляд упал на дверь в боковой стене. Через щель в двери проникал яркий свет из соседней комнаты.

Заинтересовавшись, Катан подошел ближе и заглянул туда.

Он увидел маленькую молельню, отделанную серым мрамором и освещенную множеством свечей.

Даже подушка для колен перед небольшим алтарем была покрыта серым ковриком.

Эта молеельня напоминала ему гробницу.

Странная мысль, подумал он, обнимая себя руками, чтобы хоть немного защититься от пронизывающего холода.

Летом эта комната была убежищем от палящего солнца и зноя. Она всегда была убрана цветами, в воздухе плавал запах розмарина и других ароматных трав.

Но разве могло быть здесь что-нибудь иное, кроме холода и пронизывающей сырости, особенно теперь, когда его господин... Нет, ему не следует строить иллюзий. Он знал, что делает комнату такой угрюмой, почему зимний холод так дышит на его душу.

Имре должен прийти сюда. В противном случае, зачем его король вызывал? Но такого приема раньше, до убийства гнусного, развратного Дерини и до того, как он рискнул дружбой с королем ради спасения невинных крестьян, не было. Ну что же, прими это, Катан, Имре уже не такой, каким был раньше.

Катан склонил голову и прочел про себя молитву, перекрестился и снова повернулся к камину, и тут с удивлением увидел, что Имре уже в комнате. Король стоял, прислонившись к двери и заложив руки за спину. Катан замер. Он не слышал, как вошел король.

— Ты так печален перед самым праздником? — спросил Имре, медленно приближаясь к Катану.

Он был одет с головы до ног в белый бархат, отделанный внизу, на рукавах и на воротнике мехом белой лисицы. Пояс из светлых серебряных пластин довершал его туалет, стягивая у талии свободную мантию так, что она спадала просторными складками. Тяжелая серебряная цепь висела у него на шее, опускаясь до самого пояса. Голова его была обнажена, и каштановые волосы блестящими волнами падали на плечи. Имре смотрел на Катана, и лицо его было спокойным.

Катан упал на колени и поцеловал протянутую руку.

— Прошу прощения, сир. Я не был уверен, что вы примете меня.

— У тебя есть причины бояться этого? — поинтересовался Имре.

Он похлопал Катана по плечу и прошел в молеельню. Катан заморгал, поднялся на ноги и пошел за королем в нескольких шагах позади.

— Причин нет, сир. Если я каким-то образом вызвал ваше недовольство, то, умоляю, скажите, как мне заслужить прощение. Король знает, что я всегда был ему честным

и преданным слугой; когда-то он оказывал мне честь, называя своим другом.

Имре опустил голову и оперся руками о дверь молельни. Серебряный кинжал в ножнах четко обозначался под мантией. Не повернув головы, он заговорил;

— Да, Катан, — сказал он спокойно, — ты прости, но я сего дня плохой спутник. Я только узнал о смерти друга.

Катан с трудом сдержал вздох облегчения. Может, вовсе и не он причина плохого настроения Имре.

— Мне очень жаль, сир.

— Ты не хочешь узнать, кто он? — спросил Имре, полуобернувшись, чтобы видеть реакцию Катана. — Это лорд Молдред.

У Катана глаза округлились от удивления.

— Его убил наемный убийца, — сказал Имре. Он наблюдал, как меняется выражение лица Катана. — Ты удивлен. Когда я вошел, то решил, что ты молишься за его душу, но вспомнил, что ты еще не знаешь об этом.

— Нет, я...

Катан отвернулся и попытался собраться с мыслями. Его беспокоили внимательные, изучающие глаза Имре.

Молдред убит! И убит наемником-убийцей! Нет, здесь не только скорбь по придворному. В лице Имре было какое-то напряжение. Он как бы ждал, что скажет на это Катан.

— Если вы печалитесь по нему, то я присоединяюсь к вам, — осторожно сказал Катан.

— Ты скорбишь потому, что скорблю я, а не потому, что Молдред убит! — Имре громко рассмеялся. — Ну что же, хорошо хоть так. Ведь это он руководил казнями крестьян. По-твоему, он заслужил такую участь?

Катан в смятении опустил глаза, не понимая, в каком направлении движется разговор. Затем он испугался.

— Сир, если вы думаете, что я желал такой судьбы Молдреду, то, умоляю, выбросьте это из головы. Может, он исполнял свои обязанности с большей жестокостью, чем того требовала необходимость, в этом я почти уверен, — тихо добавил он, — но я не могу упрекнуть его, ведь он исполнял свой долг.

— Но зато ты можешь упрекнуть меня, не так ли? — рявкнул Имре, заставляя Катана встретиться с ним взглядом. — Я приказал проводить казни, Катан. Я — король. Закон есть закон. Ты рискнешь упрекнуть меня, что я требую выполнения закона?

— Сир, я никогда не говорил...

— Конечно, ты не говорил! — крикнул Имре. — Да-
110 же ты не рискнул бы зайти так далеко, несмотря на на-

шу дружбу. Но ты так думал, не так ли? Ах, Катан, я ждал от тебя лучшей службы. Большой преданности!

Катан покачал головой. Он не мог понять логики Имре, если, конечно, она была в его словах.

— Я никогда не винил лично вас, сир, клянусь в этом! Если в моем сердце и была горечь, то ее вызывали не вы, а ваши законы. Вы — просто человек, который должен исполнять законы, склоняясь под их тяжестью.

Когда Катан поднял голову и посмотрел на Имре, в глазах его стояли слезы. Имре отвернулся, руки его были сложены на груди.

— Ты никогда, даже в мыслях, не упрекал меня в смерти крестьян?

Катан рухнул на колени, и в мольбе воздел руки вверх.

— Бог свидетель, я клянусь в этом, Имре, — прошептал он. Наступила долгая тишина, которую нарушало только их дыхание. Имре медленно прошел к моельне и плотно прикрыл ее дверь. Он долго стоял, повернувшись спиной к Катану, затем обернулся к нему и прислонился спиной к двери.

— Может, это виллимиты убили Молдред, те же, что убили Раннульфа, — сказал он спокойно. — Встань, встань.

Катан повиновался и встал перед успокоившимся Имре, но тот не смотрел ему в глаза.

Придворный почувствовал, что король ждет его слов. Но Катан слов не находил, он молча смотрел на Имре, затем перевел взгляд на горящую свечу и коснулся пальцем расплавленного воска.

Что он мог сказать? И чего ждал от него Имре?

— Ходят странные слухи об убийстве Раннульфа, Катан. Ты знаешь об этом?

— Странные слухи, сир? — переспросил Катан, беспокойно облизнув губы.

— Да, говорят, что ты как-то связан с этим делом.

— Я?!

— Да. Чудовищно, не правда ли? — усмехнулся Имре. Губы его улыбались, но глаза были холодны как лед. — Говорят, что ты потому так был подавлен казнями крестьян, что чувствовал себя виноватым в их гибели. Говорят, что ты связан с виллимитами и организовал убийство Раннульфа. Это, конечно, чушь, но ведь ты не раз встречался с Раннульфом?

— Сир, это был жестокий человек, — сказал Катан. — Независимо от того, Дерини он или нет, ни я, ни мой отец не могли позволить ему оставаться в наших владениях.

Каждый знал об этом. Я, конечно, его убийства не организовывал, но я не могу сказать, что сожалею о его смерти.

— Даже когда узнал, что он умер страшной смертью предателя? Он ведь Дерини, дворянин!

— Его убийцы знали, что он заслужил такую смерть, — ответил Катан твердо.

Имре замолчал, отвернулся и закрыл глаза, словно от боли, но Катан не видел этого.

— Благородные дворяне должны погибать от меча или топора, а не от предательского кинжала и петли. Они не должны испытывать предсмертные муки, какие испытал Раннульф.

— Благородство не дается одним фактом рождения, сир, — мягко сказал Катан. — Если человек не обладает внутренним благородством, никакие диадемы, никакие короны и перстни не смогут сделать его благородным!

— Нет! — выдохнул Имре. — Даже смерть не может отнять благородства!

Он опустил глаза и посмотрел на свои руки, поворачивая их ладонями вверх и вниз, будто видел их впервые, и придал лицу мягкое выражение.

— Но мы заговорились, — сказал он.

Он повернулся к Катану с распростертыми руками и подошел, как будто хотел обнять его, улыбаясь, хотя сердце переворачивалось в груди. Рука его легла на плечо Катана, и тот с облегчением улыбнулся. Другая рука Имре нащупала рукоятку кинжала, спрятанного под одеждой.

Легкое движение корпусом, поворот кисти, и все было кончено. Кинжал вошел между ребрами, разорвав артерию и нервы, и вонзился в сердце.

Катан умер на руках Имре. На его красивом лице застыло выражение удивления и недоумения, оно было невинным, как лицо ребенка.

Имре опустился на пол вместе с мертвым Катаном. Он без слов, без мыслей смотрел на своего обожаемого друга. Кровь Катана окрасила праздничную одежду снежно-белого цвета.

Именно так их и нашел Коул Хоувелл через четверть часа после многократных расспросов слуг короля, из ответов которых он смог узнать только то, что король уединился с лордом Катаном и не желает, чтобы их беспокоили.

В тревоге поигрывая набалдашником палки, Коул ждал. Наконец нервы его не выдержали. Не в силах больше выносить неизвестность, он подскочил к двери и постучал, затем постучал громче. Не услышав ответа, он рискнул открыть

112 дверь и заглянуть в щель.

Коул замер при виде открывшейся перед ним сцены.

Он проскользнул внутрь, тихо закрыв за собой дверь. У него перехватило дыхание.

Имре лежал на спине, не двигаясь. На белой одежде и белом полу расплылось красное пятно. На мгновение Коул подумал, что король убит.

— Сир? Ваше Величество, с вами ничего не случилось?

Имре не отвечал, но Коул заметил, что он дышит. Король держал безжизненное тело Катана на руках, прижав голову бывшего друга к груди. Темные волосы Катана закрывали лицо Имре. На руках короля и на серебряном кинжале, валявшемся на полу, была кровь.

Коул тихо опустился возле них на колени, морщась от боли в ноге.

— Ваша милость, вы ранены? Что случилось?

Имре вздрогнул, но головы не поднял.

— Я убил его, Коул, — прошептал он так тихо, что Коул не расслышал первые слова. — Все что ты говорил, оказалось правдой. Он лгал мне. О, Боже, что мне делать? Я убил его!

Он поднял заплаканное лицо, посмотрев с несчастным видом на Коула. Глаза его распухли и покраснели. Затем он, взглянув на Катана, разжал руки, и тело Катана медленно выскользнуло на колени.

Лицо Катана все еще было спокойным и хранило удивленное выражение. Глаза были полуоткрыты. Имре вздрогнул, увидев эти глаза, но когда Коул хотел закрыть их, Имре отстранил его руку и сделал это сам.

Положив тело на пол, король опустил голову и еле сдержал душившее его рыдание.

Коул нервно сглотнул и вытер вспотевшие ладони о штаны. Имре поверил, что Катан предал его, и он должен продолжать верить в это. Только тогда смерть Катана пойдет на пользу Коулу. Пока Имре не пришел в себя, необходимо еще подлить масла в огонь. Может, пустить в ход результаты расследования деятельности Джорема Мак-Рори и Райса Турина? Потом все это будет выглядеть не столь убедительно.

— Идемте, сир, — сказал он мягко. — Теперь уже ничего нельзя изменить. Прошое всегда остается в прошлом. Вы сделали то, что должны были сделать.

Имре несколько раз высморкался и покачал головой.

— Он лгал мне, Коул, — прошептал он. — Я дал ему свою любовь и доверие, а он ответил мне предательством.

— И все же вы ответили ему любовью, оказав милосердие, сир. Не каждый король позволит предателю умереть такой достойной смертью.

— Он — не предатель, — выдохнул Имре. — У нас с ним личные счёты, и я не мог отдать его под топор палача.

— Все равно, лучше умереть такой смертью, как он. До того, как все будет раскрыто и предательство его обнаружится, — пробормотал Коул.

Он бросил новые зерна и надеялся, что они упадут на благодатную почву.

Наступила пауза, и Имре посмотрел на Коула с некоторым интересом.

— Что?

— Я очень сожалею, сир. Но есть данные, что он может быть замешан в чём-то худшем. Умоляю, не думайте больше об этом. Он уже мертв.

— Что еще? — настаивал Имре. — Я хочу знать.

— Я пока точно не знаю, но тут замешана его семья, его брат Джорем, Целитель по имени Райс Турин и, возможно, его отец. — Он изображал нежелание говорить. — У меня пока нет доказательств, только подозрения, но за всеми нужно следить. Должен ли я этим заниматься?

Король заморгал, проглотил слюну. В глазах его отразилась тревога. Он кивнул и поднял руку, чтобы вытереть лицо, но на рукаве была кровь. Кровь была и на меховой оторочке, и на груди — кровь Катана. Имре замер, словно впервые увидев кровь, взглянул на Коула и испугался.

— Боже, он мертв. Что скажет его отец?!

— Разве дело в этом? — ответил Коул. — Несмотря на ваше к нему уважение, вам совсем не нужно согласовывать свои действия с ним. А кроме того, он и сам под подозрением...

— Но...

— Об убийстве Катана можно не говорить. Достаточно сказать, что он умер от разрыва сердца во время беседы с вами перед праздником, — упрямо сказал Коул, стараясь поймать взгляд Имре. — Вы — король, кто осмелится усомниться в ваших словах?

— Но рана...

— Если вы никому о ней не скажете, никто и не узнает, — твердо сказал Коул. — Идемте, сир. — Он взял короля под руку. — Прием скоро начнется, и вам нужно переодеться. А я пока распоряжусь, чтобы тело отправили в Кайрори.

С сожалением, но без прежнего ужаса Имре еще раз взглянул на труп Катана и коснулся его плеча, как бы прощаясь с ним. Он вздохнул и поднялся на ноги.

Но он не принял руку, протянутую Коулом, и не
114 взглянул ему в глаза.

Оставив короля в руках слуг, бросившихся мыть и переодевать его, старый интриган был очень задумчив и обеспокоен, и когда он отдавал распоряжения охранникам, слова его были обдуманны и осторожны.

Через полчаса с приказами, которые он написал, Коул постучал в покои короля и вошел туда, не дожидаясь, пока слуга выпустит его.

Из соседней комнаты раздался звон разбитой бутылки, и тут же оттуда вылетел слуга, стараясь стереть ярко-красное пятно на своей белой ливрее. Почти сразу же раздался голос Имре, требовавшего еще вина. По голосу можно было понять, что он и так уже выпил больше чем достаточно.

— Сир, — начал Коул, осторожно входя в спальню. — Уже давно пора.

Занавеси алькова откинулись, и оттуда показалась всклокоченная, с дикими глазами голова Имре. Одной рукой он стискивал ткань занавеси, а в другой держал серебряный бокал. Имре был одет в короткую тунику алого бархата, разукрашенную золотым шитьем.

Двое слуг, одетых в белые ливреи с белым мехом, были очень испуганы. Один держал в дрожащих пальцах корону, а другой стискивал гребень из слоновой кости. Во второй комнате, служившей гардеробной Имре, царил хаос: перевернутые стулья, ящики с одеждой, а посреди комнаты, на полу, валялась окровавленная белая бархатная одежда. Нетрудно было представить, что творил здесь Имре, оставшись в обществе бессловесных перепуганных слуг и выпив огромное количество вина на пустой желудок.

Слуга с гребнем шевельнулся и поднес руку к голове короля, но остановился и испуганно оглянулся на Коула.

— Его милость решил сегодня надеть алую тунику, милорд, — объяснил он дрожащим голосом.

В его тоне слышалось явное неодобрение, и он ждал поддержки знатного дворянина.

— Это его воля, — ответил Коул. Он поклонился королю и спрятал документ, который держал в руке, в складках своей туники.

— Сир, вашего появления ожидает весь двор. Если вы позволите, я помогу вам закончить туалет, и мы сможем отослать слуг, чтобы они выполнили другие свои обязанности.

Имре посмотрел на него, покачиваясь на нетвердых ногах, и глупо хихикнул.

— Конечно, мой друг. Отошли прочь этих идиотов.

Схватив гребень, он сделал отчаянную попытку расчесать волосы, выплеснув при этом вино из бокала на новую тунику. Тогда он встал и без слов отдал Коулу бокал, который тот поставил на маленький столик.

Коул показал слугам на кучу окровавленной одежды и шепотом приказал немедленно сжечь ее.

Выпроводив слуг, он закрыл дверь и вернулся к Имре, который, стараясь причесаться, взлохматил волосы еще больше.

С улыбкой и поклоном Коул взял гребень из рук Имре и стал расчесывать каштановые волосы.

Закончив, он повернулся, чтобы взять в руки корону, но тут же отложил ее, чтобы воспрепятствовать Имре допить оставшееся в бокале вино.

К счастью, Имре находился в благодушном настроении, так что он не сопротивлялся и покорно отдал Коулу бокал. Но Имре и так уже много выпил.

Сможет ли король без посторонней помощи покинуть Большой зал, это Коула не волновало, но он по крайней мере должен прийти туда сам, иначе принцесса Эриелла, которая и так была в ярости из-за его опоздания, разозлится еще больше. Коул отставил подальше бокал с вином. Он надеялся, что Имре не будет устраивать сцен, — король, когда напивался, становился упрям и несговорчив.

Но на этот раз Имре не сопротивлялся. Он полностью подчинился Коулу, и тот водрузил на него корону. Затем король спокойно стоял, пока Коул накидывал и поправлял горностаевую мантию.

Мех горностаев эффектно контрастировал с кроваво-красной туникой. И только когда они вышли из дверей и Имре тяжело оперся на его руку, Коул вспомнил о документе, спрятанном в тунике. Он развернул Имре и повел к письменному столу.

Там он положил перед ним документ.

— Еще одно, сир, — сказал он, — и мы пойдем в зал, где сможем хорошенько выпить.

Он обмакнул перо в чернила и протянул его Имре. Глаза короля стали холодными, как два агата, и Коул внезапно понял, что весь пьяный вид короля был лишь маской.

— Это приказ относительно Камбера? — спросил Имре, тщательно выговаривая каждый слог.

Коул кивнул. Искра сомнения вспыхнула в его мозгу, хотя на лице не отразилось никаких эмоций.

Имре долго смотрел на Коула, выхватил перо из

ный Коул смотрел, как Имре с силой воткнул перо в чернильницу, будто ставя точку над всем делом, и отвернулся. Король даже не прочел бумагу.

— Вы не хотите прочесть, сир?

— Нет.

Король отошел в сторону, опустив голову. Коул посмотрел на подпись Имре, на слова, им написанные, и после некоторых колебаний рискнул спросить:

— Я ведь много написал, сир. А если это смертный приговор для всех?

— Даже ты не решился бы на это, — тихо ответил Имре, не глядя на Коула. — Я подписал; многие сочли бы это за знак доверия. Ты сомневаешься в моей способности мыслить?

Коул, изображая улыбку, взял бумагу в руки и посмотрел на подпись — чернила уже высохли.

— Конечно, нет, сир. Вы сами поставили подпись. И сами поставите печать, или это сделать мне?

— Печать в ящике, — мягко сказал Имре. — Когда-то это была привилегия Катана. Теперь, после того как я убил его, твоя.

— Эта грустная история позади, сир, — сказал Коул. — Печальная, но необходимая, — добавил он, доставая печать.

— Необходимая... — повторил Имре сдавленным голосом.

Он уже не замечал, как зашипел расплавленный воск, как капля упала на бумагу, как прижалась к ней королевская печать. Вскоре они уже шли по коридору к Большому залу.

Имре держал в руке бокал, и Коул уже не осмелился забрать у короля вино.

Солдаты, которые должны были сопровождать тело Катана в дом Камбера, уже получили подписанные приказы.

* * *

На празднике в эту ночь все оказалось гораздо хуже, чем предполагал Коул, — основываясь на том, что Имре опоздал к открытию и пришел пьяным.

Эрисла, встревоженная опозданием брата, подождала разумное время, заставив гостей слоняться по залу, затем вышла, приказав всем садиться за столы, хотя даже она не имела права открывать этот праздник Зимы без короля. Зазвучала музыка, вино полилось рекой, начались оживленные разговоры.

Сидя на возвышении рядом с пустым креслом брата, Эрисла смеялась, пила вино, флиртовала с дворянами, сидевшими рядом с ней.

Ее красоту подчеркивала роскошь одежды: белый бархат, шелк и мех. Алмазы сверкали на шее, на руках и по подолу платья. На лбу соблазнительно трепетала прядь волос, как бы случайно выбившаяся из-под мехового капюшона, обрамляющего ее прекрасное лицо, делая похожим на волшебный, зимний цветок.

Сегодня все были одеты в белое — такова была воля Имре. Каково же было изумление гостей, когда на пороге показался монарх, с ног до головы одетый в ярко-красную одежду, за исключением королевской мантии. По его виду все поняли, что именно задержало его королевскую милость.

Не ожидая церемоний, Имре пошел по залу.

Коул в легком замешательстве следовал за ним. Удивленные гости вскакивали с мест и кланялись, когда он проходил мимо, хотя Имре не заметил бы, даже если бы они оставались на местах. Эриелла, привыкшая к чудачествам брата, подняла бокал с вином и предложила его с поклоном Имре, когда он поднялся на возвышение и плюхнулся в кресло.

— Ты пьян и опоздал, — прошептала она тихо, но угрожающе, когда он принял кубок из ее рук. — Где ты был?

— В аду, сударыня, в аду!

Имре икнул и махнул рукой, позволяя всем садиться и продолжать праздник.

Как только музыка и разговоры возобновились, Коул сел в свое кресло рядом с королевским возвышением и стал с беспокойством наблюдать за Имре. Тот выпил второй бокал, полностью игнорируя все расспросы Эриеллы, затем, подождав, пока паж наполнит следующий, выпил и его.

Слуги не успели поставить перед королем первое блюдо, как он уже вскочил на ноги. Лицо его было красно от выпитого вина, нетвердой рукой он держал бокал, выплескивая его содержимое на скатерть, на себя и Эриеллу.

— Почему вы все смеетесь и развлекаетесь? — громовым голосом возопил он.

Музыканты с перепугу сбились, начали фальшивить и прекратили игру. Наступила мертвая тишина.

— Почему вы так веселы? — повторил король. Голос его был хриплым от негодования, глаза сверкали зловещим блеском.

— Вот ты, Селкирк, скажи, почему сегодня ночью такое веселье?

Старый мастер фехтования, сидевший в дальнем углу в окружении своих учеников, поклонился. Лицо его стало бледным, бледнее снега. Более, чем его праздничная одежда.

— Вы сами приказали веселиться, ваша милость.

— Я?..

Имре сделал паузу и воспользовался ею, чтобы сделать большой глоток вина.

— Я приказал?.. — повторил он язвительно, словно никогда не слышал ничего более чудовищного. — Черт побери, Селкирк, разве ты не знаешь, что убит человек?

Он швырнул бокал в учителя, и тяжелый снаряд едва не разможил голову неуспевшему увернуться пажу. Затем Имре с силой ударил кулаком по столу так, что блюда, ложки и вилки посыпались на пол.

— Черт возьми! Уходите прочь отсюда! Все прочь отсюда!

Он схватил тарелку и с силой швырнул ее на пол, повернулся и выбежал из зала, переворачивая на ходу кресла.

Его сестра, безмерно удивленная и разгневанная, дала шепотом указания слугам и управляющему и пошла за Имре. Испуганный охранник, держась за скулу, показал на дверь, за которой скрылся король. Но ни мольбы, ни ругань Эриеллы не помогли ей проникнуть в комнату.

Тогда, сама придя в ярость, она вернулась в зал, чтобы посмотреть, как выполняются ее приказы, а затем пошла к себе.

* * *

Имре спал в своем убежище, распростертый ничком на полу. Бокал вина стоял рядом с ним. Однако чувство вины скоро разбудило его. Он все еще был пьян и с трудом поднялся на ноги. Голова отчаянно кружилась, дрожащими руками он поднес к губам бокал. Только после этого он подошел к двери, откинул засов и вышел.

Коридор был пуст, настенные факелы почти догорели. Охранник вскочил и отдал салют. Король, покачиваясь и придерживаясь рукой за стену, прошел мимо. До Имре донеслись звуки — это слуги убирали Большой зал после неудачно закончившегося праздника. Внезапно Имре вспомнил, почему он так напился.

Он содрогнулся, и снова поднес бокал вина, взятый из комнаты, к губам. Он начал подниматься по винтовой лестнице, ведущей в его покои, но на полпути остановился. Имре снова направился вниз и, спустившись, прошел по узкому коридору к другой лестнице.

Он должен увидеть Эриеллу. Она все поймет, она знает, что делать. Она всегда помогала ему в детстве, защищала его от всех невзгод, и теперь у нее, наверное, най-

дутся слова, которые дадут ему душевный покой. Она-то не предаст его, как Катан и другие.

Через несколько минут он стоял перед ее покоем, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу и глядя в пустой бокал.

— Эри! — позвал он внезапно охрипшим голосом. — Эри! Открой дверь, пожалуйста.

— Кто там? — послышался из-за двери сонный голос. Это, несомненно, был кто-то из слуг.

— Мне нужно увидеть Эри. Это я, Имре.

Послышался возглас удивления, издали донеслись какие-то неразборчивые слова.

Дверь отворилась, и служанка присела перед ним в низком поклоне. Не обращая на нее внимания, Имре прошел прямо в дверь спальни. Там уже другая служанка зажигала свечи, и, войдя, Имре увидел сестру, натягивающую халат поверх ночной сорочки. Она стояла у большой кровати с балдахином. Свечи ослепили Имре, и ему пришлось зажмуриться.

— Мой бокал пуст, Эри, — прошептал он. Имре жалобно повторил эти слова, переворачивая бокал, показывая, что это действительно так.

Во тьме послышался голос сестры, спокойный, ровный.

— Кари, налей вина его милости и оставь нас.

Девушка оставила свечи, подошла к королю и с низким поклоном наполнила бокал.

Когда она повернулась, чтобы уйти, Имре схватил ее за руку и, крепко держа ее, быстро выпил вино и снова протянул пустой бокал.

Виновато взглянув на госпожу, девушка наполнила бокал снова, поставила бутылку на стол и вышла из спальни. Имре, запрокинув голову, стал пить, но заметив, что на него упала тень, поднял глаза. Перед ним стояла сестра. Ее упавшие на плечи волосы в свете свечей были похожи на золотой пожар. Этот пожар ослепил, и он не мог рассмотреть ее лица.

— Эри, — тихо сказал он.

Узкая рука протянулась к нему и опустилась на руку, державшую бокал.

— Тебе не кажется, что на сегодня хватит?!

— Никакого вина не хватит, чтобы смыть то, что произошло, — промямлил он, снова пытаясь поднять бокал, и, когда сестра не отпустила его руку, он нахмурился. — Ты не понимаешь, Эри. Он мертв. Я убил его.

— Кто мертв? Кого ты убил, Имре?!

Он вздрогнул и выронил бокал, который Эриелла подхватила. Все тело Имре стала бить дрожь, он застонал и спрятал лицо в ее ладони.

— Катан! Я убил Катана! Он предатель, и я должен был сделать это! Но... О, Боже, Эри! Я убил его! Но я люблю его!..

Эриелла, прикрыв глаза, вспомнила величественного, уверенного в себе лорда-Дерини, который так много сделал для них с братом, что переоценить его помощь было невозможно. Она медленно поднесла бокал к губам и выпила, как бы отдавая дань погибшему.

Бросив пустой бокал на пол, она обняла брата так, как обнимала в детстве.

— Ты — король, и ты должен выполнять свой долг. Но ты — человек, и ты должен оплакивать смерть друга.

При этих словах Имре зарыдал еще сильнее. Он упал на колени и зарылся лицом в ее одежду. Она гладила его волосы, плечи, целовала его голову.

Наконец он стал успокаиваться, всхлипывания стали реже и тише. Дрожь, пронизывающая его тело, передалась и ей.

Подняв заплаканное лицо, он прочел страсть в ее глазах, почувствовал мягкое обещание ее тела, заключенного в его объятия.

В этот короткий миг прозрения он понял, что они долго и неуклонно шли к этому...

Он поднялся на ноги. Губы Эриеллы нашли его рот и жадно впились в него. Ее тело крепко прижалось к нему, и они слились в одно целое. Его губы медленно двинулись вниз, и наконец лицо его утонуло в упругой нежности груди, обещающей неописуемое блаженство.

Затем они, растворившись друг в друге, погрузились в бездонную мягкость ее бескрайней постели. Кровь хлынула ему в голову, и он забыл обо всем в сладкой истоме.

ГЛАВА XII

**Он вовек не поколеблется;
в вечной памяти будет праведник.¹**

На другой день траурный кортеж прибыл во владения Камбера Мак-Рори, неся с собой горе и боль. Они появились из Валорета к полудню, как раз когда пошел снег. Тело Катана было уложено на повозку, запряженную двумя лошадьми в черных перьях и пополах, в знак скорби.

Тело было укрыто черным шелком.

Люди короля держали свои лики остриями вниз, упираясь ими в стремяна. По бокам повозки шли два монаха, облегчая путь усопшему: они перебирали четки и распевали молитвы. За ними в карете следовала вдова с детьми. Вулфер и несколько преданных слуг ехали сзади на конях. Никого из них не обманула эта пышность, поскольку они видели окровавленное тело еще до того, как его обмыли и подготовили для последнего пути. Они чувствовали, что в смерти Катана виновен сам король, но не могли даже предположить, как велика его вина.

Вести о случившейся трагедии достигли замка Кайрори ночью. Их принес Кринан, любимый телохранитель Катана. Он был в доме, когда солдаты принесли тело его господина. Почти обезумев, он слышал, как лейтенант отдавал приказы подготовить тело. Он видел, как старый управляющий Вулфер оттолкнул лейтенанта и сам занялся телом хозяина.

Разрываясь между желанием остаться рядом со своим господином и необходимостью предупредить всю семью о том, что произошло, Кринан стоял неподвижно до тех пор, пока

солдаты не спустились в зал, чтобы устроиться там на ночь, так как им предстояло сопровождать тело в Кайрори.

Затем, подстегиваемый страхом, что король подвергнет репрессиям все семейство Мак-Рори, он сорвался с места, бросился в конюшню и, взяв лучшего коня, поскакал в Кайрори.

Через три часа он уже въезжал во внешние ворота замка. Стук его копыт по мощеному двору нарушил ночной покой обитателей замка. Везде стали зажигаться свечи, из окон выглядывали удивленные лица, залаяли собаки, и вскоре в насквозь промокшем плаще он очутился в промерзшем большом зале, где собралось все семейство.

Первое время Кринан не мог вымолвить ни слова, настолько он был потрясен увиденным и измучен сумасшедшей скачкой в морозной ночи, но он был уверен, что Камбер понял все без слов.

У Камбера были свои методы узнавать невысказанное.

Камбер отвернулся в сторону и через некоторое время ровным, бесстрастным голосом сказал Сэму, чтобы тот немедленно ехал в святой Лиам и сообщил о случившемся Джорему. Райс Турин был здесь, в доме. Сейчас он тоже был в зале и поддерживал плакавшую Ивейн.

Камбер громким голосом отдал слугам распоряжение подготовить все к завтрашнему дню и посоветовал остальным разойтись и постараться отдохнуть.

Однако в Кайрори никто не мог спать в эту ночь.

На следующее утро холодное сапфировое небо нависло над замком. Семейство Мак-Рори собралось в деревянной церкви, чтобы помолиться за душу убиенного и подождать, пока тело его навек вернется в родной дом.

Вскоре приехал Джорем, а еще через час Джеймс Драммонд, Ивейн и Райс стояли на коленях с Камбером, Кринаном, Сэмом и дюжиной других ближайших слуг. Джорем служил печальную мессу.

У церкви собрались жители деревни. Некоторым из них Камбер позволил войти в церковь, другие, не поместившись внутри, стояли на коленях во дворе. Когда наконец сообщили, что печальный кортеж приближается, крестьяне выстроились вдоль дороги. Они молча склонили головы, когда мимо них проезжали носилки с телом Катана.

Королевский лейтенант был явно обеспокоен всем этим. Он не ожидал, что дворянину будет оказано такое королевское почтение, однако он не осмелился что-либо сказать, заметив на крыльце гордого, величественного человека, скорбно ожидающего своего сына. Это был лорд Камбер, выс-

ший Дерини, способный на жестокую месть, если он пожелает мстить.

Лейтенант сам был Дерини и прошел хорошую подготовку, но он бы не рискнул вступить в магическую дуэль с самим Камбером. Лейтенант приказал своим людям хранить спокойствие и молился, чтобы графу не вздумалось послушаться приказа короля.

Но страхи лейтенанта были необоснованными. Он должен был бы знать, что жестокость не в духе Камбера даже тогда, когда он в гневе.

Граф стоял прямо и невозмутимо. Он был смертельно спокоен и смотрел на солдат холодным взглядом. Когда кортеж остановился, Джорем, Райс, Кринан и Сэм сняли носилки с повозки и внесли в церковь. Камбер обнял Элинор и своих внуков. Они пошли за телом.

Камбер стоял и смотрел на солдат. Перед ним опустились на колени рыдающие Вулфер, Реван и другие слуги из дома Катана. Он тихо предложил им встать и тоже войти в церковь.

Он медленно пошел за ними и плотно прикрыл за собой дверь, давая совершенно недвусмысленно понять, что присутствие людей короля в этот скорбный час нежелательно. Лейтенант не решился оспаривать это и приказал своим людям оставаться на месте.

В церкви Джорем Мак-Рори начал служить заупокойную мессу по убитому брату.

Когда месса кончилась, Камбер долго стоял на коленях у тела сына, собираясь с силами.

Могила была еще не готова, и похороны назначили на вечер, поэтому многие крестьяне вышли из церкви, оставив скорбеть у гроба только близких.

Солдаты все еще стояли у церкви. Камбер решил, что в их функции входит не только сопровождение тела в замок, вероятно, они получили от короля и другой приказ.

Лейтенант еще ничего не сказал, правда, Камбер еще не дал ему такой возможности, но Камбер предполагал, что на этом миссия солдат не кончается. А может, он просто чересчур подозрителен? А что если у них есть ордер на арест всей семьи, и они, дождавшись окончания ритуала, выполнят приказ? Ведь были какие-то основания для убийства Катана? Может, до Имре дошли слухи о поисках принца Синхила?..

Он посмотрел на тех, кто остался в церкви: на Райса, на Ивейн, державшую в объятиях Элинор, на Джеймса Драммонда, погруженного в глубокую скорбь и стоявшего на коленях в стороне от всех слуг Катана. Сэм уже отвел

детей в дом — им не следовало больше оставаться в церкви, они были чересчур потрясены и испуганы. Теперь Камбер должен был сделать самое трудное, но необходимое.

С легким вздохом Камбер перекрестился и поднялся на ноги. Он покачал головой, заметив, что Райс хочет присоединиться к нему.

Он прошел в глубь церкви и остановился рядом с молодым пажом, Камбер долго говорил ему что-то, и юноша время от времени кивал головой, выслушивая приказ господина. Затем Камбер легонько погладил мальчика по голове, печально улыбнулся и пошел на свое место.

Не успел он еще дойти до гроба, как паж вскочил на ноги, осторожно осмотрелся и выскользнул в боковую дверь.

— Что случилось? — прозвучал в сознании Камбера вопрос Райса.

Но гордый старый Дерини, опускаясь на колени, только покачал головой, прижав палец к губам, и склонил голову в молитве.

Озадаченный Райс смотрел на Камбера, а тот низко поклонился гробу и нежно поднес к губам край бархатного покрывала.

Райс знал, что это не то покрывало, которое прислал король. Как только тело внесли в церковь и закрыли дверь, Катана укрыли заранее приготовленным покрывалом. Герб Катана на нем любовно вышла этой ночью его сестра Ивейн.

Райс с жалостью смотрел, как край покрывала выскользнул из рук безутешного отца. Он полностью разделял горе старика и невольно положил руку на плечо Камбера. Тот обернулся. Глаза его были полны слез.

— Райс, ты мне дорог, как сын, — прошептал он. — Пойдем со мной, ты мне поможешь.

Райс кивнул, не осмеливаясь заговорить.

Камбер улыбнулся и похлопал его по плечу, когда они встали на ноги. Пройдя за алтарь, они вошли в ризницу, где отдыхал после мессы Джорем. Он стоял на коленях перед маленьким алтарем, уронив голову на руки. Когда отец и Райс вошли в комнату, он поспешно вытер глаза рукавом и взглянул на них. Волосы его были растрепаны, и он машинально пригладил их.

— Что-нибудь случилось?

— Пока нет, — мягко сказал Камбер. Он закрыл за собой дверь и прислонился к ней. Затем он опустил засов, чтобы никто не мог войти к ним.

— Нам надо поговорить, Джорем, — сказал он. — Солдаты короля все еще здесь и, кажется, не собираются уходить. Ты говорил Катану о наших целях?

— Нет, отец, мы не решились.

Джорем снял шарф, поцеловал его и спрятал в шкаф.

— Боже, ты думаешь, что Имре что-то подозревает? Не может быть! У него нет никаких оснований!

Камбер поднял бровь.

— Но за вами же следили два дня назад, когда вы ехали из Валорета. Он, очевидно, что-то подозревает, но я согласен с тем, что он вряд ли знает что-либо определенное. Так быстро ему не склеить разрозненные сведения. Но он, вероятно, убежден, что Катан замешан в какой-то измене. По-другому невозможно объяснить то, что произошло.

Он посмотрел в пол.

— Во всяком случае, каковы бы ни были причины, Имре смотрит на нас с большим подозрением. Я не уверен, что мы все уцелеем.

Джорем присел на край стола.

— Значит, нам нужно действовать.

— О Боже, да! Я прошу, чтобы вы с Райсом немедленно скакали в монастырь святого Фоиллана! Если мы не заберем оттуда Синхила тотчас же, то другого шанса может не быть!

— Сейчас?!

Джорем взглянул на друга.

— А ты что думаешь?

Удивленный, как и Джорем, Райс покачал головой.

— Сэр, я не хочу казаться непочтительным, но почему вы думаете, что солдаты Имре окружают церковь? Вы сами говорите, мы даже не можем использовать Портал в замке. Ведь в Дхассе нас ждут только через три недели.

Дхасса была святым вольным городом, расположенным в Лендурских горах, местом, где власть Имре не настигла бы их.

— Вы поедете верхом, — сказал Камбер. — Есть подземный ход, который ведет из этой комнаты. Джорем знает его. Я уже послал пажа подготовить лошадей и все необходимое. Он будет ждать вас через час на северном краю леса.

— Ты уже все обдумал, — медленно сказал Джорем. — Но как ты объяснишь наше отсутствие?

— Я и не собираюсь ничего объяснять, — ответил Камбер, сложив руки на груди. — Для солдат вы все время будете здесь.

— Мы... здесь... но... — неуверенно начал ничего не

126 понявший Райс.

Он обменялся взглядами с Джоремом, который тоже недоумевал.

— Джорем, ты понимаешь? — прошептал Райс.

Тот, не обратив внимания на его слова, смотрел на отца.

— Отец, если ты имеешь в виду...

— Выслушайте меня, — прервал его Камбер.

Голос его был тихим, но очень властным.

Райс, который хотел задать Камберу вопрос, послушно захлопнул рот. Джорем молчал, но в нем нарастало противоречие, даже враждебность. Райс чувствовал, как между отцом и сыном увеличивается напряжение.

Целитель осторожно отошел в сторону, не желая находиться в эпицентре столкновения двух волей, которое готово было разразиться.

— Отец... — начал снова Джорем.

— Нет, выслушай меня. Я понимаю твое нежелание. Но поверь мне, я долго взвешивал моральные и этические аспекты, я знаю, что это считается непорядочным, но бывают моменты, когда этого избежать нельзя!

— Этого можно избежать, отец, я не думаю...

— Ты не думаешь! Но ты должен признать, что это только твое мнение! — рявкнул Камбер. — Ты не знаешь, аморально ли это на самом деле.

Он бросил взгляд на Райса. Голос его был тих и холоден.

— Джорем, если бы был другой путь, я бы не выбрал этого. Если ты предложишь мне другой путь и докажешь, что он менее опасен для жизней многих людей, чем мой, я буду рад этому. Но если мы хотим когда-нибудь увидеть на троне нашего Халдейна, нам надо действовать незамедлительно. Солдаты Имре здесь. Кто-то что-то подозревает. Иначе бы их здесь не было, и Катан не был бы убит. Даже если Катан ни в чем не замешан, то этого нельзя сказать о нас, мы зашли слишком далеко, чтобы теперь останавливаться.

Джорем стоял со сверкающими глазами, руки его были сжаты в кулаки. Но когда Камбер замолчал, Джорем отвернулся и плечи его беспомощно опустились.

Озадаченный Райс так и не понял, в чем дело, о чем они спорят, только почувствовал, что Джорем проиграл спор, а Камбер выиграл.

Камбер медленно подошел к сыну, но не дотронулся до него.

— Мне очень жаль, Джорем. Я все понимаю, поверь мне. Ты знаешь, я никогда бы тебя не принуждал, если бы в этом не было крайней необходимости. Сначала я счи-

тал ваши планы только юношеской глупостью, и аргументы, которые я приводил вам два месяца назад, справедливы и логичны даже сейчас. Но ведь это было до того, как мой сын был убит человеком, занимающим трон в Валорете. У нас теперь выбора нет, нам надо действовать.

Наступила долгая тишина, никто не двигался. Затем Джорем поднял голову.

— Concede, — пробормотал он.

Со вздохом облегчения Камбер обернулся к Райсу. Но прежде чем он заговорил, Джорем овладел собой, поднял голову и положил руку на плечо отца.

— Райс, ты понял, о чем мы говорили? — спросил он.

— Совершенно не понял. Я только уловил, что ты чего-то не одобряешь по моральным соображениям. Но я... — Он замолчал. Камбер провел рукой по волосам.

— Райс, мы говорили об изменении облика. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Удивленный, Райс заговорил:

— Я, конечно, читал об этом, но считал, что это только теория. И все авторы утверждают, что это чер...

— Черная магия, — мягко сказал Камбер. Он произнес то, чего Райс не осмеливался произнести. Камбер откашлялся, стараясь найти подходящие слова.

— Все это очень туманно, и многие считают это аморальным, поскольку это обман, а обман чаще всего используется в нечистых целях, но в данном случае бегство невинных от опасности никем, даже отъявленным догматиком, не может считаться нечистым делом.

Джорем поднял бровь и сложил руки на груди.

— Полагаю, что это вполне логично, хотя вряд ли нас можно квалифицировать как невинных людей.

— Но Имре не может ничего знать, он только предполагает. Райс, боясь упустить что-то важное, откашлялся.

— Так что же вы хотите делать, сэр?

— Я прошу прощения. Я думал, что ты все понял. Я хочу придать ваш облик двум преданным слугам, отсутствия которых никто не заметит. Для тебя, Райс, я хочу использовать Кри-нана, а для Джорема — управляющего Вулфера. Они оба служат нашей семье с детских лет, и я им полностью доверяю. Кроме того, они привыкли к магии, ведь они все время находятся возле нас.

— Но к такой магии они не привыкли, — угрюмо сказал Джорем. — И еще одно: мне ведь нужно читать молитвы на похоронах. Вулфер — не священник.

— Нет. Но он человек богобоязненный и любил Катана, так что мы сможем ввести в него необходимые знания. Я знаю, что ты хотел бы сам проводить своего брата в последний путь, но сейчас важнее, чтобы вы с Райсом немедленно отправились в путь. Ты уже прочел молитвы, и к тому же здесь есть священники.

— Но...

— Я знаю, сын мой, — мягко оборвал его Камбер. Он со вздохом положил руки на их плечи.

— Райс, найди, пожалуйста, Кринана и Вулфера и приведи их сюда. Только не говори, зачем они нужны. Скажи, что я хочу их видеть, и дай мне возможность побыть с Джоремом минут пять. Хорошо?

— Хорошо, сэр, — с трудом проговорил Райс. Оглушенный услышанным и хорошо понимая, что должен чувствовать Джорем, Райс вышел из ризницы и прислонился лбом к двери, обеими руками держась за стену. Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце. Его мозг отказывался воспринять изменение облика как реальность.

Старые страхи теснились у него в груди, и он не мог совладать с ними, пока наконец не прибегнул к древнему заклинанию. Теперь мысли его пришли в относительный порядок. Он почувствовал, как спокойствие омывает его израненную душу теплой волной. Теперь он уже мог думать о черной магии с некоторым хладнокровием.

Изменение облика. Он вспомнил краткое упоминание в какой-то старой книге о том, как маг накладывал внешность одного человека на другого. В книге говорилось о пентаграммах, о кровавых кругах, о необходимости предохраняться от действий злых сил, но говорилось об этом туманно, так, что было трудно понять, как все это делать практически. В другой книге — он уже мог осматривать свою память, добывая информацию, — говорилось о принесении кровавых жертв, о поклонении демонам. Он считал все это чушью. Еще одна книжка утверждала, что изменение облика совсем невозможно, хотя в свете того, что он услышал от Камбера, это было неверно.

Просмотрев содержимое своей памяти, Райс понял, что у него нет ни одного определенного факта относительно изменения облика. Отсюда он заключил, что крайне мало знает об этом предмете и это большой пробел в его образовании.

Он со вздохом выпрямился и пошел в церковь. Уже прошло достаточно времени, чтобы Камбер и Джорем разрешили все свои противоречия, Он быстро нашел

Вулфера и Кристана и молча повел их в ризницу. Райс осторожно постучал в дверь, открыл ее и пропустил слуг в комнату.

В ризнице горело огромное количество свечей, расставленных вдоль стен. Комната была ярко освещена, так что света было достаточно, чтобы разогнать темные суеверные страхи. Камбер неподвижно стоял возле алтаря. Пламя свечей превратило серебро его волос в красное золото. Джорем стоял чуть позади, опираясь обеими руками о край стола. Он весь напрягся, когда открылась дверь, но не двинулся с места.

Когда за вошедшими закрылась дверь и на нее наложили охранные заклинания, Камбер повернулся к слугам.

— Благодарю, что пришли сюда, друзья мои, — сказал он, обнимая каждого по очереди.

Кристан нервно пожал руку Камбера, глаза его беспокойно блеснули. Вулфер же спокойно встал на колени, поцеловал руку Камбера, и слезы навернулись на его глаза.

— Простите, что я привез сюда молодого господина мертвым, — прохрипел старик. — Я клялся, что буду всегда охранять его, но...

— Тебе не в чем винить себя, старик, — сказал Камбер, поднимая Вулфера. — Я очень признателен тебе за твою искреннюю скорбь.

Вулфер не мог говорить, и только молча кивнул. Кристан проглотил слюну и опустил голову.

— Но я пригласил вас сюда не для того, чтобы предаться скорби, — сказал Камбер и знаком приказал Райсу встать рядом с Джоремом.

— Я хотел вас спросить, согласны ли вы по доброй воле подвергнуться риску в память о вашем господине? Я не могу объяснить вам подробнее причины своей просьбы, но эта служба может оказаться для вас последней. Сделаете ли вы это для него?

В их глазах читался страх, но они согласно кивнули.

Райс тихо подошел к Джорему и легко коснулся его руки. Священник кивнул и повернулся к ним. Лицо его было спокойно, сосредоточено, волосы казались серебряными в свете свечей.

Все смотрели на Камбера.

— Хорошо, — сказал Камбер. — Я не могу сказать, зачем, но необходимо, чтобы отец Джорем и лорд Райс выехали отсюда еще до похорон, никем не замеченные. Само по себе это не составляет проблемы — лошади и все остальное уже готово. Однако все дело в том, что они должны быть на

похоронах, иначе солдаты заподозрят неладное. Нам нужна ваша помощь.

Двое слуг переглянулись и снова уставились на Камбера. Кринан нервно облизнул пересохшие губы.

— Вам нужно, чтобы кто-нибудь сыграл их роли, милорд?

— Да.

Кринан обвел всех взглядом.

— Прошу прощения, милорд, но мне кажется, что мы не очень похожи на отца Джорема и лорда Райса. В темноте, может, меня и можно спутать с лордом Райсом, но...

Вулфер тоже наконец обрел дар речи и тоже не смог сдерживать своего скептицизма.

— Это верно, милорд. Мы совсем не похожи на молодых лордов.

— Если вы разрешите, я сделаю вас совершенно похожими, — ответил Камбер.

Тон его был таким, что слуги замерли, внезапно осознав, о чем идет речь. Вулфер проглотил комок в горле, и когда вновь заговорил, голос его был тих и жалобен.

— Посредством магии, милорд?

Камбер кивнул, и Кринан вздрогнул.

— Это опасно, сэр?

— Только не для вас. Немножко для меня, Джорема и Райса. Когда все кончится, вы ничего не будете помнить. Я верну вам облик сегодня вечером, когда все разойдутся на отдых.

Кринан кашлянул, стараясь сформулировать вопрос.

— А что если случится непредвиденное?

— С магией?

— Нет. Вдруг нас узнают люди короля?

Камбер улыбнулся с облегчением.

— Это исключено. Вас не узнает никто, даже моя дочь, если, конечно, я не предупрежу ее. Для всех остальных вы и по облику, и по голосу, и по манерам будете Джоремом и Райсом. Но я не буду вдаваться в детали, которые понапрасну встревожат вас. Доверьтесь мне, и я не причиню вам вреда. Вы позволите мне это?

Наступила долгая тишина, в течение которой Кринан и Вулфер обдумывали все условия услышанного.

Затем Вулфер упал на колени и склонил голову.

— Я человек ваш и лорда Катана. Много лет назад я поклялся в преданности, вам и вашей семье. Если я могу сослужить последнюю службу моему хозяину, то я сделаю это.

— Спасибо, Вулфер, — прошептал Камбер.

Он похлопал по плечу верного слугу и взглянул на Кри-
на.

— А ты, Кринан? Я не хочу давить на тебя, но время не
ждет.

Кринан опустил голову.

— Молодые лорды не поскачут убивать короля?

— Они не ищут мести, Кринан. Они не поскачут к Имре в
Валорет.

— Хорошо, сэр. Тогда я тоже согласен, я сделаю все, что вы
скажете.

Камбер с улыбкой пожал его руку и поднял с колен Вулфе-
ра.

— Вулфер, ты с Джоремом выйдешь отсюда и подождешь
снаружи несколько минут. Райс, поменяйся одеждой с Крина-
ном.

Пока все четверо выполняли приказы Камбера, старый Де-
рини отошел к алтарю, взял свечу и стал всматриваться в ее
пламя, готовясь к делу.

Он обернулся и осмотрел комнату. Райс помогал Кринану
натянуть и застегнуть зеленый плащ Целителя, а сам он уже
был одет в простую одежду первого телохранителя Катана.

— Тебе идет зеленый цвет, Кринан, — сказал Камбер. Он
беспечно подошел к Кринану, стараясь успокоить его. Кринан
с трудом сглотнул, расправил плечи и стал казаться немного
выше ростом.

Камбер вложил в его руку свечу. Затем на пол были постав-
лены четыре свечи, образовавшие квадрат со стороны пять фу-
тов, и в центре квадрата встал Кринан. Другая свеча, незажжен-
ная, была в руках Райса. Затем два Дерини — Целитель и уче-
ный — присоединились к Кринану. Райс встал справа от него, а
Камбер лицом к ним обоим. Камбер осторожно возложил ру-
ки на руку Кринана, в которой была свеча, и Кринан вздрог-
нул.

— Не бойся.

Камбер улыбнулся, и в его голосе прозвучало что-то, заста-
вившее повиноваться ему.

— Тебе не нужно ничего делать, только смотреть в пламя и
ни о чем не думать. Расслабься и смотри в пламя. Отключись
от всего внешнего и волнующего тебя, смотри только в пламя.
Я тебя не оставляю, и ты будешь со мной в безопасности.

Неспособный сопротивляться, слуга всматривался в пламя
свечи и слушал постепенно затихающий и успокаивающий го-
лос Камбера. Через несколько минут Кринан пошат-
нулся, его голова стала опускаться, приближаясь к пла-

мени свечи. Камбер крепко сжал его руку, суживая свой контроль над ним. Глаза Кринана закрылись, он как будто уснул.

— Хорошо, — сказал Камбер.

Он отпустил его и обернулся к Райсу.

— Теперь подожди, пока я устанавливаю защиту, — сказал он, показав на четыре свечи с углах квадрата. — Потом мы начнем.

Он опустил голову, прочитал короткое заклинание, слов которого Райс не успел уловить, и задул свечу в руке Кринана со словами «аминь». Камбер вытянул руку к свече Райса. Пальцы его раздвинулись, спокойный и уверенный взгляд устремился в глаза Райса.

— Соедини свою руку с моей и свой разум с моим, и пусть свеча твоя загорится, когда мы будем едины.

Торжественно кивнув, Райс коснулся его пальцев и успокоил свой разум, чтобы Камбер мог войти в него. Он зажмурил глаза, полностью отключаясь от внешнего мира, и почувствовал, как ладонь Камбера крепко прижалась к его ладони. В полном спокойствии и полностью контролируя себя, он приказал пламени вспыхнуть, и тут же ощутил почти музыкальный резонанс, отзвук — это его разум соединился с разумом Камбера.

Теперь он смотрел глазами Камбера и видел, что свеча в его левой руке загорелась спокойным пламенем. Его правая рука сжимала руку Камбера. Он ощущал и видел, как другая рука Камбера поднялась, медленно приблизилась ко лбу Кринана и коснулась его.

Глаза Камбера закрылись, и внутри магического квадрата возникло неземное спокойствие, мир, какого не знавала земля, полное единение всех троих, которого никогда не удавалось достичь людям. Голос Камбера слышался, как легкий шелест листьев, колеблемых летним бризом. Это был голос не простого смертного, и Райс понимал, что говорит Камбер.

После этих слов Райс почувствовал, что слабость охватывает его члены, что вся энергия выходит из него и сосредоточивается в руке со свечей. Пламя свечи забилося, будто хотело переключиться на свечу Кринана.

Никто не видел, как золотой туман окутал комнату, никто не видел, как пламя изогнулось и огненная дуга соединила их руки. Райс внезапно понял, что все свершилось, что заклинание Камбера сработало.

Связь между ними оборвалась, и Райс чуть не упал от неожиданности. Он открыл глаза и увидел, что его свеча погасла, а свеча в руке Кринана загорелась. Райс взглянул в его лицо и ахнул от удивления. Это было лицо самого

Райса. Его руки в изумлении взметнулись вверх, забытая свеча выпала и покатилась по полу.

— Боже мой!

Это было все, что смог сказать Райс. Камбер улыбнулся и вздохнул. Его серебристые глаза подернулись дымкой усталости.

— И никаких демонов и прочей дьявольщины, как видишь, — проговорил он. — Джорем будет доволен.

Он прочел заклинание, и охранявший их серебряный круг погас.

Камбер взял свечу из рук Кристана и легонько коснулся его лба. Райс мог только молча смотреть — благоговейный трепет перед могуществом Камбера лишил его дара речи. Ресницы Кристана затрепетали, и глаза раскрылись.

— Кристан, ты здесь. Посмотри на меня.

Кристан медленно повернул голову. Его лицо, нет, лицо Райса выразило полное изумление.

— Получилось?

Он даже «пустил петуха», когда осознал, что говорит не своим голосом.

Улыбнувшись, Камбер взял его за руку и подвел к небольшому зеркалу. Кристан ахнул и ощупал руками свое лицо. Даже жесты его были жестами Райса.

Райс покачал головой, а Камбер положил руку на плечо Кристана, чтобы успокоить его.

— Кристан, привыкни к своей новой роли и выйди отсюда вместе с Райсом. Когда ты полностью освоишься, возвращайся в церковь как Райс и молись у гроба. Я вскоре тоже туда вернусь. Если кто-то будет говорить с тобой, в чем я, правда, сомневаюсь, веди себя так, как вел бы себя Райс.

— Хорошо, сэр.

Голос был уже уверенный — голос Райса.

Сам Райс все еще с удивлением качал головой, когда открывал дверь и пропускал вперед своего двойника.

Джорем и Вулфер были у двери. Вулфер был уже в легком трансе, в который ввел его Джорем, и поэтому он не видел двух выходявших из комнаты Райсов. Но Джорем при виде этого застыл в изумлении.

Один из Райсов прошел мимо него и взялся за ручку входной двери, а другой прислонился к стене.

Джорем посмотрел на него и понял, что этот Райс — настоящий. Он повернулся к другу, но Целитель прижал палец к губам, призывая к тишине, и они оба молча смотрели, как двойник Райса открыл дверь и вошел в церковь.

Сам Райс был ошарашен случившимся, хотя и был свидетелем каждой стадии превращения. Теперь он смотрел, как Джорем и Вулфер переступили порог ризницы и исчезли за дверью, Но он не стал пытаться подсмотреть новое превращение. Не потому, что он ощущал вину. Нет. Ничего грешного в этом превращении не было. Но все же он ощущал какое-то внутреннее беспокойство, возможно, из-за встречи с двойником.

Райс пошел к двери в церковь и заглянул в глазок. Он увидел, как его двойник опустился на колени, увидел, как Ивейн коснулась его руки и снова погрузилась в молитву.

Через несколько минут дверь ризницы открылась, и мимо него прошли Джорем и Камбер. Они вошли в церковь и опустились на колени возле двойника Райса. Второй Джорем стоял на пороге ризницы и, когда Райс обернулся к нему, позвал друга к себе.

— Давай не будем обсуждать все это, пока не уедем отсюда, — прошептал Джорем, пропуская Райса мимо себя в ризницу.
— Входи, подземный ход открыт.

Через час они уже ехали в монастырь святого Фоиллана.

ГЛАВА XII

**Поэтому с обдуманностью
веди войну твою, и успех будет
при множестве совещаний.¹**

Нежная церемония похорон продолжалась весь вечер. Все слова были сказаны, могила подготовлена и освящена старым отцом Джонасом, приходским священником, Вулфером-Джоремом и двумя монахами, прибывшими вместе с солдатами из Валорета. Когда яму наконец засыпали, пошел снег, смягчая грубые очертания могильного холма. Каменный крест, осыпанный снегом, казался призрачным в пляшущем свете факелов. Последние псалмы лились чисто и одиноко в звенящем морозном воздухе.

Затем жители деревни проводили своего любимого господина и его родных в замок.

Камбер похоронил своего сына во дворе деревенской церкви, чтобы тот и в смерти оставался рядом с людьми, которых так любил. Процессия шла молча, тишину нарушал только хруст снега под ногами, шипение таявших снежинок, попадавших в пламя факелов, да еще злоеющее позвякивание солдатских доспехов сопровождало молчаливую траурную процессию.

Это безмолвие оглушало.

Королевские солдаты проявили неожиданный такт. Несмотря на четкий приказ не выпускать Камбера и его семью из поля зрения, они старались как можно меньше попадаться им на глаза и не нарушать траур Мак-Рори.

Сейчас они замыкали процессию. Их лейтенант просил и получил разрешение самого Камбера устроиться на ночлег во дворе замка.

Камбер пожелал незванным гостям спокойной ночи и удалился в свои покои.

Лже-Джорем и лже-Райс пошли в комнаты Джорема и Райса, ожидая, пока Камбер не решит, что настало время освободить их от заклинания. Ивейн пришла в кабинет Камбера, и дочь с отцом общались между собой, как это могут делать только Дерини. После этого они прошли в угол кабинета, который весь светился, излучая энергию. Камбер произнес заклинание, и они были уже не в Кайрори.

— Где мы? — прошептала Ивейн, когда ее глаза привыкли к окружавшему их полумраку.

Она чуть теснее прижалась к отцу. Они находились в каменном склепе, чьи стены и потолок, представляющие собой каменные глыбы, можно было достать рукой. Эти стены слабо светились, вероятно, для того, чтобы не выпускать энергию наружу. Ночное заклинание охраняло их.

Камбер осторожно проверил крепость заклинания, затем вздохнул, обняв одной рукой Ивейн.

— Сейчас кто-нибудь появится и выпустит нас отсюда, — тихо сказал он. — Это — штаб-квартира михайлинцев в Челтхэме.

— Нас встретит сам викарий?

— Вполне возможно. Я думаю, ему будет не особенно приятно видеть нас, особенно после того как он услышит наши новости.

Ивейн, осмотрев стены, окружавшие их, почувствовала, что это очень солидное и крепкое сооружение: даже если бы не было охранительного заклинания, ничья магия не могла бы проникнуть через эти огромные камни, скрепленные громадными железными балками. У непрошеного гостя окажется два пути; либо медленно задыхаться здесь, так как сюда не было притока воздуха, либо вернуться обратно тем же путем, каким прибыл сюда.

«Да, — подумала она, обводя взглядом массивные каменные панели, — если попавшему сюда возвращаться некуда, то ему придется умереть здесь без всякой надежды на спасение.»

Давление воздуха и стен становилось все сильнее, и наконец они ощутили еле заметную вибрацию, как будто кто-то снял заклинание с каменной двери. Затем стена бесшумно отошла назад, и путешественники увидели направленные на них острия мечей. Эти мечи были в руках людей в темно-голубых плащах.

Лица их рассмотреть было невозможно, поскольку за их спинами ярко пылали факелы, ослепляя Ивейн и Камбера.

Ивейн подняла руку, защищая глаза от такого яркого света, и пыталась рассмотреть фигуры. Камбер стоял не двигаясь. Он просто закрыл глаза и ждал, когда они привыкнут к свету.

После короткого молчания чей-то голос тихо произнес:

— Это лорд Камбер.

Мечи опустились, и свет факелов стал менее ярким и ослепительным.

Немного погодя Камбер открыл глаза и сделал шаг вперед, держа Ивейн за локоть. Перед ним стоял высокий человек с серебристыми волосами в голубой сутане.

Три рыцаря в голубых плащах, означавших их принадлежность к Ордену михайлинцев, вложили мечи в ножны и, взяв факелы, удалились.

Их предводитель, Элистер Келлен, заметив, что Камбер увидел и узнал его, поклонился лорду-Дерини, правда, не очень приветливо. Он был очень обеспокоен таким поворотом событий, превратившим Камбера из противника в союзника, хотя он очень любил сына Камбера Джорема.

Камбер тоже поклонился, стараясь держаться непринужденно. Он жестом показал в сторону Ивейн.

— Моя дочь Ивейн, о которой я говорил вам, — представил он ее.

Келлен поздоровался с Ивейн кивком головы, на что она ему ответила поклоном, и снова взглянул на Камбера. Глаза его были холодными, как морской лед, тяжелые брови почти сошлись у переносицы.

— Мы не ждали вас сегодня, лорд Камбер. Что-нибудь случилось?

— Боюсь, что нам придется изменить планы, — сказал Камбер. — Могу я говорить свободно?

Он показал глазами на трех михайлинцев, стоявших поодаль.

Рот Келлена вытянулся в тонкую прямую линию.

— Я могу поручиться за них. В чем дело?

— Джорем и Райс через четыре дня будут в убежище вместе с нашим принцем, если все будет хорошо.

— Четыре дня! — воскликнул ошарашенный Келлен. — Но мы же решили, что они приедут за неделю до Рождества!

— Я знаю. Но после этого кое-что случилось. Мой сын Кэтан мертв. Мы только что похоронили его.

Келлен изумленно уставился на Камбера. Затем он

138 закрыл глаза, покачал головой и перекрестился. Лицо

его изменилось, словно он внезапно постарел. Три рыцаря тоже перекрестились и склонили головы.

Наконец Келлен овладел собой и поднял голову. Он хотел подойти к Камберу, высказать ему свое сочувствие, попытаться успокоить его, но не двинулся с места — сделать это мешала гордость. От Джорема он знал, что Камбер всегда выступал против его Ордена, и пока Келлен еще не решался довериться ему.

Он просто сложил руки и заговорил, зная, что никакие слова не смогут успокоить безутешного отца.

— Мне очень жаль, — пробормотал он. — Джорем говорил о своем старшем брате только хорошее, и мне всегда казалось, что я его хорошо знаю, хотя мы никогда не встречались. Как это произошло?

— Мы еще не знаем, — спокойно ответил Камбер. Ивейн прикусила губу и крепко сжала руку отца, сдерживая слезы.

— Солдаты, которые привезли тело, сказали, что он умер от разрыва сердца во время беседы с Имре во дворце, но в груди его — большая рана от удара мечом или кинжалом. Он, вероятно, умер мгновенно.

Наступила напряженная тишина, а затем последовал вопрос:

— Солдаты знают, кто это сделал?

— Если и знают, то не говорят, — ответил Камбер. — Мне кажется, что Имре нас в чем-то подозревает, в противном случае в моем замке не было бы его солдат. Мне придется завтра объяснять, почему Райс и Джорем уехали ночью. Формально нам не запрещено покидать замок, так что, возможно, мне удастся оправдаться. На самом деле, они уехали в монастырь святого Фоиллана после полудня, но солдаты об этом не знают. Если все удастся, они доберутся до аббатства через две ночи.

Быстрый ум Келлена сразу же ухватил несоответствие во времени, которое отметил Камбер.

— Вы сказали, что солдаты об этом не знают?

— Я прикрыл их отъезд, придав их облик с помощью заклинаний двум нашим верным слугам, — неохотно ответил Камбер. — Когда я возвращусь, я верну им их обличия.

При упоминании о заклинании лицо Келлена застыло, хотя он и был готов к этому признанию. Руки его непроизвольно сжались, словно приготовившись сотворить заклинание, хотя Келлен знал, что все это — дикое суеверие.

— Я не могу одобрить ваших действий, но согласен с их необходимостью, — с трудом выговорил он. — Но

не будем обсуждать это. Давайте поговорим о наших делах. Сколько людей вы намереваетесь спрятать в убежище?

— Нас всего десять: восемь человек из семьи и двое слуг, которые участвовали в изменении облика. Если Имре что-либо узнает об этом, то им будет небезопасно оставаться в замке.

— Ясно, — Келлен кивнул. — Когда вас ждать?

— Мы постараемся выждать четыре дня, которые нужны Джорему и Райсу, чтобы доставить Синхила в безопасное место. Если Имре не выступит против нас, то это будет просто; но если он выступит, тогда у нас возникнет множество проблем. Нам придется бежать через свой Портал, ведь у нас не будет иного выхода. Но тогда Имре выставит засады у всех известных выходов во всем королевстве, чтобы захватить нас. А если дело дойдет до этого, то я сомневаюсь, что Джорему и остальным удастся скрыться в безопасном убежище. Они наверняка будут схвачены. Во всяком случае, если не возникнет немедленной опасности для нас, будем выжидать.

Келлен задумчиво кивнул.

— Мы, конечно, можем принять меры предосторожности в течение трех дней, если в этом есть необходимость. Имре не сможет так быстро заблокировать все Порталы, даже если захочет. А к тому же он не подозревает, что наша цель — Дхасса. Хорошо рассчитанный риск — наш единственный шанс.

Камбер слегка улыбнулся, восхищенный безукоризненной логикой Келлена.

— А вы успеете подготовиться?

Келлен повернулся к трем рыцарям, заложив руки за спину.

— Ты слышишь, Джеб, — обратился он к одному из них. — Мы говорим о сокращении времени на подготовку до трех дней. Ты сможешь собрать всех за три дня?

Джеб, лорд Джебедея Алкарский, главный военный советник Ордена, выступил вперед. Вся его осанка выдавала в нем опытного воина.

— Требуется разумное планирование переброски, чтобы не вызвать подозрений чрезмерной активностью Порталов, но мы сможем сделать это.

— Сколько человек? — спросил Камбер.

— Двести рыцарей, милорд. Они рассеяны по убежищам и ждут только приказа для выступления. Он улыбнулся.

— По тому, как ваш сын владеет оружием, милорд, вы можете судить о их воинском искусстве.

Камбер улыбнулся ему в ответ, а Келлен кивнул.

Рыцарь с большим шрамом на подбородке вышел вперед и поклонился.

— С провиантом будет закончено через день, отче. Сегодня прибывает корабль с зерном. Весь груз мы переправим в наши тайные хранилища. Все остальное тоже будет готово.

— А гражданские служащие? — спросил Келлен третьего человека.

Джаспер Миллер положил руку на эмблему святого Михаила, вышитую на плече, и торжественно поклонился.

— Через три дня даже сам король не найдет на службе ни одного михайлинца. И пока на троне Гвиннеда не появится настоящий король, михайлинцы будут скрываться.

— Но вы должны знать, что наш принц не тренирован и не обучен искусству быть королем, — сказал Камбер, удивленный таким воодушевлением.

— Лучше нетренированный принц, чем сын узурпатора, сидящий сейчас на троне, — возразил рыцарь. — Халдейны всегда были друзьями нашего Ордена и народа Гвиннеда.

— И да будет так всегда, — ответил Камбер. — Будем молиться, чтобы на трон вернулся Халдейн. Примерно через два дня Джорем и Райс досудят до него. А еще через несколько дней и мы его сможем увидеть. А что если он откажется бороться за корону?

— Он не предаст нас, не должен. Но, во всяком случае, мы должны приложить все усилия, чтобы надежно спрятать его. В Кайрори мы можем что-нибудь сделать, чтобы облегчить ваше положение?

Камбер покачал головой.

— Мы начнем потихоньку с завтрашнего дня. Ивейн поможет мне, — добавил он, положив руку на плечо дочери, которая машинально слушала и смотрела во все глаза.

— Хорошо, — сказал Келлен.

Он задумчиво потер подбородок и взглянул на Камбера с удивленным выражением, совершенно несовместимым с его гордым, величественным видом.

— Зная, как я отношусь к темным сторонам вашей деятельности, вы, вероятно, удивитесь тому, что я хочу предложить. Может быть, вам не стоит возвращать облик двум слугам в течение нескольких дней, пока все не будет кончено? Это позволило бы нам избежать некоторой опасности и выиграть время.

Камбер поднял бровь и невольно улыбнулся.

— Я об этом не думал. Но полагаю, что это возможно, если, конечно, Вулфер и Кринан согласятся. А я не вижу причин для их отказа.

Келлен выглядел очень смущенным. Он откашлялся.

— Да, хорошо. Это немного облегчит ситуацию. А среди солдат есть Дерини?

— Лейтенант — Дерини. Может, и еще кто-нибудь. Я не говорил с ними.

— Хм-м. Я думаю, мне не нужно предупреждать вас об осторожности.

Камбер еле сдержал улыбку. Он совершенно отчетливо понял, что этот человек ему нравится, и он благодарен ему за беспокойство.

Камбер, не колеблясь, протянул ему руку.

— Нам лучше вернуться, пока нас не хватились. Молитесь за нас, отче.

Келлен, весьма удивленный просьбой, пожал руку Камберу.

— Если вы действительно хотите этого, милорд, — сказал он, только сейчас поняв, что он сделал. — Хотя, по правде говоря, не ожидал я услышать от вас таких слов.

— Из-за наших прошлых разногласий? Я думаю, что мы оба не понимали друг друга. Храни вас Бог, отче.

Камбер вместе с Ивейн повернулись и переступили порог камеры. В последнее мгновение Камбер услышал слова Келлена, сказанные шепотом:

— И тебя тоже, сын мой.

Вскоре они уже были в кабинете Камбера, и вдова Катана Элинор бросилась к ним.

— Слава Богу, вы вернулись, — прошептала она тихо. — Лейтенант хочет видеть вас, сэр. Я ушла от него пять минут назад.

— Он не сказал, зачем я нужен ему? — спросил Камбер, снимая плащ.

— На улице идет сильный снег, и он просит разрешения ввести солдат в зал. Мне кажется, что они хотят остаться здесь дольше, чем на одну ночь.

— Превосходно, — сказал Камбер. Но по его лицу было ясно, что он вовсе не считает это превосходным.

— Где мне найти этого лейтенанта?

Через пять минут он уже входил в зал, где его ждал лейтенант. Камбер задержался на пороге, чтобы поправить одежду и очистить разум от следов недавней активности, — все-таки лейтенант тоже был Дерини.

Лейтенант мерил шагами зал. Звук его шагов беспокоил собаку, растянувшихся на полу перед горящим камином. Нескольким солдатам ожидали его у входа, закутавшись в плащи.

Камбер одним взглядом окинул всю сцену и, когда
142 вошел в зал, направился к лейтенанту. Собаки подняли

головы при приближении хозяина, но он успокоил их движением руки.

— Сожалею, что заставил вас ждать, — сказал Камбер спокойно, плотнее кутаясь в халат. — Я всегда во время стресса уединяюсь и молюсь, К этому все мои домашние привыкли и стараются меня не беспокоить.

— Я понимаю, милорд. — Лейтенант поклонился. — Я пришел просить разрешения разместить моих людей в зале. Снегопад становится все сильнее. По-моему, собирается буря.

— Конечно, сударь. Но я надеюсь, что вы не будете злоупотреблять моим гостеприимством, — мягко сказал Камбер. — У меня в доме нет места, чтобы содержать целый гарнизон до бесконечности.

— Горстка людей — это вовсе не гарнизон, — запротестовал лейтенант.

— Конечно, но сейчас не время для приема гостей. Я до сих пор не слышал от вас, как долго вы намереваетесь пробыть здесь.

Лейтенант посмотрел на него в замешательстве.

— Я сожалею, милорд. У меня совсем нет желания докучать вам в такое время, но мне приказано оставаться в замке вплоть до получения дальнейших указаний. Вы знаете, что такое служба. Так что вы понимаете?

— Я понимаю ваше положение, ведь я все-таки двадцать пять лет отслужил при дворе. Значит, мы все под арестом?

— Конечно, нет, — ответил лейтенант смущенно. — Нам было приказано сопровождать тело вашего сына и оставаться здесь, пока не будет выяснено, что в действительности с ним произошло.

— Значит, вы признаете, что он вовсе не умер от разрыва сердца, как вы заявили сначала?

— Мне не давали указаний обсуждать этот вопрос, милорд.

Он умолк в замешательстве, и Камбер улыбнулся уголками губ.

— Я так и думал. Вы тут ни при чем, — сказал он. — Пожалуйста, чувствуйте себя свободно и располагайтесь в зале. Я сейчас пришлю управляющего, чтобы он помог вам.

Когда лейтенант поклонился, бормоча благодарности, Камбер повернулся и пошел к выходу, небрежно кивнув солдатам. Один из них, который стоял поодаль от остальных и отвесил особенно почтительный поклон, показался ему странно знакомым. Отдав необходимые приказания управляющему, Камбер задумчиво остановился у выхода и посмотрел на спину молодого человека. Почти тотчас же юноша повер-

нулся, заметил его взгляд, осторожно оглянулся на своих коллег и медленно пошел к Камберу. Камбер отошел подальше в тень алькова, где его не было видно из зала, и ждал, пока юноша подойдет к нему.

— Я знаю вас, сэр? — спросил Камбер, изучая лицо юноши.

— Я — Гвейр Арлиссский, лорд Камбер, — пробормотал юноша, опускаясь на колено. — Мы были друзьями с вашим сыном. Может, вы помните меня.

— Я припоминаю, — ответил Камбер. Он похлопал Гвейра по плечу и жестом попросил подняться. — Катан часто говорил о вас, и говорил весьма дружелюбно, но... — Он посмотрел в зал. — Что привело вас сюда вот с этими? Я всегда считал, что вы военный помощник одного из графов.

— Да, я был им у графа Молдредра.

Камбер кивнул.

— Его убили три дня назад. Это часть того, что я хотел сказать вам. Есть еще кое-что...

Он замолчал, когда Камбер взглянул в зал и прижал палец к губам. Хозяин повел юношу в небольшую комнату за кухней, подальше от зала, где раздавались крики устраивающихся на ночлег солдат.

— Вы Дерини? Хотя я вижу, что вы не Дерини, — пробормотал Камбер.

Он взял юношу обеими руками за плечи.

— Мой юный друг, у нас мало времени, так что не будем терять его. У вас была мысленная связь с Катаном? Вы были близкими друзьями?

Гвейр кивнул, не говоря ни слова. Его карие глаза расширились.

— Ты позволишь мне подключиться к вашей связи? — продолжал Камбер. — Я бы не просил тебя об этом, если бы не было необходимости.

Когда Гвейр кивнул во второй раз, Камбер прижал руки к его голове и закрыл глаза. Пальцы плотно соприкоснулись с висками юноши.

— Ну, давай, открой мне свой разум. Ради Катана, я очень прошу тебя.

Наступила пауза; казалось, она длилась бесконечность. Камбер открыл глаза.

Он смотрел куда-то вдаль, в самые глубины разума юноши, смотрел и анализировал увиденное. Затем он отодвинул Гвейра и посмотрел ему в глаза. Он потерял сына, но он нашел верного друга, человека, какие встречаются, может быть, раз в жизни.

Теперь он знал, что делает то, что должен делать. У него еще не было доказательств, что король — убийца, но в сознании Гвейра он не нашел сомнений. Король каким-то образом ответственен за произошедшее в Валорете, а может, и родственник Катана Коул Хоувела приложил к этому свою тяжелую руку.

Камбер улыбнулся, благодарно похлопав Гвейра по плечу, и оглянулся, проверяя, свободен ли путь.

— Тебе лучше вернуться. Я подожду, пока ты уйдешь.

— Хорошо, сэр. Я сообщу вам, какие приказы идут сюда, они не застанут вас врасплох.

— Бог благословит тебя, сын мой, — прошептал Камбер, когда юноша выскользнул из комнаты и исчез в коридоре.

Камбер подождал несколько минут, собираясь с силами, чтобы пройти через зал, ничем не выдав, что узнал нечто важное для себя. Он вышел из комнаты и спокойно прошел по залу, величественно отвечая на приветствия людей, встречающихся на его пути.

Собаки вскочили, когда Камбер проходил мимо, но он снова приказал им лечь. Он не увидел в зале Гвейра. Один из молодых солдат поклонился Камберу, когда тот уже выходил, и сказал:

— Благодарю, что вы позволили нам расположиться здесь. Сейчас такая ночь, что хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу.

Камбер посмотрел в высокие окна, все залепленные снегом, кивнул солдату и прошел мимо.

Поднимаясь в свои покои, он думал о своем сыне и будущем сыне — Райсе, которые сейчас сквозь бурю пробивались к отдаленному монастырю. Он думал о другом сыне, которого он никогда не увидит вновь, разве что во сне. Этот сын спит теперь в темной глубине, вне досягаемости снежной бури. Катан спит вечным сном в холоде ранней могилы.

Сам Камбер долго не мог уснуть в эту ночь.

ГЛАВА XIII

**Ибо руки ваши осквернены кровию
и персты ваши — беззаконием;
уста ваши говорят ложь,
зачинают зло и рождают
злодейство.¹**

Следующие два дня прошли в тревожном ожидании дальнейших распоряжений короля. Солдаты, не получив приказов, вели себя очень тактично, стараясь мешать как можно меньше, но им приходилось оставаться в зале, так как погода становилась все хуже и хуже.

Камбер проявил себя радушным хозяином, насколько позволяли обстоятельства.

Он старался удовлетворить все нужды солдат, но отношения между ним и военными становились все более натянутыми.

На второй день, когда ожидание стало невыносимым, он переговорил с Гвейром, но их встреча была очень короткой, поскольку юноша мало что мог добавить к тому, что уже было известно Камберу, и к тому же им помешал лейтенант. Дальнейшие контакты с ним могли только возбудить подозрение.

Все обитатели Кайрори вели себя так, чтобы не возбудить подозрений. Они держались, как люди, потерявшие близкого родственника. Растущего напряжения они не показывали, если где-нибудь поблизости находились солдаты короля.

Однако наверху, куда солдаты не приглашались, приготовления велись с лихорадочной поспешностью. Камбер и Ивейн собирали и упаковывали все необходимое для бегства. Кроме

того, они исподволь готовили к грядущим переменам в жизни и остальных. Вулфер-Джорем и Кринан-Райс оставались в своих комнатах и покидали их только для еды и молитвы. Камбер объяснил лейтенанту, что они молятся в уединении за душу усопшего брата и друга. На самом деле они большую часть времени проводили в трансе, чтобы сохранить силы и уберечься от разоблачения.

Заклинание Камбера требовалось периодически возобновлять, так как с течением времени введенная энергия истощалась.

Так что обитатели замка Кайрори готовились к бегству и делали вид, что ожидают решения короля.

В многочисленных тайных убежищах братья Ордена святого Михаила делали последние запасы провианта, укрывали людей, накапливали оружие.

В Дхассе четыре рыцаря-михайлинца с нетерпением поджидали прибытия важных персон, для которых они подготовили надежное убежище.

В Валорете встревоженный интриган-Дерини уже получил копии четырех страниц, исчезнувших из приходской книги после посещения архива Джоремом, и теперь он поручил своим соглядатаям разузнать как можно больше о трех людях, чьи имена были на этих страницах: о членах семьи Тряпичника — Даниеле, Ройстоне и Никласе.

И так шло время...

Но если эти дни были очень напряженными для семьи Камбера, михайлинцев и интригана-Дерини, то это напряжение было ничто по сравнению со страданиями, обрушившимися на Имре.

Горе опустилось на башни королевского дворца в Валорете, как страшное привидение.

Король, мысли которого не были теперь затуманены винными парами, весь день похорон Катана провел, как в лихорадке, обливаясь слезами. Огонь в его мозгу немного ослабляла Эриелла, ее нежные ласки. Имре очень страдал от последствий бурного взрыва эмоций. Он не мог использовать свои тайные силы для успокоения, а гордость мешала ему просить чьей-либо помощи, чтобы отогнать от себя боль, окутавшую его жгучим покрывалом.

Он часами сидел в полутемной комнате и страдал. Он совершенно запугал слуг, и они боялись даже переступить порог его комнаты.

Только Эриелла понимала его. Она всегда понимала его, с самого детства. Это тоже приносило ему стра-

дания: воспоминания о ее нежном теле, о ее ласках. Он понимал, что эта страсть преступна, и это еще больше усугубляло его муки, хотя все его тело снова жаждало ее объятий.

В конце концов он уступил этому желанию, хотя и не получил при этом успокоения.

Два дня провел он в покаях Эриеллы, никого больше не желая видеть, почти без пищи, без сна, непрерывно впадая то в истерические рыдания, то в страшный гнев на Молдред и Раннульфа, которые позволили убить себя, на Катана, который предал его, на Коула, который рассказал ему все и тем самым вынудил к убийству, и даже на Бога, который не удержал его руку.

На второй день, когда жалость Имре к самому себе достигла апогея, Коул Хоувел рискнул приблизиться к его покоям.

Он знал о теперешнем состоянии духа короля и решил, что сейчас самое время представить ему те новые документы, которые удалось собрать в результате расследований.

Коула провели в приемную Эриеллы. Король сидел в меховом халате у огня, руки его дрожали, все тело била нервная дрожь, но доклад Коула он слушал с вниманием. Эриелла сидела рядом, положив руку на его плечо. Ее острые глаза не упускали ни одного нюанса в его поведении. Закончив доклад, Коул аккуратно сложил все документы и подал их принцессе.

— Записи о рождении отца и сына, — сказал король. Он нахмурился. — Какой интерес они могут представлять, особенно теперь?

Коул сморщил лоб.

— Я не знаю, сир. Отец Ройстон умер более двадцати лет назад. Но отец самого Ройстона умер совсем недавно, несколько месяцев назад. Райс Турин был его врачом, именно поэтому меня и интересует, почему он и Мак-Рори украли эти листы? Я могу только предположить, что старик что-то поведал Райсу перед смертью.

— А что с сыном этим, Никласом? Он еще жив? — спросил Имре.

— Неизвестно, сир. Он не унаследовал профессию отца и деда, во всяком случае, в нашем городе. Кажется, он исчез сразу после смерти отца. Может, он тоже погиб во время погрома.

Эриелла кашлянула и обратилась к Коулу.

— А этот Даниель Тряпичник, который недавно умер, чем он занимался?

— Торговец шерстью, Ваше Высочество. Он вел дела довольно успешно, не имея никаких долгов, и пере-

дал свое дело ученику Джейсону Брауну, а это, вероятно, говорит о том, что его внук скорее всего умер. О нем никто ничего не может сказать. Старику было лет восемьдесят, все его однолетки давно умерли.

— Его однолетки, — повторил Имре. — Я думаю...

— Да, сир?

— Его однолетки, — снова повторил Имре. Он размышлял про себя.

— Если он так стар, как ты говоришь, значит, он жил во времена моего прадеда. А может, он жил еще во времена Переворота?

— Ты видишь какую-то связь? — спросила Эриелла.

— Пока нет, но...

Имре задумчиво склонил голову, затем встал и начал ходить по комнате назад и вперед. Эриелла с любопытством наблюдала за ним. Коул с трепетом пытался угадать мысли короля.

— ...Жил во время Переворота, — раздумывал вслух Имре. — Турин и Джорем украли записи о рождении его сына и внука. Коул, это тебе ничего не говорит? Я имею в виду кражу записей?

— Они хотят установить линию его потомков? — спросил Коул, запинаясь.

— Точно.

Имре кивнул, взял со стола перо и ткнул им в воздух, как бы ставя точку.

— Но каких потомков? Семьи торговца? Что-то мы пропустили здесь, чего-то не видим. Чего?

— А что в книгах, Имре? — спросила Эриелла после наступившей паузы. Она, вероятно, следовала за течением мыслей короля.

— Коул, что ты скажешь о книгах?

— О тех, которые Турин смотрел в королевском архиве?

— Да. Что это за книги? Какого времени?

Теперь, угадав, в каком направлении текли мысли Имре, Коул взглянул в свои записи и с изумлением поднял голову.

— Времен Переворота, сир!

— Почему этот Райс Турин интересуется этими книгами, в то время как его сообщник ворует записи, удостоверяющие рождение потомков человека, который жил в то время? — прошептал Имре. — Единственное, что можно предположить, — он хочет установить какую-то связь с прошлым.

Он ткнул концом пера в Коула, словно копьем.

— Какую связь они хотят установить? Кто был этот таинственный Даниель Тряпичник до того, как стал простым торговцем шерсти?

— Я не знаю, — неуверенно пробормотал Коул.

— Но это можно предположить, — сказала Эриелла. В ее голосе звенела сталь. — Они плетут нити заговора против тебя, Имре. Они хотят установить связь с прошлым, со старым режимом, может, даже с линией самих Халдейнов. Было бы очень интересно узнать, какие страницы пропали из книг, которыми пользовался Турин. Если они как-то связаны со старым королевским родом... — Она обнажила зубы в хищной улыбке. — Тогда, я думаю, мы имеем явные доказательства заговора семейства Мак-Рори.

Коул, пораженный, как ударом грома, таким поворотом событий, низко поклонился, в то время как его разум бешено обдумывал все перспективы, открывающиеся теперь перед ним.

Если доводы Эриеллы справедливы, то, несомненно, Катан Мак-Рори являлся участником заговора, и позиции его, Коула, существенно укрепятся. Он позволил себе слегка улыбнуться, когда поднял голову после поклона.

— Я займусь исследованием этого, Ваше Величество. А пока все семейство Мак-Рори будет находиться под надзором в Кайрори, куда они все собрались для похорон Катана. Вы не хотите, чтобы Джорема и Турина привезли во дворец для допроса?

Эриелла кивнула.

— Блестящая идея, Имре.

Но Имре уже отвернулся к окну, содрогнувшись при упоминании о смерти Катана. Его каштановые волосы казались темными на фоне белого снега, рука судорожно стискивала перо.

Эриелла, поняв, что его опять охватила депрессия, направилась к нему, чтобы успокоить. Но он вдруг резко повернулся и посмотрел на них.

— Арестуй их всех, — тихо сказал он.

— Всех — Турина, Джорема, Камбера? — удивленно спросил Коул.

— Я сказал — всех, — тихо настаивал король. В его глазах появился истерический блеск.

— Ты был прав относительно Катана. — Он тяжело проглотил слюну. — И ты, конечно, прав насчет остальных. Я хочу, чтобы к ночи все Мак-Рори были в цепях. Ты понял?!

150 Все! Никому из них нельзя доверять!

Королевский приказ прибыл в Кайрори во время ужина, когда вся семья Камбера собралась в его кабинете для вечерней молитвы.

Гвейр Арлиссский сидел с лейтенантом и двумя другими офицерами, когда прибыл курьер. Он понял, как только увидел приблизившегося человека, что тот принес.

Он с трудом сдержался, чтобы не оглянуться на лестницу, ведущую в покои Камбера, и заставил себя принять скучающий и безмятежный вид, пока лейтенант ломал печать и читал письмо. Он уже полностью обдумал все свои дальнейшие действия.

— Это приказ арестовать всю семью Камбера Мак-Рори и привести в Валорет для допроса, — объявил лейтенант. Он взял меч и перевязь с вешалки. — Сержант, следи за залом, а вы идите со мной.

Он накинул перевязь на плечо, кивнул Гвейру и подождал, пока его люди вооружатся.

Затем он снова посмотрел ордер на арест и направился к лестнице. Если он и заметил, что Гвейр постарался оказаться впереди него, то не подал виду. Во всяком случае, Гвейр первым оказался у двери, остальные отстали на несколько шагов. Они образовали небольшой круг на лестнице. По сигналу лейтенанта Гвейр постучал в дубовую дверь.

— Милорд, граф!

Некоторое время было слышно только дыхание людей, стоявших на лестнице, затем послышались металлические щелчки откидывающегося засова, и наконец открылась дверь.

На пороге стоял Камбер.

Его глаза скользнули по Гвейру, не узнавая его, и отыскивали лейтенанта, стоявшего поодаль. Гвейр видел, что этот взгляд был далек от доброжелательности.

— Чем я могу помочь вам, лейтенант?

Его слова были безукоризненно вежливыми, и лейтенант смущенно откашлялся, прежде чем протянуть руку с только что полученным ордером на арест.

— Я получил приказ арестовать вас, сэр, и всю вашу семью, а также Целителя по имени Райс. Ордер подписан его милостью королем Имре Фестилом.

Наступила тишина, во время которой никто не двигался и, казалось, даже не дышал. Затем Камбер медленно протянул руку и взял бумагу. Гвейру показалось, что в

комнате послышался какой-то слабый звук. Лейтенант, чьи чувства Дерини были острее, чем чувства Гвейра, тоже услышал шум, поэтому сделал шаг вперед и положил руку на рукоять меча. Он ждал, пока Камбер прочтет документ.

— Здесь все ясно, сэр. Никакие вопросы не нужны, — сказал лейтенант, когда Камбер прочел все до конца и даже осмотрел печать. — Я должен просить вас выйти. Я не хочу применять силу, но мне придется сделать это, если вы не подчинитесь.

— Да, конечно, лейтенант, — сказал Камбер, как показалось Гвейру, немного печально.

Камбер приоткрыл дверь, и рядом с ним появился Джеймс, который казался очень угрюмым. Гвейр решил, что это связано с угрозой ареста. Затем он заметил, что рука Джеймса с мечом спрятана за дверью, а за ним в комнате находилось больше людей, чем должно было быть.

Но прежде чем это заметил лейтенант, Джеймс выскочил из комнаты и с силой толкнул лейтенанта прямо на солдат, а Камбер бросился в комнату и затащил Джорема и Райса в угол, откуда все трое немедленно исчезли.

Гвейр и Джеймс с мечами в руках обороняли лестницу от наседавших солдат.

Вспышки белого света за ними в комнате означали, что там совершается какая-то магия, но Гвейр не желал ничего знать об этом. Он парировал удар меча и ответным ударом отрубил врагу кисть. Тот с воплем покатился по лестнице на своих товарищей. В это время Джеймс напал на другого и пронзил ему бедро. Тот упал вниз, и лишь чудо спасло его от мечей его же товарищей.

Гвейр оглянулся через плечо и увидел, что в тот угол, где исчез Камбер, направляется Ивейн. Ему снова пришлось отражать бешеный натиск солдат: на него напали сразу два противника, причем один из них ухитрился проскочить и оказаться в тылу. Когда эту трудную ситуацию удалось разрешить, Гвейр снова рискнул обернуться и заметил, что теперь Камбер ведет в тот таинственный угол леди Элинон и детей. Женщина и дети тут же исчезли, и в комнате остался один Камбер. Он бросился к ним и крикнул предостережение Гвейру.

Жгучая боль в боку заставила его обернуться, но было слишком поздно увертываться от лезвия меча лейтенанта. Гвейр почувствовал, как по его телу разливается горячая влага. Лейтенант отскочил после удара назад, лезвие его меча было окрашено алой жидкостью, и Гвейр понял, что это его кровь. Меч Джеймса, как возмездие, настиг лейтенанта.

Он покатился по лестнице, из разрубленной шейной вены фонтаном била кровь, из горла рвался душераздирающий крик. Гвейр внезапно ощутил слабость и начал медленно оседать на землю, но тут же почувствовал, как его подхватили сильные руки Камбера и потащили в угол, где происходили странные исчезновения.

Джеймс захлопнул дверь и бросился за ними.

Тут же дверь начала сотрясаться под мощными ударами солдат, но Гвейр больше ничего не помнил. Его сознание стало уплывать от него, звуки становились все глуше, предметы теряли четкость очертаний. Прежде чем он полностью потерял сознание, у него появилось странное ощущение, что он падает куда-то в черноту, но вспышка чистой яркой энергии отбросила эту черноту назад. В это мгновение ему показалось, что Камбер светится, излучает сияние.

ГЛАВА XIV

**Да будет благословен он,
кто приведет назад помазанника
Божьего.¹**

А на другом краю королевства сейчас наступил ранний вечер. Два всадника уже приближались к затерянному в диких горах аббатству святого Фоиллана, когда ветер из горных ущелий превратил сумерки в белую мглу.

Сегодня они не встретили на дороге ни души.

С наступлением зимы здесь мало кто отваживался путешествовать, а особенно теперь, когда в горах выпало небывалое для этого времени количество снега. Дорога была почти непроходимой из-за снежных завалов, так что большинство отложили бы путешествие до весны.

Джорем и Райс рассчитывали на это, и, как оказалось, не напрасно. Они решили, что даже если король каким-то образом узнает о их намерениях попасть в святой Фоиллан, он не сможет воспрепятствовать им, никто не доберется сюда раньше их.

Однако в свете того, какая задача стояла перед ними сейчас, это их мало успокаивало.

Каким-то образом им нужно было незаметно проникнуть на территорию аббатства, найти принца Синхила и вывести его оттуда, не поднимая тревоги. Хотя они тщательно планировали все и пересмотрели все возможности по крайней мере раз десять, с той степенью точности, которая доступна лишь Дерини, они не могли сказать заранее, что могут предпринять люди, чтобы разрушить их планы.

Уже совсем стемнело, когда они остановились у стены аббатства, луна была закрыта тяжелыми низкими облаками и, похоже, не собиралась появляться сегодня ночью.

Райс закутался в свой меховой белый плащ, который делал его менее заметным на снегу, обернулся и подтянул поближе третью лошадь. Все лошади были закутаны в белые покрывала, так что Райс с трудом мог разглядеть Джорема, сидящего в седле всего в четырех футах от него.

Джорем спешил, привязал своего коня к заснеженному стволу дерева, приблизился к Райсу и тронул его рукой.

— Мы выбрали хорошее время, — шепнул он. — Они боятся звонить в колокола, чтобы не вызвать обвал снега. Скоро полночь, помни, больше ни слова, пока мы не выберемся отсюда.

Райс вспомнил, что это не единственный вид сообщения, который они решили не использовать. Он спешил и начал доставать из седельной сумки второй плащ и сапоги. Даже их мысленная связь Дерини должна была применяться как можно реже или лучше совсем не применяться. Этот Орден не был Орденом Дерини, но в нем вполне могли оказаться Дерини. Если один из них будет в это время в трансе, он сможет принять сообщение. Это, конечно, маловероятно, но возможно. А в этой игре слишком большая ставка, которой нельзя рисковать.

Целитель подошел поближе к стене, наблюдая, как Джорем бросил вверх свернутую кольцом веревку, на конце которой была закреплена «кошка» — металлический крюк с тремя лапами. Он долго готовился к броску, расправляя витки, наконец отошел от стены на несколько шагов. Райс оглянулся назад и к своему удивлению заметил, что в снежной буре лошадей совершенно не видно.

Джорем внимательно посмотрел вверх, выбрал подходящее место и швырнул веревку. Послышался металлический звон, заглушенный завыванием ветра, но Джорем бросился к стене, прижался к ней, застыл и прислушался. Наконец он поднял голову, убедившись, что звук не поднял тревоги в аббатстве. Он начал медленно натягивать веревку и грубо выругался, когда незацепившийся крюк сорвался чуть ли ему не на голову.

Эта процедура повторилась три раза, и наконец крюк надежно зацепился за стену.

Два друга моментально перебрались через стену и крадучись пошли вдоль нее.

Укрывшись в тени какого-то строения, они перебросили и закрепили веревку для бегства, тщательно замаскировав ее.

Следующие двадцать минут они потратили на осторожный переход по двору аббатства. Они тщательно укрывались при малейшем подозрительном шуме, но все им благоприятствовало, и друзья без помех добрались до широкого монастырского двора, а там и до главного портика аббатства. Через него лежал кратчайший путь к их цели, если, конечно, здание аббатства было построено в соответствии с древними традициями зодчества.

Им нужно было пройти через собор и по черной лестнице попасть в спальни монахов, среди которых находилась маленькая келья, где Райс видел Синхила. Целитель даже боялся подумать, что произойдет, если этот путь не приведет их к цели, потому что попасть туда тем путем, каким шли Камбер и Райс в предыдущий приезд сюда, было совершенно невозможно.

Внезапно Райса охватила паника. Ему почудилось, что он — маленький мальчик, который играет в какую-то смертельно опасную игру, но он, овладев собой, отогнал эти видения, смотал три плаща в узел и спрятал в темном углу.

Он осторожно приблизился к Джорему, который достал из сапога кинжал, встал на колено перед дверью и, просунув лезвие в щель, долго водил им, пока не открыл внутренний засов.

С довольной улыбкой Джорем спрятал кинжал, приоткрыл дверь и долго всматривался в темноту. Потом он повернулся и, взглянув на Райса, прошептал:

— Чисто.

Райс проскользнул в приоткрытую дверь и прижался к стене. Джорем проник за ним, и друзья, осмотревшись, закрыли за собой дверь. Они внимательно всматривались в глубину нефа собора, стремясь пронизать взглядом мрак, в котором кое-где виднелись желтые огоньки свечей.

Они долго стояли, изучая расположение колонн, боковых приделов и часовен, чьих-то гробниц. Особое внимание они обратили на большую дверь и на боковую лестницу. Двери можно было не опасаться, так как она использовалась только днем во время службы, а вот лестница — другое дело. По ней мог спуститься какой-нибудь монах, пожелавший помолиться в одиночестве. Если они не успеют к тому времени скрыться в относительной безопасности южного трансепта, они неминуемо будут обнаружены. Им необходимо было проникнуть за алтарь нефа, где горели предательские свечи и располагались спальни, в которых могли находиться бодрствующие монахи. Только после этого они смогут подняться по лестнице, ведущей к жилью Синхила, но об этом пока лучше было не думать.

Приложив палец к губам, Джорем тихонько подошел к лестнице и стал всматриваться, обострив до предела свои чувства Дерини. Он пытался определить малейшие движения наверху.

Но там, по всей вероятности, никого не было. В этот час монахи, наверное, спали. Для друзей это было самое безопасное время в аббатстве.

Наклоном головы Джорем приказал Райсу следовать за собой, и они осторожно пошли вдоль стены, искусно используя любую тень, любое укрытие. Впереди находилась первая из спален.

Спальни слева все были пусты. Можно было видеть их внутреннее убранство, освещенное тусклыми лампами и свечами алтарей. За главным алтарем виднелся большой медный экран, отражавший свет свечей своей влажной поверхностью. За экраном простирался неф, в темной высоте которого смутно виднелись хоры. Нигде не было заметно ни признака движения, но они не рискнули пойти дальше, не убедившись в полной безопасности.

Райс и Джорем приблизились к первой спальне, и Джорем осторожно заглянул в нее.

Никого.

То же самое повторилось и во второй. Опять никого. Пока что фортуна благоволила к ним.

Они прошли мимо второй спальни и уже приблизились к экрану, чтобы осмотреть сам неф и спальни на северной стороне, прежде чем выйти из укрытий.

В нефе и на хорах тоже было тихо. Теперь им оставалось только надеяться, что за ними никто не наблюдает из укрытия. Хотя по обычаю никто не мог осквернить святую церковь убийством, они оба знали, что им придется убить, если возникнет необходимость. Им во что бы то ни стало нужно было сохранить тайну Синхила и его освобождения из монастыря Святого Фоиллана.

Они смотрели и слушали несколько минут и только потом решили, что все спокойно. Джорем прошел к алтарным воротам и положил руку на замок. Он мысленно выругался, поняв, что тот заперт.

Он взглянул на Райса, который беспокойно оглядывался назад, опустил на колено и, обхватив замок руками, распространил на него свои чувства Дерини. Через несколько секунд, длившихся, казалось, вечность, замок поддался. Когда Джорем снял замок и начал открывать ворота, молясь, чтобы они не заскрипели, он краем глаза заметил отчаянный предостерегающий жест Райса и буквально вжался в алтарь.

Теперь и он услышал шлепанье сандалий по полу. Кто-то шел по нефу. Человек был один, и Джорем поблагодарил провидение.

Но если он и дальше будет идти в этом направлении, то неминуемо наткнется на Райса. Джорем изо всех сил желал, чтобы монах свернул в один из боковых приделов, лучше всего в первый, тогда он наверняка не заметит Райса.

Впоследствии ни он, ни Райс не были убеждены, могли ли они воздействовать усилием воли на монаха, но как бы то ни было, он дошел до первого придела и после секундного раздумья зашлепал туда.

Он лишь немного не дошел до Райса. Через несколько минут, когда все затихло, Джорем осторожно выглянул из-за алтаря.

С этой позиции ему не видна была спальня, но это не расстроило Джорема: значит, и монах тоже не мог их видеть. Райс, плаотно прижавшись к стене, оглядывался вокруг.

Через некоторое время он посмотрел на Джорема, который ответил ему легким кивком головы. Теперь Райс знал, что делать, если у монаха возникнут подозрения и он задумает следить за ними: он должен успокоить его, чтобы тот не поднял тревогу.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоить нервы, Джорем вернулся к воротам и открыл их. Всё произошло совершенно бесшумно, видимо, монахи были хорошими хозяевами и аккуратно чистили и смазывали петли. Райс и Джорем прошли мимо ворот, прикрыли их, не запирая на замок, и проникли в ту часть здания, где обитали монахи.

Вдруг сзади них вновь послышался шум — это монах вернулся из спальни, подошел к алтарю и поклонился, шепча молитву. Друзья уже решили, что монах собирается молиться всю ночь, но, к счастью, он постоял, поклонился еще раз и направился к спальне на другой стороне нефа.

Джорем и Райс направили все свои мысли к тому, что ждет их впереди. О том, что на обратном пути они снова могут столкнуться с монахом, друзья старались не думать.

Теперь они уже находились в той части, где жили монахи, принявшие суровые обеты. Пройдя немного вперед, они снова наткнулись на тяжелые решетчатые железные ворота. Джорем после неудачной попытки открыть их решил пройти обходным путем через хоры и двинулся влево, но Райс, следивший за его действиями, сам взялся за замок, и вскоре он с мягким щелчком открылся.

Райс бесшумно позвал Джорема и проскользнул в ворота. Удивленный Джорем прошел за ним и встал рядом, вглядываясь вверх, куда вела лестница, открывавшаяся перед ними.

— Идем? — одним движением губ спросил Райс.

Джорем глубоко вздохнул и кивнул. Они начали осторожно подниматься по ступенькам.

Дверь наверху был открыта, и с небольшой площадки за ней начиналась другая лестница.

Они задержались на площадке и прислушались, но, кроме храпа спавших монахов и скрипов здания под мощными ударами ветра, они ничего не слышали. Теперь у них оставалась одна задача — найти Синхила и вывести его.

Поднявшись, Райс и Джорем оказались в коридоре, освещенном единственной лампадой.

Всматриваясь в темноту, Райс провел Джорема в первый dortуар. Они двигались осторожно, стараясь не наткнуться на многочисленные шкафы, стоявшие в коридоре.

Келья Синхила была пятой от конца — Райс отметил это во время первого визита сюда. Они остановились на пороге, и Джорем достал две белые сутаны из ближайшего шкафа.

Они вошли в келью и остановились.

Казаось, их бешено бившиеся сердца производят страшный шум, на который сейчас сбегутся все монахи. Джорем создал небольшой магический источник света, и Райс, подойдя к узкой железной кровати, низко наклонился, чтобы рассмотреть спящего. Райс и Джорем накиннули поверх одежды белые сутаны, и Райс сконцентрировал свою волю, чтобы проникнуть в разум спящего и, не разбудив его, взять под контроль.

Либо прикосновение не было мягким, либо сон Синхила не был так крепок, как они думали, но глаза Синхила открылись, и он неожиданно проснулся. Когда он увидел склонившиеся над ним и освещенные призрачным светом две фигуры в белом, он впал в панику.

Райс, заметив первое движение Синхила, зажал ему рот рукой так, что тот не смог крикнуть. Но Синхил извивался всем телом, бешено брыкаясь под одеялом.

Джорем бросился на него, удерживая, пока Райс полностью не овладеет его разумом.

Но Целитель не мог проникнуть сквозь защитные поля, настолько мощные, что Райс, даже приложив всю энергию, не смог коснуться его разума. Стало ясно, что таким путем им не овладеть Синхилом, а если они не подчинят его своей воле в следующие несколько секунд, то шум борьбы разбудит монахов, спящих в соседних кельях.

Пора было применить жесткие меры.

Без колебаний Райс схватил Синхила за горло, прижав сонную артерию, и отпустил только тогда, когда тело Синхила судорожно изогнулось в последний раз и обмякло. Райс снова проверил. Сопротивление защит не ослабло, но, слава Богу, центр, управляющий сознанием, был свободен.

Закрепив контроль, Райс осторожно выпрямился и позволил себе отдохнуть.

Прежде чем подняться, Джорем нервно оглянулся на дверь. Снаружи не доносилось ни звука. Тем не менее они выждали некоторое время, чтобы окончательно убедиться, что все спокойно. Наконец Райс наклонился, поднял Синхила на ноги и обхватил его за плечи. Джорем погасил магический свет и выглянул в коридор. Там было пусто и тихо.

Они пошли обратно тем же путем, придерживая Синхила с двух сторон. Когда они вышли к лестнице, Джорем внезапно застыл, прислушиваясь. Он подал Райсу знак оттащить Синхила к стене, Райс подчинился приказу и тоже услышал шлепанье сандалий по лестнице.

Боясь дышать, они стали бесшумно спускаться по спиральной лестнице, пока не скрылись за поворотом. Вскоре мимо них кто-то прошел, и звук шагов исчез в дортуаре. Они подождали несколько минут на случай, если монах вернется, но ни сверху, ни снизу никаких звуков не было слышно. Наконец они собрали все свое мужество, подняли бесчувственное тело Синхила и направились к выходу.

Следующие полчаса были такими напряженными, что позднее они с трудом вспоминали это время. Перед их глазами проплывали темные лестницы, стены, алтарные ворота, выступы. Они благополучно добрались до алтаря и замерли, услышав шаги какого-то монаха. Они быстро положили неподвижное тело возле алтаря, а сами опустились на колени.

Но эти коленопреклоненные фигуры в белом, погруженные в молитву в неурочный час, не могли одурачить монаха, который шаркал ногами по нефу. Один взгляд на них мог возбудить подозрение.

С одной стороны, в этом не было ничего необычного. Но монах мог оказаться очень разговорчивым и обратиться к ним, чтобы выяснить, кто они и почему молятся здесь, а не в кельях.

И, разумеется, он обратился.

Он успел только увидеть какого-то рыжего незнакомца, взглянувшего на него из-под капюшона, и спящего

и обхватил его сзади за плечи, а высокий золотоволосый человек с пронзительными глазами как будто проник в него и заставил его голову кружиться с бешеной скоростью.

Монах упал на колени, ничего не видя вокруг себя, и воспоминания о странной встрече полностью исчезли из его памяти. Проснулся он уже под утро, когда остальные монахи собрались в большом нефе.

Монах чувствовал, как болят у него колени от долгого стояния, но не мог понять, что заставило его провести целую ночь в молитвах в холодной церкви.

К тому времени, когда все аббатство поднялось ото сна, Джорем и Райс уже переправили свою драгоценную ношу через стену, закрепили с помощью веревок на лошади и пустились в долгий трудный путь.

Ветер теперь дул им в спину.

Они ехали, ведя лошадь Синхила между собой, и им нужно было ехать еще очень долго — весь день и следующую ночь — с редкими остановками, пока они не доберутся до Дхассы, где наконец окажутся в относительной безопасности.

Там они должны будут направиться к епископу Дхассы который держал Портал.

Это был единственный путь, который еще не был закрыт для них. К ночи они должны были быть в полной безопасности в убежище Камбера.

Но сейчас им нужно ехать и постараться не замерзнуть и не попасть в плен. Они должны достичь Дхассы живыми и невредимыми.

А если их отсутствие уже обнаружено, то им следует быть вдвойне осторожными. Их пленение будет означать полную катастрофу для задуманного ими дела.

ГЛАВА XV

**Я оставил дом Мой;
покинул удел Мой;
самое любезное для души Моей
отдал в руки врагов его.¹**

К счастью, путь в Дхассу оказался относительно спокойным, так как новости в Гвиннеде по зиме передавались не быстро.

Первые несколько часов после бегства — самые опасные — прошли под покровом темноты и сильного снегопада, который немного затих лишь к рассвету. Снег все покрывал белым ковром, заглушая звуки и скрывая следы, но он скрывал и ямы, камни и бревна на дороге, о которые кони спотыкались и могли поранить ноги. Хуже всего приходилось привязанному к лошади Синхилу.

Они ехали несколько часов в полном молчании иногда шагом, а иногда рысью, в зависимости от состояния дороги. Райс внезапно ощутил чей-то взгляд. Он заметил все еще затуманенные серые глаза, попытался наладить мысленный контакт, чтобы сообщить, кто они, но это ему не удалось. Тогда Райс, ободряюще улыбнувшись, снял всю паутину заклинаний с разума Синхила, и его глаза стали более осмысленными.

Райс взглянул на полусонного Джорема, который покачивался в седле. Он знал, что Джорем нуждается в отдыхе, — они не спали уже тридцать шесть часов, — но решил, что важнее немедленно выяснить отношения, к тому же монах наверняка узнал его.

— Джорем, мы уже не одни, — тихо сказал он. Джорем поднял голову, мгновенно став бодрым и свежим. Их пленник повернул голову и посмотрел на своего похитителя.

— Почему вы увезли меня из монастыря? — спросил он, не дав Джорему времени на приветствия. — Кто вы такие?

Священник несколько секунд смотрел на лицо, выглядевшее из мехового капюшона, очевидно, обдумывая ответ, а затем решил говорить правду.

— Меня зовут Джорем Мак-Рори. Я — священник из Ордена святого Михаила. А причина, по которой мы увезли вас отсюда, совершенно очевидна, милорд. Или я должен называть вас Ваше Величество?

Человек дернулся, как от удара. Ужас мелькнул в его глазах, как ни старался он скрыть его.

Райс и Джорем расслышали сдавленное «нет».

Синхил опустил голову и отвернулся. Два друга переглянулись, и Джорем показал на небольшую рощу, где они могли укрыться от ветра. Все равно лошадям следовало дать отдых, а говорить лучше лицом к лицу на твердой земле, чтобы Синхил правильно понял их намерения.

Лошади благодарно остановились под заснеженными деревьями, Джорем спешил и, подойдя к Синхилу, развязал узлы веревок, которыми его ноги были привязаны к стремянам.

Синхил перебросил ноги через шею лошади и размял онемевшие мышцы. Райс остался на коне на тот случай, если вдруг Синхил задумает бежать.

— Сойдите с седла и пройдите немного, — посоветовал Джорем.

Однако он не отвязал веревку, которой они были связаны между собой.

— Вы, должно быть, устали, милорд. Прошу прощения за грубое обращение, но мы боялись, что добровольно вы не поедете с нами.

Синхил отвернулся и не принял предложенную руку.

— Не зовите меня «милорд», — прошептал он. — Я не господин и не хочу быть им. Я простой монах и живу в мире со всеми.

Джорем медленно покачал головой. Он хорошо понимал монаха, но знал, что он, Джорем, должен постараться переубедить его.

— Вы — Никлас Габриель, монашеское ваше имя — Бенедикт, — сказал Джорем. — Вашего отца звали Ройстон, а деда — Даниель, но оба они имели и другие имена. Другое имя есть и у вас.

— Нет, — прошептал монах. — Нет другого имени.

— Другое имя вашего отца — Элрой, древнее королевское имя, Ваш дед был известен как Эйдан, принц Халдейн, еще до Переворота, — безжалостно продолжил Джорем. — А вы — Синхил Донал Ифор, принц Халдейн, последний в королевском роду. Пришло время заявить ваши права на престол, Ваше Величество. Пришло время завосвать трон Гвиннеда.

— Нет, — послышался сдавленный шепот, — скажите, что это не так. Я не хочу вас слушать. Эти имена давно, в прошлом, и их нужно забыть. Я только брат Бенедикт, бедный монах. Больше у меня нет никаких прав.

Джорем беспокойно посмотрел на Райса. Они с Райсом обдумывали стратегию поведения во время своего долгого пути в святой Фоиллан, они хотели предусмотреть все возможные варианты. Но они не рассчитывали на кротость этого человека, на его безмерную тревогу, вызванную тем, что его насильно вырвали из жизни, на которую он добровольно обрек себя. Джорем долго подбирал слова, но первым нарушил тишину Синхил. Он поднял голову и невидящими глазами уставился на Джорема.

— Я умоляю, отвезите меня обратно в монастырь.

— Мы не можем, милорд, — ответил Джорем.

— Тогда отправьте меня одного. Вам не обязательно ехать туда. Я ничего не скажу о вас.

— Мы не можем, милорд, — повторил Джорем. — В этом деле замешаны и другие люди, а некоторые уже отдали свои жизни.

— Погибли? Вы имеете в виду, что они погибли из-за меня?

Джорем кивнул, не желая встречаться с ним глазами. Монах перевел взгляд на заснеженный лес, словно перед ним всплыли старые видения, которые он старался, но не мог забыть.

— Куда вы везете меня? — спросил он.

— К друзьям.

— У меня нет друзей за стенами аббатства, а те, кто хочет покончить с моей жизнью, — не друзья.

— Одна жизнь кончается, другая начинается, — сказал Джорем.

Он положил руку на шею лошади и твердо взглянул на монаха.

— Вы рождены не для кельи и не для молитв, какой бы приятной эта жизнь ни казалась вам. Только теперь вы будете следовать вашему предназначению!

— Нет! Я рожден быть монахом! — Он ударил себя в грудь связанными руками и обратил полубезумные глаза к Райсу.— Милорд, поверьте, все, что рассказал вам мой дед, — выдумка, фантазия, бред. Я не тот, за кого вы меня принимаете, я не из того теста, из которого делают королей.

— Вы — Халдейн, милорд.

— Нет! Халдейны погибли, а я был торговцем, пока не стал монахом. И мой отец был торговцем! Я не знаю другой жизни!

Джорем, со вздохом взглянув на Райса, пожал плечами.

— Мне кажется, продолжать бессмысленно. Он устал и напуган. Может, позднее...

— Правда от этого не изменится, — прервал его Синхил.

— Конечно, но правда может быть не та, что утверждаете вы теперь, милорд. Вы долгое время были вдали от мира. Почему бы вам не отложить решение до того времени, когда познакомитесь с фактами?

— Я живу в своем мире, и вы, называющий себя монахом, должны понимать меня.

— Я хорошо понимаю. — Джорем вздохнул. — Однако это не меняет моих намерений. Если вы дадите слово не пытаться бежать, я с удовольствием развяжу вас. Вам будет легче, если вы сможете пройти немного.

Синхил долго смотрел на Джорема, как бы взвешивая его слова, затем опустил глаза.

— Я не буду сопротивляться вам.

— Даете слово?

— Даю, — прошептал пленник.

Джорем кивнул и развязал веревки на руках пленника, но когда он протянул руку, чтобы помочь ему сойти с лошади, Синхил поджал губы, оттолкнул его руку и соскочил с лошади с другой стороны. Он сделал с полдюжины неверных шагов, спотыкаясь и шатаясь, и упал на колени в снег. Он склонил голову, еле сдерживая рыдания.

Джорем нахмурился и посмотрел на Райса. Затем он накинул плащ на плечи и сложил руки на груди. Они оба с тоской поняли, что их путешествие в Дхассу будет гораздо дольше и сложнее, чем они предполагали.

* * *

Действительно, их путешествие проходило хотя и без инцидентов, но в полном молчании. Они остано-

ливались только однажды днем, чтобы сменить лошадей в придорожной гостинице.

Райс охранял принца, пока Джорем торговался с хозяином. Синхил не изъявлял желания разговаривать, но и не принимал попыток к бегству.

К вечеру они уже были в часе езды от цели. Небольшой бурный ручей вилял вдоль дороги, по которой они ехали. Хотя он и протекал по заснеженной равнине, зимний холод еще не сковал его льдом. И лошади, и люди уже замучились от долгого пути. Райс очень беспокоился о Синхиле, ведь принц был плохо приспособлен к трудностям путешествия. Он чуть не закричал от боли в мышцах, когда они несколько часов назад остановились для последнего отдыха, и только гордость остановила рвавшийся из него крик. Потом им пришлось сажать его в седло, почти потерявшего сознание.

За последние полчаса Синхил заметно побледнел, и Райс понял, что им придется снова остановиться, поскольку Синхил был на грани обморока, Райса очень беспокоило, как поведет себя Синхил, когда они въедут в город и поедут ко двору епископа. Райс даже боялся думать о том, что поведение Синхила и его покладистость в дороге — всего лишь подготовка к восстанию на людях.

Райс не мог прозондировать разум пленника во время их долгого безмолвного путешествия — перед ним каждый раз вставала твердая глухая стена, которую Райс смог бы преодолеть только после отдыха и соответствующей подготовки, но он не хотел этого делать сейчас, боясь еще больше восстановить Синхила против себя.

Нет, к Синхилу нужно применять другие методы, и не сейчас, а когда они будут среди друзей, когда все его протесты не будут услышаны. Единственное, чего хотел сейчас Райс, это облегчить страдания Синхила от боли в измученных ногах.

Как будто почувствовав возрастающее беспокойство Райса, хотя и не зная его причины, Джорем привстал на стременах и посмотрел вперед, высматривая место, где бурный поток позволял подойти поближе к воде. Спешившись, он помог Синхилу сойти с коня и усадил его на камень в защищенном от ветра месте. Райс лениво повел трех лошадей к воде и, достав из сумки пустую фляжку, наполнил ее ледяной водой из потока.

Когда вернулся Райс, Джорем массировал ноги Синхила. Принц с удовольствием напился и, не раздумывая, протянул фляжку Джорему. Но священник не успел приложить ее ко рту, Райс выхватил флягу и вылил содержимое в снег.

Слова Джорема прозвучали не вопросом, а утверждением, но в голосе его слышалось удивление.

Райс кивнул, а Синхил повернулся к нему.

— Вода? — прошептал он.

— Так было надо. Сонный порошок, чтобы успокоить вас, облегчить страдания, пока мы не сможем отдохнуть по-настоящему.

— И чтобы предотвратить мое предательство, — добавил Синхил.

Он натянуто улыбнулся, и вдруг голова его упала на грудь, глаза закрылись. Он с трудом приподнял голову.

— Что со мной?

— Это лекарство. — Райс в упор смотрел на него. — Вы почувствуете сонливость. Ваши чувства притупятся. Вы все время будете в полусне. Так будет лучше, поверьте мне.

— Лучше для кого? — прошептал Синхил. — Неужели вы боялись, что я предаю вас? Я же дал слово. — Он показал на флажку. — Это было ни к чему.

При этих словах Джорем встал и пошел к ручью. Там он опустился на колени. Райс подошел к нему. Он знал, что так подействовало на Джорема.

— Это действительно было нужно? — спросил Джорем, наклонившись к воде, чтобы напиться.

— Я думаю, да. Джорем, я пытался прочесть его мысли всю дорогу и не смог. Он как глухая стена. У него какие-то врожденные защиты, возникающие, когда на него что-то давит. Я не могу проникнуть сквозь них, во всяком случае, незаметно для него. Я думаю, поэтому мы не смогли воздействовать на него там, в аббатстве. И я не уверен, что это удалось бы нам в Дхассе, особенно сейчас, когда мы так устали.

— Верно, — согласился Джорем. — Он вытер руки о плащ и повернулся к Райсу. — У него действительно есть такие защиты? Как ты думаешь, потом ты сможешь преодолеть их?

Райс пожал плечами и неуверенно улыбнулся.

— Всегда есть пути для преодоления сопротивления любого человека, особенно если ты Целитель... Кроме того, в убежище я попрошу Камбера работать со мной.

Джорем долго стоял выпрямившись, потом взглянул на отдыхающего Синхила.

— Ты сказал ему всю правду о действии наркотика?

— Да. У нас будет достаточно времени, чтобы привезти его к Порталу. Он будет все время в полусне. Лучше пусть будет так, чем он устроит сцену, — сказал Райс и сунул пустую флажку в сумку.

— Если кто-либо заинтересуется им, объясним, что он болен, и мы возьмем его к Целителю епископа. Это звучит вполне правдоподобно.

— Хорошо.

Джорем вздохнул и, покачав головой, хитро улыбнулся.

— Я, вероятно, устал больше, чем предполагал. А ты с энтузиазмом включился в заговор. И это ты, кто раньше всегда старался держаться подальше от всяких интриг!

— О, не произноси этого слова!

— Какого? «Интрига»?

Джорем улыбнулся, похлопал Райса по плечу и указал на клевавшего носом принца. Пора было сажать его в седло и ехать дальше.

Судьба королевства была в их руках, и все должно было решиться в следующие несколько часов.

К счастью для всех троих, колеса бюрократической машины Гвиннеда вертелись очень медленно, и аббат святого Фоилана только сейчас начал думать, как объяснить причину исчезновения брата Бенедикта.

Как и предполагали Райс и Джорем, отсутствие Бенедикта было замечено только утром, и заметил его настоятель, который не увидел Бенедикта на хорах во время мессы. Но настоятель был человек очень занятой, у него было много обязанностей, и только когда брат Бенедикт не явился на следующее богослужение, он забеспокоился.

Решив, что брат Бенедикт заболел, настоятель направился в больницу, но смотритель больницы брат Рейнард не видел Бенедикта уже несколько дней. Тщательный осмотр всего аббатства, занявший несколько часов, не дал результатов.

Несколько монахов были посланы на лошадях осмотреть все окрестности аббатства на расстояние, которое мог бы преодолеть за это время пеший человек. Но буря сделала свое дело. Если брат Бенедикт упал от слабости и умер, то этого уже никто не узнает до самой весны. Аббатство постигло большое горе. Монахи отслужили большую мессу по брату Бенедикту следующим утром, и затем вновь потекли обычные дни жизни своим порядком.

И это дело заглохло бы навсегда, если бы не брат Левит. В этот день он решил проверить наличие зимней одежды монахов. Осматривая содержимое шкафов близ кельи пропавшего брата Бенедикта, брат Левит был очень удивлен, обнаружив пропажу двух сутан. Проведя расследование среди монахов, пользовавшихся шкафами, он выяснил, что два

дня назад все было на месте. Однако никто не мог объяснить пропажу сутан.

Озадаченный Левит доложил обо всем помощнику приора, тот, в свою очередь, приору, а приор — аббату. Это случилось уже вечером. Аббат сначала отругал приора за то, что тот лезет со всякими пустяками, но разум его все время был занят мыслями о пропавшем брате, и у него зародились смутные подозрения.

— Брат Патрик, сколько сутан пропало?

— Две, отец аббат.

Аббат поднял перо и повертел его между пальцами.

— Скажите, вы помните двух человек, которые приезжали на свидание к брату Бенедикту две недели назад?..

Приор озадаченно замолчал.

— Конечно, помню, отец. Монах этот был на службе у епископа, но...

— Я это помню! — рявкнул аббат. — Он был гавриилитом или просто притворился им.

Приор озадаченно смотрел на аббата, а тот повернулся и вытащил календарь с заметками из шкафа. Не найдя в нем того, что искал, он швырнул его обратно и забарабанил пальцами по столу.

— Попросите явиться сюда врача, брата Патрика, а также брата Пола, Финеаса и Джубала.

— Хорошо, отец аббат.

Удивленный приор выскочил из кабинета.

Следующие десять минут аббат сидел нахохлившись и ожесточенно грыз ногти. Подозрения в нем росли, и все его умозаключения складывались в стройную картину.

В тот день приходили два человека, говорили с братом Бенедиктом, в тот же день во время беседы брат Бенедикт упал в обморок.

Они говорили что-то о важном поручении деда, который недавно умер. Сам аббат стоял неподалеку и слушал.

Один из них был Целитель. Как его звали?.. Лорд Ре... Ро... Райс. И когда врач аббатства не смог привести брата Бенедикта в чувство, аббат попросил Райса взглянуть на него и даже позволил войти в его келью.

Да, и Райс, и монах, который был с ним, входили в келью Бенедикта!

Взяв на душу страшный грех, аббат выругался и скомкал письмо, только что написанное генеральному викарию Ордена в Валорет и швырнул его в огонь.

Бенедикт не уходил из аббатства в беспамятстве и не умирал на снегу от холода. Он совсем не был болен ни сейчас, ни тогда, две недели назад. Он был похищен прямо из стен аббатства, прямо из кельи, и похищен этими двумя!

Тут его размышления прервал робкий стук в дверь. Аббат постарался принять вид, достойный уверенного в себе пастыря Божьего.

— Да.

Приоткрыв дверь, в комнату заглянул брат Патрик. За ним виднелись головы Джубала, Рейнарда, Пола и Финеаса. Аббат позволил им войти. Монахи стояли неподвижно, склонив головы, сложив на груди руки, спрятанные в необъятные рукава су-тан.

Аббат окунул перо в чернильницу и положил перед собой чистый лист бумаги.

— Брат Рейнард, ты не можешь припомнить дату, когда брат Бенедикт упал в обморок и когда он заболел, — день, когда он беседовал с двумя посетителями?

Брат Рейнард с минуту изучал носки своих сандалий, а затем поднял голову.

— Это было в праздник святого Маргетана. Нет, скорее это было сразу после дня рождения святого Эдмунда.

— Так когда же, брат Рейнард?

— В день рождения святого Эдмунда. — Он посмотрел в свою книжечку. — Четырнадцатого ноября.

Аббат записал дату и перевел взгляд на брата Джубала.

— Брат Джубал, кажется, ты дежурил у ворот в это время?

— Да, отец аббат.

— Ты не можешь припомнить имена посетителей? Там был Целитель и монах.

Немного подумав, брат Джубал поднял бровь.

— Мне кажется, что монаха звали брат Кайрил, отец аббат. Он из Ордена святого Гавриила.

— Да-да, брат Кайрил, — повторил аббат. — Называл ли он другое имя?

— Нет, только свой Орден, — услужливо вмешался брат Финеас, — а также то, что он находится на службе у епископа.

Аббат поискал кончик пера, покачал головой.

У него не возникло никаких ассоциаций в связи с этим именем, и это его мучило. Но, во всяком случае, главный викарий должен знать его имя и принять какие-то меры, если, конечно, этот монах действительно существует и служит архиепископу.

Он записал это имя, тщательно выписывая каждую букву, и снова взглянул на монахов.

— Ну, а теперь имя Целителя — лорд Райс какой-то.

— Мурин или Турин, или что-то вроде этого, — сказал брат Джубал.

— А мне кажется, Турин, брат Джубал, — заметил брат Рейнард. Изогнув шею, он пытался рассмотреть, что записывает аббат. — Правда, я не очень уверен в этом, но он действительно Целитель. У меня в этот день болел зуб, а он...

Аббат строго взглянул на него, и Рейнард виновато замолчал, потупив голову.

Аббат снова начал писать, но перо не долго скрипело по бумаге. Вскоре аббат поднял голову и движением руки отослал монахов прочь.

Когда за ними закрылась дверь, монах взял чистый лист бумаги и начал новое письмо своему викарию. На этот раз его почерк был четким и уверенным.

«Ваше преосвященство, я с прискорбием сообщаю о похищении из аббатства святого Фоиллана два дня назад брата Бенедикта. Подробности состоят в следующем...»

* * *

«...Итак, — через пять дней после этого викарий Ордена читал письмо архиепископу Валорета, — совершенно очевидно, что брат Бенедикт похищен вышеназванными братом Кайрилом и лордом Райсом Турином — Целителем. Я посылаю копии всех показаний монахов, так как вы в своей мудрости можете заметить то, что пропустил я.

Остаюсь вашим преданным слугой».

Викарий опустил письмо и взглянул на архиепископа.

Архиепископ, перед которым стоял его обычный стакан козьего молока, протянул иссохшую руку к письму, затем долил молока и погрузился в чтение.

Викарий в это время отрезал себе кусок сыра.

Было раннее утро, а архиепископ имел привычку завтракать с кем-нибудь из подчиненных и просматривать во время завтрака утреннюю почту.

Но, конечно, Роберта Орисса нельзя было считать простым подчиненным. Генерал-викарий Ордена святого Ярлата и архиепископ Валорета, примас церкви Гвиннеда, родились примерно в одно время и впервые встретились, будучи учениками знаменитой школы при монастыре святого Неота, когда им было по десять лет.

И хотя Энском Тревасский был Дерини, а Роберт Орисс — нет, это не помешало возникновению между ними тесных дружеских отношений, которые длились уже долгие годы. Да и теперь, если Роберт Орисс был в своей резиденции в Валорете и не выезжал в инспекционные поездки по монастырям и аббатствам Ордена, они встречались друг с другом по крайней мере раз в неделю. Энском принадлежал к той весьма редкой категории людей, которые не забывают старых друзей, возвысаясь над ними. И Роберт, хотя он часто не понимал действий своего коллеги-Дерини, очень ценил эту дружбу.

Но они уже встречались на этой неделе, и сегодняшняя встреча была вызвана получением этого странного письма, которое требовалось немедленно показать архиепископу.

Викарий налил в стакан молока для архиепископа, который ненавидел его, но пил для возбуждения работы пищеварительного тракта, затем отломил кусочек хлеба и стал жевать, дожидаясь, пока архиепископ закончит чтение письма. Строгое лицо Энскома сделалось хмурым и печальным.

— Что это за монах, Роберт? Почему кому-то понадобилось похищать его?

Викарий покачал головой.

— Я теряюсь, ваша милость. Я просмотрел все наши записи. Принял обет... Я просто понятия не имею.

— А этот аббат, он заслуживает доверия?

Викарий горячо запротестовал. Он верил всем своим подчиненным — все они богобоязненные люди, не способные на гнусные интриги.

Архиепископ хмыкнул, бросил письмо на стол и долго смотрел на викария.

— Вы знаете, что Катан Мак-Рори умер на прошлой неделе?

— Советник короля?

— Сын графа Камбера Куддского, — уточнил архиепископ.

— А дочь Камбера Ивейн — невеста Райса Турина.

— Райс Ту... — Викарий схватил письмо. — Тот самый Райс Турин?

— Да, тот самый.

Викарий, глубоко вздохнув, откинулся на спинку кресла. Завтрак был забыт. Архиепископ молчал и не торопился высказывать свое мнение. Тогда викарий поджал губы и задумчиво посмотрел на него.

— Ваша милость, а вы не полагаете, что граф Камбер Куддский как-то связан с похищением брата Бенедикта?

Архиепископ поднял глаза, и какая-то тень мелькнула на его лице, обычно непроницаемо спокойном.

— Вы сошли с ума, — мягко прошептал он. — Я знаю Камбера. Мы вместе учились в Грекоте до того, как все его братья умерли и он остался единственным наследником отца. Я венчал его с женой, крестил всех его детей, принял монашеский обет его сына Джорема, венчал Катана с Элинором. А кроме того, зачем ему все это нужно?..

— Я не знаю, ваша милость. Я подумал, что вы можете... — Он вздохнул. — А этот Райс Турин, он близок ко двору? Вы, кажется, тоже знаете его?

— Я знаю его, — ответил архиепископ. — Он молод для Целителя, но у него блестящая репутация. Он очень близок с сыном Камбера — Джоремом из Ордена святого Михаила.

— Вы думаете, что тем монахом мог быть Джорем?

— Не знаю, — с сомнением в голосе ответил Энском. — А с другой стороны, Джорем — михайлинец, а они всегда были мятежниками, возмутителями спокойствия.

— Мятежники?! Да! — Роберт фыркнул. — Но при чем здесь свой брат-монах? Не вижу никакой политической выгоды от такого человека, как брат Бенедикт!

— И я тоже. Архиепископ вздохнул.

— Но вокруг семейства Мак-Рори идет крупная политическая игра. До нас дошли слухи об обстоятельствах смерти Катана.

Нет, Роберт еще ничего не слышал.

— Говорят, Катан не просто умер. Говорят, он был убит, причем рукой самого короля. Если это так, то тогда легко объяснить безумное поведение Имре на празднике зимы. И это дает мотивы для Камбера, Джорема и Райса начать политическую борьбу.

Он нахмурился.

— Но не против же бедного монаха? Признаюсь, у меня нет никаких мыслей, Роберт. А у вас?

У викария тоже не было.

После долгой паузы архиепископ встал, медленно подошел к окну и выглянул в него, опершись руками о подоконник. На улице шел снег.

— Оставь меня одного, Роберт, — наконец тихо сказал он. Генерал-викарий тотчас же встал, кланяясь, покатылся к двери и исчез за ней.

Архиепископ вернулся в свое кресло, потрогал письмо кончиками пальцев, сложил руки на столе и склонил голову в молитве.

Он не сказал Роберту Ориссу, но знал, кто был с Райсом Туринном в аббатстве первый раз и участвовал так или иначе в похищении брата Бенедикта.

Он и тот «монах» вместе учились в Грекоте и часто делили между собой горе и радости жизни.

Брат Кайрил — это имя носил в монашестве Камбер Куддский.

ГЛАВА XVI

**Человек одинокий, и другого нет:
ни сына, ни брата нет у него,
а всем трудам его нет конца,
и глаз его не насыщается
богатством.¹**

Но каковы бы ни были личные чувства Энскома к семейству Мак-Рори и к Камберу в частности, архиепископ был верным слугой короны, и долг его требовал доложить королю о похищении монаха, хотя это было чисто церковное дело.

Энском вычеркнул из письма описание брата Кайрила, которое могло бы навести Имре на верный след, надеясь таким образом хоть немного задержать расследование и тем временем попробовать связаться с Камбером, чтобы выяснить, что все это значит.

То, что Камбер использовал для прикрытия свое монашеское имя, не удивило архиепископа, это было в характере Камбера. Но могло быть и простое совпадение, хотя Энском не верил в них. Во всяком случае, чтобы это ни было, Энском хотел знать.

И вот послание архиепископа королю было передано по обычным каналам: не следовало давать Имре возможность нанести удар первым, раз во всем этом замешан Камбер Кулдский.

Это письмо сначала попало к графу Сантейру, который занимался расследованием дела по возможному заговору Мак-Рори.

¹ Экклезиаст 4:8

Коул Хоувелл в последнее время много помогал Сантейру и даже делился с ним результатами своих тайных расследований.

Так что они вместе получили это письмо и с ним новую информацию, которая в совокупности с имевшимися у них сведениями оказалась весьма интригующей. В ней было много любопытных совпадений. И совпадений ли?

Например, они уже давно знали, что Даниель Тряпичник — один из людей, чье имя упоминалось в документе, похищенном Джоремом, — умер своей смертью два месяца назад, и сопровождал его в последний путь не кто иной, как Райс Турин.

Дальнейшие расследования показали, что в тот же вечер Райс Турин оседлал коня и уехал из города. Хотя слуги утверждали в один голос, что он поехал в Кайрори на празднование дня святого Киамы, у братьев монастыря, где служил Джорем, удалось узнать, что Райс и Джорем уехали оттуда в большой спешке, невзирая на сильный дождь, в направлении монастыря святого Ярлата.

Любопытно.

Кроме того, монахи святого Ярлата рассказали, что в монастырь приехали два человека и настояли на том, чтобы им разрешили просмотреть архивные записи. Заинтересовавшись, они занимались этим всю ночь. Но самое главное во всем этом — заявление Грегори Арденского, аббата святого Ярлата, вспомнившего, что эти двое искали какого-то брата Бенедикта, у которого недавно умер дед. Писцы Коула тут же составили список всех Бенедиктов Ордена, так что Коул был уже близок к обнаружению пропавшего без вести Никласа Тряпичника.

Коул и Сантейр сидели вместе с двумя клерками, когда прибыл посыльный от архиепископа. Коул распечатал письмо, сидя в очень удобном кресле, положив ноги на подушку. Коул бесстрастно читал письмо.

Тишина нарушалась только потрескиванием огня в камине. Вдруг он подскочил в изумлении.

— Черт возьми! Ты видишь?

Он сунул письмо прямо под нос графа.

— Ты хочешь знать, чем занимались Джорем и Райс Турин? Я могу сказать тебе, что делал Турин, и я клянусь, что этот брат Кайрил — Мак-Рори! Я могу поклясться, что брат Бенедикт и наш Никлас — одно и то же лицо!

Сантейр взял письмо и быстро прочел его. Затем он откинулся в кресле и кивнул.

— Неудивительно, что мы не могли найти Тряпичника: он был в монастыре все эти годы. Они, должно

быть, нашли его с помощью архивов святого Ярлата, так же, как мы хотели его искать. И еще...

Граф поднялся и стал расхаживать по комнате, высекая искры из каменного пола подошвами сапог.

Коул смотрел на него ястребиным взглядом, еле сдерживая нетерпение.

— Все это очень странно, — сказал он, завершая очередной круг. — Согласно письму архиепископа, они ездили в монастырь святого Фоиллана первый раз месяц назад, но тогда они ничего не сделали, как будто они не были уверены, что этот человек тот, кто им нужен. Напрашивается вопрос: кто же им нужен? Откуда такой интерес к монаху из семьи бедных торговцев?

Один из клерков нерешительно кашлянул:

— Везде ходят упорные слухи о Халдейнах. Уже начали появляться листовки.

— Это все шуточки виллимитов! — рявкнул Коул. — Они хотят сыграть на этом, но этому никто не поверит!

— Но Турин украл портрет Ифора Халдейна, сэр, — заметил второй клерк. — Зачем-то он ему нужен.

— Это — чушь, гадость! — настаивал Коул. — Ни один из Халдейнов не выжил после Переворота, об этом все знают.

— Но если хоть один выжил, то сейчас ему самое время попытаться вернуть трон Гвиннеда, — заметил Сантейр и отослал клерков прочь.

Коул выпрямился и со злостью пнул ногой подушку из-под ног.

— Да, ты прав, — согласился он с неохотой. — Но это же не имеет смысла. Кто такой Халдейн для Мак-Рори? Они — Дерини, как я и ты. Конечно, у Камбера есть причины не любить короля, особенно после смерти Катана. Но, черт побери, ведь все они — Дерини! Он не может серьезно желать свергнуть с трона короля-Дерини и посадить на трон человека из прежней династии или хуже того — человека, который утверждает, что он из династии королей Халдейнов! Где доказательства? И где Камбер?

— Я не знаю. — Сантейр пожал плечами. — Мы, конечно, опросили слуг и крестьян в Кайрори...

— И ничего не выяснили. Сантейр, я не могу верить, что твои искусные инквизиторы не смогли выжать и крохи информации о планах и намерениях Камбера. Если бы я был там...

— Если бы ты был там, то, я не сомневаюсь, добрая половина слуг уже болталась бы на веревках, как те крестьяне, казненные в октябре за то, что они не хотели сказать

то, чего не знали, — ехидно сказал Сантейр. — Неужели ты думаешь, что такой могущественный Дерини, как Камбер, не может сохранить свои тайны от слуг, если захочет, или сделать так, что от них никто ничего не сможет узнать?

— Но он же где-то есть?

Дальнейший спор был прерван внезапным появлением запыхавшегося слуги в ливрее личного слуги короля. На лице его выразилось явное облегчение, когда он снял шляпу и поклонился:

— Милорды. Его Величество требует, чтобы вы незамедлительно явились к нему. Он...

Юноша сделал паузу, чтобы глотнуть воздуха:

— ...Он в большом гневе, милорды, так что вы лучше не задерживайтесь.

Коул и Сантейр, забыв о своем споре, мгновенно бросились к выходу.

— Глупцы! Идиоты! Сукины сыны! — кричал Имре, когда вошли Коул и Сантейр. — Агуны! Предатели! Коул, ты знаешь, что они сделали? Ты можешь представить...

— Кто и что сделал, ваша милость? — прервал его Коул, утихопоклонившись.

— Михайлинцы! Грязные свиньи, двуличные изменники...

— Сир, что они сделали?

Имре взглянул на него дикими глазами и рухнул в кресло.

— Они исчезли, все до единого исчезли, предали меня. Они забрали все свои сокровища, все! Они исчезли!!!

— Исчезли?! — выдохнул Сантейр.

Это воспламенило Имре, и он, вскочив, забегал по комнате, в бешенстве изрыгая ругательства, проклятия, грязные намеки на их родителей, на обстоятельства рождения, на их порочные склонности.

Сантейр, обретя спокойствие, пытался понять причину происшедшего и уже начал планировать мероприятия, призванные сохранить безопасность государства.

Такие действия могущественного Ордена в совокупности с заговором Мак-Рори могли означать только одно: существование широкого заговора, цель которого — свержение Имре и восстановление на троне Гвиннеда династии Халдейнов.

И если уж в заговоре участвуют михайлинцы, то можно с уверенностью сказать, что претендент на престол — настоящий Халдейн. Михайлинцы впустую не играют, они наверняка делают все, чтобы их попытки увенчались успехом. И теперь рыцари-михайлинцы где-то концентрируют силы, чтобы

нанести удар. Удалив всех невоенных членов Ордена в

безопасное убежище, они сделали себя неуязвимыми для преследователей и репрессий. Да, михайлинцы могли появиться где угодно!

Коул тоже хорошо понимал и причины, и последствия исчезновения михайлинцев, но мысли его работали в несколько ином, чисто личном направлении. И это привело его в ужасное состояние. Он считал себя очень умным и дальновидным, но оказалось, что это совсем не так! Он — идиот! Все его хитроумные интриги ради создания видимости предательства Катана, убийство Молдред, убийство самого Катана — все это привело к образованию настоящего, а не фиктивного заговора, он сам помог формированию новой силы в Гвиннеде, даже не подозревая, насколько эта сила велика и могуча. Он был простой пешкой в игре, всю глубину которой он только что смог увидеть, и теперь та сила, которую он сам вызвал к жизни, мощным ураганом сметет его, как пушинку. Должен ли он жертвовать собой ради короля?!

— Я покажу им! — продолжал бешеноваться Имре. — Они жестоко заплатят за то, что осмелились бросить мне вызов!

Все еще ругаясь сквозь зубы, Имре сел за письменный стол и начал яростно строчить что-то. Коул и Сантейр обменялись встревоженными взглядами.

Наконец король посыпал песком страницу, поставил внизу свою личную печать и, поднявшись, протянул бумагу Сантейру.

— Ты проследишь, чтобы все было выполнено немедленно, Сантейр.

— Сир?

— Делай, что приказываю, — рявкнул Имре, потрясая бумагой. — Михайлинцы решились выступить против меня! Они хотят посадить другого короля! Они хотят посадить другого короля!!! Посмотрим! Я еще король! И я сделаю все, чтобы подавить их! — выкрикивал он.

Сантейр склонил голову, боясь взглянуть на исписанный лист.

— Да, милорд.

— И если тебе удастся захватить хоть одного михайлинца, — добавил Имре, — доставь его ко мне немедленно. Ты понял? Независимо от часа. Я хочу лично допросить каждого, прежде чем отправить на виселицу как гнусного предателя.

— Да, сир.

— Тогда прочь отсюда, оба!

В коридоре Сантейр с облегчением вздохнул.

Он развернул бумагу и стал читать, встав так, чтобы Коул не мог ничего видеть через плечо. Коул прямо подпрыгивал от нетерпения. Затем Сантейр передал Коулу документ.

«Имре, милостью Божьей король Гвиннеда и так далее.

Ко всем подданным.

Сегодня мы узнали о гнусном предательстве членов Ордена святого Михаила, и этот Орден мы распустим, а его членов объявим вне закона. Все владения Ордена конфискуются в королевскую казну. Все вышеуказанное относится и к членам семьи Мак-Рори: Камберу, бывшему графу Кулдскому, Джорему Мак-Рори, священнику Ордена святого Михаила, и Целителю по имени Райс Турин.

Нашему преданному слуге Сантейру, графу Гран-Теллийскому, повелеваем двинуть королевские войска на штаб-квартиру михайлинцев в Челтхэме и взять под строгую стражу всех, там пребывающих. Здания повелеваю разрушить и сжечь, поля вытоптать и посыпать солью.

Все это должно быть выполнено ко дню святого Олимпия, то есть через неделю. Все остальные владения и замки михайлинцев должны быть подвергнуты тому же по одному в неделю до тех пор, пока генерал-викарий Ордена не явится к нам с повинной и раскаянием и не приведет с собой всех членов Ордена и членов клана Мак-Рори.

За каждого захваченного михайлинца мы назначаем награду...»

Коул, не дочитав, поднял голову. Да, это очень решительно и жестоко, даже Коул подумал бы, прежде чем подписать такой приказ.

* * *

Слова литургии плавали в насыщенном запахом ладана воздухе, еле слышимые в галерее, где ждал Камбер Мак-Рори.

Служил литургию Синхил Халдейн, держа в руке кадило. За ним следовал дьякон, держащий край его ризы, когда Синхил окуривал алтарь. Камбер молча смотрел, как принц-священник заканчивает службу, как дьякон принимает из его рук кадилицу и капает святую воду на пальцы Синхила.

— *Lavabo inter innocentes manus meas.*

Он не говорил с Синхилом до сегодняшнего дня и даже не видел его до вчерашнего полудня. Прогресс в деле до сегодняшнего дня был весьма незначительным.

Хотя Синхил был у них уже две недели, они все еще не могли привлечь его на свою сторону.

Физически Синхил был достаточно покорен. Он шел туда, куда ему говорили, и делал то, что приказывали. Он читал то, что ему приносили, с готовностью отвечал на вопросы по прочитанному и даже иногда проявлял блестящие знания проблем страны, в жизнь которой его сейчас старались посвятить. Но по своей воле он ничего не говорил и ничего не делал. Он решительно не проявлял никакого интереса к той новой роли, к которой его готовили.

Это не было сопротивлением в общепринятом смысле слова. Сопротивление можно было бы сломить. Это была полная апатия, безразличие ко всему, что приходило извне. Он оставался в своем мире, в том, который выбрал для себя двадцать лет назад. Он терпел свое нынешнее положение, потому что ему ничего не оставалось, но он не позволял проснуться в себе обычным человеческим чувствам, не позволял им возобладать над его совестью. И это положение не изменилось до тех пор, пока ему не позволили ежедневно служить мессу.

И вот сегодня, впервые со времени его прибытия сюда, в Синхиле обнаружились признаки человеческих чувств. Это было какое-то ожидание, почти отчаяние. Камберу казалось, что он понимает причину.

Сзади него послышались шаги. Через некоторое время в галерею вошел Элистер Келлен и подошел к Камберу.

Камбер посторонился, чтобы дать возможность викарию михайлинцев видеть церковь. По лицу Келлена невозможно было определить, о чем он думает.

Синхил читал молитву, воздев руки к небу.

Камбер внимательно посмотрел на Синхила.

— Вы уже говорили с ним?

Келлен вздохнул и неохотно кивнул, движением подбородка предложив Камберу выйти с ним. В коридоре, ярко освещенном факелами, Камбер мог заметить выражение беспокойства на лице Келлена, которого не заметил в галерее. Он решил, что Келлен плохо выглядит вовсе не оттого, что не высыпается.

— Я вечером говорил с ним очень долго, — сказал Келлен.

— И что?..

Михайлинец безнадежно покачал головой.

— Я не знаю. Мне кажется, я убедил его, что ему придется отказаться от сана священника, но он был безумно напуган.

— И со мной было такое же, — подхватил Камбер, почти не думая, видя, что Келлен не понимает его, он продолжил: — Конечно, передо мной после смерти моих старших братьев стояла не королевская корона, а всего лишь ти-

тул графа. И к тому же, я тогда еще не принял обета, а был всего лишь дьяконом, но я помню свои тревоги, свое беспокойство, поиски самого себя. Ведь я считал тогда, что быть священником — это мое истинное призвание.

— Да, вы должны были оставить тогда церковь, и вы сделали это, — сказал Келлен.

В его голосе промелькнула тень зависти к Камберу.

— Возможно, хотя я мечтал о сане священника и думал, что буду хорошим слугой церкви. Но, с другой стороны, мне нравилось, что во внешнем мире я буду играть важную роль. И конечно, если бы я пренебрег обязательствами по отношению к семье и пошел вашим путем, на свете не появился бы Джорем, а значит, не было бы здесь и принца Синхила.

Он искоса бросил взгляд на Келлена и с трудом удержал улыбку.

— И перед нами не стояла бы такая трудная задача.

Затем он подумал и спросил:

— А что еще, кроме вполне объяснимого испуга, беспокоит его сейчас?

— Он убежден, что стоит на том пути, который предначертан ему, — жестко ответил Келлен. — Он также убежден, что если он принесет жертву, которую мы требуем от него, то народ не примет его. А действительно, почему народ должен его принять?!

— Спросите тех, кто пострадал от рук короля, будь то Дерини или люди. Халдейны никогда не были повинны в таких преступлениях. Кроме того, Синхила еще никто не видел.

Он замолчал, улыбнувшись.

— Да, он сейчас совсем не похож на того гладко выбритого аскета, каким был брат Бенедикт две недели назад, когда он прибыл сюда.

— Он видел портрет Ифора?

— Я думаю показать его, когда Синхил будет перед зеркалом. И если и это не заставит его понять, кто он и каков его долг перед предками и народом, то я не знаю, что делать дальше.

— Я знаю.

Генерал михайлинцев достал из кармана сложенный кусок пергамента и протянул его Камберу.

— Взгляните на это.

— Что это?

— Это список кандидаток на место будущей королевы Гвиннеда.

Келлен довольно улыбнулся, а Камбер начал разворачивать лист.

— Я знаю, что он будет сопротивляться, но мы должны заставить его жениться. Нам нужен еще один наследник, кроме Синхила, и как можно быстрее.

— На это, как я слышал, потребуется девять месяцев, — пробормотал Камбер.

Он просматривал лист, а Келлен ждал, сложив руки на груди.

— Чем скорее мы женим его, тем скорее появится наследник, — сказал Келлен. — Я полагаю, что сделаю выбор к концу недели и поженю их к Рождеству, то есть через неделю.

— Ясно, — сказал Камбер. — Я заметил в вашем списке свою юную подопечную Меган де Камерон. Вы серьезно считаете ее достойной претенденткой?

— Если у вас не будет возражений. В основном я рук вводился абсолютно безгрешным прошлым, знатностью семьи, кроме, конечно, способности рожать детей. Ведь ни тени скандала не должно возникнуть вокруг свадьбы, чтобы будущий наследник был абсолютно чист в глазах людей.

— Ну что ж, относительно Меган вам беспокоиться нечего, — сказал Камбер. — Она молода, я думаю, что Синхилу это и нужно. Кроме того, у нее сильное чувство долга, никаких других привязанностей, она здорова, и мне кажется, что она может полюбить Синхила.

— Это все не обязательно, — прервал Келлен. — Самое главное, найти того, кто...

— Нет, это обязательно, Келлен, — сказал Камбер. — Меган находится под моей опекой, и юридически я могу приказывать ей выйти за того, кого выберу я, но я не буду делать этого. Пусть выбирает сама. Ведь не буду же я заставлять свою дочь выходить замуж из династических соображений.

— Ради Бога, Камбер! Хватит! Ведь я же еще не выбрал ее!

— Я...

Камбер замолчал, покачал головой и засмеялся. Засмеялся и Келлен.

— Рождество... — наконец задумчиво произнес Камбер. — Вы хотите сами провести церемонию?

— Да, если у вас нет на примете кого-нибудь получше.

— Не вообще лучше, а лучше для Синхила, — ответил Камбер. — Могу я заняться подготовкой?

— Пожалуйста, займитесь.

— Благодарю.

— Вы можете сказать мне, кого вы имеете в виду?

— Я уверяю вас, что, если мне удастся добиться его согласия, вы одобрите выбор.

— Хм-м. Отлично.

Келлен посмотрел вниз, затем поднял глаза на Камбера.

— Есть еще кое-что. Я не хотел говорить, но, думаю, вы должны знать. Имре начал репрессии против Ордена.

Камбер мгновенно стал серьезным.

— Что случилось?

— Штаб-квартира в Челтхеме, — грустно сказал Келлен. — Войска Имре заняли ее два дня назад. Они разрушили все, что смогли, и сожгли остальное. Теперь они ломают стены, которые еще стоят, и посыпают солью поля. Говорят, что они теперь будут разрушать по одному замку михайлинцев в неделю, пока я не сдамся сам и не приведу всех членов Ордена. Но, конечно, об этом не может быть и речи.

Камбер только кивнул.

— Значит, нам придется заплатить большую цену, мой друг? — наконец сказал Келлен.

Он с трудом вернул свой прежний бодрый тон.

— Но никто из нас и не думал, что это будет просто.

Он оглянулся на галерею и вздохнул.

— Я, пожалуй, подожду, пока Его Величество закончит мессу, и пошлю его к вам после того, как мы с парикмахером поработаем с ним.

— Пусть он пойдет к Джорему, если меня не будет в моей комнате, — сказал Камбер. — Может, хоть это водейт в Синхила немного энтузиазма.

Келлен пожал плечами. Было очевидно, что он с сомнением относится к возможности вдохнуть энтузиазм в Синхила. Он махнул рукой, прощаясь, и пошел по коридору.

Камбер вернулся в галерею, но Синхил уже кончил мессу и вышел вместе с монахами. Со вздохом Камбер опустился к двери церкви и вошел туда. Райс ждал его, стоя возле алтаря.

— Ну, как он сегодня? — спросил Камбер. Райс покачал головой.

— Он не спал всю ночь, а его руки дрожали во время службы. Я думаю, он чувствовал, что это его последняя служба. Его отчаяние было таким сильным, что я ощущал его в воздухе чисто физически, как дым кадила, окружающий алтарь. Ты, вероятно, тоже ощутил это?

Камбер внимательно посмотрел на него.

— Я выходил в коридор, А что произошло?

184 — В общем ничего особенного, — ответил Райс.

Он взглянул на алтарь, затем на Камбера, лицо которого было очень спокойным.

— О чем ты думаешь, Камбер? Я не могу прочесть твои мысли, — прошептал Целитель.

Камбер медленно поднимался по алтарным ступеням.

— Я думаю, — сказал он, — что наш Синхил Халдейн, возможно, более значительный человек, чем мы думаем.

Он протянул руку к алтарю и распространил свои чувства, стараясь ничего не коснуться физически. Немного погодя он повернулся к Райсу.

— Райс, помоги мне, пожалуйста.

Целитель приблизился к нему и встал в ожидании, подняв в недоумении одну бровь.

— Поддержи меня своей силой, а я попытаюсь проверить все более внимательно, — продолжал Камбер. — Здесь есть что-то странное, чего я никогда не встречал раньше. И если причина этому — Синхил, то нас впереди ждет много интересного и необычного.

Он закрыл глаза и протянул руки над алтарем, стараясь войти в контакт. Райс стоял рядом. Рука его лежала на руке Камбера, как бы вливая силу в его разум и деля с ним ощущения, возникающие в нем. Наконец Камбер опустил руку. Лоб его был влажным от пота, глаза слегка затуманились. Он не твердо стоял на ступени алтаря. Камбер заметил, что руки юноши дрожат от напряжения, которое он только что испытал.

Когда Райс осмелился заговорить, в голосе его слышался благоговейный трепет.

— Сколько ты смог воспринять?

— Почти все, но, конечно, не с той интенсивностью. Ну, что ты об этом думаешь?

Райс промолчал, а Камбер покачал головой.

— Я тоже не могу сказать, что это. Нам нужно обсудить этот вопрос с остальными. Но если нам удастся воспринимать это даже тогда, когда Синхила нет рядом, неудивительно, что вам с Джоремом не удалось проникнуть сквозь его защиты, когда вы похитили его из аббатства. Я даже удивляюсь, что ты смог заставить его потерять сознание, когда мы впервые встретились с ним.

— Тогда я просто застал его врасплох. Он был возбужден, но о себе не думал, и его защиты были сняты, — ответил Райс.

— Сегодня во время службы защиты тоже были сняты. Он был очень возбужден, так как знал, что рано или поздно ему придется отказаться от своего пути священника.

Камбер покачал головой.

— Нет, не так. Просто в нем есть способность создавать защиты во время сильного напряжения, причем он сам не сознает этого. Представляешь, каких результатов можно достичь, если научить его управлять своими силами? Ведь он тогда сможет делать все, что делают Дерини, хоть он и человек... С таким могуществом он сможет быть королем и для людей, и для Дерини.

— Для Дерини? Но для этого ему нужно быть Дерини, — возразил Райс. — Лучшее, чего мы сможем ждать от короля-человека, — это терпимость к Дерини.

— Нет, подожди. Конечно, он не Дерини, Райс. Но он и не просто человек. Мы всегда считали, что наша раса выше человеческой, а может, она не выше, а просто другая. А в таком случае мы можем наделить Синхила могуществом Дерини.

— Но это невозможно...

— Конечно, сделать его настоящим Дерини невозможно, но можно наделить его могуществом и способностями Дерини. И ты должен признать, что если нам удастся это, то ему будет гораздо легче победить Имре.

Райс задумался, поджав губы.

— Я не думаю, что это возможно. Когда мы начинали, мы основывали нашу стратегию на поддержке людей, на том, что Синхил — последний живой представитель королей, трон которых был узурпирован династией Фестилов, что Синхил — человек, который выступит против Имре, являющегося символом жестокости Дерини.

— Но неужели ты не видишь, что может возникнуть другая опасность? — настаивал Камбер. — Если ты поднимешь людей против Дерини, то может начаться обратная волна преследований и убийств, подобных которым мы еще не видели. Но ведь только несколько Дерини ответственны за все то зло, которое было причинено за восемьдесят лет. Мы должны знать, что поднимаем восстание против одного Дерини — Имре и его помощников и прихлебателей, а не против Дерини как расы.

Райс тихонько присвистнул.

— Я понял, что ты имеешь в виду. Если Синхил будет королем-человеком и будет обладать могуществом Дерини, он может свергнуть Имре и восстановить правление Халдейнов с минимальным кровопролитием.

Камбер кивнул.

— Синхил, король-человек с могуществом Дерини, объединит наши расы, вместо того, чтобы разжигать межрасовые распри, репрессии одной расы против другой.

— А мы все время считали, что подготавливаем простой переворот, — наконец сказал Райс после того, как весь смысл сказанного дошел до него, — я всегда подозревал, что все не так просто, как кажется.

— Конечно, — согласился с ним Камбер. — Но подожди, я сейчас тебе расскажу, что еще совершил Имре.

ГЛАВА XVII

**Вдову, или отверженную,
или опороченную, или блудницу
не должен он брать; но девицу из
народа своего должен он
брать в жены.¹**

Но последнее деяние Имре, насколько могли знать Камбер и Райс, было мало похоже на предыдущие, хотя оказалось не менее жестоким и угрожающим.

Через четыре дня после уничтожения штаб-квартиры михайлинцев Имре посчастливилось схватить Хамфри Галларо — священника-Дерини Ордена.

Он был схвачен в монастыре Святого Неота, убежище гавриилитов, и под усиленной охраной немедленно отправлен в Валорет, причем в течение всего трехдневного пути ему не давали есть и спать. Через полчаса после его прибытия в столицу о пленнике доложили Имре. Король тут же покинул сестру и своих друзей, с которыми проводил время, и бросился в подвал, где находился священник.

Коул и Сантейр были уже здесь. Коул судорожно стискивал усыпанную драгоценными камнями рукоятку кинжала, подаренного ему Имре, а Сантейр тихо беседовал с капитаном охраны.

Сам пленник клевал носом в тяжелом дубовом кресле, а один из охранников, стоявший рядом, приводил его в чувство сильными толчками. Пленник тупо смотрел на влетевшего в

комнату Имре, и, когда охранники подняли его на ноги, королю показалось, что пленник потерял сознание.

Имре сделал знак охранникам, чтобы они отпустили руки священника. Тот пошатывался на ногах под пронзительным взглядом короля.

Хамфри Галларо не производил внушительного впечатления, как часто бывало с теми, кто избрал для себя религиозную жизнь, полную самоограничения и самоотречения.

По его внешнему виду и одежде можно было заключить, что он простой деревенский священник.

Имре с неудовольствием отметил, что Хамфри одет не в традиционную сутану михайлинцев. Очевидно, он пытался таким образом скрыться от солдат короля и от заслуженного наказания.

Однако по-настоящему оценить этого человека можно было по его глазам. Эти глаза спокойно встретили взгляд Имре, они были уверенными и спокойными, какими бывают только глаза тренированных Дерини.

Имре попытался считать его мысли, но это ему не удалось. С угрюмой улыбкой он предложил священнику сесть.

Король с благодарностью кивнул солдату, который тут же принес ему кресло. Король сел, в упор глядя на священника.

— Давай без формальностей. Ты — Хамфри Галларо, Дерини из Ордена святого Михаила. Хоть ты и одет по-другому. — Он не сводил глаз с Хамфри. — Кто я, ты, вероятно, знаешь.

— Ваша милость хорошо осведомлены.

Священник говорил подчеркнуто равнодушным тоном.

— Ты знаешь, зачем тебя привезли сюда?

— Я знаю только то, что ваши солдаты разрушили убежище в святом Неоте, чтобы схватить меня, — ответил Хамфри, — а также то, что мне не давали ни есть, ни спать все три дня со времени ареста. Могу я спросить, почему?

— Нет, не можешь. Скажи мне, разве михайлинцы всегда используют убежище гавриилитов?

— Конечно, нет. Просто настоятель монастыря святого Неота был моим духовным наставником до того, как я вступил в Орден михайлинцев. Я просил его о помощи.

— Ясно.

Имре долго изучал лицо священника.

— Я полагаю, ты скажешь, что ничего не знаешь о том, что твой Орден объявлен вне закона, что все твои братья скрылись в убежище, что я приказал разрушить все замки Ордена, пока ваш генерал-викарий не придет с повинной.

— Я скажу только, что ваши слова очень удивили меня, — мягко ответил Хамфри.

Имре смерил глазами щуплое тело священника, затем взглянул ему в лицо. Гнев искривил его губы.

— А ты знаешь, что ты будешь казнен как предатель?

Лицо Хамфри побледнело, руки, сжимавшие подлокотники кресла, напряглись, но его волнение больше ни в чем не проявилось.

— Я нахожусь под защитой церкви! — прошептал он.

— Коул!

Король повернулся к своему советнику, который молча стоял рядом и слушал. Коул выдвинулся вперед и скрестил руки на груди.

— Когда до архиепископа Энскома дошел королевский указ, он объявил, что все михайлинцы находятся под защитой церкви. Но, к несчастью для архиепископа и для любого михайлинца, попавшего в наши руки, мы не будем докладывать об этом Энскому. Он не будет знать об этом, как не знает, что ты, Хамфри, наш гость. И он никогда не узнает этого.

— Весьма прискорбно.

— Для отца Хамфри, конечно. Но если мы получим от него кое-какие сведения, то его можно будет выпустить...

Его глаза, устремленные на Хамфри, похолодели, когда он заметил на лице священника негодование. Он резко наклонился к михайлинцу, положив руки на подлокотники, и заглянул в суровые карие глаза.

— Не будь дураком, Хамфри, — прошептал он. — Я знаю, что михайлинцы прекрасно тренированы, но я из тех Дерини, кто не остановится перед применением силы, чтобы взять то, что мне надо. Я могу сломить тебя, если захочу.

— Делайте все что угодно, сир, — тихо сказал священник. — А я буду сопротивляться, если смогу. Я даю слово, что невиновен в какой-либо измене, но больше вы от меня ничего не добьетесь. Мой разум принадлежит мне и Богу. Он хранит тайны многих людей, но и сам король не сможет извлечь их отсюда даже под угрозой смерти.

— Понятно, — сказал Имре.

Он вздохнул, выпрямился и сел в свое кресло.

— Печать доверия. Очень удобно, но бесполезно. Сантейр, позови сюда Целителя. Я хочу быть уверенным в его физическом здоровье, прежде чем начну работать с его сознанием.

.. О работе с сознанием думали и в другом месте, но думали в плане мягкого внушения, а не воздействия грубой силой, так как разум, на который собирались воздейст-

зовать, был разумом Синхила Хаддейна. Его необходимо было убедить принять наследство своих предков и стать вождем своего народа.

Некоторый прогресс в этом деле уже был достигнут. Стройный элегантный человек, который подчеркнуто независимо стоял перед камином, мало походил на того перепуганного монаха, которого Райс и Джорем похитили три недели назад из аббатства святого Фоиллана. Он был одет в алый бархат, а аккуратно подстриженные борода и усы подчеркивали высокие скулы.

Сходство с его великим предком было поразительным. Даже сам Синхил, глядя на портрет Ифора, не смог сдержать трепета, когда его серые глаза встречались с серыми глазами древнего предка.

Он не верил в то, что является наследником королевской династии, но большой портрет, повешенный у камина, где Синхил не мог не увидеть себя, убеждал его в обратном. Все чаще он обращал взгляд на этот портрет, и даже молитвы не могли дать ему душевного успокоения.

Но хотя Синхил уже выглядел, как принц, вел он себя не по-королевски. Камбер с помощью Райса и даже Ивейн ежедневно работал с ним, стараясь пробудить королевскую волю, возбуждая дремавшие в принце силы. Однако Синхил был вежлив, но тверд.

Сегодня, в праздник Рождества, день обещал быть трудным вдвойне; каждый из пяти человек, находившихся сейчас в комнате, знал, что ждет их вечером.

Камбер решил, что настало время изменить направление разговора.

— Скажите, Ваше Величество, ваше молчание означает, что вы оправдываете действия нынешнего короля? — спросил Камбер, когда все возражения Синхила против женитьбы иссякли.

Синхил взглянул на Камбера и разразился потоком негодования и протестов, но, вспомнив, кто он, смиренно опустил голову.

— Я божий человек, — сказал он тихо, — я не могу оправдывать смерти невинных людей.

— Но вы поощряете их смерти, — сказал Джорем. Когда Синхил открыл рот для протеста, он добавил:

— ...своим бездействием.

Синхил снова повернулся к камину, заложив руки за спину.

— Меня не трогает то, что происходит в вашем мире. А вы не понимаете моей миссии на земле.

— Нет, это вы не понимаете, — поправил его Камбер. — Неужели вам не приходит в голову, что вы уже включились в жизнь внешнего мира, что многие люди страдают, потому что поверили в вас, в ваше земное предназначение.

— Мое предназначение? — спросил Синхил. — Нет, это вы меня выбрали. Я не просил, чтобы меня сделали королем. Я никогда не хотел ничего, кроме счастья остаться в одиночестве и жить в мире с самим собой.

— И вы можете жить в мире с собой теперь, — прошептала Ивейн, — когда вы знаете, что можете изменить мир, очистить его от скорби и страдания? И вы ничего не хотите сделать?

— Что вы можете знать об этом? — крикнул Синхил. — Разве я — не человек!? Разве мне не дано право жить той жизнью, которую я выбрал сам?

Камбер нетерпеливо улыбнулся.

— Если бы вы были моим сыном и говорили столь безответственно, я бы выпорол вас, несмотря на ваш возраст.

— Вы бы не осмелились! — твердо сказал Синхил. В голосе его прозвучала совершенно неожиданная повелительная нотка.

Камбер заметил это и постарался скрыть улыбку.

— Да, я бы не осмелился, вы правы. И в основном потому, что вы уже начинаете вести себя, как принц, хотя всячески стараетесь избежать этого. Неужели брат Бенедикт смог бы ответить так, как ответили вы?

Синхил, в голове которого теснились взбудораженные мысли, опустив голову, прошел к своему креслу и сел. Он не смотрел на Камбера и с большим усилием сдерживал руки, сложенные на груди.

— Мне очень жаль, простите меня.

— Простить вас за то, что вы поступаете так, как должны? Неужели вы не видите, что вы — принц Халдейн?! Вот в чем ваше предназначение, а не в судьбе брата Бенедикта, думайте о вашем монашестве как о временном убежище, где вы скрывались, пока не пришло время выполнить вашу великую миссию.

— Но...

— Принцы — это не просто люди, Синхил, у них есть обязательства перед народом. Они должны защищать народ от насилия. Ваши предки успешно занимались этим в свое время.

Ваш прапрадед, отец самого Ифора Халдейна, портрет которого висит здесь, даже при жизни был известен как святой Бэрэнд. И это вовсе не потому, что он провел всю жизнь в молитвах, хотя он, конечно, был богобоязненным человеком. Народ возблагодарил его за то, что он разгромил

свирепых завоевателей, муров, и сокрушил их мощь навсегда. Их легионы больше никогда не осмеливались пересечь Южное море и напасть на нашу страну. Вот за что он получил титул святого.

Синхил долго молчал, а когда наконец заговорил, в голосе его зазвучала горечь.

— Святой Бэрэнд. Очень мило. Но вы не требуете от меня чего-нибудь эффектного, например, разгромить жестокого врага. Нет, вы хотите, чтобы я прославился тем, что нарушил монашеские обеты и свергнул короля-Дерини, но мало шансов за это получить титул святого...

— Значит, вы хотите стать святым? — спокойно спросил Райс. — Не многие настолько самоуверенны и тщеславны, что надеются достигнуть такой степени совершенства.

Синхил вздрогнул, как от удара. Мириады эмоций отразились на его лице, он беспокойно заерзал в кресле, судорожно цепляясь за подлокотники и подыскивая правильные слова.

— Это совсем не так. Как мне убедить вас, что я хочу посвятить свою жизнь Богу? Отец Джорем мог бы меня понять, но...

В это время открылась дверь, и на пороге появился Элистер Келлен. Он незаметно остановился, чтобы не мешать говорить Синхилу.

— ...как будто вы находитесь в сфере мягкого золотого света, и этот свет защищает вас от всего, что может повредить вам. И вы знаете, что Он здесь, что Он рядом, — говорил Синхил, словно погружаясь в транс воспоминаний, — ваш разум свободно плавает в золотом свете, и вы...

Синхил говорил, и глаза его вдруг стали излучать сияние. Все пространство вокруг него засветилось бледным призрачным светом, едва различимым на фоне света горячего камина и пылающих свечей.

Камбер первым заметил это сияние и указал на него Райсу, в изумлении раскрывшему рот. Синхил продолжал говорить, но его слова уже не представляли никакого интереса для Камбера.

Лорд-Дерини сконцентрировал свои чувства и начал медленно приближаться к Синхилу, готовый войти в контакт, как только обнаружится брешь в защитных полях, а в том, что сейчас появилась возможность войти в контакт, Камбер был уверен.

В это мгновение Келлен кашлянул и привлек к себе внимание Синхила, который прервал свой монолог на полуслове и повернулся к викарию.

Камберу не удалось нащупать контакт, которого он так долго и тщетно добивался и к которому был так близок.

Синхил вскочил и поклонился генералу, а Камбер выпустил глубокий вздох, эхом отозвавшийся в мозгу Райса.

Джорем и Ивейн, казалось, не заметили ничего и оставались в стороне, хотя и в работе с Синхилом в это время была кульминация.

— Отец Келлен, — пробормотал Синхил. Келлен ответил поклоном.

— Ваше Величество... — Он перевел взгляд на Райса. — Леди Меган здесь, Райс. Мне кажется, вы, Камбер, должны объяснить ей, зачем она здесь, ведь мы пригласили ее от вашего имени.

Камбер со вздохом поднялся и кивнул, глядя на удивленного Синхила отеческим взглядом, хотя разница в возрасте составляла какие-нибудь десять-двенадцать лет.

— Ваша невеста прибыла, Ваше Величество. Я пришлю ее к вам немного позже.

— Моя невеста?! — прохрипел Синхил.

Лицо его посерело, будто ему не хватало воздуха.

— Леди Меган де Камерон, моя подопечная, — сказал Камбер, оценивая реакцию Синхила. — Она из расы людей, как и вы, красивая, здоровая девушка. Она будет для вас хорошей королевой и женой.

— Я не могу, милорд...

— Ваше Величество, вы должны! — ответил Камбер, не отводя от Синхила твердого взгляда. — Ивейн, Райс, пойдемте со мной. Меган будет не так одинока, если рядом с ней будет женщина. Ведь она впервые вдали от дома.

Он поклонился Синхилу.

— До свидания, Ваше Величество.

Повернувшись, он пошел за Келленом.

Когда они вышли, ошарашенный Синхил повернулся к креслам, стоящим кружком у огня. Он увидел Джорема, который сидел неподвижно, наблюдая за Синхилом.

— Вы еще здесь? — спросил Синхил.

Он понял, что сказал глупость: ведь и так было ясно, что Джорем здесь.

Чтобы скрыть свое смущение, он сел в кресло, пододвинул ноги к огню, задумчиво пробежал пальцами по крылу архангела Михаила, вышитого золотыми нитками на груди.

— Отец Джорем, неужели нет ничего, что могло бы смягчить ваше сердце? — наконец тихо сказал он.

— Это ваше сердце должно смягчиться, Ваше Величество, — ответил Джорем. — Ведь мечты и желания одного человека очень мало весят на весах жизни. А вы должны прекратить резню, убийства, восстановить мир и спокойствие в стране, которой правили и которую любили ваши предки. Мне кажется, что вам очень легко выбирать. Ведь не можете же вы, кто говорит, что принадлежит Богу, отвернуть сердце от своего народа, когда его угнетает и притесняет кровавая династия Фестилов?

— Это не мой народ, — прошептал Синхил.

— Нет. Ваш, — ответил Джорем. — Помните: «Я Божий пастырь и знаю своих овец, и овцы знают меня...»?

— Нет!

— «Я Божий пастырь и отдам жизнь за своих овец».

Синхил бросил отчаянный, полубезумный взгляд на дверь, за которой скрылись Камбер, Райс и Ивейн.

— Умоляю вас, отец Джорем, избавьте меня от этого. Я не могу. Вы знаете, какие обеты я принял. Вы один можете...

— Монах или принц, овца или человек — вы один можете остановить Имре, Ваше Величество.

— Умоляю вас, не делайте этого!

— Подумайте, Ваше Величество. — Он поднялся и направился к двери. — Когда, как не сейчас, вы можете совместить свой долг перед Богом и ваши обязанности перед его народом, перед вашим народом?! Разве есть здесь разница?..

— Я принял обет, — простонал Синхил. Джорем остановился на пороге и бросил горячий взгляд на Синхила.

— Накормите своих овец, — прошептал он. Он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Следующий час Синхил провел на коленях, отчаянно моля небеса послать ему ответ, что делать дальше. Но как он ни молился, ответа не было. Наконец, поняв, что все его молитвы не приносят успокоения, он поднялся на ноги и подошел к маленькому столу у камина. Дрожащими руками Синхил налил в бокал вина и жадно выпил его.

Скоро за ним пришлют, и он еще не знает, как поступить. Он только надеялся, что его невеста не окажется безобразной или глупой, если уж ей суждено быть его женой. Это слово потрясло его.

Он не хотел видеть ее, но ему придется встретиться с ней лицом к лицу в церкви.

Его заставят пройти через это. Он вспомнил слова, свои слова, и слова Камбера при расставании:

«Милорд, я не могу!» — «Ваше Величество, вы должны!»

И он с болью понял, что должен. Он должен. Было ясно, что они твердо решили идти своим путем, что они не согласны на меньшее, чем корона на его голове, его женитьба и свержение Имре с трона.

Он вздрогнул. Его мысли вернулись к тому могуществу Дерини, которым обладали его похитители. Они могут заставить его повиноваться, если он будет продолжать сопротивляться. Даже обычно терпеливый Камбер сегодня высказал нечто вроде угрозы.

Мысль о том, что он не властен над грядущими событиями, ненадолго успокоила его, так как это избавляло его от необходимости принимать решение самому, по крайней мере пока. Но затем он почувствовал, как в нем пробудилась другая, темная часть его существа, которую он считал похороненной много лет назад. Это очень смутило его.

Бойтся ли он гнева небес, который обрушится на него, если он нарушит свой монашеский обет? Или он боится того, что этот обет оказалось очень просто нарушить, что начал смотреть вперед, в новую жизнь, которую так живо и так соблазнительно показывают ему в последние недели? То, что он уже начал говорить, как принц, оказалось для него совершенно естественным и не требовало от него надлежащих усилий. Это привело его в такой ужас, которого он не испытывал никогда раньше.

И женитьба!..

Он налил себе еще бокал вина. К счастью, бокал был небольшой, и он выпил его.

Жениться на женщине, которую он никогда не видел, познать ее (тут ему не пришло в голову никакое другое слово, кроме привычного библейского термина, обозначающего греховное деяние по отношению к женщине), зачать потомство...

Он заметил, что рука его дрожит и он не может успокоить ее. Что ему делать?..

Ведь он совсем не о том думает, о чем должен думать человек сорока трех лет, никогда не знавший женщин. Женитьба — это дело молодых! Это безумие! Они сошли с ума!

За дверью послышался слабый звук. Он отвернулся и замер. Пауза — и вот он услышал легкие шаги в комнате. Он закрыл глаза. Он не хотел ее видеть. Он не мог заставить себя обернуться.

— Ваше Величество.

Голос был нежный, робкий и очень юный. Глаза

196 Синхила открылись, почти напряглись, но он, каза-

лось, прирос к месту и не может двигаться. Они прислали к нему ребенка, девочку. Не может же он жениться на ребенке.

— Я прошу прощения, Ваше Величество, но мне сказали, что я должна прийти сюда. Я — Меган де Камерон, я буду вашей женой.

Синхил опустил голову, тяжело оперевшись обеими руками о стол. Двусмысленность ситуации и его собственное идиотское положение поразили его, и он почти непроизвольно расхохотался.

— Они тебе сказали это, дитя? Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, Ваше Величество. — Она помолчала. — Прошу прощения, Ваше Величество, но, может, я что-нибудь не так поняла? Разве мы не поженимся сегодня вечером?

Синхил улыбнулся горькой улыбкой.

— Конечно, дитя. Но эта свадьба преследует только династические соображения и никакие больше. Ты будешь всего лишь королевской наседкой.

— Нет, Ваше Величество, я буду вашей королевой, — ответил юный голос.

Но странно, на сей раз он звучал совсем по-матерински, и в наступившей тишине его горький смех быстро затих.

Лицо Синхила сковала холодная маска. Он не мог понять, что заставило его выразиться так жестоко, причинить ей страдание. Он взглянул на свои руки и не увидел их.

— Если ты выйдешь за меня замуж, ты будешь матерью, либо королевой, либо предательницей, если мы, конечно, проживем так долго. Ты действительно хочешь рискнуть и выйти замуж за человека, который не может любить, как должен любить муж, за человека, который не принесет тебе ничего, кроме горя?

— Кто не может любить, Ваше Величество?

— Я священник, дитя мое. Разве тебе не сказали этого?

Наступила долгая тишина, а затем она сказала:

— Мне сказали, что вы — последний Халдейн, Ваше Величество, и что вы должны стать королем.

Голос был тихим, и в нем чувствовались готовые прорваться наружу слезы.

— Мне сказали, что я должна рискнуть всем, даже жизнью, чтобы восстановить династию Халдейнов и покончить с кровавой династией Фестилов. И я решилась. — Она всхлипнула. — Но если в вашем сердце нет места для любви, то я лучше умру девственницей, чем нелюбимой женой, хотя бы даже самого Господа.

Синхил застыл от такого святотатства. Он услышал шаги девушки, бежавшей к выходу, и, резко обернувшись, успел заметить копну золотых волос, красивую руку, закрывавшую дверь, и соблазнительную ямочку под коленом, открывшуюся взгляду, когда ее платье взметнулось вверх в ее стремительном беге. Дверь оглушительно хлопнула и задрожала, когда она с силой закрыла ее. Он остался один, непроизвольно протягивая руки к двери, за которой она исчезла.

Ее слова ранили сердце Синхила.

Он рванулся за ней, желая извиниться, объяснить, что он вовсе не король, а простой монах, что он никогда не хотел быть королем или даже принцем, но затем все его старые страхи и сомнения отлетели прочь. Но было уже поздно.

Как старик, он опустился на скамью у стола, рука его беспомощно повисла вдоль тела.

Он положил голову на стол и заплакал горькими слезами. Он оплакивал свою потерянную молодость, потерянную судьбу, самого себя, девушку, имени которой он не мог даже припомнить, и всех остальных, которые борются за него, страдают за него и умирают за него.

Когда они пришли сюда через несколько часов, чтобы подготовить его к свадьбе, они нашли его неподвижным.

ГЛАВА XVIII

Возвещу определение. Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя.¹

В канун Рождества, архиепископ Энском Тревасский закончил молитвы в соборе Всех Святых в Валорете и направился в свои покои, где собирался молиться в одиночестве, пока не придет время для первой Рождественской мессы.

Он, как всегда перед Рождеством, хотел уединиться и подумать о прошедшем годе, о своих успехах и неудачах в этом году.

Он уже был у своих дверей, как вдруг из тьмы коридора выступила чья-то тень.

— Вы слушаете мою исповедь, святой отец? — спросил странно знакомый голос.

Энском поднял повыше свечу и попытался проникнуть взором сквозь мрак, окружавший лицо человека, но понял, что это не просто — мрак был слишком густым. Этот человек в серой сутане с капюшоном был Дерини. Его голова была закутана магической вуалью, которая скрывала его лицо и искажала голос, однако архиепископ не ощутил ни в голосе, ни в самом присутствии этого человека ни угрозы, ни опасности.

Таинственный посетитель был другом, хотя архиепископ не мог узнать его.

Энском был более заинтригован, чем встревожен. Он опустил голову в знак согласия и, пропустив в комнату таинственного посетителя, старательно закрыл за ним дверь.

¹ Псалтирь 2:7

Энском подошел к месту для исповеди, зажег свечу, достал шарф, коснулся его губами и накинул на шею. Затем он повернулся к незнакомцу, а тот откинул капюшон, и взору архиепископа открылось давно знакомое и любимое лицо, обрамленное седыми волосами.

— Камбер! — выдохнул он и тепло обнял друга. Когда они отстранились друг от друга, не выпуская рук, Энском прошептал;

— Я все время думал о тебе, когда узнал, что брат Кайрил... Но что ты здесь делаешь? Ты же знаешь, что король приказал арестовать тебя?

— Но ты меня не выдашь? — возразил Камбер с улыбкой, показывающей, что вопрос был чисто риторическим. Энском, улыбнувшись, тронул свое облачение.

— Это не позволило бы мне совершить предательство, даже если бы я захотел. Ведь я обещал хранить молчание, что бы мне ни сказали.

— Я прошу большего, чем молчания, Энском, — сказал Камбер. — Я прошу помощи.

— Ты же знаешь, что все получишь от меня, — ответил Энском. — Скажи, что тебе нужно, и я сделаю все, что могу.

— Меня обвиняют в измене, — тихо сказал Камбер.

— А ты — изменник?

— С точки зрения Имре — да. Но факты говорят другое. Если ты согласишься пойти сейчас со мной, то я буду рад представить тебе их.

— Пойти с тобой? Куда?

Камбер опустил глаза.

— Я не могу сказать этого. Я могу сказать только, что ты пойдешь через свой Портал, что ты будешь в полной безопасности, и что я не буду настаивать на твоей помощи, если ты сам решишь иначе, узнав все факты.

Он взглянул на друга.

— Но ты можешь довериться мне. Я не могу открыть места, куда мы пойдем, даже тебе.

— Остальные тоже там?

— Ивейн, Джорем, Райс и некоторые другие.

— Райс? Но он...

— Я бы не хотел обсуждать это здесь, если ты не против. Ты пойдешь со мной?

Энском колебался, борясь с желанием задать несколько вопросов Камберу, затем кивнул.

— Если тебе это нужно, я пойду. Сколько времени это займет?

— Несколько часов. Ты можешь распорядиться, чтобы тебя кто-нибудь заменил?

Архиепископ поднял бровь.

— В праздник Рождества? Ты же знаешь, мне нужно служить праздничную мессу.

— Для нас будет большая честь, если ты откажешься от этой обязанности ради нас, — спокойно сказал Камбер. — Потом ты поймешь, почему.

Энском долго смотрел на друга, читая важность просьбы, затем попросил его зайти за перегородку.

Когда Камбер скрылся, архиепископ подошел к стене и дернул шелковый шнур. Через несколько минут раздался стук, и в комнату вошел монах в черной сутане.

Он увидел, что архиепископ сидит на постели с весьма усталым и нездоровым видом.

— Ваша милость, что случилось?

— Мне нехорошо, — слабым голосом ответил тот. — Будь добр, попроси епископа Роланда заменить меня на полуночной мессе.

— Полуночная месса? Конечно, ваша милость. Может, я могу помочь вам чем-нибудь? Может, послать за аптекарем или Целителем?

— Нет, это не нужно, — пробормотал Энском. Он лег на постель и тяжело вздохнул.

— Наверное, я что-то съел. Помолюсь и постараюсь уснуть. К утру все пройдет.

— Хорошо, ваша милость, — сказал монах с сомнением в голосе. — Если вы уверены...

— Уверен. Теперь иди, и пусть меня не беспокоят, ясно?

— Да, ваша милость.

Не успела закрыться дверь, как Энском вскочил с постели и подошел к укрытию Камбера. Тот усмехнулся, увидев лицо архиепископа.

— Не напомнило ли это вам уловки двух монахов в Греко-те? Однако те времена были повеселее нынешних.

— Но я надеюсь, что мы стали лучше с тех пор, — заметил Энском. — Ну, что дальше?

— Теперь к вашему ближайшему Порталу.

— Ты стоишь перед ним, — ответил Энском. Он подтолкнул Камбера вперед и встал рядом.

— Что я должен делать?

— Открой свой разум для меня и позволь мне проникнуть в него. Я обещаю тебе дать всю информацию, как только мы будем на месте.

— Но я все равно не буду знать, где мы окажемся, — фыркнул Энском с ехидцей. Он сложил руки на груди и выпрямился. — Я все понимаю, но хочу напомнить, что я вижу тебя насквозь, Камбер Мак-Рори, — сказал он, закрывая глаза. — Пусть будет так, мой друг.

Камбер хмыкнул и положил руки на виски архиепископа.

— Откройся для меня.

И они исчезли...

Энском открыл глаза и в изумлении повернулся к Камберу

— Это же несерьезно, — прошептал он. — Наследник Халдейнов здесь? Это его вы похитили из монастыря святого Фоиллана? Камбер, ты сошел с ума! Вы обречены!

— Нас поддерживают очень многие, — спокойно сказал Камбер. — И даже наш Халдейн уже начал верить в возможность и необходимость победы. К несчастью, его моральные принципы все время находятся в противоречии с его династическим долгом. Ваша помощь будет именно тем, что поможет ему решиться на последний шаг.

— Ты хочешь, чтобы я благословил его?

— Я хочу, чтобы ты подтвердил законность его происхождения и объявил его законным принцем Гвиннеда. Кроме того, его нужно обвенчать с моей воспитанницей. Ты сделаешь это?

— То, что ты просишь...

— Я знаю, что прошу. Если твоя совесть не позволяет тебе сделать это, я отпущу тебя, как и обещал. Мы сделаем все с отцом Келленом.

— Элистер Келлен! Генерал-викарий Ордена святого Михаила! Он здесь?!

Камбер кивнул.

— Он был с нами с самого начала. Но первым, кто нащупал след к принцу, был Райс Турин. Келлен может сделать все, о чем я прошу, но это будет менее весомо.

Энском выпрямился во весь рост и с негодованием взглянул на Камбера.

— Я запрещаю Элистеру Келлену делать это. И если это должно быть сделано, то это сделаю я.

— Ты сделаешь? — спросил Камбер, скрывая усмешку. Он понял, что уловка удалась, и он поймал своего высокопоставленного друга в западню тщеславия и ревности.

— Это имеет право сделать только архиепископ Валорета, — величественно провозгласил Энском. — Удостоверять законность короля, производить венчание и коронование королей Гвиннеда — это моя священная обязанность.

Если последнее пока сделать нельзя, то сегодня я выполню две первые свои обязанности.

— Хорошо, — просто сказал Камбер. Он отвернулся, чтобы архиепископ не видел торжествующей улыбки на его лице.

— Теперь пойдем, я представляю тебя нашему принцу.

А жених в это время очень не хотел идти под венец.

— Отец Джорем, я умоляю вас, не надо заставлять меня. Я не могу жениться. Я нарушу все свои обеты и буду проклят навеки.

Джорем, уже частично одетый, чтобы служить на венчании, сложил руки и молил Бога, чтобы тот послал ему терпение.

— Ваше Величество, поверьте, я понимаю ваши колебания.

— Мои колебания?

Синхил покачал головой и начал быстро ходить по комнате. Его сверкающий серебром свадебный наряд развевался при его порывистых колебаниях.

— Нет, не колебания, а отказ. Вы обещаете, что отец Келлен освободит меня от всех обетов, но я давал обет не ему, а главному викарию моего Ордена и Богу. Даже сам архиепископ...

— Пусть архиепископ говорит сам за себя, — сказал Камбер, входя в комнату.

С ним вошел человек, которого Синхил никогда раньше не видел.

— Я хочу представить его милость архиепископа Валорета Энскома Тревасского. Ваша милость, Его Королевское Величество принц Синхил Донал Ифор Халдсйн.

Синхил при этих словах вздрогнул, повернулся и с изумлением уставился на худого человека в пурпурной сутане, стоявшего рядом с Камбером.

Человек, которого Камбер представил как архиепископа Энскома, ласково смотрел на принца. Он поклонился Синхилу, прежде чем протянул ему перстень для поцелуя.

Вся решительность Синхила испарилась, он рухнул на колени и, со всхлипыванием схватив руку Энскома, прижал ее к губам. Он распростерся у ног архиепископа.

— Помогите мне, умоляю, ваша милость! — бормотал он. — Я не могу сделать этого! Они настаивают, чтобы я нарушил свои обеты и вернулся в мир. Я боюсь, отец! Я не знаю их мира!

Энском с состраданием положил руку на голову Синхила и знаком приказал остальным оставить их одних.

— Я понимаю ваши страхи, сын мой, — прошептал он, когда все ушли, — и скорблю вместе с вами, что

вам приходится пить эту чашу страданий. Но мы живем в трудные времена, и каждый из нас обязан приносить жертву.

Синхил поднял голову, в его глазах стояли слезы.

— Вы говорите, чтобы я подчинился им, что я должен нарушить свои обеты, как они требуют, и принять корону, которую они предлагают?

— Иногда очень непросто идти тем путем, который предназначен нам, Синхил, — мягко сказал Энском. — Но тот, кто хочет идти по истинному пути, слушая голос Бога, должен понимать, что он не способен выполнить все, возложенное на него Богом. И поэтому он должен выбирать тот путь, на котором он может принести наибольшее благо Богу и его народу!

— Но я посвятил Ему всю свою жизнь! Я служил Ему больше двадцати лет и готов отдать всю оставшуюся жизнь!

— Я знаю, сын мой! — Энском кивнул. — Вы хорошо служили ему. Но теперь он требует от вас жертвы. Каждый из нас может делать что-то лучше других, и он хочет, чтобы вы сделали то, что можете сделать только вы. Ведь это не случайно, что в такие смутные времена он позволил спастись от смерти одному из Халдейнов и прожить ему в мире и безопасности до тех пор, пока не настало время выполнить возложенное на него.

Искра сомнения мелькнула в глазах Синхила, устремленных на худое лицо Энскома.

— Значит, вы утверждаете, что у меня нет выбора? Что моя судьба связана с тем, что задумал Камбер?

Энском покачал головой.

— Что задумал не Камбер, сын мой, Камбер просто услышал глас Господа. И он может выполнить Его волю, если вы поможете ему. Но если вы откажетесь, ответственность за гибель многих людей падет на вашу голову. Выбор в ваших руках, но вы должны учесть все обстоятельства.

— Ваша милость, как можете вы так поступать со мной? — прошептал Синхил. — Вы не лучше, чем они. Вы играете на моих чувствах, как хороший музыкант. Вы очень хорошо знаете, какие струны дергать. Это не хорошо.

— С вашей точки зрения — да, — согласился Энском. — Но мы просто люди, Синхил. Мы можем только слушать свой внутренний голос и помнить, что мы должны жить и делать то, что нам предначертано. Моя совесть чиста, сын мой, а ваша?

Синхил не мог на это ничего ответить.

Откинувшись назад, он закрыл лицо руками и заплакал,

Горькие слезы просачивались между пальцами. Он знал, что отказаться не имеет права.

Архиепископ, проницательный судья человеческих судеб, опустился возле него на колени, обнял его за плечи и прижал к себе, давая возможность, выплакаться.

Потом они вместе молились.

За полчаса до полуночи на галерее сидели две женщины, по очереди заглядывавшие в церковь. Они ждали момента, когда им можно будет войти. В церкви собрались все обитатели убежища: семейство Мак-Рори, священники, рыцари-михайлинцы.

Вся церковь была освещена громадным количеством свечей. Факелы, закрепленные на стенах, бросали веселые отблески на колонны, на сводчатые потолки, окрашенные золотом, на алтарь. У алтарных ступенек расстился роскошный ковер. Все было подготовлено к грандиозному празднику.

В ожидании первой рождественской мессы алтарь был украшен хвойными ветками и самыми лучшими драгоценностями, какие только нашлись в кладовых. Однако, казалось, сам воздух был пропитан какой-то неуверенностью, тревогой. Все ждали появления короля. Но по крайней мере невеста была уже здесь, и это еще больше сгущало напряжение.

Меган де Камерон, воспитанница графа Кулдского, а в недалеком будущем принцесса Гвиннеда, немного оправилась от первой встречи со своим женихом, но усталость и напряжение уже наложили на нее свой отпечаток.

От возбуждения она не могла ничего есть с самого момента прибытия сюда в полдень. Ивейн старалась успокоить девушку, но все ее заверения, что все будет хорошо, все ее утешительные слова были гласом вопиющего в пустыне. Однако Ивейн понимала, что Меган должна была бы нервничать даже в том случае, если бы обстановка не была такой тревожной.

Ивейн думала о том, как Меган и Синхил будут относиться друг к другу, если эта свадьба состоится, хотя никакой гарантии, что это произойдет, не было.

Райс рассказал ей, в каком состоянии духа оставлен Синхил после того, как его подготовили к торжественной церемонии, и о неожиданном появлении архиепископа. Она думала, удастся ли Энскому убедить Синхила.

Меган говорила, что Синхил даже не взглянул на нее во время их встречи.

Ивейн понимала, что это очень обидело Меган. Со своей стороны, она считала, что Синхил много потерял от этого — Меган была очень хороша: среднего роста, но очень стройная, с большими, слегка раскосыми глазами, с чуть вздернутым очаровательным носиком. Меган двигалась с не-

принужденной грацией, в ней поражала восхитительная смесь женского кокетства и девической наивности. Она была создана для того, чтобы околдовать и пленить робкого, замученного угрызениями совести Синхила.

Она была одета в серебряное платье, как положено принцессе и невесте, ее роскошные светлые волосы были украшены цветами розмарина и остролиста. Всего этого было достаточно, чтобы околдовать любого принца, во всяком случае, обыкновенного. А вот сможет ли она вскружить голову принцу, который хочет быть монахом?..

Это чудесное воздушное создание робко взглянуло на Ивейн, вертя серебряный шнур дрожащими пальцами.

— О, все это бесполезно, — прошептала она. — Я ему не нужна. Он вовсе не хочет жениться, и я боюсь, что не понравлюсь ему.

— Дай ему время, Меган, — сказала Ивейн, положив руку на плечо девушки. — Он боится, как и ты, даже больше, ведь он никогда не думал жениться, а ты...

Она шутливо коснулась носа девушки.

— ...Ты была объектом обожания мужчин с самого рождения, начиная с твоего отца, упокой, Господи, его душу. Для тебя никогда не было вопроса — выходить замуж или нет, вопрос состоял только в том, когда и за кого.

— Но он сказал, что эта свадьба преследует только династические цели, что я буду всего лишь «наседкой», — прошептала она.

Ее глаза были полны слез.

— Он это сказал?

Ивейн безуспешно старалась скрыть гнев и негодование в голосе. Ей хотелось схватить принца за плечи и даже дать ему хороший пинок под зад, невзирая на то, что он принц.

— О, я не думаю, что он хотел унижить меня, — поспешно добавила Меган, — он просто выплеснул всю горечь, которая накапливалась в нем очень долго.

— Конечно.

— Я понимаю, чего ему стоит жениться на мне, — продолжала Меган. — Для того, чтобы избавить его от страданий, я отказалась бы от него, но ради счастья многих людей я готова выполнить свой долг. Ведь если бы не я, на моем месте оказалась бы какая-нибудь другая девушка. Я понимаю это.

Она безнадежно вздохнула, а Ивейн внимательно посмотрела на нее.

— Мне кажется, что ты полюбила его, — сказала она спокойно, и Меган вздрогнула. — Я угадала?

Меган кивнула с несчастным видом, а Ивейн улыбнулась ей.

— Я знаю, трудно любить и не быть любимой. Но Бог внушит ему любовь к тебе.

— Тебе просто говорить, ведь лорд Райс безумно любит тебя, — прошептала Меган. — А я получу только корону, да и это тоже не наверняка. Ведь мы можем и проиграть.

— Но ты же ему будешь необходима, разве ты не понимаешь? — спросила Ивейн. — Ему нужна нежная, любящая жена, а не соседка по постели. Жена должна уметь успокоить его, когда ему тревожно, ведь он во многих отношениях младше тебя, Меган. И ему предстоит нести тяжелую ношу. Помоги ему нести ее.

— Но я боюсь.

— И я тоже. Все время, — мягко ответила Ивейн. — Но если мы не будем поддерживать наших мужей в их тяжелой борьбе, на что нам надеяться? Подумай о тех, кому сейчас приходится рисковать жизнью. Ты сказала, что я счастлива тем, что у меня есть Райс. О, как ты права. Но он каждый день подвергается грозной опасности, и я могу каждый день потерять его. И все же я не мешаю ему делать то дело, которое он должен делать. И я знаю, что он все время помнит обо мне, а он знает, что я постоянно помню о нем, и это облегчает нам обоим жизнь. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Немного.

Меган засмеялась сквозь слезы. Высморкавшись, она спросила:

— Ивейн, ты сделаешь то, о чем я попрошу тебя?

— Если смогу.

— Обещай, что ты не покинешь меня, когда я стану королевой. Мне будет так одиноко одной!

— О, Меган!

Ивейн притянула девушку к себе, и они обе заплакали, но вдруг в церкви послышался шум, и девушки бросились к своему наблюдательному пункту, чтобы видеть происходящее вблизи.

Наступила полночь. Рождество. Двери церкви широко распахнулись, и появился большой крест.

Девушки знали, что сегодня будет праздноваться не только Рождество.

Монахи и рыцари-михайлинцы пели:

«Господь сказал своему сыну: — Ты Мой сын и сегодня день, когда зачал тебя...»

Звуки древнего псалма заполнили церковь, гулким эхом отражаясь от высокого сводчатого потолка. Энском вел процессию.

Джорем и Келлен шли рядом с бледным, но величественным Синхилом.

За ними шли сыновья Катана, неся на бархатных подушечках серебряные короны. Мальчики встали рядом со своим дедом, широко раскрытыми глазами наблюдая за происходящим.

Архиепископ Энском поднялся на алтарь. Синхил, Джорем и Келлен низко поклонились, встали на колени у нижней ступеньки и склонили головы. Лицо Синхила было спокойным и бесстрастным, хотя было видно, что ему очень трудно это даётся.

Когда молитва кончилась, архиепископ опустил на три ступеньки. Его митра и одеяние сверкали в пламени свечей. Джорем и Келлен, оставив Синхила одного, подошли к Энскому.

— Кто достаточно смел, чтобы приблизиться к алтарю Господа? — торжественно провозгласил Энском.

Побелевший Синхил поднялся на ноги и нервно поклонился. Все его самообладание исчезло, когда пришло время говорить слова согласно древнему этикету.

— Ваша милость, это я... — он проглотил слюну. — Синхил Донал Ифор Халдейн, сын Элроя, внук Эйдана, правнук короля Ифора Халдейна и последний из Халдейнов. — Он помолчал, стараясь справиться с дыханием, — Я пришел, чтобы заявить свое право на престол.

— А какие у тебя доказательства, что ты — законный наследник королей Гвиннеда и, следовательно, принц Гвиннеда?

Райс, одетый в зеленый плащ, выступил вперед и протянул свернутый пергамент.

— Ваша милость, вот церковные записи о рождении принца Синхила и его отца Элроя. Хотя в листах записаны вымышленные имена, которые Халдейны были вынуждены использовать, чтобы скрыться от кровожадных Фестилов, я клянусь, что Даниель Тряпичник — дед принца Синхила — на самом деле принц Эйдан, законный сын Ифора Халдейна, последнего из королей династии Халдейнов.

Джорем взял Библию, и Райс возложил на нее свою руку.

— Клянусь своим даром Целителя, посланным мне свыше, я говорю правду, и пусть Господь лишит меня этого дара, если я лгу.

Райс и Джорем поклонились друг другу, и Райс

Мак-Рори с серебряной короной на бархатной подушечке. Джорем протянул Библию, Энском взял корону и положил ее на открытые страницы.

— Встань на колени. Синхил Халдейн, — сказал он твердо. Синхил повиновался.

— Синхил Донал Ифор Халдейн, — провозгласил архиепископ, держа руки над склоненной головой принца. — Я удостоверяю, что ты — законный принц, наследник Халдейнов в изгнании. — Так как не в моей власти восстановить тебя на троне, который по праву принадлежит тебе, я возлагаю на твою голову эту корону как свидетельство твоего королевского сана.

Он взял корону и держал ее над головой принца

— Я буду постоянно молиться о том, чтобы когда-нибудь я смог возложить на твою голову настоящую корону, и пусть она всегда напоминает тебе о твоём долге перед народом.

С этими словами он надел корону на голову Синхила, поднял его с колен и поклонился ему.

Синхил ответил на поклон и посмотрел на Камбера и Райса. Затем он снял корону и снова опустился на колени.

— Ваша милость, я принимаю эту корону, и вместе с ней я принимаю обязательства, которые она накладывает на меня. Но я раньше принял монашеские обеты, которые могут помешать мне с честью выполнить мой долг.

— Ты желаешь, чтобы я освободил тебя от твоих обетов?

— Не для себя, а для пользы своего народа, — еле слышно пробормотал Синхил. — Я — последний из династии, и если я уйду от ответственности, мой народ будет и дальше страдать под пятой тирана. Я хотел бы остаться монахом, но вы меня убедили, что я с большей пользой буду служить Богу, если приму свое право на корону и освобожу свой народ от кровавых завоевателей, восстановив правление династии Халдейнов.

— Мы благодарим тебя за прежнее бескорыстие в службе и освобождаем тебя от монашеских обетов властью, данной нам от Бога.

Когда архиепископ произнес слова освобождения, на галерею вышла Ивейн. Она вела за собой испуганную, но решительную девушку. Они спустились по лестнице. Одетая в серебряное платье девушка опустила глаза, страшась встретиться взглядом своего жениха.

Все взгляды были прикованы к ней, когда она шла к алтарю, и она поклонилась всем присутствующим. Принц, стоявший справа от алтаря, не отрывал глаз от распятия на большом нагрудном кресте архиепископа.

Он боялся взглянуть на девушку.

Когда все его обеты были сняты, наступила та часть церемонии, которая страшила его больше всего. Он отдался полностью в руки людей, делал то, что ему говорили, отвечал на традиционные вопросы, которые они задавали, и вдруг поймал себя на том, что произносит слова клятвы при венчании, и красивый женский голос слева от него повторяет те же самые слова.

— Меган де Камерон — единственная дочь лорда и леди Корнхэм и воспитанница графа Куддского. Мне исполнилось пятнадцать лет в январе этого года. Я по доброй воле вступаю в брак с благородным принцем Синхилом Доналом Ифором Халдейном, наследником трона Гвиннеда, и называю принца Синхила своим мужем до самой своей смерти. И без колебаний и боязни вручаю ему свою судьбу.

В руке Синхила появилось маленькое золотое колечко, и он надел его на палец этой незнакомой девушки, его жены.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

Потом Синхил с трудом вспомнил, как архиепископ соединил их руки, накрыл их шарфом и произнес слова благословения.

Началась месса.

Ему казалось, что они приняли причастие. Впервые в жизни он не запомнил это столь важное событие, потому что сразу после этого ему приказали снять венок из розмарина с головы Меган и распустить ее волосы. Они обрушились вниз сверкающим золотом, ароматным водопадом, который смог остановиться только у талии. Это так действовало на Синхила, что он чуть не уронил серебряную корону, которую должен был надеть на нее.

И только когда он был в своей комнате, а она — в своей, к нему вернулась способность ясно мыслить.

Спустя несколько минут к нему пришел Джорем, который помог ему переодеться, а затем оставил его одного, угрюмо стоящего перед камином в теплом меховом халате.

Он опустился на колени перед алтарем в углу комнаты и попытался читать молитвы.

Слова молитв приходили к нему какие-то чужие, ничего не означавшие. Они не принесли ему покоя. Синхил дрожал, стоя на коленях, и не знал, сколько времени уже прошло. Потом за ним пришли...

Стук в дверь оторвал его от бессмысленного блуждания в мире беспорядочных мыслей, факельный эскорт повел его в брачные покои. Двери покоев распахнулись перед ним, и он увидел архиепископа Энскома, опрыски-

вающего брачное ложе святой водой. Бледное испуганное лицо выглядывало из-под мехового покрывала. Оно утопало в копне уже знакомых ему пшеничных волос.

Синхил нерешительно вошел в комнату.

Архиепископ поклонился ему и благословил святой водой. Он доверительно коснулся плеча принца и вышел из комнаты. За ним последовали слуги, служанки и все остальные. В комнате остались только молодожены.

Синхил проглотил слюну и с большим интересом стал рассматривать пол под ногами. Наконец он отважился бросить осторожный взгляд на девушку в постели.

К его удивлению, она боялась не меньше его. Он подумал, неужели у него такой же испуганный вид, и быстро отвернулся.

— Миледи, — прошептал он. Голос с трудом повиновался ему. — Вы знаете, какую жизнь я вел. Я никогда не знал женщин.

Он замолк и осмелился взглянуть, в ее глаза. На него смотрели глубокие голубовато-зеленые озера — человек мог утонуть в них, и он уже не сумел бы отвести взгляд, даже если бы захотел.

— Значит, мы с вами в одинаковом положении, милорд, — прошептала она уже не так испуганно, как раньше, — ведь я тоже никогда не знала мужчин. Но вы теперь мой муж. — Она протянула к нему руку. — А я — ваша жена. Идите ко мне, и мы вместе поучимся этому искусству.

Постель была широкой, а она лежала по середине, и, чтобы взять ее нежную руку, — а он знал, что он должен взять ее, ему очень хотелось этого — ему надо было преодолеть несколько шагов расстояния, отделявшего его от постели. Он сделал это.

И когда они смотрели в глаза друг другу, она взяла его руку, поднесла к своей щеке и прижалась к ней. Он очень удивился, обнаружив, что щека ее мокра от слез, и затрепетал, почувствовав чудесную мягкость ее губ на своей ладони.

Решив, что он очень испугал ее, Синхил повернулся к ней, и вскоре другая его рука уже гладила ее волосы, вытирала слезы. Затем она коснулась своей рукой его лица, его бороды. Пальцы ее пробежали по кончикам усов, коснулись губ, и он нежно поцеловал ее.

* * *

Рано утром к ним зашел Камбер и увидел, что они мирно спят в объятиях друг друга. Вся их одежда была

беспорядочно разбросана, халат Синхила, скомканный, лежал на полу.

Когда Камбер выходил из комнаты, на его губах играла улыбка. Он произнес молитвы благодарности тому святому, который осенил это брачное ложе в часы блаженства молодых супругов. Кто бы ни был тот святой, он хорошо сделал свое дело.

ГЛАВА XIX

**И посадили его под стражу,
доколе не будет объявлена им
воля Господня.¹**

Дни собирались в недели, а недели — в месяцы, и вот наступила весна, обещавшая начало новых событий. Укрытые в тайных убежищах, изгнанники не видели признаков наступившей весны — распустившихся деревьев, зеленых лугов.

Но жизнь пробуждалась не только в природе. Жизнь зарождалась и в чреве той, кто, возможно, скоро станет королевой Гвиннеда. Архиепископ Энском вернулся в убежище, чтобы отслужить мессу Благодарения.

Теперь все ожидали рождения королевского наследника и находились во временном бездействии. Нельзя же было рисковать жизнью Синхила во время переворота, пока не родится наследник, так что новая зима должна была наступить еще при правлении Имре.

Однако для Синхила эта весна не стала порой радости. Испуганный, замученный угрызениями совести, он погрузился в изучение богословия, избегая постели своей молодой жены и держась от нее подальше.

Хотя Райс сказал ему, что у него будет сын и что ему стоит только дожидаться октября, чтобы получить живое доказательство этому, Синхил выкинул все это из головы и наглухо забаррикадировался защитными полями. Они могли заставить его стать принцем и даже королем, но самому Синхилу это было не по душе. Но он все же был близок к тому, чтобы снять свои

¹ Левит 24:12

защиты, в тот день, когда служил свою последнюю мессу, и в день перед свадьбой, когда он вдохновенно говорил о своем призвании священника. Но он сдержался и даже отказался принять в себя могущество Дерини, которое ему предложили.

Однако в нем все же что-то изменилось.

Хотя Синхил не общался с Камбером и с остальными больше, чем требовалось, он иногда разговаривал с Ивейн. Все началось после ее свадьбы на двенадцатую ночь после Рождества.

Джорем в присутствии Камбера и остальных благословил брачный союз. Хотя Синхил был приглашен вместе с Меган и пожелал счастья молодым, он сразу же после церемонии удалился в свои покои. Он был гораздо бледнее и спокойнее, чем обычно, и, как он впоследствии признался сам, он не ощущал праздничного настроения.

Свадьба Ивейн поразила Синхила, поразила так же, как его собственная, и позволила Ивейн установить с Синхилом новые отношения. Если до замужества Ивейн существовала возможность — во всяком случае, со стороны Синхила, — что между ними могут установиться достаточно тесные отношения, то теперь, когда Ивейн произнесла свадебную клятву Райсу, такая возможность исчезла навсегда. Но Синхил не понимал, что теперь открылась возможность других отношений, в некотором роде даже более интимных, чем просто физическая близость, — единение разумов и душ.

Теперь они встречались почти ежедневно. Иногда при этом присутствовали Райс или Джорем, но чаще они были вдвоем. Они уютно располагались у горящего камина, Синхил рассказывал о своем детстве, об отце и деде, а иногда — о своей жизни в монастыре, чего он никогда раньше не делал, особенно в разговорах с женщинами.

Ее реакция удивляла его, он поражался тому пониманию, которое она проявляла, когда он описывал свое общение с Богом, и это удивляло его не потому, что она была женщиной — он знал, что женщины сыграли огромную роль в становлении религии, без них, возможно, религии бы и не существовало, — но его поражало, что светский человек может так приблизиться к религиозному экстазу, который он испытывал.

Он всегда был уверен, что такие глубокие чувства — прерогатива тех, кто полностью посвятил себя Богу и имеет к этому призвание.

И Ивейн после того, как вышла замуж, наверняка не имела такого призвания: она посвятила себя служению Райсу, а Райс никак не был Богом.

В конце концов он приписал это влиянию ее брата-священника, с которым она была близка. Но затем он обнаружил, что Ивейн духовно близка не только с братом, но и с мужем. Синхил долго размышляла — простое ли это совпадение или же это свойственно им потому, что они — Дерини, а Дерини существенно отличаются от людей.

Синхил внимательно рассмотрел свои чувства и решил, что эти отличия вовсе не делают Дерини чуждыми ему. Это тоже поразило его, но и это он решил выбросить из головы.

* * *

Поворотный пункт в их отношениях наступил в конце марта.

Синхил пришел в церковь, где молилась Ивейн, и почувствовал такое умиротворение вокруг нее, такое единение с Ним, с Господом, что чуть не опустился на колени в благоговейном трепете.

Вдруг она ощутила его присутствие, а может, она все время чувствовала его, открыла глаза и посмотрела на него. Вокруг нее вспыхнуло ощущение святости, и Синхил не осмелился заговорить с ней, пока они не вышли из церкви.

И даже в коридоре отвечал он только односложными словами, пока они не пришли в его кабинет и Синхил не закрыл за собой дверь.

Он чувствовал, что должен спросить ее о том, что видел, но не мог подобрать слов.

Когда Ивейн устроилась у камина, Синхил заметил в ее руке маленький желтый камень. Она бессознательно играла им, лаская пальцами гладкую поверхность. И тут Синхил понял, что должен спросить.

— Что это у вас, миледи?

— Это?

Ивейн удивленно посмотрела на камень.

— Это называется ширал. Его находят в горах Кирни. Отец подарил мне этот камень, когда я задала ему такой же вопрос, как вы сейчас.

Ивейн с улыбкой протянула ему камень. Синхил повертел его в руках, любуясь игрой света в зеркальных гранях.

— Это просто игрушка? — спросил он немного погодя. — Мне кажется, что вы его все время носите с собой, хотя я не обращал на это внимания. Должно быть, он что-то значит для вас?

Ивейн опустила глаза, соображая, много ли видел Синхил, и решила провести эксперимент.

— Конечно, Ваше Величество. Во-первых, потому, что мне подарил его отец, но есть и другие причины. Хотите, я покажу вам то, что показал мне отец, когда я спросила его о камне?

Его взгляд устремился на кристалл, лицо напряглось, пальцы судорожно сжали камень, но он справился со своими чувствами и поднял глаза на Ивейн.

— В ваших словах не содержится ничего особенного, миледи, но все же у меня возникло какое-то странное предчувствие. Можно ли мне видеть это?

Она ласково улыбнулась, стараясь успокоить принца. Ивейн знала, что, передавая ей камень, он что-то ощутил, хотя и не знала, что именно.

— Вам не нужно бояться, Ваше Величество. Как не нужно бояться любому, кто прикасается к грозному божеству, находящемуся в добром расположении духа, — тихо проговорила Ивейн.

Она старалась подбирать слова, которые он способен понять.

— В кристалле самом по себе не содержится ни добра, ни зла, хотя он и обладает могуществом. Но каждый должен приближаться к нему с почтением и четким пониманием того, что он хочет сделать. Тогда может возникнуть связь с чем-то высшим, может быть, с Богом.

Она передернула плечами, кристалл поблескивал в ее ладони. Синхил наклонился и пристально посмотрел в ее глаза.

— Связано ли это с тем, что я только что видел в церкви?

— Кристалл не был причиной, но он, возможно, сделал эффект сильнее, — мягко ответила она. — Это всего лишь одна из его милостей, которую можно использовать.

Синхил глубоко вздохнул, не отводя глаз.

— Покажите мне, — прошептал он.

Слегка наклонив голову, Ивейн села прямо, опершись о подлокотники кресла и держа камень кончиками пальцев, как делал ее отец.

Вглядываясь в его туманную глубину, она медленно вдохнула, выдохнула и окружила кристалл всеми своими чувствами. Сначала в глубине камня вспыхнул маленький огонек, будто в нем отражался огонь камина, но затем весь кристалл начал светиться.

Все еще находясь в легком трансе, Ивейн повернулась к Синхилу. Кристалл пульсировал холодным прозрачным светом между ними.

— Это я нашла фокус, точку контакта, — прошептала она. У нее было абсолютно бесстрастное лицо.

— Но это только начало. Отсюда я могу пойти...

Она замолчала и провела рукой перед глазами. Свет в кристалле задрожал и умер. Синхил сидел выпрямившись, его охватывала тревога, он не понимал, что происходит.

— Что случилось? — спросил он, легонько касаясь ее руки. Ощувив прикосновение, но боясь ответить, Ивейн покачала головой и улыбнулась, глядя в кристалл. Затем она повернулась и посмотрела ему в глаза.

— Ничего, — успокоила она Синхила, — просто трудно говорить и в то же время концентрироваться, — солгала она. — Лучше я отвечу, когда вернусь в нормальное состояние.

— Значит, все это ненормально?

— Это нормально для Дерини или, лучше сказать, не ненормально.

Она засмеялась.

— Ширал помогает сосредоточиться. Много можно использовать как фокус для концентрации, но ширал лучше всего. Ведь он показывает свечением, когда вы достигнете наивысшего уровня сосредоточения. Для фокусировки можно использовать что-нибудь яркое — перстень, стекло, луч солнца, но можно обойтись и без этого, хотя физические предметы помогают тем, кто недостаточно опытен.

— Значит, вы используете его для фокусировки? — повторил Синхил. — Это вы делали в церкви?

— Да, я работала с ним, но...

Она бросила на него хитрый взгляд, зная, что он уже готов задать вопрос, к которому она подводила его последние пять минут.

— Ваше Величество, вы хотите сами попробовать? Я думаю, что он не отзовется на человеческие излучения.

— Но я хочу попытаться, — взмолился Синхил. Он попался на удочку, даже не заметив этого, Ивейн молча опустила кристалл в его ладонь, и Синхил сел в свое кресло с торжествующим огнем в глазах. Он взял кристалл, старательно подражая ей, и пристально уставился на него, всеми силами желая увидеть в нем свет. Но ничего не получилось.

Немного погодя он сжал в руке камень и взглянул на Ивейн.

Его тяжелое дыхание было слышно по всей комнате. Ивейн видела, что он страстно желает овладеть этим искусством.

— Покажите мне, как.

Его хриплый шепот прозвучал командой, и Ивейн кивнула. Она придвинула кресло поближе к Синхилу.

— Вы должны точно следовать моим указаниям, — предупредила она.

Ивейн коснулась его руки, привлекая внимание.

— Я не давала людям пользоваться кристаллом, но он не принесет вам вреда. Я говорила, что он обладает могуществом.

— Я буду делать то, что прикажете вы, — сказал Синхил. Глаза его блестели, взгляд был требовательным.

— Я хочу, чтобы вы смотрели в кристалл, — сказала Ивейн. Она заметила, что в камне вспыхивает и пропадает огонек.

— Смотрите в кристалл и полностью очистите свой разум. Пусть для вас все исчезнет на время, кроме моего голоса, который введет вас в мир камня и будет охранять. Сконцентрируйтесь в камне всю свою волю, и пусть мой голос будет вашим проводником. Представьте, что ваша внутренняя энергия струится с кончиков пальцев и заполняет всю кристаллическую решетку. Вы не должны видеть ничего, кроме огня в кристалле, не должны слышать ничего, кроме моего голоса, и вы сольетесь с ширалом в одно целое, войдете в него.

Она тихо говорила нараспев, и внимание Синхила полностью переключилось на кристалл, его дыхание стало глубоким и медленным, черты лица разгладились.

Ивейн очень осторожно, чтобы не нарушить хрупкий баланс, который только что сформировался, распространила свои чувства к нему и ощутила, что его сопротивление тает, сознание расправляется. Он входил в транс. Он уже вошел в транс. Ивейн закрыла глаза и медленно направилась к нему, осторожно обходя островки его сохранившегося сознания.

Она ощущала, как эти островки расступаются перед ней, как его защиты тают, растворяются.

Ивейн осторожно проникла в его разум и отключила некоторые блоки, оставила некоторые команды, ввела некоторые новые связи. Она стремилась сделать только то, что останется незамеченным Синхилом, когда он вернется в мир реальности.

Ивейн убедилась, что внешняя часть его разума находится в строгом порядке, впрочем, она об этом догадывалась и раньше: Синхил был на удивление цельной натурой. Но входить глубже Ивейн не решилась, так как транс был легким, и она не хотела лишиться доверия принца. Тем не менее семена были брошены, и они должны были дать плоды.

Ивейн знала, что в такое состояние его всегда можно вернуть, и тогда можно будет попытаться проникнуть поглубже.

Ивейн осторожно вышла, стирая все следы своего пребывания, и медленно открыла глаза.

Она увидела невидящие глаза Синхила, спокойное лицо, и вдруг взгляд ее упал на кристалл, зажатый между пальцами.

Он светился!

Слабо и прерывисто, но он светился!

Едва сдержавшись, чтобы тут же не вскочить и не вскрикнуть, она начала говорить тихо и нараспев, постепенно выводя его из транса, возвращая в сознание.

Ресницы Синхила затрепетали, руки слегка вздрогнули, когда он возвращался в реальность, свет в кристалле потускнел и умер, но все же Синхил успел заметить его и понять, что он сам сотворил его.

Синхил заморгал, вздохнул, затем осторожно положил кристалл на ручку кресла. Он не решился встретиться с ней глазами.

— Я действительно видел это, или мне показалось? — наконец спросил он.

Он не слышал ничего и не отрывал взгляда от камня.

— Да, Ваше Величество, вы действительно сделали это.

Тогда он с мольбой поднял на нее глаза.

— Я знаю, что не должен просить, но нельзя ли мне подержать камень у себя хоть недолго. Я должен повнимательнее познакомиться с ним.

— Что вы почувствовали? — спросила Ивейн. Она знала ответ на этот вопрос, но она знала, что он ждет этого вопроса.

— Я не знаю. Странную умиротворенность, как будто время остановилось.

Он повернул свои серые глаза к ней и продолжал:

— Можно, я возьму его? Пожалуйста!

— Хорошо. Но с одним условием. Вы не должны ничего делать с ним, если меня не будет рядом.

— Конечно.

— Дайте ваше королевское слово, — настаивала она. — Или лучше — слово монаха?

Он поднял кристалл, посмотрел на него с благоговением и, кивнув со вздохом облегчения, встал и положил камень в маленькую шкатулку. Синхил закутался в халат, потер глаза, зевнул и повернулся к ней.

— Я прошу прощения, но почему-то я чувствую себя очень уставшим. Мне кажется, что я должен отдохнуть.

— Да, работа с кристаллом требует много сил. — Она поднялась и взяла его под руку. — Позвольте, я помогу вам лечь.

Через полчаса Ивейн уже рассказывала Камберу, Райсу и Джорему о случившемся.

Лицо Камбера светилось гордостью за свою великолепную дочь. Когда она кончила свой рассказ, Джорем радостно хлопнул в ладоши, а Райс громко поцеловал ее. Камбер сел в кресло и налил всем вина.

— Мы выпьем за Ивейн, — сказал он, подавая всем бокалы. — Выпьем за то, что она сделала. Это еще никому из нас не удавалось. Она проникла сквозь защиты принца без всякой борьбы. Теперь нам все ясно. Мы можем войти в его разум и сделать то, что требуется, а он ничего знать не будет, пока не придет время. За Ивейн!

— За Ивейн! — повторили Райс и Джорем и выпили. Они долго говорили в этот вечер, оценивая информацию, принесенную Ивейн, выдвигая различные предположения, строя планы.

На следующий день, когда Синхил закончил свои ежедневные занятия и пообедал, Ивейн опять пришла к нему. Он, видимо, ждал ее и, не теряя времени, сел с ней рядом, как только она заняла свое привычное место у камина.

— Я не трогал его со вчерашнего дня, — он взял камень в руку. — Когда я проснулся сегодня, сначала я рассердился на вас, что вы взяли с меня слово, но потом понял, что здесь замешаны какие-то могущественные силы, с которыми мне опасно иметь дело одному, и лучше идти к этому постепенно. Я вчера устал ужасно.

— Так всегда бывает, когда приобретаешь какие-то новые силы, даже среди нас, Дерини. — Она засмеялась. — Но утром-то вы встали отдохнувшим?

— Да, в своей постели. Я даже разделся. — Он смущенно опустил глаза. — Я даже не помню, как я там оказался.

— Когда я уходила, вы были очень утомлены, Ваше Величество. Я попросила отца Джорема прийти и помочь вам. Надеюсь, вы не очень гневаетесь на мое вмешательство?

— Конечно, нет.

Он опустил глаза и рассматривал свои руки в течение некоторого времени — очевидно, он получил некоторое облегчение после ее объяснения. Он снова взглянул на нее.

— Могу ли я попытаться еще раз? — спросил Синхил.

— Сядьте прямо и расслабьтесь. — Она улыбнулась, проведя кристаллом перед его глазами. — Когда я вложу кристалл в ваши руки, вы уснете.

Глаза его закрылись, дыхание стало глубоким, он погрузился в крепкий сон.

Вдохнув, она протянула руку и коснулась его лба, подчиняя его своему контролю. Затем Ивейн поднялась и выпустила в комнату Камбера, который сел на ее место рядом со спящим принцем.

Она ощущала присутствие своего отца, и ей было очень спокойно от того, что он был рядом, когда она проникала в разум Синхила.

Она исследовала разум Синхила почти пятнадцать минут, Камбер был вместе с ней, он проник в разум Синхила, не вступая в прямой контакт. Наконец она вышла и покачала головой, чтобы избавиться от остаточных эффектов очень глубокого транса. Синхил спал, не подозревая о их присутствии.

Камбер улыбнулся, слегка коснулся губами лба своей дочери, и спокойно вышел из комнаты. Немного погодя Ивейн привела Синхила в то легкое состояние транса, которого Синхил достиг сам, без ее помощи, в первый раз.

Как и в первый раз, камень слабо светился. Она сделала несколько вдохов, чтобы успокоиться.

— Синхил, слушай меня, только мой голос, — сказала она тихо, — и слушай, что я скажу. Ты сейчас находишься далеко, но можешь слышать меня, и ты можешь делать, что я скажу. Ты можешь увидеть свечение кристалла? Ты можешь отвечать?

Губы Синхила дрогнули, и с них сорвалось едва слышное «да».

— Как только я коснусь твоей руки, открой глаза. Ты будешь оставаться далеко, ты будешь оставаться в контакте с кристаллом, но ты сможешь видеть и реагировать. Это реально, и ты можешь это сделать. Ты понял?

Он еле заметно кивнул.

— Хорошо.

Она коснулась его руки.

— Открой глаза и скажи, что ты видишь.

Он повиновался, его длинные ресницы медленно поднялись, глаза, похожие на озера расплавленного серебра, остановились на кристалле. Некоторое время не было никакой реакции на его спокойном лице, но затем на нем появилось подобие улыбки, и она поняла, что он видит.

— Он светится, — пробормотал он. Голос его был слабым и невыразительным, но все же в нем чувствовалось удивление.

— И это сделал я?!

— Да.

Она снова коснулась его руки.

— Пришло время возвращаться. Но помни, что ты видел. Приходи отдохнувшим и расслабленным. Ты все сделал хорошо.

Его ресницы затрепетали. Он выходил из транса. Свет в кристалле потускнел и погас. Но на этот раз, когда Синхил вернулся в реальный мир, на губах его играла улыбка. Он крепко сжал кристалл в руке, долго смотрел в огонь, как бы вновь переживая то, что видел, повернулся к Ивейн и улыбнулся.

Улыбка была счастливой, удовлетворенной. Ивейн впервые увидела такую улыбку на его лице.

— Вы все помните? — спросила она. Он кивнул.

— Это было прекрасно. И это сделал я?

— Это сделали вы. — Она засмеялась. — Это, конечно, не означает, что вы уже можете входить в контакт с камнем без меня, но вы сделали большие успехи. Я думаю, вы теперь видите, что это не так уж сложно. О, Синхил, если вы будете помогать нам, то мы сделаем вас таким королем, какого еще не видел мир!

Он сразу отвернулся, и Ивейн поняла, почему он стал замкнутым, осторожным. Но тем не менее на сей раз его защиты были не так высоки и прочны, как раньше.

Она ушла, оставив его размышлять над тем, что он ощутил сегодня. Синхил долго сидел и смотрел на кристалл, но в контакт с ним он входить не собирался: ведь он же дал слово.

Теперь они работали с кристаллом почти ежедневно, пока Синхил не научился входить и выходить из транса без посторонней помощи. Затем она позволила ему использовать камень во время молитвы. Она не говорила ему, что он уже приобрел такой опыт, который позволит ему обходиться без камня. И теперь он уже не казался таким несчастным оттого, что ему пришлось отказаться от жизни монаха.

Но он все еще не хотел быть королем, и в интимные контакты с прелестной Меган он тоже старался не вступать, избегая их при любой возможности. Эта часть его династического долга была ему совсем не по душе.

Но его обучение проходило очень успешно, хотя он совсем не подозревал этого. Его работа с кристаллом была бесценна с точки зрения дисциплинирования его разума и раскрытия потенциалов энергии, свойственных ему от рождения.

* * *

очень много спорили о том, сколько можно сказать Синхилу, когда сказать, какие силы пробудить у него, так как следовало выбирать менее опасные для него самого и для его непоколебимого мировоззрения.

Они выбрали день Рудемас для передачи могущества.

Ранним вечером, еще до ужина, в покои вошли Камбер, Ивейн и Райс.

Синхил сидел в кресле у камина, положив ноги на мягкую подушечку (видимо, он все же ценил некоторые стороны жизни королей), в руках он держал ширал. Он думал о нем, но в данный момент камень был только средством занять руки, а не сфокусировать сознание. Он был голоден и очень удивлен, что ему ничего не несут.

Стук в дверь, следовательно, не застал его врасплох, хотя он удивился, увидев на пороге трех человек, легким знаком он позволил им войти и указал на кресла перед камином.

— А я решил, что мне принесли ужин, — сказал Синхил, усаживаясь в свое кресло.

Наконец они все устроились. Ивейн села на свое обычное место слева от Синхила, Райс — на ручку его кресла, Камбер — слева от Ивейн.

Так как все молчали. Синхил смущенно склонил голову и заерзал в кресле.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, все идет так, как и должно идти, Ваше Величество, — ответил Камбер. — Пришло время нам серьезно поговорить. Причем нужно, чтобы разговор был коротким.

— Почему коротким? Вечер только что начался, и у меня бездна времени.

— Нет, у вас будет работа, — спокойно ответил Камбер. — Именно об этом мы и пришли поговорить.

— Боюсь, я не понимаю, о чем вы говорите.

Синхил выпрямился и положил руки на подлокотники. Ему не понравилось вступление Камбера.

Он посмотрел на Ивейн, надеясь увидеть какой-нибудь намек на то, о чем идет речь.

Но рука протянулась к его лбу, и Синхил понял, что, если эта рука коснется его, он уснет. Синхил рванулся в сторону, пытаясь избежать этого, но было уже поздно.

— Спи.

Это было все, что он услышал.

Синхил почувствовал какую-то легкую вибрацию и головокружение. Эти ощущения были ему знакомы по работе с кристаллом. Он, словно сквозь туман, нащупал

его в руке, но на этот раз не ощутил приятного чувства власти над кристаллом. Синхил закрыл глаза и обмяк в кресле. Он не мог бороться с тем, что обрушилось на него.

— Теперь слушай меня, — донесся издалека голос Ивейн. Это был единственный звук во всей Вселенной. — Ты не можешь сопротивляться нам физически. Можешь открыть глаза, но ты будешь повиноваться нам. Посмотри на меня, Синхил.

Он открыл глаза и посмотрел на нее, но очень вяло, замедленно. Повернув голову, он посмотрел на остальных и увидел, как Камбер поднялся, подошел к нему и, положив руки на подлокотники кресла, заглянул в его глаза. Синхил не мог уйти от этого взгляда.

— Откройся мне. Синхил, — сказал Камбер, мастер Дерини. Синхил понял, чего они от него хотят, что намереваются сделать.

Он продолжал сопротивляться, напрягая все свои мысленные силы, но тщетно.

Они вели его в церковь по темным каменным коридорам, а он не мог ни бежать, ни кричать, ни вырваться из их рук.

Двери охранялись молчаливым рыцарем-михайлинцем. Келлен! Синхил узнал его сразу. Монах держал в руке обнаженный меч.

Когда они приблизились, Келлен нажал на странно сверкающую ручку двери, дверь распахнулась, и Келлен почтительно поклонился, когда они проходили мимо.

Дверь закрылась за ними, и Синхил долго оборачивался назад, чтобы бросить последний взгляд на эту дверь, отрезавшую ему путь к бегству.

Но он не мог бежать. Он шел туда, куда его направляли. И вот он уже стоял спокойно и не сопротивляясь в самом центре помещения, уже знакомого ему по венчанию. В свете лампад и двух высоких алтарных свечей он увидел Джорема, появившегося откуда-то из полутьмы и поднимающегося по алтарным ступенькам.

Священник встал на колени и долго стоял, погруженный в молитву. В полутьме видны были только его светлые волосы, сутана и шарф. Затем он встал, повернулся к Синхилу, и в руке у него вспыхнул факел. Священник передал факел сестре, а сам повернулся к алтарю и подсыпал ладана в дымившуюся кадильницу. Синхил не видел Камбера и Райса, но знал, что они где-то поблизости.

На расстоянии нескольких футов от Синхила, на полу, в медных подсвечниках стояли три новые свечи, Ивейн
224 направилась с факелом к одной из них. Синхил

вспомнил, что, когда шел сюда, прошел мимо четвертой свечи — значит, он сейчас стоит в центре квадрата, образованного этими свечами. Это повергло его в панику.

Он сказал себе, что причина для тревоги существует, и попытался вспомнить, почему это так пугает и тревожит его. Но разум отказывался помочь ему.

Ивейн зажгла свечу у алтаря и двинулась к следующей, прикрывая пламя факела рукой, чтобы его не задуло порывом ветра.

Вся атмосфера в церкви была пропитана присутствием Дерини, как будто здесь был кто-то шестой, невидимый и грозный, его холодный палец касался разума Синхила, и принц почувствовал, что он замерзает, что этот холод, давящий на него, испускают толстые каменные стены и пол.

Джорем поставил какой-то предмет, как показалось Синхилу, закрытую чашу, на пол у первой свечи и подал Камберу что-то завернутое в шелковый платок. Этот предмет был небольшой и хрупкий — Камбер осторожно держал его, и Синхил почувствовал, что не может отвести взгляда от этого предмета.

Ему показалось, что время остановилось, что он смотрит на мир чужими глазами.

Ивейн зажгла следующую свечу и пошла дальше мимо него.

— Опуститесь на колени, пожалуйста.

Это был голос Райса, и Синхил подчинился без всякого сопротивления.

Теперь он видел, что в руке Камбер держит большой рубин, размером с ноготь человека. Рубин был вделан в оправу из золотых когтей.

— Этот камень называется Глаз Цыгана, — послышался спокойный голос Райса, в то время как руки Целителя что-то делали с мочкой его правого уха. — Легенды говорят, что он упал со звезды в ночь рождения нашего Спасителя, и волхвы принесли его в дар младенцу. Правда это или нет, неизвестно, но семейство Мак-Рори владеет им уже двенадцать поколений. Мы придали этому камню некоторые свойства, которые будут полезны для вас сегодня вечером.

Райс передал Камберу что-то серебряное и взял у него из рук рубин. Алый огонь проплыл в сознании принца. Снова Синхил почувствовал руку Райса и понял, что тот проткнул ему мочку уха.

Синхил попытался представить, как будет выглядеть с серьгой.

— Ну вот, готово, — сказал Райс.

Он отстранился, с расстояния взглянув на свою работу, и коснулся плеча Синхила.

— Теперь можете подняться.

Синхил поднялся и отключился от всего на несколько секунд. Слабый музыкальный звук вернул его обратно, и он увидел, что Ивейн закончила круг, погасила факел, и теперь брат брызгает на нее святой водой и окуливает ладаном.

Когда он закончил, Ивейн поклонилась, и Синхил не мог понять, чему: Джорему, алтарю или свече у алтаря; девушка осталась впереди, спиной к нему, и склонила голову.

Джорем, раскатывая дымившуюся кадильницу, пошел по тому же кругу. Сладкий дым окутал все вокруг него, и Синхил услышал, что Джорем распевает двадцать третий псалом, Синхилу показалось, что он вдруг начал слабо светиться.

Затем Синхил, должно быть, потерял сознание на время. Очнувшись, он увидел Джорема, окутивавшего всех, кто стоял в круге: Камбера, стоявшего слева, Райса, стоявшего справа, и Ивейн, которая стояла на краю круга с непокрытой чашей в руках.

Синхил услышал звук — это Джорем поставил кадильницу на пол. Затем он прошел к Ивейн, взял из ее рук чашу, и Синхил весь напрягся, когда брат и сестра направились прямо к нему. Он боялся, сам не зная чего.

Чаша была наполовину наполнена вином. Странно, но он не мог припомнить эту чашу, хотя ему были хорошо известны все предметы для богослужения в этой церкви.

— Полагаю, вы заметили, что это не та чаша, которую мы обычно используем здесь во время службы, — сказал Джорем, очевидно, заметив его недоумение. — Для этого есть причины, которые вы поймете немного позже. Вино самое обыкновенное, церковное, но пока не освящено. Я говорю об этом, чтобы вы не подумали, что здесь вершится какое-то святотатство. Если бы мы этого хотели, то делали бы все это не здесь. Теперь можете задавать вопросы.

Немного подумав, он начал спрашивать, хотя уже понимал, что ответы на большинство своих вопросов он знает.

Слова Джорема разморозили язык Синхила. В его сознании теснились десятки вопросов.

— Что вы здесь только что делали?

— Это — охрана. Об этом вы узнаете в свое время. Это просто защита от вторжения извне, что могло бы помешать тому, что мы будем сегодня делать. Все, что находится внутри круга, защищено очень надежно.

— Есть опасность в том, что вы делаете?

— Опасность всегда есть, — тихо сказал Камбер. — Мы хотим уменьшить ее до минимума при помощи специально разработанной процедуры. Поверьте, если бы был хоть малейший риск для вас, ничего этого не было бы.

— Но что вы хотите сделать со мной? — спросил Синхил.

— Мы хотим дать тебе силы и средства, чтобы выстоять в борьбе с Имре.

— Но...

— Хватит, Синхил.

Камбер коснулся его руки, и Синхил снова онемел.

— Джорем, объясни принцу, чего мы ждем от него.

Джорем кивнул.

— В чаше находится вино, но оно скоро изменится. Конечно, не физически, хотя оно станет более горьким. Однако почему оно изменится, я не могу пока тебе объяснить. Это похоже на то, что происходит во время богослужения, хотя это вовсе не освящение вина, которое тебе известно. Оно...

Он замолчал и посмотрел на отца, который остановил его кивком головы.

— Это все не важно для вас, — спокойно заговорил Камбер. — Немного погодя Джорем попросит вас произнести несколько слов. Неважно, верите вы или нет этим словам, но вы должны их произнести, и все, что мы хотим сделать, будет сделано, так что ничего трудного нет.

— А после этих слов? — прошептал Синхил. Он знал, что должен повиноваться, независимо от того, какой получит ответ.

— После этого вы выпьете вино, — сказал Камбер. — Что должно случиться, то случится.

С этими словами Камбер подошел к Синхилу слева, а Джорем занял такую же позицию справа. Принц почувствовал, что Ивейн зашла сзади. Подол ее платья коснулся его ног. Райс с улыбкой, которая должна была подбодрить Синхила, повернулся к алтарю.

Несмотря на это, Синхил ужасно перепугался.

Он понял, что это начинается, а он не в силах уклониться, избежать этого. Глубоко вздохнув, он постарался успокоиться, попытался снять напряжение, которое сковывало его, и очень удивился, заметив, что у него получилось. Послышался какой-то шорох, затем голос Ивейн, прозвучавший в ледяном безмолвии, окружавшем их.

— Мы находимся вне времени и вне пространства. Сделаем то, что указали нам наши предки; соединимся вместе и будем едины.

Все опустили головы.

— Именем твоих апостолов Матфея, Марка, Луки и Иоанна, именем всех святых ангелов, всеми силами Света и Тьмы, мы умоляем: защити и сохрани нас от всех опасностей, о Всемогущий! Так это было, так это есть и так будет вовеки веков. Аминь!

— Аминь! — повторили все хором.

Синхил почувствовал, что его губы тоже произнесли: Аминь.

Затем все перекрестились и снова стояли в ледяной тишине.

Наконец Райс повернулся к принцу. Его золотые глаза были слегка затуманены, напоминая Синхилу солнце в темной воде. Джорем с поклоном протянул ему чашу, и Райс поднял ее до уровня глаз перед Синхилом.

Рука его поднималась над чашей, не касаясь ее.

— Я призываю могущественного архангела Гавриила, вестника, принесшего благую весть нашей деве Марии. Пошли свою мудрость в эту чашу, чтобы выпивший ее получил власть над Водой.

Затем чаша перешла в руки Камбера. Знатный лорд был угрюм и мрачен, как ночь. В четвертый раз рука его простерлась над чашей, могущество Дерини вступило в игру.

— Я призываю могущественного архангела Уриила, ангела смерти, который уносит все души в Нижние страны. Его силы призываю в эту чашу, чтобы тот, кто выпьет ее, мог повелевать силами Земли.

Движение руки, и над чашей появилось облако белой пыли; Камбер протянул чашу Синхилу.

Она была влажной, скользкой и холодной, над облаком играло прозрачное голубое холодное пламя. Туман висел над вином, ставшим более темным. Синхил почувствовал, как ледяной страх пронизал все его тело, он страшился слов, которые, он знал, сейчас придется произнести ему.

— Возьми чашу, Синхил, — приказал голос Джорема. — Держи ее перед собой и повтори то, что я скажу.

Дрожащий Синхил смотрел на свои руки, которые протянулись и взяли из рук Камбера холодную, скользкую, влажную чашу.

Почти произвольно он поднял чашу таким жестом, как будто делал это бесчисленное количество раз, правда, очень давно.

Он понял, что то, что он видит, что он собирается сделать, ничуть не менее угодно Богу, чем любое богослужение, которыми он занимался всю жизнь до этого.

Эта мысль успокоила его, и он стал самим собой впервые за этот странный вечер. Чистым ясным голосом он повторил за Джоремом знакомые слова:

— Защищай нас, Господи, от всякого зла и ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь.

— Аминь, — повторили четыре Дерини.

Затем его руки поднесли чашу к губам, и он понял, что должен выпить ее.

Чаша была насыщена могуществом, он чувствовал, как оно посылает ему ладони, как могучие волны прокатываются по всему телу.

Вино оказалось холодным и горьким. Он почувствовал, как ледяная жидкость достигла желудка, как огонь пробежал по его венам, как яркий свет вспыхнул перед глазами.

Сильный порывистый ветер пронесся у него в сознании, гоня перед собой стену ледяной воды, вспышки молний озарили светом бездонные пропасти его разума. И боль, жуткая боль, такая сильная, что он не мог сдержать крик.

Он почувствовал, как чаша выскользнула из его рук, услышал, как она покатилась по ковру. Но он ослеп, оглох и рухнул в пучину.

Его разум корчился в беззвучном крике ужаса.

Все поглотил мрак.

ГЛАВА XX

**Послушай нас, господин наш;
ты князь Божий посреди нас;
в лучшем из наших погребальных
мест похорони умершую твою;
никто из нас не откажет тебе
в погребальном месте,
для погребения
умершей твоей.¹**

Носле всего, что случилось, он еще один день и одну ночь пролежал, точно мертвый. Райс пристально следил за его состоянием, а остальные, не в силах скрыть тревоги, толпились поблизости. Когда на второе утро он наконец распахнул глаза, все они уже были здесь, с беспокойством глядя на него, и на устах их теснились десятки вопросов, которые они не смели задать вслух.

Но он не помнил ничего или только сказал, что не помнит, и он не ощущал в себе никаких новых сил или способностей. А откуда им взяться?

Теперь они не могли проникнуть в его сознание, они снова потеряли возможность контролировать его.

Если Синхил и получил могущество, то он ничего не сказал им об этом, а может, и никогда не скажет. Может, он очень разгневан, что они так поступили с ним, а может, их попытка закончилась неудачей и ничего не произошло, кроме того, что их будущий король впал в бессознательное состояние?

Пока он не решит заговорить об этом, нет возможности узнать правду.

Им оставалось только ждать рождения наследника короля и надеяться.

Лето прошло. В самом государстве все репрессии Имре против михайлинцев прекратились после того, как его солдаты разграбили и сожгли все деревни, примыкавшие к одному из монастырей Ордена. Если бы Имре не остановился, ему пришлось бы бороться с восстанием народа.

Но если гнев михайлинцев угас к концу лета, то активность вилимитов не прекращалась.

Распространяя слухи о живом наследнике Халдейнов, небольшие банды вилимитов делали по ночам свою мрачную работу: они казнили тех Дерини, чьи преступления остались без наказания. Наконец дело зашло слишком далеко, принц Термод Рорау был убит вилимитами, и Имре уже не мог больше игнорировать это движение.

Это сумасшествие распространилось даже за пределы Гвиннеда, до самого Келдура, где могущественные лорды-Дерини сохраняли в своих руках огромную власть. Разгневанный Имре решил настигнуть убийц и покончить с ними раз и навсегда.

Королевские войска под предводительством славного графа Сантейра действовали против крестьян более успешно, чем против михайлинцев. Ведь за семь месяцев интенсивных поисков членов мятежного Ордена было схвачено, и то случайно, менее дюжины, а к наступлению осени в руки короля попало восемьдесят вилимитов, среди которых были вожди движения.

Всех пленников пытали и казнили самым жестоким образом для устрашения остальных. Имре, довольный, что число его видимых врагов уменьшилось, стал беспокоиться все меньше и меньше относительно тех врагов, которых он не видел и в существовании которых даже начал сомневаться.

Ни от одного из захваченных михайлинцев и вилимитов он не услышал твердого заявления о том, что реальный претендент на трон существует.

Так как о михайлинцах ничего не было слышно, Имре успокоился еще больше. А с приближением праздника Зимы он начал понимать, что веселиться и радоваться гораздо легче и приятнее, чем думать о катастрофе, которая, может, и не разразится никогда, ведь уже прошел почти год с тех пор, как исчезли Мак-Гори.

А в тайном убежище будущий спаситель народа все еще пребывал в одиночестве.

Хотя он полностью отошел от шока, испытанного в мае, по крайней мере физически, ожидаемое могущество ни в чем не проявлялось.

Синхил продолжал читать, изучать богословие, сожалеть о выпавшем на его долю повороте судьбы, а через несколько недель, проведенных в тягостном одиночестве, он возобновил встречи с Ивейн, но уже не было той интимности, которая так радовала его раньше.

Михайлинцы продолжали готовиться, жизнь в убежищах текла обычным порядком. Но Камбер думал о будущем, о том, что произойдет, когда родится наследник и они должны будут проводить в жизнь план переворота. Готовых ответов не было ни на один вопрос.

* * *

Сын Синхила родился в день святого Луки, как и предполагалось. С первыми криками ребенка начало меняться состояние духа его отца.

Синхил все еще не проявлял никаких признаков приобретенной силы и категорически отказывался обсуждать этот вопрос. Камбер подозревал, что он не хочет использовать свою магию.

При передаче могущества все было сделано очень тщательно, в полном соответствии с ритуалом, так что ошибки быть не могло. Да и реакция Синхила показывала, что все получилось так, как надо. Но принц после рождения ребенка начал улыбаться, а однажды во время ужина даже пошутил.

Рождение сына оказало заметное влияние на Синхила. Хотя он старался не показывать этого, но всем было ясно, что принц очень горд появлением наследника.

Он пригласил всех обитателей убежища на крестины и даже обсуждал с Джеремом детали церемонии.

Камбер воспринял все это с большой радостью и назначил дату. Крещение должно было состояться в ноябре, в день святого Иллтида.

Не многие видели мать и младенца после рождения, так как роды были очень трудные, несмотря на помощь Райса.

Меган вошла в церковь, опираясь на руку Целителя. Вид ее был радостным и сияющим, но она еще не оправилась после родов, и походка была очень неуверенной.

Ивейн поднесла младенца к купели для крещения.

Райс встал слева от нее. Синхил ничего не видел вокруг, не замечал людей, которые кланялись ему. Он

смотрел только на жалкий плачущий комочек шелка в руках Ивейн. Он не отрывал взгляда от ребенка все то время, пока архиепископ Энском готовился к началу крещения.

— In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.

Райс и Ивейн, крестные родители младенца, встали подле купели напротив Энскома, Джорема и михайлинца-священника, который прибыл вместе с архиепископом из Валорета.

Сильный голос архиепископа достигал самых отдаленных уголков церкви.

Когда архиепископ благословил соль, поданную священником, Синхил вытянул шею, чтобы лучше видеть. Он взял руку Меган и подтолкнул ее поближе к Райсу, где было самое лучшее место для наблюдения.

Энском продолжал говорить;

— Прими соль мудрости...

Ребенок пустил пузыри и захныкал, когда на язык ему положили целую щепотку святой соли. Но Ивейн его покачала, и он постепенно успокоился. Энском переждал протесты недовольного ребенка и возобновил церемонию.

Он возложил на тело мальчика конец святого шелкового шарфа.

— Войди в замок Господа... — Энском помазал елеем грудь и спинку мальчика между лопатками и взглянул на Райса, Он задал традиционные вопросы, полагающиеся по правилам древнего церковного ритуала.

Райс отвечал на них за своего крестного сына. Слегка улыбнувшись, Энском поднял серебряный сосуд для крещения и с удовольствием передал его Синхилу.

— Не хотите ли сами окрестить сына, Ваше Величество?

У Синхила отвисла челюсть и сделались квадратными глаза.

— Я, Ваша Милость?

— В случае необходимости это может сделать даже не священник. — Энском широко улыбнулся. — А ваша квалификация достаточно высока.

Синхил смотрел на архиепископа и не верил своим ушам, затем на лице его отразилась радость, какой он не ощущал уже много месяцев.

— Неужели это правда? — прошептал он. — Вы разрешите мне?

Энском кивнул и вложил чашу в руки Синхила. Синхил, прижав чашу к груди, поклонился в знак благодарности. Инфант уже успокоился на руках Ивейн, и когда Синхил подозвал ее, ребенок зашевелился и зевнул. Вид у него

был очень сонный. Ивейн подняла ребенка над купелью, а Райс поддерживал его за плечи.

— Эйдан Элрой Камбер, — прошептал Синхил и побрызгал на ребенка святой водой.

Камбер с удивлением смотрел на Синхила — он никак не ожидал, что наследник короля получит его имя.

— *Ego te baptizo in nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

Но когда Синхил поставил чашу на место и потянулся к полотенцу, которое держал Джорем, Райс вдруг замер, а затем потрогал голову ребенка. Младенец пискнул, кашлянул, дернулся всем телом и застыл. Райс в ужасе смотрел на Синхила. Тот не сводил глаз с ребенка и спросил:

— О, Боже, что с ним? Почему он не шевелится? О, он не дышит!

Райс стоял, как оглушенный, держа в руках неподвижное тельце. Ивейн подняла испуганные глаза на Райса.

— Он умер, Синхил, — тихо сказала она.

В церкви наступила мертвая тишина, ее вдруг прорезал сдавленный крик — это принцесса Меган упала в обморок. Гвейр Арлиссский подхватил ее. Синхил медленно повернулся к Меган, схватился за грудь и пошатнулся.

Он еле удержался от падения, схватившись за край купели, и стоял, шатаясь, как пьяный.

Глаза его были закрыты, он мотал головой, как бы стараясь избавиться от ужасного видения.

Судорожно сжав край купели, он склонился над ней. Пронзительный, почти звериный вопль сорвался с его губ.

Невидящими глазами он смотрел на воду, затем выпрямился, блуждающие глаза его осмотрели церковь, не останавливаясь на лицах людей. Жуткое выражение застыло на его лице.

— Они убили его, моего сына! — воскликнул он. — Они убили моего сына и теперь ищут моей смерти!

— Кто ищет твоей смерти, Синхил? Назовите ваших врагов. Скажите, что вы ощущаете? — спрашивал его Камбер.

Его глаза обшарили комнату, стараясь отыскать ключ к тайне, но взгляд его все время возвращался к Синхилу, так как Камбер предполагал, что принц что-то чувствует. Сам Камбер не ощущал опасности, угрозы нападения. Но если нападение действительно произошло, то враг, вероятно, был очень искусен и хорошо замаскировал свой удар.

— Нет, не они! Он! — проговорил Синхил. Он за-

— Он один из тех, кому мы доверяем!

Райс протянул руку, дабы поддержать его. Он крикнул:

— Не касайся меня!

Резко повернувшись, он вырвал труп ребенка из рук потрясенной Ивейн и, обняв его, прижался спиной к алтарю.

— Мы найдем его, Эйдан, — безумным голосом сказал он.
— Я отомщу за тебя!

— Синхил!

Голос Камбера прорезался сквозь шум в церкви. Казалось, он крикнул изо всех сил, хотя на самом деле лишь чуть повысил голос.

— Синхил, теперь ты ничем ему не поможешь, отдай ребенка Райсу. Может, мы...

— Нет. Он мертв.

Голос Синхила прозвучал без всякого выражения.

— Я это знаю, Камбер.

Он опять обвел взглядом всех присутствующих.

— Один из вас предал меня.

— Он сошел с ума? — шепотом спросил Джорем Райса.

— Нет, — Райс покачал головой. — Ребенок отравлен. Я думаю, солью. Я...

Принц, пристально осмотрев каждого присутствующего, вдруг повернулся и решительно направился к центру, где увидел священника-михайлинца, помогавшего Энскому при крещении. Он стоял совершенно спокойно и невозмутимо, но Синхил подошел к нему и прошептал:

— Ты!

Все взгляды устремились на священника, а стоявшие рядом расступились. И тут в человеке произошла странная и неожиданная перемена. Его глаза ожили, тело выпрямилось, руки вскинулись вверх, а пальцы зашевелились, чтобы сложить определенную фигуру — заклинание для защиты и нападения.

Рука Синхила инстинктивно дернулась, чтобы сотворить контрзаклинание. Слабое розовое пламя окутало прозрачной вуалью его лицо. Синхил изумленно смотрел на этого человека, в то время как остальные прижались к стенам.

— Ты — священник, как ты мог поднять руку на своего брата? — прошептал Синхил.

Он не осознавал того, что только что произвольно сделал.

Михайлинец ничего не ответил, он только стоял и смотрел на наследника Халдейнов. Глаза его горели, как угли.

Энергия сгустилась в центре, где они стояли. Но если противник Синхила был тренированным Дерини,

то о Синхиле никто ничего не мог сказать. Ни тот, ни другой соперник не создавали защитного кольца вокруг поля битвы. Камбер, беспокоясь, приказал своим родственникам прикрыть их.

Он сделал это как раз вовремя, так как следующие слова Синхила потрясли всю церковь.

Древние грозные фразы отражались громовым эхом от мозаичных стен и сводчатого потолка.

При этих словах вокруг него вспыхнуло алое пламя, пляшущее живое пламя, не видимое глазом, но существующее. Оно было смертельно для любого, кто приблизился бы к Синхилу, не обеспечив себе надежной защиты.

Синхил стоял, прямой и грозный, прижимая к груди мертвого ребенка.

Священник медленно двинулся к нему, окружив себя золотым сиянием. И теперь уже только несколько метров пространства, в котором сталкивались, со страшным грохотом разражаясь, сгустки чудовищной энергии, разделяли их.

Воздух был насыщен энергией. Молнии рассекали пространство, направляясь от одного к другому, и разбивались с треском о защиту соперников; воздух был густой, тяжелый, остро пахнувший озоном. Пламя свечей металось, как бешеное, в мощных потоках энергии.

Пучки энергии сталкивались, разрывались, вспыхивая ярким светом над головами противников.

Особо мощный сгусток энергии вдруг погасил все свечи, и в наступившей полутьме грозно завыл ветер.

Завывание ветра стало постепенно переходить в пронзительный свист, и вскоре в этом свисте уже можно было различить два голоса, грозных, внушавших ужас. Эти голоса раздавались в бездонных пучинах, открытых теми могучими силами, которые участвовали в борьбе двух смертей.

Давление все возрастало, и все присутствующие старались защитить глаза, уши, сознание от того ужасного, что было невозможно воспринять разумом и что непрерывно обрушивалось сокрушающей лавиной на чувства людей.

Наконец михайлинец пошатнулся, испустил отчаянный крик, глаза его очистились от тлеющего пламени и приобрели обычный человеческий вид. Он воздел руки в мольбе о пощаде и рухнул.

Мгновенно все стихло и погрузилось во мрак.

Тишина. Черный мрак. И только постепенно затухавшее сияние, которое скорее ощущалось, чем воспринималось глазами.

Оно окружало победителя. Это сияние было свидетельством того, что Синхил обрел свое могущество. Руки Синхила все еще крепко прижимали ребенка к груди.

Первым пришел в себя Камбер. Он отошел от стены и зажег свечи. Затем двинулся Энском. Он медленно подошел к священнику-михайлинцу, склонился над ним, приподнял его голову и положил на колени. К нему приблизился Райс и дотронулся до лба священника — тот был мертв. Энском и Райс проникли в разум мертвеца, чтобы успеть считать то немногое, что еще осталось там.

Затем Энском поднял голову и с удивлением повернулся к Райсу. Он не встал на ноги, но склонил голову, ощущая глубокий стыд.

— Простите меня, мой принц. Боюсь, я частично виноват в случившемся. Я не должен был брать его сюда. Он сказал, что солдаты Имре напали на его след и вот-вот настигнут его, поэтому я решил укрыть его и взял с собой. Но он не сказал мне, что уже был в плену. Они ввели в него нужные команды. Он не может нести ответственность за свои действия. Пожалуйста, простите его.

— Это сделал король? — спросил Синхил тихим, жестким голосом.

— Да, мой принц, — прошептал Энском.

— И он может так изменить разум человека, что тот будет действовать по его приказу?

Энском кивнул, не решаясь заговорить.

Синхил перевел свой ужасный взгляд на Камбера, затем обвел им остальных, но, казалось, он смотрел куда-то сквозь них. Он пошел туда, где стояли на коленях у трупа Энском и Райс. Синхил мягко коснулся рукой плеча мертвеца.

— Я прощаю тебя, ведь ты не хотел причинить вреда ни мне, ни моему сыну, а действовал по приказу.

Голос его чуть не оборвался, но Синхил справился с собой.

— Я прощаю тебя.

Он поднялся на ноги. Лицо его было ужасно.

— Но для того, кто задумал и совершил это, не может быть прощения ни в этом мире, ни в другом. Горе тебе, Имре. И всему твоему кровожадному трусливому роду. Горе тебе, убивающему беспомощных детей и ввергающему добрых людей в пучину зла. Я буду мстить за него и за тех, кого ты заставил страдать. Я, Синхил Донал Ифор Халдейн, своей верой и короной Гвиннеда, которую носили мои предки и которую буду носить я, телом моего убиенного сына клянусь, что уничтожу тебя.

Принц Гвиннеда выпрямился, и все в благоговейном смирении преклонили перед ним колени и склонили головы.

Камбер, как и все, тоже опустился на колени, стараясь загнать все страхи и сомнения в отдаленные закоулки своего сознания.

ГЛАВА ХХІ

**Ибо тот из темницы выйдет
на царство, хотя родился
в царстве своем бедным.¹**

ни похоронили несчастное дитя под полом церкви, в которой он умер. Это произошло в день Четырех Младенцев, которые тоже пали жертвой правителя-тирана сотни лет назад.

Синхил, мучимый горем, никому не позволял коснуться ребенка. Он один оплакивал его в холодной церкви ночь, день и еще ночь. Он все это время не ел, не спал. Только на утро третьего дня он позволил войти людям, положить ребенка в маленький гробик и опустить в могилу. После похорон он не говорил ни с кем о смерти сына.

Убитый священник был похоронен тут же на следующий день. Только михайлинцы и Камбер пришли оплакивать его. Элистер Келлен служил погребальную мессу. Потом, много позже, в стену будет вделана каменная доска с надписью, но надпись будет очень короткая, как это принято у михайлинцев: "Здесь лежит Хамфри Галларо, священник Ордена святого Михаила".

Только эти слова и даты. Больше они ничего не могли для него сделать.

Синхил очень изменился после этих событий. Если раньше он был растерян, встревожен, то теперь стал холоден, безжалостен, бездушен во всех своих действиях, даже по отношению к своим союзникам.

¹ Екклезиаств 4:14

Не было больше тихого, запуганного принца-монаха, который боролся со своей совестью, не позволявшей ему полностью отдаться своей новой роли. Теперь он интересовался планами выступления, уже разработанными до мельчайших подробностей. Но интерес его был мрачно окрашен жадной кровавой мести. Он хотел знать, каковы их силы, откуда будет нападать каждый отряд, кто будет командовать и как подготовлено все для выступления. Но более всего он хотел знать, когда.

Любая задержка выводила его из себя.

Всю информацию он черпал из ответов на свои вопросы. Камбер продолжал размышлять относительно его мотивов. Принцу сообщили, что рыцари-михайлинцы уже в сборе. Пятьдесят человек вблизи убежища и еще сто пятьдесят в самой Дхассе. Люди Камбера тоже готовились. Ими руководил сам Камбер во время своих редких отлучек из убежища во внешний мир. Пятьсот человек готовы поддержать михайлинцев и осадить город Валорет, если попытка переворота провалится.

Они планировали начать выступление первого декабря в зимний Праздник, когда все знатные люди королевства соберутся в Валорете, в замке Имре.

Судя по прошлым праздникам, это будет ночь разнузданного пьянства и дебошей — самое удобное время для того, чтобы проникнуть во дворец, перебить охрану и покончить с династией Фестилов.

К этому времени они узнали побольше о человеке, убившем маленького принца. Он не был предателем. Имре просто повезло с ним.

Когда Хамфри схватили, он даже не подозревал о существовании наследника Халдейнов и не имел понятия о местонахождении убежища.

Имре узнал это сразу, как только проник в его разум. И так как Хамфри, мало посвященный во все детали заговора, не был связан клятвой верности, Имре легко удалось посеять в его разуме семена предательства. Когда его выпустили, из памяти священника было стерто все, что касалось его пребывания в плену. Естественно, он сразу направился к Энскому за помощью, и Энском, не раздумывая, укрыл его. А когда архиепископ отправился на крещение наследника Халдейнов, он взял с собой Хамфри. Ведь он, в конце концов, михайлинец.

Вся эта информация была передана Синхилу вместе с другими данными, и это немного смягчило сердце принца. Он

стал несколько по-другому относиться к человеку, чье тело убило его сына.

Но хотя Синхил усиленно интересовался военной тактикой и планированием, он по-прежнему оставался в одиночестве, испытывая затаенное чувство обиды к Дерини, хотя он и знал обстоятельства невольного предательства Хамфри.

Камбера все это начинало тревожить, и страхи его подкреплялись действиями Синхила. Камбер часто обсуждал все это с членами своей семьи, но изменить они ничего не могли, и им оставалось только ждать и надеяться, что такое настроение Синхила не послужит помехой в их борьбе.

Принцесса Меган тоже очень страдала все эти недели. И хотя она уже была снова беременна — Синхил решил, что он должен обзавестись наследником как можно быстрее, — она была всего лишь тенью той девушки, веселой и здоровой, которая год назад была невестой принца.

Немного внимания со стороны мужа могло бы уменьшить ее муки, но Синхил был очень занят и не замечал ничего.

Он был очень нежен и почтителен с ней на людях — она ведь собиралась подарить ему наследника — и никто не смог бы сказать, что он пренебрегает ею, но в его отношении к жене было что-то наигранное, искусственное, как будто роль принца и будущего спасителя Гвиннеда лишила его способности любить и быть любимым. Казалось, он уже принял роль принца, но он становился все более странным и загадочным, как бы ни от мира сего, но не в религиозном смысле, хотя религия по-прежнему занимала большое место в его сознании, а скорее в том, что у него образовался некий странный разрыв между тем, что случилось, и тем, что случится в будущем, если, конечно, они останутся живы.

Камбер с грустью смотрел на все это.

Он любил Меган, как отец, и видел, как она страдает в одиночестве в тот момент, когда более всего нуждается в любви и поддержке мужа. Камбер знал, что значит потерять ребенка. Он уже отдал жизнь сына и понимал, что не пожалеет жизни остальных своих детей и своей собственной, если это понадобится для победы их дела.

Но потерять сына в битве с врагом — одно дело, а если ребенок умирает от недостатка любви — совсем другое. Он вместе с Ивейн и Райсом старался успокоить Меган, но, конечно, их забота была плохой заменой тому, в чем она нуждалась. Камберу оставалось только надеяться, что Синхил поймет, что делает с женой.

Вечером первого декабря была закончена вся подготовка и сделаны первые шаги, так что пути назад не было. Перед этим пятьдесят рыцарей, которые должны были

напасть на дворец Имре, отслужили мессу и освятили свои мечи для священной битвы, из которой многие из них не вернутся. Другие сто пятьдесят рыцарей под командованием Джеймса Драммонда и лорда Джебедия Алкарского были уже готовы переправиться из Дхассы с помощью Портала во дворец архиепископа в Валорете. Они должны были напасть на город, перебить гарнизон и не допустить сторонников Имре в город.

Наконец служба кончилась, и в церкви остались только Синхил, Камбер с детьми, а также невоенные члены Ордена, которые должны были остаться здесь. На всех были кольчуги, шлемы, сверкающие мечи. Накидки разных цветов, сверкающие мечи и короны разной величины обозначали их ранги, и только платье Синхила отличалось от одежд всех остальных.

Синхил вовсе не хотел иметь оружия. Он хотел только надеть длинную белую мантию, олицетворяющую чистоту его намерений. Он не был воином, и считал, что не годится королю-священнику идти в бой с простой сталью. Ведь в конце концов не сталь же победит Имре.

Но женщины настояли, чтобы король был одет, как король. Меган, Ивейн и Элинор работали много дней, не показывая никому, что они делают, а когда в полдень Синхил вышел из своей комнаты, чтобы направиться в церковь, его уже ждал новый костюм, новый наряд короля.

Он так никогда и не узнал, где они смогли раздобыть великолепную, отливающую золотом кольчугу и жезл. Здесь же лежало белое шелковое платье, камзол, брюки и сапоги из мягчайшей кожи. Алые перчатки с вышитым гербом Халдейнов были подарком Элинор. А великолепнее всего была алая накидка с вышитым на груди и спине львом Гвиннеда. Синхил смотрел на это, изумленно раскрыв рот.

Он быстро оделся и начал вертеться перед зеркалом, наслаждаясь мужественным видом блестящего воина, смотревшего на него из-за стекла. Затем он позвал женщин, чтобы отблагодарить их. После теплого выражения своих чувств, что было для него весьма необычно, он попросил их помочь ему вооружиться, нужно, чтобы человека, который не рожден носить оружие, готовили к бою женщины.

И они помогли Синхилу, хотя их пальцы болели от бесчисленных пряжек, ремней, шнуров.

В глазах их стояли слезы. Ивейн надела на него меч с крестообразной рукоятью на белом ремне — символ чистоты, как пояснила она, поцеловав его в щеку. Затем она отступила назад, уступая место Меган.

Принцесса, оставившая свой подарок напоследок, робко смотрела на мужа, который все больше походил на короля.

Едва слышным голосом и едва дыша от волнения, она достала корону — не простую серебряную корону, возложенную на его голову в ночь их венчания, а золотой обруч, украшенный четырьмя серебряными крестами.

Едва Меган взглянула в его глаза, руки ее задрожали. Синхил, тоже взволнованный, взял ее пальцы в свои, так, что корона оказалась между ними. Меган проглотила слюну и попятилась, стараясь освободиться, но Синхил покачал головой и привлек ее к себе.

— Пожалуйста, прости меня. Я плохо относился к тебе в то время, когда мне следовало благодарить тебя за сына, за твою поддержку, которая была мне так необходима.

Он посмотрел на ее живот, затем снова с улыбкой взглянул в ее глаза.

— И за наших сыновей, которые будут. На этот раз их будет двое, я знаю. Оба мальчишки.

У нее от удивления раскрылись глаза. Хотя Райс уже сказал ей, что у нее будет ребенок, мальчик, но по ее внешнему виду ничего нельзя было определить. И откуда он мог узнать, что их будет двое?

— Вы знаете, милорд?

— Я знаю.

Он рассмеялся.

Меган опустила глаза и очень мило засмушалась. Синхил подумал, что он никогда не видел ее такой привлекательной. Он почувствовал, что Ивейн и Элиноор смущенно потупили глаза, что им не по себе оттого, что они присутствуют при столь откровенной сцене нежности. Но он не обратил на это внимания. Он внезапно понял, что может сегодня погибнуть, несмотря на всю их военную мощь и тщательную подготовку, и тогда он больше никогда не увидит это прелестное дитя — свою жену.

Странно, но слово “жена” пришло легко и просто, и оно уже не несло в себе никаких душевных мук и терзаний. Внезапно ему стало жаль того времени, которое он так бездарно провел вдали от этой женщины, вынашивая планы мщения, и он понял, что должен сделать, чтобы заслужить прощение.

Он легонько взял корону из ее рук.

— Я надену этот символ твоей любви, только при одном условии, — сказал Синхил, с упоением глядя в эти невообразимо прекрасные глаза. — Ты должна первая надеть ее.

Он осторожно опустил корону на ее волосы.

— Пусть она будет символом того, что ты — моя королева и мать моих будущих детей. А в случае, если я не вернусь с боя, ты будешь полноправной королевой Гвиннеда.

В ее глазах заблестели слезы счастья.

Синхил осторожно снял с нее корону и водрузил на свою голову. Он поцеловал жену в губы и повел ее и других женщин в церковь для мессы.

* * *

Уже было далеко за полночь, когда знатные лорды Гвиннеда уложили пьяного Имре в постель. И только через полчаса после этого архиепископ Энском сумел ускользнуть от загулявших дворян и направиться в дворцовую церковь.

Этот вечер для Энскома был тягостным и нескончаемым, поскольку он знал, какие события ждут его впереди. Ему было гораздо труднее, чем обычно, находиться среди пьяных и хвастливых дворян. Не однажды в течение вечера он едва сдерживался, чтобы не взорваться. Лорд управитель дворца, заметив его угрюмое настроение, сказал, что нехорошо так выделяться среди веселящихся людей. Энском заверил его, что всему виной приступ тошноты, который, вероятно, скоро пройдет. Управляющий принес ему чашку козьего молока, ведь весь двор знал о плохом желудке архиепископа.

После этого Энском с большим трудом изображал бесшабашное веселье, чтобы не привлечь ненужного внимания.

Но праздник в этот раз был очень странным — полным напряжения, каких-то подводных течений. Так редко бывало при дворе Имре, в особенности на празднике Зимы, самом веселом празднике года.

Энском подумал, что Имре подозревает о скором приходе грозных событий, и вся эта безрадостная вакханалия была обусловлена растущим ощущением приближающегося заката династии Фестилов.

Энском также отметил в уме тот факт, что в этом году Имре приказал всем одеться и явиться на праздник в зеленом, а не в ослепительно-белом, как в прошлом году. Видимо, призыв кровавого злодеяния все еще беспокоил его душу.

Принцесса Эриелла на празднике не была, да ее и не ждали. Она редко появлялась на людях в последнее время. Ходили слухи, что она много и тяжело болела, а более злые языки утверждали, что болезнь Эриеллы обусловлена внезапной потерей веса после того, как она девять месяцев непре-

равно толстела, но такие разговоры моментально прекращались, как только поблизости оказывался король.

Сам Энском об этом не имел своего мнения.

Но если Эриелла действительно была в тягости, то это могло быть только результатом ее преступной кровосмесительной связи с братом. А если это так, то ребенок будет большой угрозой для трона, если выживет. Так что эту проблему нужно было решать сразу. Но, возможно, Эриелла была неповинна ни в чем, хотя Энском в этом сомневался.

Итак, этот праздник Зимы внешне проходил, как все праздники, когда людей заставляют веселиться, даже если им этого не хочется вовсе. Блюд было огромное количество, но все они казались безвкусными измученному нетерпением Энскому.

И когда знатные лорды сняли со стены факелы и повели пьяного Имре в его покои, распевая песни и отпуская грязные шуточки, Энском поднялся и быстро вышел из зала.

Он дошел до церкви, вошел туда и встал, прижавшись разгоряченным лбом к холодной двери. Так он стоял несколько минут, стараясь успокоить взбудораженный разум.

Он подошел к двери ризницы, вставил ключ в замок и вступил в полную темноту, закрыв за собой дверь. В центре ризницы вспыхнула свеча, и он увидел Камбера, Джорема, Ивейн, Райса и еще несколько человек, стоящих вокруг Синхила, на голове которого красовалась корона.

— Давайте без церемоний, ваша милость, — сказал Синхил, когда архиепископ хотел опуститься на колени, — Какова ситуация сейчас? Тиран в постели?

Удивившись тому, как теперь называет Синхил своего соперника, Энском поправил сутану и кивнул.

— Знатные лорды провели его в спальню полчасика назад, Ваше Величество. Он выпил столько вина, что, вероятно, лежит без памяти. Да и вся охрана немногим лучше. Все идет, как мы и ожидали.

— Отлично. — Синхил кивнул. — Один из отрядов уже начал просачиваться в город и занимать ключевые позиции. Мы только ждем вашего слова, чтобы наши рыцари ворвались во дворец.

Энском вздохнул и кивнул.

— Тогда начнем, Ваше Величество. Сегодня у нас будет много работы.

Через два часа замок был уже в руках Синхила. Лишь изредка кое-где в коридорах вспыхивали мелкие стычки.

Гвейр и несколько михайлинцев пробрались во дворец

рец и забаррикадировали двери казармы, где спали солдаты охраны, так что михайлинцы имели дело только с солдатами, находившимися на постах.

Джорем и Келлен повели дюжину рыцарей и принца с ближайшим окружением по главному коридору в башню Имре, где им пришлось выдержать короткое, но кровавое столкновение с охраной лестницы.

Хотя четыре михайлинца остались лежать на месте боя, уже через несколько минут мятежники были у покоев Имре.

* * *

Снаружи охраны не было, а изнутри не доносилось ни звука. Джорем подумал, спит ли Имре, несмотря на звуки боя, или уже проснулся и выжидает, чтобы немедленно применить тайные силы колдовства Дерини, как только они начнут ломать дверь. Опустив меч, Джорем вытер окровавленной перчаткой лоб и постарался успокоить дыхание. За ним уже стояли Келлен, Райс, два михайлинца с оружием наготове, Камбер, Синхил и Ивейн, которая стояла чуть позади.

Джорем уловил чуть заметный сигнал Камбера, повернулся к двери, поднял свой меч и начал сильно бить в дверь. Один, два раза, три. Гулкие удары разносились по дворцу, по лестнице, которую они только что заняли с таким трудом.

— Что случилось? — еле слышно спросил сонный пьяный голос.

Синхил напрягся и повернулся к Камберу. С его губ сорвалось одно слово:

— Имре?

Камбер кивнул, и Джорем снова постучал.

— Кто здесь? — снова спросил голос, теперь уже громче. — Я же говорил, чтобы меня не беспокоили. Идите прочь!

— Офицер охраны, сир, — сказал Джорем, слегка изменив голос. — У меня письмо для Вашего Величества.

— Неужели это не может подождать до утра? — спросил раздраженный голос. — Я только что лег, вы же знаете.

— Охранник у ворот сказал, что это очень срочно, — ответил Джорем. — Может, Ваше Величество соизволит взглянуть?

— А может, Мое Величество соизволит выпороть вас за наглость? — рявкнул голос. — Ну, хорошо. Подсуньте письмо под дверь, и я взгляну на него потом.

Джорем взглянул на остальных с беспокойством, а затем легкая улыбка скользнула по его губам.

— Боюсь, оно не влезет, сир, — сказал он, скрывая улыбку в голосе, но не на лице, — это опечатанный свиток.

Они слышали вздох, какое-то шуршание, а потом босые ноги зашлепали к двери. Имре что-то неразборчиво бормотал, видимо, ругательства.

Как только откинулся засов, Келлен и Джорем сильно толкнули дверь. Дверь распахнулась и ударила стоящего за нею.

Король вскрикнул от боли и удивления.

Они ворвались в спальню, толкая перед собой изумленного и негодовавшего Имре.

Райс захлопнул дверь и закрыл ее на засов. Имре был удивлен, увидев перед собой сверкание обнаженной стали.

— Измена! — ахнул он. — Обнаженные мечи в моем присутствии! Охрана! Где моя охрана? Кто... Камбер?..

Глаза его расширились, когда он узнал человека в графской короне.

— Как ты осмелился?! Это измена!

Камбер, ничего не говоря, повернулся и почтительным поклоном пригласил Синхила выйти вперед. Имре замер с открытым ртом. Он узнал этого человека по портрету его предка и начал медленно отступать, пока наконец не уперся босыми ногами в скамью. Он нервно откинул ворот ночной рубашки и прошептал:

— Халдейн! Он существует!

— Тиран Фестил! — сказал Синхил. Голос его был тих и грозен. — Он тоже существует. Пока что.

Пьяный Имре покачал головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение. Как завороченный, он смотрел на двух рыцарей-михайлинцев, обошедших его сзади, чтобы отрезать путь в спальню.

Имре в ужасе бросился туда, но рыцари схватили его и отшвырнули назад. Имре упал на пол.

— Эри! — закричал он, как безумный. — Эри, беги!

— Держите ее! — крикнул Камбер. — Не упустите ее! Она унесет ребенка!

Они почти схватили ее, ворвавшись туда, но огромная кровать взорвалась подушками и одеялами, и Эрисла в ночной рубашке и с огнем смерти в глазах бросилась к камину и исчезла в отверстии, которого мгновение назад там не было.

Джорем и Келлен были уже рядом, но прямо перед ними опустилась каменная плита, преградившая им путь.

Они били камень, стараясь отыскать отверстие, но когда все же нашли тайный механизм, открывающий проход, бежавшей принцессы и след простыл.

Келлен с сожалением взглянул на Камбера и все же отправился на ее поиски. Джорем последовал за ним.

Имре, которого крепко держали два рыцаря, беспокойно оглядывался вокруг, тяжело дыша.

Бегство было невозможным. Даже если бы его не держали, все равно от четырех человек ему было не уйти.

Райс и Ивейн блокировали дверь во внутренние покои, а сам Камбер защищал тайный ход, через который удалось улизнуть Эриелле.

Синхил стоял рядом с Камбером, не отрывая взгляда от лица Имре.

Вряд ли этот так называемый Халдейн представляет серьезную угрозу, размышлял Имре. Сейчас, когда прошел первый шок, он начал мыслить более ясно. Есть средство освободиться от рук этих рыцарей. Движение мысли, и его защиты, вспыхнув серебряным пламенем, оторвут их руки от него. Конечно, рыцари — Дерини, и они немедленно окружают его невидимой, но прочной сетью, но по крайней мере он сможет еще побиться.

Имре медленно выпрямился во весь рост, хотя оказался при этом на голову ниже обоих рыцарей, и постарался собрать обломки королевского величия.

— Ты осмелился напасть на законного короля! — сказал он, обращаясь к Синхилу. — И предатель граф Кулдский нарушил свою клятву верности ради сомнительной чести помогать тебе!

Он высокомерно взглянул на Камбера, затем снова перевел взгляд на Синхила, очень обеспокоенный тем, что взгляд графа Дерини был тверд и спокоен.

— Настоящий мужчина не побоялся бы встретиться со мной лицом к лицу, Халдейн. Но я слышал, что ты всего-навсего священник, Никлас Тряпичник, так что от тебя нельзя ждать честного мужского поведения.

— Я не боюсь встретиться с тобой, тиран, — сказал Синхил. Он дал знак михайлинцам отпустить Имре и встать на охрану балконной двери. — Я готов принять от тебя любой вызов, даже магическую дуэль!

— О! — воскликнул Имре. — Ты блефуешь! Ты же человек, если ты утверждаешь, что ты — Халдейн, и без твоих помощников Дерини, без их сил, ты передо мной и со сталью был бы ничто.

— Я уничтожу тебя, не обнажая стали, — ответил Синхил. Он отстегнул пояс и позволил мечу упасть на пол.

— Вообще-то я бы с большим удовольствием отравил тебя солью, если бы это было возможно. Это был

бы самый подходящий конец для убийцы невинного ребенка, моего сына.

— Твоего сына? Я?! Да ты что, Халдейн? Даже если бы это было и так, то какой суд обвинит меня в том, что совершил какой-то священник?

— Я освобожден от монашеских обетов, — сказал спокойно Синхил, но Камбер чувствовал, что Синхил едва сдерживается. — А моя жена благородного происхождения. Я утверждаю, что ты был причиной смерти моего сына, независимо от того, чья рука свершила это зло.

— Ну, так что же?

— Ты признаешь, что захватил священника Хамфри Галла-ро и мучил его до тех пор, пока не добился своего? Он хорошо выполнил твое задание, тиран. Мой сын был отравлен со-лью во время крещения. Это твой медальон совершил крова-вое деяние?

Имре, удивленный рассказом Синхила, всплеснул руками.

— Так это Хамфри? Прелестно! Какая изощренная насмеш-ка судьбы! Я послал его убить последнего наследника Халдей-нов, а им оказался твой сын, а не ты. Так что все оказалось бес-полезно. И теперь ты хочешь убить меня в наказание?

— Да.

— Ясно.

Лицо Имре стало холодно серьезным.

— Скажи мне, ты прикажешь, чтобы твои изменники разре-зали меня на куски, или же мне будет позволено сразиться в честной битве?

— Честной? — Синхил усмехнулся. — Какая же честность в от-равлении невинного младенца? Какая честность в хладнокров-ном убийстве друга только по одному подозрению, безо всяких фактов и доказательств? Не говори мне о честности, тиран!

Он стоял, глядя на Имре с расстояния.

— Ты вернешь графу Кулдскому его сына? Ты оживишь не-счастных виляммитов, которые восстали против тебя только потому, что ты творил беззаконие? Ты оживишь крестьян гра-фа Кулдского, которых ты убил, этих жертв огромной неспра-ведливости? Чем ты можешь оправдаться перед народом Гвин-неда, вся судьба которого была в твоих руках, и который ты угнетал и притеснял? Мне не нужна твоя корона, Имре Фестил. Но мне приходится взять ее у тебя. У меня нет выбора!

— Этот человек предал меня! — закричал Имре, показав на Камбера. — Поэтому я убил его сына. Ты не знаешь, чего мне стоила смерть Катана. Я любил его!

Камбер опустил голову. Ему стало жалко этого глупого юного короля, рядом с ним не было человека, который мог бы помочь ему.

— Но раз Камбер здесь, значит — я прав, — продолжал Имре. Он был уже на грани истерики, хотя старался держать себя в руках. — Коул знал. Я был дураком, что не послушал его. Мне следовало уничтожить весь род Мак-Рори, пока было время.

С этими словами он взмахнул рукой, и вспышка серебряного пламени ударила в защиты Синхила. Защиты выдержали, и пламя начало извиваться, превращаясь в сияющее кольцо, окружавшее принца. Это кольцо бешено крутилось, стараясь пробиться к Синхилу. Так продолжалось долго, но Синхил остался невредим. Тогда взбешенный Имре изменил тактику.

В тумане начали концентрироваться и материализовываться жуткие существа, живущие в вечной ночи подземных царств и морских пучин. Зияющие пасти, острые клыки, извивающиеся щупальца, изогнутые когти, хлопанье крыльев — все закружилось в бешеном хороводе. Воздух наполнился отвратительным зловонием гниющей плоти, разлагающихся костей; скрежет когтей, злое шипение раздавались в комнате.

Здесь собралось все то темное, страшное, что невозможно увидеть даже в самом жутком кошмаре.

Ядовитые клыки были направлены на Синхила, щупальца тянулись к нему, но Синхил спокойно отражал все нападения, направляя этих чудовищ обратно к тому, что их создало.

Ужас охватил Имре, он понял, что возмездие неминуемо. Наконец он встал, обливаясь потом от усталости и тяжело дыша. Он посмотрел на Синхила, отделенного от него двумя защитными полями.

Имре поднял руку, прося передышки, и с благодарностью кивнул, получив согласие Синхила.

— Я не понимаю, — прошептал Имре. — Я уже почти выдохся, а ты стоишь спокойно, как будто тебе ничего не стоит отражать мое нападение. Только Бог знает, почему это так.

Он не мог успокоить дыхание и обнимал себя руками, чтобы сдержать дрожь, бившую его.

Синхил стоял, глядя на него, спокойный, собранный, ни на волосок не сдвинувшись с места, где отражал безумные атаки. Руки его были неподвижны.

— Ты сдаешься? — спросил он тихо.

— Сдаешься?! Ты же знаешь, что я не могу. — Имре покачал головой. — Я не могу потерпеть поражение от тебя. У меня еще есть путь бегства, не такой, какого бы я хотел, но ничего.

Кривая ухмылка исказила его лицо, прерывисто дыша, он уперся руками в стол.

— Я хозяин над собственным телом. — Он охнул. — И я никогда не сдамся. Я сам выберу место и время смерти. И я выбираю — здесь и сейчас, по собственной воле!

Он упал на стол, сполз на пол.

Лицо его посерело, глаза закрылись, защитные поля растаяли.

Синхил мгновенно отключил собственную защиту и бросился к нему. На лице его появилось выражение сожаления и разочарования.

Камбер поднял руку, опасаясь западни, но увидел, что Синхил осторожно коснулся шеи Имре, нащупывая его пульс.

Он поднялся с очень недовольным видом и отвернулся от холодеющего тела.

— Он мертв, — сказал он и гневно поджал губы. — Он решил умереть сам, не от моей руки.

— Он был Дерини, сир, — спокойно сказал Камбер. — Потом вы поймете, что у него действительно не было другого выхода. Помните, я знал его отца и деда.

Синхил не ответил. Он стоял несколько секунд, пристально глядя на Камбера. Во дворе послышался шум, который вскоре перешел в звуки боя.

Обеспокоенный, Синхил бросил взгляд в сторону балконных дверей. Камбер жестом послал Райса и рыцарей-михайлинцев на балкон, а сам быстро подошел к Синхилу, колени которого подкосились, и если бы не Камбер, он упал бы на пол, потеряв сознание от напряжения, которое только что выдержал.

Прошло некоторое время, прежде чем Синхил смог поднять голову. В течение нескольких минут он держал за руку Камбера, стараясь успокоить жжение в желудке. Наконец к нему снова пришло понимание происходящего, а вместе с этим и сознание.

Он провел дрожащей рукой по лбу и посмотрел в глаза своего наставника.

— Теперь я — король Гвиннеда? Правда?

— Да, мой принц.

Синхил наклонил голову, вздохнул, затем посмотрел туда, где должно было быть тело Имре. Его там не было. Но он тут же увидел, что рыцари-михайлинцы подтащили тело Имре к балкону, подняли его, будто он был живой, и подвели к перилам.

Когда солдаты увидели короля, звуки битвы затихли, крики умолкли.

Синхил хотел окликнуть рыцарей и спросить, зачем эта комедия, но Камбер покачал головой.

Синхил с любопытством смотрел, как рыцари поставили тело Имре к краю и отпустили его.

Король стоял несколько мгновений без поддержки, а затем качнулся и рухнул вниз. Он летел в мертвой тишине, и только когда тело глухо ударилось о камни на площади, тишина взорвалась оглушительными криками сотен глоток.

Беспорядочные вопли постепенно перешли в скандирование:

— Синхил!

— Синхил!

— Синхил!

Эти крики заполнили весь дворец, проникли в спальню Имре, Камбер помог подняться новому королю и жестом указал на балкон.

— Ваши рыцари победили и зовут своего короля, сир. Покажитесь им, пожалуйста.

Синхил молча подошел к балкону. Все расступились перед ним.

При его появлении на балконе шум стал еще сильнее. Крики радости сопровождался стуком мечей по щитам. Синхил, опершись дрожащими руками на каменные поручни, смотрел вниз на это море людей.

Среди них он заметил только несколько десятков михайлинцев, а остальные были солдатами Имре, которые несколько минут назад боролись с михайлинцами, а теперь сложили оружие и дружным хором приветствовали нового короля.

Вдруг все крики смолкли, и Синхил повернулся к Камберу, поняв причину этого.

В руках графа Куддского лежала корона Гвиннеда, которую только что принесла сияющая Ивейн. Райс стоял рядом с ней.

Странно было видеть это жизнерадостное лицо под шапкой рыжих волос таким торжественным.

Джорем и Келлен, вернувшиеся несколько минут назад, тоже были здесь. По их глазам он понял, чем закончилась попытка захватить принцессу Эриеллу.

Он нервно сглотнул, когда два рыцаря-михайлинца сняли шлемы и опустили на колени, подняв вверх крестообразные рукоятки мечей. Они с обожанием смотрели на него.

Синхил понимал, что сейчас произнесет Камбер, но не мог остановить его.

— Ну что же, — сказал Камбер. — нужно обменять корону принца на корону Гвиннеда.

У Синхила сдавило грудь. Он несколько секунд, нет, вечность пребывал в нерешительности.

Ведь еще не поздно. Пусть он и победил тирана, может же он отказаться от короны, и никто не посмеет упрекнуть его. Может, ему позволят удалиться в монастырь, ведь он выполнил свой долг... Они найдут человека на роль короля.

Но он тут же осознал, что все это — абсурдные размышления. Он теперь уже не может уйти, ведь он оскорбит того, кто вел его к победе и помогал ему — Бога. Теперь он навеки связан со своим народом, со своим тронном, которого он не добивался.

Ему помогали Дерини, люди той же расы, что и свергнутый тиран, и они помогли ему обрести такое же могущество, каким обладают они.

Синхил подумал, что эти люди, так легко свергнувшие одного короля, так же легко избавятся и от другого, если захотят, но он заставил себя отбросить эту мысль. Эти Дерини — честные и благородные люди, стремившиеся служить тем же идеалам, что и он. И они дорого заплатили за то, чтобы тиран Имре не угнетал больше народ, не заставлял его страдать.

Нет, Синхил не может, не должен позволить, чтобы его собственные потери, его разбитые мечты как-то отражались на его поведении, ведь он — король и несет ответственность за целый народ.

И все же, несмотря на свое могущество, он — человек и должен всегда помнить о том зле, которое принесли Дерини его народу.

Теперь наступило время обновления, восстановления справедливости, возвращения к древним и благородным традициям Халдейнов.

А если еще остались те, кто попытается уничтожить его, что же, они сами научили его безжалостности. Равновесие — это очень непростая вещь, но его нужно поддерживать. Синхил понимал, что перед ним стоят очень сложные проблемы.

Вздвогнув от холода, он взглянул на людей, на свои руки, которые управляли грозными силами совсем недавно, посмотрел на людей, стоящих на площади внизу, на Камбера и его детей, на михайлинцев, которые стояли перед ним на коленях, воздев крестообразные рукояти мечей, дабы подчеркнуть, что все происходящее угодно Богу.

Он медленно снял с головы серебряную корону и с легким поклоном подал ее Ивейн. Все на площади

опустились на колени, а Камбер поднял корону Гвиннеда, и в ней отразились факелы, горевшие внизу.

Синхил сложил руки и взглянул на светлеющее небо. Да, таково его предназначение, он не может не принять его.

— Синхил Донал Ифор Халдейн, древняя династия восстановлена к великой радости народа, — сказал Камбер Кулдский, граф-Дерини.

Он глядел на Синхила глазами отца и в то же время преданного слуги.

— Пусть сила и мудрость сопутствуют тебе во все времена.

Корона легла на голову Синхила Донала Ифора Халдейна.

— Пусть Всемогущий дарует тебе долгое и счастливое царствование, честное и справедливое, на благо народа Гвиннеда.

— Да будет воля Твоя, — прошептал Синхил, но один лишь Камбер услышал его слова.

— Да свершится все по воле Божьей!

**СВЯТОЙ
КАМБЕР**

ПРОЛОГ

**Вот, предсказанное прежде сбылось,
и новое Я возвещу: прежде,
нежели оно произойдет,
Я возвещу вам.¹**

Наступила весна 905 года. Шесть месяцев минуло после коронации Синхила Халдейна в Валорете; шесть месяцев с того дня, как был низвержен последний король-Дерини, Имре из рода Фестилов, который не сумел противостоять новообретенной магии Синхила; с того дня, как сестра Имре Эриелла, носящая во чреве дитя своего брата, бежала из Валорета, дабы искать прибежища на востоке, в Торенте.

Камбер Мак-Рори, граф-Дерини, заслуженно считался героем дня. Он и его дети — Джорем и Ивейн, — а также Райс и Элистер Келлен, настоятель Ордена святого Михаила, помогли свершиться этому переходу власти.

Ныне трон Халдейнов стоял прочно, супруга Синхила благополучно разрешилась от бремени, принеся своему мужу двоих близнецов, взамен первенца, убитого посланцем Имре еще до того, как Синхил взошел на престол. Король же, хотя и не отрекся до конца от прежней монашеской жизни, понемногу начинал осваиваться в новой роли правителя державы.

И все же у Камбера на душе было беспокойно, ибо он знал, что с Фестилами не будет покончено, покуда жива Эриелла, а с ней и кровосмесительный отпрыск Имре. Всю зиму из Торента не было вестей. Она пыталась выгадать время. Ребенок

¹ Исая 42:9

уже, должно быть, на подходе. Скоро, очень скоро она сделает первый ход. А, возможно, уже сделала его.

Тем временем, женщина, о которой были все его думы, стояла в озаренной солнцем комнате, в Кардосском замке, затерянном в горах между Торентом и вольным Истмарком. Склонившись над картой Одиннадцати Королевств, она планировала свою месть. Ребенок сосал ее грудь, но она не обращала на него внимания. Вот она бросила последний взгляд на карту — и брызнула водой с пальцев на земли Гвиннеда, бормоча себе под нос слова заклинания и сосредоточившись на своей цели.

Вот уже семь дней она трудилась над этим колдовством — скоро оно принесет плоды. Войско было почти в сборе; едва лишь весенние ливни очистят перевалы от снега, враги двинутся, чтобы остановить ее. Скоро, очень скоро она сделает свой ход. Выскочке Халдейну недолго осталось носить корону Гвиннеда

ГЛАВА I

**Кротостию склоняется к милости
вельможа, и мягкий язык
перелаживает кость.¹**

В Валорете шел дождь. Это длилось уже четвертый день,— небывалое дело для июня месяца. За стенами королевского дворца мощенные улицы тонули в грязи, и с каждым часом вода поднималась все выше, заливая пороги домов и торговых лавок.

В самом дворце настроение было столь же хмурым, как и нависшие серые небеса. Зябкий, насыщенный влагой воздух нес смрад, поднимаясь от выгребных ям по вентиляционным каналам, сочился сквозь стены, пропитывал тростник и солому, устилавшие пол в главном зале. Даже огонь, полыхавший в трех огромных каминах, был не в силах растопить лед тревожных предчувствий в душах собравшихся здесь людей.

Они явились сюда не по приказу, ибо король Синхил в последнее время избегал созывать своих советников, к их вящему недоумению. Именно эти люди, что расселись сейчас вокруг стола у камина, полгода назад возвели Синхила на престол, и теперь беспокоились как за самого короля, так и за судьбу всех тех, во имя чьего блага они и свергли тирана Дерини и восстановили на троне древний род правителей Халдейнов.

Они являли собой довольно разношерстное собрание — и все, кроме одного человека, принадлежали к той же расе магов и чародеев, что и свергнутый Имре.

¹ Пritch 25:15

Райс Турин, молодой Дерини-Целитель, склонивший рыже-волосую голову над картой, не слишком понимая тонкостей изображенного на ней.

Джебедия Алкарский, глава рыцарей Ордена святого Михаила и главнокомандующий гвиннедской армией,— если только удастся заставить короля воспользоваться этой армией в нужный момент.

Элистер Келлен, седеющий настоятель Ордена святого Михаила с ледяными глазами, номинальный начальник Джебедии, также Дерини, заложив руки за голову, рассматривал паутину под потолком; откровенно беззаботная поза была предназначена для посторонних глаз и скрывала его напряжение.

Гвейр Арлиссский, молодой и прямодушный, единственный среди них представитель расы людей. Наследник огромного состояния, он служил при прежнем режиме и остался при дворе нового короля.

И, конечно, Камбер Мак-Рори, граф Кулдский, Дерини.

Со времени Реставрации Халдейнов Камбер почти не постарел, и ни внешность, ни манера поведения не выдавали его возраст. Серебристые волосы не потускнели и по-прежнему блестели в свете факелов и камина, а в уголках ясных глаз почти не добавилось морщинок. В общем, он чувствовал себя не хуже, чем в последние десять лет. Пройдя через все испытания и превратности судьбы, которые выпали ему с тех пор, как было решено вернуть Гвиннеду его законного короля, он стал только тверже и непреклоннее.

Но сейчас Камбер, подобно всем остальным, ощущал смутную тревогу. Ему не хотелось тревожить их, будь то люди или Дерини, однако он был уверен, что нескончаемый ливень снаружи вызван не обычными причинами — и что коварный враг, ускользнувший от них в миг торжества, вдалеке замышляет недоброе; что близок миг, когда они наконец встретятся на поле боя, ибо зимние холода наконец миновали,— но это столкновение несет опасность куда более грозную, чем сталь копий и стрел. Дождь был лишь залогом грядущих бед.

Своими подозрениями насчет погоды он поделился с мягкосердечным отцом Эмрисом, гавриилитским аббатом,— единственным, кто мог сказать наверняка, способны ли Дерини на такое колдовство. Орден святого Гавриила повсюду пользовался заслуженным почетом и уважением, даже у людей, за безупречную дисциплину, почтение к древней мудрости и целительским искусствам.

Но даже отец Эмрис, этот образчик Деринийского
260 спокойствия и здравомыслия, сумел предложить лишь

способ, каким Камбер мог бы лучше изучить сей вопрос — и способ этот таил немало опасностей. Камбер был знаком с ритуалом, о котором упомянул Эмрис, но не мог заставить себя прибегнуть к нему. Жаль, что не было менее рискованных путей узнать желаемое.

Его привлекло движение за столом, и Камбер вернулся к продолжавшемуся вокруг разговору. Джебедея обсуждал их военную подготовку и, кляня непогоду, двигал по карте значки, обозначающие королевские отряды. Изуродованные шрамами пальцы двигались с удивительной ловкостью.

— Нет, даже если Джоверт и Торквилл прорвутся, я не вижу способа разместить более пяти-шести тысяч воинов,— говорил он, отвечая на вопрос Райса.— В их число входят все королевские рекруты, михайлинцы и несколько дюжин представителей других военных Орденов. Примерно вдвое больше вооруженных всадников. Пеших и лучников, скажем, пять и две сотни соответственно. Могло быть и больше, но большинство главных дорог затоплено. Многие из тех, на кого мы могли бы рассчитывать, не доберутся вовремя.

Райс кивал, словно действительно понимая важность этих цифр, а Гвейр, слишком хорошо сознававший серьезность положения, внимательно разглядывал сцепленные пальцы.

Камбер подался к столу и развернул карту к себе, чтобы лучше видеть диспозицию.

— Какова наиболее точная оценка сил Эриеллы, Джеб?

— Насколько мы можем судить, в полтора раза больше того, что удалось собрать нам. Вы ведь знаете, ее мать ведь была в родстве с королевским домом Торента, и она умело дергает за эти ниточки. Кроме того, совершенно очевидно, что на востоке от Лендура дождя нет.

— И это значит,— начал Гвейр осторожно,— что если бы нам удалось собрать людей и пробраться через горы...

— Мы могли бы встретить Эриеллу где-нибудь в Истмарке,— закончил Джебедея.— Однако проблема в том, как доставить туда войска.

Гвейр тронул значок на карте.

— А как насчет ваших Порталов? Может, часть людей мы сумеем доставить через них?

Элистер Келлен, михайлинский настоятель, покачал седой головой.

— Мы не решаемся использовать магию открыто, Гвейр. Синхил ясно дал понять, что он думает по этому поводу. Кроме того, необходимые нам пехотинцы почти сплошь люди. После того, как они едва избавились от ярма ти-

рана-Дерини, сомневаюсь, что они захотят вновь иметь дело с магами, пусть даже с самыми благими намерениями.

— В ваших устах это звучит хм многозначительно,— пробормотал Гвейр.— Разве в способностях Дерини есть нечто злое?

Он произнес эти слова совершенно серьезно, но внезапно сам осознал, насколько в его устах — человека! — странно звучит подобный вопрос, и насколько сильно изменилось его собственное отношение к Дерини за последнее время. Остальные покосились на него с легкой иронией, хотя и во-доброму, и молодой человек зарделся в смущении.

Камбер доброжелательно хохотнул.

— Все в порядке, Гвейр. Многие люди видят наши способности именно в таком свете. А находясь среди людей, которые не доверяют нам, потому что мы — Дерини, и среди Дерини, которые не доверяют нам, потому что мы предпочли королю-Дерини человека, я считаю, нам повезло, что есть и те, кто поддерживает нас.

— А если Синхил так и останется непреклонным,— подхватил Келлен,— эти два народа отдалятся друг от друга еще больше. Одно неверное слово с его стороны, и на рассвете наша армия окажется вдвое меньше, чем была на закате.

Рис нагнулся к столу, взялся за карту и решился вмешаться в разговор.

— Итак, что может быть сделано? Как можно ускорить наши действия? Где наиболее вероятна атака Эриеллы?

Джебедия задумчиво кивнул.

— Элистер и я сошлись на трех местах, Райс, два из которых расположены очень близко друг от друга. Если Сигер примет нашу сторону и предоставит своих рекрутов, мы сможем перекрыть еще одну опасную точку.

Он склонился над картой и снова начал передвигать значки, Камбер перевел взгляд на танцующий огонь, погружаясь в собственные мысли.

Слова Келлена об их короле задели его за живое. Растущее сопротивление Синхила становилось главной проблемой, Камберу все чаще и чаще приходилось становиться свидетелем не решительности монарха.

Синхил, несмотря на свои сорок с лишним лет, незрелый во многих отношениях, со дня коронации погрузился в мудрствования, все более убеждая себя в том, что его восшествие на престол было ошибкой. Хотя архиепископ и освободил его от обетов, он остался священником и не стал королем.

262 Тень отступничества от лона церкви и священного са-

на преследовала его в женитьбе и появлении на свет близнецов, продолжателей династии — первого, болезненного и слабого, и его брата, здорового и сильного, но с искалеченной ступней, До гробовой доски несчастья его детей будут безмолвным укором и постоянным напоминанием о прегрешении бывшего священника.

В состоянии своих сыновей Синхил видел гнев небес и карающую руку Господа, наносящего удар по самому дорогому. И все это в наказание за отказ посвятить себя Господу.

И кто же виноват в том, что туманная до поры перспектива его судьбы год назад стала ясной? Разумеется, Камбер. Кто как ни могущественный граф-Дерини заставил Синхила нарушить обеты и сесть на трон? Разве не праведный гнев должен бушевать в груди Синхила? Внешняя лояльность в отношениях с графом Кулдским лишь прикрывала истинное отношение короля к тому, кто отвратил его от возлюбленного Бога. Разве сможет Синхил предать все это забвению?

Камбер отвел взгляд от пламени камина. Из глубины зала к столу приближалась его дочь. Просторная меховая мантия окутывала ее фигуру от подбородка до пят, но не могла скрыть изящества и грации Ивейн. За хозяйкой следовал секретарь, юный Реван, он старался ступать, осторожно и оттого его хромота сделалась более заметна.

Ивейн была встревожена. Когда она наклонилась, чтобы поцеловать отца в щеку, в ее голубых глазах, глядевших из-под густых прядей вьющихся волос, бушевал огонь.

— Как поживает королева? — тихо спросил Камбер и отодвинулся от стола, чтобы не мешать остальным.

Вздыхнув, она развернулась, отпустила Ревана, ожидавшего в почтительном отдалении, и проследила, как он захромал через зал к остальным пажам, собравшимся у дальнего камина. Снова склоняясь к уху отца, она нахмурила свой прелестный лоб.

— Ах, отец, она так несчастна. Реван и я провели с ней много часов, но ее невозможно развеселить. Она не должна быть такой равнодушной и подавленной, со дня рождения детей прошел целый месяц. Роды были не тяжелыми, и Райс уверяет, что физически она здорова.

— К сожалению, нашу маленькую королеву мучит не физическая боль,— ответил Камбер так тихо, что Ивейн пришлось нагнуться еще ниже, чтобы расслышать его.— Если бы король уделял ей хоть немного внимания, но нет, ему нужно охотиться над своими воображаемыми грехами и винить себя и всех вокруг в...

Он замолчал, отвлеченный громкими голосами в коридоре за дверьми залы. Один из голосов принадлежал сыну Камбера Джорему, а другой, более резкий, — королю.

Еще два голоса — мужчины и женщины — были незнакомы. Высокий женский голос почти срывался в истерику. Разговор за столом разом смолк, в зал вошли король, Джорем и еще двое.

Женщина, привлекательная и изящная, выглядела немного моложе Ивейн. Мужчина, по-видимому, брат или муж, держался, как воин, хотя меча при себе не имел.

Облик короля красноречиво предупреждал всякого о его настроении. Тяжелый взгляд Халдейна сверкал гневом, каждый мускул тела был напряжен. Джорем в голубых одеждах михайлинца выглядел светлым пятном на фоне черно-пурпурного одеяния Синхила и, кажется, был бы рад оказаться подальше от короля. Синхил раздраженно протянул руку, когда женщина упала на колени с мольбой:

— Прошу вас, Государь, он ничего не делает! Клянусь! — она всхлипнула. — Он стар и болен. Неужели в вас нет жалости?

— Нет, в нем нет жалости! — зло выкрикнул ее спутник, поднял даму с колен и выступил вперед, загородив ее собой. — Какая может быть жалость в оставившем свой сан священнике, ополчившемся против старика? Кто ты такой, Халдейн, что бы решать судьбы других?

В то же мгновение он вскинул руку, и угол залы осветился. Словно летнее полуденное солнце заглянуло в комнату. Все, кто сидел за столом, вскочили на ноги и бросились к королю, Джебедея и Гвейр на бегу выхватили мечи из ножен. Ивейн, подхватив юбки, поспешила за отцом, Райсом и Элистером Келленом.

Отблеск вспышки, казалось, остановил течение времени. Воздух сгустился и стал тяжелее — возле тронного места сталкивались гигантские волны энергии. Ноги тех, кто отчаянно стремился добраться туда, словно попали в свинцовые колодки.

Синхил и Джорем выстояли, им удалось повалить нападавшего, и борьба, сопровождаемая яркими вспышками, продолжалась на полу среди разбросанного тростника. Джорем оказался под незнакомцем, но продолжал сражаться за свою жизнь и жизнь короля, пока не подоспела помощь. Всплески магического огня слепили глаза, но Камбер успел заметить еще одну угрозу — кинжал, блеснувший в руке дамы. В следующее мгновение он увидел незащищенную спину Синхила, склонившегося над нападавшим и не подозревавшего об опасности.

Гвейр, самый юный и ловкий из них, тоже увидел кинжал и бросился к женщине, но нерасчетливо, и не сумел использовать меч с выгодой для себя. Он споткнулся о ноги поверженного мужчины, неловкий выпад — и оружие обратилось против Келлена и Райса.

— Синхил! — кричал Камбер, в последнем отчаянном прыжке он оказался между женщиной и королем, когда клинок взметнулся для удара.

В том, что происходило после, трудно было разобраться. Какой-то миг лезвие, нацеленное на Синхила, неслось к телу Камбера, в следующее мгновение брызнула кровь, и Камбер рухнул к ногам Синхила, под ним расплзлась кровавая лужа. Рассвирепевший от схватки король стремительно обернулся и увидел тело дамы, почти перерубленное мечом Джебедии. Он успел перед этим роковым ударом выбить из рук женщины кинжал с такой силой, что лезвие разлетелось на куски. Блеск стальных осколков гипнотически притягивал к себе взгляд Синхила.

Он совершенно обезумел от сияния обломков и с диким криком послал на своего живого врага такой порыв магической силы, что Джорем, распростертый на полу, как в ловушке, едва смог отвести от себя смертельную энергию разрушения.

Келлен рванулся к Синхилу, обхватил его, не давая возможности пошевелиться.

Пошатываясь, Камбер поднялся на ноги и, теряя равновесие, схватил Келлена за руку. Затем, стиснув голову короля окровавленными руками, несколько раз встряхнул и заставил смотреть на себя.

— Синхил, остановитесь! Ради Бога, прекратите! Все конечно! Вы в безопасности! Теперь они не могут причинить вам вреда!

Синхил расслышал Камбера, перестал вырываться, взглянул на его испачканное кровью лицо, несколько раз с силой зажмурился и, наконец, обмяк в объятиях Келлена. Закрыв глаза, король глубоко дышал, восстанавливая равновесие. Стражники, появившиеся в зале, нерешительно стояли вокруг.

— Все спокойно, — твердил Камбер. Он посмотрел по сторонам и повелительным кивком отправил стражу прочь — теперешнее состояние короля негоже лицезреть посторонним. — Все в порядке, Синхил, — снова прошептал Камбер.

С этими словами он разжал руки, освободив голову монарха, и отступил на шаг; он дышал неровно и

отрывисто, чувствуя, как струится кровь по левому боку, и зная, что это его кровь.

— Кто-нибудь ранен? — опасливо спросил Келлен, поддерживая задрожавшего Синхила.

Тот отрицательно качнул головой, открыл глаза и неуверенно посмотрел на встревоженные лица вокруг.

Райс, пошатываясь, направился к окровавленному Камберу, но граф глазами указал на остальных. Райс взглянул на женщину (в помощи лекаря она уже не нуждалась) и обернулся к мужчине.

Джорем с трудом выбрался из-под тела своего противника и сел. Таким бледным Райс никогда его еще не видел, но врага, подававшего признаки жизни, михайлинец не отпускал.

— Джорем, как ты? — осведомился Райс, приступая к осмотру пленника.

— Надеюсь, цел. Я, кажется, смог защититься. А что с этим? Ему крепко досталось.

Незнакомец, приоткрыв глаза, следил за рукой Райса, коснувшейся его лба, но то был взгляд мутный и бессмысленный.

Райс взглянул на короля.

— Что вы с ним сделали? Он умирает.

— Он мог убить меня,— угрюмо вымолвил Синхил.

— Вы знаете, что и Джорема едва не убили? А спасти этого человека я не в силах.

Слова Райса явно не понравились.

— Он преступник! Я не хочу, чтобы он оставался жив!

Гневно сверкнув глазами, Райс отвернулся к умирающему, а Джебедея опустился возле убитой дамы. Уже не нужный меч в рыцарской руке острием прочертил кровавый след по камышу, разброзанному по полу. К горлу воина подкатил комок, он вздрогнул от прикосновения Камбера.

— Мне не нравится убивать женщин, преступницы они или нет, Камбер,— прошептал он.— Я только хотел выбить кинжал. Она была Дерини. Я был уверен, что у нее есть защита, чтобы отвести удар.

— Ты не мог знать заранее,— ответил Камбер, наконец восстановив дыхание. Он с силой прижимал левый локоть к боку, надеясь сдержать кровотечение и скрыть рану от Синхила.— Никто не мог знать этого.

Келлену тоже было жаль Джебедею и его жертву, но, опасаясь нового приступа королевской ярости, он не высказал сочувствия. Вместо этого, дипломатично кашлянув, главный викарый михайлинцев указал на человека, с которым во-
зился Райс.

— Государь, откройте нам, с чего все это началось? Кто эти люди?

— Подстрекатели! — бросил Синхил, глядя в сторону.

Пленник шевельнулся и чуть повернул голову в сторону короля и викария. На его теле не было ни единой царапины, но в глазах застыла боль. Когда Целитель постарался облегчить его страдания, он оттолкнул руку Райса.

— Неужели вы не знаете нас, ваше преподобие? — воскликнул он. — Ведь это ваш суд рассматривал дело нашего отца и приговорил его гнить в подземелье под нами.

— Вашего отца? — переспросил Камбер.

— Вы знаете его, Камбер! — заговорил мужчина с силой, которой от него никто не ожидал. — Вы, Дерини, который предал свой народ, чтобы посадить на престол этого тирана, вручили могущество, уж я не знаю как...

Синхил побагровел и занес руку над умирающим, но Келлен удержал его.

— Ваше имя, — потребовал Камбер. — Если суд был неправым, я сделаю все, что в наших силах, чтобы восстановить справедливость. Но я должен знать, кто вы.

Мужчина откашлялся кровью и отвернулся, прежде чем снова взглянуть на Камбера.

— Моего отца зовут Дотан Эрнский, он был министром при дворе. Та... та, кто спит позади вас... — Его голос прервался, когда он отвел взгляд от мертвой дамы, — ...она была моей сестрой. О, Господи, как тяжело!

Джорем приподнял его, а Райс снова попытался помочь ему, но мужчина оттолкнул руку, указав дрожащим пальцем на короля.

— Твои вероломные друзья-Дерини отлично вышколили тебя, крысиный король! — На губах пленника пузырилась кровавая пена. — Но вот что я тебе скажу: плоды посеянных тобой семян не принесут радости. Я проклинаю каждый твой шаг, каждый вздох! Я проклинаю плоды посеянного тобой, проклинаю все, к чему ты прикасаешься! Пусть все это обратится в прах! Ты...

Такого потока проклятий Синхил не мог выдержать. С истошным нечеловеческим криком он вырвался из объятий оторпевшего Келлена; ему во что бы то ни стало надо было вытянуть свободную руку, загрести раскрытой ладонью воздух и стиснуть его в кулаке. Он успел.

Его жертва вздохнула, дернулась и застыла.

Когда Келлен снова схватил Синхила, остальные обмерли от ужаса, переводя взгляды с бездыханного

тела на короля, а Райс отчаянно пытался найти признаки жизни там, где их не стоило искать. Его глаза видели искаженное лицо Синхила, а его зрение открыло даже больше, чем Райсу хотелось знать о жизни и мести.

Камбер молча смотрел на короля, с трудом преодолевая ужас и негодование.

— Почему, Синхил? — спросил наконец он.

— Я должен давать объяснения вам? Он был преступником, преступником-Дерини!

— Он мог стать пленником, — возразил Камбер. — Под стражей никто не смог бы причинить вреда.

— Он проклял меня и то, чем я владею!

— Его проклятье всего лишь слова! Разве король должен убивать за слова!

— Это была казнь, а не убийство, — ответил Синхил, словно защищаясь. — Преступников казнят.

— Преступники должны быть подвергнуты суду! — произнес Камбер.

— Я сам судил и приговорил его! — возразил Синхил. — Кроме того, это был не просто мужчина, проклявший меня, это был Дерини. Как мне устоять перед силой Деринийского проклятья?

— Он уже умирал, — начал было Камбер, менее всего желая продолжать разговор о Дерини. Синхил тряхнул головой.

— Это несущественно. Вы можете поручиться, что проклятье Дерини, особенно посланное умирающим, не причинит вреда?

Камбер хотел заговорить, но Синхил снова тряхнул головой.

— Нет, вот и я подумал, нет, О, я знаю, что вы возразите, и понимаю, что мои познания в магии скромны. Что я вообще знаю о ваших способностях? Только то, что вы сочли нужным мне открыть.

— Синхил...

— Довольно. Я и без проклятия Дерини наказан за то, что оставил своего Господа. Один мой сын уже умер от руки Дерини. Стоит только заглянуть в королевскую детскую, посмотреть на несчастных крошек, и вы сразу поймете, что моим бедам нет конца.

Когда он указывал на дверь, все увидели на его левой руке длинный кровавый след пореза, до того скрытый рукавом мантии; он выглядел пугающе. Синхил поймал взгляды и

— Да, господа, ножи преступников иногда достигают цели. К счастью, эта рана легкая.

— Позволим Райсу судить об этом,— сказал Камбер, взглядом прося Райса обследовать рану, и приблизился, когда тот взялся за поврежденную руку.

— Синхил, возможно, возникли новые обстоятельства. Кто-то изменил или опроверг показания? — спросил Камбер, стараясь отвлечь короля от разговоров на тему проклятий и от манипуляций Райса.

Синхил покачал головой, гнев и высокомерие по-прежнему сверкали в его серых глазах.

— Какое это имеет значение? Я хорошо помню дело. Этот Дотан Эрнский был арестован вместе с Коулом Хоувеллом и его сообщниками. Коул был казнен. У Дотана, кажется, были смягчающие обстоятельства, поэтому ему назначили новый суд. Таков закон. Я не виноват.

— Он говорил что-то насчет того, что его отец болен,— вмешалась Ивейн.— Это так?

— Откуда я знаю?

— Король должен знать,— заметил Келлен. Синхил раздраженно развел руками, и Райс поспешил снова поймать расщепленную руку. Глубокая царапина могла зажить и сама собой, но, колебавшись, Целитель сделал глубокий вдох, всегда предшествующий самоуглублению и уходу в транс.

— Я не могу понять, почему с короной должно прийти всеведение,— зло отозвался Синхил.— Я подвергся нападению двух Дерини, был ранен при покушении на мою жизнь, и теперь вы пытаетесь заставить меня испытывать вину из-за того, что я убил одного из них. Это потому, что они Дерини, как и вы?

Даже если бы он заранее продумал свою речь (хотя, возможно, так и было), никакое другое заявление не могло бы более возмутить его слушателей. По их лицам ничего нельзя было прочесть, но Райсу пришлось прервать подготовку к исцелению, чтобы сообщить своему лицу выражение безразличия.

Гвейр, единственный человек среди них, не умел скрывать свои чувства и вздрогнул под долгим оценивающим взглядом Синхила, которого удостоился каждый из присутствующих.

Используя привилегию Целителя приказывать даже королям в делах лекарских, Райс сменил тональность разговора.

— Сэр, если вы и дальше будете продолжать спор, я не сумею исцелить вас. Присядайте, пожалуйста, к камину, чтобы я мог о вас позаботиться.

Синхил остолбенел, ошеломленный дерзостью Целителя, а Камбер положил руку на руку короля.

— Он прав, сир. Почему бы вам не присесть? Мы все очень нервничаем и устали от происшедшего. Джебедея, если у тебя нет неотложных дел, я хотел бы пойти с тобой и взглянуть на Дотана Эрнского. Это самое малое из того, что в наших силах. Гвейр, пожалуйста, попроси стражу убрать тела. Проследи, чтобы они были похоронены.

— Нет, пусть они сгниют! — рявкнул Синхил, сбросив руку Камбера со своего плеча.

— Проследи, чтобы они были погребены,— повторил Келлен приказ Камбера.

Он посмотрел прямо в лицо Синхилу, король отвел взгляд в сторону и безропотно побрел к камину.

Он больше не прекословил и послушно протянул руку Райсу. Сознавая свою бестактность к тем, кто пришел к нему на помощь, он закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Вероятно, его смущали взгляды, которыми обменивались Дерини, занимая места вокруг.

На этот раз Райс вошел в транс в полной тишине, и сейчас, вопреки обыкновению, Камбер не последовал за ним для наблюдений. Вместо этого он полулежал в кресле, опираясь головой о спинку и молитвой сдерживая боль. Он по-прежнему чувствовал, как кровь струится по боку, обнаружил у себя растущее головокружение, но не хотел, чтобы Синхил заметил это.

Открыв глаза, он встретился взглядами с Джоремом и Ивейн, они ощутили страдания отца. Но Камбер покачал головой, взглядом запрещая им говорить об этом.

И все же Райса ему провести не удалось. Целитель превосходно чувствовал все происходящее за его спиной и, закончив лечение короля, с упреком посмотрел на Камбера.

Камбер покачал головой и посмотрел на руку Синхила. О ранении напоминали только быстро бледневшая розовая полоса на коже и кровавые пятна на рукаве.

Синхил, поняв, что дело сделано, открыл глаза и осторожно пошевелил рукой.

— Благодарю, Райс. Сожалею, если несколько осложнил твою работу.

Райс кивнул, принимая благодарность и извинение, но промолчал.

— Камбер,— продолжал король тем же ровным голосом,— вы желаете сказать что-нибудь еще, или я могу идти?

— Вам вовсе не нужно спрашивать у меня разрешения, сир.

Государю лучше знать, что он сделал и правильно ли он поступил.

— Черт поberi, не читайте нотаций! — воскликнул Синхил, почти в истерике вскакивая на ноги.— Я не ребенок, я больше не в вашей власти!

С этими словами он развернулся и вышел из залы. Келлен хотел последовать за ним, но Джорем поймал его за рукав и задержал. Потрясенный, Келлен увидел, как Камбер с побелевшим лицом оседает в кресле, схватившись рукой за левый бок. Келлен упал в кресло, только что оставленное Синхилом, а Райс разрывал окровавленные одежды Камбера, неодобрительно прищелкнув языком при виде кровавой лужицы на обивке кресла.

— Думал, что на твоём рукаве была кровь женщины,— заговорил Райс, продолжая рвать ткань обеими руками.— Я спрашивал, все ли с тобой в порядке, но ты солгал!

— Не хотел, чтобы Синхил узнал о моем ранении. Кроме того, прежде ты был нужен ему.

— Рана была несерьезной, и ты видел это. Не дергайся. Я не хочу причинять тебе больше боли, чем необходимо.

Пальцы Райса коснулись раны и начали ощупывать ее, Камбер вздрогнул, но более не шевелился. Сидевшая справа Ивейн взяла его руку в свои и обеспокоенно заглядывала в глаза. Джорем опустился на колени у его ног.

— Все это не слишком серьезно, не так ли? — пробормотал Камбер. Ему показалось, что Райс слишком долго осматривает рану.

— Я еще не знаю. Поговори о чем-нибудь другом, пока я не выясню.

Камбер улыбнулся, скорее для того, чтобы подбодрить детей, чем потому, что чувствовал облегчение, и посмотрел на опустившегося на колени Келлена.

— Ты знаешь, Элистер, было очень интересно узнать, кого он в этот момент слушает, а кого нет.

Келлен тихонько фыркнул и постарался как можно спокойнее посмотреть на бледное лицо Камбера.

— Хочешь сказать, что я имею на него такое влияние, какого не имеешь ты,— ответил он утрюмо.— Боюсь, к несчастью, это не так. Вероятно, он принимает меня и Джорема как носителей священного сана — того, что он утратил. Другого объяснения я не могу найти.

— Какой бы ни была причина, результаты налицо,— произнес Камбер. Он пошевелился и сморщился — Райс добрался до самого больного места.— Что будет, когда ты уедешь в Грекоту?

Келлен пожал плечами.

— Сомневаюсь, чтобы король знал о моем повышении. Однако Грекота не так далеко от Валорета. По пустякам я не буду волноваться, но когда понадобится, я буду рядом.

— А что будет после переезда двора обратно в Ремут? Тогда ты окажешься вдвое дальше от Синхила.

Келлен покачал головой.

— Не знаю, Камбер. Я иду туда, куда меня посылают. По-моему, ты преувеличиваешь мое влияние на него.

— Возможно. Я беспокоюсь из-за растущей враждебности к Дерини вообще. И чисто субъективно беспокоюсь об изменении отношения ко мне. Как ты мог заметить, мне все труднее становится общаться с ним.

— Он становится просто невыносим! — мрачно буркнул Джорем. — Иногда я сожалею, что мы отыскиали его. С Имре, по крайней мере, было понятно, какой неприятности ждать.

— Никогда не желай, чтобы вернулись те времена, — ответил Камбер. — Нам едва удалось избавиться от Имре и его опасных родственников. Не беда, что пока Синхил не похож на того, каким мы хотим его видеть. Со временем люди научатся любить его.

— В самом деле? — Джорем, оглянувшись на солдат, бродивших по залу и наводивших порядок, понизил голос до шепота.

— Знаешь, а они уже любят тебя. Ты мог бы сам быть королем. Тебя приняли бы с большой охотой.

Камбер посмотрел на своих детей, на бестрепетного, как сама смерть, Келлена, на Райса, сидевшего на коленях сбоку, и вздохнул.

— Ты действительно этого хочешь, Джорем? Мы — Дерини, ни в одном из нас не течет королевская кровь. А если бы я на самом деле занял трон, что тогда? Я был бы не лучше Имре, чьи предки тоже взяли то, что им не принадлежало.

Глаза Ивейн наполнились слезами.

— Но Синхил такой... такой беспомощный, отец, и такой...

— Синхил — наш законный король, пусть никто не забывает об этом, — убеждал Камбер. — Несмотря на все его неудачи (я первый соглашусь, что их было множество), мне кажется, он может научиться и быть настоящим королем.

— Даже через сто лет он не сравнится с тобой! — тихо сказал Джорем.

Камбер мягко улыбнулся.

— А ты думаешь, я проживу сто лет, Джорем? Рассуди здраво. Что было бы, займи я престол? И что слу-

чилось бы после моей смерти? Мне почти шестьдесят. Я отлично себя чувствую и смогу прожить еще несколько лет, но сколько? Десять? Двадцать? А теперь, когда твой брат Катан мертв, моим наследником стал семилетний паренек. Ты бы хотел, чтобы, когда меня не станет, корона перешла к Девину? Или к тебе, и ты отрекся бы от всех своих обетов, как мы заставили сделать это Синхила?

— Ты умеешь убеждать,— прошептал Джорем.

— Да, возможно, и Господь желает этого. Я должен служить нашему законному королю. Цена, которую мы заплатили за возведение Синхила на престол, была слишком высока, чтобы забыть о ней потому, что сейчас мы переживаем трудности.

Келлен слегка зашевелился, подался назад и задумчиво погладил подбородок.

— Что же делать с Синхилом? Ты сам заговорил на эту тему. Ваше сотрудничество возможно?

Камбер пожал плечами.

— Если я должен, значит, я обязан. Думаю, это временное обострение. Льщу себя надеждой, что еще нужен Синхилу, по крайней мере до тех пор, пока борьба с Эриеллой не закончится так или иначе. Как говорит мой сын, народ любит меня. Это несправедливо, мы все участвовали в том, что ошибочно приписывают мне одному, да это и не так важно. Имре мертв, они готовы благодарить меня, хотя знают, что сделал это Синхил. Со временем станет известна правда.

— Пока еще не время,— произнес Райс,— Камбер, лечение будет нелегким, хотя и не слишком сложно, кое-что уже сделано, но я не хочу полагаться на твою помощь. Ты потерял слишком много крови.

— Значит, ты не говоришь мне всего, и я не могу тебя заставить,— сказал Камбер.

Райс упрямо тряхнул головой, не отнимая руки от левого бока Камбера.

Камбер вздохнул и поудобнее устроился в кресле.

— Хорошо. Не будем спорить. Ты, разумеется, понимаешь, что я никогда не постигну, как это делается, если не позволять мне наблюдать работу даже на собственном теле.

— Раз ты не научился до сих пор, то вряд ли вообще научишься,— ответил Райс с натянутой улыбкой. Он протянул правую руку ко лбу Камбера.— Итак, начнем. Закрой глаза и расслабься. Откройся мне. Никаких барьеров... никакого сопротивления... никаких воспоминаний.

Повинуясь, Камбер выдохнул и ушел в себя, зная, что у Райса должны быть веские причины для такой

просьбы, и просто не имея сил сейчас над ними размышлять. Какое-то мгновение спустя он уловил прикосновение к своему мозгу, зовущее обратно в реальный мир; возвращаться не хотелось. Сделав еще один глубокий вздох, он с хмурым видом открыл глаза.

— Как ты себя чувствуешь?

Совсем близко маячило обеспокоенное лицо Райса, пальцы Целителя по-прежнему касались его виска.

Камбер намеренно неторопливо моргал, переводя взгляд с одного лица на другое. Все они были более торжественными, чем ему казалось уместным.

— Хорошо. Теперь ты можешь сказать, что это было? Я чувствую себя просто прекрасно, разве только немного слаб. Могу утверждать, что Великий Целитель приложил к этому руку. Теперь бесталанный Целитель может получить кое-какие пояснения, а, Райс?

Придвинув стул, Райс уселся с важным видом и заговорил:

— Были рассечены мышцы, повреждена селезенка, задета почка. Внутри скопилась кровь. А в остальном все было в порядке.— Склонив голову, он задумчиво глянул на Камбера.— Что мне действительно хотелось бы знать, так это как тебе удалось так долго держаться на ногах.

— Сколько времени ушло на исцеление? — спросил Камбер.

— Немало... много,— улыбнулся Райс.— Сейчас все в порядке или будет после недолгого отдыха. Только впредь остерегайся. Я могу и не успеть.

— Постараюсь не утруждать тебя.

Камбер улыбнулся и сунул руку туда, где раньше была рана. Под пальцами была гладкая кожа, боли от прикосновения не ощущалось.

— Итак, на чем мы остановились? — спросил он, вздохнув и расслабившись в кресле.

Его дочь покачала головой и с облегчением откинулась на спинку, положив одну руку на плечо брата, устроившегося у ее ног прямо на тростнике. Джорем, весь в крови, соломе и камыше после стычки, кое-как пришел в себя. Он посмотрел в глаза отцу.

— Мы говорили о твоих сложностях с Синхилом, раз ты не хочешь видеть возможности существования иного монарха.

— Неверно. Мы говорили о неспособности Синхила ужиться со мной,— поправил его Камбер.— Как вы знаете, со мной очень легко общаться.

— Нам также известно,— продолжал Джорем,— что
274 Синхил держит нас — и в особенности тебя — при се-

бе, чтобы винить во всех несчастьях, которые выпали на его долю после того, как он оставил аббатство. Ты, отец, для него — козел отпущения.

— Пожалуй, ты прав.

Смущенный Келлен завожился на стуле.

— Не хочу вступать в семейный спор, не могли бы вы обсудить это позднее? На случай, если вы все забыли, я спешу напомнить: мы на пороге войны, наше оружие заржавело, а я и Джебедея должны сказать солдатам что-то еще, кроме в конце концов все само собой образуется.

Камбер снова вздохнул и поджал губы. Сложив указательные пальцы, он с отсутствующим видом углубился в их созерцание.

— Прости, Элистер. Ты верно выбрал тему. Давайте отложим вопрос с Синхилом, его не решить в разговорах.

— Так-то лучше, — пробормотал Келлен.

— Что же касается нападения, — продолжал Камбер, глядя мимо собеседников, — по-моему, при вашем участии и поддержке можно будет узнать о планах Эриеллы. Элистер, не уверен, что ты одобришь мое намерение, так что можешь не участвовать, если хочешь.

Келлен откинулся на спинку кресла и искоса взглянул на Камбера.

— Итак, Камбер, в какую историю ты влезаешь на этот раз? Я знаю твои повадки.

Камбер обвел взглядом присутствующих, одни серые глаза двигались на его бесстрастном лице.

— Уверю, это чистое дело. Все заключается в перетекании могущества, осуществить его невероятно сложно и все же, думаю, возможно. Вернее, я знаю, что это можно сделать, и думаю, что сумею.

— Значит, ты никогда раньше не пытался? — спросил Джорем.

— Нет, это описано в старинном манускрипте, называемом Протоколом Орина. Я нашел его вместе с оригиналом Парджана Хавиккана, который ты переводила, Ивейн. Но первая рукопись, вероятно, на несколько сотен лет древнее. Как бы там ни было, наши предки пользовались движением магических сил для того, что мы называли бы предсказаниями. Если нам удастся проделать подобное, я думаю, можно будет подобрать ся к Эриелле.

Он почувствовал руку Ивейн на своем плече и, повернув голову, поцеловал ее пальцы.

— Боишься? — спросил Камбер.

— Нет, отец, ни капельки, если на контакт пойдешь ты.— Она легко засмеялась.— Осталось только сказать, чем тебе помочь, и мы в твоём распоряжении. Думаю, могу говорить за Райса и Джорема.

Двое мужчин кивнули, а Элистер Келлен прочистил горло и поддался немного вперед.

— Ты говоришь, все чисто?

Камбер согласно кивнул, все еще держа руку дочери, наблюдая, как происходящая внутри борьба отражается на морщинистом лице Келлена.

— Не знаю, что ты задумал, но не стоит полагать, будто я спокойно позволю вам четверым обречь себя на вечное проклятие,— наконец заговорил настоятель.— Иногда я не вполне уверен, в своем ли ты уме, Камбер, а твои дети берут с тебя пример. Вам просто необходим хоть один нормальный разум.

Камбер улыбнулся, кивнул, но ничего не сказал.

— И тебе всегда удастся уговорами втянуть меня в подобные затеи, несмотря на мой здравый смысл,— закончил Келлен, обиженно вздохнул и откинулся в кресле.— Что ж, давай. Ты решился на очередную авантюру, скажи мне, где и когда, и я буду там.

— Разве я уговаривал его? — спросил Камбер, обращаясь к детям с младенческой наивностью.

Остальные прыснули, и Камбер дружески похлопал Каллена по плечу.

— Спасибо, друг мой. Больше всего мы ценим твою осторожность. Теперь перейдем к вопросу где и когда. По-моему, нужно поторопиться — чем скорее, тем лучше. Если никто не возражает, я хотел бы проделать это сегодня вечером, сразу же после вечерней мессы.

— У тебя хватит сил? — спросил Джорем.

Камбер посмотрел на Райса, и тот пожал плечами.

— Если ты обещаешь мне хорошенько поесть и немного отдохнуть, будет довольно. Помни, потеряно много крови, а в этом я ничем помочь не могу.

— Согласен. Другие возражения?

Джорем с сомнением оглядел остальных, разделяя недовольство своего наставника по Ордену к задуманному отцом. Никто не возражал.

— Ладно. Ты все равно сделаешь по-своему, так что отговаривать тебя бессмысленно. Где ты собираешься это сделать, и нужна ли тебе помощь?

— Лучше всего было бы на освященной земле, но едва ли это возможно здесь, в крепости, из соображе-

ний секретности, а выходить наружу мне бы не хотелось. Так что лучше всего, видимо, нам расположиться в гардеробной рядом с моими покоями. Там можно обеспечить необходимую безопасность.

— А помощь? — напомнил Райс. Камбер покачал головой.

— Если не возражаете, я управлюсь один. Однако кое-чем вы можете помочь, Ивейн, отыщи мне большую серебряную чашу размером, по крайней мере, с человеческую голову. Внешний вид меня не интересует, но внутренняя поверхность должна быть гладкой.

— Просто гладкое полированное серебро?

— Именно. Да, Джорем, нам понадобятся благовония и то, в чем их можно сжигать.

Джорем кивнул.

— Теперь Элистер...

— Не уверен, что я действительно хочу это знать, но продолжай,— пробормотал Келлен.

Камбер хмыкнул и встал, подбирая складки окровавленной одежды, ради Келлена напуская на себя беззаботный вид.

— Не тревожься, друг мой. Возможно, тебе это даже покажется любопытным. Вот что мне нужно от тебя...

ГЛАВА II

**А ты пребывай в том, чему научен
и что тебе вверено, зная,
кем ты научен.¹**

Синхил с трудом мог перевести дух, когда наконец поднялся в свои апартаменты. Заперев дверь, он простоял, прислонившись к ней, несколько минут, слушая, как оглушительно бьется сердце. Трясущиеся руки вцепились в засов, словно он пытался уверить себя, что наконец оказался в безопасности. Он пытался не думать о том, что случилось. И на время ему это даже удалось.

Но когда дыхание выровнялось, слепая паника и гнев уступили место страху и чувству вины. Он вздохнул поглубже, чтобы прогнать тошноту, и заставил себя отлепиться от двери, а затем медленно, с достоинством войти в крохотную молельню, скрытую в оконном проеме. Там он, содрогаясь, рухнул на колени и воздел руки в молитве.

Господи, что же делать? Он так долго отчаянно старался исполнять свой долг, несмотря на все тяготы, что принес ему королевский сан — но вот его проклинали, заставили стать убийцей, затем исцелили.

Он весь дрожал, не в силах осмыслить происшедшее к этому придется вернуться позже, на исповеди, когда он хоть немного придет в себя. Верно, тот человек был убийцей и заслужил смерть — и если бы он убил его в бою, это была бы простая самозащита. Но Синхил прикончил его в ярости, от страха перед пустыми словами. Конечно, перед законом он чист, однако не перед собственной совестью — ведь Слово Божье за-

прещает людям убивать друг друга. Камбер был прав в своем гневе.

А проклятие — был ли Камбер прав и в этом? Чем отличаются проклятья Дерини от проклятий обычного человека? И можно ли в этом верить самим Дерини? В конце концов, они уже не раз обманывали его, хотя, он был вынужден признать, их действия всегда были направлены на благо королевства.

Но как насчет его собственного блага? Его, Синхила? Разве он — пустое место? Неужели так и придется жить у них под пятой, быть в их руках орудием, которым пользуются так, как понравится, и ради целей, ведомых только им? Он был человеком с бессмертной душой, душой, которую они уже ввергли во грех. Они отняли у него его священный сан, они...

Нет! Он не должен множить обвинения и загнивать от жалости к себе и бессильного гнева. В бесконечной борьбе с самим собой, так истерзавшей душу, кажется, наметился исход. Он более не позволит пятнать чистоту своих помыслов гневом и мыслями о мщении. Его внутренний мир должен замкнуться от всего этого, от позора убийства, проклятья и Камбера.

Решительно вздохнув, он перешел к молитвам, обретая покой в простоте слов и ясности помыслов. Когда он наконец поднял голову и открыл глаза, то почувствовал себя совершенно умиротворенным... пока он не взглянул на окровавленный рукав. Он застыл. Исцеленная рука задрожала — он снова вспомнил все, что случилось в зале.

Синхил чуждался любой магии, и даже исцеление — таинство, подвластное только избранным Дерини, — внушало ему благоговейный страх.

Но Райс ему нравился. Даже то, что Райс был одним из тех, кто похитил его из монастыря, не настроило Синхила против Целителя. Было в нем и в других знакомых королю Целителях нечто, отличавшее их от представителей своего племени, словно их призвание, основанное на Деринийском происхождении, было от Бога, так же, как и его призвание к церковному служению.

Он сжал кулак, мимоходом отметив отсутствие боли и прочих признаков недавнего ранения, и снова обратил внимание на окровавленный рукав. Поднявшись, Синхил с отвращением скинул пурпурную накидку, и она упала возле аналая, а его пальцы искали шнурки нижней рубашки.

Он повернулся и задержал взгляд; от вида стоявшего у постели огромного, окованного железом сундука у него перехватило дух. Он шагнул, повинувшись безотчетному побуждению.

Когда Синхил нагнулся и дотронулся до крышки сундука, его пульс забился с удвоенной силой.

Этот ларь, вернее, его содержимое, несколько месяцев назад стало самым дорогим достоянием короля, об этом не знал никто. Собранное втайне, иногда с риском разоблачения, то, что лежало под крышкой, было символом жизни, сладостным и запретным, после его вынужденного отречения и коронации.

Если бы кто-нибудь узнал о его намерениях, ему досталось бы множество упреков, поэтому каждый раз, когда он пополнял сундук, в уголке его сознания шевелилось чувство вины, но тут же подавлялось. Синхил готов был повиноваться лишь более высоким наущениям, чем те, что исходили от людей, пусть даже Дерини. Ничто не остановит его в стремлении к конечной цели. Только надо действовать так, чтобы никто ничего не знал.

Испытывая тайную радость, Синхил опустил на колени и, коснувшись потайных кнопок, открыл запоры. Когда он поднимал крышку, его руки тряслись. Дрожь не прекращалась до тех пор, пока он не начал перебирать содержимое сундука.

Первый слой служил для маскировки. Он придумал так на случай нечаянного любопытства, хотя вряд ли кто-то посторонний мог добраться до заветного сундука в его покоях. И все же осторожный Синхил положил поверх всего остального свой почти новый коричневый плащ.

Он скрывал настоящие сокровища. Он убрал в сторону коричневую ткань, обнажилась ослепительная белизна — тщательно подобранное, полное священническое облачение; здесь было все, кроме самой важной ризы для совершения мессы.

Синхил любовно гладил ослепительную ткань шапочки и стихаря и прочный, ладно сделанный шнурок-пояс с белоснежными кисточками, благоговейно тронул вышивку на епитрахили и прижал ее к груди.

Однажды, возможно, очень скоро, он снова наденет все это, чтобы служить мессу, ему не позволяли этого вот уже год с лишним. Конечно, облачение было не главным, потому что Господь будет судить его по душе, а не одежам. Но для него это было важно. Он хотел принести чистую и совершенную жертву.

По приказу человека он не отступится от того, что Бог значил ему с рождения. Никакие слова архиепископа не в силах изменить этого. Как говорит писание, он был священником на веки вечные. Какое значение имеет то, что для окружающих он вынужден быть королем? Наедине с самим собой он остался верен своим обетам и вновь об-

ретал Бога. В нем так жили два человека: король Синхил и отец Бенедикт.

Одной рукой он уложил шапочку и стихарь на место, другой все еще прижимая епитрахиль к груди, благоговейно осмотрел лежавшее в сундуке — это его священные одежды, они еще послужат ему.

На самом дне, аккуратно завернутые, лежали его потир и дискос — золотая чаша и маленькая золотая тарелочка, которые он добыл из королевской сокровищницы несколько недель назад. В тот день на посту был не слишком сообразительный стражник, ему и в голову не пришло удивиться, зачем обычно не в меру бережливому и воздержанному во всем королю потребовались такие роскошные вещи.

Снова укладывая сундук, он улыбнулся, трепетно коснулся губами епитрахили и положил ее сверху. Придет время, очень скоро, а теперь...

Синхил весь был в блаженном прошлом, вдруг стук в дверь вернул его к действительности.

— Кто там?

Он запер сундук и встал, чувствуя себя виноватым.

— Ваше Величество, это я, Элистер Келлен. Можно поговорить с вами?

Келлен!

Синхил застыл в смятении, бросил взгляд на сундук, соображая, мог ли настоятель что-то видеть сквозь дерево двери и сундука. Затем он покачал головой, поправил одежду и быстро подошел к двери — пожалуй, даже Дерини не могли проделать подобного.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь, вытер влажные ладони о бедра, положил руку на засов, окончательно взял себя в руки, отодвинул засов и выглянул в щелку.

— В чем дело, отец Келлен?

— Я тревожился за вас, Государь. Если позволите, я хотел бы войти и поговорить. Я зайду попозже, если появился не вовремя.

Синхил внимательно изучал лицо своего посетителя, не замечая признаков обмана. Разумеется, он не мог считать мысли с Дерини, как с обычного человека, но, казалось, Келлен не ищет ничего, кроме того, о чем просит.

Пожав плечами, Синхил отступил в сторону, освобождая вход. Келлен вошел с изъявлениями благодарности и склонился в поклоне.

Синхил запер дверь и начал мерить шагами комнату, сцепив руки перед собой.

— Вам нет нужды беспокоиться о моем душевном состоянии, отче,— сказал он после минутного молчания.— Должно быть, вы понимаете, меня потрясли события нынешнего дня. Если я показался небезупречным, прошу меня извинить.

— Да, показались,— отвечал стоявший неподвижно Келлен.— Вы доставили Райсу много хлопот.

— Понимаю. Я же сказал, искренне сожалею.

Король остановился у северного окна, поставив ногу на каменную скамью, выступавшую у стены. Келлен последовал за ним и заговорил, глядя в королевскую спину.

— Вы были чересчур резки с Камбером, не так ли? А ведь он немало сделал для вас.

— Неужели? — прошептал Синхил.— А разве он заботится не о режиме, который сам и создал? Пусть он оставит меня, отче. Ему не по нраву мои поступки, пусть смирится с этим, как я смирился с моим положением.

— А вы смирились со своим положением?

В вопросе викария не слышалось никакого подвоха, но Синхил на мгновение обмер, а потом смущенно отвернулся.

Что известно Келлену? Может, он и сейчас читает в его мозгу?

Король судорожно глотнул и заставил свои мысли успокоиться. Разумеется, Келлен не касался его сознания. С умением и возможностями, которые Синхил получил от Дерини, он приобрел полную власть над своим мозгом и множеством других вещей. Он знал, что теперь Дерини не в состоянии узнать его мысли. Келлен никак не мог сделать этого.

Он полуобернулся к настоятелю, избегая встречаться с ним взглядом.

— Было очень одиноко, отче. Но я пережил.

— Так-таки пережили?

— А что еще оставалось делать? — Он с упреком взглянул на Келлена.— Ваши друзья-Дерини отняли у меня бесценный дар, заменили сияние моей веры холодом и тяжестью короны. Даже те, кому я верил, в конце концов предали меня.

— Предали вас?

— Больше других повинен Камбер с его дутыми принципами и безупречно правильными поступками. И архиепископ. Он запретил мне быть священником, объявив, что долг призывает меня за стены монастыря. И Ивейн...— он устался в пол и шумно глотнул.— Ивейн, которую я считал своим другом, та, которая понимала меня. Она использовала мое доверие, чтобы сделать послушным Камберу и его заклинаниям, И вот теперь я один, не решаюсь довериться никому, лишен-

ный своего священного сана, живущий во грехе с навязанной мне женщиной, отец болезненных малюток, чьи недуги — мое наказание за грехи...

Он умолк, всхлипнув, склонил голову, пытаясь справиться со слезами горечи. Возможно, это и удалось бы, если бы Келлен не приблизился и не положил руки на его плечи.

Синхил безутешно расплакался. Его не смущало то, как он жалок, весь в слезах, уткнувшийся в плечо настоятеля; это скорее утешало короля перед лицом неисчислимых страхов в прошлом, настоящем и будущем. Наконец здравый смысл возобладал в нем, король отстранился от Келлена и вытер рукавом покрасневшие глаза. Пока Синхил пытался вернуть себе эмоциональное равновесие, пауза делалась все более неловкой.

— Прощу прощения,— в конце концов, прошептал он.— Мне следовало бы лучше владеть собой. На... на мгновение мне показалось, что я могу доверять вам.

Келлен склонил голову, потом взглянул на Синхила.

— Я хочу помочь вам,— тихо произнес он.— Я знаю, вам пришлось нелегко. Если бы я мог как-то исправить то, что было сделано, не подвергая королевство опасности...

— Вот ключ ко всему, отче, вы сами сказали,— в голосе Синхила звучала горечь,— не подвергая королевство опасности. Королевство стоит выше короля. Я в определенном смысле согласен, если это правило касается других — Он вздохнул.— Прости меня, отче. Я знаю, вы хотите, как лучше, но...

Его голос замер. Синхил знал, что, как бы ни был ему симпатичен Келлен, тот по-прежнему оставался Дерини, вовлеченным в дела Камбера и остальных. Он водил пальцами по оконной раме и смотрел на дождь, не замечая его.

— Вам что-нибудь еще нужно, отче? Если нет, я хотел бы остаться один, если не возражаете.

— Ничего, что не может быть отложено до следующего раза. Ах да, утром Джебедия собирает военный совет, чтобы окончательно определить нашу военную стратегию. Он думает, и я согласен с ним, что ваше присутствие оказало бы моральную поддержку. Постарайтесь держаться увереннее.

— Неужто я действительно нужен? — капризно произнес Синхил. Он повернулся к Келлену.— Что понимает бывший священник в военных делах, отче? Впрочем, я со своим сверхневежеством понимаю, что положение неравное.

— Все меняется,— ответил Келлен.— К началу заседания может быть получена дополнительная информация.

Сами по себе слова были нейтральны, но Синхил почувствовал в речи викария некий пророческий тон,

и это возбудило его интерес. Склонив голову, он с любопытством оглядел настоятеля.

— Вы ожидаете изменения ситуации?

— Не ожидаю, но у нас есть определенные надежды. А почему вы спрашиваете?

— Мне посылались нотки...— Он посмотрел в пол, размышляя над тем, что сказал Келлен и о чем умолчал, потом снова поднял глаза.— Неважно. Пожалуй, это как раз то, что мне хотелось услышать. Вы же знаете, мне не безразлична наша военная ситуация, несмотря на все мои речи.

— Порой мысли претворяются в молитвы.— Келлен улыбнулся.— Кстати, у меня есть новости, вам, вероятно, еще не известные. Я сам узнал о них только вчера.

— Да?

— Вы, без сомнения, помните, что епархии Ремутская и Грекотская были свободны какое-то время. Имре отказался заполнить вакансии, будучи неуверен, что на выборах посчитаются с его предложением. Однако, руководствуясь тем, что в ваши планы входит возвращение столицы в Ремут, архиепископ Энском решил восстановить архиепископскую епархию Ремутскую.

Синхил кивнул.

— Я знал об этом, Роберт Орисс, мой брат по Ордену, вскоре наденет лиловую сутану.

— Он заслужил ее,— согласился Келлен.— Но вы могли не слышать о том, что и Грекотская епархия тоже восстановлена, а теперь архиепископ и синод назначили меня руководить ею, Через несколько месяцев, как только окончится война, мы с Робертом получим ваше благословение.

— Вы — епископ Грекотский! — прошептал Синхил. Радостное выражение на его лице сменилось разочарованием,— Но это так далеко отсюда и в нескольких днях езды от Ремута. Значит, я никогда не увижу вас.

Келлен беспомощно пожал плечами.

— Даже став епископом Грекотским, я надеюсь некоторое время проводить в столице, где бы она ни была. Но я тронут вашим беспокойством, Государь. В связи с этим назначением у меня тоже весьма противоречивые чувства, этому несколько причин. Разумеется, я рад вернуться в Грекоту. Вы ведь знаете, я учился там. И приветствую предложение восстановить там епархию. Но заботиться о стольких душах сразу весьма обременительно. Это означает неизбежное расставание с моими михайлинцами.

— Михайлинцами... Правильно. А я и забыл. Вы не можете сохранить за собой оба поста?

— Нет, но, может быть, мой преемник будет руководить Орденом лучше, чем я. Даже с той щедрой поддержкой, которую вы оказываете, уйдут годы на то, чтобы восстановить все потерянное при Имре.

— Вы несли потери ради меня,— Синхил растрогался.— Чем я смогу отплатить этот долг?

— Только молитесь за нас,— просто ответил Келлен — И, пожалуйста, помолитесь за меня, чтобы Господь даровал мне силы и волю в новом начинании. Ваши молитвы очень дороги для меня, Синхил.

После долгого взгляда король робко улыбнулся собеседнику.

— Значит, у меня привилегия молиться за вас, отче... или мне следует говорить Ваше Преосвященство?

— Отче — тоже хорошо. Или, если хотите, Элистер.

— Нет, не Элистер. Не теперь, по крайней мере. Епископ. Вы станете епископом. Как это чудесно!

— Может быть, мы сможем делиться друг с другом мирскими проблемами, Ваше Величество,— сказал Келлен, касаясь руки Синхила в знак прощания.— Вы станете рассказывать мне, каково быть королем. А я вам — каково быть епископом. В этом нет ничего запретного.

Синхил, исполненный благодарности, провожал взглядом своего гостя. Когда тот дошел до двери и повернулся, чтобы отдать прощальный поклон, король произнес:

— Спасибо, что зашли, отче.

— Спасибо, что выслушали меня, Ваше Величество,— улыбнулся Келлен.

Когда он ушел, Синхил уселся у окна и вздохнул.

Келлен станет епископом, епископом Грекотским! И это как раз сейчас, когда он стал казаться Синхилу единственным Дерини, которому можно доверять. Разумеется, Грекота не так далеко, и все-таки...

Дерини, близкий к нему, не спасет, но может быть полезен. Возможно, с помощью Келлена удастся вернуть его сан. Или обратиться с этим к Ориксу? Тот во главе Ремутской епархии приобретал более высокий ранг и влияние в сравнении с Келленом, особенно в случае возвращения столицы в Ремут. К тому же Орикс не Дерини, а обыкновенный человек.

Правда, Орикс не знал Синхила в период его монашества. Вероятно, никогда не слышал о брате Бенедикте Синхиле, покуда Джорем и Райс не уговорили того выйти из

аббатства святого Фоиллана. Но после рукоположения в архиепископский сан Орисс станет равен Энскому, да еще Келлен будет епископом в Грекоте. Может быть, тот день, когда Синхил снова отслужит мессу, не так уж далек!

Он долго обдумывал это, мечтая о будущем. Вдруг совершенно новая мысль посетила его столь неожиданно, что он не сразу ухватил ее суть и удивленно глядел по сторонам.

Потом, более не занимая себя размышлениями и взвешиванием аргументов, он дотянулся до сонетки над постелью и позвонил. Тотчас же явился Сорл, его лакей, запыхавшийся и озабоченный.

— Сорл, попроси отца Альфреда зайти ко мне,— распорядился король, избегая смотреть на сундук возле кровати.— Скажи, пусть принесет пергамент и чернила. У меня есть для него работа.

Сорл поклонился, заинтригованный, и отправился выполнять поручение своего господина. Синхил рухнул на постель, в восторге прижимая колени к груди.

Какая замечательная возможность! Келлен и Орисс будут возвышены до епископов, и будет более чем уместно, чтобы король преподнес им достойные дары по такому случаю. А какой дар может быть более достойным, нежели новое облачение?!

И посторонним совершенно ни к чему знать, что двое новых епископов получают не все, что будет заказано. Никто не заподозрит, что одно одеяние останется в трепещущих от благоговения руках Синхила Халдейна!

ГЛАВА III

**Ибо смерть входит в наши окна,
вторгается в чертоги наши, чтобы
истребить детей с улицы,
юношей с площадей.¹**

Уютно устроив ноги на скамеечке перед камином, Камбер сидел в мягком кресле в своей спальне, невидящим взглядом глядя на огонь.

Мир снизошел на его душу, и грядущие испытания более не внушали страха. Он покинул зал собрания, настояв на том, чтобы никто не провожал его, и, вернувшись в свои покои, смог наконец скинуть окровавленную одежду и на пару минут расслабиться перед работой, что ожидала его нынче вечером.

Сотоварищи, однако, не спешили оставить его в покое. Гвейр, взявший на себя роль пажа, появился почти тут же — скорее всего, по просьбе Ивейн или Джорема, — и заставил Камбера принять горячую ванну, которую приготовил загодя. Вымывшись и переодевшись во все чистое, тот почувствовал себя куда бодрее, чем можно было ожидать после такого испытания, и с удовольствием воздал должное обеду: ломтям говядины, хрустящему хлебу, густо намазанному маслом, меду, сыру и красному вину. Здесь чувствовалась рука Ивейн!

Он был уверен, что много не съест; тем более, что ему хотелось попоستиться перед вечерним ритуалом. Но Гвейр настаивал, а поскольку Камбер не мог сказать ему всей правды, то

¹ Иеремия 9:21

пришлось подчиниться. А Гвейр сурово стоял над ним, пока тот не съел большую часть приготовленного.

После чего ему наконец удалось отослать незваного помощника под тем предлогом, что ему пора отдохнуть,— в этом была немалая доля истины,— и еще больше часа Камбер провел в гардеробной, подготавливая все необходимое. В конце концов он растянулся на постели, применив различные магические способы для расслабления, чтобы как можно лучше отдохнуть за время недолгого сна.

Он проснулся через несколько часов, комната погружалась в закатные сумерки, а он был совершенно подготовлен. До окончания вечерней мессы Камбер пребывал в полном самоуглублении, мысленно повторяя свои предстоящие действия, Дождь, не прекращавшийся за окном, своим монотонным ритмом помогал сосредоточиться и перемещаться в сознании до самых сокровенных уровней.

Замысел Камбера не был отчаянно безрассудным, но не стоило забывать об опасности и быть небрежным. Подготавливая комнату, он еще раз сверился с манускриптом — автор настоятельно советовал действовать осмотрительно.

Главной заботой оставалась точность исполнения всех действий при том, что поддерживать переток энергии можно было лишь ценой полной концентрации сознания. Того, кто упустит какую-то тонкость в многосложном процессе, поджидают совершенно неожиданные последствия, но Камбер считывал на своих детей, Райса, Келлена. Эта четверка не знала, что такое страх.

Образы близких возникли перед ним среди пламени, и Камбер позволил себе полюбоваться каждым из них: Ивейн и Райс, любимая дочь и недавно обретенный сын, безупречные, готовые на все; Джорем — не первенец, но теперь единственный оставшийся его сын, плоть от плоти его, невероятно упрямый и, может быть, оттого самый любимый; Элистер Келлен, грубоватый и порой циничный, прежде советчик, а теперь сподвижник и друг, только не слишком доверяет волшебству.

Камбер зевнул и потянулся всем телом. Блик пламени камина упал на пурпурный бархат его одежд. Удивительно, но рукопись предписывала для исполнения ритуала облачение непременно такого цвета. Забавный вид был у Гвейра, когда сегодня его просили отыскать в гардеробе прежнего короля нечто подходящее. Бархат приятно щекотал кожу, напоминал о домашнем уюте... Камбер резко поднялся, беззвучно подошел к

двери и распахнул ее прежде, чем двое стоящих за ней успели постучать.

Райс и Ивейн молча вошли и направились к камину, Камбер задвинул засов. Целитель сел на скамью, а Ивейн устроилась на меховой подстилке у его ног, в складках ее плаща скрывалось нечто громоздкое.

Камбер вернулся к своему креслу, но не сел, а остался стоять, положив руку на спинку и глядя на дочь.

— Другие тоже придут?

Ивейн кивнула и стала разворачивать то, что прижимала к груди; тепло камина еще не одолело знобющую сырость, и она не сняла плаща.

— Сегодня Джорем занят на вечерней службе, а потом Синхил хотел его видеть. Отец Келлен будет в ризнице ожидать окончания их встречи. Это сосуд, о котором ты просил. Пойдет?

Она поставила чашу перед отцом, пламя камина заиграло теплыми бликами на серебряной поверхности, отбрасывая искорки в глаза Камбера.

— Как раз то, что нужно.

Он осторожно поставил чашу на сундук у двери в гардеробную, две пары глаз внимательно следили за каждым его движением.

Райс негромко кашлянул, привлекая внимание к себе.

— Теперь ты можешь сказать, что задумал, или будем дожидаться остальных?

— Если не возражаешь. Мне бы не хотелось объяснять дважды.

Они ожидали. Внешне Камбер оставался совершенно спокоен, но вынужденная пауза вызвала беспокойство внутри. Наконец он услышал тихие шаги, знаком руки попросил всех оставаться на местах и поднялся открыть дверь. Когда раздался стук в дверь, он отодвигал засов.

— Прости, что запоздали,— буркнул Джорем, войдя в комнату вместе с Келленом,— Синхил задержал. Я принес благовоения.

Когда дверь была заперта, Келлен извлек из-под сутаны тугой сверток и передал его Камберу.

— Это оказалось не так просто, как ты думал. Кое-чего из упомянутого тобой не нашлось. Эриелла могла увезти с собой, или же забрала королева. Надеюсь, это подойдет.

Камбер сел в кресло и принялся разворачивать ткань. Келлен кивнул Ивейн и Райсу и опустился возле кресла на колено, чтобы видеть руки Камбера. Джорем приветствовал сестру поцелуем, коснулся плеча своего зятя и устроился на скамеечке с другой стороны.

.. О, ожерелье Халдейнов! — воскликнул Камбер. Он расправил ткань и поднял цепь со множеством алмазов и необработанных рубинов, каждый из них был размером с горошину. Когда ожерелье легло на ладонь, камни заиграли.

Келлен, привалившись к подлокотнику, наслаждался эффектом.

— Ты говорил, требуется нечто такое, что она часто надевала,— торопливо заметил он.— А теперь не скажешь ли, для чего это нужно?

Камбер с улыбкой рассматривал ожерелье, оценивая его пригодность. Через несколько секунд он накрыл драгоценность ладонью и взглянул на собравшихся.

— Это — наш мостик к Эриелле. Используя ее вещь для сгущения магических сил, я смогу проецировать образы памяти Эриеллы на поверхности темной воды. Если повезет, удастся и некоторое перемещение мысленных образов — сдвиг во времени вперед или назад.

Райс разинул рот, Ивейн проглотила слюну, а Джорем приподнял белесую бровь. Келлен поджал губы, качая головой.

— Ты уверен? Понимаешь, что делаешь?

Камбер усмехнулся.

— Я уже говорил, ты можешь уйти, если хочешь. Однако, мне кажется, твоя совесть едва ли осудит то, что здесь произойдет.

Келлен поморщился и пробурчал что-то невнятное, отчего Камбер рассмеялся.

— Перейдем в соседнюю комнату, и я объясню, что мы будем делать.

Прихватив чашу, Камбер направился в приготовленную им гардеробную. Вся одежда и прочие вещи были заранее разложены по сундукам и коробкам, сдвинутым к одной стене, чтобы загородить дверь в ныне пустующие апартаменты. Единственное высокое окно было завешено тяжелым гобеленом, защищавшим от непогоды и призрачного света взошедшей луны. Даже к вентиляционной решетке Камбер придвинул ларь.

В центре комнаты небольшой квадратный стол был накрыт белой тканью. На столе зажженная свеча бросала блики на графин лазурного стекла и воду в нем, завернутые в полотняную салфетку, лежали четыре новых восковых свечи. Тут же стояла небольшая закупоренная бутылка. Принесенную Ивейн чашу Камбер водрузил в центре. Джорем положил на стол кадило, извлек из-под сутаны пакетик с благовониями и оставил рядом.

Когда Камбер запер дверь, все расположились вокруг стола. Он занял место напротив окна, положил ожерелье рядом с чашей, достал из-за пазухи небольшое серебряное распятие и поместил на столе.

— Скоро я попрошу вас помочь мне обратиться к четырем архангелам и установить преграды, как мы делали это на церемонии наделения Синхила могуществом,— желая подбодрить остальных, он говорил, улыбаясь.— Райс, оставайся там, где сидишь. Ты, наш Целитель, будешь Рафаилом. Джорем, поменяйся местами с Элистером и сядь справа. Ты — Михаил. Элистер, твое место на севере, ты будешь говорить за Уриила. Ивейн остается роль архангела-вестника.

После необходимых перемещений за столом воцарилась выжидающая тишина. Пламя единственной свечи отражалось в чаше, отбрасывающей свет на лицо Камбера. Перед ним, между чашей и краем стола, рядом с холодом бриллиантов и рубинов, тепло светилось распятие.

Камбер вылил из графина воду в чашу, сосредоточенно изогнув уголок рта, и поглядел на Келлена.

— Это обычная вода и больше ничего. Элистер, благослови ее, пожалуйста.

— Просто перекрестить или требуется большее?

— Мне кажется, последнее лучше. Используй пасхальное освящение, только изменив сообразно случаю.

Глубоко вздохнув, Келлен простер руки к воде.

— Благословляю и освещаю тебя, вода, именем Господа, правдой Господа, именем святого Господа нашего, который в самом начале единым словом Своим отделил тебя от тверди и Духа, который витает над тобою...

Он перекрестил поверхность воды и пальцами разбрызнул во все четыре стороны так, что капли упали на каждого.

— Который заставил тебя бежать из фонтанов рая и поить землю четырьмя реками. Который превратил тебя из горькой в сладкую, сделал пригодной для питья и выбил из горы, чтобы утолить людскую жажду.

Келлен снова осенил воду, нагнулся, чтобы трижды дохнуть на нее, как в начале начал Бог-Отец дышал на воду со Святым Духом.

— Благослови, о Боже, эту воду, чтобы вместе с телами она очищала и умы. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Когда Келлен поднял голову, Камбер передал ему восковые свечи.

— А теперь освяти свечи.

Зажав все четыре свечи в руке, отец Элистер окунул их концы в чашу с водой.

— Пусть сила Святого Духа перейдет к этой воде, чтобы все, что коснется ее, очищалось.— Он поднял свечи.— *Per omnia saecula saeculorum.*

— Аминь,— эхом ответили остальные. Келлен отряхнул свечи от воды и подал их Камберу, тот вытер их салфеткой и раздал единомышленникам.

— Теперь поставим преграды. Райс, когда мы будем готовы, зажжешь свою свечу от центральной. Элистер, я намеренно поставил тебя последним, чтобы ты понял суть и вступил, когда настанет твой черед, Вопросы есть?

Он встретил только взгляды, более или менее решительные. Вопросов не было. С улыбкой Камбер склонил голову и закрыл глаза, опираясь о стол под белой тканью. Спустя несколько секунд он отметил световую вспышку — это Райс зажег свою свечу. Следом возникло ощущение покалывания — магические силы стекались, побуждаемые словами Райса:

— Я призываю могущественного архангела Рафаила, Целителя и хранителя ветров и бурь, Пусть твои ветры этой ночью несут прохладу и свежесть, принося то, что мы должны знать. *Fiat, fiat, fiat voluntas mea.*

Камбер почувствовал, как справа от него шевельнулся Джорем, воспламеняя свою свечу от центральной. В наступившей тишине голос сына звучал строго и решительно.

— Я призываю могущественного архангела Михаила, защитника и хранителя врат Эдема. Дай нам свой меч на эту ночь, чтобы ничто не помешало нам узнать то, что мы должны знать. *Fiat, fiat, fiat voluntas mea.*

В воздухе вокруг пощелкивали искры. Ивейн легонько задела Камбера, она зажигала свою свечу.

— Я призываю могущественного архангела Гавриила-посланца с благой вестью к Богородице. Мы все дети воды, так пусть сегодня ночью вода принесет новые вести, чтобы смогли узнать то, что мы должны знать. *Fiat, fiat, fiat voluntas mea.*

Круг завершался. Когда вступил Келлен, Камбер позволил себе чуть расслабиться.

— Я зываю к могущественному архангелу Уриилу, ангелу смерти, который уносит наши души к берегу последнего пристанища. Минуй нас сегодня ночью и принеси лишь то, что мы должны знать. *Fiat, fiat, fiat voluntas mea.*

Эхо последних слов Келлена затихло, Камбер открыл глаза и снова оглядел всех. Теперь они были спокойны, даже

ры, возникшей над столом и опускавшейся к полу за их спинами на расстоянии вытянутой руки.

Решительно улыбнувшись, Камбер взял центральную свечу и слегка приподнял ее.

— Воздух, Огонь, Вода, Земля и Дух.— Он перевел взгляд на пятый огонек в своих руках.— Человек. В этом круге все соединилось в Единое Целое.

Он поставил свечу и взял ожерелье.

— Теперь, друзья мои, мы двинемся в неизвестность,— беззаботно произнес он.— Мы используем предмет (в нашем случае ожерелье), принадлежавший тому, с кем мы желали бы установить связь, используем это в качестве линзы, чтобы сфокусироваться на Эриелле.

Он приподнял цепь и аккуратно погрузил в чашу с водой. В воде рубины сияли теплым светом, но каждый чувствовал холодок, которым повеяло от камней,— в них скапливалась энергия их бывшей владелицы.

Камбер глубоко вдохнул и, засучив рукав, крестил воду правой рукой.

— Да будет благословен Создатель ныне и присно, от альфы до омеги, от начал и до конца.

Крест, начертанный им над водой, светился в воздухе; на его восточном и западном концах читались греческие буквы.

— Он жив в годах и веках, и слава о Нем гремит сквозь века. Да будет благословен Господь. Да будет благословенно Его святое имя.

Камбер говорил и чертил знаки стихий — воздуха, огня, воды и земли — в квадратах, образованных сторонами креста. Его волей и мановением руки знаки погрузились в воду и исчезли из глаз в туманной дымке над чашей. Когда он поднял глаза, казалось, и сама вода изменилась.

Камбер, чувствуя на себе взгляды соратников, взял бутылочку, открыл ее и вылил прозрачное содержимое в воду единым движением, заключающим крест в круг. От соприкосновения с водой жидкость из бутылки мгновенно чернела. Когда сосуд опустел, вода в чаше сделалась абсолютно черной, ожерелье было недоступно для глаз, но открыто внутреннему зрению.

Поджидая, пока поверхность воды успокоится, Камбер огляделся.

— Джорем, теперь пора воскурить благовония. Потом я попрошу всех поднести свои свечи к краям чаши в четырех квадратах и соединить вашу энергию, чтобы я мог

воспользоваться ей. Если все получится, уже вскоре на поверхности появятся образы. Возможно, вы тоже увидите их.

Он потушил центральную свечу, когда Джорем открыл крышку кадила и протянул к ней руку.

Спустя мгновение над углями взвился дымок, и Джорем подбросил несколько щепоток благовоний. Он закрыл кадило, и через отверстия в крышке в комнату потек вместе с дымом приторно-сладкий аромат. Джорем обратился к отцу:

— Хочешь, чтобы курильница оставалась здесь, или поставить ее подальше? Запах не кажется резким?

Камбер придвинул дымящиеся благовония к чаше, дымок пополз вверх по серебряной стенке и за клубился над водой.

— Вот теперь хорошо,— оценил Камбер.— Я хочу видеть дым и чувствовать аромат. А теперь вступим в связь и посмотрим, что удастся выяснить.

Четверка стеснилась у стола. Свечи были поставлены возле чаши, левая рука каждого привычно отыскала и коснулась правой руки соседа. Камбер подвинулся поближе к Джорему, чтобы оказаться точно посередине между ним и Ивейн, и положил руки на края чаши. Его запястья соприкасались с руками детей, образуя энергетическое кольцо.

Камбер закрыл глаза, аромат священных снадобий и тишины расслабляли и обостряли восприятие, сознание очищалось. Сознание его близких окутывало Камбера, каждый мозг был хорошо знаком, но пока они не обрели четких очертаний и не слились воедино. Полному соединению личностей мешала некая пассивность. Он медленно открыл глаза и посмотрел на отражения свечей в черноте, обрамленной серебром.

В тишине росло напряжение. Камбер заглянул в себя. Обратился к процессам, протекавшим в мозгу, все его чувства предельно обострились. Он уходил все глубже, уже не прилагая никаких усилий. Перед ним возник темный тоннель, потом осталась только черная вода и дым курений над нею.

Не было мыслей; всё сознательное и бессознательное в его мозгу заключалось теперь в черноте, которая была водой в чаше и вселенской пустотой. Он воскресил в своей памяти Эриеллу такой, какой видел ее в последний раз — надменной и гордой, и соединил образ с ожерельем на дне чаши.

Даже в сумеречном состоянии Камбера не покидало чувство, что его защищают друзья. Он начал поиск ниточки, ведущей к Эриелле. После того как в глубине сплошного мрака появились и двинулись к нему первые образы памяти,

294 Камбер даже моргнуть боялся.

Вот оно! Он распознал лицо, умудренное жизнью лицо старца; нет это был младенец, стало видно все его тельце, Ребенок пяти-шести месяцев от роду куксился, сжимая кулачок возле недовольного ротика. Завитки дивных каштановых волос на голове. Ребенок открыл золотисто-коричневые, слегка навывкате глаза и посмотрел прямо на Камбера.

Он видел ребенка Эриеллы ее собственными глазами.

Камбер моргнул, и образ затуманился, но связь удалось сохранить. Несколько мгновений все плыло, потом картина прояснилась, и появился новый образ. На этот раз карта, женская рука с перстнем кропила ее водой. Сама карта оставалась неясной, и он ничего не мог с этим поделать, пока не понял, что ту, перед кем в действительности лежала карта, интересует не ее содержание, а магические действия на ней.

Эриелла твердила заклинания по изменению погоды, и он это видел!

Камбер снова моргнул, на этот раз неудачно — образ растаял. Терять контакт было никак нельзя! Восстанавливая порядок в сознании перед следующей попыткой, он решился повлиять на Эриеллу, заставить ее снова вспомнить о карте. Ее стратегия — вот что требовалось выяснить прежде всего.

Камбер закрыл глаза, давая им передышку, потом снова устался на черную воду, концентрируясь только на Эриелле и ее карте. Связи с действительностью слабели и исчезали одна за другой, требовалось только не мешать самоуглублению. Обрывочные образы мелькали, и ничего не удавалось разглядеть.

Он должен был понять! Он подобрался так близко, что не мог отступить просто так.

Еще один глубокий вдох, и Камбер своим сознанием потянулся к Эриелле через многие мили между ними, сблизился с ее спящим мозгом и коснулся сновидений. Вызвать образ карты Гвиннеда, соседних королевств и Торента со столицей Кардосой удалось без особого труда. Оставалось ждать.

Постепенно карта ожила: проступили пометки и значки вроде тех, что используют Джебедея и Келлен; чьи-то руки представляли их, намечая движение войск.

И Камберу открылся замысел Эриеллы, направление ударов ее войск и численность атакующих.

Можно было выбираться из чужого мозга; вдруг ясная картина померкла, и он ощутил на себе взрыв ярости. Ужасная боль сдавила голову, ослепила. Камбер был обнаружен! Его прикосновение оказалось слишком грубым, слишком очевидным! Эриелла проснулась, поняла все и теперь

не давала разорвать мысленную связь, чтобы добраться до него и уничтожить!

С криком боли он зажмурился и отвернулся от черной воды, хватая ртом воздух.

— Джорем, вытащи меня!

Камбер не знал, видят ли Джорем и остальные то, что он, достигла ли их исходящая от Эриеллы опасность. Но по крайней мере Джорем и Ивейн были готовы действовать и в подобной ситуации. Джорем уронил свечу и схватил отца за плечи, энергия сына стала преградой на пути в мозг Камбера. Забыв об осторожности, осмотрительный Каал-лен присоединился к Джорему. Ивейн с ритуальной чашей поспешила к сливному отверстию в стене, Райс освобождал его, отодвигая ларь.

Порыв ветра ворвался в комнату, подняв gobелен на окне, но встретил надежные защиты, здесь его ждали. Не успела Ивейн выплеснуть воду из чаши, как порыв, столкнувшись с преградой, разбился о нее; вторжение прекратилось, и Камбер обмяк в руках сына.

Он стал недоступен для Эриеллы.

Когда Камбер открыл глаза, комната поплыла. Первое, что он увидел, было бескровное лицо Джорема и его серые глаза, усталые и удивленные. Камбер глотнул и, в надежде прервать движение окружающих предметов, ухватился за руку Келлена и край стола. Он дышал глубоко, со всхлипом. Совсем недавно его неудержимо несло к порогу смерти, и противостояние истощило силы Камбера.

— Мне очень жаль,— с трудом выдавил он.— Я действовал слишком неосторожно. Никто не пострадал? Вы поняли, что это было?

— Ты вошел в контакт с чем-то непосильным для тебя,— резко ответил Келлен.— Что это было? А ты знаешь?

— Значит, вы не видели?

— Видели что? — не понял Райс.— Я видел твои переживания и отражения свечей в черной воде, а потом как тебя затрясло.

— Я тоже ничего не увидела, отец,— произнесла Ивейн.

— О-ох.

Камбер подавил внезапную тошноту, его состояние никак не располагало к глубокомысленным размышлениям. Он хотел приосаниться, но обессиленное тело не повиновалось. Признав свое поражение в борьбе с ним, Камбер, облокотившись на Джорема, закрыл глаза и снова обратился к своим мыслям, пытаясь привести их в порядок.

Рука Райса коснулась его лба, и Камбер почувствовал в себе холодок от присутствия мозга Целителя, но недовольно покачал головой и открыл глаза.

— Скоро все будет нормально, Райс, обещаю. Я узнал то, что хотел; прежде чем окончательно свалиться, мне необходимо сообщить вам все, что мне стало известно. Джорем, сними преграды, а Ивейн пусть принесет карту и перо. Расположение войск Эриеллы теперь известно, и, думаю, у меня хватит сил запечатлеть его, потом придется отсыпаться.

Он сделал знак рукой, плохо повинующейся, отяжелевшей рукой. Райс поддерживал Камбера, пока Джорем снимал преграды. Когда растаяла серебряная полусфера, все ощутили, как холодно в комнате. Ивейн отперла дверь и вышла из гардеробной.

Райс и Келлен проводили Камбера к его креслу перед каминном, Джорем набросил ему на плечи еще один плащ. Убедившись, что Камберу удобно, Келлен сходил к столу за картой. Ивейн принесла перо и чернила. Подошедшего Келлена встревожил вид Камбера — казалось, он потерял сознание.

— С ним все в порядке?

Проверив пульс, Райс прижал пальцы к вискам своего теста, на несколько секунд закрыл глаза, потом кивнул и знаком попросил Келлена положить карту Камберу на колени. Когда Ивейн вложила перо в его руку, Джорем взял свечу с каминной полки и поднес ее поближе.

Камбер открыл глаза и вздохнул.

— Итак, вот ее главные силы, здесь, здесь и здесь.— Перо скользило по пергаменту, отмечая расположение и состав войск.— Около тысячи, большинство из которых всадники, миновали Арранальский каньон и стоят лагерем в Колдойре. Еще восемь сотен тут, в Кардосском ущелье. Завтра утром они должны соединиться. Отряды собираются встретиться у Йомейра через два дня.

Келлен и Джорем понимающе закивали, Камбер зажмурился и перевел дух. Когда он макал перо в протянутую Ивейн чернильницу, голова слегка подрагивала.

— Еще одна существенная деталь. В этом месте,— он указал точку на карте,— и здесь у нее размещены рыцари резерва. Она также намечает новый маршрут для пешеходов через этот перевал, тогда к ее армии добавится еще несколько сотен людей. Если Эриелла воспользуется этим планом, вот здесь и здесь наши позиции сделаются очень уязвимыми даже при поддержке Сигера. Кстати, ей донесли, что армия сейчас западнее Йомейра в одном дне пути.

И последнее. У нее есть небольшой отряд, возможно, около тридцати воинов, то ли отборная стража, то ли солдаты-застрельщики для горячих дел. Кажется, с ними связано что-то особенное. Эриелла подозрительно довольна, что имеет этот отряд. Может статься, они просто Дерини. Утром после отдыха я постараюсь снова к этому вернуться и проверю впечатления, может быть, смогу вспомнить что-нибудь еще. Эти гвардейцы сейчас при ней, расквартированы в Кардосе вместе с пятью сотнями горной кавалерии.

Перо зависло над изображением города в окружности гор и опустилось на пергамент. На карте появился кружок, а в нем число 550. Пальцы разжались, перо, выпало.

Камбер откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул.

— Это все? — спросил Джорем.

Камбер закрыл глаза и кивнул.

— Все самое важное. Детали позже. Теперь спать.

Он замолчал на полуслове и мгновенно уснул. Когда Келлен убрал карту, Камбер еще глубже провалился в кресло, в тишине комнаты слышалось его легкое, ровное дыхание.

Райс проверил пульс спящего.

— Он очень утомлен, но, отдохнув, придет в норму.

У Джорема отлегло от сердца.

— Отлично. Скорее покажем эту карту Джебедии и остальным. Вы с Ивейн останетесь с ним? Возможно, ему следует спать под дополнительными защитами.

— Мы сделаем все необходимое,— ответил Райс, подхватив тестя подмышки — А пока ты здесь, помоги, пожалуйста, уложить его в постель.

Ивейн побежала в спальню, а Джорем, держа отца за ноги, помог Райсу перенести его в кровать под баддахином. Когда Камбера осторожно опустили, Ивейн развязала пояс и стянула сапоги, а Райс проводил до дверей Келлена и Джорема, Ивейн накрыла спящего всеми нашедшимися одеялами. Ночные переживания основательно вымотали ее, но душевное равновесие возвращалось.

— Я видела его таким и раньше, Райс. Уверена, наутро он будет чувствовать себя прекрасно.

— Только не говори мне, что ты и раньше помогала ему в подобном,— сказал Райс, проверяя пульс пациента, и заглянул под приподнятое веко.

— Однажды,— призналась Ивейн.— Ты не одобряешь?

— Я бы не взялся отговаривать, даже если бы не одобрял,— с улыбкой говорил Райс и, от усталости присев на край кровати, смотрел на жену, искавшую что-то в ко-

шеле у пояса. Я знаю, как важна для тебя работа с отцом; вероятно, для тебя это то же, что для меня — целительство. Кроме того, вы принимаете необходимые меры предосторожности.

— Стараемся,— ответила она, лукаво улыбнувшись. Достав из кошелька небольшой замшевый мешочек, она встала на колени возле кровати, распустила стягивавшие верх шнурки и вытряхнула содержимое. На одеяло упали восемь отполированных кубиков — четыре белых и четыре черных. Перебирая их, Ивейн взглянула на Райса.

— Поможешь установить преграды?

— Конечно.

Опустившись на колени, он наблюдал, как она раскладывает кубики: четыре белых — в квадрат, вплотную друг к другу, четыре черных — к самым углам этого квадрата, но не касаясь их.

— Начинай,— тихо сказала Ивейн — Ты сконцентрируешься без всякого труда. Остальное за мной.

Кивнув, Райс прижал пальцы правой руки к белым кубикам, закрыв глаза. Потом согнул все пальцы, кроме указательного, касаясь кубика в левом верхнем углу, и произнес:

— Prime.

Кубик засветился призрачным опаловым светом.

— Seconde.— Он коснулся кубика, лежавшего справа от первого, и тот тоже зажегся.

— Tierce.

Ожил еще один кубик.

— Quarte.

Засветился последний, все четыре кубика слились в квадрат молочного света. Райс выдохнул и откинулся назад, наблюдая, как Ивейн сосредоточенно притронулась к первому черному кубiku. Свет белого квадрата заливал ее невозмутимое лицо, казалось, на постели сияет маленькая луна.

— Quinte.

Негромкий голос Ивейн разбудил кубик, заигравший переживаниями света, как крыло черной бабочки.

— Sixte.

Сверкнул черный кубик в правом верхнем углу.

— Septime. Octave.

Зажглись последние два кубика, Райс снова подобрался и взял Prime. Левую руку он положил на одеяло и накрыл ее правой с кубиком. Сверху легла левая рука Ивейн, правой она взяла Quinte и поднесла его к Prime. Руки и кубики соединились и могучие защитные силы пришли в движение, когда два голоса в унисон произнесли;

— Primus!

Соединенные пальцы пронзило покалывание. Ивейн добавила к выложенной фигуре продолговатый предмет, отливавший металлом, подняла Sixte, а Райс взял Seconde. Она закрыла глаза, и кубики соединились.

— Secundus!

Камбер зашевелился во сне, вероятно, ощущая пробуждающуюся вокруг энергию, но успокоился, когда его дочь и зять соединили Septime и Tierce.

И наконец, Quarte и Octave образовали Quartus. На постели лежали четыре металлических бруска. Райс взял два и поставил на пол слева от кровати: Tertius — у изголовья и Quartus — в ногах. По правую сторону Ивейн точно так же разместила два других — Primus и Secundus. Райс проверял самочувствие Камбера, положив руку на лоб, Ивейн у изножия постели активизировала преграды.

Она воздела руки, на мгновение запрокинула голову и закрыла глаза, потом взглянула и указала на каждый брусок по очереди, называя их и произнося магическую формулу:

— Primus, Secundus, Tertius, et Quartus, fiat lux!

На последних словах снопы серебряного света взметнулись вверх по контуру, определенному брусками. Подойдя к мужу, Ивейн улыбнулась, взяла его руку и нежно прикоснулась к ней губами. Райс вздохнул, обнял жену за талию и усадил к себе на колени. Ивейн склонила голову мужу на плечо и рассмеялась.

— Что за смех в такое время?

Она отстранилась и лукаво взглянула на мужа.

— Любовь моя, когда я скажу тебе, в чем дело, ты и сам будешь смеяться.

Райс удивленно поднял брови, уголки рта поползли вверх. Ивейн легко поцеловала его в губы и снова прыснула:

— Я просто сидела тут и думала, что надо бы утром навести порядок у отца в гардеробной, как вдруг вспомнила, что от волнения сбросила весь мусор в сточную трубу. Весь — включая ожерелье Халдейнов.

— Ты шутишь!

Ивейн, смеясь, покачала головой.

— Нет, дорогой мой, это означает, что завтра кому-то придется порыться в выгребной яме и отыскать его.

Райс изумленно посмотрел на нее и прижал жену к себе.

— Я так и думал, что все прошло слишком уж легко.— Он с улыбкой чмокнул ее в ухо.— Теперь надо решить, кому придется лезть за ожерельем. Ну-ка... кого тут следует научить смирению?

ГЛАВА IV

**Ибо, если угодно воле Божней,
лучше пострадать за добрые дела,
нежели за злые.**

В конечном итоге, в выгребную яму за ожерельем Халдейнов отправилась отнюдь не смиренная душа, а самолично Камбер, который и помыслить не мог о том, чтобы перепоручить эту задачу кому-то еще, да и посторонним посвящать в их дела было ни к чему.

Пробудившись наутро, Камбер увидел рядом Ивейн с Райсом, заснувших в объятиях друг друга. Голова была ясной, тело — отдохнувшим, память полностью восстановилась. Он также помнил, что произошло с ожерельем. Подняв дочь и зятя с постели, он наспех оделся, оставил Ивейн прибрать в комнате, а Райса взял с собой.

Задача оказалась отнюдь не столь сложной и отвратительной, как они опасались. В подземелье, куда выходили сточные каналы, Камбер мысленно обследовал сливную яму, восстанавливая связь с ожерельем.

Хотя вода после недавних дождей была почти прозрачной, сперва он не сумел отыскать драгоценность ни взором, ни магией, однако вскоре сумел обнаружить, что ожерелье зацепилось за что-то в стоке, всего в нескольких футах от устья трубы. Потянувшись вверх, распутать застрявший тростник и солому и извлечь ничуть не пострадавшую драгоценность оказалось минутным делом. Камбер сполоснул ее в колоде и завернул в специально прихваченную чистую тряпицу.

Затем он вернулся к себе, чтобы переодеться, а Райсу поручил вернуть ожерелье Келлену, который потом незаметно подложит его в королевскую сокровищницу. Перед тем, как им распрощаться, Райс не без юмора заметил, что теперь этому наряду Камбера не грозит ни моль, ни какая иная ползучая гадость; да ему еще повезет, если Ивейн вообще согласится впустить его в свои покои!

Камбер, понюхав рукав своего платья, был вынужден с улыбочкой признать правоту зятя.

Полчаса спустя военный совет Гвиннеда собрался в главном зале, в присутствии непривычно внимательного Синхила. Здесь были все ведущие полководцы: Джебедея как верховный главнокомандующий, восседавший одесную от короля; Келлен с Джоремом, представлявшие михайлинцев и прочих рыцарей Церкви; Камбер с молодым Гвейром Арлиским — ополчение графства Кулди; Джеймс Драммонд, дальний родич Камбера, приведший большое войско в помощь Синхилу; Байвел Кameron, стареющий, но по-прежнему острый разумом дядя королевы; архиепископ Энском и четверо его епископов, командовавших также отрядами мирян; юный Эван Истмаркский, наследник графа Сигера, прибывший договориться о военном союзе; и еще несколько дворян рангом пониже, вовремя подоспевшие со своими отрядами на помощь королю.

Планы кампании быстро конкретизировались. Джебедея, с помощью Келлена, доложил все, что им удалось узнать о силах Эриеллы и расположении ее войск, не разглашая источника этих сведений — даже если бы тот был ему известен — и военачальники вскоре смогли прийти к единому мнению. Были принесены карты, расставлены метки, и вскоре писцы взялись готовить окончательные приказы по войскам на подпись Синхилу. К тому времени, когда солнце взобралось в зенит, робко подмигивая в затянутых тучами небесах, все решения были приняты и указания отправлены, с покорного одобрения короля. Они выступают нынче же на закате. Несколько лордов немедленно покинули зал совета, чтобы подготовить войска к походу. От стремительности происходящего у Синхила перехватывало дыхание.

Пока военачальники откланивались, он пытался мысленно разобраться в услышанном. Однако вся эта суeta вокруг мало захватывала его, ибо согласия своего сюзерена они испрашивали больше для вида. Он ничего не смыслил в военном деле, и даже не пытался притворяться.

Но даже неопытный глаз Синхила заметил внезапные резкие изменения в предполагаемом расположе-

нии войск Эриеллы. Само по себе изменение экспозиции не вызывало удивления. Важно только, чтобы новая информация была достоверна.

Синхила удивила безапелляционность, появившаяся в головах его командиров. Они высказывались совершенно определенно, исчезли неуверенность, опасения и сомнения, терзавшие их на том предыдущем заседании совета, которое он почтил своим вниманием.

А теперь все сделалось слишком ясным для того, чтобы ставить вопросы, задумываться, что будет, если действия станут развиваться не по плану. И это его беспокоило.

Эриелла была коварна. Даже если сегодняшняя информация была верна, что кажется довольно вероятным, она может и переменить замысел. Женщины часто так поступают. Или, да простит Бог, информация неточна или заведомо ложна. Если любое из этих предположений — истина, Джебедея и другие командиры поведут армию Гвиннеда к гибели. Синхил, признаться, удивился, обнаружив, что подобные вопросы волнуют его.

Когда последние приказы были подписаны и запечатаны, а большинство военных разошлось готовиться к выступлению, он обратился к Райсу. В делах стратегии и тактики молодой Целитель разбирался ничуть не лучше короля, но сегодня на совете был совсем на себя не похож. Всегда молчаливый и незаметный, нынче он держался с достоинством, многозначительностью, во всем поддерживая остальных. Откуда вдруг, эта самонадеянность?

— Можно тебя на два слова, Райс? — позвал Синхил, когда тот оказался возле его кресла.

Молодой Целитель приветливо улыбнулся.

— Чем могу служить, Ваше Величество?

— Ответ на несколько вопросов, — произнес Синхил, указывая на место около себя. — Сегодня утром все кажутся такими решительными, такими всеведущими. С чего это вдруг?

Райс пригладил взъерошенные рыжие волосы и склонил голову.

— Не знаю, что и ответить, Ваше Величество. Я не солдат, но полководцам надлежит быть бодрыми. Это вдохновляет подчиненных.

Синхил остался недоволен ответом, он откинулся в кресле и, прищурившись, глядел на собеседника.

— Мой скромный опыт подсказывает, что для предводителя предпочтительнее трезвые оценки и суждения. Вчера отец Келлен упоминал о вестях, ожидаемых вами. По-

хоже, вы рискнули поставить все на эту информацию. Она в самом деле достоверна?

— Те, кто искушен в военном ремесле, полагают, что да, Государь,— выпалил Райс.— А о чем отец Келлен говорил вам?

— Что возможно получение каких-то известий. По правде говоря, он высказался как-то туманно.

— Понимаю.

Райс глядел под ноги, соображая, как выпутаться из этого разговора. Синхил подался вперед и положил руку на руку Целителя.

— Райс, если ты хочешь помочь мне, говори без обиняков,— тихо сказал он.— Что он имел в виду? Если должно было произойти что-то важное, тебе, конечно, дали об этом знать.

— Был... шпион, сир.

— Шпион? За или против нас?

— За. Он... добыл планы военной кампании Эриеллы и ночью доставил их. Нам... известно, что сведения точны или были точны, когда попали к нему. Так что теперь мы вынуждены действовать как можно быстрее, чтобы у нее не было времени изменить стратегию и сообразить, что нам стало известно. Вот почему выступление назначено на сегодня.

— Шпион.— Синхил вновь погрузился в кресло, не сводя глаз с Целителя. Встретив его взгляд, король смог прочесть в нем только горячее желание ответить на любой вопрос монарха. Задумчиво пожевав губами, Синхил неожиданно почувствовал, что Райс что-то скрывает.

— Продолжай. Почему ты замолчал? Рассказывай! Я не дитя и понимаю, что шпионы приносят куда больше новостей.

Райс поднял рывую бровь и посмотрел на короля.

— Не знаю, стоит ли говорить, но рано или поздно вам, Государь, все равно придется узнать. Как известно, когда Эриелла бежала из Гвиннеда, она носила под сердцем ребенка Имре. До нынешней ночи никто не знал, что несколько месяцев назад она родила сына. Ребенок здоров и подрастает.

У Синхила пересохло во рту, он едва не бросился в детскую. Почему ребенок кровосмесительницы растет не по дням, а по часам, тогда как его собственные дети...

Он тряхнул головой, заставив себя думать о том, что сообщил ему Райс Турин. Если сын Эриеллы вырастет, то станет угрозой трону, даже если удастся уничтожить его мать. Он старался внушить себе, что опасность ничтожна, но ничего не получалось. Несмотря на свои увещья, его сыновья достойны

жить, не думая о войнах. В конце концов они наследуют престол. Несправедливо, если этот щенок...

Пальцы сжались в кулак с такой силой, что ногти вонзились в ладонь и выступила кровь. Синхил грохнул кулаком о стол. Райс скривился. Король, спохватившись, взял себя в руки и как ни в чем не бывало посмотрел на Целителя.

— Это плохая новость, но хорошо, что ты сообщил ее,— мягко произнес он.— Что еще вы узнали?

— Вероятно, Эриелла творит заклинания,— ответил Райс.— Мы уверены, что в непогоде, по крайней мере частично, повинна и она. Теперь наиболее опытным из нас придется положить голову над тем, как противостоять этому.

— Полагаю, под опытными ты подразумеваешь Дерини?

— Другого способа справиться с Эриеллой нет.

Синхил вздохнул, прикрыв глаза рукой и покачиваясь. Что ни говори, а могущество Дерини будет полезно в этой войне. Поняв это, он вздрогнул и вспомнил о том, каким могущество наделили Дерини его самого... И вновь содрогнулся, теперь от воспоминания, каким образом он использовал это могущество накануне в гневном ослеплении. Ночная встреча с духовником окончательно убедила его, что следует избегать использования Деринийских способностей, как бы ни было велико искушение. И все-таки что-то внутри нашептывало ему, что уже на этой неделе предстоит обратиться к подарку Дерини.

Синхил вышел из задумчивости и с удивлением отметил, что Райс успел встать и откланяться. Кто-то подходил к креслу сзади; получив этот сигнал, он тут же узнал — приближаются королева и Ивейн. Приняв бесстрастный монарший вид, он повернулся, убедился в правильности своей догадки, поднялся и поклоном приветствовал дам.

Меган... Как она пугала Синхила в первое время, да и сейчас вызывала смущение. Когда она выходила замуж, ей не было и шестнадцати, теперь семнадцать с небольшим, а она успела родить ему трех сыновей. Полтора года супружества заметно изменили ее. Тоненькой большеглазой девушки, которую он впервые увидел в день их свадьбы, больше не было.

Пшеничные волосы как прежде отливали золотом, веселые веснушки по-прежнему осыпали вздернутый носик. Но бирюзовые глаза стали печальными, а прекрасный лоб омрачали постоянные заботы. Отороченную мехом накидку из шерсти бирюзового цвета она надела, чтобы порадовать его, он знал об этом. Но в голубом обрамлении лицо выглядело еще более осунувшимся, а украшенный драгоценными камнями чепец замужней женщины и королевы, скрывавший волосы и уши, еще больше заострял подбородок.

Он знал, что не принес ей счастья. Его равнодушие и замкнутость причиняли ей боль, большую, чем физические мучения. Синхил сожалел об этом, но не умел справиться с собой. Он просил бы прощения у королевы, но семейное счастье означало отступничество от того, к чему Синхил тянулся всем сердцем.

Он поцеловал ее руки, как всякий мужчина должен целовать руки своей избранницы, а лба коснулся губами по-отечески. Меган подняла голову, она словно ожидала чего-то большего, но Синхил поспешно отвернулся к Ивейн.

— Доброе утро, дамы,— провозгласил он, целуя ей руку и взмахом руки поднимая застывших в глубоком поклоне фрейлин королевы.— Что означает это женское вторжение в зал военного совета?

Ивейн взяла Райса за руку, прижалась к нему и взглянула на Синхила.

— Я рассказала Ее Величеству, что сегодня вечером вы, Государь, выступаете с армией. И она пожелала надеть на вас доспехи, как принято перед первым сражением. Все готово. Пожалуйста, не возражайте.

Синхил перевел взгляд с Ивейн на Меган, потом снова на Ивейн и понял, что сдается.

— Вижу, силы противника превосходят мои,— весело сказал он.— Я побежден.

* * *

Часом позже, приняв ванну, он стоял в центре комнаты, терпеливо ожидая, пока женщины завершат затянувшуюся процедуру одевания.

Его теперешний наряд был похож на тот, что был на нем в день коронации, хотя на этот раз его дополняли не парадные, а боевые доспехи. Поверх шелковой рубахи и кожаной куртки на него надели позолоченную кольчугу; в глаза бросалась ее странность, словно кольчуга попала в Гвиннед из какого-то нездешнего мира. Руки Синхила защищали золоченые поручни, такие же пластины охватывали голени поверх кожаных штанов. Поверх всего была надета накидка из пурпурного шелка с аппликацией, изображавшей гвиннедского льва. Меган собственноручно пристегнула к поясу меч; когда она застегивала пряжку на белом кожаном ремне, ее пальцы дрожали.

Затем было позволено войти Сорлу, слуге Синхила, который принес щит и шлем с копией короны

Гвиннеда. Король внимательно осмотрел оба предмета, словно надеялся что-то найти на них, взял протянутые Ивейн пурпурные перчатки и заткнул их за пояс. Прежде чем во главе процессии спуститься в королевскую часовню на мессу, Синхил надел изготовленную для него корону.

Он так и знал, все они уже собрались: Камбер, Джорем, Келлен, Джебедея и остальные участники военного совета. Он кивнул, и они последовали за ним внутрь часовни. Шедшая рядом Меган ступала, гордо подняв голову, ее глаза следили за каждым движением короля. Ивейн присоединилась к мужу, остальные дамы — к своим возлюбленным. Близился момент расставания. Королевская процессия вступила в часовню, все опустились на колени, хор запел *Te Deum*. Синхил склонил голову в молитве, отрешившись от всего земного, архиепископ Энском начал службу.

По окончании мессы Синхил задержался в часовне; пока все остальные выходили наружу, Меган стояла на коленях рядом с ним. Им предстояли нелегкие минуты.

Когда они остались одни, Синхил поднялся, повернувшись.

— Милорд,— прошептала она, и ее глаза наполнились слезами.

Синхил покачал головой и коснулся пальцем подбородка жены.

— Нет, малютка Меган, не надо плакать. Я скоро вернусь. Ты должна быть мужественной, беречь наших сыновей и молиться за меня.

— Я обещаю, милорд,— сказала она, стараясь не всхлипывать.— Но если вы не вернетесь, я...

Она уронила голову, не в силах продолжать. Синхил неловко обнял ее и прижал к себе.

— Меган,— спустя мгновение пробормотал он.

— Милорд?

— Меган, я очень сожалею, что не могу быть таким, каким ты хочешь меня видеть.

— Я знаю, милорд.— Она отодвинулась, доверчиво и невинно взглянув на него.— Нет, милорд, не говорите так. Я... я самая счастливая из женщин. Только... только милорд так несчастно бывает со мной и...

— Знаю, Меган. Мне очень жаль. Но я... я такой, какой есть.

— Понимаю, милорд.

Меган опустила глаза, ее нижняя губа дрожала; она была готова разрыдаться. Синхил знал, что не вынесет этого, и придумал способ избежать душераздирающей сцены без компромисса с самим собой.

— Меган, ты сделаешь для меня кое-что? Кое-что особенное?

Она тотчас же засветилась надеждой и ожиданием. Торопливо, не желая подавать несбыточных надежд, Синхил опустился перед ней на колени, взяв ее за руки. Меган тоже хотела встать на колени, но он не позволил.

— Нет, не нужно. Выполни мою просьбу, только ты способна сделать это. Я хочу... мне нужно твое благословение, чтобы оно хранило меня в бою.— Одной рукой он держал ее руки, другой снял корону и склонил голову.— Благослови меня именем своей любви, моя маленькая королева,— прошептал он, молясь, чтобы она не разгадала его маленького представления, затаенного, чтобы поддержать ее, да и его в час расставания.

Последовала долгая пауза, на мгновение он даже испугался, что она откажется, но потом ощутил нежное прикосновение к своим волосам, ласковые руки Меган обняли его голову. Он закрыл глаза, стараясь понять чувства, владевшие сейчас его женой.

— Отныне и во веки веков пусть пребудет наш Господь с вами, возлюбленный муж мой. Пусть тень Его крыл хранит и защищает вас. Пусть Всемогущий Бог будет милосерден к нам и отпустит все грехи наши. И пусть покров Пресвятой Богородицы осенит вас, и пусть дева Мария вернет вас ко мне. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Меган отняла руки от головы Синхила и перекрестилась. Синхил последовал ее примеру. Ее слезы высохли, лицо смягчилось. Синхил поднялся и надел корону.

— Благодарю тебя, моя королева. Твое благословение, как щит, укроет меня во время сражения. А теперь...— он целовал ей руки, одну, потом другую.— Я должен идти.

Синхил хотел было поцеловать жену в лоб, как днем в зале, но она приподнялась на цыпочки и прижалась губами к его губам. Он растерялся и отпрянул, но Меган еще теснее прижалась к нему.

Синхил, укоряя себя за неумение смирить плоть, уходил из часовни. Эта победа далась с трудом, но совсем не радовала. Он отстоял верность своему выбору ценой унижения женщины, прекрасной, на все для него готовой... А он разыграл это недостойное представление.

Часть его души стремилась к ней, стоявшей на коленях у алтаря. О, как хотелось обнять Меган, прижать хрупкое тело, ощутить его тепло даже сквозь кольчугу и кожу костюма, снова поцеловать ее.

Он с трудом сглотнул и, потупившись, двинулся к выходу, радуясь, что кольчуга и доспехи скрывают его

от пристальных взглядов. По счастью, снаружи уже темнело, довольно рано из-за дождя, так что никто не мог видеть его раскрасневшегося лица. Он нарочно сделал вид, что возится с перчатками, и, приблизившись, склонил голову, чтобы дать Сорлу снять с себя корону и натянуть наголовник.

Келлен накинул ему на плечи длинный, подбитый мехом плащ. Синхил поглубже надвинул капюшон и зашагал вниз по ступеням, спеша сесть на своего боевого коня. Рядом с ним уже сидел в седле Джорем; а Камбер с Райсом ожидали чуть впереди. Ивейн придерживала отцовское стремя.

Синхил кивнул Келлену и подобрал поводья, задумчиво теребя алую кожу. Элистер помог ему сесть в седло, Сорл с отцом Альфредом также вскочили на коней, а келлен вернулся к своему гнедому скакуну.

Колонна тронулась со двора, михайлинский рыцарь выехал вперед, гордо неся штандарт Гвиннеда, и король заставил себя забыть о ней; боль расставания сменилась болью телесной, ибо Синхил терпеть не мог ездить верхом. А путь предстоял очень долгий

ГЛАВА V

Итак, неужели я сделался врагом вашим, говоря вам истину?¹

Королевская армия шла всю ночь и все утро, под непрекращающимся дождем. Хотя сильных ливней больше не было, лошади и люди вымокли насквозь, и вымокли даже вельможные лорды в своих промасленных кожаных плащах, подбитых мехом. А когда солнце поднялось повыше, от людей и от животных повалил пар.

Незадолго до полудня, преодолев почти половину пути до границ Гвиннеда, они наконец сделали привал. Хотя войско двигалось в жестком темпе, даже пехотинцы не слишком устали; надо отдать должное Имре хотя бы в этом — он неплохо обучил своих солдат. Так что хуже всех сейчас, пожалуй, приходилось их нынешнему королю.

У Синхила каждая мышца болела от малейшего движения, а стертые бедра и ягодицы уже утратили способность чувствовать боль. Конечно, за последнее время он стал чуть лучше сидеть в седле, но совершенно не привык к дальним верховым переходам. Ночью Синхил попытался подремать хотя бы урывками, полагаясь на слуг, что вели его коня в поводу, но когда животное переходило на рысь, каждый шаг его отзывался в теле новой болью. По сравнению с этим недолгий галоп казался просто-таки блаженством.

Когда они остановились, Синхил несколько секунд сидел в седле неподвижно, гадая, достанет ли у него сил слезть с седла и не рухнуть на землю. Но слишком медлить было нельзя, поскольку Джебедея со своими помощниками уже спешили

поблизости, и Синхил знал, что скоро конюх придет за его лошадью.

Синхил увидел среди лошадиных спин и спешившихся всадников приближающегося Гвейра. Молодой лорд взялся за повод, в его открытом лице было неподдельное участие.

— Ваше Величество нуждается в помощи?

Синхил покачал головой и начал слезать с коня. Вдохнув, он оперся о стремя, вытащил правую ногу и попытался одним махом перебросить через заднюю луку седла. Это препятствие король одолел со стоном. В конце концов ему удалось спуститься вниз, но, ступив на землю, Синхил был вынужден ухватиться за стремя, чтобы не упасть. Ноги дрожали, в лице не было ни кровинки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Гвейр.

— Все прекрасно,— прошептал Синхил.

Скопление вокруг редело — лошадей уводили на водопой. Король даже не успел сообразить, куда это расходится его свита, как из беспорядочного движения и ржания возник Сорл и предложил своему господину раскладной стул. Синхил с облегчением опустился на сидение, вытянул сначала одну, потом другую ногу, встречая сопротивление окаменевших мышц и вздрагивая. Закрыв глаза, он пытался расслабиться и дать отдых телу. Когда он снова взглянул по сторонам, обнаружилось, что Гвейр увел коня, а рядом появился Райс с хлебом, сыром и вином. Он первым делом протянул кубок.

— Выпейте, государь. Еда и вино вернут вам бодрость.

Только осушив кубок до дна, Синхил спохватился — прежде следовало выяснить, не подмешано ли к вину какое-нибудь снадобье. Он хорошо помнил, как однажды Целитель попотчевал его зельем, не предупредив. Воспоминания были не из приятных.

Теперь беспокоиться уже поздно. Если Райс действительно что-то добавил в вино, это уже внутри и действует. На этот раз могло быть снотворное или что-то вроде. Пока королевский организм не ощутил влияния лекарства. Кроме того, Райс хоть и Дерини, но Целитель, подчиненный этическому кодексу, строгому, как монашеские обеты.

Король протянул кубок за новой порцией вина и взялся за хлеб и сыр. Он заметил смешливые огоньки в глазах Райса, казавшихся прямо-таки янтарными, как солнце, скрытое облаками. Ловко наполнив кубок, Целитель передал его Сорлу.

— Я вспомнил другой случай, когда ваша боль была столь же сильной,— с улыбкой заговорил Райс.— Вы

позволите мне попытаться облегчить ее? Путешествие было довольно долгим.

Губы Синхила дрогнули в невольной улыбке. Неужели эти Дерини умеют незаметно читать его мысли? В который раз он удивлялся их прозорливости.

— По-моему, с лошадьми мне всегда будет нелегко, Райс. И я сомневаюсь, что на этот раз ты сможешь чем-то помочь, или ты дал мне ту же гадость, что в моей прошлой поездке?

Райс отрицательно покачал головой.

— На этот раз просто вино, Ваше Величество.— Он, конечно, понял, что имелось в виду.— С вашей помощью я хотел бы попробовать избавить ваше тело от некоторых последствий долгой езды верхом. Вы позволите?

Синхил, пожав плечами, кивнул. Коснувшись королевского колена, лекарь будто вздохнул, наполняя легкие воздухом, и погрузился в транс.

Самочувствие Синхила в предвкушении поддержки измученному телу улучшилось. Он лихо опрокинул второй кубок, больше не тревожась о том, что вливает в себя. Проглотив вино, король увидел Келлена, Камбера и Джорема, кивнул, когда они с поклонами приблизились, и отломил кусочек сыра.

— Все нормально? — спросил он, разглядывая троицу.

Камбер кивнул.

— Пройдено немало, но времени на передышку нет. Тронемся, как только отдохнут лошади. Еще до наступления ночи мы должны прибыть к выбранному месту и стать лагерем. Разведчики докладывают, что войско Эриеллы движется туда же и подойдет почти в одно время с нами.

Синхил прожевал хлеб и сыр, задумчиво глядя вдаль.

— Вы так уверены. А что если ее планы изменятся?

— Замыслы могут меняться стремительно,— ответил Келлен,— но возможностей и времени для неожиданного маневра у Эриеллы остается все меньше. Своим ночным маршем мы исключили ее атаку еще в одном направлении. Можно считать, что определилось наиболее вероятное место сражения.— Он помолчал и добавил с натянутой улыбкой.— Разумеется, все-го предвидеть нельзя.

Джорем мрачно хохотнул, а Камбер обратился к изучению носков своих подкованных сталью сапог.

Синхил почувствовал, что все трое скрывают напряжение, а нарочитое внешнее спокойствие предназначается исключительно для него. Райс, закончив работу, тоже смотрел на Камбера и его спутников.

Внезапное открытие повергло Синхила в смущение.

— Кажется, погода улучшается,— в конце концов промямлил он, указывая на небо.— Это вы устроили?

Камберу не хотелось отвечать, но он все-таки взглянул Синхилу в глаза.

— Сир, несколько человек трудились над этим всю ночь, и, добавлю, не щадили при этом ни сил, ни здоровья. Нам не были известны в точности формулы заклинания Эриеллы, мы противодействовали несколькими способами, надеюсь, угадали, и результат будет.

— Вы трое тоже трудились?

— Ни один из нас впрямую, Государь. Это отняло бы почти все силы, а нам они еще пригодятся.

— Что ж, по крайней мере вы действуете, не таясь.— Синхил раздраженно поморщился.— Магия не прикрывается лживыми фразами, могущество Дерини используется открыто.

— Если ваша милость предпочитает путешествовать и воевать в бурю, то можно и обойтись...— пробурчал Келлен.

Возмущенный Синхил открыл было рот, но Келлен поднял затянутую в перчатку руку.

— Нет, Ваше Величество, не надо отвечать. Во мне говорила раздражение и усталость. Но вашей милости я давно известен как Дерини, вовсе не склонный злоупотреблять магией. В любом случае я не позволил бы волшебства, видя возможность не применять его. Для противодействия Эриелле, я вынужден был признать, необходимы такие действия. Мы не должны пренебрегать ничем, когда дело касается наших жизней.

Синхил опустил глаза, пристроил хлеб и сыр на кубок и поставил все это на землю рядом с собой, аппетит пропал совершенно.

— Мне это не нравится. Честно говоря, все ваши способности вызывают у меня множество сомнений. Господь не дарует такого могущества смертным.

— Разве вы, Государь, не простой смертный? — спросил Келлен.

— Да, и мои способности мне тоже не нравятся.

Повисла зловещая, почти осязаемая тишина, длившаяся до тех пор, пока Джорем не закашлялся.

— Милорд, сейчас не время и не место обсуждать подобные вопросы. Мы все утомлены, впереди сражение, слишком легко совершить ошибку или испугаться того, что в нормальной обстановке совсем не страшно. А пока считайте мои магические способности одним из редкостных челове-

ских талантов, которые, как известно, даются Богом, Вот, к примеру, целительский дар...

Словно благословляя, священник положил руку на плечо Райса и взглянул на Синхила прямо и вызывающе.

Синхил не выдержал взгляда, у него перехватило дыхание. Кто мог отрицать значение Целителей, особенно накануне сражения. Без них после битвы число жертв будет куда больше, десятки жизней прервутся без помощи Райса и его коллег.

Руки короля в пурпурных перчатках, словно окровавленные, лежали на коленях, ему никого и ничего не хотелось видеть; он закрыл глаза и заговорил едва слышно.

— Вы целите в самое уязвимое место. Знаете, что я не стану спорить, когда дело касается жизни моих подданных. Вы заставили меня принять ответственность и я не отрекусь от нее.

— Откровенно говоря, волшебство, которое так беспокоит вас, почти неприменимо в столкновении войск,— сказал Камбер,— Все меняется в схватке слишком быстро. Даже от самого сильного заклинания мало пользы, если тому, кто его произносил, срубает голову, не дожидаясь, пока магия спасет его.

— Значит, в сражении вообще не будет волшебства?

— Я этого не говорил,— ответил Камбер.— В столкновении один на один с Эриеллой любой из нас будет просто вынужден вспомнить сразу обо всех своих способностях. А успех сражения решит вовсе не магия. На стороне Эриеллы численный перевес, у нас — тактическое преимущество и точные сведения о ее силах и намерениях. Победа будет взвешена на этих весах.

Синхил помолчал, склонив голову на руки, и поднял ее на стук копыт, Гвейр отвел прежнего коня Синхила в обоз, с которым двигалась королевская конюшня. Оттуда на подмену был приведен серый в яблоках жеребец, исключительно легкий на ногу.

Он заржал, приветствуя хозяина, и заслужил улыбку.

— А, Лунный Ветер,— прошептал Синхил скорее сам себе. Он встал, покачнулся и ухватился за поясницу. С каждым шагом навстречу коню каждый мускул в нем все сильнее сопротивлялся приближению новой пытки, но Синхилу хватило мужества подойти и даже погладить своего скакуна.

— Спасибо, Гвейр. Как я понял, это означает, что мы трогаемся?

Гвейр налегал на поводья, осаживая нетерпеливого жеребца, и весело рассмеялся.

— Боюсь, что так, Ваше Величество. Лорд Джебедия хочет разбить лагерь еще до темноты. Остаток пути на

Лунном Ветре будет для вас легче, чем путешествие на Морозце. Вы утомлены ездой, мы сменой лошади рассчитывали уменьшить для вас тяготы пути.

Грумы и слуги подвели лошадей к остальным, лорды и офицеры взлетали в седла с ловкостью и щегольством. Взяв ременный повод Лунного Ветра и набираясь мужества и сил, чтобы подняться в седло, как на плаху, Синхил смотрел, как сажаются на лошадей Камбер, Райс и Джорем. Слуга-михайлинец подвел коня к Келлену, но викарий, вместо того, чтобы сесть в седло, подошел к Синхилу, поклонился и предложил помощь.

Синхил с благодарностью принял предложение. Когда он взобрался на лошадь, тщетно отыскивая удобное положение, Лунный Ветер затанцевал под седоком. Каждый шаг коня отзывался волной боли во всем теле.

Но жалеть себя было некогда. Как только Келлен, вскочив в седло, подъехал, Джебедея оказался с другого бока и подал сигнал выступать. Тронулись рысью, и поначалу удивленному Синхилу казалось, что быстрая езда дается ему легче. Через четверть часа наступило разочарование — Синхил опять не чувствовал ничего, кроме боли. Ноги налились тяжестью.

Наконец Лунный Ветер изъявил желание сбавить ход, предоставив всаднику возможность не только страдать, но и думать.

Синхилу были очень любопытны слова Камбера и остальных про магию, хотя им этого не следовало знать. Он удивлялся истории про трудившихся всю ночь, гадая о месте пребывания этих тружеников — они идут с армией, остались в Валорете или сидят неведомо где?

Вдоль колонны взад-вперед скакали всадники. Когда они проезжали мимо, Синхил пытался заглядывать в их мысли. Но что толку! Люди никак не могли участвовать в нейтрализации волшебства Эриеллы, а Дерини, во-первых, тщательно защищали свой мозг, а во-вторых, думали совсем не о прошлых делах — слишком многое ожидало впереди. Синхил мог открыться любому из них и установить мысленный контакт, но тогда все погребенное в его душе стало бы достоянием чужого мозга. Нет, пусть уж лучше как прежде дремлет в нем магия Дерини.

Ближе к вечеру тучи в небе рассеялись. Закатное светило явило себя во всем великолепии. Первое сражение Эриелла проиграла. Синхила это, как ни странно, обрадовало.

Ничто не мешало ему оставаться наедине со своими мыслями. Около часу назад военачальники с Камбером оставили королевский эскорт и отъехали в авангард за

свежими донесениями разведчиков. Келлена король увидел, только когда армия вступала на лагерную стоянку. Пристроившись рядом, викарий михайлинцев кивнул; в его голубовато-зеленых глазах не было коварства или умысла, только уважение. Лучи заходящего солнца били в спину, и перед лошадьми скользили по земле длинные, резкие тени.

— Мы станем лагерем на гребне той горы. Командиры Вашего Величества обследуют вершину и местность с другой стороны. Желаете присоединиться к нам?

Он указал на группу всадников, отделившуюся от колонны. Над ней трепетали стяги Кудди, Ордена святого Михаила и знамя Гвиннеда — штандарт главнокомандующего Джебедия. Синхил устало вздохнул и, подав своему знаменосцу знак следовать за собой, направился вслед за Келленом.

Скакали легким галопом, не отвечая на приветствия солдат, и вскоре оказались у подножия хребта, где их поджидали. Синхил принял изъявления почтения и остановил коня между Камбером и Джебедией.

Джебедия, прикрывая глаза от солнца, повернулся к королю.

— Государь, наш план осуществляется, мы успеем занять позицию. События развиваются так, как мы и предполагали. Взгляните туда, на дальний хребет, Вы видите?

Синхил, прищурившись, встал в стременах.

— А что я должен увидеть?

— В общем-то, солнечные блики на оружейной стали. Мы полагаем, там устраивают военный лагерь. Не знаю, заметили нас или еще нет.

Синхил снова опустился на седло, не отводя взгляда от того, что было скоплением мелькающих точек и множеством его врагов. Он страстно желал, чтобы все разрешилось как можно скорее. С него довольно ожиданий в ночной бессоннице и свете дня, добавившего нетерпения и страхов. Уж лучше смерть, чем эта гнетущая неопределенность.

— Мы можем атаковать немедленно, используя внезапность? — Неожиданно для себя он спросил вслух, заметил, как они поглядели друг на друга, и впервые пожалел, что не обучен военному делу. Следовало устранить этот пробел и не смешить подданных своими вопросами.

— Ваше Величество, близость противника кажущаяся, — ответил Джебедия, не раздумывая. — До него даже по равнине скакать не менее получаса, а по холмам на наших уставших конях

— куда дальше. Мы доберемся до них затемно, а ноч-

Вздохнув, Синхил кивнул и устался на руки в пурпурных перчатках, стиснувшие красные поводья. Он припоминал слова, которыми его учили пользоваться для преодоления мышечных судорог и сердечных спазмов, а также против душевного смутения. Он поднял глаза, совершенно спокойный внешне. Знал, что этим никогда не обманет проницательных Дерини, но надел маску для самого себя.

— Ты, разумеется, прав, Джебедея. Делайте то, что считаете нужным. Видимо, мы разобьем здесь лагерь, полагая, что наши враги тоже не станут действовать ночью?

— Мы станем лагерем, но не будем чересчур доверчивы. Вокруг расставим часовых, вышлем лазутчиков, как только стемнеет, и к утру будем совершенно готовы. Если Ваше Величество позволит, мы хотели бы установить наши особые преграды. Все должны хорошенько выспаться перед битвой, и лучше предупредить любые вторжения в сознание.

Синхил слушал, открыв рот.

— Она может проникнуть в чужие сновидения?

— Она может вмешиваться в них. Я предпочитаю не искушать судьбу. На рассвете каждый солдат должен встать в строй в самом лучшем виде.

Скрывая зашевелившийся внутри страх, Синхил поспешно кивнул, поворотил Лунного Ветра и поехал вниз. Он был бы рад не думать об опасениях Джебедея, но тому никто не возражал, стало быть, речь шла о вполне реальной угрозе. Внизу, у подножия холма, копошились сотни людей, оборудующих лагерь. Среди них он не без труда отыскал глазами Сорла и своего духовника отца Альфреда. Они приглядывали за тем, как под крышей деревьев ставится королевский шатер. Синхил пустил коня туда.

Его страх оставался с ним. Не принесла успокоения беседа с отцом Альфредом. Они провели вместе около часа, прежде чем Синхил отчаялся найти в общении с молодым священником душевный покой, отпустил его и побрел в свой шатер.

Под ногами хлюпала жижа, в которую превратили вымокшую землю тысячи ног и лошадиных копыт. Меланхолически кивнув стражникам, он прошел внутрь. Сорл, ожидавший у входа, помог снять шлем и предупредил, отодвигая занавесь.

— У вас гости, мой Государь.

Шатер освещали свечи; в центре, возле походной жаровни, сидели Джорем и Келлен. Спущенные кольчужные наголовники обнажали золото и серебро волос двух михайлинских вождей, шлемы и перчатки лежали на толстом ковре рядом с ними. Оба были в полном вооружении; поно-

щенные кольчуги поблескивали, мечи, висевшие поверх голубых одежд Ордена, были на виду.

Они поднялись навстречу. Келлен продолжал греть руки над жаровней. Возле нее Джорем поставил еще один складной стул и с поклоном предложил королю занять его.

— Лагерь почти безопасен, Ваше Величество. Поразмыслив, мы поставили не защитные преграды, а сигнальные. В них куда меньше волшебства, и, преодолевая их, многие попросту ничего не заметят. Тем не менее нашим людям разрешено перемещаться только в пределах лагеря, благодаря этой предосторожности все останется в секрете.

Синхил опустился на стул, расстегнул пояс, и его меч беззвучно упал на ковер. Он потянулся, усталость накатывала почти осязаемой волной, валила с ног, заглушала речь Джорема.

— Вы пошли на это, вняв моим сомнениям? — Вопрос прозвучал так, что ответа не требовалось. Синхил стянул перчатки и в сердцах хлопнул ими по колену, вздрогнув от удара. Келлен вздохнул и заговорил:

— Синхил, я знаю ваше мнение, но мне казалось, что вы поняли, почему это необходимо. Нам отнюдь не повредит проснуться завтра бодрыми и в здравом уме. А этого нельзя гарантировать под угрозой тайных враждебных действий в течение ночи. Сигнальные преграды будут стеречь нас во сне.

Синхил поднял глаза.

— Понимание и одобрение не всегда совпадают, отец Келлен. Я понимаю причины, но не просите у меня одобрения.

— Но вы и не запрещаете? — спросил Джорем.

— Нет. Вы этого хотели от меня, не так ли? Я, как и всякий другой, не тороплюсь умирать. Однако предпочитаю более ничего не знать о ваших методах и действиях.

— Так и будет, Ваше Величество. Не смею больше беспокоить вас своим присутствием.

Джорем подобрал с ковра свою амуницию и вышел. Синхил смотрел в пол, а Келлен, помолчав, спросил:

— Можете уделить мне несколько минут?

— Как будет угодно.

— Не очень любезное согласие, но я благодарен и за такое.

Он придвинул стул и сел, хорошо смазанная кольчуга тихонько звякнула. Король досадовал, что его никак не оставят в покое, и гадал о причинах, заставивших его гостя задержаться, а Келлен молчал и чего-то выжидал.

Синхил стянул кольчугу с головы, пригладил тронутые седойной волосы дрожащей от усталости рукой и спрята лицо в ладонях.

— Итак, отче, что еще? Я устал, зол и, честно говоря, напуган. У меня нет сил пускаться в споры или исследования тайных струн души.

Келлен переменял позу.

— У меня тоже. Нам обоим нужен отдых. Но вас что-то тревожит, нечто большее, чем обычное раздражение на еще одно проявление Деринийской магии. Может быть, страх смерти в завтрашнем бою. Я видел, как вы говорили с отцом Альфредом, видел, что вы не удовлетворены беседой. Думаю, что не юноша поможет вам облегчить душу, а человек более зрелый. Кажется, мы с вами почти одного возраста.

Синхил понял, куда клонит викарий, но не решался принять предложение.

— Мне нравится мой духовник отец Альфред.

— Не спорю. Он прекрасный, добродетельный молодой священник. Если бы он не состоял при вас, я с радостью уговорил бы его перейти ко мне, когда я стану епископом. Но он юн и в сыновья вам годится, Синхил. Он никогда не сталкивался с теми силами, управлять которыми вы и я вынуждены учиться. Я предлагаю себя не как духовника, я предлагаю дружбу. Во многом мы очень схожи. Неужели эта близость не поможет забыть о различиях между нами?

Синхил слушал, не отваживаясь поднять глаза. Келлен повторил предложение, сделанное несколько дней назад. Тогда они толковали о том, что могли бы делить радости и печали королевской и епископской жизни. Как не хватало как раз такого друга. Кто, как не Келлен, был достоин им стать... Но что-то отталкивало в нем и во всех Дерини.

Завтра по их воле будут разбужены и приведены в движение таинственные и страшные силы, которым обычным людям не дано противостоять.

В голову закрадывались чудовищные вопросы. Кому они служат? Кто владеет их душами? Может, могущество Дерини от Лукавого? Будь проклят враг рода человеческого вместе со своими прислужниками. Тогда все происходящее с ним — бесовское искушение, его морочат, внушая веру в полезность магии. Он кое-что слышал о зверствах, богохульстве и иных мерзостях, которыми было отмечено правление Имре. Его кровосмесительный брак с родной сестрой Эриеллой был не последним в этом устрашающем перечне. А Синхилу, затворившемуся от мира за монастырскими стенами, становилось известным далеко не все.

Он вздрогнул, вспомнив, что сейчас не один. Келлен выжидающе глядел на него, ледяные глаза до са-

мых глубин светились ясным светом доброжелательности, надежды и еще чего-то, чего Синхил никогда прежде не замечал на морщинистом лице.

Еще секунда, и Синхил поддался бы искушению довериться, открыться и вручить свои мысли другому, поделиться горестями, страхами и опасениями за свою судьбу и будущее того мира, в который он был ввергнут против воли.

Но прошло еще мгновение. И он уже не мог сделать этого — только не сейчас и не здесь, в окружении Камбера и его сообщников, всех этих Дерини. Не стоит. Пока...

Вздохнув, он покачал головой и бросил перчатки на пол рядом с мечом. Когда он наконец посмотрел на Келлена, его глаза покраснели и едва не наполнились слезами.

— Благодарю, отец Келлен, но уже поздно, к тому же у меня ноет каждая косточка. Пока будет довольно и того, что вы станете извещать меня о малейшем изменении планов. Сейчас мне хотелось бы отойти ко сну.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Потупив взор, настоятель поднял шлем, перчатки и встал, наконец-то взглянув на короля. Он собирался заговорить, но потом поклонился и вышел, не оглядываясь.

Синхил оставался недвижим.

Даже после ужина он не пришел в себя. Принял ванну, помолился и лег, но сон не шел к нему. Он ворочался, дремал, погружался в кошмары и снова страдал от бессонницы; казалось, этому не будет конца.

Однажды он даже поднялся, зажег свечу, бездумно глядел на огонек и старался обрести ясность в мыслях.

В конце концов он встал за несколько часов до рассвета, надел костюм для верховой езды — мягкая кожа почти не стесняла движений. Натягивая сапоги, он вздрогнул от боли, сразу вспомнив все прелести путешествия верхом, и замахал руками на Сорла, разбуженного возней и заглянувшего к нему. Синхил прицепил к поясу кинжал, решив, что в военном лагере королю не пристало появляться без оружия, набросил на плечи черный плащ, завязав его под горлом, и надвинул отделанный мехом капюшон. Экипировавшись, он выскользнул наружу, ходьбой будоража кровь и прогоняя вялость мышц.

Никто не останавливал Синхила, не заговаривал с ним, но инкогнито сохранить не удалось. Очевидно, стража у его шатра передала другим часовым, что король без свиты обходит лагерь и не желает провожатых. Он чувствовал на себе взгляды солдат — весть о приближении короля каким-то неведомым способом опережала его без всякой магии.

Когда он направился к холмам, чтобы посмотреть на огни вражеских аванпостов, один из часовых пошел следом, соблюдая дистанцию. Синхил не замечал его, укрывшись в тени дерева, он осматривал равнину перед собой. Его беспокоила тишина. Даже обычные ночные шорохи и звуки, казалось, приглушены. Синхил стал вслушиваться в звуки спящего мира. Позади него пофыркивали лошади и тихо били копытами о землю, чуть ближе вышагивали часовые, бряцая доспехами при каждом шаге.

Где-то далеко мычали запертые в загонах коровы, и это напомнило ему о том, что он стоит в самом сердце своей страны, и о том, почему он здесь. Серебристый лунный свет играл в каплях росы на еще зеленой пшенице и нежной траве. Что-то будет завтра на этом поле. Он задрожал. Никогда люди не убивали друг друга на его глазах, стенка на стенку, армия на армию.

Синхил поплотнее завернулся в плащ и пошел обратно. Обходя стороной постовые костры, он оказался среди стреноженных лошадей, в конце концов наткнулся на Лунного Ветра и Морозца. Жеребцы, подняв головы, приветственно заржали, а Лунный Ветер с грубой лаской толкнул его в грудь бархатым носом. Синхил прижался к шее коня. Позабыв о своих переживаниях, он наслаждался запахом лошадиного пота и теплом шелковистой шеи Лунного Ветра. Морозца он почесывал за ухом.

Это было подарком судьбы. Но вскоре ноги привели его в центр лагеря, к рядам палаток и пирамидам оружия. Двигаясь наугад, король очутился у шатра михайлинцев, данного Элистеру Келлену. Синхил подумал о том, как нынче спится викарию, и было бы сейчас спокойнее ему, прими он дружескую руку Келлена.

Вдруг он услышал голоса в шатре. Синхил взглянул вверх. Чернота неба свидетельствовала, что до рассвета осталось несколько часов, а звезды указывали время — шел четвертый час.

Он отступил в тень и прислушался; доносившиеся из палатки голоса принадлежали участникам далеко не праздного разговора. Иногда все говорили разом со странной горячностью, от которой мурашки бежали по телу. Потом спор затихал, и речь держал один. Среди всех выделялся голос Келлена, других он не узнавал.

Он закрыл глаза, тщетно пытаясь разобрать слова. Его волю и ум снова парализовали недавние страшные сомнения.

Что они делали? Кто там был? Могли ли они тайно исполнять какой-нибудь Деринийский ритуал, кото-

рый он заведомо не одобрял? Может быть, поэтому они собрались ночью, когда весь лагерь спал? Надеялись скрыть от него?

Синхил должен был все выяснить. Внимательно оглядевшись, он не обнаружил поблизости часовых и никаких признаков того, что его присутствие замечено. Проверил внутренним зрением — никто вокруг не думал о короле.

Оглядевшись еще раз, Синхил двинулся вперед, проскользнул полосу, освещенную луной, и замер в темноте у шатра. Его сердце бешено колотилось, он слышал только его удары, отдававшиеся в висках оглушительными толчками крови.

С глубоким вздохом он приказал себе расслабиться. Выждал мгновение и набрался смелости, чуть-чуть раздвинув полотно, заглянуть внутрь.

В шатре было темно. После лунного света Синхил, пока не привыкли глаза, различил только группу мужчин (около дюжины), большинство сидело на коленях спиной к нему.

Один, кажется, Келлен, стоял в стороне, отвернувшись. Когда он нагнулся над сундуком или столом, покрытым белой тканью, за ним стала видна свеча. Другой, светловолосый, склонив голову, ждал, расположившись слева от Келлена. Синхил решил, что это Джорем.

Глаза привыкли к полутьме, и он узнал в мужчине со слегка посеребренной шевелюрой Камбера, а в огненно-рыжем незнакомце — Райса. Когда Келлен выпрямился, все посмотрели на него, и Синхил узнал в присутствующих большинство своих командиров; Джебедия, Байвела де Камерона, Джаспера Миллера, юных Джеймса Драммонда и Гвейра, графа Сигера с двумя из троих своих сыновей, а также михайлинцев, которых король не помнил по именам, но знал в лицо.

Тут до него дошло, отчего фигура Келлена поначалу вызвала сомнения — отец Элистер был в облачении священника, только не в обычном, а в темно-синем, михайлинском, с особыми крестами Ордена на ризе, вышитыми по традиции золотыми, серебряными и красными нитями. На столе, в котором Синхил наконец узнал походный алтарь, виднелись сосуды для таинства причастия. Синхил хотел уличить своих друзей-Дерини в совершении таинства и оказался прав. Но какой стыд! Он вовсе не ожидал стать свидетелем святого причастия. В нем просыпались и сжимали грудь такие знакомые чувства — любовь и умиление. Келлен поднял потир со священным телом Господа и произнес:

— *Ecce Agnus Dei: ecce qui tollis peccata mundi.*

— *Domini, non sum dignus,* — негромко в унисон ответили остальные. — Господи, я не достоин того, чтобы

Ты снизошел ко мне. Просвети меня, да будут слово и душа моя исцелены.

Синхил преклонил голову и закрыл глаза, давая неподвластным времени и дорогим его сердцу словам наполнить все его существо. Даже в устах Дерини, тем более такого Дерини, как Элистер Келлен, эти слова сохраняли свое значение и сущность, давая силы пройти все, что ему суждено.

Синхил открыл глаза и увидел, что Келлен протянул потир Джорему, поклонившемуся и отпившему глоток. Затем Келлен повернулся, чтобы взять с алтаря другую чашу, и начал обходить собравшихся, подавая причастие. Джорем прислуживал, давая каждому отпить из чаши, которую держал, и каждый раз вытирая ее край.

Слухи оказались правдой. Синхилу говорили, что иногда михайлинцы причащаются, нарушая обряд, но он думал, что так делается только в самом Ордене. Здесь же присутствовали и те, кто не был михайлинцем, и даже не монахи — Камбер, Райс, Гвейр и другие миряне; они принимали причастие наравне с членами Ордена.

Но не время размышлять об этом. Пора уходить, пока его не обнаружили. Если все дело только в необычном способе причастия, королевская бдительность чрезмерна.

Синхил огляделся, убедился, что никто не появился поблизости, и вдруг увидел надвигавшуюся тень. В испуге он втянул голову в плечи, бежать было поздно. Высокая фигура Келлена загородила луну, взгляд главы михайлинцев пригвоздил Синхила к месту, он чувствовал себя птицей, угодившей в силоч.

— Вы могли открыто присоединиться к нам, Государь.— Голос священника был совсем не сердит.— Вам незачем было стоять в темноте и холоде. Все братья во Христе — желанные гости у Его престола.

Синхил в замешательстве даже пальцем пошевелить не мог, только видел и слышал. Слева от отца Элистера в полосе света возник Джорем, скрипели ремни — кто-то развязывал полотнище входа в шатер, Джебедия и Джаспер Миллер отбрасывали парусину. Он оказался перед участниками полночной мессы.

Щеки заливала краска стыда. Король попался, как воришка на месте преступления. Что они подумают? Как поступят с ним?

Прерывая мучительные переживания, чьи-то крепкие недобрые руки ухватили Синхила, подталкивая, повели вперед, к собравшимся в середине шатра.

Перед алтарем он опустился на колени, пристыженный опустив голову и закрыв глаза. Синхил слышал, что

Келлен и Джорем продолжают раздавать причастие, доносились негромкие реплики на латыни, смотреть на обряд он не решался. Перед лицом Господа нарушил совершение священного таинства, оскорбил чувства верующих, поймали, как злоумышленника,— и все он. У Синхила комок встал поперек горла, когда кто-то — а это был Келлен — остановился перед ним.

— *Ego te absolve*, Синхил,— позвал голос. Он почувствовал свет над своей склоненной головой.— Добро пожаловать,— продолжал Келлен мягко.— Разделите ли с нами причастие в утро битвы?

Синхил открыл глаза, но не отважился поднять их выше колен Келлена.

— *D-Domine, non sum dignus*,— удалось выдать в ответ.

— Ты навеки священник,— прошептал Келлен. Король вздрогнул, но, в страхе подняв глаза на Келлена, увидел в ледяных глазах тепло и ласку, то, что накануне он открыл для себя в этом человеке.

Келлен взял кусочек просфоры и протянул Синхилу.

— *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam tuam in vitam aeternam*,— Келлен умолк и опустил святой хлеб в дрожавшую руку Синхила.

Тот кивнул, не в силах вымолвить ответ, и поднес руку ко рту. Этот обычный хлеб был самой чудесной вещью из всех. Перепополняемый чувствами, он опустил просфору в рот.

Рядом появился Джорем с чашей.

— *Sanguinis Domini nostri Jesu Christi custodial animam tuam in vitam aeternam*,— произнес Джорем.

Когда он подносил чашу к губам Синхила, тот наконец поднял глаза и не увидел в сыне Камбера ни тени гнева или недовольства. С глотком вина воспарила душа Синхила. Он склонил голову и на несколько секунд впал в забытие.

Все остальные поднялись и поклонились королю, прощаясь. Когда Синхил вернулся к действительности, Келлен и Джорем складывали алтарь и разоблачались. Слева, наклонившись к нему, сидел Камбер, а Райс молча стоял рядом. Четверо оставшихся в шатре исподволь изучали Синхила.

Поднимаясь, король нерешительно их оглядел.

— Я проходил мимо и услышал голоса,— он запоздало извинялся.— Я не мог заснуть. Не думал, что в столь ранний час у кого-то могут быть дела.

— Священники отслужат короткую мессу для солдат,— неопределенно произнес Камбер.— Существует обычай, что командиры слушают мессу раньше остальных, если не заняты приготовлениями к битве.

— Я и не знал,— пробормотал Синхил.

— Вы не спрашивали,— ответил Камбер.— Мы не догадались, что вы захотите послушать мессу, а то пригласили бы вас. Однако вы, судя по всему, хотели бы присутствовать на службе вашего личного капеллана.

— Я не собирався подглядывать, но...

— Но Его Величеству было очень интересно,— сказал Келлен, поворачиваясь и пристально глядя на Синхила.— А когда он увидел, что это михайлинская месса, Деринийская месса, он побоялся самого худшего.

Он сложил ризу и начал снимать стихарь.

— Ваше Величество удивлен или разочарован?

— Разочарован? — Синхил обиженно взглянул на полураздетого священника.— Причащаться подобным образом... это... это было. Боже мой, Элистер, я думал, хотя бы вы поймете!

Келлен, оставшийся в нижнем белье, теперь одевался в кожаный костюм и кольчугу.

— Праведные слова, Синхил. Но вы ожидали чего-то большего? Неужели преступного осквернения этого величайшего таинства, несмотря на единство нашей веры? Может быть, вы надеялись на это как на повод порвать с расой Дерини и успокоить свою совесть?

— Что? — Синхил был потрясен.

— Значит, я прав? — упорствовал Келлен.

— Да как вы смеете! — вскричал Синхил.— Вы... больше всех остальных вы виноваты в моем теперешнем состоянии!

— Это вы виноваты в своем состоянии! — вмешался Джорем.— Вы произносите благочестивые речи, но ваши действия говорят об обратном. Никто не принуждал вас к тому, что вы совершили.

— Никто не принуждал? Да как я, наивный священник, срок три года знавший лишь монастырскую жизнь, мог отказаться. Вы и Райс вырвали меня из обители против воли, отняли жизнь, которую я любил, и отдали людям, еще более жестоким, чем вы сами!

— С вами плохо обращались? — спросил Келлен.— Вам причиняли боль?

— Физическую — нет,— прошептал Синхил.— Да вам и не требовалось этого. Вы были настоятелем одного из самых могущественных и уважаемых Орденов в этом мире. А Камбер, он и есть Камбер. Что тут еще можно добавить? А потом еще Целитель,— он указал на Райса,— и мой брат во Христе отец Джорем, велевший мне «пасти моих агнцев», и архиепископ Энском, примас Гвиннеда. И даже ваша за-

стенчивая, невинная дочь, Камбер. О, как она предала меня! И все вы говорили, что моей священной обязанностью было оставить священное призвание и принять нежеланную корону!

— И вы послушались,— спокойно сказал Камбер.

— Да. Что еще оставалось делать? Если бы я попробовал перечесть, вы убили бы меня или подчинили себе, сломив мою волю. Я не мог противостоять вам всем. Я всего лишь слабое человеческое существо.

— Разве раньше не бывало мучеников? — холодно осведомился Келлен.— Вы могли выбрать этот путь, но не решились. Если ваша вера столь дорога вам, почему же вы не воспротивились, и будь, что будет?! Да, мы не слишком церемонились, но вы не можете перекладывать всю ответственность на наши плечи, Синхил. Будь вы крепче, мы бы не преуспели

— А может, вы пока и не преуспели! — выкрикнул Синхил и, сломя голову, выбежал из шатра, запахиваясь в плащ.

— Открытое объявление войны,— пробормотал Камбер, когда шаги короля затихли.

— Он одумается,— сказал Келлен.— По крайней мере, должен. Или я всех нас погубил. Прошу прощения. Кажется, я выбрал не самый удачный момент, чтобы выразить свою тревогу.

Джорем склонил голову, перебирая в пальцах епитрахиль.

— Отчасти это и моя вина, Я утратил выдержку. Вывел его из себя. Прости, отец, что и ты оказался в этом замешан, теперь тебе придется еще сложнее.

Он виновато взглянул на Камбера, но тот лишь улыбнулся, пожав плечами.

— У него есть несколько часов, чтобы остыть. Возможно, ему следовало услышать все это. Мы сказали правду впрочем, и он тоже.

— Правду...— Келлен вздохнул и пристегнул меч поверх синей михайлинской сутаны.— Полагаю, окончательную правду мы все узнаем через несколько часов.

ГЛАВА VI

**Подвигом добрым я подвизался,
течение совершил, веру сохранил.¹**

Времени на размышления больше не было. Перед грядущей битвой следовало отдать последние приказы, обсудить донесения дозорных, накормить, вычистить и оседлать лошадей, проверить оружие.

Камбер вместе с притихшим Джоремом отправился к своему отряду выслушать доклады офицеров. Келлен, молчаливый и суровый, со всей строгостью осмотрел ряды михайлинских рыцарей.

На долю Райса выпала организация походного госпиталя; в этом ему помогала дюжина других Целителей и вдвое больше лекарей-людей, которых успели набрать перед военной кампанией. К концу дня у них будет дел невпроворот: Дерини займутся самыми тяжелыми случаями, а люди — легко ранеными. Теми же, кому врачи окажутся бессильны помочь, займутся священники, принося успокоение душе.

Впрочем, для большинства все эти приготовления едва ли пойдут на пользу. Тяжелые раны и неизбежная неразбериха на поле боя унесут больше жизней, чем могли бы спасти Целители, даже будь их втрое больше. Столь ценными людьми нельзя было рисковать в гуще сражения, так что раненым придется дожидаться подмоги, пока битва не завершится.

Что касается Синхила, то ему едва ли кто мог сейчас помочь. После ссоры с Келленом король спешно удалился в свой шатер и не показывался оттуда, пока не пришло время оседлать Морозца и подняться на холм. Его сопровождал Джебе-

¹ 2-е Тимофею 4:7

дия, которому Джорем во всех красках описал недавнюю перепалку, и потому тот старался выполнять свои обязанности, держась как можно незаметнее. Приказы отдавались спокойно, и всякий раз спрашивалось формальное согласие Синхила. Тот отвечал по возможности кратко, любезно, но скованно, тщательно подавляя владевший им гнев. Никто не решался попусту тревожить его, а молчание короля воспринималось как решимость. Синхил стискивал зубы и старался как можно крепче держать поводья, радуясь, что лицо скрыто забралом.

На противоположных сторонах поля выстраивались войска, Противный холодок возник внутри и комком застрял в горле. Сейчас так не хватало надежного друга. Король скакал в окружении рыцарей личной охраны, среди них далеко не все были Дерини, но Синхил никого из них не знал настолько, чтобы положиться на него.

Чуть выше на холме Камбер с сыном наблюдали за построением противника. Над легкой влажной дымкой утреннего тумана возвышались знамена, штандарты и рыцарские значки на сотнях копий. Ниже, у границы тумана, теньями двигались пехотинцы, их оружие отбрасывало спящие блики.

Камбер посмотрел на Джорема, а потом снова на серую пустую равнину перед ними, догадываясь, что мысли сына во многом схожи с его собственными.

— Ты думаешь о том, чего все это стоило, не так ли? — спросил он, иронически улыбаясь.

Джорем прищурился, продолжая вглядываться в даль.

— Сегодня утром я оказался круглым идиотом, — расстроенно сказал он. — Все, на что было положено столько усилий, оборатилось в прах. Неужели он никому не верит?

— Очевидно, нет, по крайней мере пока. Наши с тобой надежды на Элистера и его дружбу обмануты, возможно, они изначально были велики, принимая во внимание мою совершенную несостоятельность в данной области. Я никогда не думал, что Элистер... или ты сможете вот так его завести.

Джорем рассматривал луку седла.

— Но ты сам признал, что это правда.

— Верно. Но чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что он не был готов к своему преображению. Должен признаться, мне казалось, что у Элистера хватит терпения еще ненадолго.

— Так и было, — пробормотал Джорем. — Не успел рассказать тебе, но прошлой ночью он опять пытался втолковать

Синхиу, что хочет помочь ему. Тот снова отказался.

328 После возвращения Элистера мы с Джебедией битый

час убеждали его, что его попытка не напрасна, и неудача — это проблема Синхила, а не его. Как мне кажется, Келлен чувствовал, что Синхил был почти готов принять его предложение. Признаю, я был нетерпелив. Вчера вечером, когда Синхил возражал против наблюдательных преград, мне пришлось выйти из палатки. Боялся сказать резкость, о которой потом придется сожалеть. Наверное, утром тоже стоило уйти.

— Тогда почему Элистер...

— Сегодня утром? Полагаю, это было в ответ на то, что Синхил шпионил за нами. К тому же не следует забывать о возбуждении перед битвой. За суровой наружностью нашего викария прячется чувственный, легко ранимый человек.

Камбер вздохнул.

— Я ничего не знал о прошлой ночи. Как по-твоему, положение поправимо?

— Трудно сказать. Ты знаешь, Элистер Келлен гордец, но он по-своему заботится о Синхиле. В последний год он привязался к нему. Я думаю... я надеюсь, что Синхил чувствует это. Видит Бог, если наш король хочет выжить в этом мире, то должен научиться доверять кому-то.

— В таком случае, может, это лишь временное препятствие,— произнес Камбер.— Синхил испуган и оттого упрям. Думаю, он не понимает, что имеет дело с человеком, почти таким же упрямым, как и он.

Несмотря на серьезность ситуации, Джорем засмеялся.

— Это точно. Элистер один из самых упрямых людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Почти такой же упрямец, как ты временами.

Камбер тоже развеселился.

— Нет, таким, как я, никто не может быть. Даже твой настоятель. Кстати, вот и он, грозный, как Апокалипсис. Элистер!

Келлен преодолел последние метры по склону холма и натянул поводья, останавливая своего жеребца. Его синяя накидка была уже испачкана грязью, лицо горело возбуждением.

— Остался еще час или около того. Нам известно — распределение ее сил совпадает с твоим описанием. Наш разъезд вязался в небольшую стычку с ее патрулем, обошлось без потерь.

Камбер мрачно улыбнулся.

— Не думаю, что ей известно о нас столько, сколько удалось узнать мне. У нее не было времени для того, чтобы существенно менять планы, продолжая наступление.

— Удача, которая ничего не решает. Но удача,— пробормотал Келлен.— Это сегодня и нужно. Ее силы по-прежнему превосходят наши.

— Как Синхил? — спросил Джорем, меняя тему разговора. Келлен вздохнул.

— Старательно избегает меня. Не думаю, что это затянется надолго. Конечно, его чувства оскорблены. Но он держит себя в руках. Думаю, когда все закончится, дело пойдет на лад.

Камбер похлопал Келлена по плечу и кивнул.

— Добрые вести. Теперь о сражении. Нам следует кое о чем помнить особо?

Поодаль, где остановились король, Джебедея, Бэйвел де Камерон и рыцари-телохранители, раздался сигнал рога. Келлен подобрал поводья и улыбнулся.

— Просто держи свои защиты повыше, а голову пониже, — ответил он, поворачивая коня. — Удачи вам, друзья мои. Даст Бог, увидимся вечером!

Он поехал, пустив коня галопом к михайлинской коннице, собиравшейся на северо-востоке. На равнине внизу выстроилась гвиннедская пехота и двинулась, теряясь в тумане. Михайлинцы Келлена спустились с холма и уходили на север, выполняя обходной маневр.

Камбер посмотрел на боевые порядки малочисленной армии графа Сигера, присоединившейся к ним накануне, и вздохнул, а затем развернулся к своим кулдским рыцарям, ожидающим приказа. Сегодня своих воинов поведут они с Джоремом, приняв на себя командование конницей и половиной пехоты. Юный Гвейр тоже передал своих вассалов из Арлисса под команду Камбера, а сам нес его личный штандарт, с которым решил сопровождать графа Кулдского в битве.

Когда Камбер развернулся в седле, молодой человек поспешил к нему в сопровождении оруженосца со щитом. Брат-михайлинец подал щит Джорему, и Гвейр занял место слева от Камбера.

— Лорд Джебедея сообщает, что готов выступить, милорд, — сказал Гвейр.

Камбер поднял щит с мечом и короной на лазоревом и красном полях, привстал на стремях и махнул рукой, подавая знак Джебедея, стоявшему в четверти мили к югу. Взявшись за рукоять меча, он оглянулся на своих рыцарей. Они прекрасно поняли его жест и не нуждались в дополнительной команде. Рука стиснула повод, ноги плотно обхватили лошадиные бока, Деринийские защиты упрочились.

Камбер скомандовал выступление и тронулся с холма вниз, сопровождаемый Джоремом и Гвейром. Впереди в долине двигалась пехота, обнаруживая себя линией знамен, колышущихся в утреннем небе.

Синхил в кольчуге и шлеме, с мечом на поясе и щитом с изображением Гвиннедского льва тоже спускался с холма. На случай непосредственного соприкосновения с противником он вооружился булавой — оружием, применение которого не требовало специального умения. Короля сопровождал михайлинский рыцарь-знаменосец, а впереди скакала группа отборных рыцарей с михайлинским наставником.

Шелковые знамена плыли по равнине. Войска сближались. В тишине слышалось бряцание оружия и стук копыт о мягкую землю. Люди топтали молодую пшеницу, а скачущие лошади с корнем выворачивали из земли наливающиеся колосья. В низине скопилась дождевая вода, и великолепия одежда и оружия конных рыцарей мгновенно запятнала жидкая грязь.

Они скакали целую вечность, постепенно ускоряя движение. Наконец гармонии летнего утра нарушили боевые кличи — пешие и конные бросились вперед изо всех сил.

Противники схватились врукопашную. Стратегия, тактика — все забылось в хаосе битвы. Равнина через несколько часов превратилась в море грязи, крови и искалеченных тел людей и животных.

Вражеская армия представляла довольно разнородное собрание. Большую ее часть составляли войска торентских союзников Эриеллы — родственников и подданных семьи и матери. Эти воины в конических шлемах, украшенных шелками и перьями, в латах, нагрудники которых покрывали странные письмена, бились, не ведая жалости. Они не знали пощады и не просили ее.

Еще опаснее были гвиннедцы, принявшие сторону Эриеллы. При Фестилах они стали крупнейшими землевладельцами и теперь поддавались на посулы вернуть им отнятые богатства, если их госпожа завладеет короной. Этим, в отличие от торентцев, было что терять — в случае поражения их ожидала кара Халдейна, нынешнего владыки Гвиннеда. Для них смерть в бою была спасением от бесчестия и изменнического клейма.

В жестокой сече ряды противников заметно редели. Еще до полудня Камберу стало известно, что он потерял почти четверть рыцарей и шестьдесят пеших воинов, в середине дня потери удвоились. Дважды его сбивали с коня, и оба раза он остался невредимым. Сначала выручил Гвейр. Схватив поводья лошади нападавшего, юноша изо всех сил дернул, тот от неожиданности вывалился из седла, попал под копыта собственного коня, Гвейр, не выпуская знамени, прикрывал Камбера, пока тот не выбрался из грязи и снова не вскочил в седло. В другой раз после случайного падения Камбера

воин из королевской охраны помогал ему поймать коня, и в это время лошадь этого рыцаря упала — вражеское копье пронзило ее шею.

Однажды в пылу сражения Камбер увидел неподалеку Эриеллу. Она проезжала в первых рядах войска, вдохновляя солдат, но подступиться к ней с мечом было невозможно — два десятка тяжело вооруженных рыцарей надежно защищали свою предводительницу. Эриелла оделась, как настоящий воин, в кольчугу поверх кожного костюма, скрыв свою изящную фигуру. Темные вьющиеся волосы выбивались из-под стального шишака с короной. Появлению Эриеллы в войсках предшествовали попытки применить волшебство, но Дерини на стороне Синхила их успешно отражали, а ее людям магия причиняла урон. Отказавшись от нее, Эриелла появилась теперь в наиболее опасных местах, своим видом внушая мужество сражающимся, но оставалась безоружной и не участвовала в битве.

То же самое можно сказать и про Синхила, хоть его булава и обогривалась кровью каких-то неистовых пехотинцев, самым невероятным образом избежавших мечей охраны и оказавшихся рядом с королем. А его командирам приходилось размахивать мечом без устали. Тяжелее других приходилось Джорему — он со своими рыцарями был отрезан от Камбера и сражался в окружении, теряя людей одного за другим. Потери, немногим меньше, несли и Джеймс Драммонд и Джебедея.

В рядах Элистера Келлена тоже появились бреши, но михайлинцы держались стойко. К вечеру наметился перелом. Армию Эриеллы кое-как удалось потеснить. Единая линия сражающихся стала распадаться. Дрогнули и побежали воины Торрента, сообразившие, что собственная жизнь дороже чужой распри. Келлен и Джаспер Миллер пустились в погоню с небольшим отрядом и, нагнав отступающих на опушке леса, зарубили, не взяв ни одного пленного. Они поворачивали коней, чтобы вернуться к своим, когда Джаспер вскрикнул, показывая в лес.

— Неужели Эриелла?

Келлен развернулся в седле, прищурившись, всмотрелся в полумрак под деревьями и с криком прищипорил коня. Лихим галопом отряд последовал за ними и вскоре оказался у цели.

Горстка рыцарей, среди которых был и Целитель, разворачивалась в боевой порядок, чтобы в своей последней схватке защитить госпожу, Эриелла без доспехов зябко куталась в белый шерстяной плащ, по-детски сжавшись на огромном боевом коне. Оттененное копной блестящих волос, ее лицо было возбужденным.

— Сдавайся, Эриелла! — крикнул Келлен, поднимая коня на дыбы, его люди тем временем строились. — Твои войска разбиты. Тебе не удастся сбежать. Сдавайся и молись о милосердии короля!

— Милосердие короля? — крикнула в ответ Эриелла. — Какое мне до него дело?

— У тебя нет надежды спастись, — Келлен осадил коня. — Сдавайся немедленно, чтобы избежать новых бессмысленных смертей. Битва проиграна.

Эриелла не ответила. Поляну внезапно наполнил блеск Деринийских защит, поднятых рыцарями Эриеллы. Окруженные слепящим сиянием, они двинулись вперед. Михайлинцы Келлена отразили магический удар и, принимая вызов, тронулись навстречу. Крики, ржание и звон оружия разнеслись вокруг, умноженные эхом. Противники обменивались ударами волшебства, выбрасывая и разбивая их сверкающие сгустки.

Первыми жертвами стали лошади — они были наименее защищены, а спешенный рыцарь, даже Дерини, имел не много шансов уцелеть в поединке с всадником.

Келлен бился, как одержимый, он вертелся на коне, стараясь прикрывать своих и истреблять врагов, оставаясь в седле. Магической энергией в момент столкновения были поражены несколько рыцарей с обеих сторон, но, оказавшись лицом к лицу, противники больше надеялись на физические силы и искусство владения мечом. Скрежетала разящая сталь, хрустели кости, со стонами падали умирающие.

Джаспер Миллер убил двоих из семи телохранителей Эриеллы, прежде чем был сражен. Его убийцу прикончил меч другого михайлинца, который в свою очередь пал жертвой Целителя Эриеллы, безупречно владевшего оружием, несмотря на свою профессиональную клятву.

Уже через несколько минут Келлен был сброшен с лошади, но продолжал отчаянно рубиться. Наносил сокрушительные удары и получал их, был несколько раз серьезно ранен, остался на ногах и в конце концов оказался один среди бездыханных тел. Один на один с Эриеллой, как ангел мщения и последняя преграда к ее бегству, Общими руками Келлен стискивал окровавленный меч.

Слева от него едва слышно стонал михайлинец, а смертельно раненный Целитель корчился в попытках подползти к своей госпоже: рука у него была отрублена у локтя и держалась на сухожилии. Эриелла оставалась в седле, но ее жеребец, возбужденный боем и запахом крови, раздувал ноздри и громко фыркал, кося налитым кровью глазом. На ко-

не можно было избежать встречи с Келленом и его мечом. Плечи Эриеллы подрагивали, растрепанные волосы ниспадали на спину, как еще один плащ. Она хорошо понимала преимущества своей позиции и то, как выглядит со стороны; успокоив своего коня, претендентка на престол горделиво вскинула голову и смерила Келлена взглядом.

— Вы храбро сражались, отче — При звуке ее голоса жеребец под ней взбрыкнул, но тут же присмирел. — Если вы покаянетесь верой и правдой служить мне, я смогу простить вашу измену.

Пораженный Келлен уставился на нее.

— Покаяться служить тебе? Ты с ума сошла? Ты говоришь так, словно одержала победу, Ты пленница, а не я.

— Ваша пленница? — Эриелла засмеялась и приблизила на несколько шагов своего горячего коня. — Настоятель, разве не я сижу в седле без единой раны? Взгляните на себя. Отдайте меч, и я дарю вам жизнь.

В ответ Келлен, мотая головой, закричал бессвязно и яростно. В том, что произойдет дальше, он не сомневался — оскаленная лошадиная морда уже нависала над ним. Келлену чудом удалось выскочить из-под копыт и, увернувшись, накинуть на голову коня свой плащ. Животное в испуге рванулось, наткнулось на острие и всей своей тяжестью навалилось на меч с жалобным ржанием.

Эриелла не удержалась в седле. Испуганный жеребец сбросил ее, и она упала в кусты. Выбравшись из-под лошадиного крупа, Келлен полагал, что она, самое меньшее, в глубоком обмороке, и сражение окончено. Он увидел Эриеллу, когда подобрал свой окровавленный плащ. Едва держась на ногах, она, бледная и негодующая, творила заклинание.

Келлен мгновенно мобилизовал свои защиты. Нужен был контрудар, для которого придется обратиться к силам, покуда никогда не применявшимся. Он сознательно этого избегал, но сейчас, истекающий кровью, иначе не сможет одолеть Эриеллу. Силы утекали, как кровь из ран, зрение слабело. Все ресурсы души и тела были брошены против опасной противницы. Он умирал, и не стоило обольщаться относительно своего будущего. Чувства Келлена слабели и притуплялись, но он должен был остановить Эриеллу. Немедленно. Отдать силы, свою веру, любовь и ненависть — всю жизнь. И уничтожить ее.

Тяжело опираясь на меч, Келлен поднимался с колен. Ценой невероятных усилий ему удалось распрямить ноги.

Эриелла, стоявшая в центре поляны с закрытыми

334 глазами, раскинув руки в стороны, увеличивала силу

своего натиска. Он чувствовал, как напрягаются его защиты, и знал, что в запасе лишь несколько мгновений. Если он ничего не сделает сейчас, потом будет слишком поздно и Эриелла будет свободна!

Келлен выпрямился на подгибающихся ногах, с трудом поднес к губам рукоять меча и приложился к священной реликвии, затем стал молиться так горячо, как никогда прежде.

Затем воздел меч, словно копье, и метнул его уверенно и прямо, не замечая даже, как сталь клинка до кости рассекла ему пальцы.

В тот же миг он рухнул на землю, и перед сомкнувшимися веками опустилась тьма, глубину которой не измерить

Он не слышал более ни звука.

ГЛАВА VII

**И увидят народы правду твою и все
цари — славу твою, и назовут тебя
новым именем, которое нарекут
уста Господа.¹**

Тени удлинялись и понемногу пропадали, когда войска Гвиннеда вновь начали строиться. Синхил с Джебедией у подножия холма принимал первые печальные донесения о потерях, а Камбер с Джоремом почти одновременно выехали на вершину и встали бок о бок, обозревая окрестности.

Тени двигались в сумерках — это санитары отыскивали уцелевших на поле боя, конюхи избавляли раненых лошадей от мучений, а легко пострадавшие, хромая, сами пробирались к своим. Чуть левее, у палаток госпиталя разводили сигнальные костры, яркими точками мерцавшие в сгущавшейся тьме, а за ними понемногу оживал лагерь.

Вдалеке, на другом конце равнины, во вражеском стане разъезды собирали трофеи и захватывали последних пленных, дабы удостовериться, что с этой стороны более не угрожает никакая опасность. Конные патрули были посланы на поле боя, чтобы отпугнуть мародеров и защитить от нападения раненых и санитаров. Крики умирающих невнятной волной достигали вершины холма — единственные звуки в безмолвии сумерек.

Камбер с сыном несколько минут стояли неподвижно. У Джорема была кровь на правой руке и на лбу, но сам он не пострадал. Кольчуга осталась цела, хотя тоже запятнана чужой

кровью, а когда он снял шлем, то обнажились слипшиеся от пота волосы. Камбер также остался практически невредим, но был весь в грязи, а накидка с гербом Кулди была разорвана в клочья. Непокрытая голова отливала серебром в гаснущих лучах солнца. Он протянул свой шлем и щит подоспевшему оруженосцу.

— Большие потери? — спросил он, бросив взгляд на михайлинское знамя, под которым конвой Ордена куда-то уводил пленных.

— Слишком большие — но это всегда так бывает. — Джорем, свесившись в седле, опустил щит на землю. — А ты?

— Столько же. — Камбер промолчал. — Но по крайней мере с Синхилом все в порядке. Ты не знаешь, как он там?

Джорем пожал плечами.

— Ты же его видишь. В седле держится. С виду все нормально. Сейчас меня больше волнует то, что после полудня никто не видел Эриеллы. Вдруг ей опять удалось ускользнуть?

— Господи, надеюсь, что нет.

Камбер поднял руку, приветствуя приближающегося зятя. Райс натянул поводья, становясь рядом с ними. Оберегая себя от холода и ночной сырости, он надел мантию Целителя, из-под нее выглядывала рубаша, подол которой был выпачкан в крови. — Райс вытирал рубашой руки. На пальцах все еще виднелись бурые пятна. Целитель был бледен и выглядел усталым, под глазами залегли темные круги. Он шумно вздохнул.

— Не могу задерживаться надолго, если не нужен вам, но хотел бы узнать, когда вы в последний раз видели отца Келлена. Внизу готовы отдать Богу душу несколько человек, кое-кто из них хочет, чтобы непременно он отпустил им грехи.

Лицо Джорема омрачилось, он снова оглядел поле брани.

— Я не видел его несколько часов. А ты, отец?

Камбер склонил голову, словно припоминая, затем указал вправо та небольшой лесок.

— Он с группой михайлинцев преследовал отступавших в том направлении. Это было полчаса назад. Надеюсь, ничего не случилось.

От холма донесся крик, Райс поднял руку в ответ.

— Боюсь, не смогу помочь вам в поисках. Я нужен внизу. Когда найдете его, присылайте ко мне.

— Разумеется.

— Да поможет вам Бог.

Он развернулся и поехал вниз. Джорем резко натянул поводья, чтобы его лошадь не увязалась за конем Райса, и взглянул на отца.

— По-твоему, что-то не так?

— Давай выясним.

Джорем сжал пятками бока лошади и начал спускаться с холма. Камбер последовал за ним, щадя своего захромавшего коня.

На опушке они обнаружили мертвого телохранителя Эриеллы, потом встретился и первый михайлинец, чья синяя накидка казалась черной в полутьме. Камбер ненадолго задержался над телом, пытаясь определить, что произошло, но схавший впереди Джорем крикнул, что увидел труп в одежде фестилийских захватчиков. Затем Джорем пустился еще дальше, скрывшись среди деревьев.

Дурное предчувствие все более крепло в Камбере. На втором найденном им михайлинце был значок личной охраны Элистера Келлена; заглянув под забрало, Камбер узнал в нем преданного друга и секретаря Келлена Джаспера Миллера.

Камбер обеспокоился всерьез, и его рука непроизвольно потянулась к мечу — если убит Джаспер, Келлен в опасности, Неподалеку вскрикнул Джорем, ужаснувшись чему-то. Вздохнув, Камбер прищипорил коня и пустил на голос, не сомневаясь в том, что сейчас увидит.

Остановившись на краю поляны, Камбер спрыгнул на землю, сотворил шар мягкого серебристого света и поспешил к найденному сыном телу.

Келлен лежал на боку, словно спал, положив голову на руку. На этой руке была кровь и на груди тоже. На ребрах осталась след удара — страшная рана разрывала кольчугу, кожу и мясо.

Камбер застыл от ужаса и в то же время проверил округу, но не обнаружил опасности. Он уловил Джорема, тот продирался через кусты в дальнем конце поляны, нервничал, но был невредим. Им ничто не угрожало. Оставалось только тело, лежащее у его ног, другие тела людей и животных и запах крови и смерти.

Усилив воли Камбер преодолел столбняк безысходности, поразившей его над телом Элистера. Повесив огонек, как маленькую луну, в яре от земли, он опустился перед мертвым викарием на колени, стянул перчатку и коснулся холодного лба. Его сознание проникло в тело мертвеца... Камбера ожидало новое потрясение.

Какой дьявольской силой совершилось это. Келлен не был жив, но он не умер! Телесная оболочка была разбита, но часть его существа по-прежнему жила, безнадежно отторгнутая от тела, но прочно привязанная к нему невидимой

нитью, не разорвавшейся даже со смертью убийцы Келлена. И нет возможности вернуть это тело к жизни — серебряный шнур единства души и тела лопнул. Плоть погибала безвозвратно.

Как освободить душу, Камбер не знал и ничего не мог придумать. Он призвал на помощь все свое мужество и тут же резко поднял голову — в круг света от волшебного шарика вступил его сын.

В бескровном лице Джорема без труда читалось все, что творится у него внутри, никаких расспросов не требовалось. Джорем тяжело опустился на колени, уронив голову на грудь. Камбер испугался за сына, но, услышав его сдавленный всхлип, понял, что Джорема сразил не предательский удар, а скорбь.

Взглянув на лежавшее между ними тело Келлена, он протянул руку и положил ее на плечо Джорема. Молодой священник вздрогнул под отцовской рукой, тяжело вздохнул и покачал головой, когда Камбер хотел заговорить.

— Мы, Дерини, не всегда исповедуем честную борьбу,— произнес Джорем.

Его голос сорвался, и Камберу показалось, что он не в себе; с проверкой отцовских опасений тем не менее можно было повременить — разрешения требовали более неотложные вопросы.

— Что ты нашел?

— Эрислау.— Джорем невидяще смотрел на распростертое тело между ними.— Очевидно, Келлен и его люди увидели, что она хочет убежать, и догнали ее в этом лесу. Рыцари убивали друг друга, а Келлен и Эриелла бились между собой насмерть, впрочем, она продолжала и после...

— Что?!

— По крайней мере, больше не придется об этом тревожиться,— прошептал Джорем.— Она проиграла.

Он кивнул на кусты, в которых только что побывал. Камбер взглянул туда, потом на Джорема, поднялся и побежал через поляну.

Эриелла полулежала на земле, привалившись к дереву, с мечом в груди; рукоять качнулась движением воздуха от приближения Камбера. Не решаясь поверить глазам, он опустился на колени, засветил еще один огонек и узнал меч Келлена с гравировкой священных символов на стали. Головка рукояти была покорежена и обуглилась, однако клинок не поддавался разрушению.

Камбер перекрестился (сейчас это был не просто привычный жест) и обратился к женщине, осторожно

стянув с нее набухший кровью белый плащ. Сначала ему показалось, что она хотела вырвать оружие из своей груди — мертвые скрюченные пальцы застыли совсем близко от его лезвия — и долго боролась со смертью.

Но внимательнее приглядевшись к пальцам, понял: они вовсе не тянутся к мечу. В свои последние минуты она пыталась сделать совсем другое. Ее окоченевшие руки, прижатые к груди, ее пальцы замерли в момент исполнения заклинания, которое большинство Дерини считало невозможным. Неудивительно, что Джорем был так потрясен.

Камбер сделал подготовительный вдох и легко провел руками над телом, не касаясь его и внедряясь в мозг. В этом поверженном существе уже не теплилась жизнь. Заклинание, позволявшее сохранить ее, волшебство, на которое растрачены последние силы, не удалось. Жизнь и могущество покинули Эриеллу. В противоположность Келлену, она была мертва.

Камбер накрыл лицо Эриеллы ее окровавленным плащом, а своим обернул руку и выдернул сталь из ее груди. От прикосновения меч завибрировал (он почувствовал это сквозь несколько слоев шерстяной ткани) и зазвенел низко и глухо.

Прошептав слова, прогоняющие все напасти, он коснулся губами священного оружия, и оно сразу же стало обыкновенным старым мечом.

Камбер прикрепил его к поясу, тщательно завернул Эриеллу в плащ и взял на руки. Перебросив тело через седло лошади Джорема, оказавшейся поблизости, крепко привязал и, глядя на коленопреклоненного сына в круге света, задумался о своем погибшем друге. Со смертью Келлена слишком много оборвалось.

Все это было связано с военной победой и концом Эриеллы, и сохранением трона за Халдейнами. Где-то в безопасном месте Эриелла оставила сына, который обязательно объявится в надежде вернуть себе утраченный его родителями престол. Наследник Эриеллы достигнет совершеннолетия, когда Гвиннед будет менее всего готов дать ему отпор. Несмотря на крепкое здоровье, Синхил проживет еще лет двадцать (если не станет жертвой случая), но одряхлеет раньше; один из его сыновей немощен, другой — урод с увечной ногой. Чтобы противостоять наследнику Фестилов во главе торентских армий, Халдейнам придется немало попотеть.

Угроза возврата Фестилов тем серьезнее, чем сильнее кипишав в Синхиле внутреннего борьба. В смятении короля повинен и он. Слишком неосторожным было говорить с

340 Синхилом со всей прямоотой. Этот несчастный и неда-

лекий государь видел в жесткой откровенности оскорбление своей августейшей персоны. Он все более воспринимал Камбера как недруга и распространял враждебность на все племя Дерини.

В безотчетной подозрительности Синхила был определенный смысл. Все его враги были Дерини, те, кто вытолкнул его из монастыря и теперь руководил каждым шагом в чужой и малопонятной жизни, тоже. Король, слава Богу, достаточно рассудителен, его подозрения и неприязнь пока не обернулись опалами и казнями. А случись что-то? Если вдруг Синхила не станет до того, как его сыновья повзрослеют, вместо сдержанного недовольства Дерини могут начаться открытые гонения на это пугающее людей и слишком независимое племя.

Такое развитие событий весьма вероятно и даже скорее всего неминуемо. Можно ли будет остановить грядущий шквал тупой нечеловеческой злобы? Предотвратить его? Или хотя бы ослабить мстительный удар? Есть ли способ сберечь великое наследие Дерини? Господи, избавь от всего этого!

Нет. Провидение не спасет ни жизни его собратьев, ни Деринийские знания. Камбер пришел к этому печальному заключению и принялся безо всякой нужды проверять качество ремненных узлов, которыми было приторочено к седлу тело Эриеллы.

Но пути спасения должны существовать. Удар можно по крайней мере смягчить. Можно, хорошенько обдумав, предпринять встречные, предупредительные шаги, привлечь к этому делу лучших из Дерини, непременно использовать, даже не во все посвящая, возможности Келлена...

Нет. Элистера больше не будет с ними. Беспорядочные мысли роились в склоненной голове Камбера. Среди вороха давних полузабытых воспоминаний мелькнул проблеск. И возникла идея. Сумасшедшая и рискованная, она тем не менее могла помочь им. Только бы Джорем согласился помочь сделать этот шаг.

Приготовившись к возражениям сына, Камбер потрепал лошадь по шее и пошел к Джорему. Он опустился на колени так, что тело викария разделяло их. Немного погодя Джорем осенил себя крестом и поднял голову.

— Что она с ним сделала, отец? — прошептал священник. — Тут что-то очень неладно.

— Знаю. И займусь этим. Но сначала хочу спросить кое о чем. Очень важно.

— Более значимом, чем бессмертная душа Элистера?

— Если взглянуть на это широко, пожалуй, да. Хотя скорбь помешает тебе понять это сейчас.

Джорем резко вскинул голову и рукой в перчатке прикрыл глаза, стараясь подавить рыдания.

— О чем ты?

Камбер откинулся на пятки.

— Ты поверишь, если я скажу, что смерть Элистера может положить начало осуществлению великого замысла?

— Что ты говоришь?

— Я говорю о Синхиле, о его растущей враждебности ко мне и нашему народу, за редкими исключениями для таких, как Элистер. Мы создали его, Джорем. Сделали королем простого, усердного и набожного священника. Научили тому, что он должен знать, и он постарался усвоить все как можно лучше. Мы очень торопились с преображением Синхила — даже такой Халдейн на троне был предпочтительнее безумца-Дерини, властвовавшего тогда.

— Причем тут Элистер?

— Настраивая Синхила против Дерини Имре, мы, не желая того, настроили его против всех Дерини, пусть пока он и не вполне осознает это. Элистер был одной из наших надежд заставить его думать по-другому. О да, ближайшие несколько лет будут спокойными, возможно, такое положение сохранится до смерти Синхила, да подарит ему Господь долгую жизнь. А потом? Если Синхил не преодолеет себя и не создаст гарантий терпимости людей и безопасности Дерини, нам несдобровать. Впрочем, даже благожелательность Синхила, если мы ее добьемся, вряд ли спасет наш народ. В будущем Дерини ожидают тяжелые времена. Мне страшно об этом подумать.

— Неужели ты не предотвратишь этого? — Джорем начал понимать реальность и масштаб угрозы.

— Боюсь, Камберу это не по силам. Ты сам видел, как Синхил на меня реагирует. Не зря все чаще за последние месяцы я не общался с ним напрямую, а передавал свои идеи и предложения через Келлена и вас с Райсом — но даже к вам он стал относиться куда хуже, чем прежде.

Джорем виновато потупил глаза, а Камбер продолжал.

— Только что меня посетила одна мысль. Похоже, здесь я больше не могу принести никакой реальной пользы. Мое присутствие при дворе скорее помеха, нежели преимущество — для Синхила и для всего нашего дела. Я уже подумывал о том, чтобы удалиться, исчезнуть и исподволь притормаживать маховик, неосторожно раскрученный нами. Теперь появляется

— Я что-то не понимаю тебя,— несмело заговорил Джорем.— И мне, похоже, не хочется этого.

— То же самое можно сказать и про меня,— ответил Камбер.— Замысел страшит, и этого не выразить словами, но исполнение его разрешит задачи, которые мне, Камберу, не разрешить никогда. Нас только двое, никто другой не знает о смерти Келлена. Мы известим тех, кого необходимо. Если я займу его место...

Джорем протестующе взмахнул руками, загораживая от отца тело викария. Кровь отлила от лица михайлинца.

— Нет! Я знаю, о чем ты, и не позволю этого.

— Джорем, не заставляй меня тратить время на объяснения, иначе мы погубим дело. Поверь, это единственный способ. Элистер Келлен должен жить, а значит, Камбер Мак-Рори умрет. Кстати, нужное закливание совершенно безопасно.

— Нет,— упрямо повторил Джорем, которого слова отца повергли в полное смятение.

— Да. Соглашайся же. Все не так уж и страшно. Я ведь не умру по-настоящему. Кроме того, оставить о себе воспоминания как о воссоздателе династии Халдейнов — завидная участь. Даже Синхил, несмотря на скопившуюся в нем желчь, не станет возражать против достойных похорон Камбера Кулдского где-нибудь в Кайрори, рядом с прахом его предков. А я как Элистер Келлен буду продолжать делать то, что Камберу теперь не под силу. Думаю, наш старинный друг не стал бы возражать.

Он взглянул на неподвижное лицо Келлена.

— Джорем, возможно, это не самое лучшее решение, но самое действенное из всех доступных. Если мы упустим эту возможность, когда еще нам выпадет такое? Вспомни о Синхиле. Подумай о Гвиннеде. Неужели ты не поможешь мне? Без тебя мой план неосуществим.

Джорем убрал руки и прижал к груди, потом зажмурился и обреченно склонил голову. Он поднял взгляд на отца после долгой паузы. В серых глазах отражалась безграничная печаль.

— Тебе необходимо это?

— Думаю, да.

Джорем глотнул, пытаясь унять наворачнувшиеся слезы и вернуть течение мыслей в русло логики.

— Совершив это, ты окажешься на краю пропасти, особенно в отношениях с Синхилом. Не понимаю, как ты надеешься его обмануть? А остальных?

— Приобретением памяти Келлена, тем, что знаем мы с тобой, а еще буду молиться. Я могу сослаться на

опустошение после битвы и потрясение от смерти Камбера, а возможно, сумею и удалиться куда-нибудь на время.

— И что потом? — спросил Джорем. — Отец, ничего не известно толком о его дружбе с Синхилом. Кроме того, есть еще Орден, отнимающий силы и время, а ты даже не священник. Добавь сюда епархию, которую он собирался принять. Бог мой, даже помышлять об этом — безумие!

— Пусть безумие и я — сумасшедший, но ты либо поможешь, либо предашь меня! Что ты выбираешь? У нас нет времени на споры. В любую минуту нас могут увидеть.

Отец и сын смотрели друг на друга. Оба испытывали смущение и упрямылись, были полны решимости и терзались сомнениями, мучились и сострадали друг другу. Потом Джорем нагнулся и принялся освобождать ноги Келлена от доспехов. Когда он возился с застежками, на полированный металл поножей упала слеза.

Облегченно вздохнув, Камбер освободил голову викария от кольчуги и положил руки на лоб под серебристыми волосами. Закрыв глаза, он сконцентрировался и проник к тому, что оставалось Элистером Келленом.

Уцелевшие образы памяти были разрознены, беспорядочны и уже тронуты тленом. На большее надеяться не стоило. Камбер не стал копать в памяти, он спешил сделать ее своей. Пришлось только позаботиться о сохранении существующей последовательности вплоть до самых мелких деталей и освободиться от запечатленных в мозгу призраков смерти. Утраченные фрагменты воспоминаний Камбер дополнит собственными, это будет сделано позже — сейчас надо было поскорее извлечь живые мысли из разбитой телесной оболочки. Цена поспешности была высокой. Принимая чужую память вот так, целиком, Камбер обрекал себя на физические страдания, когда он станет приводить в порядок сознание Келлена. Муки умирающего станут его ощущениями от первого же прикосновения. И чем скорее перетерпеть, тем лучше. Хаотические воспоминания существуют в мозгу, как опухоль, растущая с каждым днем, угнетающая сознание. Давление делается непереносимо и способно свести с ума.

Он не станет этого дожидаться. На следующей неделе выберет время обратиться к воспоминаниям Келлена, возможно, с помощью тех, чья любовь и преданность помогут ему успешно сыграть свою новую роль. Разумеется, останутся и провалы, которые ему никогда не заполнить, но все же добытые образы

— лучше, чем ничего, если он собирается стать для окружающих Элистером Келленом.

Камбер принял его сознание и закрепил в мозгу. Снова обратился к Келлену, на этот раз за тем, чтобы коснуться других связей — темных и страшных уз между ним и Эриеллой. Разбил их и уничтожил все следы таинств, которые Джорем называл не всегда честными. Когда последнее заклинание было нейтрализовано, казалось, и воздух посветлел.

Простившись со своим бывшим единомышленником, критиком и вдохновителем, другом и братом, он открыл глаза и встретил испытующий взгляд сына.

— Он...

— Теперь покоится с миром.

Джорем опустил глаза, прошептал молитву, перекрестился и взялся за доспехи. Отец помогал ему в молчании. Когда Келлен был освобожден от кольчуги, Камбер начал снимать собственную амуницию; Джорем обряжал в нее покойника, а Камбер облачался в доспехи викария. Покончив с ремнями и пряжками, он опустился на колени напротив сына. Джорем расправлял на бездыханной груди куртку голубой кожи, защищавшую во многих боях грудь Мак-Рори. Камбер спохватился, стянул с пальца семейный перстень с монограммой и надел на левую руку Келлена, перепачканную в крови. Джорем снял печатку настоятеля михайлинцев и бережно положил ему на грудь.

— Чем ты объяснишь смерть Камбера? Когда мы отправлялись на поиски Элистера, ты был невредим. Тебя убила Эриелла?

Камбер взял увенчанный крестом шлем Келлена и надел поверх кольчужного наголовника.

— Мы расскажем все, как было, сместив происшедшее во времени. Поехав сюда, мы стали свидетелями поединка Келлена и Эриеллы. Я вступил в бой вместо израненного Элистера, но получил смертельный удар, и тогда Келлен убил Эриеллу. Мы привезем в лагерь тела погибших. Кто возьмется оспорить наш рассказ?

Джорем безразлично кивал, не поднимая головы. Камбер наклонился вперед и положил руки на плечи сына.

— Теперь мы так все и сделаем.

Джорем порывисто обнял отца, вытирая слезы тыльной стороной ладони. Камбер улыбнулся.

— Будь добр, поставь защиты.

Джорем с глубоким вздохом воздел руки и заговорил с закрытыми глазами. Слова таинства были привычны, он продолжал его множество раз, с отцом и без него, но никогда прежде не вкладывал в волшебство столько чувства.

Голубоватое сияние, хорошо заметное в наступившей темноте, взметнулось вокруг них. Джорем опустил руки, по лицу катились слезы, блестя на щеках.

Не замечая сыновних слез, Камбер нагнулся над Келленом и тронул перстень на его левой руке — холодный белый свет ударил из кольца. Левая рука отца и правая сына протянулись друг к другу и соприкоснулись кончиками пальцев; правую руку Камбер положил на лоб Келлена.

— Вспомни,— глухо промолвил он, силой любви сближая их, как это было два с лишним года назад в часовне Кайрори.— Протяни мне свою руку, сердце и мозг и, когда мы станем едины, соедини свой свет с моим.

Тем временем взгляд Джорема потускнел, дрожащие веки опустились. Он безропотно покидал реальный мир, погружаясь в глубокий Дериинийский транс. Камбер перевел взгляд на перстень между ними, свечение становилось все ярче. Спусти мгновение он закрыл глаза и сосредоточился — все, соединяющее души отца и сына, стянулось в тончайшую нить. Теперь Джорем был подготовлен.

Оставалось волнение, поверхность сознания не походила на зеркало пруда, скорее напоминала танец ручья, бегущего по камешкам солнечным весенним днем. Но в глубине, куда устремился Камбер, холодный ровный свет заливал сознание — Джорем раскрывался, все более подчиняясь.

Он уже не волен был влиять на происходящее, да и не пытался. В слиянии с Камбером сыну пришло осознание смысла и целей, поставленных отцом, их значения для будущего. Больше не было недавних страхов.

— Смотри,— зазвучал голос Джорема; по успокаивающейся поверхности заскользили зеленые листья.— Вот твоя телесная оболочка. Смотри, отец, ее суть раскрывается тебе. Она та же, что и у тела нашего друга.— Он перевел дух — Пусть в холодном огне, дремлющем меж нами, смешаются два облика. Прими вид Элистера Келлена, а его телесная оболочка примет облик графа Кулдского. Да будет так. Fiat, Аминь.

Камбер беззвучно шевелил губами, но слова не шли с его уст. Джорем, не мигая, смотрел, как черты отцовского лица словно заволакивает дымкой. За густой пеленой облик его менялся и то же самое происходило сейчас с Келленом.

На мгновение перстень вспыхнул между ними, так что Джорем невольно вскинул руку, дабы прикрыть глаза. Когда же зрение вернулось к нему, то в человеке, стоящем напротив него на коленях, он не узнал родного отца. На лице, еще недавно принадлежавшем мертвецу, распахнулись

глаза цвета морского льда и недоуменно уставились на него. А у человека, почившего вечным сном, что лежал у его ног, были черты Камбера.

Джорем с трудом сглотнул, отдергивая руку, когда ее коснулся чужой человек.

ГЛАВА VIII

**Не много поспишь, не много
подремлешь, не много,
сложив руки, лежишь.¹**

Когда они вернулись в лагерь, стояла глубокая ночь. У солдатских палаток повара разжигали костры, а в проходах между шатрами были воткнуты в землю факелы, чтобы обозначить проход.

Их миновали несколько групп санитаров, переносящие раненых, но вид двоих михайлинцев, ведущих в поводу лошадей с телами погибших не привлек особого внимания. Мертвецов было немало, и уже совсем стемнело, и день был таким бесконечно-долгим.

Джорем указывал дорогу, оберегая тело того, кто скоро будет явлен миру как покойный Камбер Мак-Рори. Сам же Камбер вел лошадь с мертвой Эриеллой. Несмотря на то, что порой они спотыкались и увязали в грязи, Камбер не стал зажигать факел, чтобы до времени не показывать окружающим сыновнее горе. Скоро наступит его час. А пока да укроет его спасительная тьма! Впереди ждет смертельно опасная игра.

Да вот она и началась. Едва они миновали королевский шатер, направляясь к стану михайлинцев, Джорема узнали сперва несколько рыцарей, а потом и солдаты из Кулди, сидевшие у костра под графским штандартом. По серебристым волосам опознали и викария, зашептались, и Камбер потупил взор, избегая смотреть по сторонам.

Гвейр Арлиссский, обрадованный, бросился им навстречу с радостным возгласом на устах — но тут же осекся, завидев вы-

ражение лица Джорема. Ухватив священника под руку, он пробежал за ним несколько шагов, ибо тот, не задерживаясь, продолжал идти к шатру Мак-Гори.

— Отец Джорем, что случилось?

Джорем отвернулся, его плечи содрогнулись. Гвейр взглянул на ношу лошади, затем с тревогой — на Джорема и, осененный страшной догадкой, на его спутника — Элистера Келлена. Бросился к лошади Джорема, откинул плащ и посветил факелом. Стон сорвался с его губ.

— О, Господи, Не может быть! Лорд Камбер! — он вцепился в Джорема и развернул к себе. — Нет, скажите, что это не он! Это другой лорд убит! Кто угодно, хоть сам Господь Бог, но только не Камбер!

Трое людей Камбера, потерянные, с застывшими лицами, приблизились и отвели рыдающего Гвейра в сторону. Джорем бросил повод и развязал ремни, крепившие к седлу страшную поклажу. Вокруг собирались люди, дымящие факелы образовали кольцо мерцающих огней. Камбер — теперь викарий — передал коня какому-то михайлинцу, теперь одному из его Ордена, и помогал сыну.

Кто-то разостлал на земле у ног лошадей меховой плащ. Четверо михайлинцев — глава Ордена, священник и двое рыцарей-монахов — бережно сняли тело с седла и опустили на плащ. В свете факелов на земле лежало безжизненное тело графа Кулдского. Черты его заостренного смертью лица были спокойны. На теле зияли раны, каждая из которых могла стоить жизни, засохшая кровь казалась черной.

Испуганный шепот и горестные восклицания раздались вокруг, один за другим михайлинцы и прислуга графа опускались на колени с обнаженными головами, отдавая последний долг тому, кто привел их сюда и утром возглавил в бою.

В безмолвии приблизились король и Джебедея. Во взгляде широко открытых глаз Синхила была настороженность. Он как пришибленный стоял между Джоремом и мнимым Келленом. К нему, мельком взглянув на тело, обратился Джебедея. Камбер сделал вид, что не заметил. Отвечать было особенно нелегко — дружба отца Элистера и Джебедеи была общеизвестна.

— Что случилось? — спросил Синхил после долгой паузы. Джорем попытался ответить, но исторг из себя только сдержанный стон. Тогда, глядя исподлобья, отрывисто заговорил Келлен.

— Я со своими людьми преследовал Эриеллу и ее эскорт, Государь. Это было в лесу неподалеку отсюда. Мы догнали их, и она, видя, что бегство невозможно, решила

биться до последнего. В схватке мои люди были перебиты, а я ранен и обессилел. Появление Камбера и Джорема уравнило силы, но перевеса мы не получили,— Он оперся рукой о седло, словно собираясь с силами.— В поединке с последним телохранителем Камбер был тяжело ранен, а Джорем лежал без чувств. Из последних сил я метнул в нее меч, бросок оказался смертелен для Эриеллы.— Камбер положил руку на сломанную рукоять меча Келлена.— Но графа Куддского это уже не могло спасти.

Он опустил голову, не желая и не решаясь продолжать. Синхил непроизвольно потянулся к лежащему перед ним телу, но спохватился и резко выпрямился. Когда он обращался к Джорему, лицо короля было бесстрастие и только глаза вспыхнули.

— Мы разделяем вашу горе и скорбим о кончине вашего отца,— прошептал он,— благодарим за услуги, оказанные сегодня. Было бы подлинным счастьем, если бы граф Куддский мог разделить с нами радость победы.

Он развернулся и поспешно направился к своей палатке. Отдалившись, король едва не припустил бегом. Разросшаяся толпа вокруг тела безмолвствовала, потом поднялся нарастающий ропот.

— Отнесем его в палатку,— негромко предложил Камбер, осваиваясь в новой роли.

Он нагнулся и хотел подхватить под руки своего убитого друга, но, увидев, что Джебедея хочет ему помочь, зашатался, изображая обморок,— нельзя было позволить главнокомандующему коснуться тела Элистера.

— Со мной все в порядке, Джеб,— буркнул он, когда сильные руки Джебедеи подхватили его, а Джорем и Гвейр приняли тело.— И все же ты не мог бы пойти и пригласить ко мне Райса.

— Насколько серьезно ты ранен? — спросил Джебедея, не отпуская Камбера.— Я боялся, что с тобой что-то серьезное. У меня появилось очень странное чувство.

Камбер закрыл глаза и, глубоко вздохнув, выпрямился. Он не ожидал, что Джебедея сможет ощутить смерть Элистера, и молился, чтобы остались незамеченными различия в манере речи и поведении.

— Не волнуйся обо мне, Джеб,— горячо зашептал он.— Несколько несерьезных ран и великая усталость. А теперь ступай и пригласи ко мне Райса, пожалуйста!

Кивнув и не сказав ни слова, Джебедея исчез в темноте, оставив Камбера наедине с его беспокойст-

вом. Джорем и Гвейр уносили тело в шатер, который еще недавно принадлежал ему.

Они ступили внутрь, двое рыцарей Камбера встали на пост у входа. Толпа медленно расходилась в полном молчании, солдаты, оставленные позаботиться о мертвой Эрилле, взялись за дело с видимым неудовольствием.

До Райса новость дошла почти через час, Джебедия разыскал его в одной из хирургических палаток и дождался, пока Райс проведет исцеление глубокой раны на ноге молоденького солдата. Под влиянием Райса рана превратилась в узкую маленькую полосу, о которой юноша наверняка через неделю и думать забудет.

Но пока молодой человек был вне себя от боли, Целитель продолжал ощущать ее, бинтуя рану, тут он увидел поблизости Джебедию и махнул ему рукой, на которой виднелись следы его занятий.

— Джеб, помоги. Мне надо поберечь силы для настоящего исцеления. Его нужно погрузить в сон.

Не говоря ни слова, Джебедия опустился на колени и положил руку на голову парня. Его глаза, лихорадочно блестящие, заматались, потом веки дрогнули и опустились. Джебедия пробормотал: Спи,— на несколько секунд закрыл глаза и, грустно глядя на Райса, поднялся.

— Лорд Камбер вернулся в лагерь,— тихо сказал он. Отмывая руки от крови в деревянной лохани, которую перед ним держал слуга, Райс через силу улыбнулся.

— Значит, он нашел Элистера?

— Да.

Краткость ответа, многозначительность тона и суровый вид воина заставили Райса вздрогнуть. Вытирая руки о мокрое окровавленное полотенце, он всматривался в лицо Джебедии.

— Что случилось? Ты недоговариваешь? Оставь нас, Тобан,— подтверждая приказание, он толкнул пажу в плечо.

— Камбер убит, Райс.

— Убит? Но ты сказал...

Джебедия избегал смотреть на Райса, в горле у него першило.

— Я сказал, что он вернулся в лагерь. Мертвым. Они с Джоремом нашли Элистера сражающимся с Эриеллой. В конце концов Эрилла была повержена, но Камбер умер от полученных в бою ран.

— А Джорем? Элистер?

— Элистер послал меня за тобой. Он говорит, что легко ранен и просто обессилен, но я чувствую, что-то здесь не то. Джорем, кажется, невредим.

Райс поспешно кивнул.

— Разумеется, я приду. Мне все равно нужна передышка от здешних дел. Но Камбер... Это невозможно. Этого не может быть.

Джебедия стиснул плечи молодого человека, потом, махнув рукой, подозвал другого Целителя, появившегося в палатке.

— Лорд Райс необходим одному из придворных, Дарим. Вы можете сменить его?

Не дожидаясь подтверждения, Райс пошел к выходу, совершенно выбитый из колеи сообщением Джебедии. У выхода из лазарета к ним присоединился михайлинец с факелом. Рваные тени метались под ногами, впереди, словно в конце бесконечного коридора, возник шатер Мак-Гори. Райс ничего больше не видел, кроме родового знамени перед входом и двух стражей по обе стороны от него. Он так никогда и не вспомнит подробностей пути. Перед самым шатром Райс вдруг обнаружил, что остался один. Джебедия тактично отстал, предоставив ему возможность побыть наедине со своим горем. Он не чувствовал под собой ног, он вообще лишился способности чувствовать, оцепенел и никак не мог поверить в происходящее. Глубоко вздохнув, взялся за полотнище, завешивающее вход, привычным движением отбросил его и вошел. Услышал, как за его спиной прошелестела ткань опускавшейся занавеси, и вынул себя поднять глаза.

Взгляды находившихся внутри обратились к Райсу. Гвейр стоял на коленях в головах походной кровати Камбера, мертвенно-бледный Джорем молился у тела отца, Элистер Келлен стоял, опираясь о центральный шест палатки. Никогда раньше Райс не видел викария в таком волнении.

Он безотчетно отметил это, целиком обратившись к тому, что так боялся и должен был увидеть. Тело в белоснежных одеждах лежало на кровати. Покойника можно было принять за спящего. Это был Камбер.

На несколько секунд все застыли, потом Гвейр вновь принялся расчесывать золотые с серебром волосы своего покойного сеньора. Райс, убедившийся в горькой правде, больше не мог видеть мертвого Камбера. Он искал поддержки и ответов на свои вопросы, заглядывая в глаза живых.

— Лорд Джебедия нашел меня и рассказал все,— наконец произнес он.— Элистер, он говорил, вы были ранены?

Измощенный Келлен выдержал взгляд Целителя.

— А я и забыл,— просто ответил он, коснулся окровавленных ных одежд на боку и пошатнулся, скрывившись от боли.

Райс поспешил поддержать викария за плечи, как вдруг раненый прижал его к себе с недюжинной силой.

— Не выдавай меня, Рас.— В его мозгу звучал знакомый голос.— Реагируй только на то, что ты видишь. Умер Элистер, а не я. Джорем знает это, Гвейр — нет.

Целитель от неожиданности ахнул, и в другой ситуации это было бы замечено, но вскрикнуть, переживая смерть близкого, вовсе не грех. Гвейр ничего не заметил, а слабость не оставляла Келлена, пока Райс не успокоился и не услышал над ухом:

— Не надо слез,— теперь голос только напоминал настоящий, звучал резче.— Он был воином в полном смысле слова и не одобрил бы излишней чувствительности.

Для Райса и Джорема слова имели двойной смысл, о котором Гвейр не догадывался. Райс отстранился от нового Камбера и заглянул в его необычные глаза цвета морского льда. Горестное лицо удалось воссоздать не без труда, но Гвейр и остальные должны видеть его скорбь. Слава Богу, теперь он избавлен от проливания фальшивых слез.

— Да, отец Келлен,— с чувством прошептал Райс.— Я постараюсь помнить об этом. Идемте, я осмотрю ваши раны. Сколько сил понадобится мне, чтобы вернуться к нормальной жизни.

— Мои раны несерьезны,— сказал Камбер.

— Может, и так, но позвольте мне судить об этом. Мы перейдем к вам в шатер или останемся здесь? Камбер слабо махнул рукой.

— Ко мне, здесь я все равно бесполезен — минувший день оказался непосильно тяжел.

Без лишних слов Райс взял под руку, не вполне соображая, кого именно, и они направились к выходу. Задержались, чтобы еще раз взглянуть на того, кто казался мирно спящим между Джоремом и безутешным Гвейром, и вышли. Стражники отсалютовали и ослабили стойку, двое, рука об руку, направились к шатру настоятеля Ордена святого Михаила.

Там дожидался Джебеда, объяснявшийся с двумя офицерами, настойчиво приглашавшими его куда-то. Он приветствовал хозяина шатра взмахом руки, и Камбер махнул в ответ так, как это делал Келлен.

Жест, кажется, не смутил Джеба, и он со спокойной душой последовал за своими подчиненными.

— Слава Богу,— зашептал Камбер, когда они отошли.— Не думаю, чтобы он заподозрил что-то. Но новых поводов не следует давать. Помоги мне разыграть этот спектакль, Райс, поддержка особенно нужна сейчас, пока я не во-

шел в роль. О необходимости этого циничного маскарада мы успеем поговорить. Для всех я буду выздоравливать не сразу, а постепенно. Я могу рассчитывать на тебя?

— Ты же знаешь,— шепнул Райс и замолчал, опасаясь ушей михайлинской стражи.

Рыцарь в синем склонился перед ними и отступил в сторону.

— Говорят, вы ранены, отец настоятель,— произнес он с волнением в голосе.— Не нужно ли кликнуть прислугу?

— Нет, лорд Райс позаботится обо мне,— ответил Камбер.— Прошу, проследи лично, чтобы нам не помешали.

— Будет исполнено, настоятель.

Когда полость шатра опустилась, Райса пробрал озноб. Камбер обнял и до тех пор прижимал его к себе, помогая успокоиться, пока Целитель не овладел своими чувствами.

— Бог мой, Камбер, что ты наделал! — возбужденно зашептал он наконец.— Ради Бога, зачем...

— Тес... Ты не должен произносить это имя. Известный миру Камбер умер. Только тебе и Джорему известна правда.

— А Ивейн? Ей можно будет узнать? — спросил Райс, освобождаясь из объятий, чтобы увидеть ответ в бледных ледяных глазах.

Камбер с деланной озабоченностью стал возиться с застежкой пояса.

— Да, пожалуй. Хотел бы я изыскать способ сообщить ей, но она сама услышит новость еще до нашего прибытия...

Он умолк и начал освобождаться от одежды и доспехов с многочисленными следами битвы. При виде кольчуги, перепачканной засохшей кровью, Райс заволновался, но Камбер усмехнулся и принялся отцеплять шпоры.

— Нет, это его кровь,— сказал он.— Я же говорил, со мной все в порядке.

Он замолчал, нагнулся, чтобы снять ножные латы, опустил ся на походный стул и позволил молодому человеку стянуть с себя башмаки. Из кольчуги Камбер выскользнул ловко — многолетняя практика чего-нибудь да стоила, но стеганая безрукавка под доспехами тоже оказалась в крови.

— Потвоему, это не ранение? — пробормотал Райс, стараясь добраться до тела.

Камбер хитро улыбнулся.

— Я же говорил, все это представление, Я достаточно владею своим телом.

Он устало прикрыл глаза. Райс освободил торс от остатков одежды и поначалу поразился самооблада-

нию своего тестя. Перед Целителем зияла самая настоящая рана, только хорошенько обследовав ее, он убедился в обратном.

Послышались приближавшиеся шаги; Камбер не реагировал никак — роль страдающего от раны и истощения сил была сейчас наиболее легкой. Поняв это, Райс сразу же превратился в озабоченного лекаря и захопотал вокруг неподвижного Камбера, Завеса над входом отдернулась, в шатер проник свет факелов снаружи.

— Прошу простить, отец настоятель, я услышал, что вы ранены и принес теплой воды и полотенце.

Говорил личный слуга Элистера Келлена Йоханнёс, мирянин в Ордене святого Михаила, совсем недавно принятый к Келлену. По счастью, он не Дерини, и это тоже было на руку Камберу и Райсу. Соблюдая осторожность, они могли избежать разоблачения, впереди встречи с людьми, очень близко знавшими викария, но успех всего предприятия Камбера тем не менее в значительной степени зависел от первой встречи с его теперешним слугой.

— Ты появился как раз вовремя.— Райс знаком подозвал Йоханнеса.— Отец настоятель утверждал, что его раны не опасны, но я хотел убедиться в этом. Кажется, наши представления о тяжести ранений не совсем совпадают. Поддай воду сюда.— Он махнул стражнику, заглядывавшему в палатку. Благодарю, сэр Верен. Все в порядке.

Когда полотнище снова опустилось за рыцарем, Райс принял от Йоханнеса посудину с водой и поставил на ковер, попросив лакея встать за спиной хозяина и поддерживать его. Настоятель сделался мертвенно-бледен, и Райс подивился способности Камбера так быстро освоиться в сложной роли.

Он принял очищать раны и открыл мозг для контакта, о котором встревоженный Йоханнес даже не заподозрит.

Я последую туда, куда поведешь ты,— подумал он, взглянув на полуприкрытые глаза Камбера.— *Лучше всего притвориться истощенным болью от ран и пережитым потрясением. Это вполне естественно, а тебе даст повод не показываться на люди, пока ты не подготовишься как следует.*

Камбер мысленно ответил:

— Я думал об этом, сынок. Сейчас мы достаточно убедительно исцелим эти раны, чтобы наш славный Йоханнес отдохнул от переживаний за жизнь своего несчастного хозяина. Клади руку на большую рану в бок, я скрываю ее.

Райс выполнил просьбу. Целителю было очень непривычно, рана под рукой затягивалась безо всяких усилий с его стороны, Камбер тоже оценил странность ситуа-

ции, понимая в то же время разницу между подлинным исцелением и этим балаганом. Он мысленно попросил Райса перенести руку к меньшей ране. Первая уже сморщилась в узкую влажную полосу — полное исцеление, когда Райс так утомлен, казалось бы неестественным.

Камбер откинулся на руки Йоханнеса, будто теряя сознание, и проверил мысли в незащитном мозге слуги — тот искренне верил происходящему. Исцеление продолжалось, Камбер все более валялся на Йоханнеса.

— Он совсем обессилел,— шепнула Райс, вытирая окровавленные руки о полотенце, и отодвинула таз с буревшей водой.— Я хочу, чтобы он заснул. Помогите уложить его в постель.

— Нет,— выговорил Камбер, зашевелившись и едва приподнимая голову.— Я должен увидеть людей. У нас много дел.

— О них позаботятся другие. Вам необходим покой,— объявил Райс и вместе с Йоханнесом повел слабо сопротивляющегося Камбера к кровати.

Для большей убедительности Камбер продолжал упираться, пока Йоханнес полностью его не раздел и не облачил в чистую рубаху из мягкой белой ткани. На все протесты Райс отвечал непреклонно.

— Не надо споров, отец настоятель. Теперь вы должны спать.— Райс положил руку ему на лоб.— Не противьтесь, не втягивайте меня в пустое препирательство. Меня ждут раненые, я растрачиваю без толку силы, необходимые для них.

Бледные глаза закрылись. Казалось, больной уснул. Райс собрался убрать руку со лба, когда в его сознании зазвучал повелевший голос Камбера:

— Жестоко так обманывать воина! Если бы вместо меня был Элистер, для усмирения потребовалось бы больше сил. А теперь ступай и делай то, что должен. Я обещаю хорошенько отдохнуть.

Выполнить обещание удалось лишь после того, как у верного Йоханнеса не осталось ни одного надуманного повода далее оставаться возле хозяина. Сквозь прикрытые веки Камбер следил за его бестолковыми перемещениями, имитируя глубокое и мерное дыхание спящего всякий раз, когда слуга склонялся над ним. В конце концов Йоханнес потушил все свечи, кроме одной, и удалился. Камбер слышал, как он несколько минут болтал со стражниками, потом голоса стихли, и снаружи доносился лишь обычный шум военного лагеря.

Облегченно вздохнув, Камбер позволил себе расслабиться по-настоящему. Если повезет, его не потревожат до утра.

Он выровнял дыхание, привел мысли в порядок и потянулся всем телом, проверяя свое самочувствие в новой оболочке. Во всем, кроме лица и рук, он не нашел значительных перемен: они с Элистером оба были худощавы и высокорослы, хотя Элистер был, пожалуй, на дюйм повыше. Одним словом, различия если и были, то несущественные и легко объяснимые. Они вполне могли быть приписаны истощению, бремени забот, свалившихся на Келлена после гибели Камбера.

О лице вообще не стоило беспокоиться. При всем желании прежние черты могли быть возвращены только в результате сложных магических манипуляций и немалых усилий. Можно считать, что маска Элистера приросла к нему. Она будет оставаться на месте во сне и даже если он потеряет сознание — маска подвластна только его воле, так что внешность не подведет.

Но вот манеры и привычки... Элистер Келлен был весьма оригинальной личностью и очень общительной. Джебедия и Синхил значились даже не в первых строчках длинного списка близких к викарию персон. Конечно, к Камберу перешло то, что осталось от памяти Келлена, вернее, перейдет, когда появится возможность уединиться. Теперь не время. Пока придется полагаться на свои воспоминания о настоятеле, прислушиваться к интуиции и ссылаться на последствия ранения и горечь потери. Ничего иного не было у Камбера, чтобы стать Келленом не только внешне.

В его нынешнем положении был, пожалуй, один плюс — Элистер Келлен, наиболее консервативный из всех Дерини, никогда публично не пользовался своим могуществом. Если только он не был совершенно другим под кровом Ордена, в чем Камбер сильно сомневался. Кроме того, духовенство, особенно Деринийское, стремилось к замкнутой жизни, храня себя от мира, почти как тайну исповеди. Епископство еще более отдалит Элистера от случайных людей. В общем, трудности Камбера кажутся преодолимыми, и даже от Дерини возможно будет утаить истину. Когда память Элистера перейдет к нему, в любых мысленных контактах с собратьями он будет неуязвим.

Камбер задумывался над тем, как авантюрная затея начнет влиять на его собственное я, о переменах в судьбе после посвящения в епископы, и вдруг услышал голоса снаружи. Нахмурившись, — он не ожидал никаких посещений среди ночи — Камбер обратился в слух. Неприятная дрожь пробрала его: это был голос Синхила.

— Я знаю, он ранен и что лорд Райс велел не беспокоить, — твердил король. — Но мне необходимо видеть его. Обещаю, это не займет много времени.

Воцарилась тишина, потом зашелестела отодвигаемый пол.
лог. Камбер отвернулся от входа и с закрытыми глазами мо-
лился, чтобы Синхил не вздумал заговорить с ним.

ГЛАВА IX

**Я по данной мне от Бога благодати,
как мудрый строитель, положил
основание, а другой строит на нем,
но каждый, смотри, как строит.¹**

На протяжении дюжины ударов сердца царило безмолвие. Он знал, что Синхил стоит у входа, и с трудом удерживался, чтобы не повернуться и убедиться в этом; но не осмеливался. Синхил мог уйти в любой момент.

Ожидание сделалось почти невыносимым, когда наконец послышались мягкие шаги по толстому ковру. И вновь тишина; король встал у изголовья, и его рука легла Камберу на плечо.

Он продолжал притворяться спящим, все еще надеясь, что Синхил передумает и уйдет, но тот потряс его за руку. С ворчанием — Камбер надеялся, что это вышло достаточно убедительно, — он поморщился и слегка повернул голову. Досадливо хмурая брови, он заспанно заморгал, глядя на Синхила. Король казался встревоженным, и старше своих лет.

— Ваше Величество?

Сглотнув, Синхил кивнул и отступил на шаг.

— Простите, что разбудил вас, отец Келлен, но мне нужно было с кем-то поговорить.

С усталым вздохом — ничуть не показным — Камбер сел на постели, кутаясь в меховое покрывало, свободной рукой про-

¹ 1-е Коринфянам 3:10

тирая глаза. Он зевнул, пытаясь немного потянуть время, торопливо соображая, как реагировать на эти слова.

Судя по всему, разговора с Синхилом не избежать, хотя сам он предпочел бы не делать этого сейчас, пока еще не привык к своей новой роли. Оставалось надеяться, что память исправно послужит ему и поможет избежать неловкостей. Слава Богу, Джорем рассказал ему о вчерашнем разговоре Келлена с Синхилом. А то, как бурно они распрощались нынче утром, извинит любую резкость, которой Камбер будет вынужден прикрывать пробелы в воспоминаниях.

Снова зевнув, Камбер заставил себя взглянуть Синхилу в глаза, его новое лицо выражало покорное ожидание.

— Простите, Ваше Величество. Райс заставил меня уснуть, сопротивляться ему не просто. Чем могу служить?

Синхил смущенно уставился в пол.

— Извините, отче. Я знаю, вы были ранены, но я... мне нужно вас спросить о Камбере. Не могу поверить, что он мертв.

Камбер отвернулся. Уж очень опасная тема предлагалась, придется очень искусно защищаться.

— Вы видели тело,— осторожно сказал он.— Почему же вы не можете верить? В конце концов разве не этого вы желали?

Синхил, бледнея, открыл рот, и Камбер забеспокоился; не слишком ли далеко он зашел.

— Я желал? Святой отец, я никогда...

— Возможно, безотчетно,— прервал его Камбер, не давая возможности оправдываться.— Но все, кто был вместе с вами и около вас, ощущали вашу неприязнь, и Камбер был средоточием этой неприязни. Он нашел вас, оторвал от жизни, которую вы любили, и день за днем подавлял ваше сознание до тех пор, пока вы не примирились со своей участью.

— Но смерти ему я никогда не желал!

— Может, и нет. Пусть это останется на вашей совести,— устало ответил Камбер.— Он мертв. Ретивый и назойливый наставник навсегда покинул вас. Никто более не будет докучать вам напоминаниями о королевском долге.

Синхил со стоном опустился на стул, закрыв лицо руками, его плечи сотрясали беззвучные рыдания.

В молчании Камбер дождался прекращения слез. Король поднял на него заплаканные глаза, и Камбер постарался смягчить свой взгляд.

— Простите, Синхил, не следовало этого говорить. Сейчас слишком поздно, я устал, хочу спать и немного не в себе.

— Нет, вы в чем-то правы,— прошептал Синхил, утираясь рукавом.— Я в самом деле винил его в том, что лишился своего сана, и думаю, что так и было.— Он шумно вздохнул и опустил глаза.— Но он был мудр, по-своему любил эту страну и ее народ, вероятно, я его не понимал и, быть может, не смогу понять. Во многом он был прав; сколько бы я не противился, другой кандидатуры на трон не было. Ради блага Гвиннеда я должен примириться с этим. Но поймите и меня, когда в душе я тоскую о том, чего навсегда лишился.

Королевские откровения удивляли. Его отношение к Камберу оказалось более сложным и неоднозначным, в словах звучало искреннее сожаление, но и обольщаться не стоило. Нет, никогда любовь и признательность не перевесят неприязни к Камберу в этом сердце.

Оставалось выяснить, поможет ли смерть Мак-Рори новому Элистеру Келлену сблизиться с Синхилом.

— Кажется, я понимаю, Государь,— сказал он после долгой паузы.— И что еще более важно, думаю, что и Камбер понимал.

Лицо Синхила, омытое слезами, озарилось надеждой.

— Вы так думаете, отче?

— Да. Он умер на руках у нас с Джоремом; в последние минуты он думал о том, что ожидает вас, Гвиннед и жителей страны, когда его не станет. Он всегда помнил о вас, Синхил, вы были очень дороги ему, сын мой.

— Не я достоин последних мыслей,— произнес Синхил с тоской.— Он должен был обратиться к Богу.

— Он сделал и это,— ответил Камбер.— Умер с уверенностью, что прожил жизнь наилучшим образом. Легкая смерть. Я верю, он покоится с миром.

— Только бы вы оказались правы,— прошептал король. Наступила неловкая пауза, Синхил потупил взор и погрузился в собственные мысли, потом с робкой надеждой взглянул на собеседника.

— Возможно, сейчас не время спрашивать об этом, отче, но, мне кажется, Камбер одобрил бы это. Я хотел спросить, не... еще не поздно принять ваше вчерашнее предложение.

— Почему вы решили, что может быть поздно? — осведомился Камбер, не понимая смущения Синхила. Король терпил край плаща, не поднимая глаз.

— Сегодня утром мы оба были вне себя.

— Был трудный день,— прервал Камбер.— Мы оба мало спали и слишком много переживали. Мне не следовало выходить из равновесия.

— Нет, я говорил ужасные вещи,— настаивал Синхил.— Вы были правы, а я не хотел в это поверить. Если бы я был тверже в вере, истина мне открылась бы сразу, но Господь не пожелал этого.

— Господь предоставляет нам свободу воли. Он не подсказывает правильных поступков.

— Увы.— Синхил вздохнул и встал,— Мною сделан выбор. Я должен научиться уживаться с последствиями этого, независимо от его причин. Спокойной ночи, отче.

— Спокойной ночи, Ваше Величество,— пробормотал Камбер в спину удаляющемуся Синхилу.— Нам всем нужно учиться,— добавил он, когда король вышел.

* * *

Возвращение победителей в Валорет откладывалось. Люди и лошади отдыхали после битвы. Целители души и тела корпели над живыми, похоронные команды заботились о мертвых. В долине Йомейра поднимались могильные курганы, меняя ее вид в память и назидание грядущим поколениям. Только тела наиболее именитых отправятся с войском назад, чтобы упокоиться в родовых гробницах. Продолжалась и работа, за которую принялись в ночь после сражения. Отряды ловких и опытных солдат обыскивали холмы и горные долины Йомейра в поисках сторонников Эриеллы, избежавших пленения на поле боя. Те из них, кто остался цел, разумеется, унесли ноги, но слишком много раненых и увечных не могли сбежать, Их и вылавливали королевские войска, поручая одних заботам хирургов, а других — священникам и могильщикам.

Число торентских пленников достигало сотни, в большинстве дворяне, обязанные Эриелле Фестилийской своим положением. Этих Синхил немедленно лишил права выкупа, чтобы, обретя свободу, они тут же не встали под знамена ярых врагов Гвиннеда.

Торентским пленникам надлежало вместе с войском отправиться в Валорет и пребывать там. Строгость содержания каждому была назначена в соответствии со знатностью и положением. В этих условиях рыцарям предстояло ожидать прибытия посольства от короля Торента и исхода его переговоров с королем Синхилом.

Захваченные победителями уроженцы Гвиннеда не могли рассчитывать на снисхождение как изменники, хотя, воюя против Синхила, они держали сторону его предшественника, такого же короля. Именно поэтому они и все

сомневающиеся должны были раз и навсегда запомнить, кто властвует в Гвиннеде, получить суровый урок. И Синхилу предстояло решить, каким он будет.

Королю этого вовсе не хотелось, но Джебедея и граф Сигер настаивали. По просьбе Синхила советники определили перечень подобающих и справедливых наказаний, описан их подробно и красочно, чтобы наивный государь мог составить о новом для него предмете исчерпывающее представление. Они своего добились, Синхил взялся за дело и после горячих молитв в заранее отрепетированных речах сумел обосновать свое первое по-настоящему независимое решение. Приговор короля был справедливым и милосердным.

Каждый десятый из двухсот пятидесяти пленников-гвиннедцев, независимо от положения в обществе, будет публично казнен, пусть все видят, какая кара ожидает изменников. Избавленные жребием от виселицы вместе с торентскими пленниками прибудут в столицу, и там им будет объявлено о королевском милосердии. Домой они вернутся в оковах, лишённые всех титулов и прав, а в Валорете будут прощены, получают свободу и право начать новую жизнь.

Отрубленная голова Эриеллы была водружена на копье и отправлялась в Валорет с королевскими лучниками (таково было предложение Сигера), ее тело четвертовали и разослали по городам, чтобы выставить на воротах. Пусть ропщущие умолкнут, а злоумышленники убоятся восставать на короля. Синхилу был нужен мир в стране, новой войны он не мог допустить.

Решения были приняты, и армия покидала Йомейр. Сигер повел свою армию домой в Истмарк зализывать раны, а Синхил и его люди отправились в Валорет. Приговор Синхила исполнялся через каждые пять миль пути. Невиданные страшные плоды раскачивались на деревьях вдоль дороги на Валорет, привлекая стервятников. Местным жителям разрешалось снимать повешенных по истечении тридцати дней, послушники объявлялись вне закона и подлежали изгнанию. Синхил заставил себя присутствовать при первой казни, но за остальными попросил следить Джебедию.

Король по-прежнему раскаивался в своих недавних нападениях на покойного лорда Мак-Рори и остальных Дерини. По его приказу на время пути телу Камбера воздавались почести. Облеченное в саван тело, каким-то чудесным образом хранимое Райсом от разложения на июньской жаре, помещалось в повозке, запряженной парой белых коней. Траурный экипаж безотлучно сопровождали шесть лордов в полном вооружении. Почетная стража сменялась дважды в день, что-

бы последние почести мертвому Дерини успели оказать все высородные дворяне.

Перед повозкой и позади шли священники со свечами и крестами — кадили, читали псалмы и молились об усопшем. А Камбер в обличии Элистера Келлена следовал сразу за траурной колесницей во главе михайлинцев. Иногда к нему присоединялся Джорем — как сын Камбера он был вправе приближаться к гробу.

Вся эта пышность сразу же не понравилась Камберу, ее сопровождала неизбежная суэта и праздные речи. И он совершал путь, углубившись в себя или напуская на себя задумчивый вид. Его добровольное душевное затворничество имело и свои минусы, так как давало слишком много времени для рассуждений и взгляда на происходящее со стороны.

Смертным не дано наблюдать реакцию других на собственную смерть. Камбер удостоился видеть. Был удивлен, польщен и несколько обеспокоен, хотя не мог понять причину своей тревоги.

Он ожидал изъявлений печали и был к ним готов. Кое-как представлял себе благодарность людей за восстановление Халдейнов после всех ужасов Имре. Но никак не думал обнаружить в простом людe такую огромную симпатию к себе. Что знали они о лорде Мак-Рори и его истинной роли в возведении Синхила на престол? Вероятно, молва разнесла и оснастила многими выдумками историю о его роли в воцарении Синхила. Так, ничего для этого не предпринимая, Камбер, похоже, становился новым народным героем. От этого делалось немного не по себе.

В дороге докучливая суэта досаждала, в стенах Валорета Камбер всерьез занервничал. Похоронный кортеж задал скорость движения войскам, казни через каждые пять миль еще более задерживали армию. Она пробыла в пути до конца июня, и весть о победе и возвращении войск достигла Валорета, опередив их на несколько дней. Город притих в ожидании и встретил победителей, единодушно высыпав на улицы. Синхила встречали радостными криками и поклонами, перед гробом Камбера умолкали и падали ниц.

Король выглядел все более подавленным, со своего места в торжественной процессии Камбер это сразу заметил. Синхил, очевидно, ревновал к славе покойника.

Когда они въезжали в замок, у Камбера появился другой повод для беспокойства. В толпе придворных, среди фрейлин королевь, рядом с ней, архиепископом Энскомом и другими священнослужителями, стояла Ивейн, малень-

кая, одинокая и потерянная. Жена Катана Элинон терзала ее за рукав, а толпа теснила со всех сторон.

Остановив коня посреди замкового двора, Камбер видел только свою дочь, но принадлежал другим. К нему направлялся Энском. Он спешил и ожидал архиепископа, указав Райсу на Ивейн.

— Подойди.

Опускаясь на колени, чтобы поцеловать перстень архипастыря, он опустил глаза.

— Ваша милость,— невнятно начал Камбер.

Кивнув, Энском поспешно поднял его. Взгляд священнослужителя остановился на гробе. Старик прикрыл рукой глаза и смахнул навернувшиеся слезы, потом торжественно опустил ся на колени рядом с гробом и стоял, склонив голову. Вслед за ним преклонили колени другие клирики. Гул оживленных голосов сменился благоговейной тишиной.

Встали на колени и Камбер, и, рядом с ним, Джорем. Он тоже видел Ивейн среди встречающих. К ней наконец-то протиснулся Райс и обнял, а она спрятала лицо на груди мужа. Встреча Синхила с женой получилась куда прохладней, в этот момент короля куда больше занимало происходящее у гроба.

Лицо Синхила было бесстрастно, когда он в сопровождении свиты удалялся в покой, но неприятное предчувствие осталось у Камбера. Радовало только одно — Райс добрался до Ивейн и его дочь уже все знает. Надо поскорее самому объясниться с ней и окончательно успокоить.

В это время Энском закончил молитву, перекрестился, поднялся, и опять начались странные вещи. Священники приняли тело у сопровождающих рыцарей и направились к королевской часовне, Энском обернулся к Камберу, встал между ним и Джоремом, положив руки им на плечи. Траурный кортеж почти целиком скрылся под сводами часовни, туда же довольно решительно архиепископ увлек отца и сына. Поднимаясь по ступеням, Джорем покачнулся.

— Я думаю, Джорем, ты понимаешь, как тяжело мне было услышать весть о смерти твоего отца,— ровно заговорил Энском, останавливаясь перед входом в часовню.— Мне не нужно объяснять тебе, мы были с ним, как братья, его дружба так много значила для меня. Надеюсь, ты примешь мою посильную помощь во имя памяти и той привязанности, которую я всегда к тебе испытывал.

Джорем принял складывать слова признательности, подобающие скорбящему сыну. Камбер знал, какой трудной была для него эта задача.

— Элистер,— продолжал архиепископ, искоса глядя на Камбера.— я знаю, вы будете очень тосковать по Камберу, в последнее время вы сблизились и со всей его семьей. Поэтому, надеюсь, вы не сочтете дерзостью мою просьбу о большой услуге.

Камбер кивнул, не решаясь отвечать и не догадываясь, что задумал Энском.

— Прежде всего знайте; погребальную церемонию я назначил на послезавтра. Печальную весть о смерти твоего отца, Джорем, я получил раньше других и помог твоей сестре пережить первые минуты горя. Ивейн — молодая особа, весьма сильная духом, тебе, должно быть, это известно лучше меня. Она сразу же испросила моего позволения участвовать в погребальной мессе для себя и для тебя. Надеюсь, о твоем согласии нет нужды справляться.

— Нет, ваша милость,— прошептал Джорем.— Ни одна небесная или земная сила не заставит меня отказаться от этого.

— Я так и думал. А вы, Элистер? Выбор, разумеется, за вами. Хотя Ивейн и просила, Камбер не принадлежал вашему Ордену, поэтому ваш отказ был бы извинителен.

Камбер задумчиво вздохнул: достанет ли ему мужества присутствовать на собственных похоронах. Ивейн просила Энскома, не ведая правды, зная о взаимной приязни и дружбе между отцом и Элистером Келленом, и была вправе ожидать согласия викария.

Стоило ли даже ради сохранения приличий принимать участие в мессе по кому бы то ни было. Будучи диаконом (этот скромный, но все же священный сан он принял несколько лет назад), Камбер надеялся преодолеть трудности в совершении обрядов, но избегать этого без крайней необходимости. В погребальной мессе ему отводилась роль прислужника — вести мессу будет Энском, а он может стать единственным, кто во время печальной церемонии по-божески простится с действительным Элистером Келленом.

Когда еще представится возможность достойно проводить в мир иной доброго викария.

Камбер заметил, что сын наблюдает за ним,— Джорем, должно быть, уже догадался, что творилось в его голове. Оставалось надеяться, что, говоря с Джоремом, он не даст Энскому повода для подозрений.

— Джорем, я поступаю так, как пожелаешь ты,— произнес он, стараясь придать своему лицу как можно более печальное выражение.— Если тебе захочется, чтобы на церемонии присут-

ствовали только самые близкие люди, я, безусловно, пойму.

Джорем покачал головой. В его глазах к горечи примешивалась радость, появление которой было понятно Камберу после стольких лет тесного общения.

— Спасибо за предложение, настоятель. Мне кажется, моему отцу была бы приятна ваша помощь нам. Былые его разноголосия с нашим Орденом принадлежат прошлому, я знаю, что в последнее время он очень дорожил вашей дружбой.

— Тогда я почту за честь принять предложение,— Камбер склонил голову.

— Примите мою признательность, Элистер,— сказал Энском.

— Я бы хотел попросить вас об одной вещи, отец настоятель,— продолжал Джорем. В его голосе послышалось нечто, говорившее о важности просьбы.— Я хотел получить ваше разрешение похоронить его в ризе Ордена святого Михаила. При жизни он не принадлежал к нашему Ордену, но мог стать его почетным членом и желал этого. Моя просьба не так уж необычна, и, думаю, сестра тоже одобрит ее.

Камбер опустил глаза, в который раз оценив своего сына. Джорем говорил чистую правду и предлагал способ воздать должное Элистеру, который, без сомнения, должен быть погребен по обычаям Ордена.

— У меня нет возражений,— Камбер на мгновение встретился с сыном глазами.— Если капитул не возразит, я не вижу других причин отклонить просьбу. Ваша милость, что вы на это скажете?

— Это ваш Орден, Элистер,— ответил Энском.— Однако мне кажется, что Камберу это понравилось бы. Вы знаете, что в детстве мы вместе готовились принять священный сан. После смерти двух братьев отец забрал Камбера из семинарии, и я остался один.— Энском вздохнул.— Возможно, он осудил бы меня за это, но я сказал бы, что из него мог выйти превосходный священник.

— Я думаю, он был бы польщен, ваша милость,— сказал Джорем, бросив взгляд на Камбера, о котором архиепископ совершенно забыл.— Если больше не нужен вашей милости, я пойду к сестре.

Его слова вернули Энскома из воспоминаний юности.

— О, прости, Джорем. Я такой бесчувственный. Кроме того, вы, должно быть, устали с дороги. Еще одно, Элистер, и я сразу же отпущу вас обоих. Возможно, не время спрашивать об этом, но мне интересно знать. Вы избрали преемника на пост настоятеля? Когда вы были на пути в Валорет, мы с Робертом Ориссом условились выбрать возможным

днем вашего возведения в епископский сан следующее воскресенье. Этот, срок вас не смущает?

Камбер задумчиво поднял кустистые брови.

— Нет, не думаю. Джорем, а ты?

У Камбера не было ни малейшего представления, на кого пал выбор Элистера и почему.

Джорем пожал плечами и покачал головой. Энском удовлетворенно кивнул.

— Прекрасно. Я передам Роберту, что вы согласны, и велю начинать приготовления к церемонии.— Он собрался было уходить, но потом развернулся к ним.— Кстати, кого вы собираетесь назначить своим преемником?

Этого вопроса я и боялся, подумал Камбер, стараясь выиграть время и глядя под ноги.

— По совести говоря, ваша милость, в прошедшую неделю я не уделял этому должного внимания,— честно признался он.— Однако,— продолжил Камбер, поглядев на Джорема и не увидев признаков несогласия,— как только я сделаю выбор, сообщу вам.

— Хорошо,— в голосе Энского звучало полное удовлетворение.— Теперь я покину вас. Знаю, вас ждет множество дел.

Когда Камбер и Джорем поцеловали его кольцо, Энском развернулся и вместе со своим секретарем направился в часовню. Когда они скрылись там, Камбер с тревогой обратился к Джорему.

— Ну, как, я справился? — он спрашивал, одновременно проверяя, не могут ли их подслушивать.

— Неплохо.— Джорем тоже, будто между прочим, огляделся.— Кстати, уж и не знаю, на кого пал выбор Элистера. Может. Джебедили это известно, но не думаю, что тебе хочется выведывать у него имя кандидата, прежде чем прояснятся их взаимоотношения с Элистером. Преемника выбирает настоятель, но окончательное решение за капитулом Ордена. В общем, ты выглядел молодцом.

— Ты тоже, с михайлинской ризой. Я бы не додумался до такого или сообразил бы слишком поздно, хотя совершенно очевидно, Элистеру это было нужно.

Джорем кивнул.

— Должно быть. Я позабочусь, чтобы все было сделано как должно. Но, знаешь, мне все это не нравится, несмотря на предчувствие, что твой спектакль удастся.

— Сейчас не время и не место обсуждать это,— буркнул Камбер, суетливо оглядываясь по сторонам, хотя знал,

368 что вблизи никого нет.— Наш разговор с Энском

выявил безотлагательные проблемы, поэтому память Элистера должна перейти ко мне как можно скорее. Видит Бог, от нее осталось немного, но сейчас годится любая помощь. Меня уже начинают мучить головные боли. Как скоро можно будет привести ко мне Райса вместе с Ивейн?

Джорем смотрел на плиты, которыми был вымощен двор.

— Главной проблемой будет заполучить Ивейн. У Райса и у меня есть повод находиться в твоих покоях, они, кстати, расположены во дворе архиепископа. Не перепутай и не вернись к себе домой.

— Я не ошибусь. Что еще посоветуешь?

— Сегодня вечером мы не соберемся, это совершенно определено. Предстоящее требует немалых сил, а ни один из нас не спал нормально несколько недель.

— Хорошо. Тогда, может быть, завтра вечером?

— Возможно. А пока, я думаю, ты должен выказывать полное истощение сил (впрочем, это недалеко от истины) и улежаться в постель. Я пришлю Райса и накажу ему освободить тебя от всех обязанностей и подольше. А брата Йоханнеса отошлю куда-нибудь до поры, вернем, когда узнаешь о его хозяине довольно, чтобы не вызывать подозрений.

— Слуга меня не тревожит, но делай все, как сочтешь нужным. Когда ты пришьл Райса?

— После обеда. Подходит? По-моему, он заслужил немножко времени около Ивейн. Разве нет?

Камбер вздохнул и устало потер лоб.

— Конечно, Джорем, Извини. На самом деле я не такой черствый. Но дома у меня осталось несколько свитков, которые Ивейн должна просмотреть, прежде чем мы соберемся. Я скажу Райсу, как их найти. Это очень важно.

— Понимаю,— едва слышно ответил Джорем.— Может, я был слишком резок. Я понимаю, что должен был бы шире смотреть на вещи, но почему-то все время вижу лишь тело Элистера на той поляне, а потом то, измененное, которое там соборовали.— Он указал на дверь часовни.— И порой начинает казаться, что кроме меня никому нет до этого дела.

— Но ты же знаешь, что это не так.

— Нет. Но ничего не могу с собой поделать,— Джорем склонил голову.— Я пришлю Райса, как только смогу.

— Спасибо. А Ивейн?

Джорем вздохнул.

— Что-нибудь придумаю.

ГЛАВА X

Торжествует отец праведника, и родивший мудрого радуется о нем.¹

Нод вечер того же дня, пока Райс отбыл во дворец архиепископа, Ивейн расхаживала по старым покоям Камбера, гадая, чем занят ее отец. Она завидовала мужу, который сейчас был с ним, и не могла сдержать обиды, что ее оставили в стороне — хотя Райс и уверял, что скоро и у нее будет забот выше головы.

Она подошла к окну, глядя на архиепископский дворец, представляя себе, что видит окно той самой комнаты, где сейчас лежит отец, но вечерний воздух был слишком прохладным даже летом, и она вскоре продрогла в своем легком одеянии. Накинув халат, она села в проеме окна, поджав под себя ноги. Бархат и мех согревали спину, защищая от промозглой сырости стены, к которой она прислонялась.

Вспоминая события сегодняшнего дня, она с трудом могла поверить, что мир ее изменился так сильно за столь короткое время — хотя, конечно, перемены начались еще неделю назад, когда она получила весть о гибели отца. Всего два коротких слова: «Он мертв» погасили солнце в ее глазах и погрузили мир во мрак. Известие принес добрейший архиепископ Энском, сам всегда относившийся к ней по-отечески, и несколько часов оставался с ней, стараясь облегчить страдания.

Сперва она просто не поверила ему, и даже когда поверила — в глубине души не верила все равно. Они с отцом были слишком близки, она не могла не ощутить мига его кончины,

не почувствовать пустоту в сердце, когда его не стало. Это не могло быть правдой. Не должно было быть!

И все же проходили дни, и она начала сомневаться. Вид кортежа, вступившего в ворота замка нынче утром, заледенил ей душу, словно вновь утверждая ужасную истину, которую она не могла принять. Как вдруг, в тот самый миг, когда надежды почти не осталось, Райс стиснул ее в объятиях, поцеловал и прошептал целительные слова: «Он жив!»

Людям вокруг ее слезы казались выражением горя, провавшегося наружу после долгого ожидания. Райс и Ивейн поторопились укрыться от посторонних в комнатах, где дочь Камбера томилась в неизвестности и скорби. Несколько радостных часов прошли с главным в ее жизни человеком, равным отцу. Райс рассказал о событиях похода и о том, как Камбер остался жив, а Элистер погиб. Вечерело, слуги принесли ужин; они выпустили друг друга из объятий и устроились есть возле камина. Райсу пора было идти к Камберу за наставлениями по дальнейшим действиям.

Ивейн в общем понимала, почему отец так спешно требует Райса к себе. Судя по рассказу мужа, превращение Камбера в Элистера Келлена прошло не совсем гладко. Упадок сил, душевных и физических, растраченных в жестокой сече, тоже мог сказаться на результате. Джорем, которого она успела повидать, говорил, что отцу пришлось потрудиться над разрушением посмертной магии Эриеллы. Камберу досталось, Даже Джорем и Райс — тридцатью годами моложе — после такого нуждались бы в продолжительном отдыхе... А отец не мог себе этого позволить.

По словам Джорема, предстояло завершить то, что началось на поляне в Йомейре,— усвоить память мертвого Элистера Келлена. Сейчас эти образы отнимали все силы его мозга и угрожали безумием или смертью, если не будут упорядочены.

Ивейн вздрогнула. Она знала, что отцу по силам сделать и это. Догадывалась даже, откуда ему известен секрет этого волшебства. Как-то мимоходом он упоминал о документах, которые описывали множество тайных обрядов, там говорилось о таинстве гадания на хрустальном шаре, исполненном ими несколько недель назад. Если источником служили эти рукописи, она их найдет и поможет отцу.

Ивейн не стала ждать возвращения Райса. Не стоило терять драгоценное время. Взявшись под балдахин кровати, она расшвыряла подушки, освобождая доступ к тяжелому гобелену в изголовье, и заглянула за ковер. Свечей Ивейн не зажигала и долго шарила впотьмах по стене, пока не об-

наружила искомое. Тогда она про себя произнесла несколько слов. В обычной речи это было бы странным сочетанием звуков, бессмыслицей, но в ответ на слова часть стены двинулась и отползла в сторону.

Открывшийся за ней деревянный шкаф хранил в себе полдюжины аккуратно свернутых свитков, уложенных в просмоленные кожаные мешочки на шелковых шнурах. Ивейн взяла свитки, выбралась из-под гобелена и сложила добычу на развороченной постели. Опустившись на кровать и закутав босые ноги, она взяла первый попавшийся манускрипт, развязала шнурок и машинально засветила свечи, стоявшие в подсвечнике у изголовья. Поднеся пергамент к огню, она принялась за его изучение.

Райс вернулся спустя час. Сбросив плащ, он нагнулся, чтобы поцеловать жену, и сел на край кровати, усеянной свитками, мешочками и развернутыми листами рукописей. Два свитка остались нетронутыми.

— Что это? — спросил Райс, поглядев на беспорядок. Ивейн отложила очередную бумагу и вздохнула.

— По-моему, это не то, что нужно, Райс. Остались последние два, а все это — сочинения Парджана Хавиккана, очень ценные произведения искусства, но совсем не то, что просил найти отец.

— Где ты их раздобыла? — весело, с улыбкой спросил Райс.

— Похоже, не там, где следовало, — она засмеялась, — хотя, судя по твоему лицу, ты знаешь, где нужно искать. Эти были за гобеленом. Я думала, все важные документы хранятся там. — Она кивнула на стену и вздохнула.

Райс, ничего не говоря, коснулся пальцем кончика ее носа и поманил за собой. Войдя в гардеробную, он принялся вытаскивать сундук из-под висевшей на деревянных вешалках одежды. С, помощью Ивейн он перевернул сундук на бок и взялся за боковые углы у дна. Что-то щелкнуло, в плотно подогнанных досках появилась щель.

Райс расширил ее, и они увидели края пожелтевших от времени свитков. Когда подвижная дощечка отошла полностью, обнажились четыре манускрипта, Ивейн задержала дыхание.

— Он сказал, какой нам нужен? — прошептала она, касаясь дрожащим пальцем пунцового шнура на одном из них.

Шкурки на остальных свитках были черного, зеленого и золотисто-желтого цветов. Райс указал на последний.

— Этот. Он также сказал, что, независимо от обстоятельств, нам следует прочитать и остальные. Он упомянул, что

372 информация о гадании на хрустальном шаре содер-

жится в одном из них, и обмолвился, что не чувствует себя достаточно опытным, чтобы иметь дело с тем, о чем говорится в двух других.

Ивейн коснулась зеленого шнура, потом черного, и задумчиво посмотрела на мужа.

— Три части познания Добра и Зла?

— Похоже на то, но это писала не Ева,— усмехнулся он.

— Наверняка.— Она взяла свиток с желтым шнурком и прижала к груди.— Тогда давай уберем, чтобы не искушать себя. Кажется, у нас и без того достаточно забот.

Улыбнувшись, Райс задвинул дощечку и убрал сундук. Придав гардеробной прежний вид, он вернулся в спальню. Свиток с желтым шнурком лежал на кровати. Сев на ее край, Райс разулся, снял жилет и взял рукопись как раз в тот момент, когда Ивейн вынырнула из-за гобелена и примостилась рядом.

— Открой его,— он протянул скрученный лист.— Неизвестно, что случится, когда будет развязан шнурок, лучше, если это сделаешь ты.

— Если я это сделаю? — Рука Ивейн, уже потянувшая за шнурок, застыла.— Райс, это всего лишь свиток.

— Возможно. Однако, когда дело касается Камбера, никто не может быть уверенным,— значительно сказал он.

Несколько секунд она с любопытством смотрела на мужа, сомневаясь, что он говорил серьезно, а потом улыбнулась.

— Пожалуй.

Она коснулась его губ своими губами, затем развязала желтый шнурок и отложила в сторону, потом раскрыла свиток. Текст был написан старым шрифтом черными чернилами на языке древних. Голубые глаза Ивейн пробежали по строчкам, потом вернулись к началу. Ей было любопытно, насколько умело читал старинные тексты Райс. Этот документ выглядел для непосвященного, как иноязычный.

— Посмотрим. «Здесь содержится знание, с которым одержимый потеряет душу и сможет навязать свою волю слабым. Но для благоразумного, почитающего и боящегося Богов, это пища для ума и питье, которое возвысит его душу до звездных высей.»

«Знай, о, сын мой, то, что прочтешь ты, может убивать и сохранять. А посему не поддавайся искушениям Зла использовать полученные сведения с худым умыслом. Ибо все действия и их последствия обращаются на совершавшего их. Посему делай Добро, и умножится твое достояние.»

Ивейн взглянула на Райса.

— Своевременное предупреждение. Успеваешь разбирать?

— Язык понятен. Некоторые из моих текстов по исцелению примерно из того же времени. Почерк не очень разборчив. Читай дальше, я постараюсь не отставать.

— Хорошо. «Часть первая, посвященная принятию облика умершего и сопряженным с этим опасностям.» Кажется, отсюда отец почерпнул свою идею.

— А потом соединил ее с обменом личинами, как делал на похоронах Катана, когда мы с Джоремом передали свои облики Кринану и Вульфери,— согласился Райс.— Второй заголовок? Что-то насчет сознания умершего?

Ивейн кивнула.

«Часть вторая, представляющая мудрые советы относительно чтения памяти умершего и страшных бед, подстерегающих неосторожных.»

Райс кивнул.

— Это он тоже уже сделал. Насколько я могу судить, он принял оставшиеся воспоминания и блокировал их до лучших времен. Если восприятие памяти было осуществлено неверно, он может сойти с ума, запутавшись в том, какая часть его существа принадлежит ему самому, а какая — Элистеру.

— Об этом третья часть,— произнесла Ивейн и продолжила.— «Часть третья, представляющая собой наставления к безопасному усвоению памяти другого, уделяющая особое внимание опасности сумасшествия и возможности избежать его.»

— Итак, нам нужна последняя часть этого свитка,— сказал Райс, помогая свернуть часть свитка с двумя первыми наставлениями.

Наконец среди текста они увидели название, точно повторяющее третий пункт оглавления. Под ним было несколько строк, написанных мелким почерком, куда более ясным, чем в начале. Ивейн склонилась к свитку, а Райс придвинул свечу. В его жене не чувствовалось напряжения и беспокойства, но читала она с волнением.

— «Человек, теряющий разум от желания получить память другого, действительно безумец. Но если уже ничем нельзя этому противостоять, то он должен сделать все, чтобы уменьшить цену принятия памяти, которую предстоит заплатить ему и окружающим.

Он не должен медлить, потому что оказавшаяся в ловушке чужая память подобна гнойной язве и может уничтожить того, кто принял ее. Он лишится своей энергии и способности исцелять телесные раны, станет подвержен головным болям и будет пребывать в полусонном состоянии. Воз-

действие будет усиливаться по мере увеличения чужеродной памяти... А посему мудрый человек пригласит помощников для осуществления этой задачи, чтобы обратиться к их силам для восстановления собственных.

Ему должны помогать: по крайней мере один Советчик, Целитель и Охранник. Возможно соединение названных функций, однако предпочтительнее присутствие троих, чтобы использовать тройную силу.»

Дрожащий голос Ивейн затих, и она взглянула на Райса. Он помолчал и улыбнулся, ободряюще сжав плечи жены. Вздохнув, Ивейн продолжала:

— «Завершать принятие памяти другого надлежит следующим образом...»

Они читали еще долго, до самого утра. Покончив с разделом, посвященным принятию памяти, Райс и Ивейн просмотрели предыдущие, чтобы понять суть того, что Камбер сделал прежде. Все, что они узнали, только дополнило уже известное Целителю со слов Камбера и укрепило его в подозрениях, которые давно беспокоили и Джорема: Камбер на очень скользкой дорожке и должен как можно скорее завершить начатое. Даже если он откажется от принятого облика, память все равно должна быть прочитана. Что бы ни осталось от Элистера Келлена, плохое или хорошее, благородное или отвратительное, с этим предстоит встретиться и принять очень скоро. Признаки нездоровья уже проявились, При встрече Камбер жаловался на головную боль, о которой ни за что не упомянул бы, если бы мог переносить ее. Уже несколько дней тесть терял силы, и это беспокоило Целителя.

Райс и Ивейн уснули под утро, следующей ночью им придется помогать Камберу, будет нужна их энергия, а бессонная ночь отнюдь не способствовала ее пополнению. Проснулись они около полудня. Когда Райс поднялся, чтобы послать за едой, ему сообщили, что отец Джорем уже несколько раз справлялся о них.

Поблагодарив слугу, Райс взял поднос с завтраком и попросил его передать Джорему, что они готовы встретиться с ним, где тому будет удобно. Через несколько минут в дверь постучали.

Держа в руке тарелку с копченой сельдью, Райс пошел открывать двери и обнаружил за дверью нетерпеливого Джорема. Он выглядел, как человек, скрывающийся от слезки; через руку был переброшен плащ. Когда Райс впустил шурина, тот облегченно вздохнул.

— Я уже подумал, что вы проспите целую вечность,— заговорил он, кивнув Ивейн, пока Райс запирает дверь.— Вы знаете, сколько сейчас времени?

— Скоро полдень,— Ивейн поднялась и поцеловала брата в щеку; оставив на ней хлебные крошки.— Позавтракай. Похоже, ты голоден.

— Мне не до еды. Что вы узнали? — Ивейн взяла куриную ножку, внимательно оглядела ее и отщипнула кусочек.

— Прежде всего то, что голодание никому не идет на пользу,— сказала она с полным ртом.— Если ты не поешь, я ничего не скажу.

Райс, усаживаясь за спиной шурина, улыбнулся и поспешно спрятал глаза. Джорем обиженно надулся, совсем как в детстве, потом пересел поближе к еде и взял ломтик сыра.

— Ладно, я уже ем,— буркнул он, раздраженно раскрошив сыр.— Что вы узнали?

— Ешь.

Вздохнув, Джорем откусил сыр и начал жевать. Ивейн улыбнулась, вытерла пальцы о полотняную салфетку, нагнулась и подняла с пола свиток, отнявший у них с Райсом столько времени. Она положила его на стол возле подноса с едой и с беззаботным видом нацедила брату эля.

— Эта рукопись — трактат на тему так называемого Протокола Ориана. Он состоит из трех частей, последняя представляет непосредственный интерес для нас. Мы с Райсом исследовали ее всю ночь напролет, а потом просмотрели и две первые. Это будет нелегко, но нам под силу.

— Слава Богу,— прошептал Джорем. Взяв наполненный Ивейн бокал, он потянулся за следующим куском сыра.

— Однако медлить не следует,— продолжала она, притворяясь, что не заметила проснувшегося аппетита брата — Не могу не сказать о важности скорейшего восприятия памяти. Райс говорит, что у отца проявляются опасные признаки, о которых предупреждает этот документ. Давайте отложим любые свои ближайшие дела и поскорее соберемся для совершения таинства.

Джорем пил большими глотками, внешне он стал спокоен, но Ивейн было хорошо известно, насколько обманчива внешность брата.

— Сегодня поздно вечером,— ответил он, протягивая бокал за второй порцией.— Я, к сожалению, не вижу способа уклониться от наших обыденных дел. Вы оба должны соблазнить приличия и появиться в соборе, А я пробуду там весь день до вечера. Хорошо еще, что нам удалось на время отгородить отца от исполнения обязанностей главы. Ордена.

— От церковных служб? — спросила Ивейн.

— От растрачивания жизненных сил,— поправил Джорем,— хотя, вижу, это беспокоит и вас. Я даже не заводил разговора о священном сане Элистера и не знаю, что он собирается делать в этом отношении. Возможно, в целях безопасности отцу придется смишенничать, но не думаю, чтобы он терпел такой фарс долго. Однако сейчас не время говорить об этом. Я согласен, что с проблемой памяти нужно покончить как можно быстрее. Что нужно для этого?

Ивейн отрезала кусочек апельсина и положила в рот.

— Сейчас у нас мало времени, так что детали сообщим тебе вечером. Никаких особенных приготовлений не нужно, не в пример тому, что приходилось делать раньше. Главное, разумеется, чтобы нам не помешали. И, конечно, давайте решим, как я, не вызывая подозрений, попаду во дворец архиепископа, куда женщинам доступ закрыт.

— Ну с этим я справлюсь,— улыбнулся Джорем. Поставив свой бокал, он нагнулся к тому, что Райс и Ивейн приняли за обычный плащ. Это и был плащ, синий с пурпурно-серебристым знаком михайлинцев. Но внутри, спрятанная от любопытных глаз, находилась темно-синяя михайлинская ряса с капюшоном и пунцовой подпояской. Вынув ризу, Джорем знаком велел Ивейн встать. Когда он протянул облачение, Ивейн улыбнулась.

— Итак, я сделаюсь монахом, а, братец? — спросила она, весело блеснув глазами.

Джорем пожал плечами с довольным видом.

— Тебе известен лучший способ попасть туда, куда вход женщинам строго воспрещен? Если хорошенько уложить волосы и надвинуть капюшон на глаза, то не вызовешь подозрений. Плащ, надетый поверх, скроет твою фигуру.

Ивейн села, сложила монашеские одежды на коленях и улыбнулась.

— Хорошо. Но что за брат-михайлинец явится с посещением к своему настоятелю в неурочный час?

— Я проведу тебя,— сказал Джорем.— На всякий случай викарый вызвал тебя для нравоучения о дисциплине. В этом нет ничего странного. Кроме того, ни у кого нет оснований для подозрительности или иного беспокойства.

Райс задумчиво кивнул.

— Звучит логично. А я могу прийти немного раньше, чтобы справиться о самочувствии больного, Ивейн, сколько времени займет вся процедура?

— Зависит от количества полученных воспоминаний. Если верны твои предположения, Джорем, и вы нашли Элистера вскоре, отец получил многое, и процедура займет полчаса или около того. Если он воспринял больше, чем мы предполагаем,— таинство может продлиться два-три часа. Не думаю, что мы в состоянии продержаться дольше, так что, будем надеяться, этого не понадобится.

— И все же,— сказал Райс,— чем больше образов памяти он воспримет, тем больше шансов получит в своем плутовстве. Если он на него решился, будем молиться об успехе этого замысла.

— Да будет так,— сказал Джорем.

Оставшаяся часть дня прошла без значительных происшествий, по крайней мере для Райса и Ивейн, Верные своему решению, они отправились в собор отдать дань покойнику в облике Мак-Рори. Они даже видели Камбера у гроба, стоящим на коленях среди монахов-михайлинцев. Псаломщики архиепископа читали над усопшим, будоража чувствительные души Райса и Ивейн.

Камбер видел, как они взошли на хоры и опустились на колени возле гроба. Глядя на Ивейн, он даже усомнился — понимает ли она, что на самом деле он жив. Дочь двигалась слишком медленно и тяжело для своих двадцати трех лет, опираясь на руку Райса, тени горя и измождения залегли под глазами. Райс выглядел лучше, но даже его огненно-рыжие волосы, казалось, потускнели, словно стесняясь сиять среди всеобщего траура.

Камбер несколько минут следил за дочерью со страстным желанием мысленно соприкоснуться с ней, и не решаясь рискнуть. Просто подойти к ней на правах близкого друга семьи Элистер Келлен, конечно, мог, но это общение наверняка привлекло бы внимание посторонних, а Ивейн могла не сдержать себя. Лучше дождаться ночи, тогда им не придется играть роли на глазах людей и Дерини. Он не должен позволять чувствам брать верх над разумом.

Камбер знал, что горе Ивейн мнимо, но все равно не в силах был видеть ее в таком состоянии. Наклонившись к Джорему, он прошептал, что чувствует слабость и возвращается к себе в покои, в то же время его рука ободряюще пожала руку сына, показывая, что недомогание — лишь предлог удалиться. Когда Камбер вышел из собора, опираясь на руку одного из своих рыцарей, Джорем приблизился к сестре и опустился на колени рядом с ней.

Возвращаясь с лордом Дуалтой в свои покои, Камбер позволил себе сбросить напряжение. С юным михайлинцем он не чувствовал опасности, Дуалта лишь недавно был принят в Орден и к тому же не был Дерини. Ничто в манере поведения Камбера не должно выдать его такому, как Дуалта, хотя недавний михайлинец был наблюдательный молодой человек, прошедший в Ордене хорошую выучку.

Нет, Дуалта не тот, кого мог бояться Камбер, Король — возможно. Или Энском. Или...

Джебедея! Как только Камберу показалось, что он обрел относительную безопасность, из-за угла коридора вывернул навстречу им этот опасный собеседник. Провожатый уже открыл дверь, но ускользнуть не было никакой возможности, встреча была неизбежна. После преобразования Камбера они не раз виделись на советах, но не встречались лицом к лицу. Его не просто провести, Джебедея — Дерини.

— Добрый день, Джеб,— сказал Камбер тоном, предупреждающим пространный разговор.

Джебедея склонился, чтобы поцеловать кольцо главы Ордена.

Скорее для Дуалты, чем из почтения, подумал Камбер.

— Добрый день, отец настоятель. Я думал, что остаток дня вы проведете в соборе. Надеюсь, ничего не случилось?

Дуалта с поклоном отступил в сторону. Камбер вошел в комнату.

— Все в порядке. Я почувствовал небольшую слабость. Вот и все. Жара, благовоения... Немного отдохну, и всё придет в норму.

— Вы уверены, что это все? — спросил Джебедея. Когда он последовал за Камбером и Дуалтой, на лице у него было выражение неподдельного беспокойства.— Дуалта, ты можешь идти,— продолжал он, занял место юноши и помог Камберу устроиться в кресле у потухшего камина.— Я позабочусь о настоятеле.

Молодой рыцарь вопросительно взглянул на Камбера, тот кивнул, страстно желая, чтобы ушли оба. Дуалта вышел, Джебедея перебрался к камину, опустился на колени и, не оглядываясь на Камбера, принялся разводить огонь.

— Что-то не так, Элистер. Почему вы не позволяете помочь вам? Со дня сражения вы как-то отдалились.

Камбер сцепил пальцы, осмотрел кольцо на руке, машинально потер его чеканное серебро большим пальцем, повторяя излюбленный жест Элистера. Сейчас он не собирався открывать правду о себе. Это может случиться

не раньше, чем будет прочитана память Келлена, и не станет ясно, насколько крепка дружба его с Джебедия. Если бы эту встречу можно было отложить на несколько дней, на несколько часов...

Он поднял глаза, прекрасно зная, что Джебедия наблюдает за ним и удивляется его неловкости. Впрочем, никаких подозрений он не испытывал. Видел в этом излишнюю осторожность. Волнение? Переживания?

— Прошу прощения, Джеб. Меня слишком многое занимает, А мое здоровье после битвы, как ты знаешь, оказалось хуже, чем я желал бы.

Джебедия ответил так тихо, что Камберу захотелось придвинуться поближе, он едва разобрал слова.

— Вы сравнительно молоды, Элистер, всего на пять лет старше меня. Неужели Целители ничем не могут помочь?

Камбер пожал плечами.

— Рис говорит, что заметно улучшение. Однако в исцелении нуждается не только тело.

— Что же, еще печаль по Камберу? — в голосе Джебедии слышалась насмешка.— Я знаю, что вы с ним были близки, но и раньше вам случалось терять друзей. Джаспер тоже умер, да и многие другие, долго перечислять. Кроме того, не так давно вы с Камбером были противниками, едва ли не врагами.

— Мы никогда не были врагами,— прошептал Камбер.— Никогда. Кроме того, меня тревожат не смерти.

— Нет? — Джебедия поднял глаза, его рука и щепка в ней застыли над фигурами, которые он чертил в каминном пепле. — Надеюсь, не я тому виной.

Камбер покачал головой и улыбнулся.

— Нет, не ты, мой друг. Ты всегда придавал мне силы. Тень Камбера здесь ни при чем, хотя, по-моему, ее присутствие буду ощущать всю жизнь, Нет, боюсь, меня тревожат другие демоны.

— Демоны? — Джебедия был удивлен, бросил щепку в камин и поднялся. Когда он опустился на пол рядом с Камбером, на его открытом лице читалось беспокойство.— Какие демоны, Элистер? Что за суеверная чушь? Наследство Эриеллы? Расскажите же, поделитесь тем, что тревожит вас, и я помогу справиться с этим.

Камбер отвел глаза, гадая, не слишком ли далеко он зашел. Сам того не понимая, Джебедия наткнулся на то, чем можно было обусловить любые расхождения в поведении Камбера и Элистера, и что следовало бы приберечь. Теперь придется рассказать значительно больше, но явно недоста-

точно для возбуждения опасных подозрений; они и так бродят в голове у друга Кемлена. По крайней мере идея продолжающейся борьбы с влиянием Эриеллы позволит Джебедии успокоиться, не чувствуя обиды за недомолвки (Камбер знал, что это чувство в нем было столь же сильно, как и беспокойство за Элистера). Но как половчее подвести его к этому?

— Нет, не проси о слишком многом.— Камбер легонько коснулся плеча Джебедии, встал и подошел к камину.— В день сражения произошло нечто, тебе не известное. Смерть Эриеллы не прошла бесследно, я уже не говорю об остальных смертях. Платить за это мне одному, чтобы между мной и тем, кто создал нас всех, воцарился мир.

— Вы только позвольте... Я мог бы помочь...

— Не могу поделиться этим, Жеб, даже если бы захотел и тебя подвергнуть опасности, которую предстоит одолеть мне. Я не могу делиться этим ни с кем.

Джебедия, оставаясь на коленях, откинулся на пятки и следил за каждым движением Камбера — тому оставалось только неотрывно глядеть в камин. Он боялся, что объяснения не будут приняты, но возражений не последовало. Выждав, Камбер, широко улыбаясь, повернулся к Джебедии и с покорностью судьбе вздохнул.

— Прости, но так должно быть, по крайней мере сейчас. Пока я не избежал опасности и не расплатился по счетам, мои слова должны предназначаться только моему духовнику, и даже он не узнает всего.

Джебедия опустил глаза, с трудом проглотив подкативший к горлу комок.

— Когда-то я был для вас почти духовником.

— И, возможно, снова станешь им,— мягко произнес Камбер, все более изумляясь тонкости душевного общения этих двоих.— Пока это невозможно. Прошу тебя, давай не будем продолжать об этом.

— Как... пожелаете.

Наступила тишина, которая, казалось, будет длиться вечность, потом Джебедия поднялся и вынужденно улыбнулся.

— Теперь вы должны отдыхать, отец настоятель, меня ждут дела. Если что-то будет нужно, вы знаете: стоит меня позвать, и я приду.

— Я всегда это знал,— благодарно отозвался Камбер, подумав и добавил,— Да благословит тебя Бог, друг мой.

Джебедия кивнул, развернулся на каблуках и, уныло повесив голову, вышел. Камбер вздохнул, вернулся в кресло и поставил ноги на небольшую скамеечку. Ему бу-

дет в чем-то проще после предстоящей ночи — с этой надеждой Камбер погрузился в сон. Несколькими часами позже он проснулся от шороха штор на широком окне. В камине горел огонь, в подсвечнике, на полу, слева от него, стояли зажженные свечи; в полумраке за ними было трудно что-то разглядеть, и Камбер прищурился. В видневшемся силуэте угадывались знакомые черты, но еще не пробудившийся мозг никак не мог подсказать точный ответ.

— Райс? — позвал он и улыбнулся, когда фигура у окна обернулась к нему.

— Кто же еще мог войти в комнату, не разбудив тебя? — Целитель еще раз поправил плотно закрытые шторы и вступил в круг света на полу, очерченный свечой.— Правда, могу назвать еще двоих, но они появятся только через час. Так что сейчас придется побыть в моем обществе. Как ты себя чувствуешь?

Он присел возле Камбера, тронув запястье своей прохладной рукой. Отлично понимая, что именно беспокоит Целителя, Камбер улыбнулся.

— Превосходно или, по крайней мере, вполне нормально для подобной ситуации. Головная боль почти прошла, а после сна я чувствую себя отдохнувшим. Соответствует ли мой отчет вашим предположениям, о, могущественный Целитель?

Райс убрал руку с запястья Камбера и сел в кресло.

— Разумеется, я хотел бы видеть тебя более крепким, но этого стоит ожидать не раньше, чем мы справимся с нашей ночной работой. Уже завтра должно наступить заметное улучшение.

— Завтра я буду в лучшей форме, обещаю. Кстати, кто сегодня в карауле?

— Юноша, что сопровождал тебя из собора. Кажется, его зовут Дуалта. А что?

Камбер вздохнул.

— Уже лучше. Я боялся, вдруг это будет Джебедея.

— Чего боялся?

— Когда я вернулся из собора, у нас была с ним беседа, очень беспокоившая меня. Очевидно, я вел себя не совсем естественно, по крайней мере, в его глазах. Все больше убеждаюсь, они с Элистером были куда более близки, чем мы предполагали. Если мы не будем чрезвычайно осторожны, он может оказаться проблемой не меньше Синхила.

— К тому же он Дерини,— заметил Райс.

— Поверь, я ни на минуту не забывал об этом.

свою слабость поединком с Эриеллой, дав понять, что за победу должен заплатить какую-то таинственную цену. Разумеется, все это правда, хотя и несколько в другом смысле. Но в самом конце мне показалось, что его чувства оскорблены тем, что я отверг прежнюю близость. Одному Богу известно, как должно было вести себя. Может, Джорем это знает. Или, возможно, что-то скрыто в воспоминаниях.

Камбер постучал себя по лбу, а Райс склонил голову.

— Что ты будешь делать, если не удастся пролить свет на их отношения?

— Действовать, повинаясь интуиции, и стараться изо всех сил. Мое епископство позволит встречаться с ним лишь на официальных собраниях. Если, несмотря на все наши старания, у него возникнут подозрения, придется раскрыть ему нашу тайну. С другой стороны, если они с Элистером были так близки, как мне начинает казаться, не думаю, чтобы он простил мне когда-нибудь обман и то, что я занял место его друга.

Райс поджал губы.

— Будь осторожней с этим, Камбер,— тихо произнес он.— Я хочу, чтобы ты обещал мне не предпринимать подобного шага, не посоветовавшись с нами. Все это становится слишком опасным.

— Даю слово.— Камбер улыбнулся.— А теперь займемся более срочными делами. Полагаю, вы с Ивейн нашли нужный документ?

— Мы прочитали его прошлой ночью. Он оказался очень ясным и подробным...

— Однако? — поторопил его Камбер, почувствовав неуверенность зятя.

— Однако что? — спросил Райс.— У меня роль самая простая. Я должен следить за тем, чтобы твои легкие не переставали дышать, а сердце продолжало биться. Вам с Ивейн придется посложней.

— Что в таком случае беспокоит? Уверен, ты не сомневаешься в способностях своей жены? — Райс невесело усмехнулся.

— Неужели мои чувства так легко узнать? Нет, я беспокоюсь не за Ивейн и не за себя или Джорема.

— Ты беспокоишься за меня.

— Не совсем. Все дело в самом таинстве и точности действий всех участников. Раньше нам случалось выполнять и более сложные вещи. Видит Бог, некоторые из выпавших на мою долю исцелений куда более пугали поначалу... Но это совершенно другое. Кроме того, твои силы истощены. Лучше бы мы сделали это раньше.

— Прошлого не воротишь,— пробормотал Камбер.— Но до-
вольно. Я уже несколько месяцев не заглядывал в эту рукопись.
Освежи мою память, постарайся вспомнить как можно боль-
ше деталей. Нам полезнее во время ожидания занять свой ум.

Райс ответил глубоким вздохом и, потянувшись к креслу
тестя, приложил свои пальцы к его запястью. Камбер закрыл
глаза, сделал глубокий вдох и выдохнул. Он отчетливо слышал
мерное дыхание Райса.

Как и множество раз прежде, возникла прочная связь.
Взаимопроникновению только мешал беспорядок и напряже-
ние в части сознания Камбера. Райс открыл каналы и излил ин-
формацию своему другу и наставнику. Когда с этим было по-
кончено, оба вернулись к действительности. Райс выглядел
skonфуженным. Камбер одобряюще улыбнулся, но добился не
того, чего хотел.

— Это исполнено прекрасно,— сказал он, погладив руку
Райса, потом поднялся и подошел к камину.— Всегда приятно
убедиться, что по крайней мере чья-то память в порядке.

— А его память?

Камбер положил руки на край каминной полки и прижал-
ся лбом к холодному камню.

— Что, так заметно?

— Да.

— Прости.

— Тебе не в чем извиняться. У тебя снова болит голова, так?

— Немного, но не сильно. Когда Ивейн и Джорем?..

— Скоро. Я могу чем-нибудь помочь...

Раздался легкий стук в дверь, оба поднялись и посмотрели
друг на друга. Стук повторился. Камбер поспешно уселся в
кресло, натянул на себя одеяло, откинул голову на спинку и за-
крыл глаза. Убедившись, что Камбер устроился, Райс пошел к
двери.

— Кто там?

— Отец Джорем,— последовал ответ,— Я по делу.

Райс отодвинул засов и приоткрыл дверь. За ней в самом
деле стоял Джорем. Капюшон скрывал его золотистые волосы
и отбрасывал тень на лицо. Чуть позади стоял его спутник, ру-
ки, сложенные на груди, скрывались в широченных рукавах
михайлинской рясы, склоненная голова пряталась под капю-
шоном. Если бы Райс ничего не знал заранее, он не догадался
бы, что этим монахом была его жена.

Он взглянул на Джорема, хорошо помня после разговора с
Камбером, что в конце коридора на страже стоит Ду-
алта. Чтобы успокоить себя и не вызвать недоумения

Дуалты, он заговорил подчеркнуто церемонно и несколько громче, чем требовалось.

— Отец Джорем, я не ожидал, что вы придете. Настоятель отдыхает.

Джорем и глазом не моргнул.

— Надеюсь, мы не очень его беспокоим, Райс. Отец настоятель хотел видеть этого монаха. Незначительный вопрос о дисциплине не слишком утомит викария.

Райс оглянулся, словно желая убедиться, что настоятель и впрямь ожидает посетителей, потом впустил гостей. Закрывая дверь, он заметил, что Дуалта отвернулся и продолжает скучать на посту — визит не привлек его внимания.

— Маскарад удался.— Ивейн отбросила капюшон со своих тщательно стянутых волос. Не успел Райс задвинуть дверной засов, а она уже бросилась к креслу. Поднимавшийся навстречу мужчина залился бледностью и покачнулся, попав в жаркие объятия. Невольные свидетели встречи понимающе переглянулись и, не сговариваясь, уставились на дверь, погруженные в заботы о мерах предосторожности во время предстоящего действия. Ивейн не размыкала объятий, пока руки не нашли подтверждения тому, в чем не ведало сомнений ее сердце.

— Я верила, ты не мог умереть! — горячо прошептала Ивейн, когда они отстранились, чтобы взглянуть друг на друга глазами, полными радостных слез.— Я бы узнала! Я бы обязательно узнала!

— Если бы мог, я предупредил бы тебя,— Камбер прижимал ее голову к груди и целовал волосы,— Дитя мое, как мне хотелось дать знать тебе, но выхода не было. Райс рассказал тебе обо всем.

— Да, и мы поможем тебе,— сказала она, снова отступила, чтобы оглядеть Камбера с ног до головы, но не отпускала его.— Мы готовы сделать то, что должны.

— Я благодарен больше, чем вы об этом можете думать,— ответил он. Освободившись от ее руки, Камбер опустился в недавно покинутое кресло и посмотрел туда, где стояли мужчины.

— Господа, преграды выставлены?

Джорем кивнул и вместе с Райсом приблизился.

— Никому снаружи не удастся уловить волшебство. Кроме того, мы поставили преграды звукам, а я буду настороже.

— Хорошо. Есть план действий на случай, если нам помешают?

— Как тебе известно, Дуалта на посту, он знает, что в покоях мы с братом Джоном,— Джорем с кривой

улыбкой указал на сестру.— Доблестному стражу дали понять, что викарий занят дисциплинарным взысканием, Дуалта не позволит кому попало отвлекать отца Элистера. А если все же позволит, мы с Ивейн просто удаляемся в твою молельню.— Он кивнул на одну из дверей.— Разыгрываем сцену покаяния. Райс останется с тобой и попытается совладать ситуацией, в зависимости от того, на каком этапе обряда мы окажемся.

— Знаете, а ведь это правда может быть опасно,— сказал Камбер.— Я хочу сказать, если нас прервут в разгаре ритуала. Я могу не справиться со своей частью задачи.

— Помоги нам Бог, чтобы не такого не случилось,— прошептала Ивейн.

Кивнув, Камбер откинулся в кресле, сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, потом оглядел их всех по очереди — дочь, сына и зятя — и снова кивнул.

— Тогда начнем.

ГЛАВА XI

**И ныне, Господи, воззри на угрозы
их и дай рабам Твоим со всею
смелостью говорить слово Твое.¹**

Райс встал за креслом Камбера, а Джорем отошел к двери и прислонился к ней спиной. Ивейн скинула михайлинское облачение и бросила его на свободный стул, а затем опустилась на скамеечку у ног отца. Одной рукой любовно поглаживая расшитые комнатные туфли, другой она потянулась в карман и достала драгоценный камень размером с куриное яйцо. Она потерла самоцвет об рукав, и тот заиграл янтарными сполохами в пламени свечей. Крохотные вкрапления в самом сердце кристалла отбрасывали блики на синюю монашескую рясу.

— Жаль, у меня не осталось того, что ты мне дал, заметила она,дохнув на камень, чтобы согреть его.— Увы, но я отдала его Синхилу. А это подарок Райса.

Она передала самоцвет в руки Камберу, через его косясь на мужа и теплым взглядом отвечая на его улыбку. Камбер, также улыбаясь, покатал кристалл между пальцев, затем крепче оперся о подлокотники. Несколько мгновений он пристально вглядывался в камень, стремясь достичь состояния расслабленности, в чем ширал был отличной подмогой, но тут же чуть заметно покачал головой и вновь посмотрел на дочь.

— В этом обличье не выходит,— сказал он.— То есть, конечно, я мог бы, но тогда у меня не хватит сил удерживать иллюзорную внешность и одновременно исполнить весь ритуал. Придется вновь стать самим собой.

¹ Деяния 4:29

При этих словах словно дымка набежала ему на лицо — и впервые со дня битвы при Йомейре Камбер Мак-Рори вновь обрел свое лицо. Усталость и постоянное напряжение оставили на нем свою тень, но следы их начали сглаживаться, едва он вновь уставился на кристалл ширала.

Прикусив губу, Ивейн наблюдала, как серые глаза отца стекленеют, тускнеют, в них появляется что-то потустороннее, ее успокаивало только то, что такое она уже видела. Камбер заговорил глухо и монотонно — он отделился от реального мира.

— Сейчас лучше,— пробормотал он.— Райс, теперь я готов.

Оставаясь позади Камбера, Райс положил руки ему на плечи, мысленно отыскивая в открывшемся сознании особое место, откуда он сможет черпать все сведения о состоянии его тела. После его прикосновения Камбер глубоко вздохнул и выдохнул, и новые волны напряжения исказили его лицо. Полуприкрытые серые глаза оставались бесстрастны. Ивейн встала и приблизила ладони к плечам отца.

— Я ключ, открывающий любые двери,— произнесла она. Камбер видел ее отраженной в хрустальном шаре. Огни свечи отбрасывали блики на локти и тени на плечи и лицо. В его сознании, слившемся с личностью Райса, сам собой зазвучал ответ зятя:

— Я единственный замок, открывающий доступ к свету.

— Я свеча, горящая в ночи,— продолжала Ивейн.

— Я лоза, дающая жизнь огню.

Они произносили слова литании, а Камбер двигался в недрах своего мозга по нехоженным путям. Ему редко приходилось забираться так глубоко, но предстояло дальнейшее погружение. Он почувствовал, как Ивейн нагнулась, взяла хрустальный шар, более не нужный, и спрятала его под рясой. Пальцы при этом продолжали сжимать пустоту, а руки — держать шар у груди, и Ивейн осторожно убрала их на колени. Отец, казалось, уже утратил способность реагировать.

— Я свет, идущий от звезд,— прошептала Ивейн,— и наполняющий чашу сознания.— Она оперлась руками о кресло и загнула ему в глаза.

— Я сосуд, открывающий мою волю,— почти беззвучно прошепестал Камбер.— Я поворачиваю ключ, поджигаю лозу и... наполняю.

Его глаза оставались открытыми, а мозг кое-как, но воспринимал происходившее вокруг, правда, теперь почти все поле зрения закрыла синяя ряса Ивейн. Он слышал ее ровное дыхание, но все остальные звуки казались очень от-

даленными. Даже движения дочери казались совершенно беззвучными — шороха одежды Камбер уже не слышал.

— Теперь ты стоишь на краю,— уловил он мысли Ивейн.— Пусть все воспоминания нальются в тебя, оживи их. Каждое из них должно была прочитано, принято и должно стать частью тебя. Давай же. Мы позаботимся о твоей безопасности.

Камбер вдохнул глубоко и свободно, потом медленно выдохнул, его сознание продолжало путь в самое себя, он погружался в еще неизведанное безмолвие. Уже не оставалось сил смотреть, веки задрожали, опустились и застыли, теперь о телесном мире Камберу напоминало только его дыхание, доносившееся как бы со стороны. Он не почувствовал, что Ивейн отняла руку от его лба, а прикосновение Райса перестал ощущать уже давно.

Надо идти... Надо идти...

Камбер, подчиненный естественному ходу вещей, почувствовал, как поток чужеродных воспоминаний накрывает его мозг. Часть его существа поразил страх, но другой частью он осознал, что не должен уклоняться. Отказываясь от защиты и сопротивления, он расторг последние узы и дал этому случиться. В то же мгновение сознание наполнилось роем чужих мыслей.

Солнечный свет. Тепло и пьянящий запах летнего поля. Глаза Элистера упивались зелеными, золотыми и розовыми оттенками летней растительности; высокой травой, тучной почвой и сотнями цветов. Под его босыми ногами расстился ковер из полевых цветов — белых, розовых, лиловых. Подобрал свою синюю рясу, он переходил прохладный ручей по отшлифованным водой камням. Он был еще совсем молод, таким его Камбер Мак-Рори никогда не знал. На целый час он отказался от своих занятий, чтобы насладиться радостями простой жизни.

Он зарылся в сочный клевер и лежал среди цветов, щеко-тавших уши, потом сорвал один и начал высасывать сладкий сок из стебля, наблюдая, как на лазурном небе меняются облачные фигуры. В поле его зрения попал кузнечик. Он лениво приподнял руку, чтобы насекомое заползло на его большой палец. Легкое щекотание лапок и усиков кузнечика, самые разнообразные оттенки цветов — все это было до боли прекрасно.

Вдруг все оборвалось.

Теперь он был немного старше, недавно принявший сан священник помогал своим братьям убирать алтарь в Челтхеме. В луче прозрачного солнечного света плавали пылинки. Даже отбеленные ткани, которые он с братьями пе-

ретряхивал и укладывал на гладкий камень алтаря, пахли солнечным светом.

Натирая вырезанную из дуба статую Михаила, он вдыхал терпкий аромат кедрового масла. Он вдохнул знакомый запах, а, выдохнув, оказался в темноте.

Какой ужас! Каким-то образом он понял, что лежит на кровати один в своей келье, но в то же время он боролся с кем-то или с чем-то, что душило его! Его ночной кошмар все сильнее сдавливал горло, мешая дышать. Он знал, что на руках его врага когти, способные вырвать и жизнь, и душу из него. Он метался, отчаянно пытаясь освободиться, проснуться, одолеть врага, спасти себе жизнь!

Неожиданно наступила темнота, и он больше не метался в постели, борясь за жизнь, хотя по-прежнему часто дышал.

Теперь он уже совсем взрослый человек, настоятель Ордена святого Михаила, В написанном его рукой листке имени возможных преемников. Список содержит десять имен.

Элистер — на коленях возле камина, подносит пергамент к огню, чувствуя, что Джебедея расположился рядом. Когда бумага занялась, он бросает ее в камин и поднимается, дружески опираясь на плечо Джебедея. Ему спокойно и уютно...

И немного не по себе. Перед ним на коленях стоит монах-послушник, молодой человек, одаренный чрезвычайно тонкой интуицией, необычной даже для Дерини, за исключением немногих Целителей.

В своем кресле настоятелю Элистеру легко вести себя, повинаясь внутреннему голосу. Он может придумать что-то такое, что может навсегда нейтрализовать таланты этого юноши, сделав его самым обычным монахом, похожим на десятки его товарищей. Юноша смотрел на него со слепым доверием, и Элистер знал: стоит ему только приказать, и тот охотно откажется от стремления возвысить свой талант.

Обеспечение правильного обучения в Ордене и направление этого таланта было делом куда более сложным, требовало большего времени и его личного участия. Отважится ли он принять подобное решение?

Вспышка. Снова перемена места и времени.

Сейчас он рыцарь-новичок, принимающий свой освященный меч от давно умершего наставника. Еще один скачок, всего год назад. Он осматривает незначительные раны, полученные одним из его людей в бою в центральной башне, Синхил, только что провозглашенный королем, смотрит на него в удивлении.

Теперь воспоминания приходили быстрее, они стали короче, но ярче. На мгновение появилась поляна в лесу, в равной степени знакомая Камберу и тому, в чьей памяти он пребывал, и он пропустил это воспоминание.

Камбер ощущал свое тело так же отчетливо, как и то, другое, чувствовал, как его легкие заполняются до половины, а сердце бьется в немыслимо медленном ритме. Он просто вручил себя заботам Райса. Перед глазами появилась следующая картина.

Он, еще совсем юный Элистер, упражняется с мечом, стараясь во время выпада подхватить с земли клочок бумаги. Молодым человеком, он вскакивает на крупного боевого коня и берет барьеры в открытом поле, за ним следуют еще пять всадников.

В ту же ночь он и еще один рыцарь скользят по вражескому лагерю, укрываясь в тени, и это вовсе не тренировка. Во рту появился сухой металлический привкус, его жертвой должен стать Дерини, и жестокая радость наполнила тело, бесшумно крадущееся в ночи...

Он сидит у потайного ночного костра вместе с Джебедией и двумя другими рыцарями. В ноздри забивается приторно-сладкий запах подогретого вина. Ощущая покой и тишину ночи, он опирается о колено Джеба, задумчиво глядя на горящие поленья, постепенно превращающиеся в пепел. Все четверо разговаривают.

Внезапно его внимание было отвлечено от воспоминаний. Он почувствовал, как Райс старается загнать воздух в его легкие, а они сопротивляются.

В ушах стоял звон, в пальцах покалывало, Камбер чувствовал то, что казалось медленной, непрерывной барабанной дробью, уносившей его из грез Элистера. С трудом приподняв отяжелевшие веки, он понял, что стук исходил от двери и Джо-рем вопросительно переводил взгляд с него на Райса и дверь. Ивейн застыла возле мужа, раскрыв рот в удивлении. Райс, отстранившись, тревожно заглядывал в его глаза, желая убедиться, что его подопечный снова начал дышать.

У Камбера кружилась голова. Режущая боль пронзила глаза и затылок, когда он кашлянул и уселся потверже. Словно во сне, он услышал новый стук в дверь и знакомый, пугающий голос, называвший его теперешнее имя.

— Отец Келлен, мне можно войти?

Синхил.

Ценой немалых усилий Камбер заставил зрение служить себе и увидел Райса, чтобы прочесть на его ли-

це все свои опасения. Кому угодно можно было отказать в посещении без особых объяснений, но Синхил будет настаивать, пока его прихоть не исполнится.

Камбер сидел в кресле в обличье того, кого считали мертвым. Именно сейчас все могло открыться. Нет, это не могло быть концом!

Усилием воли он собрал все силы, знаком приказал Джорему и Ивейн спрятаться в молельне, как они договорились заранее. Простое движение едва удалось ему — рука казалось тяжелее свинца. Потом Камбер проговорил, обращаясь к Райсу:

— Я был очень слаб, ты беспокоился о том, что я изнемогаю в борьбе с темными силами Эриеллы. Сейчас я попробую вернуть внешность Элистера и постараюсь удержаться.

Райс хотел возразить, но превращение уже началось. При этом Камбер старался сохранить в себе и поток воспоминаний Келлена. Он не ведал, сколько выдержит мозг в таком перенапряжении, но должен был попробовать. Снова открыв глаза, он за открытой дверью молельни увидел Ивейн, ничком распростершуюся перед алтарем. Рядом со склоненной золотистой головой стоял Джорем. Райс направился к двери. Оторвав взгляд от изменившегося Камбера, он положил руки на засов и снял преграды. Промедление длилось не более полминуты.

Оставалось только вновь закрыть глаза и надеяться на лучшее.

— Отец Элистер? — Синхил осекся, увидев у двери Райса, а Дуалта виновато кивнул из-за королевской спины.

— Прошу прощения, милорд. Я объяснял Его Величеству, что настоятель занят.

— Ты сказал, что это всего лишь дисциплинарный вопрос, — возразил Синхил, тщетно пытаясь заглянуть в комнату через плечо Райса. — Мне нужно говорить с ним, Райс. Где он?

Райс стоял на пороге, опираясь на косяк, — рука прямо на уровне королевских глаз. Синхилу так и не удалось ничего рассмотреть.

— Спасибо, Дуалта, — пробурчал Райс. — Ваше Величество. Элистер не готов принять еще одного посетителя. Мне не стоило впускать и Джорема. Викарий очень устал. Я готовил его ко сну.

В серых глазах Халдейна блеснула тревога. Отстранив Райса, Синхил увидел склоненную седую макушку над высокой спинкой кресла. Райс отстал, не сумев остановить короля и не поспевая за ним.

Не зная, что делать, Дуалта топтался у порога; по знаку Джорема, появившегося из молельни, он запер

дверь, и теперь его живые глаза с любопытством следили за королем и Целителем.

— Сир, он то и дело теряет сознание,— произнес Райс.— Возможно, к утру все образуется, если ему хорошенько выспаться, главное сейчас — отдых.— Когда Синхил наклонился к неподвижной фигуре, Райс не смел идохнуть.

Камберу удалось полностью вернуть облик Элистера, но теперь он действительно был в обмороке. Райс поспешно опустился на колени и схватил запястье Камбера, не решаясь смотреть на Синхила.

— Не понимаю. Что происходит? — тихо и с испугом спросил король.— Еще ни разу со дня нашего возвращения он не был так слаб.

— Он заплатил великую цену за вашу безопасность, Ваше Величество,— сказал Джорем, возникший рядом.— Не желая беспокоить вас, он никогда не рассказал бы этого сам, но победа над Эриеллой дорого обошлась ему. Я был там. И знаю.

Взглянув на посуровевшее лицо Джорема, Синхил неловко опустил глаза.

— Я чувствовал, что-то изменилось, чувствовал ещё с той ночи. Но мне казалось, что он просто истощен и скоро поправится.

— Он часто бредит,— прошептал Райс.— Мысленно он все еще сражается с ней. Это не было простым убийством.

Он взял слабую руку Камбера, прижал ее ко лбу, закрыл глаза и попытался передать энергию по этой связи.

— Держитесь, отец! — он так тихо говорил, что Синхил едва мог слышать это.— Боритесь! О, Боже! Дай ему сил!

Когда веки Камбера задрожали, Джорем тоже опустился на колени, перекрестился отяжелевшей рукой, потом взял в ладони другую руку Камбера и склонил голову, словно между ним и Райсом тоже существовала связь.

Синхил, открывшись волнам психической энергии, веявшим вокруг, резко пошатнулся и ухватился за кресло, Дуалта бросился к нему и подхватил под руку. Король не разбирался в подробностях происходящего, но чувствовал эмоциональный ток огромной силы. Ни он, ни Дуалта не замечали неприметного испуганного монаха в дверях молельни.

Камбер медленно возвращался к жизни, ощущая, как его наполняют целительные силы. Поток воспоминаний Элистера пришлось прервать, и за сохранение обличья теперь можно было не волноваться. К прерванному действию придется вернуться позже. Будет ли управляема передача памяти? Кто знает. А в сознании вновь усилилось давление.

Держись. Еще... еще,— твердил он себе, не зная, возможно ли это, но понимая, что должен ослабить давление, иначе потеряет все.

Испробуй хотя бы одно... легче... легче...

Он был в классической школе в аббатстве святого Неота. Ему было пятнадцать, и он был наиболее многообещающим из своей группы. Когда он поднялся, чтобы отвечать урок, он почувствовал восторженный взгляд отца Эльрика. Он знал, что овладел всем, чему добрым гавриилитам было дозволено обучить его. Он провел в послушании около двух лет, именно столько было позволено тому, кто не собирается вступать в Орден святого Гавриила. Летом он отправится в Челтхем для дальнейшего обучения под наставничеством михайлинцев. Если на то будет воля Божья, через несколько лет его произведут в рыцари и посвятят. Ну вот, это было не так уж и трудно. Попробуй еще одно. Впусти его.

Он был ранен, хотя боли не чувствовал. Он знал, что раны были тяжелыми и, возможно, смертельными, но знал и то, что не умрет, не выполнив своего предназначения. В этой битве Зло не устоит против него, потому что он будет сражаться на стороне Света.

О, Боже, он оживил воспоминания о последней битве Элистера с Эриеллой!

Он почувствовал сталь меча на своем бедре, рассеченную кольчугу и ткань одежды, но продолжал бороться. Одна его часть была готова отступить, избежать рокового столкновения любой ценой, но победа над сторонниками Эриеллы придавала силы израненному телу, взбадривая и заставляя забыть о боли. Один из людей Эриеллы погиб от его меча, потом другой.

То, что он переживал сейчас как Камбер и как Элистер высшую точку своей борьбы, витало в воздухе, открытое для восприятия тех, кто умел разбираться в этом.

Райс почувствовал это и еще сильнее сжал руку своего наставника, отдавая ему энергию, так необходимую в этой борьбе.

Джорем делился своими силами, положив руки на колени отца, под видом молитвы против дьявольских сил. Голова его склонялась, он черпал энергию в самой глубине своего существа.

Синхилу было не по себе от всего этого. Безнадежны были все попытки понять недоступное уму и прежде невиданное. Не отрывая глаз от дрожащего Элистера Келлена, он упал на колени.

Ни король, ни окаменевший Дуалта не ведали о роли маленького монаха в происходящем. Он, менее всех заметный, стоял в дверях молельни, сложив руки в молитве и беззвучно шептал слова литании.

— Я ключ...
— Я замок...— удалось ответить Камберу.
— Свеча в ночи...— послала ему Ивейн.
— Лоза, дающая жизнь огню...
— Я Свет,— последовали слова Ивейн.— Да будет так!
— Сосуд,— слабо откликнулся Камбер.— Ключ... Лоза... Я на-
полняю...

Пути, пройденные сегодня, снова открывались в его мозгу, только медленнее — часть сознания следила за сохранением облика Элистера, тем не менее образы памяти вновь протекали через его сознание. Воспоминания короткие, мимолетные, не требующие осмысления, они проскальзывали в его память и становились частицами его личности.

Он склонился над ярко разрисованной картой, вокруг только что посвященные михайлинские рыцари, с одобрением слушает рассказ одного из самых толковых — молодого светловолосого священника Джорема, объясняющего стратегию возможного нападения...

Дхасса, святой город, столица принца-епископа Рэймонда, его дяди по материнской линии, возлагавшего руки на его голову во время посвящения, когда его родители с гордостью наблюдали за церемонией...

Вот он снова ребенок, шумно играющий с другими мальчиками из школы аббатства святого Лиама. Торопливо семечит худыми ногами под синим форменным стихарем, который обязательно носил каждый мальчик, собиравшийся он стать служителем церкви или нет...

Огромный скачок во времени, и он снова стал настоятелем михайлинцев, явившимся в церемонном приветствии перед высоким золотоволосым лордом-Дерини, похожим на повзрослевшего и возмужавшего того, дорогого его сердцу молодого священника.

Позже, много позже. Он в полном вооружении на страже перед дверью потайной часовни. Женщина, Целитель и все тот же благородный лорд-Дерини приближаются, сопровождая человека с затуманенным взором, уже не священника и еще не короля. Он чувствовал холод меча в своей затянутой в перчатку руке, пропуская их в дверь, и с уважением склонил голову. Он знал и не знал одновременно, что еще случилось в ту ночь, потому что сейчас раздвоился, смотрел на эту дверь и воспринимал ее двумя тесно переплетенными сознаниями.

Резкая боль, хруст костей в его боку, и он снова был в Йо-мейре. Его могучий боевой конь метался из стороны в сторону, калеча и убивая людей Эриеллы кованными

сталью копытами. Лошадь под ним заржала и упала замертво, а сам он ранен в бедро, ему удалось успеть выбраться и вспороть живот еще одному из рыцарей Эриеллы. Вокруг умирали михайлинцы и люди Эриеллы. И вот он остался один, лицом к лицу с безобидным на вид врагом. Он в отдалении, между ними пространство, залитое кровью,— поляна.

Он чувствовал боль. Горячка схватки больше не отвлекала. Он сознавал, что самое худшее — впереди. Шатаясь, стоял на пути Эриеллы к свободе и сжимал меч.словно во сне, он увидел; она направила к нему своего жеребца. Разящие подковы над его головой, удар в лошадиное брюхо, тепло внутренностей, пустое седло. Он вылезает из-под сраженного коня и видит Эриеллу творящей заклинание смерти.

Простая и ясная мысль приходит — твоя смерть близка. Вместе с кровью, сочащейся из дюжины ран на теле, уходят силы. Собрав их остатки, он подносит меч к дрожащим губам, поцелуем передавая свою решимость и последнюю волю.

Меч вылетел из его руки, посланный в ее сердце, он чувствует, что падает, его тело и душа погружаются в непроглядную темноту...

Другая часть его существа сознавала происходящее вокруг, хотя и слабо, но не собиралась сдаваться. Он не мог заставить свое тело подчиняться, весь в тумане чужой памяти, и понимал, что он — Камбер и должен сохранять свою маску.

Этому были отданы все силы. Дыхание прервалось. Стоило вновь привести легкие в движение, как чужие черты могли сползти с его лица.

Потом появился Райс, затем Джорем, Они не дадут умереть, но почему так важно удержат маску, что вынуждает к этому? Камбер никак не мог вспомнить. Еще немного, и он потеряет контроль над собой, необходимо что-то предпринять... Восприятие памяти так и не закончено. Только полегче стало голове после оживления образов последнего боя Элистера, давление не так сильно.

Камбер почувствовал рядом какое-то движение и догадался, что решение уже было принято. Он понял, что его тело тащат на пол, на мягкий ковер, почувствовал решительное прикосновение рук, массирующих затылок, хлопоты Райса, снова вдувавшего жизнь в его легкие. Сердце забилося сильнее, подгоняя кислород к истощенному мозгу, но такой ритм не мог быть задан надолго. Райс понимал это, и в следующий момент Джорем занял его место, чтобы Целитель полностью сосредоточился на замедлении биения сердца.

Камбер чувствовал на себе чей-то взгляд, но открыть глаза и оглядеться было для него непосильной задачей.

Потом он различил внутри себя присутствие Ивейн. Она по-прежнему стояла у входа в молельню, положив руки на косяк. Его дочь обращается к сознанию кого-то в этой комнате, и это он почему-то чувствовал очень определенно. А потом раздался молодой голос, он был явно знаком, но его владельца вспомнить не удалось.

— О, Господи, если бы Камбер был здесь! — кричал этот голос.— О, Господи, Камбер мог бы спасти настоятеля!

Едва живой, Камбер не стал вдумываться в смысла этих слов. Он так толком никогда и не вспомнил всего дальнейшего. Уловив поддержку Ивейн, он изо всех сил заставлял тело вернуться к жизни, приказывая себе дышать раз, другой, третий. Джорема обрадовали благотворные перемены, происходившие прямо на глазах, но вскоре до него дошла суть изменений, а радость сменилась паническим ужасом.

На лице отца прежняя маска Элистера таяла, уступая место чертам Камбера.

Райс увидел это одновременно с Джоремом, но не позволил испугу взять верх над хладнокровием Целителя. У него оставался единственный шанс на то, что удастся устранить причиненный вред и вернуть Камбера к нормальной жизни. Он закрыл глаза и взмолился об удаче.

Когда перемены в лице Камбера сделались очевидны, Синхил стал еще бледнее, почти не чувствуя железной хватки Дуалты, в страхе глядевшего на то, что наделал он своими воплями.

Все это длилось лишь несколько секунд, но и того было вполне довольно. Достаточно для Райса, чтобы провести исцеление, и для Камбера, чтобы обрести контроль над собой, более чем достаточно для Дуалты, уверившегося до конца дней своих, что лицеизрел чудо, и для Синхила, решившего, что помешался.

Очень скоро на лицо вернулись знакомые черты Элистера Келлена, и он задышал медленно и ровно. Стоявший позади всех маленький монах уронил руки и в изнеможении упал на колени.

Когда память Элистера Келлена воссоединилась с его собственными воспоминаниями, Камберу явилось последнее видение; сложив руки на груди, Элистер стоит у окна своего кабинета в михайлинской крепости и смотрит, как угасает день. За спиной кто-то еще, которого хочется чувствовать рядом всегда, и его рука теперь по-дружески лежит на плече главы Ордена.

Это был Джебедея. Погружаясь в целительный сон, Камбер знал, что даже внешность Элистера Келлена не поможет ему сблизиться с Джебедией так, как сроднились между собой эти люди.

Когда Камбер заснул, Райс шумно и прерывисто вздохнул, опустился на колени и от усталости оперся руками о пол. Джорем отпрянул от отца, спрятал лицо в ладонях и скорчился на полу, заливаясь слезами.

В воцарившейся тишине Синхил громко глотнул, перевел взгляд с Целителя на священника, а потом, словно спохватившись, на бледного как полотно Дуалту.

— Все... — Ему снова пришлось сглотнуть слюну. — Все остальные тоже видели то, что показалось мне?

— Да будет благословенно имя Господне! — прошептал Дуалта. Он перекрестился и набожно сложил руки. — Он послал Камбера помочь нам! Господь послал Камбера, чтобы спасти слугу Своего Элистера!

Райс заметил, что после сделанного Дуалтой заключения плечи Джорема перестали подрагивать, но больше всего его интересовала реакция Синхила. Неуверенно взглянув на короля, он увидел, что лицо его окаменело в борьбе человека веры, готового принять чудо, с другим — практического склада и даже циничным.

Уклоняясь от ответа на щекотливый вопрос, Райс склонился к спящему и коснулся его лба — о состоянии Камбера в самом деле не следовало забывать. Ссылка на вмешательство свыше неудачна, но даже такое толкование все же лучше, чем истина. Уж лучше солгать в малом и не путаться потом в нагромождениях новой лжи. Никак нельзя, чтобы Синхилу пришлось в голову, будто он видел в кресле перед собой настоящего живого Камбера.

— Кажется, теперь он вне опасности, — удалось выдавить Райсу. — Не могу объяснить происшедшего. Вы все лучше меня понимаете в этом. Но знаю точно — он выдержал жестокую битву внутри самого себя, и некий источник наполнил его силами для победы.

— От Камбера? — шепнул Синхил. Райс пригладил серо-золотистые волосы на лбу спящего и пожал плечами.

— Может быть. Не мне давать ответ на этот вопрос.

Последние слова Райса были чистой правдой. Король выпрямился и, отвернувшись, провел рукой по глазам, словно убеждаясь, что чувства не обманули его. Слишком

398 поздно Райс обратил внимание на Ивейн, она по-

прежнему оставалась в комнате. Синхил не мог не заметить ее и наверняка станет спрашивать о случившемся.

Он поспешно взглянул на Джорема, но священник оставался недвижим возле спящего Камбера, лицо скрывалось в ладонях. Лица Ивейн тоже было не разглядеть, так низко она опустила голову под надвинутым капюшоном.

Синхил застыл, только что заметив присутствие в комнате еще одной персоны, и стоял так несколько секунд, плотно прижав руки к бокам. Райс затаил дыхание, когда Синхил приближался к Ивейн,— даже не прибегая к помощи своих Деринийских способностей, он знал о мыслях короля.

— Райс, кто этот монах? — Синхил остановился и кивнул на согбенную фигуру.

Райс отвечал со всей мыслимой немощью, надеясь, что страдание перевесит королевскую настойчивость.

— Джорем говорил, его зовут брат Джон. Он явился сюда по какому-то дисциплинарному вопросу. Элистер позвал его.

— И он был здесь всеэто время? — допытывался Синхил.

— Думаю, да. Честно говоря, я совсем забыл о нем.

Райс молился, чтобы Синхил оставил этот разговор, хотя знал, что это несбыточная надежда. Синхил снова повернулся к брату Джону и в раздумье посмотрел под ноги.

— Брат Джон, вы видели, что случилось?

Плечи Ивейн чуть заметно напряглись. Она колебалась всего мгновение, потом склонилась в ритуальном поклоне и поглубже упрятала руки в рукава.

— Ваша милость, я всего лишь невежественный монах,— пробормотала она глухим голосом,— Я не обучался...

— Этому не нужно обучаться,— фыркнул Синхил и принял-ся вышагивать из стороны в сторону.— Скажи только, что ты видел. И смотри на меня, когда я говорю с тобой!

ГЛАВА XII

**Для немощных был как немощный,
чтобы приобрести немощных.
Для всех я сделался всем,
чтобы спасти по крайней мере
некоторых.¹**

Король стоял спиной к Райсу, а потому не мог видеть, как искажилось от ужаса лицо Целителя. Не заметил он и того, как вскинул голову и едва не вскочил на ноги Джорем. Дуалта также с любопытством уставился на монашка, а потому не обратил внимания на странную реакцию двоих Дерини.

Так что Синхил не заподозрил неладного, когда монах поднял на него темноглазое лицо, юное, но уже обреченное бородкой, непохожее ни на одно лицо, знакомое правителю. Невинным взором окинув короля, монах тут же вновь опустил ресницы и задумчиво зажевал тонкими губами — совсем не похожими на губы Ивейн. А когда он наконец заговорил, голос его также оказался совершенно чужим:

— Как прикажете, Ваше Величество. Мне и впрямь показалось, что в комнате был кто-то еще.

Монах замолк в нерешительности, но Синхил подскочил к нему с горящими глазами и впился в плечо.

— Кто-то другой! Ну же, парень! Кто это был?

— Это... был он, сир. Его тень легла на лицо настоятеля.

— Имя,— угрожающе прохрипел Синхил.— Назови мне его имя!

Монах стиснул руки под синей тканью рясы, черные глаза украдкой взглянули на короля.

— Мне... мне почудилось, что это был лорд Камбер, сир. Он умер, это правда, но я видел его! Я слышал, что избранные Господом порой возвращаются, чтобы помочь достойным, но прошу вас, государь, вы причиняете мне боль!

Синхил выпустил руку монаха, усиленно моргая остеклевшими глазами. Душевное напряжение слетело с него, будто лопнула внутри туго натянутая струна, и король забормотал извинения. Монах опустил голову и ничего не ответил. С минуту Синхил разглядывал собственную руку, возвращаясь к реальности, потом медленно повернулся к Райсу и Джорему.

— Я должен... уйти и подумать обо всем этом,— сбивчиво проговорил он, больше не поднимая глаз.— Этого не может быть, и все же...

Король все еще не мог оправиться от потрясения.

— Передайте, пожалуйста, отцу Келлену, что я поговорю с ним позднее, когда он окрепнет,— продолжал он резко.— И мне хотелось бы, чтобы все молчали о том, что здесь случилось, до тех пор, пока не осмыслим все хорошенько. Если бы только...

Сокрушенно махнув рукой, он развернулся и вышел. Дверь хлопнула, и у всех отлегло от сердца.

Дуалта опустился на колени и посмотрел на руки, белые и обескровленные от слишком долгого и слишком сильного напряжения мышц, потом перевел боязливый взгляд на Райса и Джорема.

— Отец Джорем, я не понимаю.

— Знаю, Дуалта,— прошептал Джорем, уставясь на собственные руки.

— Но я должен с кем-нибудь поговорить об этом,— настаивал Дуалта.— Это... это было чудо! Это нельзя рассказать даже исповеднику?

Джорем вздрогнул, он не мог взглянуть на рыцаря.

— Можно, если этот исповедник — я, Дуалта. Король прав. Мы не должны болтать, не обдумав этого как следует.— Он заставил себя посмотреть на молодого человека.— Согласен?

— Вы будете исповедовать меня? Конечно же, если так нужно. Но... это действительно был ваш отец! Я видел!

Джорем на мгновение зажмурился, вздохнул и поднялся на ноги с трудом, по-стариковски. Юный рыцарь тоже поднялся. Джорем слегка коснулся его плеча и тут же проник в сознание Дуалты.

— Никто не оспаривает того, что ты увидел,— устало сказал он.— Только не говори об этом. Молчи до тех пор, пока не получишь моего разрешения. Ты понял?

— Да, отец,— выдохнул Дуалта, не поднимая глаз.

— Благодарю,— Джорем убрал руку — Теперь тебе пора идти. Отцу настоятельно необходим отдых, как, впрочем, и нам. Можешь разбудить лорда Иллана и сообщить, что Райс разрешил тебе не дежурить остаток ночи. Должно быть, ты порядком утомился.

Услышав эту бесстыдную ложь, Дуалта оглянулся на Райса и собрался возразить, но Райс, сидевший на полу, привалившись спиной к ножкам кресла, утвердительно кивнул, пристально поглядев на юношу своими золотистыми глазами.

— Джорем прав, Дуалта. Мы все устали. Может быть, ты просто не заметил этого. Скоро поймешь.— Веки рыцаря послушно опустились, и он покачнулся, одолеваемый зевотой.

— Попроси Иллана сменить тебя и иди спать,— приказал Райс.

Пролепетав согласие и поклонившись, Дуалта повернулся и побрел к выходу. Джорем и Райс терпеливо ожидали, пока дверь закроется, потом один поспешно задвинул засов, а другой очутился возле стоящего на коленях монаха и стиснул плечо под михайлинской рясой.

Ивейн подняла к нему осунувшееся, но свое прежнее лицо.

— Как ты? — озабоченно спросил Райс.

Успокоительно вздохнув, она ухватила руками за его пояс, поднялась и прижалась к мужу с загадочной улыбкой а устах.

— А как ты? — вопросом на вопрос ответила она.— И отец?

Ивейн отстранилась и посмотрела на Райса. Джорем, приблизившись, жадно припал к ее руке, словно искал подтверждения тому, что перед ним в самом деле его сестра.

— Ты изменила облик,— сказал он с упреком.— Как?

— Сумела.— Она подошла к спящему Камберу и опустилась на колени, Райс последовал за ней.— Когда мы с Райсом прошлой ночью изучали манускрипт, мы прочли и об этом. Мне казалось, будет лучше, если мы хоть немного будем разбираться в том, что делает отец. Признаться, никогда бы не подумала, что придется испытать это на себе.

Райс склонился над Камбером, Джорем хмурился. Только когда Целитель закончил осмотр, он подал голос.

— Ты сознаешь, что она проделала, не так ли?

— Изменила облик? Не думаю, что это принесет вред. Да и не оставалось иного выхода. Коли призна-

ваться в обмане, то уж никак не во время беспамятства и полной немощи Камбера.

Джорем сел в кресло и бережно опустил руки на подлокотники.

— Дело не в этом. Дуалта считает, что видел чудо. Церковь сурова и строга в таких вопросах. А Синхил... Одному Богу известно, о чем он думает!

Ивейн удивили слова брата.

— И это тебя смущает? Пусть лучше поверят в чудо, чем узнают правду! Райс прав. Это невероятное происшествие и только. Что тут плохого?

— Думаю, мы и это узнаем,— больше не спорил Джорем. Он положил голову на спинку кресла и закрыл глаза.— Интересно, вспомнит ли об этом отец, а вот Синхил, можете мне поверить, не забудет вовек.

* * *

В том же архиепископском дворце возбужденный и перепуганный Синхил вошел в часовню, миновал неф и приблизился к гробу графа Кулдского, освещенному мигающими свечами. По углам саркофага, спиной к нему, стояли четыре королевских гвардейца, прижимая к бокам алебарды и скорбно потупя глаза. Они заметили короля, но остались неподвижны. В воздухе, пропитанном ладаном, витал полусшепот псаломщиков — два десятка монахов читали на хорах. Все прочее было безмолвно и неподвижно в просторной часовне. Синхил с каждым шагом становился медлительнее — ноги подгибались под тяжестью ноши, которая свалилась на него. Возле громоздкого саркофага, принимавшего тела королей Гвиннеда, он остановился и осмотрел Камбера с ног до головы, проникаясь мрачной красотой погребального убранства.

В неверном свете поблескивал златотканый герб Мак-Рори — древний меч в короне Кулди. Над черным бархатом покрывала синела михайлинская риза, скрывавшая даже часть шеи покойного. В окоченевшие руки было вложено распятие из красного дерева и слоновой кости. На пальце левой руки поблескивал перстень-печатка графов Кулдских, чеканное серебро отражало пламя свечей цветными бликами.

Синхил всмотрелся в такое знакомое лицо, ухватился за край гроба и долго-долго не отрывал взгляда. Смутно он чувствовал заклинание, невидимым облаком окутывавшее тело и препятствующее тлению. Но он не знал о дру-

гом его назначении, понятном немногим посвященным,— скрывать йомейрское заклатье.

— Чего ты хочешь от меня,— безмолвно вопрошал король, впиваясь взглядом в благородные черты.— Ты умер. Почему бы тебе не остаться мертвым?

Восковые губы не давали ответа, и Синхил опустил глаза, переполнившиеся злыми слезами.

— Ты не смеешь возвращаться,— упрямо думал он,— ты мертв. Неужели недостаточно того, что ты уже совершил

В душу Синхила ворвалось бормотание монахов. Король подавил всхлип, упал на колени и прижался дрожащим подбородком к побелевшей руке.

— О, Господи,— думал он — Ты позволил ему отнять у меня смысл жизни. Ты позволил ему забрать меня из Твоего храма. Теперь он ушел, но по-прежнему не даст мне служить Тебе. Неужели он никогда не даст мне покоя?

Он поднял заплаканные глаза на спокойный профиль Камбера. Ответа не было. Так прошло около часа; стража пришла в недоумение, а монахи на хорах сгорали от любопытства. Король наконец понял, что сделался средоточием всеобщего внимания в своих безнадежных исканиях, поднялся с затекших колен и склонился перед алтарем. На душе у него было пусто.

Синхил вернулся в свои апартаменты в центральной башне, но сон не шел к нему.

* * *

Вероятно, после ночного инцидента лучше всех спалось Камберу. Проснувшись на следующее утро, он обнаружил в кресле по соседству Райса, свернувшегося под пледом, и никаких следов Джорема и Ивейн. Судя по свету за окном, только что рассвело.

Несколько минут он лежал, собираясь с силами, и в конце концов остался совершенно удовлетворен собой. Исчезла головная боль, в теле не было ни вялости, ни иных недомоганий, вполне вероятных после всех событий последнего времени.

Обличье Элистера не причиняло никаких неудобств и казалось давно привычным. Камбер помнил о некоторых затруднениях с самоконтролем прошлой ночью, было и еще что-то, но совершенно скрывалось во мгле беспамьятства. В любом случае, это не могло быть серьезной промашкой, иначе ему сейчас не было бы так спокойно. Все же ему надо будет обо всем расспросить Райса и Джорема.

Успокоенный, он зевнул и осторожно поджал ноги под одеялом и выпростал из-под него странную, но знакомую руку, растопырил пальцы и удовлетворенно оглядел их со всех сторон. Можно с легким сердцем позабыть о нервных перегрузках и физической опустошенности, теперь этот облик стал его плотью. На пальце сидел прохладный и чуть великоватый перстень Элистера.

Сейчас Камбер был равно уверен в надежности принятого облика и в том, что память Элистера нашла свое место среди его воспоминаний. Погрузившись в глубины сознания, он ощутил память Элистера как свою.

Откровенно говоря, в принятых воспоминаниях были проблемы. Впервые проникнув в умирающий мозг Элистера, он узнал, что многое уже ушло, обрел больше, чем рассчитывал. С тем, что досталось, вполне можно сделаться Элистером, только о деталях не забывать. Образы памяти подсказывали и манеры поведения, повинуюсь им, он безотчетно будет смеяться и гневаться, как Келлен, так же, как он, ходить и жестикулировать.

Камбер повернул голову и снова посмотрел на Райса (не было нужды будить его прямо сейчас), потом медленно сел и свесил ноги, касаясь босыми ступнями расстеленной у кровати шкуры. Помедлил, убеждаясь в том, что на его новое тело действительно можно положиться, потом нагнулся к Райсу и принялся внимательно разглядывать его.

В кресле было не слишком удобно, но Целитель спал крепко. Под глазами темнели круги, а все краски жизни, покинув заросшее щетиной лицо, горели в огненно-рыжих волосах.

Улыбнувшись, Камбер коснулся лба Райса, и углубил его сон, потом поднялся, осторожно просунул руки под расслабленное тело и уложил зятя на только что освободившуюся кровать. Накрыв Райса одеялом, он, не обуваясь, отправился в гардеробную, откуда появился в сутане цвета полночного неба. Утренний туалет был совершен всего за несколько минут — до того, как придут помогать облачиться к похоронам, назначенным на полдень, нужно было много успеть.

Теперь по крайней мере известны выбранные Элистером кандидаты на пост настоятеля михайлинцев, думал он, усаживаясь за письменный стол. Забота о будущем Ордена — вот чему теперь должны быть отданы все помыслы.

Взяв лист пергамента из стопки, он обмакивал выдавшее виды перо в чернильницу. Непринужденно воспроизводя почерк Элистера, рука вывела список претендентов, в котором, кроме Джебедея, значилось еще два имени.

Отложив этот лист в сторону, Камбер лишний раз убедился, что не пропустил нужного и не вписал лишнего имени. Полчасом позже он встал из-за стола и, захватив оба листа, направился к выходу.

Прямо напротив двери стоял, прислонившись к стене, Дуалта и беседовал с камердинером Элистера братом Йоханнесом. Оба умолкли, едва Камбер ступил на порог, и воззрились на него. Оба были в синих одеждах Ордена. На плече Дуалты виднелся знак, а у Йоханнеса — серебряный крест, означавший его принадлежность к мирянам. Обоих смутило появление Камбера.

— Вы так рано пробудились, отец настоятель,— виновато произнес Дуалта.

Камбер справился с желанием удивленно поднять бровь — он не ожидал застать здесь юного рыцаря. Присутствие Йоханнеса понятно — перед церемонией он ждал своего патрона, чтобы проводить в собор, Камберу были известны отношения Элистера и Йоханнеса, знал он и то, как продолжить общение с камердинером.

Но Дуалта... Разве не он дежурил прошлой ночью? Что-то связано с ним... Кажется, Дуалта прошлой ночью входил к нему, он был с Синхилом... Что происходило потом, Камбер не помнил. Что же успел увидеть Дуалта?

— Доброе утро, господа,— сказал Камбер приветливо, но сдержанно.— Йоханнес, мне не доставало твоей помощи. Дуалта, ты пробыл на посту не до утра? Признаться, мне неведома большая часть событий минувшей ночи, но отец Джоресм наверняка не стал бы обременять тебя сверх меры и задерживать в карауле, тем более до этих пор.

— Нет, сударь, не стал. Он велел передать лорду Иллану просьбу меня подменить, я так и сделал,— добавил он, опасаясь, что настоятель подумает, будто он не подчинился приказу.— Мне не спалось, сэр, поэтому я вернулся после заутрени. Я полагал, что могу понадобиться, прежде чем вы уйдете в собор.

Улыбнувшись улыбкой Элистера, Камбер похлопал юношу по плечу — совсем еще мальчик, куда моложе Джорема и Райса — и заговорщически подмигнул Йоханнесу.

— Совсем недавно в Ордене, а уже под стать остальным,— весело сказал он.— Вы все тратите слишком много времени и сил на беспокойство о вздорном старике.

— Отец настоятель! — воскликнул Йоханнес.

— О да, знаю, сейчас ты будешь отрицать это. Но 406 какая в этом польза? — он что-то слишком разгорячил-

ся.— Ладно, если хотите, можете помогать мне нынче утром. Йоханнес, сколько у нас времени?

В глазах Йоханнеса появилась озабоченность.

— Вы должны быть в соборе через час, настоятель. Можно спросить, что вы задумали?

— Времени вполне достаточно,— Камбер пропустил вопрос мимо ушей — Дуалта, я хочу, чтобы ты доставил эти бумаги наставнику с моими наилучшими пожеланиями. Ему предписывается собрать членов Ордена в здании капитула сегодня после похорон. Собрание будет посвящено статусу Ордена и выборам моего преемника. Архиепископа я уведомлю, когда буду облачаться для погребальной службы.

Он подал приказ, скрепленный личной печатью Элистера, а затем и второе послание, запечатанное синим сургучом.

— Это список тех, кого я хотел бы видеть на собрании в первую очередь. Передай Джебедии и это и попроси его убедиться, все ли извещены.

Рыцарь кивнул.

— Понял, отец настоятель.

— Хорошо. Теперь ты, Йоханнес.

— Да.

— Хочу спросить, не желаешь ли сегодня утром уделить свое время и способности еще кое-кому. Целитель за этой дверью, ночью он глаз не сомкнул из-за меня.— С грустной улыбкой он указал себе за спину.— Я хочу, чтобы он спал как можно дольше. В это время приготовь ему чистые одежды и извести его жену о том, где он находится. Передай ей мои сожаления по поводу их разлуки и заверь, что во время похорон они будут вместе. И разбуди его к нужному времени.

— А как же вы? — спросил Йоханнес.— Я думал помогать в ваших приготовлениях к мессе.

— Для этого годятся многие, добрый Йоханнес. Но лорда Райса я предпочитаю поручить твоим заботам.

Взяв слугу под локоть, Камбер ввел его в покои и остановился на пороге.

— Когда он проснется, скажи ему, что я чувствую себя хорошо, и объясни, куда я ушел. Полагаюсь на тебя. Доставь его в собор к сроку.

— Хорошо, отец,— неуверенно произнес Йоханнес.

Уходя по коридору, Камбер чувствовал взгляды обоих, но в них было только беспокойство и радость оттого, что их настоятель снова бодр.

Пока все шло отлично.

Теперь, когда он явится в собор раньше срока, у него будет время собраться с мыслями перед участием в церемонии погребения. Камбер понимал, что с этим ничего не поделаешь, и все же испытывал неловкость оттого, что ему придется выполнять священные обязанности Элистера.

* * *

После бессонной ночи Синхил был в скверном настроении, а суливший множество хлопот день и вовсе портил расположение духа.

Как и Камбер, король покинул постель с первыми лучами солнца.

Около часа он беспокойно бродил по комнате, погруженный в события предыдущего вечера. Потом, забывшись на время, кликнул слуг приготовить ванну. Пока его мыли и одевали, он не проронил ни слова. К десяти часам облаченный в черное — цвет был выбран для участия в траурной службе — король отпустил слуг и приступил к настоящим приготовлениям.

Он начал с исследования неопровержимых фактов. В полдень над мертвым телом Камбера Мак-Рори церковь совершит погребальный обряд, а завтра скорбящая семья увезет его, чтобы захоронить в родовых владениях. И все будет кончено. Так и было бы со всяким обыкновенным человеком.

Но Камбер не был обычным человеком. Он был Дерини. Но даже Дерини не могут противостоять смерти. Или могут?

Одолевая волну ледяной дрожи, Синхил опустился на сундук возле кровати и погладил полированную крышку, его сундук был по-прежнему на месте вместе со всем бесценным содержимым.

Мать-церковь допускала исключения. К живым являлись умершие, так бывало, но то были святые — они способны на чудеса. Минувшей ночью с Элистером Келленом произошло нечто. Это очевидная истина. Было ли превращение викария чудом? Кто показался им? Камбер?

Он не святой! Но вернулся из царства мертвых на помощь Элистеру и Бог знает зачем еще. Может, Камбер избран для покровительства Гвиннеду и короне? Господи, яви милосердие, избавь. А если он все-таки посланец к живущим, ему, постигшему тайну смерти, ведомы любые мирские тайны. Возможно, даже известно о заветном сундуке Синхила и его бунтарских помыслах. И от этого нет спасения

Нет! Он не должен думать так! Он недостижим для Камбера. Камбер мертв. И будет погребен. Он просто не может вернуться!

По лбу короля струился пот, он совершенно взмок. С усилием разжал руки, сжимавшие углы сундука, вытер лицо рукавом, тоскливо вздохнул, качая головой, и закрыл глаза.

Он слишком горячился, и разум обуздывал чувства. Какой смысл в слепой панике? Камбер мертв и больше не может приказывать ему. Пришло время похоронить воспоминания о нем.

Еще раз вздохнув, Синхил поднялся и твердой рукой поправил пояс. У стеклянного зеркала решительно надел оставленную слугам корону, однако избежал взгляда того, кто смотрел на него из-за стекла.

Несколькими минутами позже он присоединился к придворным, собиравшимся в замковом дворе, чтобы пройти четверть мили от замка до собора. Ему давно удалось через силу улыбнуться королеве. Под густой вуалью почти незаметны были следы слез на ее припухшем лице. И не стоило приглядываться — Синхил не в силах разорваться между супругой и Камбером и ни за что не одолееет обоих сразу.

К полудню собор принял под свой кров великое множество друзей и врагов графа Кулдского, его обожателей и ненавистников. Церемония началась точно в срок. Погребальную мессу служили три священника-Дерини: архиепископ Гвиннеда, друг детства Камбера; настоятель Ордена святого Михаила, когда-то бывший его недругом; и единственный сын покойного. Они творили службу в безупречной и строгой гармонии, не нарушая ее ни голосом, ни жестом.

Камбер, в относительной безопасности и покое под покровом чужого облика, молился о душе Элистера Келлена. Когда месса закончилась, все трое вернулись в уединение ризницы. Позволив ожидавшим клирикам освободить себя от облачения, Камбер скрылся в дальнем углу, прижимая руки к лицу. Он не хотел ничего видеть и не пытался унять глубокой дрожи.

Участие в церемонии не было в тягость, Службу вел Энском, а Камбер и Джорем только помогали. Для роли прислужника хватало с избытком суммы его собственных диаконских познаний и памяти Элистера. Нет, не это вызывало дрожь. Камбер полной грудью вдохнул и погрузился в самую сердцевину страхов, добираясь до истинной причины. Там, за границами логики, первородная чисть его существа сжималась от ужаса при воспоминаниях о мертвце, лежавшем в гробу перед алтарем.

Смерти в обычном смысле он не боялся, рано или поздно она приходит к каждому. Даже Эриелле со всеми ее тайными познаниями не удалось обмануть костлявую, хотя Камберу казалось, что он знает причину неудачи.

Разная бывает смерть. Только что он видел торжественную и обстоятельную. Вид собственного навечно упокоившегося лица вдруг показался символом иного небытия и возрождения к иной жизни. Так или иначе, а он теперь — Элистер Келлен и никто другой. Может быть, когда-нибудь и явится в этот мир ненадолго Камбер Мак-Рори, но сегодня он скончался.

Придя к такому заключению, Камбер обнаружил, что страхи отступают. Он сделал еще один глубокий вдох и избавился от судорожного напряжения мышц. Со следующим вдохом сердце забилося ровнее, и дрожь исчезла.

Ему не придется больше смотреть на тело. Когда все скорбящие покинут собор, монахи Энскома накроют гроб крышкой и обернут свинцовыми листами. Завтра тело отправят в Кайрори и похоронят. Все будет кончено. А он, для всех Элистер Келлен, останется жить.

Камбер вернулся к людям в ризнице, поручив себя заботам Йоханнеса и еще одного монаха. Помогая им завершить переоблачение, он машинально повторял движения Элистера. В этом он доверился приобретенным воспоминаниям, а сам впервые осмотрелся по сторонам.

Энском ушел. Камбер подозревал, что архиепископ почти сразу же после окончания мессы вернулся к себе в часовню, понимая желание своих помощников побыть наедине со своим горем. Энском всегда был человеком разумной сентиментальности, именно это сблизило их с Камбером более сорока лет назад.

Джорем оставался в ризнице. В раздумье, не поднимая глаз, он механически, как и Камбер, переодевался в привычную для него михайлинскую сутану. Наблюдая за сыном, Камбер поднял руки, чтобы Йоханнес надел на него белый пояс михайлинского рыцарского достоинства. Второй монах накинул на плечи мантию с вышитым знаком главы Ордена. Камбер нагнулся, чтобы Йоханнес надел на шею только что принесенный нагрудный крест из серебра. Пристроив на макушке шапочку, прикрывавшую тонзуру, Камбер направился к сыну, Йоханнес отослал монаха и поджидал хозяина у двери; готовый его сопровождать.

Переоблачение Джорема заканчивалось. Один соборный служка возился с завязками сутаны, второй

стоял с белым поясом наготове. В глазах сына Камбер увидел совершенное безразличие.

— Я собрался говорить с тобой, Джорем, но подумал, что ты хочешь побыть один,— Камбер не мог говорить открыто в присутствии монахов.— Думаю, тебе известно о собрании капитула. Это может показаться скоропалительным решением, но следующие несколько дней ты будешь занят семейными делами. Поэтому собрание Ордена сегодня показалось мне единственной возможностью заручиться твоим присутствием. Для меня важно твое мнение.

Скрепив плащ под горлом, Джорем опустил глаза.

— Благодарю, отец настоятель. Очень признателен за ваши последние слова.

— Не составишь ли мне компанию? — продолжал Камбер, взяв Джорема под руку и кивком предлагая пройтись.

Не смея отказаться на глазах у стольких любопытных, Джорем промямлил согласие и пошел. Он глубоко переживал кончину своего настоятеля, а вместо этого вынужден был притворно скорбеть о покойном отце. Мучительное для прямодушного Джорема испытание должно было закончиться завтра — он повезет прах в Кайрори. А Камберу сын был совершенно необходим во время его первой встречи лицом к лицу со своим Орденом.

За дверью ризницы их ждал Джеллис де Клири, регент хора, чтобы проводить на заседание капитула. Вернувшись в собор через северную дверь, они прошли поперечным нефом и вступили в чистый и светлый монастырский переход. У входа в капитул толпились десятка два рыцарей и священнослужителей, наслаждавшихся свежим воздухом перед тем, как присоединиться к братии в круглой зале. Увидев настоятеля, они заторопились внутрь, расступаясь при его приближении. Камбер вошел в зал, наступила тишина, сидевшие встали и потеснились, давая место опоздавшим.

Долговязая фигура настоятеля двигалась к центру, седая голова то и дело приветливо склонялась, улыбка находила ближайших соратников. К Камберу все приходило из воспоминаний Келлена само собой. Он касался хорошо знакомых плеч и привычно благословлял склоненные головы. То, что за ним следует Джорем, добавляло уверенности ему и, как ни странно, радовало сознание Элистера Келлена. Вдруг волна печали захлестнула мозг — рядом с Джоремом был Натан, а не верный Джаспер Миллер, неизменно сопровождавший настоятеля почти с самого его избрания.

Камбер сознавал, что реальный Элистер не изведал горечи потери Джаспера — они погибли почти одновременно. Значит, в нем говорила не чужая память, это его сознание взволновалось от мысли о смерти ближайшего друга Келлена. Значит, произошло не просто внешнее преобразование. Элистер не только отдал свое прошлое, но остался в нем, будто и не умирал вовсе. Этого Камбер никак не ожидал.

Поднимаясь по пологим ступеням к своему — теперь уже ненадолго — креслу, Камбер ощутил слабость в ногах — перед ним колыхалось море синего цвета в кольце расписных стен с радужными бликами от оконных витражей. Он поймал взгляд Джебедея, наставник Ордена стоял справа от кресла, руки покоились на эфесе меча михайлинцев, глаза светились надеждой.

Камбер подбодрил его вымученной улыбкой и снова повернулся к братии. Натан встал за узким столом слева, двое секретарей уже разворачивали пергаменты и проверяли списки имен. Иоханнес стоял за креслом, а Дуалта впереди — там было место рыцаря Лорина, он тоже погиб в сражении. Джорем молча занял свое обычное место рядом с Джебедея, он ни на кого не смотрел.

Камбер дождался, пока опоздавшие рассядутся, потом сел сам, знакам распорядившись закрыть дверь. Еще несколько мгновений тишину нарушал шорох шагов и стук мечей михайлинцев о каменные скамьи.

— Дорогие собратья.— Камбер положил руки на подлокотники, оглядывая зал.— Приношу извинения, если собрание созвано слишком скоро после события, так глубоко тронувшего вас всех.— Он вздохнул.— Если бы не необходимость срочных действий и семейные дела, отзывающие одного из наших уважаемых братьев, я рискнул бы отложить этот разговор на более поздний срок.— Он взглянул на Джорема.— Однако в сложившихся обстоятельствах, я думаю, нет ничего хорошего в том, чтобы откладывать неизбежное. Приношу извинения, что мое недавнее недомогание не позволило собрать вас раньше.

Подбирая слова, Камбер посмотрел на сверкавший на его пальце перстень. Тишину переполненного зала подчеркивало сдерживаемое дыхание. В воздухе уже витало ожидание. Частью своей души он страстно желал оказаться где-нибудь за много миль отсюда.

— Собратья и друзья, в ближайшие недели я окажусь перед величайшим выбором своей жизни, ибо я должен поручить вас заботам другого именно теперь, когда наш Орден пережил подлинную трагедию. Мы поддержали идею Реставрации и последующего расселения в безопасных местах,

пережили гибель нашего брата Хамфри Галларо, упокой Господь его душу...— Он перекрестился, собравшиеся последовали его примеру,— и злобные гонения Имре. Мы заплатили огромную цену за то, во что верили. Но, я думаю, мы не могли поступить иначе, даже если бы предвидели исход событий.— Он вздохнул — Самой большой ценой оказались человеческие жизни. Однако только потери в сражении заставляют содрогнуться. Большинство из вас, вероятно, потеряли друзей и близких, но не всем известны размеры потерь Ордена. Джебедея, сообщите, пожалуйста, полные данные о наших потерях.

Лицо Джебедеи не изменило выражения — он был слишком хорошим солдатом, но Камбер видел, как побелели пальцы, сжимавшие меч.

— Более сорока наших рыцарей умерли в сражении или на поле битвы от ран, отец настоятель,— тихо произнес он.— Еще около двух десятков на волосок от гибели, хирурги и Целители борются за их жизни. Из тех, кто выживет, многие никогда не поднимут меча. На сегодняшний день число наших воинов, включая и тех, кто легко ранен, составляет сто десять человек из двухсот, бывших под Йомейром.

Ропот пронесся по рядам. До тех пор пока разговоры не стихли, Камбер смотрел себе под ноги, и, продолжая свою речь, он не поднял глаз.

— Ровно половина от прежнего числа, братья. Но и в самом Ордене дела не лучше. Натан, расскажи, пожалуйста, о состоянии наших земель и прочей собственности.

Молодой человек выступил вперед.

— Из двенадцати обителей, существовавших до начала гонений Имре, десять разграблены, сожжены и обращены в руины. В отдельных случаях разрушены даже фундаменты. Свинец с крыш и из окон снят, большая часть годного в дело камня увезена людьми Имре для будущего использования в строительстве Найфорда. То, что осталось после солдат, было растащено местными крестьянами. Для восстановления практически любой обители потребуются новые материалы.— Он заглянул в лежавший на краю стола лист.— Далее, более четырех с половиной тысяч голов скота, овец и лошадей были отняты у нас короной или зарезаны и брошены гнить. Все посевы вытоптаны, поля выжжены, запаханы и потом засыпаны солью. Будет чудом, если в ближайшие пятьдесят лет хотя бы одно из этих полей даст урожай.

Раздались крики и проклятия, Камбер поднял руку, требуя тишины. Сверкая глазами, со своего места

поднялся Поррик Ланэл, один из значившихся в списке Джебедия людей.

— Отец Натан, упомянуты десять из двенадцати наших вотчин. Что случилось с остальными?

— С ними все более или менее в порядке,— произнес Натан.— Гаут Эйриал и Моллингфорд, подобно другим, потеряли свинцовые кровли и оконные переплеты, их нивы сожжены и обращены в бесплодные пустоши, но Реставрация спасла обитали от уничтожения. Большая часть каменных построек осталась. Наши каменщики считают, что, разобрав старую кладку, можно выстроить по соседству здания поменьше. Мое мнение — лучше перенести обитали в другие места. Засоленные поля еще долго не смогут прокормить и очень небольшие общины. Они будут полностью зависимы от поставок провизии извне, и если кто-то вздумает прервать подвоз, это не составит труда.

Натан посмотрел на настоятеля. Последние слова и выражение лица не оставляли сомнения, кого он имел в виду, но Камбер предпочел не заметить явный вызов. Как и другим михайлинцам, Натану было хорошо известно, что сейчас между Дерини и королем установилось относительное равновесие, а михайлинцы в большинстве были Дерини.

Камбер устало подпер голову рукой и закрыл глаза, как это делал Элистер.

— Разделяю твое беспокойство, Натан,— пробормотал он.

— А как насчет крепости? — крикнул кто-то справа.

— Джеб? — позвал Камбер, не поднимая глаз.

— Крепость спасти не удалось,— в голосе Джебедии слышалась горечь, Камберу не нужно было смотреть на него, чтобы знать выражение его лица.— Мяслики Имре очень постарались, особенно если учесть, что Челтхем стоял первым из наших храмов в их списках. Нет никакой надежды восстановить Челтхем в его прежнем величии, даже если бы нас было вдвое больше и мы имели в пять раз больше средств.

Наступила тишина, и Камбер поднял голову и оглядел михайлинцев. Глаза всех были устремлены на него, все ждали. Он понимал, что перед тем, как приступить к тому, ради чего и назначалось собрание, нельзя было не подать надежду.

— Вы слышали сообщения наших братьев, друзья мои,— его голос возвысился и долетал до самых последних скамей.— Мне бы хотелось, чтобы вы знали все и не питали напрасных иллюзий. С другой стороны,— продолжал он более
414 твердо,— ресурсы наши не иссякли. В нашем распоря-

жении по-прежнему находится сотня рыцарей, едва ли не лучших во всем христианском мире.— Он взглянул на Джебедию, тоскливо глядевшего в пол.— У нас около трех сотен прекрасных священников и братьев, несмотря на то, что сейчас они не вместе, а во множестве мест.

— За несколько недель до сражения король Синхил подарил мне два обширных земельных надела.— Он поднял руку, требуя тишины, ибо бурная реакция слушателей мешала ему продолжать.— Так что у нас имеется два отличных места, где можно в будущем разместить штаб-квартиру Ордена.— Кьюэлтейн и Аргод, оба эти владения будут переданы Ордену королевским указом после того, как вступит в должность новый настоятель. Что и подводит нас к основной цели нашего собрания

ГЛАВА XIII

**Ибо, хотя я и отсутствую телом, но
духом нахожусь с вами, радуясь и
видя ваше благоустройство
и твердость веры вашей
во Христа.¹**

Солнце уже опустилось и колокола на соборе звонили к вечерне, когда Камбер наконец прервал заседание Капитула. Весь день прошел в спорах, претенденты и их сторонники выдвигали и оспаривали все новые предложения и задачи. К тому моменту, как Камбер смог наконец с благодарностями распустить собрание, ему уже была ясна ситуация в Ордене и основные цели ближайших дней. Про себя он сузил список возможных преемников до трех человек. Чтобы сделать окончательный выбор, с каждым придется встретиться лично.

Некоторые братья задержались в зале, всем своим видом показывая, что не прочь поболтать еще немного, но Камбер не стал поощрять их в этом, и они вскоре удалились. Даже Джебе-дия не стал навязывать ему свое общество после столь долгого дня; к тому же ему пора было в госпиталь, где лежали на излечении несколько его людей. Джорем ушел одним из первых — вернулся к Райсу с Ивейн, чтобы подготовиться к завтрашней дороге в Кайрори.

И наконец, отослав всех помощников, Камбер смог ускользнуть в монастырский сад в поисках столь необходимой тишины. Прислонившись спиной к дереву, почти невидимый для случайных наблюдателей, он бездумным взором уставился в ночное небо, вспоминая события прошедшего дня. И лишь

когда голоса последних михайлинцев затихли вдали, он вышел из-за дерева и вернулся на тропинку. Решительным шагом он направился к двери южного придела, где находились его личные покои.

Под сводами собора Камбера встретило невнятное бормотание. Он укрылся за колонной. Если не считать монахов в хоре и немногих молящихся в нефе, здесь было пустынно. Прямо напротив, в северном конце поперечного нефа, за резными ширмами, отгораживавшими одну из часовен, ярко горели свечи. Там, наверное, стоял гроб Келлена.

Камбер не мог не проститься с другом. Он двинулся по темному нефу, почти беззвучно ступая по плиткам пола. Он миновал открытое пространство главного нефа и перевел дух — до него никому не было дела. Замедляя шаг, он приблизился к дверям часовни, стараясь сделаться еще более незаметным, и заглянул за деревянную ширму.

По крайней мере, больше не придется видеть это лицо. После церемонии монахи перенесли тело в большой дубовый гроб, который обернули в свинцовые листы. Покров со знаками Мак-Рори лежал теперь на крышке, а меч и корона графа Куддского помещались в изголовье. По углам гроба горели четыре толстые свечи в рост человека в массивных бронзовых шандалах. У самого входа стояли два королевских стражника не знакомые Камберу. Своими алебардами они охраняли и вечный покой, и бранные ценности — корона и меч Мак-Рори были настоящим сокровищем. Ограбить мертвого графа было не большим грехом, чем обобрать простого смертного. Он получил благословение церкви на переход в мир иной, так пусть и отправляется с Богом.

При виде Камбера стражники не шелохнулись, но когда он поравнялся с ними, один прошептал:

— Святой отец?

Камбер кивнул.

— Святой отец, у гроба молится один человек. Мы не хотели мешать ему, но он там уже несколько часов. Может быть, вы проверите, не случилось ли чего?

Отведя взгляд, Камбер кивнул и вошел в часовню. Молящийся стоял на коленях у изголовья, скрытый от случайных взглядов. Закутанные в плащ плечи вздрагивали в беззвучном плаче, голова в капюшоне поникла. Дрожащие руки приподняли бархатный покров и тронули свинцовую фольгу. Пламя свечей было недостаточно ярким, чтобы рассмотреть что-то еще.

Задумчиво пожевав губами, Камбер подошел ближе и опустился на колени рядом с мужчиной. По то-

му, как молящийся вздрогнул от его прикосновения, Камбер понял, что его приближение осталось незамеченным.

— Успокойтесь, сын мой,— Камбер старался, чтобы его шепот звучал как можно более ободряюще.— Вы уже ничего не можете для него сделать. Нам всем будет не доставать его, но со временем горе пройдет.

Бледное, опухшее лицо повернулось к Камберу, и голубые глаза безнадежно посмотрели на него. Камбер едва не отшатнулся, узнав в человеке Гвейра.

— Разве я могу быть спокоен, когда нет его? — прошептал Гвейр,— Милорд Камбер основал то, что сейчас мы поддерживаем во имя короля. Без него не было бы короля Халдейна. Теперь без него...

Юноша плакал, а Камбер разглядывал бархатный покров, золотую бахрому и графскую корону. Как, не открывая всей правды, объяснить Гвейру, что Камбер достиг своей цели и теперь служит им несколько иначе?

Бесполезно. Этого не объяснишь. Оставалось надеяться, что можно утешить молодого человека.

— Знаю, сын мой,— произнес он.— Нам нужно попытаться продолжить его начинания. Разве не в этом смысл? Разве не этого он хотел?

Гвейр глотал слезы.

— Я любил его, отец настоятель. Для меня он был... особенным, я не могу объяснить этого. Я бы умер за него... с радостью... а теперь...

— Тогда вы должны жить ради него,— мягко сказал Камбер, стараясь голосом не выдать своих чувств.— Вы сможете и знаете это.

— Я могу? — Гвейр невесело засмеялся, потом поднялся на ноги.— Возможно, вы правы, отец настоятель. Но пока не могу примириться с этим. Чувствую только пустоту и утрату смысла жизни. Почему умер он, а не я?

В отчаянии он снова разрыдался. Камбер тоже поднялся, с нежностью обнял юношу за плечи и повел прочь. Когда они вышли из часовни, стражники уважительно расступились, но настоятеля это не удовлетворило, и пола его мантии скрыла лицо Гвейра от нескромных взглядов гвардейцев.

Тишина летней ночи и прогулка на свежем воздухе не облегчили душевных мук молодого лорда, он весь был во власти горя. Было бы чересчур жестоким оставить Гвейра наедине с его страданиями. Держать его всю ночь возле себя Камбер тоже не мог — после такого дня он заслужил и отдых, и

Войдя в свои покои, он подвел Гвейра к двери Йоханнеса. Камердинер не удивлялся странным просьбам своего хозяина.

Ответ на легкий стук последовал незамедлительно.

— Отец настоятель?

Камбер ввел Гвейра в комнату и усадил в кресло рядом с небольшим камином.

— Йоханнес, это Гвейр, слуга лорда Камбера,— представил он, погладив гостя по голове.— Не можешь ли оставить его у себя на ночь?

— Разумеется, отец настоятель. Не нужно ли чего еще? Может, бокал вина?

— Я возьму у себя,— ответил Камбер, освобождая ладонь из рук Гвейра и знаком приглашая Йоханнеса — Посиди с ним, пока я не вернусь.

В комнатах, разыскивая вино и кубки, он думал о Гвейре. Его привязанность и прежде чувствовалась, во всяком случае, в ней можно было не сомневаться. Мальчиками они с Катаном были очень дружны, правда, после смерти сына Камбера Гвейр пропал из виду, они больше не встречались.

А юный рыцарь сохранил свои детские впечатления. Привязанность вернулась к повзрослевшему Гвейру, выросла и окрепла за месяцы, что они вместе с Синхилом провели у михайлинцев. Теперь его любовь и преданность Камберу прошли испытания смертью и вырвались наружу истерикой.

Что же делать?

Он нашел бокалы, которые искал, в изголовье кровати взял небольшую шкатулку и принялся искать снотворное. Главным сейчас был сон. Если только он не ошибается в своих выводах, горе Гвейра ослабеет нескоро — он слишком подавлен и не видит цели в жизни. Его чувства, разумеется, после хорошего отдыха, стоило употребить на что-нибудь полезное. И пусть он услышит от своего героя слова надежды. Пусть сам Камбер напутствует его...

Камбер задумчиво сидел на постели, вертя в пальцах пакетик из пергамента, прикидывая, как лучше проделать это, и в конце концов пришел к выводу, что риск и трудности не особенно велики. Спустя мгновение он снова порывался в своей аптечке и извлек еще один пакетик. Содержимое первого он высыпал в бутылку с вином, потому что сон потребуется в равной мере и Йоханнесу, и Гвейру, а второй спрятал за пояс, взял бутылку и кубки и направился в комнату камердинера.

Йоханнес, поправлявший поленья в камине, озабоченно поднял голову. Гвейр сидел неподвижно там, где Камбер оставил его, уставив невидящий взгляд в камен-

ный пол под ногами. На застывшем лице танцевали красные отблески огня, но не оживляли его. Если бы Гвейр был изваян в камне, то явил бы шедевр воплощенной тоски и отчаяния, но он был человеком, и вызывал сострадание.

— Вот и вино для нас,— сказал Камбер.— Я подумал, что после такого тяжелого дня оно кстати.

Он поставил на камин три бокала, наполнил их, достал из-за пояса пакетик и всыпал его содержимое в один из кубков. Его действий не видел Гвейр, но Йоханнес наверняка за хозяином подглядывал и, конечно, заметил, как гостю подмешали снотворное.

— Когда поспишь, тебе полегчает, Гвейр,— сказал Камбер, оглядываясь через плечо.— Тебе подогреть?

Ответа не стал дожидаться, он и не рассчитывал получить его. Вболтав содержимое, Камбер вытащил из камина раскаленную котергу. Когда он опустил пышущий жаром металл в вино, вслед за шипением вокруг распространился пряный аромат. Направляясь с бокалом к Гвейру, он заметил, что Йоханнес, не долго думая, взял один из двух оставшихся и осушил его. Вкладывая теплый кубок в руки Гвейра, Камбер улыбнулся.

— Выпей, сын мой. Это поможет тебе забыться.

Гвейр подчинился. Каждый вымученный глоток был слышен в комнате. Когда бокал опустел, Камбер помог гостю подняться. Пока Камбер и Йоханнес вели его к импровизированной постели, отяжелевшие веки Гвейра уже смежились. Не в силах держаться на ногах, он повалился на ковер.

Камбер положил ему под голову подушку и укрыв снятой с кровати шкурой.

Йоханнес зевнул и погрузился в кресло, где только что горевал Гвейр. Глаза камердинера осоловели.

— Спи, сынок,— бормотал Камбер, убирая волосы с помутившихся глаз.— Хорошо поспав, ты почувствуешь себя куда лучше. А теперь спи.

До сих пор Камбер не решался притронуться к сознанию Гвейра, он проделывал это несколько раз в своем прежнем облике, и Гвейр мог узнать прикосновение. Сейчас этого можно было не опасаться, а воспоминания об этом контакте сохраняются только нужные. Камбер позаботится об этом.

Вино делало свое дело, дыхание становилось глубже и ровнее, тем временем снадобье повышало восприимчивость Гвейра. Камбер подождал еще несколько минут. Позади он слышал тихое сопение Йоханнеса и знал, что его слуга нынче не будет страдать бессонницей.

Он улыбнулся, прикосновением ко лбу проверил Гвейра, потом поднялся, посмотрел на Йоханнеса, на всякий случай углубил его сон и на цыпочках вышел из комнаты. Немного погодя, когда введенные в организм Гвейра наркотики полностью окажут свое действие, он вернется и постарается все исполнить безупречно. Не зря его зовут Камбером Мак-Рори.

* * *

Гвейр стонал и ворочался, но спал — глаза были закрыты. Потом понял, что бодрствует: ощущалось приятное тепло наброшенных шкур; сквозь веки проникали отблески каких-то огней; ноздри щекотал слабый запах горящего дерева и тонкий аромат вина и пряностей.

Он вспомнил вкус вина и почувствовал разливавшуюся в желудке и теле теплоту. Воспоминания о событиях дня медленно возвращались. Как ни странно, они больше не вызвали страданий.

Осталось чувство утраты, в носу и гортани першило от слез и рыданий — он проплакал много дней напролет. А теперь было спокойно. А может быть, это отец Келлен, настоятель михайлинцев, который угощал его вином... Взял и подсыпал ему чего-то... Над этим стоило призадуматься, но мысли, как назло, еле-еле шевелятся в голове. И этот сквозняк откуда-то. Или в комнату кто-то вошел?

Гвейр повернулся на другой бок и открыл глаза, ожидая увидеть брата Йоханнеса или отца Келлена, но Йоханнес мирно посапывал в кресле рядом с камином. Оборачиваясь на дверь, он почему-то знал — там не Келлен.

Что такое?..

Гвейр часто заморгал, возможно, глаза сыграли с ним злую шутку, потом, потрясенный, посмотрел на залитую светом фигуру. Легкое серебристое облако окружало приближающегося пришельца. Серый плащ до пят подчеркивал рост, лицо скрывал низко надвинутый капюшон.

Вспомнив свои детские фантазии, юноша подумал, что это призрак, привстал на локте и обмер, наконец разглядев лицо.

— Камбер! — прошептал он, и ничего, кроме священного ужаса, не осталось в душе.

Пришелец остановился, серый капюшон упал со знакомой серебристо-золотой головы. Лицо было безмятежно, а бледные глаза сверкали так ярко, как никогда при жизни.

— Не бойся,— сказал призрак до странного по-житейски.— Я вернулся только на несколько минут, чтобы

умерить твою печаль и сообщить, что мне покойно в моей новой обители.

Гвейр кивнул и не нашел в себе мужества ответить.

— Я видел, как ты страдал эти дни,— продолжал призрак,— и мне... грустно, что ты так печалишься обо мне.

— Но... мне не хватает вас, милорд. Так много дел... а теперь все они останутся незавершенными.

Призрак улыбнулся, и Гвейру показалось, будто солнце заглянуло в темную комнату.

— Другие доделают их. И ты, Гвейр, если пожелаешь.

— Я?

Гвейр сел и недоверчиво посмотрел на таинственного гостя.

— Но как это может быть, милорд? Я только человек. У меня не достанет ни сил, ни таланта. Вы были сердцем Реставрации. Теперь, когда вас нет, действия короля станут неподконтрольны. Я боюсь его, милорд.

— Пожалей его, Гвейр. Не бойся. И помоги тем, кто продолжает начатое,— Джорему, Райсу и моей дочери Ивейн, и моим внукам, когда они подрастут. А Элистер Келлен, который привел тебя сюда, он больше всех остальных нуждается в твоей помощи.

— Отец Элистер? Но он такой черствый и самоуверенный. Чем я могу помочь ему?

— Он не такой независимый, каким желает казаться другим,— ответил призрак со знакомой улыбкой.— Да, он бывает резок и иногда слишком упрям, но ему более других недостает дружеской поддержки. Ты поможешь ему, Гвейр? Будешь служить ему так же преданно, как служил мне?

Гвейру вдруг захотелось узнать, опирается ли его гость о земную твердь? Но плащ полностью скрывал ноги пришельца, и он снова несмело взглянул на сияющее лицо.

— Я в самом деле могу помочь ему?

— Да.

— Служить ему так же, как служил вам?

— Он больше чем достоин этого, Гвейр, и слишком горд, чтобы просить помощи.

Гвейр с трудом сглотнул.

— Хорошо, милорд. Я сделаю так. И не дам умереть памяти о вас. Клянусь!

Призрак улыбнулся.

— Память обо мне не так важна. Другое дело — наша работа. Помогите Элистеру. Помогите королю. И пом-

ни, я всегда с тобой, даже тогда, когда ты меньше всего этого ожидаешь.

— Хорошо, милорд.

Пришелец развернулся, чтобы уйти, и Гвейр перепугался не меньше, чем поначалу.

— Нет, милорд. Подождите! Не оставляйте меня сейчас!

Призрак остановился и с любовью посмотрел на него.

— Я не могу остаться, сын мой, и не смогу больше посещать тебя. Оставайся с миром.

Гвейр был в отчаянии, он расшвырял шкуры, встал на колени и простер руки вверх.

— Тогда благословите меня, милорд. Пожалуйста! Не отказывайте в этом!

Лицо сделалось серьезным, а потом руки легко взлетели над складками плаща. Гвейр склонил голову.

— Благодать Божья да пребудет с тобой.

— Аминь,— прошептал Гвейр.

Когда рука дотронулась до волос, сознание на мгновение помутилось.

Он поднял голову и открыл глаз. Призрак исчез. Свет померк, стало темно и пусто.

Гвейр вскрикнул, поднялся и, пошатываясь, шагнул туда, где только что был его гость. Несколько секунд он стоял там, держась рукой за дверной косяк, и заново переживал только что увиденное или пригрезившееся.

Камбер вернулся к нему! Ему хотелось кричать на весь дворец архиепископа так, чтобы и мертвые проснулись: его посетил Камбер! Великий лорд-Дерини возложил на него, Гвейра Арлисского, презренного человека, долг, достойных великих!

Но бедный юноша и рта раскрыть не мог. Камбер все делал безупречно, его зелье продолжало действовать. Подробности волшебного разговора уже начали расплываться и превращаться в нечто, похожее на сон.

Нет, он не мог рассказать миру об этом чуде. Гвейр рассудил, что эта встреча предназначена ему одному как высшее откровение. Такое не делят с другими. Да и кто поверит...

Брат Йоханнес? Нет, он набожный и преданный человек, но все проспал, даже ни разу не пошевелился. Если разбудить его и рассказать, Йоханнес подумает, что это видение от лекарств и вина. Нет, он не станет делиться с ним.

Келлен? Ну конечно! Отец Келлен поймет его. Отец Келлен должен понять! В конце концов, именно ему просил служить Камбер. Келлен имел право знать.

Обрадованный, Гвейр выбрался за дверь и отправился на поиски.

А Камбер, заслышав приближение шагов, скользнул в постель и притворился спящим. Он слышал быстрое и взволнованное дыхание Гвейра, когда юноша остановился посмотреть на него, потом отступил. Через несколько секунд от камина пошел свет.

Камбер ждал, прислушиваясь, шаги приближались снова.

— Отец настоящий? — позвал Гвейр.— Отец настоящий, вы спите?

Камбер повернулся и приподнялся на локте, шурясь на свет. Гвейр стоял на коленях рядом с кроватью, его лицо освещалось свечой и горело само по себе.

— Спал,— ответил Камбер, подавляя зевок.— А почему ты не спишь?

Гвейр покачал головой.

— Я тоже спал, но... Пожалуйста, отче, не сердитесь на меня. Очень жаль, что разбудил вас, но мне нужно рассказать кому-то, и я думаю... я думаю, он не будет возражать.

— Он?

Гвейр судорожно глотнул, в глазах мелькнуло сомнение.

— Лорд... лорд Камбер, отче. Он... он пришел ко мне во сне... по-моему... и... и он сказал, что я не должен печалиться... что у меня есть важное дело... его дело... я должен продолжать то, что не успел сделать он.

Произнося все это, он не успевал вздохнуть, словно опасаясь, что не найдет в себе мужества договорить, если прервется хоть на секунду.

Камбер кивнул, снова зевнул и произнес, не забывая сохранять сухость интонаций.

— Что ж, у тебя, разумеется, есть важная работа. Я говорил тебе и раньше. Камбер во многом полагался на тебя.

— Правда? О да, я знаю, отче! — Гвейр был счастлив.— Он сказал еще...— Его лицо стало серьезным.— Он поручил мне служить вам, отче. Он сказал, что я должен служить вам так же, как служил ему, что вам нужна моя помощь. Она нужна вам, отче?

Камбер не спеша сел, набросил синюю михайлинскую мантию и спрятал босые ступни в мех шкуры на полу.

— Он так сказал тебе?

Гвейр торжественно кивнул, не смея говорить. Камбер долго смотрел в эти бесхитростные глаза. Казалось, Гвейр готов довериться ему во всем. Что ж, теперь надо помочь ему сделать это. Так, как помог бы Элистер.

— Разумеется, ты понимаешь, что служба мне не будет похожа на службу Камберу, Камбер был светским дворянином, окруженным роскошью, приличной его положению. В этом нет ничего зазорного,— добавил он, увидев, что Гвейр собирается возразить.— Но здесь все совсем по-другому.

— Потому что вы священник, отче?

— Отчасти. Если ты станешь служить мне, то скоро поймешь, что у священнослужителя много обязанностей, которые не заботят лорда-мирянина. Вскоре милостью божьей я стану епископом — персоной, наделенной немалой властью в мирских делах. Во многих отношениях должность весьма выгодная и кое-кто этим пользуется. Но я не принадлежу к их числу, как ты знаешь. За стенами моего дома не будет излишеств королевского двора или даже графского.

— Мне этого не нужно, отче,— прошептал Гвейр, выпрямляясь.

— Что ж, хорошо. Прежде у меня не было помощника-мирянина, но попробуем. А пока почему бы тебе не вернуться в постель. Может, ты умешь обходиться без сна, а я — нет.

Гвейр кивнул, готовый заплакать от радости, начал вставать с колен и вдруг припал к руке своего нового друга в горячем и благодарном поцелусе.

Он ушел, а Камбер долго глядел ему вслед, прежде чем вновь лечь в постель.

ГЛАВА XIV

**Боюсь за вас, не напрасно ли
я трудился у вас.¹**

Ночное происшествие обошлось без видимых последствий — по крайней мере, на первый взгляд. Гвейр безропотно взялся за новую службу, во многом подменяя Йоханнеса. Он даже подыскал себе одежду, отчасти напоминающую монашеское одеяние, чтобы не так выделяться среди клира в епископском дворце Камбера. Йоханнес должен был остаться с михайлинцами, чтобы стать правой рукой нового настоятеля, а его прежний хозяин должен был на следующей неделе отбыть в Грекоту, так что пока Гвейр совмещал обязанности секретаря и распорядителя при будущем епископе. Ни слова больше не было сказано о случившемся той ночью; все словно позабыли об этом.

В ближайшие дни у Камбера не было повода мысленно возвращаться к этой истории. Те, кто мог бы ощутить надвигающиеся события, если бы владели всеми кусочками головоломки — Джорем и Ивейн с Райсом — были слишком заняты, пытаясь побыстрее управиться в Кайрори и вернуться к пятнице в столицу, чтобы оценить всю значимость происходящего. В этот день семилетний Девин Мак-Гори, внук и наследник Камбера, должен был быть официально признан графом Кулдским, вместе с другими дворянами, молодыми и старыми, унаследовавшими титулы после гибели их предшественников на войне.

Помимо этого следовало еще отобрать самые ценные манускрипты Камбера и некоторые вещи, которые еще могли

ему понадобится — так что за этими повседневными хлопотами ото всех ускользнуло нечто куда более значимое, что творилось в Кайрори. Дети Камбера отметили, как возросло число паломников, каждый день преклонявших колена в фамильном склепе Мак-Рори, где “Камбер” покоился рядом с давно почившей супругой, — но не придали этому значения, равно как и не прислушались к словам звучащих молитв.

Никто не вспомнил о толпах, встречавших траурный кортеж на пути армии из Йомейра, о том, что было с Синхилом, когда он увидел в кресле викария михайлинцев живого графа Куддского.

А Камбер тем временем жил жизнью Элистера Келлена. Ему не могло быть известно, что могила в Кайрори становится местом поклонения верующих из окрестных деревень и городов, что охваченный горечью король проводит многие часы в размышлениях над тем, что видел в спальне настоятеля, что михайлинский рыцарь не решился бы рассказать о том, что, по его мнению, произошло той ночью. Камбер с головой окунулся в свои новые обязанности и укреплял связи и знакомства, полезные будущему епископу Грекотскому. В те дни Камбер Куддский и все его проблемы отошли в тень.

Сейчас самым неотложным было определение преемника и выборы настоятеля Ордена. Почти три дня ушло на это. Он говорил с кандидатами и другими членами Ордена, с каждым днем все больше постигая работу клерикального механизма, в который так неожиданно попал и сделался его частью.

Кое-что Камбер узнавал самым обычным способом — настоятелю охотно рассказывали очень многое. Остальное легко было выяснить, применив магические способности, если его собеседниками были люди. Иные бедняги и не ведали, как бесполезна и унижительна их ложь. Даже от Дерини удавалось узнать то, что не прикрывали защиты. Такие сведения любой из их племени мог почерпнуть, оставаясь незамеченным.

Соискатели из числа людей поддавались глубокому проникновению. От них Камбер узнал Элистера Келлена со стороны, увидел их глазами, понял, чего от него ждут. Он не так часто вторгался в сознание непрошеным гостем, но теперь цель оправдывала средства. Ему предстояло принять решение, с которой судьба всего Гвиннеда будет связана долгие годы.

В конце концов Камбер остановил выбор на человеке по имени Крван Эллин, прекрасном солдате и богобоязненном священнике, отлично проявившем себя под командованием Джебедии во время сражения. Крван был одним из негласных авторов проекта, предполагавшего расселе-

ние михайлинцев по безопасным местам в тот год хаоса, когда Синхил готовился стать королем, а Имре старался погубить их всех. У Кревана не было врагов, пороков, нетвердости в вере. У него была интуиция особого рода, позволявшая жить в ноту со временем, лавировать в вопросах незначительных и оставаться твердым в том, чем не должно поступаться, тут он мог устоять против любого искушения. Кроме того, он нравился королю.

Последнее обстоятельство имело важное значение как часть планов Камбера. Один из претендентов пал жертвой и был вычеркнут из списка, несмотря на выдающиеся достоинства, только потому, что не пришелся по душе Синхилу.

А Крван был в милости, и расположения короля к нему росло, и, возможно, именно этот человек способен занять место у трона, если недоверие монарха к Дерини усилится. Такой человек будет очень полезен михайлинцам и всему Гвиннеду. Синхил решил крепко взять в руки бразды правления, Дерини теперь почувствуют себя на скользкой дорожке.

На службу короне привлекались непременно люди. При дворе росло число тех, кто немало претерпел во время Междоусобицы, их память покрывали рубцы обид и анти-Деринийских предубеждений, более глубокие и болезненные, чем у Синхила. Реставрация возвращала к престолу отпрысков многих могущественных семей. Недавние военные союзники короля, они вернут себе титул и права на первом же дворцовом приеме в пятницу. С этими людьми легче ладить человеку — Крвану.

В его пользу говорило и еще одно... Этот достойнейший претендент мог быть управляем. Его мысли и поступки предопределяют не только собственные идеи, вера и устав Ордена; он будет неуловимыми, тончайшими узами связан с Камбером. Его можно вести по жизни, используя могущество Дерини, если только не переусердствовать. Камбер проверил свое влияние на Кревана во время их последнего свидания и тогда же сообщил о своем намерении объявить его своим преемником.

Связь Камбера и Кревана было почти невозможно выявить. Сознание михайлинца отныне было защищено от проникновения. Даже самый умелый Дерини, желающий открыть истину, прежде должен был разрушить мозг.

Кревана Элина провозгласили настоятелем в четверг в присутствии всего капитула, за исключением Джорема Мак-Рори. Состоялся благодарственный молебен. Вместо проповеди еще смущавшийся Крван обратился к Ордену с негромкой, но прочувствованной речью, кратко обрисовав свои пока несмелые планы на будущее.

После окончания мессы Камбер обедал со своим преемником и восемью другими членами Ордена, занимавшими высшие должности, включая Джебедея и Натана. За обедом было решено, что Кревана благословят на пост настоятеля в субботу в полдень, то есть за день до возведения Келлена в епископы. По этому случаю Элистер-Камбер загулял, как пьяница-стражник, отмечая окончание многих лет монашеской жизни в Ордене святого Михаила.

На следующий день он отправился в королевский зал для того, чтобы, смешавшись с толпой, стать свидетелем знакомства короля с новоиспеченными лордами. Восемнадцать наследников — графы, бароны и менее высокопоставленные персоны — в возрасте от шести месяцев до шестидесяти лет шествовали по залу в блеске знамен и регалий, чтобы преклонить колено перед своим владыкой. Они были покорны его воле, хотя кое-кто из смиренных лордов мог без всяких затруднений для своего кошелька скупить на корню все королевские владения.

Разумеется, в очереди за титулами был и юный Девин. Его сопровождала семья: мать Элинора, вдова Катана, регентша графства до совершеннолетия Девина, его дядя Джорем и Райс, в синем михайлинском и зеленом целительском наряде; и теть Ивейн, которую он обожал. Младший брат Энсель, наследующий ему, нес синюю бархатную подушку с уменьшенной в размерах графской короной, а в руках кузена Джеймса Драммонда было красно-лазоревое знамя.

Родню наследника Мак-Рори, едва ли не больше, чем сама церемония, привлекало синее пятно в разноцветной толпе — группа михайлинцев в окружении других священнослужителей, вернее, только одно лицо среди них. Ивейн, Джорем и Райс не подозревали, что объект их пламенных взглядов никто иной, как Эллин Креван, а Камбер преспокойно стоит в сторонке и ожидает, когда придет черед его внука с трепетом предстать перед королем.

Семилетний Девин склонился перед седеющим королем и простер руки с достоинством и величием взрослого. Глядя в глаза своего сюзерена, он звонким и чистым голосом принес присягу на верность и внимательно выслушал ответные королевские обязательства по защите его жизни и чести, земель и замков.

Мальчик и бровью не повел, когда король касался его плеч и головы огромным мечом державы, который коннетабль лорда Адаут передавал ему уже в семнадцатый раз. Только когда Синхил поднял юного графа с колен и расцеловал в обе щеки, его достоинство было поколеблено — борода и

усы короля щекотали, а Девин и так слишком долго для ребенка сохранял величавость.

Он забеспокоился, когда королева Меган надевала украшенный драгоценными камнями графский пояс на его тонкую талию. Синхил взял маленькую корону, слегка приподнял ее и опустил на золотоволосую головку Девина. Мальчик стоял спокойно, и только его хорошенькое личико побледнело. Он с важностью поклонился и вернулся на место, чтобы произнести последнюю клятву.

Церемония закончилась, когда длинные тени уже ложились на дорогу и солнечный свет таял, приближалась ночь. Люди расходились из зала. Камбер постарался задержаться. Болтая о пустяках с михайлинцами, он исподтишка разглядывал своих домашних. Когда внуки с матерью в сопровождении слуг удалились к месту ночлега, к Камберу подошла Ивейн, и он весьма учтиво поклонился дочери. От нее Элистер Келлен получил приглашение на ужин, которое она была обязана сделать, а он не мог принять. Камбер не участвовал в приготовлениях к завтрашней передаче поста, но никогда не решился бы оказаться за одним столом с Элином и мальчиками. Нет нужды вовлекать их в его интриги. Возможно, позднее, когда мальчики подрастут...

Камбер любезно поблагодарил, Ивейн присоединилась к мужу и отправилась вслед за семьей, а он вернулся к своим терпеливо ожидавшим людям. Появился Джорем и, прежде чем он принес поздравления новоизбранному настоятелю, успел обменяться с отцом несколькими малозначащими фразами вместо сыновнего привета.

Потом Джорем искусно перевел разговор на тему о здоровье нынешнего настоятеля Ордена, предположив, что отец Келлен, возможно, желает пригласить Целителя Райса и его жену отобедать накануне принятия епископской митры. Отец Келлен уже несколько дней не виделся со своим прославленным лекарем, и всех, кому он не безразличен, это не может не волновать.хлопоты, связанные с церемонией, он, Джорем, примет целиком, а викарий непременно должен позаботиться о своем здоровье и не отлынивать от этого. Отца Элистера в Грекоте ожидают многие труды, его друзья и все братья-михайлинцы должны быть совершенно уверены, что отпускают своего пастыря в добром здравии...

После довольно робких возражений Камбер принял предложение, втайне восхищаясь тем, как ловко сын представил такую желанную встречу в виде прямо-таки необходимого визита лекаря. Ему и в самом деле необходимо ви-

деть эту троицу, они несколько дней не виделись, а так много нужно обсудить до отъезда.

Камбер едва заметно улыбался, отправляясь вместе с Креваном на ночное бдение в личной часовне архиепископа.

Следующий день начался удачно. Посвящение Кревана прошло без происшествий, Камбер и на этот раз только прислуживал, а не вел мессу. После окончания службы он с облегчением разоблачился и в сопровождении Джорема удалился.

Проблема, как ни откладывал ее Камбер, тем не менее оставалась. Уже завтра епископ Келлен будет служить мессу. Ничего, сегодня они с Джоремом обсудят все детали, а обед в обществе Ивейн и Райса придаст ему сил.

Благополучное начало дня, обещавшее несуетное общение с близкими душами, обмануло Камбера. Едва они с Джоремом покинули собор, как один из королевских пажей пригласил викария на прогулку верхом от имени своего господина. Вероятно, тому пришла идея укреплять душу и тело Элистера Келлена физическими упражнениями и крепко втемяшилась в его королевскую голову — паж не принимал отказа ни под каким предлогом.

Получасом позже Камбер скакал на коне по дороге под Валоретом рядом с королем. Ему приходилось как следует погонять жеребца, чтобы успевать за легким на ногу Лунным Ветром Синхила. Восемь верховых рыцарей сопровождали их — королю Гвиннеда не пристало ездить без свиты. Рыцари держались чуть позади, предоставляя своему царственному господину иллюзию свободы, которой он так желал. И мог наслаждаться ей сколько угодно в обществе единственного спутника, стоило лишь не оглядываться на облако пыли, клубившееся на дороге позади, и не обращать внимания на тяжелый стук копыт за спиной.

Поначалу они скакали галопом, потом перевели своих иноходцев на легкую рысь и освежались встречным потоком теплого летнего воздуха. В тени дубовой рощи они дали отдых коням, конвой расположился поодаль. Камбер решительно не понимал, что у Синхила на уме, что побудило настоять его на этой прогулке.

Синхил выпустил поводья и, не снимая перчаток, оглаживал шею Лунного Ветра, щипавшего траву. После возвращения из похода король, ко всеобщему удивлению, пристрастился к верховой езде и вполне уверенно чувствовал себя в седле.

Ветерок шелестел в листве, успокаиваясь, пофыркивали лошади, звякала упряжь... Синхил умиротворенно вздохнул.

— Итак, теперь у нас есть новый настоятель михайлинцев,— в конце концов произнес король.— Каково почувствовать себя просто священником, правда, это всего на несколько часов?

Король улыбался открыто и дружелюбно, глядел с неподдельным любопытством. Камбер почувствовал себя увереннее.

— Откровенно говоря, я будто раздет, Ваше Величество. И еще мне немного грустно,— признался он, прилег на седельную луку и вздохнул, как только что Синхил.— Мне будет не хватать моих михайлинцев, Ордену отданы лучшие годы моей жизни.

— Возможно, и так, но впереди вас ждет еще немало замечательных лет, как мне кажется.

— Если будет угодно Господу,— с улыбкой согласился Камбер.

— А ваш преемник... достоин доверия,— выговорил Синхил после некоторого колебания.— С тех пор как мы вернулись из Йомейра, я много говорил с ним и должен признаться, был поражен. Хотя меня удивило, что вы выбрали человека.

Камбер оценивающе посмотрел на Синхила, искося, как это часто делал Келлен.

— Вы разочарованы, Ваше Величество?

— Разочарован? Нет, конечно, нет. Но я думал... я думал, что вы непременно изберете Дерини,— выпалил он, выдав свое возбуждение.— Вы ведь не шутили, говоря, что хотите помочь мне?

— Я бы никогда не позволил себе шутить на эту тему, Государь. В наши беспокойные времена Креван Эллин — лучший кандидат на этот пост, будь он человек или Дерини. Он станет объединяющим звеном. Это особенно пригодится, когда в будущем враги захотят испытать вас.

— Вы начинаете говорить, как Камбер,— фыркнул Синхил,— Возможно, той ночью он и впрямь коснулся вас.

Камбер закашлялся, чтобы скрыть тревогу.

О чем это Синхил? Не мог же он знать, что Камбер был теперь Келленом, по крайней мере, не смог бы этого скрывать так умело.

Но о какой ночи идет речь? О той, когда проводили ритуал памяти? Ему казалось, что все прошло отлично, не было ничего, способного внушить подозрение, иначе Джорем, Райс и Ивейн предупредили бы его.

С другой стороны, он не помнил всего случившегося. Мерещилось, будто Синхил и еще кто-то входили в комнату, но вскоре после этого он потерял сознание. Могло ли в

432 это время случиться нечто, обеспокоившее короля? А

его дети? Возможно, они не догадались, что он ничего не знает об этом происшествии.

Камбер повернулся к Синхилу, изобразив простодушное недоумение: так проще всего усыпить подозрительность, а голосу надо сообщить искреннее любопытство.

— Кто коснулся меня, Государь? — невинно спросил он. — И какой ночью? О чем вы?

— Той ночью, когда вы были больны. Кажется, это было воскресенье. Как раз накануне похорон Камбера. — Синхил удивленно глянул на него. — Вы не помните?

Не отводя глаз, Камбер покачал головой.

— Правда, не помните?

— Что произошло?

Вдруг Камбер заговорил голосом Келлена, но куда более жестким. Синхил не заметил перемены, он устался на брошенные повадки, погруженный в свои мысли.

— Я... я думал... мне казалось, что вы понимали, что происходит, — король наконец вышел из задумчивости. — Но теперь знаю, что тогда вы были как одержимый. Элистер... с каким демоном вы боролись в ту ночь?

Камбер закрыл глаза, словно воспоминания о той ночи причиняли ему страдания. В известном смысле он действительно боролся с демоном и был одержим. Да только этого, увы, не объяснишь.

И все-таки с чего Синхил связывает между собой Камбера и Келлена? Он должен был выяснить!

— Не могу говорить об этом здесь, сир, — он снова говорил смиренно. — Теперь я чувствую, что помню о той ночи значительно меньше, чем представлял. Прошу вас, скажите, что произошло. Кажется, я помню, что вы были там, это почти все. Когда я проснулся, Райс спал рядом с моей кроватью, и я не захотел будить его. А потом не было времени расспрашивать.

Синхил снова вздохнул и постарался придать своему голосу бесстрастность.

— Вы... перестали дышать. Райс старался поддержать в вас жизнь. Он сказал, что вы боретесь с каким-то заклятьем Эриеллы. Мы думали, что вы умираете.

— Продолжайте.

— Со мной был ваш юный друг Дуалта, он тоже опасался за вашу жизнь. Даже мне удалось ощутить то, с чем вы сражались, или по крайней мере ваш страх и ужас. А потом Дуалта упал на колени и стал умолять Камбера помочь вам, вернуть вас к жизни.

— Он вызвал... Камбера?

— Он сказал... он сказал что-то вроде: "О, если бы здесь был лорд Камбер, он бы спас отца Келлена!" А потом...— Синхил сглотнул и продолжал, старательно выговаривая каждое слово.— Потом по вашему лицу прошла тень, и мне показалось, что вместо вашего лица появилось лицо Камбера.

— Лицо Камбера! — прошептал Камбер.

В то же мгновение он понял, что случилось, хотя совсем не помнил этого. А было, скорее всего, так; сознание поглощено хаосом воспоминаний Элистера, в этот момент на мгновение теряется его маска, и это успевают заметить.

Камбер посмотрел на Синхила, открыл рот, но, так ничего и не сказав, взмахом руки попросил короля продолжать.

— По-моему, и вам трудно поверить. Однако, уверяю вас, мы видели это. Несколько секунд видение не исчезало, потом дыхание восстановилось, лицо Камбера пропало, и вы стали самим собой. Дуалта сказал, что это было чудо.

Камбер похолодел и перекрестился, так, как множество раз делал это на его глазах Элистер.

Чудо. Синхил тоже так считал? Как это предположение действует на бедного, мучимого совестью короля, который даже со смертью Камбера не может избавиться от его влияния? Не удивительно, что он так обеспокоен.

— Хотелось бы мне услышать об этом пораньше,— произнес Камбер после паузы.— Такого я и представить себе не мог.

— Райс и Джорем не говорили вам?

Камбер покачал головой.

— Должно быть, решили, что я помню. Кроме того, как я уже говорил, на следующее утро я нашел Райса спящим и ушел в собор до того, как он проснулся. А во время похорон и собрания капитула у нас не было случая поговорить наедине до их отъезда в Кайрори. Как вы понимаете, подобное не обсуждается публично.

— Разумеется,— согласился Синхил.— Кроме того, я сразу же запретил это, они могли говорить только между собой. Кстати, я вспомнил, что должен отыскать юного монаха, находившегося тогда в вашей молельне, и расспросить его. Он служит не при вас?

— Монах? — Камбер понял, что Синхил имеет в виду Ивейн.— Нет, по-моему, он прибыл из какой-то нашей обители, братия которой временно живет под кровом другого Ордена, пока не будет заново отстроен родной монастырь.

434 Должно быть, сейчас он вернулся обратно. Даже не

помню, зачем он посещал меня. Кажется, что все это было так давно.

— Неважно. Я найду его.

О нет, не найдете,— подумал Камбер. По крайней мере, об этом не нужно было беспокоиться, хотя он и не понимал, как Ивейн удалось скрыть, кто она, особенно если Синкил говорил с ней.

Однако сейчас следовало побеспокоиться о самом короле, Дуалте и... Гвейре. "Видение" Гвейра было обставлено как визит сверхъестественного существа, и пока необходимости переиначивать его не было. Но если Гвейр встретится с Синкилом или Дуалтой, и они поделятся воспоминаниями...

Камбер внезапно заметил, что Синкил молчит и как-то странно смотрит на него. Он поглядел на короля, потом принялся рассматривать луку седла, удивляясь про себя откровенности Синкила, но не решаясь заговорить.

Король помолчал, потом вздохнул.

— Вы тоже верите в это, не правда ли?

— Верю?

— Что он возвращался. Что это было чудо.

Камбер выдержал паузу.

— Я... не знаю, Синкил. Вы хотите, чтобы я сказал да или нет? Невозможно найти никакой причины, никакого разумного объяснения этому. Я по-прежнему ничего не помню и не имею никаких надежд на прояснение памяти...

— Это называется верой, отче,— мрачно произнес Синкил.— Когда-то она у меня была. Совсем недавно была. А теперь... Господи, неужели я никогда не избавлюсь от него?

Обтянутый перчаткой кулак опустился на седло. Король склонил голову, его плечи под красным плащом вздрагивали.

Камбер мог ответить только молчанием. Келлен не стал бы разделять предубеждений короля по отношению к Камберу, Келлен и Камбер были друзьями, и король об этом знал. Но дискуссия не состоится. До тех пор пока он не выяснит у Райса, Джорема или Ивейн, что же произошло той ночью, не стоит возвращаться к теме Камбера Мак-Рори. А иначе очень легко спровоцировать весьма опасный разговор, вроде того, что однажды у них состоялся. Нет, пока лучше держаться простодушного дружелюбия, между прочим, отнюдь не насквозь лживого, и касаться в беседе самых безобидных тем.

Камбер натянул повод и направил своего коня по поросшей травой тропинке, уходившей в глубину, рощи, Синкил пустился следом. Они говорили о прелестях

ясной погоды, о глубине ручья, через который они переезжали, вскоре завели споры о политике и обсудили справедливость наказания торентских пленников.

К радости Камбера, о нем больше не вспоминали. Приятно удивило и то, что многие идеи Синхила о будущем королевства были почерпнуты из бумаг, которые они с Джоремом давали Синхилу, когда он превращался из священника в короля. Теперь превращение состоялось. Словно война и события прошедших недель перечеркнули упрямство, так беспокоившее Камбера раньше.

В оставшуюся часть дня он узнал о том, как Синхил вживается в свои новые обязанности. Дружба между королем и будущим епископом крепла. Превращение Камбера в Келлена начинало оправдывать себя. Мучал только один вопрос.

Что произошло той ночью? Что в действительности видел Синхил? Отразится ли этот случай на нем?

Ему пришлось ждать несколько часов, чтобы получить по крайней мере частичный ответ,— пока они с Синхилом вернутся в Валорет, жаркий и пыльный, он пройдет к себе в апартаменты, вымоется и переоденется к ужину.

На глазах Гвейра и двух слуг, накрывавших стол, Камбер, горя нетерпением, приветствовал Джорема, Ивейн и Райса на манер Элистера Келлена, как радушный хозяин, встречающий дорогих гостей. Пока сервировали ужин, они вчетвером вели праздный разговор, затем кубки были наполнены, и трапеза началась. Пока приходилось оставаться только бывшим викарием и будущим епископом, ничем не выдавая себя.

Только когда удалось выдворить прислугу и отослать Гвейра, Камбер задал свой вопрос. Он был прав, его детям просто не приходило в голову, что Камбер мог не помнить: их лица красноречиво все сказали ему.

Не тратя времени на расспросы, Камбер обратился прямо к сознанию Ивейн и в ее мозгу прочел все о событиях той ночи. Узнал, почему король считает, что говорил с молодым монахом, отчего Синхил готов вслед за простодушным Дуалтой поверить в чудо и какую опасность видит в этом для себя.

Главное, он не хочет, чтобы об этом пошли разговоры. Ивейн пришлось ввести в обман короля, но это лучше, чем выдать то, на что было уже положено столько сил. Даже Джорем не может не признать, что в сложившихся обстоятельствах ее решение было наилучшим.

А своим сообщением Камбер единомышленников

ром рассказал комкано и смущенно, избегая поднимать глаза. Его благие намерения бесспорно встречали понимание, да и о чуде он тогда не знал, но положение осложнялось. Камбер что-то зачастил в этот мир, добра от этого ждать не приходилось.

Исправить ошибку было крайне сложно. Поздно пытаться стереть в сознании Гвейра эпизод встречи с призраком. Образ накрепко соединился со всеми воспоминаниями о лорде Мак-Рори, это было обширное, единое поле памяти. Манипулировать им так, чтобы юноша ничего не заподозрил, вряд ли возможно.

В безрадостных размышлениях они сообща искали выход, пока Джорем не вспомнил о другой стороне проблемы. О возможности взаимных откровений Гвейра, Синхила и Дуалты Камбер задумывался еще раньше, но его сын смотрел глубже.

Итак, они делятся воспоминаниями. Если не докопаются до истины и не заметят подвоха, то примут все за чистую монету. Что если молва об этом разойдется? Камбер Мак-Рори всегда был любим простым людом, в особенности после Реставрации. Его называли Миротворцем и Защитником людей — ведь он помог низвергнуть Дерини Имре. Два чуда, сотворенные такой личностью, положат начало культу Камбера.

Голос Джорема замер — он неожиданно вспомнил толпы людей, которые видел в часовне Кайрори, где покоилось тело. Лица тамошних паломников вновь предстали перед ним и породили еще большие опасения. Джорем торопливо пересказал, что видел, Ивейн дополнила его рассказ собственными наблюдениями, описав море цветов над могилой, выражение благоговейного трепета на загрубевших лицах окрестных поселян. Неужели это уже началось?

Слов не было, их мысли путались. Мрачная тишина сгустилась. В конце концов Камбер грохнул рукой по столу. Задрезжали столовые приборы, Джорем встрепенулся. Камбер отодвинулся от стола, лицо Элистера Келлена было чернее тучи.

— Согласен, ты убедил меня. Мы уже не вполне владем ситуацией. Ни я, ни вы не предугадали последствий. Что же теперь делать? Мир пребывает во тьме невежества, ему не хватало только новой чудесной фальшивки. Бог свидетель, я не святой и не чудотворец.

Ивейн улыбнулась.

— Мы знаем это, отец, однако убедить в этом наших добрых друзей будет совсем не просто. Откровенно говоря, меня беспокоят не столько Синхил и Гвейр,

сколько происходящее в Кайрори. Если мы не предпримем что-нибудь, то скоро увидим самый настоящий культ святого Камбера. Все к тому идет.

— Мы могли бы открыть правду,— сердито буркнул Джорем. Райс покачал головой.

— Ты же знаешь, что не можем, уже слишком поздно.— Он обвел их взглядом.— Что если мы просто закроем доступ к усыпальнице? А почему вообще графская часовня открыта для посторонних? В деревне есть своя, где похоронен Катан.

Ивейн не оценила идеи.

— Мы не можем так поступить. Часовня всегда была открыта для наших людей и всех, кто приходил туда помолиться. Чужие не могут попасть ночью, когда закрыты ворота поместья, а для тех, кто находится в ограде, она доступна во всякое время. Стоит закрыть часовню, и поползут слухи, мы как бы признаем за этим местом нечто исключительное и сверхъестественное.

— Ну, надо же! — воскликнул Джорем.— Как мы могли быть столь глупы?

— Дело не в глупости,— немного резко ответил Камбер.— Никто не мог знать, как все обернется. Ивейн безусловно права. Нельзя запрещать доступ в часовню. По-моему, стоит позаботиться о том, как сохранить могилу, учитывая то, что в ней не тот, к кому они стремятся.

— Будем надеяться, что правда никогда не выплывет,— беззвучно прошептала Ивейн.— Отец, а если они попытаются похитить тело?

— Тогда у нас действительно будут проблемы.

Успокаивая жену, Райс тронул ее плечо, но глаза смотрели на Камбера.

— Предположим, мы выставим преграды, что тогда? Преграды над захоронениями Дерини — обычное дело. По крайней мере они остановят охотников совать нос в чужие дела.

— А почему бы нам самим не похитить тело и тем самым исчерпать проблему? — спросил Джорем, высказывая вновь парадоксальность ума и чувство юмора.— Давайте ставить преграды,— добавил он, когда остальные удивленно повернулись,— но тело надо перевезти в другое место. Препятствия не удержат Дерини, или их придется делать сверхпрочными, а это еще более распалит одержимых и заставит придуматься рассудительных. Мы этого хотим?

— Он прав,— согласился Райс.— Наложенные заклатья — защита от тления и смена облика — не могут сохранять

438 свое действие вечно. Пока они еще сильны, в соедине-

нии укрепляя друг друга, но перед толковым и обстоятельным исследователем-Дерини могут и не устоять. Давайте перевезем тело в потайную михайлинскую часовню и похороним рядом с маленьким сыном Синхила и тем монахом, братом...

— Хамфри,— подсказала Ивейн.

— Да, Хамфри Галларо. Джорем, мне кажется, ты всегда хотел, чтобы Элистер покоился на земле Ордена?

Джорем сумрачно усмехнулся.

— Не знаю, лучше ли от этого Элистеру, но мне уж точно. Однако, когда кто-нибудь все-таки влезет в могилу, тебе, Ивейн, или кому-то из Кайрори придется давать объяснения. Ведь не хотите же вы, чтобы подумали, будто тело вознеслось на небеса. Не хватало нам еще одного чуда!

Камбер, слушавший их все более рассеянно, не мог сдерживать улыбку.

— Рад видеть, что вы все снова начали думать, а не просто причитать. Райс, я полагаю, что не надо чересчур усложнять. Если придется объяснять исчезновение, ты, Ивейн или Элинор скажете правду: прах перевезен в другое, более безопасное место, потому что вы боялись осквернения могилы. У Камбера было достаточно недругов. Других объяснений не надо, сколько бы ни просили. Это семейное дело.

Никто не возражал. Обсуждая исполнение задуманного, все четверо приступили к давно остывшей еде. В конце концов план по борьбе с грядущими напастьми, удовлетворяющий всех присутствующих, появился на свет. Случилось это за полночь, а о завтрашнем возведении Камбера в епископский сан речь так и не зашла. Ивейн и Райс избегали касаться этой темы, а Джорем упустил несколько удачных предлогов завести разговор.

Вероятно, они успели сговориться, заключил Камбер. О посвящении Райс и Ивейн считают неудобным говорить и предоставили все Джорему. Он, недолго думая, позвонил, чтобы убрали со стола, и с бокалом подогретого вина сел в сторонке у камина. Дети могли все выяснить за его спиной при помощи мимики и жестов. Слуги, собрав посуду и остатки еды, откланялись с пожеланиями доброй ночи, а вскоре Райс и Ивейн простились с отцом.

Джорем, прихватив кубок, осторожно сел в соседнее кресло. Слушал, как разносится по коридорам эхо удалявшихся шагов, потягивал вино и, казалось, ни о чем не думал.

Несколько минут спустя Камбер искоса взглянул на сына и угадал напряжение в каждой клеточке его те-

ла. Разговор предстоял нелёгкий, Джорем никак не мог к нему подступить. Ибо, чем бы не закончился их спор, оба знали, что Камберу придется пройти через завтрашнюю церемонию. Камбер Мак-Рори в личине Элистера Келлена будет рукоположен в епископы и должен будет исполнять обязанности духовного лица, хотя, по существу, не имеет на это никакого права.

Камбер посмотрел на сына, Джорем поднял голову, встретил его взгляд и снова уставился в свой бокал. Набрал полные легкие воздуха и решился.

— У нас не было возможности поговорить раньше. Так?

Камбер глядел в сторону, на парок над вином,— Джорему легче говорить, не видя его глаз.

— Не было. Я надеялся провести этот день с тобой, но...

Он пожал плечами устало и безнадежно, и Джорем перевел взгляд на огонь в камине.

— Я знаю, Синхил...— Джорем колебался — Скажи, ты думал о завтрашнем дне?

Камбер скрыл улыбку.

— Если после стольких лет ты научился понимать меня хоть немного, должен был не сомневаться, что я всегда беспокоюсь о грядущем,— негромко ответил он.— Я тоже нервничаю, сын. Просто не вижу способа отказаться от того, что должен совершить.

— Может, ты прав.— Глаза Джорема скрылись под белесыми ресницами.— Наверное, это неизбежно. Но тебе не приходило в голову поискать другие пути? Что если не придется строить решительно все на лжи и обмане.

— Как это?

— В твоей власти узаконить свой статус.

— Каким образом? — прошептал Камбер.

— Приняв священнический сан,— ответил Джорем, обратив к отцу умоляющий взор.— Сделай это сейчас, и завтра ты войдешь в собор с чистой совестью. Ты можешь! Видит Бог, мы часто говорили об этом раньше. Еще в юношестве ты стал диаконом. Уже много лет ты вдовец. У тебя есть право на священство. Уверен, что в подобных обстоятельствах Энском сказал бы то же самое.

— Энском?

Камбер глубоко вздохнул и выдохнул, унимая стук неистово забившегося сердца, когда смысл слов Джорема проник в глубины его существа.

Быть священником, а не прятать под облачением пустоту. Эта мысль взбудоражила и одновременно на-

пугала. В глубине души он всегда носил надежду когда-нибудь дать священные обеты. Его монастырское обучение сказалось на нем значительно сильнее, чем он сам раньше думал.

Но это было в прошлом, когда он еще был самим собой, а Элистер Келлен жил, имел ли Камбер Мак-Рори, присвоивший облик другого, смелость приблизиться к алтарю Господнему и просить о даровании священного сана?

Решится ли он совместить святое служение и греховный обман?

Может ли позволить архиепископу Энскому, примасу Гвиннеда и давнишнему другу, надеть на него епископскую митру, когда он не был к этому готов? Если же открыться Энскому, и тот согласится ввести его в сан, то будет виновен в двуличии, ибо согласится покрывать Камбера, хотя, конечно, он может и отказаться и публично обвинить его во лжи. Тоже вполне реальная возможность.

Но что если Камбер решится ничего не предпринимать, не обращаться к Энскому, что тогда? С завтрашнего дня у него больше не будет возможности избегать отправления обязанностей священника, положенных Элистеру Келлену, если он не хочет навлечь на себя подозрений. Однако не уклониться от этого означает подвергнуть опасности свою душу.

ГЛАВА XV

**Хвалите Господа, все народы,
прославляйте Его, все племена.¹**

Вздрыгнув, Камбер вернулся к реальности, чувствуя на себе взгляд сына и не зная, как долго пребывал в мире грез. Он стиснул в пальцах кубок, едва не раздавив его, и почему-то он подумал, как нелепо будет выглядеть завтра на церемонии с перевязанной рукой, если бокал все же разобьется.

Усилием воли он заставил пальцы разжаться и опустил кубок на пол, затем глубоко вздохнул и лишь после этого посмотрел на Джорема.

— Должен признать, тут ты застал меня врасплох,— неуверенно произнес он.— Похоже, я все это время подсознательно отказывался рассматривать подобную возможность. Мы с тобой отлично понимаем, почему я должен совершить то, что делаю, но, видимо, я не осмеливался даже помыслить о том, чтобы довериться Энскому. Могу понять, если он воспротивится.

— Неужто ты и вправду думаешь, что он не поймет? — мягко спросил Джорем — Я лично уверен в обратном, а ведь вы с ним были дружны куда дольше.

Камбер опустил глаза, в задумчивости проводя пальцами по резному подлокотнику.

— Меня ты тоже хорошо знаешь, сынок. И в своих оценках ты совершенно прав. Церковь и вера значат для меня слишком много, чтобы опорочить их, лишив форму истинного содержания.— Он поднял глаза и улыбнулся.— Просто я никогда не предполагал, что могу принять сан вот так, при таких об-

стоятельствах. Мне всегда казалось, это случится попозже, когда дети вырастут, и я смогу переложить заботы о графстве на плечи Катана. Но теперь все изменилось. Катан мертв, его сын и наследник очень юн, а на троне новый король, который во многом и сам еще дитя.— Он вздохнул.— Но выбора нет. Подобно Синхилу, мне предстоит научиться вести ту жизнь, какую я сам для себя избрал.

Джорем на мгновение отвел глаза, потом снова посмотрел на отца.

— Значит, ты поговоришь с Энскомом?

— Думаю, да. Я хочу еще немного повременить и, если ты сумеешь сделать так, чтобы Райс и Ивейн оказались поблизости, я буду очень признателен. Вы трое будете моими свидетелями в случае согласия Энскома — Камбер несколько минут стоял неподвижно, глядя на огонь, умирающий в камине, потом перешел в молельню. В комнатке горела только красная лампада, и, зажигая свечи на алтаре, Камбер улыбался с наивной радостью простолюдина.

Нет, не надо никаких магических премудростей и ухищрений, он примет решение с чистой и ясной душой.

Опускаясь на колени у анаоя, он прикрыл глаза руками и несколько минут успокаивался, углубившись в слова молитвы, внутренне собираясь для важного шага.

Сомнения не покидали. Все ли последствия учтены? Стоило покопаться в себе, обратиться к памяти Элистера, добраться до границ подсознания. Камбер легко расстался с реальностью — переход в трансцендентное состояние был освоен им еще в юности.

Когда он вернулся и поднял голову, свечи на алтаре стали на целый дюйм короче. Задуваемое сквозняком пламя колыбалось и мерцало. Сверху, с креста из дерева и слоновой кости, на него с состраданием взирало ясное лицо Спасителя.

Камбер склонил голову набок, пытаясь заглянуть под прикрытые веки, и недовольно скривил губы, как делал это ребенок, потом улыбнулся и капитулировал. Ему показалось, будто лицо на распятии осветилось ответной улыбкой или свечи разом моргнули.

Все равно добрый знак. Он пойдет к своему старому другу Энскому. Откроет правду и положит ее к ногам того, кто одновременно был ему братом и духовным отцом. А потом, если Энском согласится, примет священный сан.

Только так можно пройти посвящение в епископы. **443**

Плохо сознавая, что произойдет дальше, Камбер стучал в дверь Энскома. Он дышал с натугой, во рту пересохло, руки судорожно подергивались. Рядом, с факелом в руках, стоял монах-михайлинец.

Что думал о нем этот брат, заметил ли его состояние? Камбер молился, чтобы монах приписал его нервность естественному волнению кандидата в епископы. Тишина за дверью делалась невыносима.

Потом в нее ударил кулак монаха, а он бормотал что-то о том, что слух у архиепископа сдает, уже не тот, что прежде.

Камбер замер с рукой, занесенной над дверью, — с другой стороны двери отодвигали засов. Отворил сам Энском. Заспанные глаза говорили о том, что он только что покинул постель.

— Прошу прощения, что тревожу вас в такое время, ваша милость, — заторопился Камбер.

— Элистер? — В голосе архиепископа звучало сонное недоумение, — Я полагал, вы давно в постели. Что-то не так?

— Не мог заснуть, ваша милость, мне нужно исповедаться. Вы не могли бы...

— Исповедать вас? — Энском оглядел бывшего викария и посмотрел ему в глаза, сон слетел с него. — Мне казалось, что у вас есть свой духовник-михайлинец, отче. Он что, в отсуствии?

Камбер отвел взгляд и вкрадчиво отвечал:

— Он не архиепископ, ваша милость. Есть обстоятельства, заставляющие обратиться именно к вам.

Камбер подкрепил свою речь многозначительным взглядом, и Энском посмотрел на него так, словно только что увидел. Махнув рукой, архиепископ отпустил факельщика, огонь поплыл по темному коридору, удаляясь, и Энском отступил в сторону, приглашая войти.

Пока он возился с дверным засовом, Камбер уже стоял в центре комнаты, не зная, куда спрятать глаза. Он был в смутении, самоанализ не избавил от страхов и робости перед наступающим моментом откровения. За Энском он, трепеща, вошел в молельню архиепископа, еще более изысканную, чем у Элистера. Хозяин молельни надел лежавшую на аналое бархатную епитрахиль.

— Благодарю, что приняли меня в столь поздний час, Ваше Преосвященство. Я не стал бы беспокоить вас, но мою

Энском приложился губами к епитрахили, расправил складки ночной рубашки, указал гостю место у аналая и направился к алтарю.

Камбер, ухватив за рукав, развернул его к себе и начал возвращать свой облик.

— Что!..

На глазах архиепископа на затуманившемся лице проступали черты человека, отпетого в кафедральном соборе несколько дней назад. Энском привалился к стене и потянулся к своему нателному кресту. Его рот открывался и закрывался, наконец сложилось единственное слово: Камбер!

Камбер смиренно улыбнулся и опустил ся на колени у аналая, на место, предназначенное ему.

— Прости, старый друг. Я знаю, как трудно, и то ли еще будет.

— Но как?.. Ты был мертв! Я видел тебя! Я служил по тебе отходную! — Энском качал головой и снова и снова смотрел на Камбера, проводя рукой по глазам, словно желая избавиться от наваждения.

— Тебе будут не по нраву мои объяснения, еще меньше понравится то, что я должен продолжать начатое и просить твоей помощи. Элистер убил Эриселу и погиб. Умер он, а не я.

— Но ты...

В это мгновение Энскома осенило, и он опустил ся на ступеньку перед алтарем, как громом пораженный.

— Ты изменил облик. Ты понимал, что утрачиваешь влияние, мы ведь даже говорили об этом. И решил начать сначала, раз Келлен умер. Он был мертв?

Энском так испугался своей догадки, что не сумел ее скрыть. В то же мгновение Камбер был возле прелата, устремив серые глаза в его смятенные голубые.

— Милый друг, не думай об этом! Как могло прийти тебе в голову, что я убил друга и сподвижника ради своих политических выгод?

Энском отвел глаза.

— Убийство — очень страшное слово,— прошептал он,— Порой достаточно отказать в помощи тяжело раненому, и результат будет тот же.

Наступила долгая тишина, потом Камбер ответил едва слышно:

— Разве я из числа способных на такое?

Энском протяжно выдохнул.

— Не думаю... Нет. Но я и предположить не мог, что ты примешь облик мертвого.— Он поднял голо-

ву.— Скажи мне то, что я хочу услышать, Камбер... и моли Бога, чтобы это было правдой.

Энском хотел видеть глаза Камбера, и Камбер тоже этого хотел, Они будто пытались заглянуть друг другу в душу. Наконец гость заговорил:

— Я не могу винить тебя в сомнениях, милый друг. Твоя совесть и высокий сан требуют этого. Но, поверь, я ни прямо, ни косвенно не виновен в смерти Элистера Келлена. Он был мертв, когда мы нашли его. Джорем может подтвердить это. Он все время был со мной.

— Джорем?

Энском облегченно вздохнул и вытер рукавом вспотевшее лицо.

— Бог мой, Камбер, тебе придется дать мне несколько минут, чтобы свыкнуться с этим.— Он нервно потирал руки. Отвернулся в сторону и снова заговорил, размышляя вслух.— Ты поменялся оболочками с Элистером и исполнял его роль... почти две недели.— Он замолчал и взглянул на Камбера.— Выполнил обязанности священника, не так ли?

Камбер покачал головой.

— По существу — нет. Мне удавалось не выходить за пределы своего диаконского посвящения. Об этом можно не беспокоиться.

— Но ты играл роль настоятеля михайлинцев. Не хочешь же ты сказать, Камбер Мак-Рори, что не служил мессу, не исповедовал и не совершал других святых таинств, права на которые не удостоен.

— Пока нет. Но...— Камбер вздохнул,— сегодня вечером, после не очень деликатной подсказки моего сына, я понял невозможность продолжать такую жизнь и, если ты не поможешь мне, завтра же признаться во всем. Многие, да и ты тоже, считают меня отчаянно дерзким, но никогда не осмелюсь я принять епископскую митру, не будучи священником.

Энском долго смотрел на него, отыскивая в дымке деринийской премудрости чистое зерно истины, потом опустил глаза.

— Значит, ты пришел ко мне получить священство?

— Да. И это должно быть сделано сегодня, сейчас. Я приму любую епитимью, искуплю, чем только можно, содеянное мной. Возможно, я преступил дозволенные пределы в своем стремлении сделать добро Гвиннеду. Но ради этой страны я на все готов. Энском, у меня был сын, и я потерял его.

446 Катан — одна из бесчисленных жертв Имре... Но это в

прошлом. Ты сможешь, Энском? Введешь меня в священство?

— Камбер...

Голос Энскома замер, он смотрел на распятие над алтарем.

— Камбер, ты понимаешь, о чем просишь? Это совершается раз и навсегда.

— Я всегда желал быть священником, даже в детстве. И ты знаешь это. Если бы братья не умерли так рано, я остался бы в семинарии, и мы с тобой приняли бы священный сан одновременно. Сейчас я мог быть епископом, а может, и занимать твой пост.

Он указал на перстень архиепископа на пальце Энскома, тот вытянул руку, и аметист блеснул на ней. Архиепископ поднял голову, его голубые глаза сияли.

— Наверное, ты прав,— он попробовал улыбнуться.— Ты мог стать превосходным епископом.

— Надеюсь, я буду им. По крайней мере, твое благословение даст мне шанс.

Энском отвернулся, поигрывая расшитой епитрахилью, потом долго изучал свой перстень. В конце концов, подняв голову, он ненадолго встретился взглядом с Камбером и решительно поднялся.

— Ты избрал нелегкий путь, Камбер. Но хорошо. Я посвящу тебя.— К архиепископу вернулась привычная твердость.— Однако не жди от меня снисхождения.

— Я был бы разочарован всякой поблажкой.

— Ладно. Мы поняли друг друга. Из того, что ты говорил, я сделал вывод, что Джорему известна правда о тебе.

— Джорем ожидает твоих распоряжений. Ивейн и Райс тоже. Больше никто не знает истины.

Энском кивнул.

— Свидетелей не так много. У тебя их могло быть много больше. Придется утешиться, что все присутствующие безусловно желанны,— он продолжил, помолчав: — Тебе больше нечего сказать, не так ли? Для одной ночи было довольно сурпризов.

— И еще один, последний,— Камбер улыбнулся.

— Ты меня пугаешь.

— Вопрос в имени,— быстро добавил Камбер.— Возможно, тебе покажется пустым, но я хотел бы в новом духовном звании сохранить свое диаконское имя.

— Кайрил? Не вижу в этом ничего предосудительного. Ты ведь и прежде часто использовал его как вто-

рое имя, не правда ли? Кроме того, об этом никто не будет знать, кроме нас и твоих детей.

— Мне бы также хотелось прибавить это имя во время рукоположения в епископы. Ведь я вправе принять вместе с новым саном и дополнительное имя.

Энском поднял бровь.

— Тебе хочется присоединить это имя к имени Элистера? А не поможет ли это каким-нибудь дотошным умам приблизиться к истине, сложить единую картину?

— А что можно сложить? — возразил Камбер. — Легко объяснить решение данью памяти старому другу.

— А вдруг объяснения не удовлетворят?

Камбер пожал плечами.

— Как священник и епископ, хранящий секреты исповеди, я не могу быть подвергнут считыванию мыслей, если ты как архиепископ не потребуешь этого. Другого пути доказать, что я не Элистер Келлен, нет.

— Это ты так думаешь, — пробормотал Энском. — Будь по-твоему, раз ты настаиваешь, так и сделаем.

Он остановился в дверном проеме, сделавшись темным силуэтом на фоне свечей в соседней комнате. Его ночная рубашка и взъерошенные волосы никак не вязались с торжественной решимостью лица.

— И последнее, прежде чем я оставляю тебя наедине с твоей совестью и пойду заниматься приготовлениями. Очевидно, ты продумал все заранее. Возможно, ты желаешь, чтобы посвящение прошло в каком-то определенном месте? Поскольку в соборе, как полагается, мы, конечно, провести его не сможем.

— Да, в часовне михайлинской крепости, где мы впервые объявили Синхила законным наследником престола. Подходящее место, как ты думаешь?

ГЛАВА XVI

**Ибо всякий первосвященник,
из человеков избираемый,
для человеков поставляется
на служение Богу,
чтобы приносить дары
и жертвы за грехи.¹**

Пусть два часа все было готово. Ивейн с Райсом под присмотром обрадованного Джорема навели порядок в часовне, пустовавшей и магически запечатанной после Реставрации Халдейнов. Камбер, основная фигура в грядущей церемонии, не видел ни часовни, ни своих детей. Как Энском и обещал, никто не собирался облегчать ему задачу.

Камбер ожидал своего часа в маленькой комнатке, беспокойно расхаживая взад и вперед. Здесь царил невыносимый холод, ибо никто не потрудился развести огонь, но хотя бы было относительно чисто, так что он смог спокойно переодеться. Единственная свеча бросала слабые отблески на разложенное на столе одеяние, но не могла согреть озябшие руки. И хотя Камбер сознавал, что холод отчасти идет и изнутри, он был достаточно человеком, чтобы это причиняло неудобство — и достаточно Дерини, чтобы досадовать на неспособность полностью овладеть собой и победить волнение.

Он попытался определить истинную причину тревоги, но, увы, логика в данном случае оказалась бессильна. Должно быть, подобные чувства испытывал всякий священник в ожидании рукоположения.

¹ Евреям 5:1

Впрочем, он был готов и, видит Бог, не только душой, ибо давно преодолел все сомнения, но и телом, в деталях представляя весь ритуал, через который ему вскоре предстояло пройти. Как и все Дерини, он обладал отличной памятью, а сейчас ему помогали еще и воспоминания Элистера.

Час назад Энском обсудил с ним церемонию рукоположения и в конце концов, качая головой, решил остановиться на куда более древнем обряде,— как он заверил Камбера, тот куда больше подходил для Дерини.

Затем Камбер погрузился в глубокий транс, запечатлевая в памяти все реплики и движения церемонии, но он сознавал, что истинное понимание слов и движений придет лишь тогда, когда они в действительности совершат этот ритуал.

Сейчас, как воинская перевязь, его перепоясывал орарь — диаконская спитрахиль синего цвета с колечком и белым шнуrom на конце. Тело от горла до пят скрывалось под стихарем. Когда же он впервые надел диаконское облачение? Неужели срок лет прошло?

Задумчиво поглаживая шелковый орарь, Камбер повернулся к столу. Эта белоснежная риза, которую он наденет... Она — символ достоинства духовного лица. Восковая свеча лежала рядом. Ее он внесет в часовню перед началом обряда, и увидит Всевышний, что чисты помыслы раба его перед алтарем Господним.

Внезапный стук в дверь оглушил его.

Неужели пора?

В комнату бесшумно проскользнул Джорем с горячей свечой в руке. В его глубокой озабоченности угадывалась и сдерживаемая радость. Не отрывая глаз от сына, Камбер, повинуясь порыву, шагнул ему навстречу. Они остановились лицом к лицу, посмотрели друг на друга и увидели новыми глазами.

Скоро их навеки свяжут не только кровные узы. Камбер, осознав это, вздохнул, Джорем поспешно поставил свечи на стол и обнял отца — подумал, что запоздалые страхи все еще мучат его.

Камбер прижал сына к себе, поглаживая золотистые волосы, как делал это, когда Джорем был ребенком, отстранился и встретил его встревоженный взгляд.

— Я не боюсь, сынок,— сказал он так жадно вглядываясь в лицо юноши, чтобы запомнить каждую деталь.— Правда, не боюсь. Ты думал, мне страшно?

Джорем гордо повел головой. Несмотря на все усилия, его глаза наполнились слезами.

— Нет. Мне просто... захотелось обнять тебя... брат.

Камбер улыбнулся и принялся поправлять и разглаживать свое облачение.

— Брат. Как чудесно это слово звучит в твоих устах.— Он с любовью смотрел на Джорема.— По-моему, это большая честь, чем быть твоим отцом.

Джорем нагнул голову, заморгал, прогоняя слезы, потом поднял глаза и улыбнулся.

— Пойдем... отец. Пора придавать этому слову второе значение.

Гордый, он умолк, взял ризу и перебросил через руку отца, зажег восковую свечу, вложил ее в руку соискателя священного сана.

Крошечная комната сияла золотом и блеском базальта. Купол поддерживали восемь стен, у каждой из них горело по толстой свече желтого воска. Еще шесть освещали алтарь и распятие на восточной стене. Четыре канделябра обозначали стороны света: восточный стоял за алтарем, западный — у входа, еще два — у стен. Такого не требовалось в обычном обряде рукоположения в сан.

Все это Камбер мгновенно увидел и внес в память. Однако все внимание его привлекали сейчас три фигуры — казавшиеся столь значительными, что небольшая часовня словно бы еще уменьшилась в размерах от их присутствия.

Энском в полном облачении располагался левее алтаря, возвышаясь над остальными. Его лицо было непроницаемо. Райс и Ивейн стояли справа, отделенные от архиепископа кельдйским ковром, постеленным у ступеней алтаря. Где-то позаимствованные михайлинские мантии преобразили молодых супругов. Золотые волосы Ивейн не уместились в капюшоне и ниспадали до пояса. Они с Райсом приветливо и многозначительно улыбались вошедшим.

Джорем затворил дверь и задвинул тяжелый засов. Энском сошел со ступеней у алтаря и знаком пригласил Камбера ступить на ковер, переливавшийся, как россыпь драгоценных камней. Камбер опустился на колени, поцеловал кольцо архиепископа, и тот помог ему подняться.

— Переведи дух, пока мы будем ставить преграды, друг мой. Мы используем тот вид защиты, который был обнаружен тобой, Ивейн и Райс настаивали на этом выборе.

Выпрямляясь, Камбер сдержал улыбку, вспоминая, что в последний раз они ставили эти преграды в этой же самой комнате. В ту ночь они надеялись наделить священника-принца Деринийским могуществом, а в эту — Дери-

ни давал священные обеты. Эта проведенная им параллель веселила и пугала его.

Камбер стоял, вытянувшись и откинув голову назад, чтобы ни на что не отвлекаться, он щурил глаза и чувствовал тепло восковой свечи в правой руке и совсем иное — тепло ризы — на сгибе левой. Стоявший рядом Джорем поклонился архиепископу и взойшел к алтарю. Справа и немного позади стояли Райс и Ивейн. Слева слышалось учащенное дыхание Энскома. Камбер в последний раз перед шагом в новую жизнь углубился в себя.

Спустя мгновение Ивейн вышла вперед и опустилась на колени возле ступеней. Джорем наклонился, поцеловал алтарь, взял в левую руку новую восковую свечу и правую плавно приблизился к нетронутому фитилю.

Вспышка. Свеча разгорелась. Джорем повернулся, приглашая Ивейн подойти. Когда Ивейн взойдет по ступеням, возьмет свечу и зажжет большую свечу на востоке, они все должны начать передавать энергию формирующимся преградам.

Вспыхнуло пламя восточной свечи, Ивейн вернулась и, прикрывая пламя ладонью, спускалась по ступеням, направляясь к свече справа от Камбера.

Камбер зажмурился и обратил свой мозг к возведенным преградам, ощущая концентрацию энергии вокруг. Ивейн зажгла свечу справа и продолжала путь. Он услышал шипение новой щепоти ладана, подсыпанной в дымившее кадило, и перестал оценивать происходящее. Джорем с кадилом отмеривал шаги перед алтарем, и Камбер растворялся, слушая его.

— *Incensum istud a te benedictum...* Пусть эти благословенные благовония вознесутся к Тебе, о, Господи. *Et descendat super nos praesidium tuam.* И пусть Твои покровы защитят нас.

Ивейн зажгла последнюю свечу слева, и Камбер слышал, что она возвращалась. В воцарившейся тишине позвякивали звенья цепочек качавшегося кадила, Джорем окурил священный дымом сестру и повернул направо, чтобы повторить ее путь. Когда его голос вновь поплыл среди курений, Ивейн заняла место позади отца.

— *Terribilis est locus iste: hic domus Dei est, et porta caeli...* Устрашиться — это дом Господень и врата Небес, да будет наречен он обителью Бога.

Джорем обошел по кругу и теперь кадил внутри него, овеивая часовню сладким дымом ладана. Закончив, он оставил кадило у алтаря и вернулся, чтобы встать справа от Камбера, а Райс занял обычное место Целителя перед ним.

С закрытыми глазам Камбер остальными своими чувствами тоньше воспринимал ход вещей. Вот Ивейн возвела руки и всем существом взывает к тому, чье присутствие так необходимо им. К ее внутреннему порыву примешивались какие-то реальные звуки и появились неуловимые, летучие чувства, когда она начала заклинание.

— Мы вне времени и вне земли. Как учили наши предки, мы соединяемся в одно целое.

Все присутствующие склонили головы.

— Именами твоих благословенных апостолов — Марка, Луки, Матфея и Иоанна — именами твоих ангелов, всеми силами Света и Тьмы, мы призываем Тебя, о, Всевышний. Защити и сохрани нас,— продолжала Ивейн.— Так было, есть, да пребудет вовеки. *Per omnia saecula saeculorum.*

— Аминь,— разом слетело с губ. Не открывая глаз, Камбер опустил на колени. Мимо прошел Энском, чтобы подняться на алтарь и начать службу.

— *Introibo ad altare Dei,*— произнес архиепископ.— Я взойду на алтарь Божий.

— *Ad Deum qui loetificat juventutem meam.* Всевышнему, который дает мне счастье молодости.— Эти слова принадлежали Джорему, следовавшему за архиепископом.

— *Judica me, Deus...* Суди меня, о, Господи, и отдели от нечестивцев.

До тех пор пока Энском не закончил короткой молитвы, месса шла своим привычным путем. Когда последние слова замерли в тишине, Камбер наконец прибавил к прочим чувствам свое зрение.

Ивейн и Райс стояли слева, Джорем подхватил под правую руку, помогая подняться. Энском был у аналая, он потянулся за своим посохом архипастыря, и драгоценная митра сверкнула, отражая огни свечей гранями своих камней. От лампады лицо архиепископа было чуть красноватым. Он заговорил странно спокойно, почти безмятежно.

— Сейчас мы стоим в доме Господнем, в центре Вселенной, в которой мы лишь гости ненадолго. Здесь, перед Всевышним и другими Силами, которые мы призывали, мы обращаемся к Камберу Кайрилу Мак-Рори, принимающему священный сан...

— *Adsum,*— пробормотал Камбер, склонив голову.— Я здесь.

Сопровождаемый Джоремом, он вышел на три шага вперед и снова опустил на колени. Восковая свеча, которую он держал в руке, слегка подрагивала.

Джорем глубоко поклонился.

— Reverendissime Pater... Ваше Преосвященство, ради нашей матери-церкви и тех, кто шел перед нами, я прошу вас благословить присутствующего здесь диакона Камбера Кайрила Мак-Рори и возложить на его плечи бремя священника-Дерини.

— Достоин ли он этого?

Джорем поклонился снова.

— Я уверен в этом, насколько может быть уверен простой смертный. И подтверждаю — он достоин принять священный сан.

Быстро кивнув, Энском повернулся к Райсу и Ивейн, произнося слова обряда, не требующие ответа.

— Братья и сестры, знайте, что милостью нашего Господа мы избрали диакона Камбера Кайрила Мак-Рори, чтобы посвятить его в священнослужители. Если к этому есть препятствия, то пусть тот, кому они известны, их назовет. Здесь и сейчас.

Ответа не было, и Энском снова обратил взгляд на Камбера, стоявшего на коленях на келдишском ковре со свечой в руке.

— Обязанность священника — жертвовать собой, благословлять других, нести миру Истину, проповедовать слово Божье и обращать нечестивых. Основываясь на своих способностях видеть насквозь сердца и души паствы — это дополнительное требование к священнику-Дерини. Примешь ли ты сан священника перед ликом Господа?

— Volo. Приму.

— И будешь покорным своему епископу?

— Буду, и да поможет мне Бог.

— Да снизойдет к тебе Господь, чтобы укрепить в тебе дух добра.

— Аминь,— отозвался Камбер.

Поднявшись, Энском взял свечу Камбера и поставил ее на алтарь. Джорем снял с руки отца ризу и тоже положил на алтарь.

Камбер лег и распростерся на ковре, а остальные, стоя на коленях, читали соответствующие случаю литании, каждая фраза которых волной проникала в Камбера и увлекала в покой сознания.

— Kyne eleison.

— Christe eleison.

— Christe audi nos.

— Sancta Maria...

— Ora pro nobis.

— Sancte Michael...

— Ora pro nobis.

Слова литании убаюкивали, помогали все глубже уходить в себя. Отцам церкви было ведомо, как сообщить доброму христианину состояние духа между явью и небытием, в котором человеку открывается высокий смысл таинства посвящения в духовное звание. Обряд шел своим чередом, но Камбер вернулся к нему; Энском читал заключительную молитву, взывая о милости небес к человеку, ниц лежавшему перед алтарем.

— Взгляни с любовью на слугу Твоего Камбера Кайрила, о, Господи, руки которого тянутся к Твоему престолу. Облеки его плечи в мантию священнослужителя, как делалось от века. Придай ему сил, чтобы он мог служить Тебе и ночью, и днем, о, Всемогущий, Властитель мира...

Когда молитва была закончена, Энском перешел к аналою и ожидал, пока Джорем поможет отцу подняться и снова оказаться на коленях перед архиепископом. Священник Джорем изготавился участвовать в церемонии рукоположения.

Когда Энском занес руку над его головой, Камбер глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Наступила основная часть обряда: мистическое возложение рук. Он решительно опустил защиты, открывая все уголки своего сознания чтобы чувствовать движение Сил Мироздания в Энскоме и Джореме.

— О, Всемогущий, Творец всего сущего. Твой слуга Энском, орудие Твоей воли, проводник Твоего могущества, соединенный с Тобой нерасторжимо, я представляю Тебе Твоего слугу Камбера Кайрила, чтобы он смог стать Твоим священником.

Руки архиепископа опустились на голову Камбера, и он почувствовал слабое покалывание и поток высокой силы, вливающийся в мозг. Первым побуждением было отшатнуться, поднять все защиты и преграды, воспротивиться пугающей силе, чье могущество он уже ощущал. Но он не отступил. Слишком многое решалось для Камбера в эти мгновения.

Другая рука коснулась виска и принесла ласковый холодок, он узнал его сразу, а Джорем уже был в нем, воссоединив сознание. Камбер остался раскрытым, во власти того, что определяет порядок вещей и событий и зовется меж людей судьбою. А в это время Энском продолжал;

— Accipite Spiritum: quorum remisieritis... Прими Святой Дух. Чьи грехи ты простишь...

Он говорил что-то еще, но постепенно Камбер перестал улавливать смысл слов, сосредоточившись на том, что он начинал ощущать от прикосновений Энскома и Джорема.

Давление внутри мозга росло; его наполняло Нечто, та-

кое могущественное и пугающее, что он не мог противиться влиянию, отдававшемуся в самых дальних уголках его существа.

Камбер утратил слух и понял, что зрение исчезло еще раньше, но не стал этого проверять — спасение своей плоти и бральной жизни сейчас не много значили.

Постепенно он перестал ощущать свое тело. Остался сгусток сознания, купающийся в прохладном, золотистом сиянии и устремленный к яркой сверкающей точке. Никогда многоопытный Дерини не переживал ничего подобного.

Камбер уже не боялся. Он окунулся в мир ликования и полного единения со всем, что было когда-то, есть сейчас и еще будет. Он парил, растянувшись радужной дугой, понимая, как мало значит для человеческого существа его земная жизнь. Вслед за смертью тела сущность освобождается от оболочки, развивается и растет. Впереди у нее — вечность.

Вспышкой серебряных искр перед Камбером рассыпалось все его прошлое, вся земная история; мелькнуло и исчезло.

Потом он увидел свое посвящение. Где-то внизу на светловолосую голову с густой проседью опускались освящающие руки. В движении соединялись легкость и неодолимая мощь.

Внезапно мелькнула мысль; все это игра воображения. Его практичный разум ухватился за нее, но сознание восстало, даже не дав этой мысли как следует оформиться.

Разве имело какое-нибудь значение — правда открылась ему, или чей-то вымысел завладел его мозгом? Мог ли смертный мечтать о счастье соприкосновения с Божественным во всем его величии. Особой милостью провидения избранные могли краем глаза и на одно мгновение узреть Внеземное.

Теперь он переживал невероятную близость к силам, управляющим движением Вселенной, он — существо несправедливое и слабое, человек и Дерини.

Было отчего испугаться. Рациональное начало в Камбере озабочилось возможностью возвращения в реальный мир, но попятное движение уже началось. Камбер ощущал, как ослабевает влияние управлявших им сил.

Рядом возникло сознание Энскома, теплое и доброжелательное. Он спрашивал, и в вопросе сквозило любопытство. Камбер понял; именно Энском вел его в неземных сферах, питая высшей силой, но сам не проникал туда. Джорем тоже не изведаль открытий отца, был не более чем проводником энергии к нему, только очень любимым.

Провожатые по очереди вышли из контакта, и
456 Камбер вновь обрел тело. Вздохнув, открыл глаза,

встретился взглядом с Энском и посмотрел на встревоженного сына.

Им были не нужны его слова о горных высях. Почему — он сразу же понял. Тот, кто был священником, получал Откровение. Теперь приобщился он, и все трое владели сокровенным знанием.

Так вот от чего отлучили Синхила и о чем он не устает печалиться. Энском, Джорем и он сам теперь не такие, как все. А Синхил...

Он снова вздохнул, и Энском улыбнулся. Архиепископ развязал пояс на стихаре Камбера, освобождая орарь, потом свободным концом синей шелковой ленты обвил шею и опустил его на грудь — орарь превращался в епитрахиль. Перекрестив концы на груди Камбера, Энском заправив их под шнурок и произнес:

— Accipejugum Domini... Прими ярмо Господне, ибо ярмо Его сладостно, и ноша легка.

Поклонившись на белоснежную ризу, принесенную Джорем, он надел ее на Камбера, облачение ниспадало живописными складками.

— Accipe vestem sacerdotalem... Прими священное одеяние, олицетворяющее милосердие, ибо Господь может избрать тебя, чтобы ты достиг высшего совершенства и милосердия.

Энском приблизился к алтарю и прочел еще одну молитву, после чего архиепископ вернулся на прежнее место и снял перстень и лиловые перчатки. Камбер, стоявший на коленях перед ним, поднес раскрытые ладони, чтобы принять миропомазание. Палец архиепископа вывел кресты на ладонях, затем соединил большой палец правой руки Камбера и указательный палец левой, а большой палец на левой руке с указательным пальцем на правой и произнес:

— Consecrare et sanctificare digneris, Domine... О, Господи, освяти эти руки елеем и нашим благословением. Он перекрестил протянутые руки.

— Что бы они ни благословляли, да будет то благословенно; что бы они ни освящали, да будет то освящено. ...In nomine Domini Nostri Jesu Chrisie. Amen.

С этими словами Энском сложил руки Камбера ладонь к ладони и перевязал полоской белой ткани. Джорем снова подвел новоосвященное духовное лицо к алтарю и помог опуститься на колени. Энском приблизился. Джорем смешал в потире вино и воду, а сверху поставил дискос с просфорой. Энском сошел со ступеней и протянул новому священнику эти символы приобщения к сану.

— Прими силу жертвовать ради Господа и от имени Господа служить мессы для живущих и упокоившихся. Аминь.

Камбер коснулся потира и дискаса кончиками пальцев связанных рук, потом склонил голову, Энском вернулся к алтарю, а Джорем развязал руки и вытер священное масло. Закончив, Джорем поднял отца и направил к аналою, где стоял архиепископ. Там Камбер опять преклонил колени. Склонив голову, он вложил руки в ладони Энского для принесения обета послушания.

— *Promittis michi et successoribus meis obedientiam et reverentiam?* — спросил Энском. — Ты обещаешь быть послушным мне и моим преемникам?

— *Promitto.* Обещаю.

— *Pax Domini sit semper tecum.*

— *Et cum spiritu tuo.*

— *Ora pro me, Prater,* — прошептал Энском с едва заметной улыбкой.

Камбер улыбнулся в ответ.

— *Dominus vobis retribuatur.* Да вознаградит тебя Господь.

Энском обвел взглядом остальных — Джорема, Ивейн и Райса, — наблюдавших за Камбером, потом снова посмотрел на нового собрата.

— Я хочу предупредить тебя об опасностях, возможно подстерегающих тебя. Вероятно, ты и сам предвидишь их, но все равно придется поупражняться в осмотрительности. Ты обнаружишь, если уже не догадался, что совершаемые священниками обряды не менее сильны, чем мирские действия Дерини (говоря мирские, я имею в виду Деринийское значение этого слова, ибо само по себе это определение неточно). Возможно, поэтому даже в наших мирских делах мы стараемся строго придерживаться принятых правил. Мы знаем или по крайней мере имеем представление о протяженности, высоте и глубине воздействия сил, которые, призываем в помощь.

Он снова посмотрел на присутствующих, а потом на Камбера.

— Итак, возлюбленный сын мой, я не стану предупреждать тебя как всякого рядового священника, потому что ты один из самых необыкновенных людей, каких мне доводилось встречать. Я просто желаю тебе выполнять принятые этой ночью обеты и прошу остаться после окончания обряда посвящения и отслужить первую в твоей жизни мессу. Джорем, подай, пожалуйста, Книгу.

458 Когда Джорем принес лежавшее на алтаре евангелие, Энском встал и знаком попросил подняться Кам-

бера. Взяв его за правую руку, развернул Камбера лицом к дочери и зятю.

— Слушайте все, присутствующие здесь; Камбер Кайриал был освящен для деяний Господних и сана священника. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Джорем поклонился и передал евангелие Энскому, не отрывая взгляда от лица отца; Энском положил книгу на руки Камбера.

— Господь принял клятву и да не раскается. Теперь ты священник навеки,— объявил Энском.— В день великого гнева будь десницей Господа нашего.

Камбер поцеловал книгу и передал Энскому.

— А теперь вознесем к Господу наши ликования! — возгласил архиепископ, широко улыбаясь и обнимая Камбера.— Джорем, иди же, обними своего отца, теперь он и брат твой.

Он отошел, и его место занял Джорем. Джорема сменила Ивейн, со слезами радости уткнувшаяся в плечо, и Райс, которого Камбер обнял с отцовской любовью.

— Счастья и почестей вам, преподобный Камбер.— Райс улыбнулся, и его солнечно-желтые глаза весело заблестели — А теперь, если ты уже закончил принимать поздравления, мы с нетерпением ждем от тебя подарка — твоей первой мессы. Можно помогать тебе служить ее?

Самые близкие и любимые прислуживали ему. В тонкостях ритуала помогали Джорем и Энском, Ивейн и Райсу было не до мелочей, их переполняла нечаянная радость.

Камберу показалось, они понимают, что это означает для него, а то, чего не могут постичь, принимают на веру. Он почувствовал эту веру, когда они опустили на колени, чтобы принять благословение из его священных рук, и видел ее в восторге дочери, когда ее муж, прощаясь, обнял Камбера, прежде чем воспользоваться Порталом для возвращения домой.

С Джоремом все и так было ясно, тут не требовалось искать подтверждений. В блеске глаз сына разом читалось все, его переполнявшее.

Они не говорили об этом, пока Энском тоже не удалился и не пришла пора укладывать облачение и алтарные принадлежности. Джорем свернул свою и отцовскую ризы, бережно уложил в кожаную дорожную сумку и с улыбкой обратился к Камберу:

— Что скажешь, отец?

Камбер, соскабливавший воск, растекшийся от западной свечи, взглянул, широко улыбаясь.

— Ты теперь произносишь эти слова иначе, заметил?
— Отец? — Джорем засмеялся и отнес западную свечу к остальным.

— А разве ты не изменился?

— Я надеюсь, ты не станешь требовать ответа.— Камбер тоже развеселился.— Джорем, я не чувствовал себя таким счастливым уже много лет.— Убрав последнюю каплю застывшего воска, Камбер сжал ее между пальцами, воск вспыхнул и сгорел без следа. Продолжая задумчиво улыбаться, он вытер руки о синюю сутану и принялся помогать Джорему прибирать алтарь.

— Знаешь,— продолжал он, встряхнув расшитый покров,— наверное, никогда не сумею объяснить это на словах, даже тебе, тому, кто знает точно, о чем я говорю. Ты сам-то что-нибудь понимаешь?

— О да.— Джорем отложил в сторону только что свернутую им ткань и взялся за другой конец покрывала, что держал Камбер, глядя отцу в глаза и улыбаясь.

— Что ж, я рад потому, что не уверен, что я понимаю. Это нечто восхитительное, величественное, грандиозное и, откровенно говоря, немного пугающее... поначалу.

— Пугающее? Да, думаю, так и есть в каком-то смысле,— согласился Джорем.— Мы приняли на себя огромную ответственность.— Он положил сложенный покров на другие и, облокотившись на стопку, взглянул на Камбера.— Однако это стоит того. Испуг скоро проходит. Но восхищение — никогда, впрочем, я бы и не желал этого.

Камбер кивнул.

— Возможно, страх необходим как напоминание об ответственности и средство усмирения гордыни. Так и должно быть.

— Верно.

Джорем в последний раз оглядел часовню, вздохнув, взял покрывала и сумку с облачением и направился к выходу.

— Я заберу это и оставляю тебя одного. Полагаю, тебе нужно несколько минут одиночества, прежде чем ты вернешься к себе. Свечи я уберу утром.

Камбер кивнул.

— А что с диском и потиром? Они тоже останутся до утра?

Джорем взглянул на кожаный футляр возле свечей и опустил глаза.

— Они принадлежали Элистеру, отец. И, по-моему, теперь должны принадлежать тебе. Если не возража-

ешь, я не хотел бы присутствовать при твоём новом превращении в него, сегодня ночью это выше моих сил.

— Джорем, мне известно, что ты не одобряешь...

— Нет, не то, уже не то,— Джорем покачал головой и наконец поднял глаза.— Я понимаю, что ты сделал и почему. Я не могу передать, как я восхищен тем, что ты совершил нынче.— Он на мгновение отвел взгляд.— Но слишком редко ты будешь просто Камбером Кайрилом, а не Элистером Кайрилом. Я бы хотел, чтобы в моих воспоминаниях о сегодняшней ночи ты остался самым собой.

Потрясенный, Камбер несколько секунд смотрел на сына, потом крепко обнял его. Когда Джорем отстранился, на его губах была улыбка, на глазах блестели слезы. А когда он торопливо кивнул и поворачивался к выходу, улыбка превратилась в усмешку.

Камбер смотрел вслед сыну полным любви взглядом, потом наклонился за коробкой, где лежали потир и дискос Элистера Келлена. Взмахом руки он погасил свечи у стен и все остальные, кроме лампы, сотворив шар серебристого света.

Поклонившись лампаде, отец Кайрил выскользнул из комнаты. До возвращения в покои Элистера Келлена и в его мир предстояло выполнить еще одно.

Камбер вступил в хорошо знакомую ему комнату. Почти целый год она служила убежищем и жилищем Синхилу, тогда еще принцу. В те дни на стене висел огромный портрет его прадеда Ифора, напоминая претенденту на престол о его корнях. Рядом с дверью осталось с тех пор слегка блестящее темное зеркало, около него и остановился Камбер. Когда-то служившее Синхилу зеркалом правды, теперь оно должно было выполнить эту роль для другого.

Камбер остановил светящийся шар в воздухе, а сам встал на расстоянии вытянутой руки от полированного стекла, изучая глядевшее на него из зеркала лицо.

Камбер Кайрил Мак-Рори. Теперь святой отец Камбер Кайрил. Сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз видел его? И сколько еще пройдет до того, как он снова увидит себя?

Сколько времени ему пребывать другим, носить чужой облик и жить не своей жизнью? Придет ли время жить для себя, а не для других?

Ему пятьдесят девять лет. Сколько осталось еще? И так много еще нужно успеть.

Камбер от жалости к себе покачал головой, прижимая ладони к глазам. Он пришел сюда не за этим. Хо-

тел напомнить себе, кто он, несмотря на то и благодаря тому, что произошло сегодня. Это поддержит его, какую бы маску он ни нацепил.

Он благодарил Бога за очищение, которое пришло к нему. Теперь каждый день, каждое мгновение его жизни будут не просто бытованием на бренной земле.

Камбер снова взглянул на отражение в зеркале, запоминая знакомые черты, которые исчезнут совсем скоро. Он отметил округлость бритого лица, полуседы волосы, прилежавшие к голове, как чепец цвета ртути, упрямо сжатый рот с тонко очерченными губами, глаза неяркие и твердые, похожие на туман, клубившийся и мерцавший внутри серебристого шара.

Пора было и остановиться, хотя спать вовсе не хотелось. Когда Гвейр придет утром одевать его, он должен быть в постели. А чтобы вернуться в постель, нужно было снова влиться в оболочку Элистера Келлена.

Спохватившийся Камбер зажмурился и погрузился в покой Деринийского транса, подумав, что на этот раз, если захочет, сможет наблюдать это превращение.

Камбер медленно раскрыл глаза и начал превращение. Вокруг лица появилось сияние, в ушах звенело, резкие скупые черты лица размывались и превращались в другие.

Камбер устоял против желания сомкнуть веки — он испытывал сейчас ощущение сладкой дремы или опьянения, реальность казалась видением. Стоило моргнуть, и ясность восприятия происходящего будет утрачена. С широко раскрытыми глазами он наблюдал, как волосы темнели, становясь серо-медными волосами Элистера, наблюдал, как брови истончались и удлинялись, а глаза под ними приобретали оттенок небесной синевы, морщинки вокруг них стали глубже. Лицо Камбера слегка вытянулось, черты заострились, бледность лица сменилась желтоватым, даже коричневым цветом. Тело казалось теперь более тяжелым, плечи ссутулились, руки покрылись морщинами, а суставы вздулись.

Превращение состоялось, и Камбер мог наконец моргнуть. Дремота более не донимала его, но он покачал головой, невольно сомневаясь в том, что видели его глаза.

Камбер исчез. Здесь был Элистер. И только имя Кайрил было мостиком между ними.

Несколькими минутами позже, освоившись в новом теле, он шагнул в михайлинский Портал, закрыв глаза и сосредоточившись на цели своего путешествия во дворце архиепископа.

Скоро Элистер Кайрил Келлен будет в постели.

ГЛАВА XVII

**Посему (возлюбленные),
препоясавши чресла ума вашего,
бодрствуя, совершенно уповайте
на подаваемую вам благодать
в явлении Иисуса Христа.¹**

К удивлению Камбера, Гвейр постучался к нему задолго до заутрени и до первых проблесков зари. Он не спал, не мог спать после того, что случилось с ним этой ночью, но понимал, что должен притвориться спящим.

Камбер улыбнулся, вспоминая лихорадочную, почти мальчишескую жажду деятельности, владевшую Гвейром всю неделю, и то, как старательно готовил он накануне епископское облачение, пока сам Камбер выезжал с королем. Почему-то — совершенно необъяснимо — молодой человек уверился, что его новый господин если и не совершенно беспомощен, то во всяком случае слишком рассеян во всем, что касается церемоний и этикета и Камбер не слишком старался разубедить его. После смерти прежнего хозяина юноша чувствовал себя слишком неуверенно, и ему необходимо было чувствовать, что кто-то нуждается в его помощи. Сейчас Гвейр стал почти прежним, каким он был до “смерти” Камбера.

Вот почему Камбер не сразу ответил, когда услышал стук в дверь, а, напротив, закутался в одеяло и сощурил глаза до щелочек. Стук вскоре прекратился, сдвинулась задвижка и послышались осторожные шаги. Золотистый отсвет лег на его лицо,

¹ 1-е Петра 1:13

и он понял, что в руках у Гвейра свеча. Шаги замерли, и Камбер услышал изумленный вздох.

— Отец Келлен? Ваша милость! — Голос звучал негромко, но настойчиво.— Вы еще не проснулись, милорд?

Камбер что-то бессвязно пробормотал. Гвейр снова вздохнул и принялся зажигать свечи, разгоняя предутренний мрак. Когда он присел на корточки, чтобы развести огонь в камине, Камбер лениво повернулся и посмотрел на юношу, прислушиваясь к' незамысловатой мелодии песенки, которую напевал Гвейр. Он подбрасывал дрова в разгоравшееся пламя, в черной монашеской рясе, которую юноша теперь носил. Не снимая, ему явно было удобно. Камберу подумалось вдруг, что ловко сидящая одежда не только придает Гвейру уверенности. Похоже, он не снимает рясы, за этим должно быть что-то еще.

— Гвейр? — Камбер приподнялся, опираясь на локоть. Гвейр обернулся и улыбнулся во весь рот, продолжая заниматься камином.

— Доброе утро, отче. Хорошо спали?

— Гм. Перед сном я провел некоторое время с архиепископом. Это было допоздна. А ты не рановато поднялся?

— Сегодня вас посвятят в епископы, ваша милость. Это очень важное событие, нужно многое успеть, мы ведь завтра уезжаем в Грекоту. Вы не забыли?

— Нет, что ты.

Зевнув, Камбер потянулся и сел, но только начал выбирать из постели, как рядом оказался широко улыбающийся Гвейр с теплой мантией. Пока молодой человек закутывал его плечи, Камбер сидел, задумчиво выпятив губы и подняв подбородок, чтобы Гвейр завязал мантию под горлом. Когда Гвейр опустился на колени, чтобы надеть ему на ноги теплые туфли, Камбер бросил задумчивый взгляд на его макушку. Что-то изменилось в этом мальчике сегодня утром, определенно изменилось.

— Сегодня ты на удивление весел,— заметил Камбер. Гвейр, не поднимая глаз, продолжал свои занятия.

— Впереди незабываемое событие,— ответил он.— Нам предстоит длинный день, сударь. Я знаю, что вы не станете прерывать своего поста до окончания церемонии, но не сделаете ли малого послабления. Стаканчик подогретого эля? Это укрепит ваши нервы. Однажды мне это советовали.

— Почему ты думаешь, что мои нервы нуждаются в укреплении? — Камбер покачал головой и постарался сдержать улыбку, когда Гвейр встал и потер руки.— Гвейр, можно задать тебе вопрос?

— Какой вопрос, отче?

— Почему на тебе монашеская ряса? Можешь рассказать мне об этом?

— Эта? — Гвейр коснулся края капюшона на плече, и на его губах промелькнула полуулыбка. — Вы ведь не сердитесь, отче? Я не хотел сделать ничего плохого. Просто подумал, что быстрее сойду с остальными, если на мне будет церковное облачение. В соборе будет пруд пруди священников, монахов и епископов.

Камбер мысленно вздохнул с облегчением. Он вовсе не возражал бы, если однажды Гвейр решится принять священные обеты, но сейчас его волновало чудо, ему явившееся, возможные выдумки и никчемные толки вокруг видения. Вступление в духовное звание — прекрасная идея, если она приходит сама по себе.

От таких мыслей Камбер кисло улыбнулся и подошел к камину. Гвейр последовал за ним и остановился с выражением ожидания на лице, а Камбер грел над огнем руки. Юноша открыл рот, стало быть, тема еще не исчерпана.

— Знаете, ваша милость, я действительно думал об отказе от мирской жизни, — робко признался Гвейр. Камбер терпеливо кивнул.

— Я догадывался. Это из-за того сна?

— Я... так не думаю, сэр.

— Нет? Ну что ж, принимая во внимание связи твоей семьи и твое военное образование, мне, возможно, удастся устроить тебя к михайлинцам, если пожелаешь. — предложил Камбер, видя в военном рыцарском Ордене меньшее из двух зол. — Из тебя выйдет отличный паладин святого Михаила. Джебедея примет, я уверен. Как ты знаешь. Орден понес тяжелые потери.

— Не думаю, что хотел бы стать михайлинцем, ваша милость, при всем почтении к ним. И мне совсем не хочется быть рыцарем. Меня не влечет гром сражений и блеск доспехов, может, я перерос все это.

— Так скоро?.. В двадцать два года?

— В двадцать пять, сэр, месяц назад. Я просто... устал от битв.

— Чего же тогда ты хочешь?

Гвейр пожал плечами.

— Я еще не знаю. Я получил неплохое образование, У меня очень хороший почерк. Отец Альфред, духовник, думает, что из меня получится прекрасный писарь или даже священник, хотя насчет последнего я не очень-то уверен.

Кроме того, вам понадобится секретарь с военным образованием, когда у вас уже не будет михайлинцев. Может быть, я смогу помочь.

Камбер усмехнулся, заставляя Элистера говорить со всею резкостью.

— Если ты решаешься, не думай о расположении кого-то или преданности кому-то, будь верен себе самому и Господу Богу. Неслыханная глупость — принимать духовный сан потому, что тогда ты сможешь лучше служить мне!

— Сэр, я не...

— Обещаешь, что не поступишь так?

— Конечно,— согласился Гвейр.— Только по убеждению.

— Ловлю тебя на слове. А пока как насчет моей ванны? — Камбер с улыбкой указал на открытую дверь.— И еще, Гвейр...

— Ваша милость?

— Если ты сделаешь это по зрелому убеждению, я буду очень рад.

Гвейр тщетно попытался скрыть свою радость.

* * *

Часом позже вымытый, одетый, побритый, с расчесанной и уложенной волосок к волоску прической Элистера Келлена Камбер наконец-то устроился поразмышлять о деталях предстоящей церемонии. Он сидел в выбеленной нише восточного окна, на подушках, уложенных по каменному выступу стены, наслаждаясь первыми рассветными лучами.

Впрочем, радоваться утреннему солнцу и даже вновь переживать чудесные события минувшей ночи не было времени. Рукопись по обряду посвящения в епископы Энском прислал еще неделю назад, но прочесть ее так и не удалось. В воспоминаниях Элистера запечатлелись такие церемонии, но Келлен видел все со стороны. А посвящение, кроме внешней стороны, имело глубокое мистическое содержание. Нужно было не торопясь подготовить к этому свой мозг, одновременно загрузив его множеством церемонных мелочей.

Раньше ему казалось, что это проще, чем выходило на деле. Постоянно являлись какие-то люди, то поздравляли и вручали подношения, то уточняли списки вещей, предназначенных для отправки в Грекоту, то беспокоили по совершенно пустякам, которые почему-то не могли быть разрешены без его участия.

Он даже не поднял головы, когда Гвейр в очередной раз вошел, постучавшись, и вышел из задумчивости, только почувствовав на себе требовательный взгляд.

— Государь!

Свиток полетел в сторону, Камбер поднялся и поклонился, удивляясь неожиданному гостю. Вчера у него сложилось впечатление, что до начала церемонии король будет занят. А до нее оставалось около часа.

— Доброе утро, Элистер,— король кивнул, самодовольно улыбаясь.— Вы все еще учите свои слова, не правда ли?

— Только повторяю, Ваше Величество. Как вы, должно быть, знаете, на этой неделе у меня было мало времени.— Он указал на скамью напротив.— Не составите ли мне компанию?

Синхил покачал головой.

— Не сейчас, однако я жду вас на обед после церемонии. Мне захотелось внести свой скромный вклад в это незабываемое событие. Сорл?

Услышав свое имя, Сорл ввел в комнату двух слуг, несших что-то длинное, почти в рост человека, завернутое в черную ткань. В руках Сорла был объемистый пурпурный сверток, который он положил в одно из кресел рядом с камином, пригладывая за слугами, укладывавшими черный сверток. Подойдя ближе, Камбер узнал вешала с церковным облачением, вроде тех, что уже стояли за кроватью. Однако оказался не готов к тому, что открыл Синхил, сдернув черную ткань.

Шелк кремового цвета был так богато расшит драгоценными камнями и золотом, что слепил глаза. Епископская риза и епитрахиль, украшенные золотым шитьем в виде снопов пшеницы, усыпанные алмазами и гранатами. Никогда не видел Камбер такого облачения.

Тело напоминало о себе, требуя притока воздуха, Камбер подчинился и медленно вдохнул и провел дрожащим пальцем по краю ризы. Он хотел повернуться к королю, но тут возник Сорл с митрой в руках, расшитой золотом и драгоценными камнями, только что извлеченной из меньшего свертка. Краем глаза Камбер видел, что Синхил следит за ним с довольной улыбкой.

Все еще не веря, Камбер покачал головой.

— Государь, я... они великолепны. Царский подарок. Не знаю, что и сказать.

— Подойдет и простое спасибо,— ответил Синхил самодовольно.— Я сам с трудом верю в это. Не в облачение, потому что оно сделано по моим личным указаниям, а в то, что я сумел заставить вас ощутить недостаток слов.

— Я... Да, Ваше Величество, вы правы. Но все это слишком роскошно для меня. Это должно принадлежать собору или...

— Или главе его кафедры, которым вы вскоре станете,— прервал его Синхил.— Не спорьте, Элистер. Я, разумеется, понимаю, что такое облачение не надевают каждый день. Во-первых, оно слишком тяжело, и в нем ужасно жарко, как я обнаружил. Поэтому Сорл принес и более простое.

По его сигналу Сорл развернул остальные свертки и отошел в сторону. На озаренном пламенем кресле сияла изумрудно-зеленая и белая парча, украшенная в нескольких местах неприхотливой вышивкой. Камберу осталось только качать головой.

— Это слишком большая честь для меня, Государь,— наконец произнес он, испытывая неловкость оттого, что Синхил готовил свой щедрый подарок Элистеру... Элистеру, которому в конце концов король доверчиво протянул руку... Элистеру, а не Камберу.

Однако кто теперь был Камбер?

Не подозревавший о внутренней борьбе человека, которому только что была оказана такая честь, Синхил знаком приказал слугам удалиться.

— Я преподнес вам то, что вы заслужили, и, возможно, поделился тем, что могло принадлежать мне. Нет, отче, я смирился,— продолжал король, видя, что вызвал беспокойство,— Я уже говорил вам. И вы предложили разделить с вами чувства священника, а мне — поделиться переживаниями короля. Вы помните?

Камбер кивнул, обращаясь к памяти Элистера.

— Именно это я и имел в виду,— мягко ответил он.

— Тогда я ловлю вас на слове,— пробормотал Синхил.— Я не стану препятствовать вашему отъезду в Грекоту. Вы можете ехать и поднимать на ноги свою епархию. Если хотите, я дам вам несколько месяцев. Архиепископ согласится на это, а у меня будет довольно времени, чтобы разобраться с делами здесь — наказать пленников, сформировать Совет, выполнить наконец все, что нужно было сделать раньше, все, что должен делать король. Но когда все будет исполнено, я призову вас назад. Чтобы, вернувшись, вы сели рядом со мной и помогали издавать законы по управлению этой землей, которую вручили мне ваши друзья-Дерини. Я не хотел этого, Элистер. Видит Бог, не хотел. Но теперь пути назад нет, и я начинаю сознавать свою ответственность. Признаться, я много думаю над тем, что вы неустанно внушали мне, и, если придет тяжелые времена, хотел бы помнить о ваших советах, а лучше всего — видеть вас около себя. Вы избавите меня от одиночества, Элистер?

Камбер сцепил пальцы и принялся разглядывать их.

— Вы действительно хотите этого, Синхил?

— Мне так кажется. Жизнь будет намного приятнее для всех, если я обрету покой и примусь за дела.

— А как насчет королевских развлечений? — тихо спросил Камбер.

— Королевское удовольствие? — Синхил горько засмеялся. — Все радости сводятся к удовлетворению сознания, что стараешься изо всех сил, а желанное в это время где-то далеко. В мой монастырь мне никогда не будет позволено вернуться, мы оба знаем это.

— Вы вернулись бы, если бы могли? — задумчиво спросил Камбер. — Я хочу спросить, если бы сейчас, в это мгновение, вы могли перенестись в свою келью в монастыре святого Фоиллана, вы вернулись бы?

Синхил опустил глаза.

— Нет, — прошептал он. — Потому что так никогда не будет, теперь я понимаю это. Прежде я еще сопротивлялся, но сейчас нет. Выбор сделан, даже если временами кажется, будто никакого выбора не было, теперь пора платить по счетам. Может быть, в один прекрасный день Господь простит меня.

— Вы по-прежнему считаете, что, приняв корону, вы совершили грех?

— А разве нет? Взгляните на моих крошек, Элистер. Взгляните на печальную молодую женщину — мою жену, на меня, чьей единственной невестой должна была быть церковь. Но я должен идти вперед по своему извилистому пути и сделать для них все самое лучшее, по крайней мере, насколько это возможно. Может быть, мои сыновья научатся управлять этой страной лучше, чем я своей слабой рукой.

Он протянул Камберу свои дрожащие руки, и тот обнял его за плечи. Спустя мгновение Синхил поднял глаза.

— Простите, отче. Я не хотел портить такой прекрасный день сентиментальной чушью. Возможно, теперь вы поймете, почему так необходимы здесь.

— Я постараюсь быть рядом, как только понадобится вам, сир, — произнес Камбер. — Будьте уверены, по вашему зову я появлюсь скоро, как только смогу. Самая большая честь на земле — служить своему господину и королю.

— Благодарю. Я постараюсь королевской службой не отвлекать от долга служения Господу нашему, — сказал Синхил, наконец улыбнувшись. — Но теперь мне пора уйти и дать вам закончить приготовления. Вы наденете новое облачение сегодня утром, не правда ли?

— Как пожелаете, Ваше Величество.— Камбер улыбнулся.— Остается надеяться, что я не буду затмевать собой моих братьев-епископов. Архиепископ Энском имеет доступ к сокровищнице собора, но бедный преподобный Роберт может оказаться в тени.

— Вам незачем беспокоиться о Роберте Ориссе,— самодовольно ответил Синхил, задержавшись в дверях.— Создание двух епархий — великое событие для Гвиннеда. Ваш собрат уже получил такой же подарок.

— Вот как.

— Разумеется, его облачение не похоже на ваше. Вы с ним очень разные люди.

— Не берусь спорить с этим.

— И, откровенно говоря,— заключил Синхил, прежде чем уйти,— это даже хорошо. Не думаю, чтобы мне удалось справиться с двумя Элистерами.

— Да благословит вас Господь! — Камбер рассмеялся, и дверь закрылась.

Интересно, что стало бы с Синхилом, узнай он, что существуют два Элистера.

* * *

Часом позже, с ударом третьего колокола, Камбер ступил на залитый солнцем соборный двор, где часть участников церемонии должна была составить его процессию. Джорем и отец Натан стали по бокам, готовые тронуться по его сигналу. Поправив тяжелое облачение и подавив нервный зевок, он посмотрел на паперть — ряды клириков поднимались по ступеням и исчезали в проеме главных дверей. Оттуда многократно отраженное камнем и деревом доносилось пение хора. Процессия тронулась, и разговоры вокруг стихли.

Синхил оказался прав насчет облачения. Шаг за шагом Камбер в этом все более убеждался, не без труда скрывая неудобства передвижения. Риза и вправду была весома и заставляла пыхтеть от жары, а драгоценной митре еще предстояло показать владельцу все прелести ношения ее. Впереди был и предстоящий солнцепек — в утреннем небе не виделось ни облачка, а ручейки пота уже бежали под стихарем и бесценной ризой.

Стоически вздыхая, Камбер старался хоть немного остудить тело и удивлялся, как переносит жару Роберт Орисс, не владевший приемами Дерини.

Со всего Гвиннеда и из соседних земель на церемонию съехались отцы церкви. Большинство были малознакомы Камберу, не встречался с ними и Элистер. Среди епископов выделялся Ниеллан из Дхассы, известный умением сохранять нейтралитет и собственную независимость. Теперь Ниеллану предстояло проявить эти свои таланты во взаимоотношениях с новым архиепископом Ремутским. Юный Дермот Кашинский был известен благодаря своему дяде, оставившему ему епархию, и еще слухами о том, что покойный благодетель Дермота был вовсе ему не дядя, а гораздо более близкий родственник. Самую южную епархию представлял Уллиэм Найфордский, наводивший порядок в епископстве после сумасбродной затеи Имре превратить портовый Найфорд в третью столицу. Имена шести странствующих епископов, тех, кто не имел своих епархий, Камбер помнил нетвердо. Среди них Джавет, Кай, Юстас, Турлог... но точно определить владельцев имен Камбер не взялся бы.

Все прелаты в полном облачении несли в руках пастырские посохи — символы их власти, повернутые крюками внутрь в знак подчинения Энскому. Перед епископами, в этот момент вступавшими в собор, внутрь вошли другие участники церемонии в разнообразных нарядах; диаконы с крестами и священники со свечами; кадилышки, раскатывавшие на золоченых цепочках сосуды, источающие благовония; рыцари церкви — михайлинцы и другие, в лазурных, пурпурных и золотых мантиях; причетники в белых стихарях с регалиями, которые будут пожалованы будущим епископам.

Следом шествовали аббаты Гвиннеда: Крewan Эллин, глава Ордена святого Михаила, в синем плаще; отец Эмрис из Ордена святого Гавриила, седовласый, одетый в белое, он скользил, словно тень; главы *Ordo Verbi Dei* и братства святого Йорика и горстка других.

Наконец настала очередь Камбера медленно взойти по истертым ступеням собора и ступить под его сень. Джорем и Натан подхватили края его ризы, и все трое последовали за двумя мальчиками, которые, как величайшие драгоценности, несли в вытянутых ручонках золотистые свечи. Молитвенно сложив руки и потупив взор, Камбер успокаивал свой разум и взывал к Богу. Когда они шли по боковому нефу, зная, что позади остались только Орисс и Энском, слова хорового вступления разнеслись среди колонн, арок и галерей:

— *Fidelis sermo, si quis episcopalian desiderat...*

Верна поговорка, что если человек пожелал стать епископом, он желает хорошо потрудиться. Епископ должен быть безупречен...

Со своего места на правой стороне хоров Синхил наблюдал за процессией, вспоминал прошлое и всей душой мечтал быть хотя бы самой ничтожной частью этого шествия.

Но его голову венчала корона, рядом стояла супруга и королева, и уделом мечтавшего о домотканой ризе и монашеской келье были излишества дворцовой роскоши, мирская суета и земная слава.

Когда появились епископы, Синхил нетерпеливо заерзал, вглядываясь до тех пор, пока в самом конце над остальными не показалась седая голова. На ней король и задержал свое внимание, изучая морщинистое лицо и силясь угадать, что же скрывается за этими бледными ледяными глазами. Когда епископы прошли вдоль хоров, чтобы у алтаря задержаться и на несколько секунд преклонить колени пред тем, как занять свои места, он прошептал молитву благодарности за обретение нового друга и советника. Склонив голову и встав на колени, архиепископ Энском начинал мессу.

Литургию открывал отрывок из евангелия. Потом, когда хор спел *Veni Creator*, призывая Святой Дух к тем, кто скоро будет освящен, Роберт Орисс и Элистер Келлен встали перед троним примаса Гвиннеда и выдержали символический экзамен на пригодность к обетам, которые они вскоре должны принять:

Обещают ли они верность и постоянство проповеди мира Божьего?

Обещают ли они поддерживать и наставлять на путь спасения люд Божий?

Обещают ли сострадать бедным, скитающим и пребывающим во всякой нужде?

Обещают ли искать заблудших овец и принимать обратно в свое стадо?

Обещают ли они любить, как отцов и братьев своих, всех, кого поручает им Господь, и не щадить при этом жизни своей?

Да, они обещали.

Положив руки на самые священные из соборных реликвий, они дали обеты до конца жизни посвятить себя делу, которое вручается им. Протянув руки перед алтарем, как делали это все священники с незапамятных времен перед принятием высокого духовного сана, они молились об исполнении принесенных обетов, а архиепископ и все духовенство стояли на коленях и читали традиционную литанию святых.

Затем двое поднялись только для того, чтобы по-

опустились на колени, чтобы получить священный отпечаток прелатства и прикосновение рук сначала архиепископа, а потом его помощников-епископов.

Двое епископов возложили им на плечи раскрытые евангелия. Оба приняли помазание и получили символы новых постов: евангелие, которое будут проповедовать; аметистовое кольцо как знак преданности церкви; митру и корону земной власти в назидание о том, что епископство отдается им в управление, но, верша мирские дела, они должны прежде всего служить Богу.

И, наконец, посох — символ Пастуха, наблюдающего стада и ведущего их именем Божиим.

После благодарственного молебна новоосвященные епископы прошли по всему собору, впервые благословляя собравшихся, в то время как под арками плыли триумфальные звуки *Te Deum*.

В большом зале замка состоялся пир в честь новых епископов, на который были приглашены их братья в Боге. Такого роскошного празднества еще не было за все время правления Синхила. Этот пир не походил на ослепительные зрелища времен Фестилов. Синхил намеренно старался избежать любого намека на сходство. Кроме того, он по-прежнему не мог свыкнуться с законами и приличиями этого мира, от которого ему все время было немного не по себе. Но это торжество стало праздником и для короля.

Усадив справа от себя епископа Келлена, а архиепископов Орисса и Энскома — слева, по обе стороны от королевы, Синхил время от времени расхаживал по огромному залу, поднимая кубок за здоровье двух своих новых епископов и сияя радостью, особенно после того, как королева ушла и он остался в мужском обществе.

* * *

На следующее утро Камбер отправился в Грекоту. Однодневная поездка растянулась на три дня, потому что от князя церкви, в первый раз выехавшего в свои владения, требовались приличные сану роскошь и величие. Для охраны Синхил полагал конвой из двенадцати рыцарей, к ним добавлялось десятка два воинов из свиты архиепископа, которые по прибытии в Грекоту поступали в распоряжение Камбера. Кроме того, с ними ехали капелланы, секретари и слуги для основательного обустройства на новом месте. Домашняя прислу-

га была выслана вперед еще неделю назад и готовила епископскую резиденцию.

Следующие недели пролетели незаметно. Лето сменила осень, и дни делались короче. Грекотская епархия, одна из старейших в Одиннадцати Королевствах, располагалась в самом центре университетского города того же названия и уже более пяти лет жила без епископа. Ее новый владыка почти непрерывно был занят исполнением своих пастырских обязанностей.

Восстанавливал церковные суды, совершал конфирмации и возводил в священство. Предстояло посетить с официальным визитом каждый приход, аббатство и школу, находившийся под его рукой, чтобы убедиться: все они вверены достойнейшим и управляются должным образом; встретив упущения и злоупотребления, взыскать с виновных и восстановить справедливость. Камберу также приходилось совершать таинство и отправлять требы, как обычному священнику: крестить, исповедовать, венчать, соборовать.

Этим, хорошо знакомым Элистеру, но новым и волнующим для Камбера делом, он и предавался, открывая немало нового в самом себе. Вечерами, обессиленный, падал на кровать, восполняя истощение физических сил беспробудным сном и Деринийской тренировкой. Время от времени он удивлялся обычным людям: как они-то могут выдерживать бремя своих забот? Поиски ответа привели к неожиданному открытию: милосердие Божие и особая Благодать на этих слабых существах! Оказывается, его голова еще на что-то годилась.

Когда Камбер не был в разъездах, он разбирал епархиальные бумаги, придумывал собственную систему управления, назначал своих служащих. Декана удалось найти без труда. Выбор пал на скромного, опытного священника по имени Вилловин, который все пять лет безвластия без посторонней помощи поддерживал порядок в епархии.

Беспорядок в архивах и библиотеке, конечно, не мог быть вменен в вину отцу Вилловину, но это было просто ужасно. Камбер не терпел небрежения к слову, доверенному пергаменту, особенно когда дело касалось истории и религии. Скоро выяснилось, что неразбериха продолжается многие годы.

Полтора века назад произошло разделение Варнаритской школы и соборного капитула. Вольнолюбивые варнариты переместились в здание на другом конце города, перевезли туда свою библиотеку и, по-видимому, прихватили немалую часть епархиальных рукописей. Подтверждалась эта догадка характером пробелов в архиве. После разделения с варнари-

тами соборные бумаги так и не были как следует разобраны, денежные расписки валялись вперемешку со священными текстами и мирскими посланиями. Иногда во всем этом беспорядке угадывался тайный умысел.

Камбер велел Вилловину подобрать монахов и заняться архивом — епархия начала помаленьку выбираться из хаоса бумаг. Вилловин оказался придирчив и неукоснительно требовал с братьев самой тщательной и скорой работы. Никто не воспротивился неожиданной строгости всегда кроткого священника, вероятно, понимая важность епископского поручения, и дело успешно продвигалось.

Камбер взял себе за правило проводить время в библиотеке в обществе старых рукописей. Его знание древнего языка очень пригодились для расшифровки малоизвестных и забытых документов, похороненных на дальних полках. Ценной находкой, о которой он не рассказал Вилловину и монахам, овевался тайник со свитками, написанными задолго до отделения варнаритов. Их даже Камбер понимал с трудом. У него не находилось времени заняться текстами всерьез, но довольно было некоторых слов и фраз, которые удалось разобрать, чтобы понять: ни один представитель расы людей не должен видеть этого. Один из манускриптов, помеченный более поздней датой, чем остальные, был связан с древними записями, которые они с Ивейн изучали еще в Кайрори. В другой рукописи он наткнулся на упоминание о Протоколе Орина!

Епископ Грекотский не решился слишком глубоко погружаться в эти проблемы. Очень скоро пришла зима, а с ней приказ от Синхила отправляться в столицу. Все изыскания приходилось откладывать и исполнять монаршую волю, правда, Ивейн о своей находке Камбер поторопился известить.

Связь с детьми была его единственным личным делом в последнее время. С первой недели в Грекоте два раза в месяц приходили послания Джорема из столицы. Сын писал о новостях в Ордене святого Михаила. К его письмам присоединялись вести от Синхила, который предпочитал такие сношения с Элистером, полностью доверяя Джорему. Все знали близость этого михайлинца к бывшему настоятелю Ордена, он лучше всего подходил к роли посыльного.

Разумеется, Синхилу не было известно, что Джорем присылал записки Энскома и через него архиепископ получал ответы Камбера. Ивейн и Райс тоже участвовали в переписке. Синхилу было известно только, что дела в епархии идут на лад, стало быть, Келлен проявляет себя и на новом месте таким же ревностным руководителем, как и во главе михай-

линцев. Это означало, что с наступлением зимы отец Элистер сможет проявить свои таланты и добродетели в делах королевства, а по осени Синхила ожидало множество иных забот, да и Келлен должен был как следует освоиться в Грекоте.

В этом городе Камбер учился повелевать и изведать одиночество властителя. Он почти все время был на людях, порой его даже чересчур донимали, но не было во всей Грекоте никого, с кем можно было хотя бы поговорить по душам.

Ближе всех из валоретской свиты он знал Гвейра, а тот все еще не мог обрести душевного равновесия. Осенью за хлопотами по сбору урожая юноша отдалился от Камбера, чаще бывал в обществе священников и братии. Охотно общался с приезжими, особенно с лицами духовного звания, и не делал исключения для Дерини.

О растущей привязанности Гвейра к чужой расе Камбер узнал в конце октября. В тот день он гулял в саду, разбитом во круг епископской резиденции, больше похожей на крепость, и в отдаленном уголке увидел среди деревьев своего секретаря в общедстве члена Ордена святого Гавриила. Собеседник Гвейра был худощав и невелик ростом, на спину свешивалась косица длиной до пояса, толщиной в мужское запястье. Зеленый плащ Целителя, нечастый среди гавриилитов, не помог Камберу угадать его владельца.

Он, движимый любопытством, направился в сторону необычной пары и вдруг узнал в стоящем спиной гавриилите давно знакомого ему отца Кверона Кайневана. Священник этот был одним из самых искусных Дерини, слыл Целителем тела и души и ловким дипломатом. В очень странной компании оказался Гвейр: юноша, далеко не глупый и приятный в общении, он, конечно, никак не ровня Кайневану. А они, судя по всему, беседовали не впервые.

Остановившись под кроной, теряющей листья, Камбер раскрыл требник и притворился, что читает, раздумывая о возможных причинах появления Кверона в Грекоте. Подойти и спросить напрямик, о чем говорят эти двое, что привело Кверона в епископский сад? С какой стати. Более того, в присутствии Кверона было безрассудством искать ответ в сознании Гвейра, слишком велик риск того, что Кверон по прикосновению узнает в нем Камбера.

Со вздохом захлопнув книгу, епископ Грекотский поспешно удалился. Возможно, он все преувеличивал, и это была просто учтивая беседа. Вероятно, Кверона заинтересовали каноны Варнаритской школы, а Гвейр, пылко устре-

мившись в духовную жизнь, хотел найти в этом гавриилите наставника. Скорее всего, он был знаком с Квероном прежде.

Глупо беспокоиться о том, что, скорее всего, столь же невинно, как и новообетенная религиозность Гвейра.

ГЛАВА XVIII

Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его.¹

Камберу так и не выпал случай расспросить Гвейра о его госте, ибо через пару дней наконец пришло послание от Синхила.

Камбер, в поношенном михайлинском одеянии для верховой езды, стоял у ворот конюшни, наблюдая за кузнецов, который подковывал его любимую гнедую. Звон молотка заглушил все прочие звуки, и он не сразу заметил двоих новоприбывших, — пока кузнец Эндрю не прервал работу, с любопытством глядя куда-то ему за спину. Обернувшись, Камбер увидел Гвейра и знакомую светловолосую фигуру в синем михайлинском облачении. Он двинулся им навстречу, и Джорем коснулся губами епископского перстня.

— Джорем, как я рад тебя видеть! — воскликнул он, позволив улыбке — редкой гостье на лице Элистера — осветить лицо. — Боюсь, ты застал меня врасплох, я позорно увиливаю от своих обязанностей. Сейчас мне бы нужно готовить воскресную проповедь, но вместо этого я решил посмотреть, как будут подковывать мою Фалейн, а затем покататься часок верхом. Я бы предложил тебе составить мне компанию, но едва ли ты захочешь опять садиться в седло.

Джорем также улыбнулся, без труда принимая непринужденный тон, которым эти двое теперь всегда пользовались прилюдно. Он был одет также, как отец, если не считать плотного михайлинского плаща с откинутым капюшоном, по которому рассыпались блестящие пшеничные волосы. Хотя он, должно

быть, проделал долгий путь верхом, он выглядел спокойным и сосредоточенным, как обычно.

— Ваша милость, вы, как обычно, слишком проникательны,— произнес он негромко, чуть поклонившись.— И боюсь, воскресную проповедь вам придется препоручить кому-то другому. Его королевское величество желает видеть вас уже на этой неделе.

— На этой неделе? — Камбер взглянул на Гвейра, потом снова на Джорема, доставшего из повешенной через плечо сумки запечатанный пакет.

— Да. Он раньше собирает Зимний Совет, нужно сделать очень многое. В день святого Илтида, через шесть дней.— С вежливым поклоном он передал письмо.— В этом послании он повелевает вашей милости прибыть на первое заседание его Королевского совета, по крайней мере до Крещения Господня. Послание подписано архиепископом Энскомом, позволяющим вам временно переложить исполнение епископских обязанностей на кого-то из помощников.

Подняв бровь, Камбер отвесил поклон в ответ и сломал печать, но открывать письмо не стал, видя, что Джорем достал еще одно послание и постукивал им о пальцы, привлекая внимание собеседника.

— Это тоже от Его Величества,— произнес Джорем, лукаво улыбнувшись,— о создании в его королевстве поста канцлера. На вышеуказанный пост он назначает вас, ваша милость, надевая обязанностями, о которых говорится в этом письме, и еще некоторыми, о которых он расскажет лично по вашему прибытии в Валорет.— Он подал Камберу второе послание и довольно улыбнулся.— Ваше назначение, милорд канцлер.

Было от чего разинуть рот, несколько секунд епископ Грехоты смотрел на знакомую печать, потом поглядел на Джорема, вскрыл печать и прочитал письмо. Как и говорил Джорем, это было назначение на пост канцлера Гвиннеда, что означало приобретение главенствующей роли в Королевском совете, о котором шла речь в первом послании. Торопливо пробежав его, новоявленный канцлер убедился в желании короля незамедлительно видеть его в Валорете.

Камбер вздохнул, складывая письма.

— Ну что ж, Эндрю, сдается мне, что сегодня так и не удастся прокатиться верхом. Узнай у коннетабля, все ли лошади хорошо подготовлены и готовы в дорогу. Гвейр, мы можем отправиться завтра?

— Завтра? Сомневаюсь, сэр. Скорее послезавтра. Мне предупредить сенешаля?

— Да, пожалуйста. Нам потребуется небольшой эскорт: несколько воинов и, возможно, один писец и, разумеется, ты. В мое отсутствие мои обязанности будет исполнять отец Вилловин. Передай ему это, пожалуйста.

— Да, ваша милость. Вы будете ужинать сегодня с курией?

— Да. Сообщи им. А сам начинай укладывать вещи и готовить для отца Джорема комнату рядом с моей. Остаток дня мы проведем в башне королевы Шинед, ищи меня там, если я понадобится, но постарайся не беспокоить нас.

Несколькими минутами позже Камбер и Джорем уже одолевали последние из ста двадцати семи ступеней башенной лестницы, чтобы добраться до маленькой комнаты на самом верху, с дощатой кровлей и алебастровыми решетками на окнах. Вдоль стен тянулись каменные скамьи. Камбер водрузил на скамью графин с вином, который прихватил по дороге в своих покоях.

Джорем, затаив дыхание, взирал на раскинувшийся у ног город.

— Как ты назвал это место?

— Башня королевы Шинед. Тебе знакомо это имя?

Джорем кивнул.

— Жена Эйдана Халдейна, несколько раз низверженного и в конце концов утвердившегося на престоле, прадеда нашего нынешнего короля.— В ожидании он смотрел, как отец наливает вино в две чаши и одну протягивает ему.— Ее похоронили где-то здесь, в Грекоте, так?

— Верно,— Камбер улыбнулся.— Ты помнишь значительно больше других. Существует легенда, что Эйдан и Шинед были очень привязаны друг к другу, и что, когда Эйдан отправился на свою последнюю битву, Шинед для большей безопасности переехала к епископу Грекотскому и каждый день до заката стояла на башне и молилась о его благополучном возвращении. В те дни окна не были зарешечены, и, когда армия Эйдана возвратилась с телом своего убитого господина, Шинед в отчаянии бросилась вниз. Ее скорбящий сын назвал эту башню именем матери и приказал поставить на окна решетки.

— Это было на самом деле? — с сомнением спросил Джорем.

— Как бы там ни было, легенда осталась красивой.— Камбер улыбнулся. Полюбовался чашей, потом вздохнул.— Ну, сынок, расскажи, как идут дела. Что скрывается за этим назначением в канцлеры.

Джорем выразительно взглянул на дверь, потом снова на отца.

— Здесь можно говорить?

— Нам никто не помешает. Идея создания должности принадлежит Синхилу?

— По-моему, ему и Энскому,— ответил Джорем.— Последние несколько месяцев Энском старался облегчить наше с Райсом положение, больше времени проводя с Синхилом. Он беспокоится, да и мы тоже, из-за новых людей в королевском окружении. Многие из них принадлежат к числу разжалованных его дедом и их потомков, и почти все сильно настроены против Дерини. Энском думает, что неплохо было бы заполучить несколько высоких постов для наиболее влиятельных Дерини, чтобы попридержать некоторых лордов из расы людей, которые еще несомненно дадут о себе знать. Ты один из тех Дерини, а еще Энском убедил короля назначить Джебедию главнокомандующим. Крewan Элмин дал свое согласия на это, но совершенно очевидно, что все это временно. В конце концов возникнут разногласия между королевской армией и воинами Ордена.

Камбер кивнул.

— Верно. Однако в данный момент это мудрый ход. А Синхил... Как я понял, с ним все в порядке?

— По-моему, вполне. С тех пор как ты уехал, он стал помягче (не знаю, правда, почему), но остался таким же вспыльчивым и порой несдержанным. Некоторые его новые друзья поговаривают о смене наследника. Думаю, он понемногу сдается и поэтому недоволен сам собой.

— Что говорит Райс? — спросил Камбер.— Меган готова опять зачать?

— Не особенно, но что же делать? Возможно, бароны правы. Райс признает, что маленькие принцы вряд ли проживут долго и не смогут наследовать. Яван вполне здоров, но увечная нога — его бич. А здоровье маленького Элроя по-прежнему оставляет желать лучшего. Синхилу необходим еще один наследник.

— Ты прав. Не хотел бы я быть на месте Меган. Не только нам с Синхилом приходится приносить жертвы.

— Да уж.

— Как дела в Кайрори? — помолчав, спросил Камбер. Джорем выплеснул остатки вина и аккуратно поставил чашу.

— Не лучше, чем прежде. Тело мы перевезли в начале прошлого месяца — забыл рассказать раньше. Оно перезахоронено, как мы и договорились, надеюсь, теперь надолго.

Не нравится мне все это.

— Были какие-то инциденты? — поинтересовался Камбер.

— Да нет, ничего особенного, — ответил Джорем. — Мы пытались добром увещевать паломников, но безуспешно, Народ считает, что семья не может распознать твою очевидную святость. На могиле в часовне мы находим записочки с просьбами к святому Камберу. Это начинает раздражать.

Камбер покорно покачал головой.

— Кайрори не единственное место, Я слышал сплетни даже здесь, в Грескоте. А если разговоры доходят до меня в моем нынешнем уединении, то от действительного размаха молвы можно содрогнуться.

Джорем пожал плечами, но ничего не сказал.

— И все же, — продолжал Камбер, — в народе бродят совершенно противоположные умонастроения. Не знаю, замечал ли ты, Джорем. Они превозносят действительные и мнимые деяния убиенного благословенного Камбера, архитектора Реставрации и Защитника человечества и шепчутся, припоминая давние зверства Дерини. Мне это не нравится, Джорем, По-моему, следует хорошенько подумать о возможных последствиях.

Джорем сел, склонившись вперед, опираясь локтями о колени, и задумался, спрятав подбородок в горсти. Помолчав с минуту, он произнес, не поднимая головы:

— У тебя такой тон, будто ты считаешь последствия не возможными, а неизбежными. Неужели этой волны не удержать?

— Не знаю. Не берусь сказать ничего определенного. То, что ты рассказываешь о возне вокруг Синхила и выдвижении новых персон при дворе, обещает рост враждебности к нам. При этом короле Дерини будет несладко. Пока ты, я, Энском и немногие другие, кому он доверяет, остаемся рядом, он вряд ли допустит преследования, но настроение королевского двора изменится. Мы должны быть готовы к этому. В конце концов нам, возможно, опять придется скрыться и уже не как тогда, в часовне, не на год. Предвидя наступление таких времен, уже теперь необходимо строить крепости. Мы должны быть уверены, что наше племя вне опасности, что среди нас больше не будет таких как Имре или Коул Хоувелл, обращающих магический дар во зло. Думаю, пора позаботиться о создании организации, способной противостоять нападкам, разоблачать вздорные обвинения, препятствовать антидеринийской политике.

— Организация... Кто в нее войдет? — негромко спросил Джорем.

Камбер вздохнул.

— Пусть это и кажется самонадеянным, но прежде всего — мы. Еще я порекомендовал бы Энскома, отца

Эмриса, епископа Ниеллана Трея и некоторых других. Всего семь или восемь Дерини.

— Дерини — вершители судеб Дерини,— пробормотал Джорем.— Не уверен, что мне нравится всевластие. А без него организация не сможет действовать решительно и энергично.

— Верно.— Камбер пошевелил пальцами в башмаках, сладко зевнул и потянулся.— Придется тщательно выбирать методы наших действий. Кстати, это напомнило мне о том, что, возможно, имеет отношение к тому, что мы сейчас обсуждаем.

— Что?

— Несколько удивительных записей, которые я обнаружил, Тебе известно, что архивы этой епархии ведутся четыре века? В них страшный беспорядок, но...

— Что ты нашел? — нетерпеливо спросил Джорем. Камбер улыбнулся.

— Прежде всего некоторые материалы, которые могут иметь отношение к Протоколу Орина (я говорю могут, потому что пока не было времени перевести их полностью), плюс к этому некоторые записи, вероятно, относящиеся к одному из наших древних истоков. Скажи, как называются две главные школы, выпускающие образованных Дерини?

— Варнаритская и Гавриилитская, разумеется,— ответил Джорем.

— Отлично. Тебе, возможно, известно и то, что в 753 году Варнаритская школа, теперь управляемая мирянином, откололась от соборного капитула из-за теософских разногласий. А теперь не скажешь ли мне, откуда происходят гавриилиты?

Джорем на минуту задумался.

— Мне казалось, что они образовались как независимый Орден. Но по твоему лицу я вижу, что ошибся. Раньше я никогда не задумывался над этим. Однако мне известно, что аббатство святого Неота — их единственный храм.

— Последнее верно,— согласился Камбер.— У них действительно только один храм. Однако мои находки убеждают в том, что гавриилиты изначально представляли консервативную ветвь того же соборного капитула, от которого отделились варнариты. Они пошли особым путем развития еще до варнаритов, хотя в то время были весьма малочисленны. Пока еще я не могу доказать этого, решение мы будем искать вместе. Хочешь посмотреть руины?

— Руины?

Кивнув, Камбер встал и перешел в северо-западный угол маленькой комнаты, там он опустился на колени и очертил рукой контур одной из плит у сына под ного-

ми. Заинтригованный, Джорем увидел, что Камбер выпрямился и знаком приглашает его присоединиться.

— Этому я научился в архивах — как возводить Портал нового типа, или, вернее, старого и совершенно забытого. Местоположение Портала меняется по углам квадрата, одна и та же точка используется каждый четвертый раз. Еще одна особенность: Портал настроен таким образом, что только я знаю о его существовании и могу пользоваться им.

Когда Джорем ступил в квадрат, по его лицу пробежало выражение удивления.

— Здесь правда есть Портал?

— Я же говорил, что чувствую только я. Если даже тебе не удастся обнаружить Портал, значит, я кое-что умею.

Джорему оставалось только качать головой.

— Порой ты меня просто пугаешь.

Улыбаясь, Камбер встал рядом с сыном и опустил руки ему на плечи.

— Хорошо. Я хочу показать тебе, что было со старой Варнаритской школой прежде, чем она перебралась в другое здание. Думаю, тебе это покажется очень интересным. Когда будешь готов, откройся мне, и мы перенесемся.

Джорем закрыл глаза и сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул. В то же время Камбер установил с сыном контакт, и они нырнули в тоннель Портала. Спустя всего миг они стояли уже не в залитой солнечным светом комнате в башне.

— Мы под землей? — прошептал Джорем, открывая глаза и увидев вокруг лишь крошечную тьму.

— Это часть комплекса.

В руке Камбера вспыхнул свет, холодный серебристый шар повис над ладонью. Движением руки он поместил шар над правым плечом и больше не обращал на него внимания. Теперь они увидели, что стоят в оштукатуренной передней, выходящей в заваленный валунами коридор. Изъеденная термитами древесина отмечала путь исследователей, а плиты под ногами были неровные и растрескавшиеся.

— Вряд ли кто-то бывал здесь в последние пятьдесят-сто лет, — сказал Камбер, указывая налево, и подтолкнул Джорема к полуразрушенному коридору. — Несколько рабочих групп отца Вилловина пробились на верхний уровень этого комплекса, разбирая разрушенную каменную кладку, и я решил поближе познакомиться с планами строения. Осторожнее, береги голову.

Пригнувшись, чтобы пролезть под упавшей балкой, он снова посмотрел на Джорема. Огненный шар

отбрасывал жутковатый холодный свет на древние осыпающиеся фрески на стенах — сцены из жизни монахов и ученых, так сильно подпорченные временем и сыростью, что их содержание было с трудом различимо. Застоявшийся воздух отдавал плесенью, и только развевавшиеся полы их сутан приводили его в движение.

— Итак,— продолжал Камбер,— в конце концов мне удалось пробраться на этот уровень по целой системе ходов, которые я вскоре закрыл. Это случилось после того, как обнаружилось, что коридоры, ведущие наружу, уже давно разрушены. Возможно, это сделали специально, когда школа покидала это здание. И, разумеется, к тому времени я уже возвел собственный Портал. Если только я не допустил непростительной ошибки при прочтении планов, Портал теперь — единственный способ пробраться сюда. Смотри под ноги. То, что я хочу показать тебе, за следующим поворотом.

Когда они повернули направо и остановились, Камбер движением руки послал огненный шар немного вверх и вперед, освещая широкую двойную дверь из обитого железом дуба, одна половина которой едва держалась на проржавевших петлях. Над дверью замысловатыми резными буквами было написано: *Adorabo ad templum sanctum tuum, et confitebor nomini tuo.*

Подойдя немного ближе, Джорем внимательно изучил надпись.

— Это из псалмов,— сказал он.— Не помню, откуда именно. Здесь говорится: Я поклонюсь Твоему священному храму и воздам хвалу Твоему имени.— Он взглянул на отца.— Эта часовня и есть то, что ты хотел показать мне?

— Не совсем. По-моему, в данном случае больше подходит твой храм. Давай войдем внутрь. Я хочу, чтобы ты сказал мне, что это такое.

Открыв дверь, Камбер пригнулся и вошел внутрь, дожидаясь, пока за ним последует Джорем. Огненный шар, достаточно яркий в коридоре, казалось, почти потух в огромной темной комнате. Камбер сложил руки, выдохнул, зажег еще один шар и взмахом руки с аметистовым кольцом расположил его на расстоянии ладони от первого.

— Боюсь, здесь все в ужасном состоянии. Это место уже было древним, когда его покидали. Самая ранняя дата, которую мне удалось здесь обнаружить, написана вон на той надгробной плите слева от алтаря. Это или 603 или 503. Камень подвергся сильному разрушению. Оглядишься вокруг и скажи, что тебе все это напоминает.

Джорем рассеянно кивнул. Он уже изучал комнату, используя зрение и другие чувства, пораженный странностью этого места.

Помещение оказалось намного больше, чем он предполагал раньше. Шире и выше даже центрального купола Валоретского собора, который считают самым большим в Одиннадцати Королевствах. Круглая стена была украшена потускневшей от времени мозаикой; к стене примыкали сводчатые арки с геометрическими узорами, их сложное переплетение терялось в темной вышине.

Тяжелая металлическая цепь уходила туда. Под цепью на круглом возвышении, состоявшем из семи ступеней, стояло то, что осталось от алтаря с бело-черными боками. Его когда-то гладкая менее была истерта почти в порошок под тяжестью того, что упало с цепи. На помосте вокруг алтаря валялись осколки камня, стекла и изогнутых прутьев металла. Кладка на помосте, тоже сильно разрушенная, повторяла бело-черный узор шахматной доски, как и по бокам алтаря, однако здесь квадратики были намного меньше.

Спустя несколько минут Камбер прочистил горло и посмотрел на Джорема.

— Кажется, я понимаю, почему ты говорил о связи с Орденом святого Гавриила,— после минуты задумчивого молчания ответил Джорем.— Эта комната... немного похожа на капитул в аббатстве святого Неота — круглая, с прямоугольным алтарем в центре. Только в аббатстве и здесь такая компоновка. Но тут есть и нечто странное.— Он взглянул на отца.— Ты понимаешь?

Кивая, Камбер оглядывался.

— Да. Впервые оказавшись здесь, я почувствовал то же самое. А теперь, обнаружив древние описания этого места... Подойди-ка к алтарю поближе.

Они в молчании переступали по камням, усыпавшим пол, и только шорох подошв нарушал тишину. По семи невысоким ступеням осторожно поднялись на выложенный черно-белой плиткой пол помоста. Там, где они сейчас стояли, почти не было обломков. Джорем с любопытством осматривался. Уцелела только часть алтаря — треугольный кусок в половину прежней высоты. На боку Джорем увидел надпись, сохранившуюся кое-где среди позолоты.

— *Benedictus es, Domine Deus patrum nostrorum*,— тихим голосом прочитал Джорем, дополняя по смыслу недостающие буквы и части слов.

— Благословен Господь, Бог отцов наших,— перевел 486 Камбер.— По-моему, это из Даниила. А остальное зву-

чит как *et laudabilis in saecula* — на века достославный. Насколько удалось выяснить, это не просто надпись на алтаре.

Проворчав в ответ, Джорем нагнулся и поднял с пола прозрачный осколок, оказавшийся куском янтаря без полостей и трещин внутри.

В камне, в одном из углов, было какое-то помутнение. Джорему показалось, что это не дефект, а сделано с каким-то неизвестным расчетом. Неясным было, и что за предмет некогда был сделан из янтаря.

— Как по-твоему, что это было? — наконец спросил он, положив осколок на алтарь.

— Должно быть, особая храмовая лампа, — ответил Камбер. — Я нашел несколько рисунков, определенно изображающих это место. Тогда перед нами скорее всего обломок восьмигранной лампы из серебряной проволоки и янтаря с выгравированными на нем крестами — Он указал на кучку обломков. — Сама она упала или была сброшена по какой-то причине, этого я не могу сказать. Судя по размерам цепи, не похоже, чтобы лампа рухнула вниз сама по себе. Но если ее сбросили, почему? Или она упала под напором энергии? Кстати, не думаю, чтобы алтарь освобожден от волшебства и высших сил.

— Нет?

— Посуди сам, — отозвался Камбер. — Впервые положив руки на алтарь, я подумал, что чувства обманывают меня. Если в волшебстве я не новичок, то в священнодействии неопытен, я не ожидал... Ну, подумай сам. Вспомни любой другой алтарь, к которому тебе приходилось прикасаться; вспомни тот, что стоит в потайной часовне, где Синхил отслужил свою последнюю мессу, а потом скажи мне, о чем тебе скажет вот этот. Даже не нужно дотрагиваться до него. Просто положи руки на черный камень внизу.

Озадаченно взглянув на отца, Джорем вытер руки о дорожный плащ и подошел поближе. Облизнув губы, он несколько секунд держал руки над черной поверхностью камня, потом закрыл глаза и мягко опустил руки. Спустя мгновение он выдохнул через неплотно сжатые губы и слегка приподнял голову.

— Я понял, что ты имеешь в виду, — наконец произнес он. Его взгляд блуждал, он пытался успокоить бушевавшие его чувства. — Здесь все еще присутствует энергия, слишком много энергии, больше, чем можно было ожидать после стольких лет, и даже больше, чем если бы алтарем еще пользовались. Это совершенно очевидно!

Он резко поднял голову.

— Что здесь происходило? Тебе известно?

Камбер весело улыбнулся, однако на лице Элистера Келле-на эта улыбка показалась вымученной, и сложил руки.

— Я кое-что подозреваю. Посмотри как следует на алтарь, на то, как он устроен. Потом обратись к своим детским воспоминаниям. Именно так я и нашел связь.

Нахмурившись, Джорем отошел на несколько шагов назад и оглядел алтарь со всех сторон. По его лицу было совершенно ясно, что он не увидел ничего необычного. От основания из черного вулканического стекла в ладонь толщиной поднимались примерно до пояса боковые панели из чередующихся белых и черных квадратов. Разрушенная теперь крышка из белого мрамора опиралась когда-то на четыре колонны толщиной с человеческую руку, на две белые и две черные, теперь одна из черных колонн был повалена.

Камбер наблюдал растерянность сына, потом покачал головой и достал из-под кожаной куртки небольшой мешочек из черного бархата. Развязал пурпурные шнурки, стягивавшие верх, наклонился, чтобы сдуть пыль с одного из черных камней, встряхнул мешочек и поймал в ладонь полированные кубики — четыре белых и черных. В сумеречном свете огненного шара кубики засияли, не ослепительно, как бриллианты на пальцах Камбера, а ровно и мягко.

— Преграды? — прошептал Джорем.

Кивнув, Камбер рассортировал кубики, белые образовали квадрат. Многозначительно взглянув на сына, он отложил бархатный мешочек.

— Ты помнишь заклинание, Джорем,— мягко произнес он.— Оно было первым из того, чему я учил тебя. Твоя мать считала, что следует подождать, пока ты станешь постарше, но я знал — если не покажу я, это сделает твой брат Баллард, и тогда вы почти наверняка попадете в переделку.

Камбер с улыбкой передвинул пальцем четыре черных кубика так, чтобы они были расположены по углам ранее составленного квадрата, но не касались белых. Потом, на секунду подняв глаза, чтобы проверить, внимательно ли следит за ним Джорем, он осторожно опустил большой и указательный пальцы на *prime* и *quinte* и поменял их местами, проделывая то же самое с *quarte* и *octave*. Он снова глянул на Джорема, надеясь встретить понимание, но и не очень на это рассчитывая.

— Такому тебя не учили, верно?

Джорем в молчании оглядел сложившуюся фигуру, сосредоточенно подняв светлую бровь.

— Но ты не можешь выставить преграды таким об-

— Вот именно.

— Тогда...— Джорем смотрел рассеянно.— Ты хочешь сказать, что... произойдет что-то еще, если ты произнесешь заклинание при такой конфигурации?

Камбер кивнул.

— Преград не получится,— в напряжении продолжал Джорем.

Камбер снова кивнул.

— Это говорит о том, что кубики можно использовать не только для единственного заклинания,— наконец проговорил Джорем. В течение нескольких секунд он не отрываясь смотрел на кубики, шумно проглотив слюну, прежде чем отважился снова взглянуть на отца.

— Что... что будет, если ты продолжишь?

— Не знаю. Я еще не пробовал эту конфигурацию.— Он взял белый кубик в левом верхнем углу, обычно называемый prime, и зажал его большим и указательным пальцами.— Хочу, чтобы ты увидел еще один вариант, не называя имен и не рискуя узнать результаты прямо сейчас. Если я поставлю prime на quinte, sixte на seconde, septime и quarte на tierce и octave, что у меня получится?

Джорем устремил тяжелый взгляд на кубики, пытаясь представить то, что сказал Камбер, потом покачал головой.

— Повтори, пожалуйста, prime на quinte...

— Prime на quinte,— Камбер кивнул, ставя белый кубик на черный.

— Sixte на seconde,— продолжал Джорем, беря черный и кладя его на белый кубик.

— Septime и quarte на tierce и octave,— закончил Камбер, подкрепляя слова действиями.— Итак,— сказал он, вопрошающе глядя на Джорема.— У нас получился куб. О чем это говорит?

Потрясенный, Джорем начал было качать головой, но Камбер положил правую руку на алтарь.

— Посмотри на кубики, Джорем! Посмотри на алтарь! Что ты видишь?

Джорем посмотрел, потом отошел на шаг назад и посмотрел на этот раз уже на сам алтарь. Когда его сын наконец-то уловил связь, Камбер удовлетворенно кивнул.

— Я вижу... куб, составленный из сложенных поочередно черных и белых кубиков.— Он искал глаза отца.— Ты хочешь сказать, что части алтаря образуют защитную систему?

Камбер вздохнул и сгреб маленькие кубики, один за другим побросав в маленький мешочек. До тех пор

пока не завязал его и не спрятал в одежде, он молчал и не поднимал головы.

— Этого я не знаю. Не думаю, что перед нами система преград, но начинаю подозревать, что это действительно какая-то система. В крайнем случае, алтарь символизирует кубики, которые мы используем. Откровенно говоря, сам термин кубики преград, возможно, неверен. Я уже нашел изображения примерно десяти различных конфигураций, а их, должно быть, вдвое больше. К сожалению, пока не известно назначение фигур, включая и эту, которая, кстати, является, по всей видимости, единственной работающей в трех измерениях.

— Десяток конфигураций! — Джорем присвистнул — Ты пробовал хотя бы одну?

Камбер покачал головой.

— Я опасаясь. Неизвестно, что может произойти. В особенности в случае с этим — Он положил руку на алтарь — Если алтарь символизирует силы, вызываемые этой фигурой, то это может быть могуществом, составляющим самую суть всех Деринийских способностей. Нам уже известно, что с этим алтарем были связаны огромные силы, раз их остатки можно чувствовать сотни лет спустя. Кто знает, что может произойти, если мы начнем экспериментировать без необходимой подготовки? У нас достаточно времени, чтобы продвигаться не спеша.

Джорем с опаской огляделся, пытаясь что-то рассмотреть в темной вышине над их головами, потом с трепетом обратился к Камберу.

— Рад, что на этот раз ты решил быть осторожным, — пробормотал он. — Я уж было начал подумывать, что дрожь пробирает здесь одного меня. Давай-ка лучше выбираться. Мне что-то не по себе.

Украдкой улыбнувшись, Камбер развернулся и пошел к дверям, погружая башмаки в вековую пыль. По полуразрушенному коридору они возвращались молча и в конце концов оказались в оштукатуренном алькове, куда принес их Портал. Камбер снова встал за спину сына, на этот раз обняв его за плечи. В то же время он почувствовал, что разум Джорема открывается, вступая в контакт со слепой доверчивостью, редкой между Дерини.

Испытав прилив нежности и желание защитить сына, Камбер открыл Портал и вступил в него вместе с Джоремом. Снова очутившись в залитой солнцем комнате башни, оба сощурились. Джорем даже покачнулся. Их появление поразило ничего не подозревавшего Гвейра, собиравшегося покинуть пустую мгновение назад комнату.

— Ваша милость! — невольно вскрикнул он, впрочем, сразу же успокоившись, как только понял, что произошло, и отвесил поклон.

С невозмутимостью, словно появление из воздуха было делом почти обыкновенным, Камбер знаком попросил Джорема наполнить чаши вином и заслонил его от Гвейра, чтобы у сына была возможность собраться с мыслями. Непринужденность Камбера была способна обезоружить не только простодушного юношу.

— А, это ты, Гвейр. Извини, что смутили тебя. Джорем и я только что вспоминали о былом и, боюсь, забрались чересчур далеко. Возможно, это кажется несколько легкомысленным, но, по-моему, у нас еще есть время.

Гвейр снова поклонился, теперь его лицо выражало понимание.

— Вам не о чем беспокоиться, ваша милость. Я как раз пришел сказать, что мы все-таки сможем отправиться уже утром. У сенешаля исполнение ваших приказаний не вызвало никаких затруднений.

— Превосходно. А как насчет ужина? Не знаю, как Джорем, а я проголодался.

— Ужин скоро будет готов, ваша милость. Горячую ванну можно принять прямо сейчас.

— Спасибо. Мы спускаемся.

Гвейр поклонился в последний раз и исчез на винтовой лестнице, Камбер сел рядом с Джоремом и взял свою чашу. Джорем уже приложился к своей и теперь доливал ее.

— Неловко получилось, — произнес Джорем, убедившись, что Гвейр не услышит его. — Он догадывается о чем-нибудь?

Камбер покачал головой.

— Он уже привык к моим исчезновениям. В доме есть еще несколько Порталов. Кстати, когда ты увидишь Ивейн и Райса? Я собирался спросить об этом раньше.

— Сейчас они в Кайрори, поэтому я не надеюсь, что это произойдет раньше следующего месяца. Я обещал Синхилу сначала доставить тебя в Валорет.

— Хорошо. У меня будет время собрать кое-что для передачи Ивейн. Мне требуется помощь в переводе обнаруженных документов.

Джорем не удержался от улыбки.

— Ты уверен, что можно доверить ей это? Вспомни, как она распорядилась знаниями из Протокола Орина в ночь, когда ты принимал память Элистера.

— Ах да — От нахлынувших воспоминаний Камбер заулыбался, вспомнив не сам эпизод, а три его версии.— Однажды придется как следует расспросить дочь об этом. Мне никогда не доводилось слышать о том, чтобы кто-то принимал чей-то облик, не имея образец перед глазами, и уж конечно, о том, чтобы принимали облик представителя противоположного пола.— Он покачал головой.— Но что касается твоего вопроса, никакой проблемы я не вижу. Мы будем работать с разрозненными отрывками и кусками по крайней мере до тех пор, пока не разберемся, с чем имеем дело. Не уверен, что кто-то смог бы использовать их. Это похоже на различие между божественным откровением и правилами богослужения — в первом заключается смысл, а второе содержит распорядок. Чтобы правильно исполнить обряд, нужны обе книги. Ивейн будет переводить с архаичного языка, на котором Парджан Хавикан сочинял свои великие саги, такие непонятные для живущих ныне, и еще разбирать отвратительный почерк. Вникать в суть — не слишком ли сложно.

Джорем кивнул.

— Возможно, ты прав. Ей понравится работа. Но чем можем помочь мы с Райсом? Будем разве что делать списки с оригинала, когда работа продвинется вперед. Кстати, если ты потянешь за ниточки своих епископских связей, тебе без труда удастся взять меня к себе насовсем. Если ты попросишь, Эллин не откажет.

— Ты хочешь этого? — спросил Камбер, удивленно поднимая кустистые брови.

— Работать с тобой? Конечно,— ответил Джорем.— Служить гонцом Синхила почетно, но, кажется, начинаются весьма интересные события, я не намерен пропускать их. Если ты хочешь, не найдется ни одной причины, чтобы я не мог стать мостиком между тобой и михайлинцами.

Лицо Камбера озарилось несвойственной Элистеру улыбкой.

— Сынок, я просил бы тебя об этом еще несколько месяцев назад, но не был уверен, что ты захочешь переехать сюда. Мне казалось, тебе больше по нраву работа для Ордена, чем для меня.

Джорем смотрел в пол и улыбался.

— Могло быть и так... прежде. Но за прошедший год мы с тобой пережили вместе так много. Если велишь, я буду служить тебе, кем пожелаешь, и готов принять тебя под
любой личиной... отец.

Сын поднял голову, и Камбер вложил в свой взгляд всю бездну чувств. Как редко позволял он своей душе показывать себя. Просто протянул руку, положил на плечо Джорема и улыбнулся, давая теплу любви соединить сердца. Слова были не нужны.

ГЛАВА XIX

**Готовьте щиты и копья,
и вступайте в сражение;
седлайте коней
и садитесь, всадники,
и становитесь в шлемах;
точите копья,
облекайтесь в брони.¹**

На дорогу в Валорет к королю у Камбера ушло чуть меньше двух дней; они добрались бы и скорее, когда бы не проливной дождь — не редкость в Гвиннеде на пороге зимы. Дождь превратил дорогу в грязевой поток, залил костры на холмах, разведенные в честь праздника Самхейн, и принес с собой первые заморозки и все это за каких-то двадцать четыре часа. Путешествие от этого сделалось куда менее комфортным, но Камбер ни на что не обращал внимания, всеми мыслями устремленный к грядущим испытаниям. Ему не терпелось увидеть, чего достиг его ученик за эти месяцы. Все указывало на то, что Синхил даром времени не терял.

Епископ Грекотский въехал в столицу около полудня, в день Всех Святых. На ступенях собора его приветствовало куда больше народа, чем он ожидал, учитывая скверную погоду и поспешность приезда. Главным был, разумеется, архиепископ Энском, поскольку это был его собой и его епископ; но к нему присоединился также настоятель Эллин, дюжина обрадованных рыцарей-михайлинцев и архиепископ Орисс, который сам прибыл в Валорет лишь накануне, по приказу короля.

Но затмевал всех, несомненно, промокший, но ликующий Синхил, которому настолько не терпелось повидать своего нового канцлера, что он даже не смог заставить себя дожидаться его приезда в тепле и сухости дворцовых покоев. С обнаженной головой, Синхил сбегал по ступеням навстречу другу, ни на миг не прекращая говорить, с того самого момента, как Камбер спешил. Синхила просто распирало от новых идей, требовавших воплощения, и все они требовали одобрения канцлера. Камбер и припомнить не мог, когда в последний раз видел короля в столь бодром расположении духа.

Он не умолкал и за ужином, как видно, конец лета и осень Синхил провел не в стенаниях, а с большой пользой для себя. Вплоть до открытия заседаний Совета Камбер проводил время с королем, обсуждая его замыслы, либо с секретарем, которому Синхил уже успел продиктовать наброски своих многочисленных планов. К исходу четвертого дня у Камбера наконец появилось ощущение, что он разбирается в нарисованной Синхилом картине. Все замыслы короля казались немыслимо честолюбивыми.

Утром в день святого Иллтида, после торжественной мессы Святому Духу, король Синхил собрал наконец заседание своего Совета, официально объявил епископа Элистера Келлена канцлером, лично прочитал указ о назначении и передал Камберу символы его власти. Королева Меган положила на облеченные лиловой сутаной плечи епископа широкий воротник из золотых букв X; она так никогда и не узнала, что в ответ благодарно целовал ее руку никто иной, как ее бывший опекун.

Синхил лично передал в освященные руки Камбера Большую Печать Гвиннеда с восстановленным изображением Льва вместо львиных лап и горноста — герба Фестилов. После этого Камбер получил свою канцлерскую печать с изображением оружия Грекотской епархии, геральдического меча Келлена и эмблемы дома Халдейнов.

После окончания этой церемонии Камбер поклонился и принес благодарность королевской чете, затем занял место справа от высокого королевского трона; теперь это место принадлежало ему.

Назначением Камбера события не исчерпывались. Теперь, когда Синхил взялся управлять государством, королевские грамоты и должности получили и люди, и Дерини.

По рекомендации архиепископа Энскома и некоторых других, лорд Джебедея Алкарский был объявлен главнокомандующим королевской армии. В военных де-

лах он становился равным Синхилу, но маловероятно было, чтобы король стал ему помехой, ибо Синхил имел самое отдаленное представление о стратегии, несмотря на то, что быстро всему учился. Благодаря назначению, Джебедея получал право заседать в Совете короля и графский титул — случай, беспрецедентный для рыцаря церкви.

Вместе с Джебедеей в Совет вошли архиепископ Энском и Оррис и четверо новоявленных пэров, получивших свои титулы на той же церемонии, когда юный Девин Мак-Рори был объявлен графом. За исключением барона Торквилла, четверка — два графа и два барона — состояла из представителей людской расы. Камбер догадывался: это сделано для того, чтобы уравновесить влияние трех Дерини. Синхил собирался дополнить нынешний Совет еще четырьмя членами, но теперь, пока обязанности еще не были окончательно распределены в соответствии с талантами и способностями, хватало и восьми. Камбера интересовал вопрос, намерен ли король удержать установленный таким образом баланс Дерини и людей. С учетом рассказов Джорема о лордах-людях, ринувшихся ко дворцу в надежде приобрести земли и титулы, будущее равенство в Совете людей и Дерини казалось маловероятным.

Следуя обычаям двора, Синхил и его советники удалились в одну из комнат на неофициальный обед, на котором могли присутствовать только девять человек. За обедом Синхил дал ясно понять, что только что объявленные назначения были не пустыми почестями. От королевских советников требуется исполнение обязанностей, в противном случае последует отставка. Прежде чем слуги убрали остатки еды, Синхил начал раздавать поручения. Отчеты советников должны быть готовы к повторному заседанию Совета в день святого Эндрю, почти через месяц, а к началу рождественских праздников процесс радикальных перемен в королевстве должен быть запущен.

Камберу досталось координировать исполнение планов Синхила, а они так или иначе затрагивали все сферы, начиная с дипломатии и военных дел и кончая реформами права и улучшением социальных отношений.

Одно королю не терпелось осуществить как можно скорее. Он хотел укрепить союз или по крайней мере подписать соглашения с соседями Гвиннеда. Устранение реальной угрозы нападения в эти первые после поражения Эриеллы месяцы не означало снижения военной активности. Расположенная к западу от королевства Меара, считавшаяся вассальным государством уже около тридцати лет, со времени смерти ее последнего наследника престола время от времени представ-

ляла угрозу целостности Гвиннеда, равно как и королевства Говик и Хланнед, доставлявшие немало неприятностей своими внезапными набегами на юг страны. Мурин, бывший могущественным союзником Имре, после падения последнего хранил молчание, не выражая враждебности, но гонцов не слал. У Синхила не оставалось никаких сомнений, что все соседи с величайшим вниманием следят за новым владыкой Гвиннеда, выискивая проявления непоследовательности и слабости.

Требовал незамедлительного выяснения статус крошечного княжества Хелдор к северу от Гвиннеда, ранее принадлежавшего родственнику Имре Термоду Рорау. За несколько недель до созыва Совета до Синхила дошли слухи о возникшем там конфликте между младшей ветвью дома Фестилов и его бывшим союзником Сигером.

Тот в результате воцарился в Хелдоре, прибавив княжество к своему исконному Истмарку. Сигер был достаточно рассудителен, чтобы понять — у него никак не хватит сил удержать приобретенные земли. В озерном крае Рэндалл сопротивление продолжалось; к Дерини этого района, приютившим двоих Фестилов, примкнули остатки армии Рорау. Весь Рэндалл фактически был неподвластен Сигеру. Они с Синхилом снова нуждались друг в друге, Фестилы и их приспешники должны быть окончательно добиты; покуда вновь не объединились с Торентом и не стали серьезной опасностью для Гвиннеда и смертельной угрозой для Сигера. К нему было решено срочно отправить констебля лорда Адаута и барона Торквилла с предложениями переговоров.

И все же не Сигер и не его авантюра в Хелдоре занимали ум Синхила. Нимур отмалчивался. О короле Торента и событиях в его стране в последнее время почти ничего не было известно. Сотню своих знатных воинов, взятых в плен при Йо-мейре, Нимур выкупил, не торгуясь. Стало быть, нуждался в людях и золота на это не жалел. Но никто не угрожал Торенту извне, на границах было спокойно, некогда мятежные земли на юге и востоке пребывали в покорности. Для чего королю-Дерини понадобилось так срочно выкупать своих рыцарей? Не могла ли эта забота о вассалах быть приметой военных приготовлений Нимура против Гвиннеда? В конце концов где-то в Торенте под покровительством близких ко двору вельмож жил-поживал младенец-Фестил. Он подрастет и по научению родни, весьма вероятно, заявит права на трон своего отца. А Нимур? Что удержит его от искушения использовать мальчишку для славы и могущества? Сколько

преимущества получит король Торента, водворив на трон своего ставленника?

И Синхил хотел быть готов к любому повороту событий. Начинать следовало с серьезных военных преобразований. У него должны быть войска, на которые можно положиться, выдвинутые к границам Торента и Истмарка.

Приступить к военной реформе немедленно оказалось невозможно — солдаты будущих воинских частей были фермерами и крестьянами. Всю осень они собирали урожай, молотили, готовили хозяйства к зиме, а с первым весенним солнышком должны были снова оказаться в поле. Выучкой рекрутов по-настоящему можно было бы заняться только с окончанием сева. Временное отсутствие солдат не остановило Синхила, он озаботился тем, чему не мешала стужа.

Оружейники принялись ковать клинки, наконечники копий и клепать шлемы. Подмастерья корпели над кольчугами и оснащали кожаные доспехи стальными пластинами и кольцами. Владельцы собственной амуниции были обязаны в течение зимы привести ее в полный порядок и держать в готовности.

Мастера оперили тысячи гладких стрел из каленого дерева, которые от плохой погоды не искривятся и не потрескаются. В помещениях замка выдерживались срезанные загодя прутья из тиса и пекана, чтобы, когда придет срок, превратиться в тугие луки.

После осеннего забоя скота вовсю трудились кожевники и шорники. Из кож шили куртки, нагрудники, шлемы и другие доспехи, кожей обтягивали щиты, из внутренностей свивали тетивы луков и канаты катапульта.

Джебедея и двое других членов Королевского совета — графы Фэнтан и Таммарон — приступили к долгосрочному плану создания хорошо вооруженных и дисциплинированных конных отрядов.

Джебедея считал, что прошедшие выучку всадники составят ударную силу королевской армии. Пока графы из Совета продумывали правила набора и программу обучения рекрутов, барон Хилдред и несколько других дворян совершали объезды лучших коневодческих ферм Гвиннеда, отбирая жеребцов и чистокровных кобылиц для намеченной программы по заведению в армии племенных табунов — Джебедея мечтал усадить свои отборные войска на самых рослых и быстрых коней. В сражении вместе с торентскими рыцарями было захвачено несколько р'касанных жеребцов, союзники Эриеллы

Джебедия и Хилдред считали, что кровь благородных животных очень пригодится для будущей непобедимой конницы Гвиннеда.

В суете государственных дел у Камбера почти не оставалось времени. За несколько недель он сумел приспособиться, ежедневно выкраивал около часа на собственные исследования. С благословения Кревана Эллина, при полном одобрении короля Джорем был назначен личным секретарем Камбера и поселен в комнаты по соседству с покоем прелата-канцлера в архиепископском дворце. Для Камбера и Джорема все решилось наилучшим образом.

Райс и Ивейн тоже объявились в столице, но вовсе не в результате отцовских интриг, а благодаря хлопотам королевы и профессиональной репутации Райса. Меган несколько месяцев убеждала Ивейн стать ее фрейлиной и предпочитала Райса другим придворным Целителям, хотя среди них были самые искусные и многоопытные.

Когда Ивейн приняла предложение, королеву целую неделю было не узнать, весь двор удивлялся оживлению обычно незаметной, как мышка, Меган. Даже Синхил заметил радостную перемену и благодарил Ивейн. Вскоре они с Райсом получили апартаменты в королевской башне, оба находились теперь поблизости от комнат Меган и от королевской детской. Ивейн бывала около королевы или просиживала у себя над переводом древних рукописей, привезенных отцом из Грекоты.

Джорем опасался попусту, Ивейн не пыталась нарушить запрет Камбера и проверять на опыте то, что удавалось прочесть. С тем, что заключалось в манускриптах, не стоило шутить. Они об этом почти не говорили, но порой после очередного рассказа Ивейн, который выслушивали трое мужчин, Камбер засиживался до утра за неубранным столом. Выкладывал из кубиков преград все новые фигуры между пустыми кубками и остатками еды и раздумывал.

Так наступило и миновало Рождество, потом Крещение. Им открывалось новое знание, вокруг складывалась новая жизнь. Камбер и его семья все меньше вспоминали о прошлом.

Элинор, регулярно извещавшая Ивейн о детях, оставшихся в Кайрори, между прочим сообщила, что холода остудили энтузиазм паломников к могиле Камбера. Остались несколько наиболее ретивых со своими молитвами и приношениями записок. Все это было так далеко от столицы, от многообразия дел в Валорете. Ну разве стоила внимания пустая могила в далекой провинции?

Вопрос, тем не менее, оставался и вновь напомнил о себе в начале февраля, незадолго до отъезда Камбера в Грекоту, где он намеревался пробыть месяц, до дня святого Пирана. За это время можно было проверить положение дел в епархии, дать указания на весну и начало лета и лично исполнить то, что не могло быть препоручено другим. В марте он должен был вернуться. Король планировал заседание Весеннего Совета раньше обычного, так как Сигер Истмаркский выразил намерение лично провести переговоры. Для этого королю нужен был его канцлер, безразлично, епископ он или нет.

Но морозным февральским утром епископ Грекотский все еще находился в своих апартаментах в архиепископском дворце. Комнаты эти были куда более просторными, чем те, что занимал, когда жил здесь еще настоятелем михайлинцев. Он сидел перед большим, но довольно бестолковым камином, развалившись на стуле и закрыв глаза. Голова была откинута назад, плечи накрыты мохнатым полотенцем. Гвейр закончил намыливать его лицо и теперь осторожно водил бритвой по щекам, обросшим за ночь,— эту обязанность он взял на себя после посвящения Камбера.

Рядом с камином Джорем читал распорядок дня Камбера, опираясь рукой о теплую каминную полку. Он распахнул свой меховой плащ, однако снимать не стал, зная, что этот камин греет только на расстоянии вытянутой руки. Ему вовсе не улыбалось застудить спину, не покидая дворца.

— Итак, после мессы и завтрак с Энскомом у вас встреча с Его Величеством и лордом Джебедией, примерно до полудня,— объяснял Джорем.— Я переписал ваши вчерашние заметки, а Гвейр сделал необходимые пометки на карте, все подготовлено, если не пожелаете внести дополнений.

Камбер одобрительно хмыкнул, но не шелохнулся, опасаясь бритвы Гвейра.

— Сегодня же двор приглашен бароном Мердоком на оленью охоту,— продолжал Джорем.— По-моему, вчера барон выследил в лесу белого оленя и хочет добыть его. И как раз, по совершенно случайному совпадению, жена и сыновья подарили Мердоку пять пар гончих.

Последнее заявление Джорем произнес так же ровно и бесстрастно, но что-то заставило Камбера открыть глаза и взглянуть на сына. Как он и подозревал, лицо Джорема выражало нескрываемое презрение.

Мердок никогда не нравился Джорему. Откровенно говоря, Камберу тоже. Мердок Картанский, отпрыск семьи людей из тех, что когда-то правили Гвиннедом и лиши-

лишь владений более века назад, когда первый из династии Фестилов захватил трон. Предки Мердока использовали все средства для восстановления своего влияния под властью Дерини.

Мердок следовал семейной традиции, а теперь перед ним открывались куда более широкие перспективы. Почти три месяца назад он предстал перед Синхилом с петицией о возврате семейных владений, что король не замедлил сделать, хотя пока не вернул ему титул графа, дающий наследственные права на эти земли. Синхил считал Мердока честным и преданным, сочувствовал невзгодам барона, который однажды даже едва не стал членом того же религиозного Ордена, что и Синхил, по крайней мере так говорил сам Мердок.

— Барон Мердок? — пробурчал Камбер. — Он и его компания, кажется, всегда оказываются в гуще событий, не правда ли?

— По-моему, не секрет, что Мердок добивается весьма важного и незаслуженного места при дворе, — ответил Джорем, приподнимая бровь. — И может получить его. Боюсь, наш король слишком легко поверил сказке о прежней несправедливости и личине набожности.

С возмущенным фырканьем в адрес придворных льстецов вообще и барона Мердока в частности Камбер дернулся, собираясь возразить, и заставил Гвейра поспешно отдернуть руку с бритвой. Он пожал плечами, извинился, снова откинулся головой на спинку и вздохнул; молчаливый Гвейр снова приступил к делу. Камбер размышлял о карьеристе-бароне и о возможности завести с Синхилом разговор о нем, как вдруг понял, что нынче утром Гвейр необычайно замкнут. Он складывал бритву и принялся вытирать лицо хозяина с совершенно несвойственной резкостью.

Гвейр начал причесывать его, Камбер сел повыше, стараясь незаметно понаблюдать за юношей и проверить, не привиделась ли ему эта нервозность. Должно быть, лицо выдавало любопытство Камбера, потому что Гвейр вдруг отвел глаза и с еще большей неловкостью возился с его густыми медно-серыми волосами. Закончив, он освободил плечи Камбера от полотенца и смахнул воображаемые волосы с сутаны хозяина. Казалось, он намеренно избегает взгляда Камбера.

— Что-то случилось, Гвейр? Сегодня ты какой-то расстроенный.

Гвейр поспешно отвернулся, чтобы взять лиловую шелковую шапочку епископа. Когда он опустил ее на седины, по его лицу уже ничего нельзя было прочесть.

— Ничего не случилось, ваша милость. А что?

— Да так.

Камбер рассеянно повернулся, чтобы просунуть руки в рукава пурпурной накидки, которую подавал Джорем. Глаза Гвейра он снова увидел, принимая из рук юноши нагрудный крест на золотой цепи. В них был испуг, почти затравленное выражение. Камбер старался казаться как можно более мягким, Гвейр смотрел под ноги.

— Ваша милость, вы правы, кое-что случилось...— начал он робко.

— Я так и думал,— ласково произнес Камбер, садясь и приглашая Гвейра занять кресло справа от себя. Джорем отошел, вернулся к письменному столу и начал перебирать манускрипты, чувствовалось, что и он следит за юношей. Камбер не мог понять, почему Джорему тоже не по себе.

— Хорошо,— Камбер старался помочь Гвейру.— Ты хочешь рассказать мне об этом?

— Я... да, ваша милость,— Гвейр с трудом глотнул. Во рту у него пересохло, а взгляд, обычно прямой и открытый, блуждал в поисках чего угодно, лишь бы не останавливаться на ледяных глазах. Он не находил слов.

Камбер терпеливо ожидал, сцепив пальцы у груди,— этого жеста Элистера он уже не замечал, Келлен делался частью его самого.

Гвейр глубоко вздохнул и поднял голову, решившись наконец-то посмотреть в глаза благодетеля.

— Ваша милость, я... я хотел просить об одолжении,— пробормотал он, первые слова прозвучали, и юноша поддался порыву откровенности.— Строго говоря, не у вас лично...— Он замолчал, чтобы восстановить дыхание.— Но я надеюсь, что вы поможете. Его святейшество архиепископ очень ценит ваше мнение.

— Его святейшество имеет собственное мнение,— осторожно произнес Камбер, не догадываясь, куда клонит Гвейр,— хотя действительно иногда спрашивает моего совета. Должен напомнить тебе, если ты попросил о чем-то и получил отказ, то я и не смогу, и не должен вмешиваться.

— О нет, ваша милость. Я еще не просил его. Я... по правде говоря, боюсь подступиться к нему. Поэтому я пришел к вам. Если он посмеется...

— Посмеется? Почему он должен смеяться над высказанной от чистого сердца просьбой? Это касается веры? Если так, могу сказать тебе, что преподобный знает о твоём духовном развитии. Я рассказывал.

Гвейр опустил глаза.

— Ваша милость не знает всего. Боюсь, моя вера развивалась не совсем так, как вы полагали, и не совсем могли бы меня одобрить. Одним словом, я желал бы принять духовный сан, ваша милость.

— И ты думал, что я не одобряю это? — Камбер покачал головой. — Гвейр, ты, верно, не понял смысла моих прежних слов, Я просто советовал тебе не спешить давать обеты, навсегда меняющие твою жизнь. Если ты обрел свою дорогу и тверд в выборе, я счастлив.

— Правда?

— Конечно. Рассказывай. Какой Орден ты выбрал?

— Это... это только еще образующийся Орден, ваша милость, — Гвейр боязливо поднял глаза. — Прошу, не требуйте от меня многого. Я дал обет сохранить тайну. Обещайте мне не настаивать.

— Даю слово, — согласился Камбер. — Расскажи, что можешь.

Гвейр глубоко вздохнул.

— Мы хотим посвятить себя новому святому, ваша милость. Мы думаем получить разрешение устроить его главный храм здесь, в соборе Валорета, а собор епископов просить о скорейшей канонизации. Существуют явные свидетельства его чудес.

— Новый святой? — Камбер лишь поднял бровь, но мысленно содрогнулся. — О каком святом ты говоришь? Мне неизвестно ни о каких чудесах, явленных в последнее время.

Гвейр склонил голову. Теперь, когда пришло время раскрыть карты, язык не повиновался ему.

— Ну, давай же. Не стесняйся, — настаивал Камбер — Кто это?

— Это... лорд Камбер, ваша милость.

ГЛАВА XX

**Рабу же Господа
не должно ссориться,
но быть приветливым ко всем,
учительным, незлобивым.
С кротостью наставлять
противников, не даст ли им Бог
покаяния к познанию истины.¹**

Камбер в ужасе вскинул голову. И в тот же миг за спиной Гвейра увидел, как дернулся Джорем.
Боже! Он не ослышался? Камбер? Не мог же Гвейр говорить о нем — о Камбере Кудском?!

— Вашей милости нечему удивляться,— пояснил Гвейр, ошибочно принимая ужас Камбера за простое неведение.— Наверняка вы слышали, что его культ пышно расцвел в Кайрори. Правда, с приходом зимы паломников стало поменьше, но с самой его смерти каждый день на могилу приходят десятки людей в поисках благословения. Мы бы с радостью воздвигли первый храм именно там, но семья решительно воспротивилась. Прошу прощения, отец Джорем.

Он покосился на бледного, безмолвного Джорема, который стоял, опершись о столешницу, затем вновь обернулся к Камберу.

— Но даже они не могут отрицать творящихся чудес,— закончил он шепотом, в который ухитрился вложить нотку злорадия.

Камбер с трудом сглотнул, опасаясь продолжить расспросы, но сознавая, что этого не избежать. Он не осмеливался взглянуть на Джорема, опасаясь, что даже бесстрастное лицо Элистера может выдать его.

— Ты сказал — чудеса?

Гвейр серьезно кивнул.

— Помните, как я пришел к вам в ночь после похорон, когда вы нашли меня скорбящим у гроба и привели к Йоханнесу? Я рассказал вам о своем видении — что он явился мне и завещал продолжить дело его жизни?..

Это «он» прозвучало с такой силой, что мурашки побежали по спине Камбера. Он взялся за голову, припоминая, что именно рассказывал Гвейр в ту ночь. За делами последних месяцев он совершенно позабыл о том случае и верил, что юноша уж точно забыл — с тех пор они между собой о вещем сне не вспоминали.

Называется, утешил страдальца... И что теперь делать?

— Разве вы не помните, ваша милость?

Нерешительный голос Гвейра прервал оцепенение, и Камбер взглянул в это честное юное лицо, взяв себя в руки. Он подавлял искушение немедленно проникнуть в мозг Гвейра, узнать все имена участников этого кощунственного кошмара, прочесть правду.

И все же необходимости не было, потому что Гвейр не лгал, а Камбер-Элистер Келлен решил без крайней нужды таким способом не добираться до истины. Да и юноша, уловив вторжение в сознание, мог встревожиться и стать подозрительным, что ни Камберу, ни Элистеру было никак не с руки.

Если в безумной затее участвовали Дерини (тут Камбер вспомнил о странной встрече Гвейра с Квероном Кайневаном), то напрашивался вывод о контактах между единомышленниками на уровне сознания. Если в таком общении доводилось участвовать и его слуге, особенно с умелыми Дерини вроде Кверона, юноша наверняка стал очень чувствителен к подобным прикосновениям. Даже допустив, что контакт удастся скрыть от Гвейра, нельзя обмануть Дерини, которые после обнаружат следы пребывания Камбера в сознании юноши.

Но что он мог сделать? Гвейр перед ним. Если не решиться использовать свои Деринийские способности для изменения разума Гвейра, может ли логика убедить бедного простака в том, что его чудо — всего лишь сон? Такой успех не решит проблемы, не положит конец зарождению Ордена святого Камбера, но, по крайней мере, станет первой победой здравого смысла.

Гвейр, разумеется, умолчал о подробных планах Ордена. Энскома это беспокоит. Архиепископу известно, что Камбер — вовсе не почивший святой. Он постарается не допустить официального признания культа Камбера.

Решившись, как действовать, Камбер призвал на помощь свой дар убеждения и снова взглянул на Гвейра, послав Джорему просьбу не вмешиваться и предоставить ему действовать самостоятельно.

Камбер нервно откашлялся.

— Конечно, я помню, сын мой,— наконец удалось пробормотать ему.— Но ты в самом деле веришь в то, что Камбер приходил к тебе той ночью? Ты же называл это сном, ведь так?

Гвейр смотрел мимо, глаза его блуждали по пламени в камине.

— Я понимаю, что это было как бы во сне,— медленно ответил он,— и все же было во всем реально, как происходящее наяву. Я понимаю, что проснулся перед его приходом и что четко различал все вокруг; спящего брата Йоханнеса (я слышал, как он всхрапывает во сне), тепло огня, мерцание света, запахи и мягкость постели. Его приход был реален, как и все это.

— Иногда сны бывают похожими на явь,— осторожно заметил Камбер.

— Но я не верю, чтобы это был сон,— настаивал Гвейр — Я думаю, что каким-то мистическим образом он приходил, но не могу объяснить этого. Мне кажется, он возвращался из другого мира. Мне кажется, что теперь он продолжает направлять и вдохновлять нас на деяния во благо людей. Разве не этому он посвятил жизнь и продолжал бы свои труды, если бы безумная Эриелла не сразила его? Разве он не желал, чтобы мы продолжили начатую им работу?

Камбер поерывал в кресле в явном затруднении.

— Ты прав, он этого хотел, но он не был святым, Гвейр. Он был смертным, подобно другим. У него были качества сильного человека и слабости. Он так же, как мы, боролся с искушениями. Может быть, эта борьба была еще мучительней оттого, что он — Дерини. И наверняка не всегда успешной, потому что он — человек. Нет, Гвейр, Камбер не был святым.

— Нет. Но вы восхищались им.

— Да.

— Настолько, что взяли себе его духовное имя, чтобы память о нем продолжала жить.

— Верно,— признался Камбер, испытывая запоздалое сожаление о своей неосторожности.— Но от этого человек вряд ли становится святым.

Гвейр склонил голову.

— Я знаю, не всегда легко распознать подобное, ваша милость, особенно когда бываешь так близко, как вы с Камбером.— С блаженной улыбкой на устах он поднял голову.— Но вы еще увидите. По воле Божьей вы и многие другие (даже его дети) обязательно увидите его величие, как узрели мы. Поэтому мы хотим создать храм в соборе, откуда он отправился в свой последний земной путь,— пусть каждый сможет поклониться этому месту. И его могила в Кайрори станет храмом. Для кого-то уже стала. Прошу только отца Джорема забыть о своем неверии и предоставить нам возможность беспрепятственно посещать часовню.

Он развернулся, чтобы видеть реакцию сына Камбера, но молодой священник, не владея собой, закрыл лицо руками и отвернулся. Пожав плечами, Гвейр встал и улыбнулся своему хозяину. Его глаза изливали сострадание.

— Камбер коснулся его сердца,— ласково сказал он,— и со временем коснется каждого человека. Простите мою настойчивость, ваша милость. Теперь я понимаю, что моя просьба преждевременна. Я не стану беспокоить ею архиепископа, и вам не придется хлопотать за меня. Когда придет время, Господь укажет путь.

— Гвейр...

— Да, ваша милость?

Камбер поднялся, стараясь решить, как ему получить объяснить. Он не мог запретить Гвейру добиваться своего, потому что никакие обеты повиновения не связывали юношу. Клятвы, наверное, тоже не удержали бы его.

Должно быть, Гвейр почувствовал нерешительность своего господина, и через несколько мгновений Камбер навсегда утратил возможность склонить юношу к здравомыслию. Он опустился на колени, поцеловал епископский перстень и заговорил, не поднимая головы, уверенно и решительно.

— Простите, ваша милость. Вижу, что поставил вас в затруднительное положение. Мне искренне жаль. О службе вашей милости меня просил Камбер, но я теперь понимаю, что могу лучше послужить ему в другом.— Он поднял голову, посмотрел Камберу в глаза,— Я должен оставить службу у вас, ваша милость. Надеюсь, вы поймете мое решение. Каждый должен действовать так, как велит ему сердце. Вы сами учили этому. А моя цель ясна.

— Гвейр, уходить не обязательно,— спохватился Камбер, терявший вместе со слугой источник сведений о развитии событий вокруг святого.— Я не стану помехой...

Если хочешь, принимай обеты нового Ордена... Как ты его называл?

— Я еще не говорил, ваша милость, он будет называться Слуги святого Камбера.

— Слуги святого Камбера,— повторил Камбер, стараясь, чтобы голос не дрогнул,— Если... если ты хочешь так поступить, я ни в чем не буду противиться. Служат у меня члены разных Орденов. Я могу не разделять твои цели, но уважаю право самостоятельного выбора. Мне было бы неприятно думать, что моя косность оттолкнула тебя.

— Не вы оттолкнули меня, не отец Джорем. Пришло время уходить. Есть вещи, необъяснимые, как Божий промысел. Мои братья и сестры призывают меня к служению. Пришло время полностью посвятить себя Камберу.

— Да-да. Долг есть долг,— ответил Камбер.— Но поразмысли о том, что ты делаешь и почему. Ведь ты можешь ошибаться.

— Я так не думаю, ваша милость. Могу я теперь идти? Я уложу вещи и в полдень отправлюсь.

— Да, сын мой. Я буду молиться, чтобы Господь вел тебя верным путем,— прошептал Камбер.

Гвейр склонил голову и подошел к двери. Пока он возился с замком, Камбер предпринял последнюю попытку.

— Гвейр...

— Ваша милость? — Гвейр остановился на пороге и в последний раз оглянулся.

— Не знаю, кто с тобой заодно, но, пожалуйста, ради меня передай им. Мне кажется, вы заблуждаетесь. Ты строишь воздушные замки. Стремление продолжить дело Камбера благородно, и я думаю, он был бы польщен. Но не пытайся создавать из него того, кем он не был.

— Прощайте, ваша милость,— выдохнул Гвейр, повернулся и вышел, дверь за ним затворилась.

Так неблагополучно начавшееся утро обещало тяжелый день. Как только Гвейр достаточно отдалился, Джорем дал волю своим чувствам.

О чем это Камбер думал, позволив Гвейру уйти? Юношу нужно вернуть, обследовать его разум, выявить реальную опасность нового Ордена, этих Слуг святого Камбера! Ну и слуги, какое кощунство! Не было никаких чудес!

Камбер оставался спокоен. В контакте сознания они перебрали все возможности переубедить Гвейра, не перегибая палку, не создавая опасности разоблачения, и ничего нового не нашли. Им и в дальнейшем противодействии канонизации святого придется быть осторожными, проявлять

сдержанность, апеллировать к логике и здравому смыслу. Ни в коем случае дело не должно дойти до сомнений окружающих в земном бытии Элистера Келлена. Скандал вокруг канцлера-епископа, ближайшего сподвижника и друга короля, одним махом перечеркнула бы слишком многое.

Джорем вынужденно признал справедливость такого заключения. Нельзя было не заметить перемен в Синхиле за последние полгода. Само отношение короля к делам государства стало иным, и во всех серьезных вопросах помогал Элистер.

А если тень Камбера вновь потревожит монарха, если идея канонизации Камбера достигнет его? Если эти самые Слуги узнают о чуде с Синхилом? Когда сам король вынужден будет поддерживать выдумки невежественных святош, дело может принять скверный оборот — требования камберянцев покажутся основательными, аппетиты вырастут.

А как быть с Дуалтой? Джорем был готов побиться об заклад, что его отцу неизвестно местонахождение этого михайлинца.

Теперь признавался Камбер. Он в самом деле не знал, где сейчас Дуалта, хотя у него сложилось впечатление, что юноша вместе с бароном Хилдредом отбирает коней в провинции как большой знаток лошадей. Джорем крепко сомневался, что Дуалта до сих пор не проболтался.

После памятной ночи они встречались, Дуалта и не думал забывать о преображении Элистера на его глазах. Несколько раз говорили об этом, и Джорем, видимо, проявил излишний скептицизм. Молодой рыцарь стушевался, больше о чудесах не заговаривал и перестал навещать Джорема.

С кем он мог поделиться? Что если, как и Гвейр, встретил начинавшего становиться вездесущим Кверона Кайневана и все рассказал? В таком случае, история о том, как святой Камбер исцелил епископа, уже могла стать частью его деяний. Если так, то все, кто присутствовал в ту ночь в комнате, становятся участниками недостойного спектакля, попросту обречены на это.

Камбер не хотел верить, но вероятность такого поворота событий отрицать не мог. Правда, Гвейр пока не знал об этом подвиге своего кумира, иначе учинил бы форменный допрос своему хозяину, ведь тот как-никак и был спасен чудом. Раз Гвейр этого не сделал, значит, пребывает в неведении вместе с прочими Слугами. Только их все равно не урезонить. В прежние годы могли провозгласить святым и за меньшее, чем мученическая смерть от руки злой колдуньи и чудесное явление после смерти.

Перспектива превратиться в святого угнетала, а грядущая жизнь во лжи тревожила Камбера. И все же, если ему суждено нести свой крест, учить и наставлять Синхила, он не отступит. Ему это не по нраву, но разве он принимал решение, желая потешить себя? Он может усмирить свою гордыню.

Джорем не понимал, как его отец-священник и епископ может уживаться с ложью и лицемерием, все чаще сопутствующими Камберу-Элистеру, но ради великих целей не противился и не перечил.

Дискуссии о проблемах морали и долге духовной особы могли умножать сомнения, но не способны были разрешить драматическую ситуацию. Кое-как собравшись с мыслями, отец и сын покинули комнату Камбера и поспешили в часовню архиепископа. Облачившись в ризы, они влились в степенное течение и строгий порядок литургии, возвращая себе душевное равновесие. Разговор с Энском откладывался до окончания службы.

Завершив все надлежащим образом, они перешли в комнату архиепископа и, прерывая друг друга, рассказали Энскому о случившемся, поделившись с ним впечатлениями на словах и мысленно.

Потрясенный Энском не показывал виду, слушал, не перебивая, качал головой и попивал козье молоко из чашки.

— Ах, Камбер, ты по-прежнему как колючка у меня в боку. О, я знаю, что ты не повинен в этом. Ты делал то, что должен. И тем не менее проблема возникла.

Архиепископ поморщился после очередного глотка, молоко он пил, унимая боль в желудке, а от последних новостей недуг еще больше разыгрался. Камбер молчал.

— Однако,— продолжал архиепископ,— ты можешь быть спокоен, пока я архиепископ, в моем соборе не будет воздвигнуто никакого святилища Камбера.— Он решительно поставил пустую чашу.— Что касается канонизации, думаю, никто не в силах остановить поклонения, популярного в народе, но обещаю постараться, чтобы до собора епископов не дошло ни одно официальное прошение.

— Спасибо, Энском,— тихо сказал Камбер.— Большого нельзя и просить.

Энском пожал плечами.

— Хотел бы я предложить большее. Честно говоря, не понимаю, как ты можешь оставаться спокойным. Если бы кто-то пытался сделать святого из меня, я превратился бы в комок нервов.

Намазывая маслом кусок белого хлеба, Камбер устало улыбнулся.

— Тебе отлично известна цена этого внешнего спокойствия,— сказал он, отправляя кусочек в рот.— Что еще мне остается делать? — Он прожевал и проглотил хлеб.— Открыть правду — значит свести на нет все то, чего удалось добиться за последние месяцы. Синхил едва начал чувствовать себя настоящим королем. Уже около века страна не видела подобных ему. Тебе следует познакомиться с планами реформ, которые он, Джеб и я разрабатывали вчера. Они значительны и по большей части выросли из его идей, а не наших с Джебедией.

Джорем подлил в кубок отца душистого темного эля, Камбер поблагодарил кивком и основательно приложился к кубку, прежде чем продолжить.

— Это еще не все. Пока мы обозначили только общие контуры, но уже видно, что некоторые его предложения в области права прямо-таки радикальны. Он усвоил многое из того, что мы заставили его прочесть. Теперь это получило во многом неожиданное развитие. Некоторые затеи слишком далеки от реальности, но важно то, что он учится. Начинает мыслить независимо и стремится дальше на основе того, что мы дали ему. Иногда я просто не успеваю за его мыслями.

Энском, евший сыр с яблоком, вытер пальцы о салфетку из дамаста и принялся чистить ногти кончиком ножа. Его глаза весело поблескивали.

— Не берусь спорить об этом. По нашим встречам я знаю о его идеях.— Он повернулся к Джорему.— А что ты, Джорем? Райс и Ивейн? Вы трое смиритесь со святостью своего отца, если такова цена благосостояния страны?

Джорем оставил хлеб, превращавшийся в его пальцах во множество катышей, и отряхнул руки от крошек.

— Должен быть способ остановить неразумных, ваша милость.

— Согласен. К сожалению, имя твоего отца пополнило мартиролог, его кончина — свершившийся факт. Как мы остановим разговоры вокруг нее?

— Как все это несправедливо!

— Знаю,— Энском вздохнул.— Порой мы не можем позволить себе излишней разборчивости. Забудем пока о нравственности. Ты можешь справиться с паломниками? Что если Гвейр и его приятели станут просить у леди Элинор разрешения на превращение могилы в святилище?

— О. Господи, она, верно, не позволит?

— Не знаю. Я спрашиваю тебя. Больше у нее не будет поддержки Райса и Ивейн. Если обязанностей фрейлины не достаточно, чтобы удержать их при дворе, уж личный лекарь должен быть при королеве безотлучно. Ты же знаешь, Меган снова по-несла.

Камбер опустил кубок, который подносил ко рту, и с удивлением взглянул на Энскома.

— Так скоро? Синхил знает?

Энском покачал головой.

— Сам Райс узнал об этом всего несколько дней назад. Если все пройдет благополучно, у короля будет еще один сын. Нет нужды говорить, что до благополучного разрешения от бремени в конце лета услуги Райса будут нужны постоянно. Однако Джорем не ответил на мой первый вопрос. Что если от Элинора придет известие о намерении Слуг святого Камбера превратить могилу в храм?

— Она может согласиться,— мрачно ответил Джорем.— Она очень любила... Камбера.— Он посмотрел на отца, на Энскома, потом снова на отца.— Может, открыть ей правду? Если ты по-прежнему собираешься привлечь к этому и мальчиков, она все равно узнает в конце концов.

— В конце концов, да. Но не сейчас. Райс говорил, что она подумывает о втором замужестве, и, боюсь, ее будущий супруг горяч и из подозрительных ревнивцев. Если ей предстоит мириться с моей святостью, то лучше ничего не знать, чем жить под страхом разоблачения.

— Кузен Джеми? — спросил Джорем. Камбер кивнул.

— Энском, мы говорим о юном Джеймсе Драммонде. Возможно, ты помнишь его по часовне. Когда Катан ухаживал за Элинора, Джеймс тоже был в числе поклонников. Теперь Катана больше нет...— Он пожал плечами.— Как бы то ни было, я буду очень удивлен, если Элинора не скажет да. Мальчикам нужен отец, а Элинора — муж. Графство Кулди и владения Драммондов под стать друг другу.

— Но ты назвал его горячим,— заметил Энском.— Ты имеешь в виду, что, если бы он знал правду о тебе, то мог бы дать ей ход?

— Скажем, я бы предпочел не подвергать его такому искушению,— ответил Камбер.— Я не верю, что мужа и жены, если захотят, могут иметь секреты от своей половины. Пусть уж лучше привыкают к творящемуся в Кайрори и примирятся, подобно нам. Джорем, как ты думаешь, им это по силам?

— Возможно,— с сомнением отозвался Джорем.—

— Ничто не бывает слишком легким,— прошелестел Энском.— Особенно если дело касается Камбера Мак-Рори. Как хорошо, Камбер, что я неплохо тебя изучил.

* * *

Неприятности были впереди, но не в самом ближайшем будущем. В своих апартаментах Камбер уже не застал Гвейра. Несколько дней осторожных расспросов обогатили знанием того, что неверный слуга вышел из Валорета в одиночестве и направился на юго-восток. Отец и сын не сомневались: он еще объявится.

Предупредив о случившемся Ивейн и Райса, Камбер отбыл в Грекоту с ранее намеченным визитом, решив не беспокоиться, раз от беспокойства ничто не может измениться к лучшему.

Он нашел свою епархию в образцовом порядке и утвердился в подозрении, что Вилловин Треширский может отлично управляться и без него. Зима выдалась холодная и снежная, но во владениях епископа не было недостатка ни в чем. Обильный, хотя и поздний урожай при распорядительности Вилловина позволил больше чем наполовину заполнить амбары. Продажа части зерна и муки обеспечила доход, достаточный для пополнения соборной сокровищницы. Коровы и овцы дали немалый приплод.

Окончательная отделка епископской резиденции была закончена месяц назад. Несколько дыр в соборной кровле заделали свинцовыми листами с заброшенной часовни капитула. В соборе были заново отделаны хоры, статуи отмыты и позолочены. Когда епископ вошел внутрь, чтобы отслужить первую после своего возвращения мессу, неф буквально сверкал.

Особый интерес был у Камбера к разборке епархиальных архивов. Вилловин договорился с варнаритским ректором о взаимном обмене содержимым библиотек. Холодной и темной зимой десяток писцов варнаритского и соборного капитулов проводили в библиотеке другой стороны все время бодрствования. Восстанавливались хроники, переписывались недостающие части важных документов и хроник, представляющих интерес для каждой из сторон. Прилежание монахов способствовало восполнению белых пятен истории, окружавших религиозный раскол.

Вилловин даже обнаружил сундучок, полный манускриптов на древнем языке, который разбирал только епископ. Он приберет их до приезда Камбера, а тот отнес

документы к себе в комнаты и в свободные минуты неспешно переводил их.

* * *

Удовлетворенный состоянием дел в епархии, Камбер вернулся в Валорет к намеченному сроку, обнаружив двор в хлопотах по случаю приезда графа Сигера. Теперь все говорили о завоевании им княжества Хелдор. Бароны Торквилл и Адаут привезли согласие Сигера на весенний визит. Но дата приезда близилась, а от могущественного графа вестей не было; донесения о его действиях и намерениях делались все более пространными и неопределенными.

Сигер вроде бы шел к Валорету в сопровождении армии. Нет, он не намеревался воевать. Лично графа сопровождал небольшой отряд и только, но войско тоже приближалось, двигаясь другой дорогой. Армия Сигера превратилась во внушительную силу — ее почти удвоили люди из Хелдора. Среди войск были замечены отряды наемников-торентцев. При дворе Синхила распространились панические настроения. Камбер их не разделял, советовал избегать поспешных выводов и предостерегал от необдуманных решений, навеянных воинственным прошлым Гвиннеда.

Солнечным утром 15 марта Камбер сам себе показался излишне легковерным, хотя Сигер выполнил обещание.

Граф появился в срок и в сопровождении эскорта из пятидесяти рыцарей, впрочем, державшихся весьма воинственно. Перед воротами столицы были воины в полном вооружении, даже кони несли боевые доспехи из железа и кожи. Предводитель отряда довольно зловещего впечатления не скрашивал. Молчаливый и замкнутый, он сжал в шлеме с опущенным забралом, графскую корону почти скрывал пышный султан черных страусовых перьев. Две головы дракона, изображенные на его щите, тоже особенно не воодушевляли.

По левую руку графа невооруженный герольд вез личный штандарт Сигера, боевое знамя колыхалось позади. Это уже успокаивало. Кроме того, Сигер согласился оставить сорок своих рыцарей за стенами города, если остальные десять войдут с оружием, составив эскорт, подобающий королю.

Веря в добрые намерения Сигера более своих подданных, Синхил согласился на это и призвал двор встречать графа. Ради такого события даже Меган стояла рядом с супругом, хотя с началом беременности она сделалась бледна и нездоровя.

По праву главнокомандующего Джебедия стоял на верхней ступени помоста, справа от короля. Вся его одежда, кроме шлема, представляла собой военное облачение михайлинца. Рука Джебедии, обтянутая перчаткой, покоилась на эфесе меча. Коннетабль Адаут, ездивший на переговоры с Сигером и до сих пор не чувствовавший уверенности относительно намерений графа, стоял между королем и Джебедией, тоже вооруженный и в доспехах, с мечом Гвиннеда в руках.

В подаренных Синхилом ризе и митре, с канцлерской цепью на плечах, Камбер расположился справа от короля, занимая место церковного и мирского советника, так как архиепископ Энском лежал сейчас в постели, мучимый желудочными болями, участвовавшими в последнее время.

Синхил восседал на троне в длинной мантии из пурпурного бархата с вышитым золотом львом на груди. Рукава и воротник были оторочены белоснежным мехом того же оттенка, что и королевский пояс. На голове Синхила была корона Гвиннеда — золотое переплетение крестов и листьев с драгоценными камнями. Желтый металл резко оттенял посеребренную черноту волос и бороды. Каждый раз, когда король поворачивал голову, рубин Глаз Цыгана в его правом ухе отражал свет и вспыхивал в длинных, до плеч волосах.

Торжественно грянули трубы, в противоположном конце тронного зала распахнулись двери, и взгляды присутствующих устремились туда.

Вошла стража Синхила, частично разоружившаяся, но готовая к отпору своим грозным гостям. За ними попарно вступали в зал рыцари Сигера в полном боевом вооружении, внося с собой ощущение неясной угрозы.

Восемь воинов предшествовали своему господину. Глаза обшаривали все вокруг, воинственно блестя под забралами шлемов; они приблизились к помосту и поклонились. Шеи резко согнулись и тут же гордо выпрямились — минимальный долг вежливости был отдан. Когда приблизился Сигер с герольдом, капитаном гвардии и под боевым знаменем, рыцари расступились и снова поклонились с привычной четкостью, глубокой второго поклона показав, кого они признают сюзереном.

Дойдя до ступеней помоста, Сигер остановился и снял шлем одним ловким движением воина, способного подчинить своей железной воле не только гордый Хеддор. Под шлемом оказался капюшон кольчуги, однако, передав шлем своему капитану, граф не обнажил головы перед королем. Лицо в овале из металлических колец было бесстрастно, гла-

за смотрели не мигая, оценивая человека, увенчанного короной Гвиннеда.

Герольд Сигера поставил штандарт своего хозяина на нижнюю ступень помоста и отвесил поклон.

— Сигер, граф Истмаркский и командор Хелдорский приветствует вас, Государь Синхил Донал Ифор Халдейн, король Гвиннеда и властелин Меары, Мурина и Перпл-Марча,— провозгласил герольд.

Сигер поклонился (напряженно сложился в пояс), но было что-то в изгибе его губ, что-то скрытое в буйной огненной бороде, казавшееся улыбкой, превращавшей торжественную строгость в игру. Мол, нельзя же, чтобы при таком стечении народа все было запросто. Камберу вдруг пришла уверенность, что Сигер готов предложить союз, его остается только согласовать. Он взглянул на Синхила, желая проверить, отгадал ли король намерения гостя, но ответное приветствие короля ничего не говорило — обычный вежливый кивок.

— Ваше Королевское Величество, мой господин просит меня передать следующее: Ваша королевская милость, без сомнения, помнит, как армии Гвиннеда и Истмарка сражались бок о бок и победили общего врага в прошлогодней войне. После той великой битвы наши пути разошлись. Вы восстанавливали разоренные войной земли и утверждали порядок в стране, освобожденной от тирании Фестилов.

Пока Ваше Королевское Величество укрепляло мир, мне и моим людям приходилось сражаться с врагами, угрожавшими Истмарку с севера. Теперь Хелдор надежно охраняется моим сыном Эваном и нашими войсками, но непокорна еще его столица Рорау. Если со стороны Торента или мятежного Рэндалла, чьи горы скрывают многое, придет помощь противнику, мы будем повержены и утратим не только наши Хелдишские владения, но и Истмарк. Тогда Гвиннед утратит безопасность своих границ, обретенную такими тяжкими трудами в прошлом году.

Посему я, Сигер Истмаркский, предлагаю следующий союз между нами. Вы являетесь правителем могущественного королевства, а я, хотя и не подвластен никому, всего лишь князь перед лицом Вашей милости, и я готов стать вассалом Вашей милости.

Если Ваша милость согласна принять мой меч как знак верности, принять покоренный Хелдор под руку Гвиннеда и защищать его от посягательств, то я, Сигер, буду предан вам душой и телом и готов служить всем, чем могу.

Взамен я прошу Вашу милость даровать мне и моим наследникам те титулы и земли, которые Ваша милость сочтет достойной наградой за мои услуги короне Гвиннеда. Как представитель Вашей милости в Хелдоре я буду править от вашего имени, во имя справедливости и блага для всех народов Гвиннеда.

Когда герольд закончил речь, Сигер вынул меч из ножен, поцеловал его, потом опустился на колени и положил его на верхнюю ступень помоста рукоятью к трону. Склонив голову, он оставался на коленях, пока Синхил спрашивал совета у своего канцлера и Джебедии. Рыцари Сигера последовали примеру своего господина, и Синхил задумчиво их оглядывал.

— Как всегда хвастает, но как ты смотришь на это с военной точки зрения,— шепнул он. Джебедия едва заметно кивнул.

— Принять предложение — значит провести летнюю кампанию по крайней мере в Рэндалле, кроме того, остаются неясные детали, но само по себе предложение заманчиво. Совместными усилиями мы сможем удержать завоеванное им и укрепить восточную границу. Кроме того, у нас появится возможность испытать новую военную систему в летней кампании, а не перед лицом более серьезной угрозы.

— Так я и думал,— пробормотал Синхил.— Элистер?

Камбер тоже кивнул.

— Предложение действительно превосходно, Государь. Несмотря на всю внешнюю мишуру, в нем нет ничего худого. Если Сигер даст слово, значит, чтобы ни случилось, он с вами. Думаю, в ваших владениях не так много вассалов, подобных Сигеру Истмаркскому.

Кивнув, Синхил выпрямился на троне, дал Джебедии подняться, потом встал сам, обвел взглядом опустившихся на колени рыцарей Сигера и задержался на самом графе. Тот флегматично изучал ступени королевского помоста.

— Милорд Сигер,— произнес Синхил, и его голос донесся до самых дальних уголков залы,— мы тронуты этим благородным предложением и намерены принять его на указанных условиях. Но прошу вас, возьмите меч. От вас не требуется никаких клятв и уж тем более сдачи оружия. Теперь мы должны оговорить детали вашего предложения.

Сигер уже было взялся за меч, как просил Синхил, но заколебался и встал.

— Ваше Величество,— произнес он искательным тоном, который трудно было ожидать от такого большого и могучего человека.— Я не хочу осложнять наши отно-

шения так сразу...— По рядам рыцарей Синхила пронесся шепот.— Прошу вас, позвольте мне связать себя клятвой.

Рыцари отреагировали общим вздохом.

— Я согласен, что необходимы дальнейшие переговоры,— продолжал Сигер,— но ваша помощь теперь очень нужна в Хелдоре. Я бы не хотел из-за формальностей потерять время. Слова Синхила Халдейна будет достаточно, чтобы скрепить союз.

Последние слова вызвали ропот одобрения, и Синхил позвал Камбера. Канцлер видел, что король доволен и скорее всего предвидел такой итог переговоров, втайне от всех рассчитал... Возможно, они недооценивают Синхила.

— Милорд епископ, вы готовы засвидетельствовать клятву Сигера, раз он того желает?

Поклонившись, Камбер позвал молодого помощника диакона, державшего украшенное драгоценными камнями евангелие.

— Я готов, Государь.

Кивнув, король снова повернулся к графу.

— Сигер, граф Истмаркский, вы можете приблизиться к нам. Милорд маршал, подайте, пожалуйста, его меч.

Пока Сигер медленно восходил по ступеням, наконец-то сняв капюшон, Джебедея подошел сзади и взял его меч. Опустившись на колени, Сигер простер руки к монарху, сложив ладони. Синхил сжал запястья графа и устремил взгляд в его карие глаза, а Джебедея опустился на одно колено с мечом Сигера в руках.

— Я, Сигер, предаюсь тебе душой и телом,— тихо, но твердо сказал стоящий на коленях мужчина.— Верой и правдой обязуюсь служить тебе до самой смерти, и да поможет мне Бог.

С этими словами он наклонился и коснулся лбом соединенных рук.

Синхил, до глубины души растроганный этим жестом, вздохнул, успокаиваясь, прежде чем ответить.

— Принимаю твою клятву, Сигер Истмаркский, и со своей стороны обещаю защиту тебе и твоим людям от всякого, насколько это будет в моей власти. Даю слово Синхила Донала Ифора Халдейна, короля Гвиннеда и Хелдора, властелина Имры, Мурина и Перпл-Марча, господина Истмарка. Да помажет мне Бог.

С этими словами Синхил выпустил руки Сигера и наклонился, чтобы поцеловать евангелие, с поклоном протянутое ему Камбером. Затем книга была поднесена Сигеру, который благоговейно коснулся ее губами. Камбер уб-

рал евангелие, Синхил принял у Джебедии меч и поднял его острием вверх, знаком оставляя графа на коленях.

— Сигер Истмаркский,— сказал Синхил,— в знак клятв, которыми мы только что обменялись, я верну тебе твой меч, но не раньше, чем он станет символом наших уз.

Он искусно опустил меч на правое плечо Сигера, Краска удовольствия залила лицо графа, и, поняв, что делал Синхил, он опустил голову.

— Сигер Истмаркский, я подтверждаю твои нынешние звания и титулы...— Он переложил меч на левое плечо.— Утверждаю, что большее еще впереди.

Он слегка коснулся мечом головы Сигера, потом положил его на раскрытые ладони и преподнес графу. Тот принял оружие с поклоном, поцеловал его и со звоном вложил в ножны...

По этому звуку зал разразился шумными приветствиями, король поднял графа Сигера Истмаркского и повел к своим знатнейшим вассалам — его новым товарищам.

ГЛАВА ХХІ

**Делая добро, да не унываем;
ибо в свое время пожнем,
если не ослабеем.¹**

Союз, заключенный с Сигером, изменил планы Синхила на лето. Вместо того, чтобы оставаться в Валорете и продолжать реформы, король во главе войск отправился в Хелдор вместе с Сигером и Джебедией, со все возрастающим интересом наблюдая, как эти два способных военачальника понемногу отвоевывают и закрепляют свою власть на тех землях, что раньше были отданы вождю Истмарка лишь номинально.

Канцлера своего король оставил в столице, помогать королеве Меган, правившей в его отсутствие, и готовить новое судебное уложение, которое Синхил намеревался вынести на обсуждение Зимнего Совета. Райс с Джоремом также оставались в Валорете, причем первый неотлучно находился при королеве, а второй — на службе канцлера-епископа.

Поразмыслив, небольшую часть войска под руководством графов Финтана и Тамаррона Синхил отослал охранять границу между Истмарком и Торентом, дабы отбить у торентцев охоту ко враждебным вылазкам. Разумный ход: даже если Нимур Торентский прежде замышлял недоброе, вместе со своими выкупленными из плена рыцарями, теперь он успокоился. Так что на новой восточной границе Гвиннеда с лета 906 года воцарился мир, хотя Синхил и не мог с уверенностью утверждать, что это случилось благодаря его действиям.

На севере войска Синхила почти не встречали сопротивления. Большая часть хелдорцев прошлой осенью приняли Сиге-

ра как освободителя, а теперь приветствовали полулегендарного короля Синхила, словно доброго друга. Сложнее оказалось в Рэндалле, поскольку в этой гористой местности было легко укрыться остаткам разбитой армии Фестилов, совершавшим вылазки против гвиннедцев. Однако к концу августа своего убежища у двух озер лишились последние в Хелдоре Фестилы — племянник и племянница убитого Термоды в конце концов сдали свою крепость в Рорау.

Синхил не позволил казнить этих совсем еще детей, хотя Сигер так и горел желанием, а Джебедея советовал. Но он не мог и отпустить их, чтобы в будущем не было еще одной угрозы трону. Пока хватало и опасности со стороны Торента. Синхил неохотно передал подростков под опеку старшего сына Сигера Эвана, которого объявил владельцем Рэндалла. До конца своих дней Фестилы находились у Эвана в почетном плену — участь, безусловно, безрадостная, но это был предел королевского милосердия.

Объединение земель было завершено к исходу летней кампании. Рорик, средний сын Сигера, так отличился в боях, что получил большую часть бывших владений своего отца в Истмарке. Младший сын графа, тоже Сигер, был наделен графством Марли, севернее прежних границ Истмарка, потому что и он обнаружил немалую храбрость и преданность. Сам Синхил был в восторге оттого, что у него на службе три сына Сигера, он и мечтать не мог о таких надежных и могущественных союзниках, способных водворить порядок в его владениях.

Наибольшие почести достались самому Сигеру: впервые в истории Гвиннеда ему жаловался титул герцога и право последнего владения землями Клейборн — новое герцогство получило название по имени главного города в северо-западной части Хелдора. Герцог Сигер становился наместником короля в Хелдишских владениях. Должность предоставлялась и всем потомкам герцога Клейборнского, покуда род его не прервется. Рэндалл, управляемый теперь Эваном, добавлялся к титулу клейборнских герцогов. При жизни герцога Рэндалл был во власти его старшего сына, фактически являясь самостоятельным графством. После смерти Сигера Эван становился герцогом Клейборнским и графом Рэндаллским, объединяя земли и титулы окончательно. Словом, к концу лета у Сигера появились немалые поводы порадоваться.

А в Валорете для Камбера недели и месяцы бежали так же быстро, как и для Синхила в Хелдоре, хотя и не наполненные военной горячкой. К концу лета положение королевы Меган сделалось очевидным, ее радостным оживлени-

ем любовались все, кто любил обычно такую грустную королеву. У Ивейн тоже проступали признаки приближавшегося материнства. Ребенок должен был родиться вскоре после Рождества. Райс, ходивший за обеими, не мог припомнить, когда еще был так доволен — здоровьем и настроением Меган и развитием сына, которого носила под сердцем Ивейн.

Сын Меган станет еще одним принцем Гвиннеда, и, видит Бог, он нужен им. Но мысль о собственном ребенке каждый раз просто будоражила. В этом они с будущей матерью были полной противоположностью: он горячо радовался, а Ивейн делалась все более спокойной и ровной, наполнялась неземным умиротворением. Черты лица и линии тела приобретали мягкость и плавность, прежде Райс не видел своей жены такой... Даже Джорем — большой любитель пикировки с сестрой — оставил свои колкости.

Камбер тоже заметил перемену в дочери и в отношении к ней Райса и Джорема. От их неуклюжего внимания он старался оберегать Ивейн, помогал ей приспособиться к своему положению и старался не утруждать. Подолгу бывая вместе, они и теперь иногда занимались переводами, раздумывали над таинственными фигурами преград и их предназначением, но чаще просто отдыхали — в контакте сознания освобождали от напряжения мозг.

Отец и дочь не забывали и о сложностях двойной жизни Камбера и более всего размышляли над последствиями возможного объявления его святым. Для племени Дерини и даже для будущего страны канонизация скорее всего была благотворна. В этом мог сомневаться разве что щепетильный Джорем.

Кошунственность причисления живого к лику святых, да еще священника, божьего слуги — вот что страшило и не давало покоя. Что произойдет с живым Камбером в тот момент, когда его объявят святым? Это не дано знать смертным. Он надеялся, что и не придется узнать.

Отсутствие Синхила предоставило его канцлеру значительную свободу. Она была употреблена на то, чтобы выяснить как можно больше о камберианцах и попытаться что-то предпринять. Новости, донесения из провинции и дворцовые слухи понемногу складывались воедино.

Случайно встретив гавриилитского аббата отца Эмриса, явившегося ко двору с жалобой о посягательствах на земли Ордена неподалеку от аббатства святого Неота, Камбер узнал, что Кверон Кайневан покинул Орден еще в апреле.

522 Эмрис до сих пор недоумевал, почему, Священ-

ник-Целитель имел безупречную репутацию как в самом Ордене, так и в мире. Эмрис не мог объяснить, ни почему Кверон ушел, ни куда он подевался.

Из другого источника Райсу стало известно, что Кверон участвовал в покупке частично укрепленного и сильно разрушенного замка под названием Долан, стоявшего у дороги из Валорета на северо-восток к Кайрори. Дальнейшее расследование показало, что отца Кверона пару раз видели в том районе уже не в белом облачении своего бывшего Ордена и что за отремонтированными стенами Доланского замка энергично ведутся строительные работы.

Последнее обстоятельство немало удивляло. Откуда у Кверона взялись деньги на покупку особняка, ведь, как и каждый священник, он дал обет бедности? Однако дворцовые события помешали Камберу завершить расследование. Несмотря на то, что Синхил по-прежнему находился в Хелдоре и должен был вернуться не раньше середины сентября, Совет (вернее, та его часть, что пребывала во дворце) собирался дважды в неделю, разбирал текущие дела и отправлял подробные отчеты королю. Королева-правительница с немалым трудом заставляла себя высиживать на заседаниях. Энском, всегда радевший о заботах церкви, все лето переносил приступы болезни и чаще отсутствовал, чем присутствовал.

Чем хуже становилось архиепископу, тем больше времени проводил Камбер у его постели, повинаясь не долгу, а глубокой симпатии и привязанности. Многолетняя болезнь желудка одолевала состарившегося архиепископа. Даже такой умелый Целитель, как Райс, был в состоянии лишь облегчить страдания, а это умел делать и Камбер. Его Энском и предпочитал видеть около себя.

По настоянию архиепископа, Райса и Джорема отрядили съездить в Кайрори, а на самом деле проведать Долан и выяснить тамошнее положение дел. Разведчики появились неподалеку от замка в середине августа и провели там почти неделю. Представились купцами-путешественниками, наблюдали за сновавшими туда-сюда рабочими и расспрашивали некоторых.

Выяснилось, что особняк куплен через посредника по имени Джон, расплатившегося золотом. Теперь с работниками расплачивается бейлиф Томас, он же имел дело и с жителями деревень, приносившими съестные припасы. За золото и серебро бейлифа от крестьян требовалось помалкивать о том, что они видели внутри. Пользуясь Деринийскими способностями, Райс и Джорем узнали, что большинство строений похожи на монастырские. Старая часовня Долана была

восстановлена и, как утверждали некоторые, значительно расширена. Через доланские ворота проследовало огромное количество прекрасной древесины и камня, а один старый плотник рассказал о большой статуе человека в плаще, под капюшоном, поставленной возле нового алтаря из розового мрамора.

Если хозяин этого места был тут, без сомнения, им являлся маленький сухощавый человек в серой одежде, время от времени прогуливавшийся по крепостным стенам в ночные часы. Его облик как нельзя более точно совпадал с описанием Кверона вплоть до толстой рыжевато-каштановой гавриилитской косяи длиной до пояса. Райс и Джорем не видели его собственными глазами, но человек, по которому они считывали мысли, не мог солгать. Сомнений не оставалось:

Кверон был в Долане.

Для окончательного выяснения ситуации они перед отъездом нанесли ночной визит в Кайрори. Элинор не было — вместе со своим новым мужем и сыновьями она отправилась проводить родню супруга; но Умфрид, старый бейлиф Кайрори, охотно впустил молодых людей.

— Да, посетители продолжают молиться у могилы покойного хозяина, — рассказывал Умфрид. — Многие оставляют цветы. Могила осталась прежней, к хозяйке никто не обращался с предложениями по постройке храма. А что, отец Джорем и лорд Райс тоже считают покойного святым?

Потайным ходом, соединявшим жилые комнаты и фамильную часовню, бейлиф привел их к цели путешествия.

В сопровождении Умфрида они не стали убеждаться в неприкосновенности надгробия, поверили старику на слово. На обратном пути в Валорет они повстречали камберианские часовенки, очевидно, поставленные поселянами без постороннего наущения, а просто в память о добром графе. С собой Райс и Джорем везли записки из часовни с молитвами и просьбами к святому заступнику.

Разведка не позволяла заключить, разрозненные это проявления стихийных человеческих чувств или проявления набирающего силы, организованного движения. Рассматривая записки с могилы, Камбер заметил, что почерк некоторых напоминает руку Гвейра. Впрочем, совершенной уверенности не было — слишком много бумаг приходилось ему просматривать, а почерк бывшего секретаря ничем особым не выделялся.

Серьезного расследования не состоялось — в ночь на первое сентября Энском Тревасский умер на руках Камбера. Участвовавшие колики и приступы тошноты, от которых

рвотой на пороге кончины. Умиравший не чувствовал боли — руки друзей избавили его от страданий, но и вся Деринийская мудрость уже не могла спасти Энскома.

Камбер как епископ Грекотский отслужил погребальную мессу, показавшуюся ему едва ли не самым сложным из того, что ему приходилось делать. Жаркая и влажная погода не позволила отсрочить похороны до возвращения короля — закланье против тлена не могло действовать так долго. Энском был погребен в склепе под собором через два дня после смерти.

Он был еще жив, а в Гвиннеде, зная об ухудшении здоровья архиепископа, гадали о преемнике. В конце концов, при нескольких воздержавшихся все голоса были отданы Джеффри Кэрберийскому.

Некоторое время Джеффри, один из шести странствующих епископов Гвиннеда и бывший член гавриилитского Ордена, был кандидатом на получение епархии. Епископ-Дерини, умеренный, он пользовался доверием многих людей, был известен всему Перпл-Марчу, где обитал в последнее время. Кажется, он обладал умением соединять совершенно несоединимое (талант, очень полезный стране в будущем).

Энском, правда, сначала не думал назначать Джеффри в Валорет, зная, что умрет раньше Камбера, он не хотел оставлять друга один на один со Слугами святого Камбера. На кафедре столичного собора должен был поэтому воцариться надежный преемник, который будет посвящен в тайну и воспрепятствует канонизации.

Но претенденты не отвечали ни этому требованию, ни прочим достоинствам, чтобы занять такой ответственный пост, а времени у Энскома оставалось все меньше; Единственное требование к преемнику архиепископ ни за что не согласился бы изменить — он должен быть Дерини. Человеку нельзя доверять пост главы церкви. Только такой могущественный заступник может оградить племя Дерини от нападков и преследований.

Поэтому за недостатком других кандидатур Энском выбрал Джеффри. По крайней мере, тот был Дерини, причем опытным, хотя Камберу не стоило слишком на него полагаться. За неделю до смерти Энском назвал имя своего избранника в письме Синхилу в Хелдор. Когда пришло согласие короля, Энском уже был мертв. Архиепископ Орисс Ремутский созвал Совет епископов и представил избранника Энскома. Когда он сказал, что и король одобрил выбор, епископы не стали спорить.

Подобно Энскому, Камбер сомневался в человеке, которого не знал ни как Камбер, ни как Элистер, но

других предложений не было, поэтому ему пришлось сказать да вслед за остальными. Из-за того, что Джеффри не знал и не должен был знать правды об Элистере Келлене (Камбер и Энском остерегались прошлых связей Джеффри и Кверона по Ордену), он не станет противником Слуг святого Камбера, когда они поднимут головы.

В течение недели после посвящения Джеффри ничего необычного не случилось. Вестей из Долана не было, и когда вернулся король, чтобы выразить скорбь о кончине Энскома и познакомиться с новым примасом Гвиннеда, дворцовая жизнь потекла по привычному руслу. Следующие несколько недель Камбер был занят встречами и совещаниями с Синхилом, он почти забыл о своих опасениях.

Сын Меган родился в конце сентября (его назвали Райсом в честь Целителя, помогавшего ему явиться на свет), Синхил, обрадованный здоровым телом и духом малыша, объявил неделю торжеств. Меган поправилась значительно быстрее, чем после предыдущих родов, и казалась счастливой уже от присутствия короля в городе. Новорожденный принц рос не по дням, а по часам.

Через месяц после смерти Энскома новый архиепископ созвал консисторию, просив прибыть всех епископов и глав религиозных Орденов. Собрание было назначено в том же зале капитула, где Камбер впервые предстал перед михайлинцами в качестве Элистера Келлена, только теперь Камбер был один из восьми присутствующих епископов; он сидел в крайнем из трех кресел слева от Джеффри. В этих стенах он уже не был канцлером Гвиннеда, а одним из князей церкви.

Джорем расположился сзади на табуретке. Каждому епископу полагалось иметь при себе одного помощника, и выбор Элистера Келлена, естественно, пал на Джорема — личного секретаря. Кроме сына, в этом собрании не было ни одного человека, известного Камберу до превращения в Элистера Келлена.

Утреннее заседание было рутинно. В течение первого часа архиепископ Джеффри принимал изъяснения почтения от аббатов и настоятелей, которые не присутствовали при провозглашении примаса. Затем, после короткого обращения к присутствующим, в котором Джеффри обрисовал свои помыслы, он объявил начало дискуссии о возможных кандидатах на место освобожденного им епископа.

Камбер много слушал и мало говорил. Утро завершилось без происшествий. В полдень Совет удалился на легкий обед.

Ничто не предвещало нарушения заведенного порядка и степенного течения заседаний. После перерыва

Камбер возвращался в зал, важно выступая по выложенному узорной плиткой полу. Развлекался разговором с сухопарым епископом Юстасом, своим соседом по месту в синоде, беседа была шуточная. Поодаль следовал Джорем, у него с секретарем Юстаса был свой разговор.

Усевшись в кресло и продолжая улыбаться очередной остроте собрата-епископа, Камбер мельком взглянул в зал. Там негде было яблоку упасть, утром народу было вдвое меньше. Сидели и стояли вплотную представители всех влиятельных монашеских Орденов Гвиннеда, лиловые епископские одежды терялись среди белых, красных, синих плащей и сутан. Креван Эллин с михайлинцами занимал места на дальнем ряду скамей, как раз за епископом Дермотом О'Бирном. Ближе к помосту располагались отец Эмрис и два десятка священников-гавриилитов.

Камбер оглянулся, за его спиной тоже сгрудились люди. В этот момент глашатай архиепископа ударил о пол кованым железом посохом, требуя, тишины. Архиепископы Джеффри и Орисс вошли и заняли места, их встречали стоя.

Когда все расселись, Камбер увидел, что в зал проскользнул Джебедея и присоединился к Кревану и прочим михайлинцам; он был одет, как простой рыцарь-монах, — никакого знака, свидетельствующего о его мирском положении, не было. Джебедея, как показалось Камберу, поглядывает на него с любопытством. Но прежде, чем удалось поразмыслить о его взглядах, глашатай снова ударил посохом — внимание. В наступившей тишине раздался его зычный голос.

— Ваша милость, преподобные отцы, братья нового религиозного Ордена просят позволения выступить перед вами и подать прошение.

Когда большие двери распахнулись, у Камбера мороз пробежал по коже, он понял (и все сомнения отпали), кого сейчас увидит.

Он мысленно выругался, ощутив напряжение Джорема, когда в зал неторопливо вошел Кверон Кайневан, сопровождаемый людьми в серых рясах, которых Камбер раньше не встречал, и Гвейром Арлиским.

Теперь Камберу было понятно, откуда у Кверона взялись деньги на строительство в Долане и что именно там возводили. Как он мог забыть, что Гвейр богат?

С отрешенностью постороннего он наблюдал, как Кверон остановился в самом центре зала и низко поклонился, набожно спрятав руки в широких рукавах, потом приблизился к помосту и поцеловал кольцо Джеффри. Быв-

ший гавриилит выпрямился, уважительно кивнул отцу Эмрису и отошел на несколько шагов. Спутники Кверона опустили на колени и склонили головы. Волосы некоторых из них, в том числе и Гвейра, были заплетены в небольшие косички на манер гавриилитов.

Затаив дыхание, Джорем, испуганный и завороженный, подался вперед, когда Кверон достал из рукава свиток и принялся разворачивать. Теперь остановить Кверона Кайневана можно было только полной правдой, ничего не утаивая.

— Милорд архиепископ, достопочтенные преподобные отцы, я буду говорить просто,— сказал Кверон, заглянул в рукопись и опустил руку со свитком.— Я и мои братья просим вашего благословения на создание новой религиозной общины, посвященной служению пока еще не признанному святому. Мы уже построили его первый храм в Долане и построим второй здесь, в соборе, где лежало его тело. В конце концов, и место его захоронения станет храмом, чтобы все желающие могли посетить святые мощи и поклониться. Поэтому мы пришли сюда, чтобы просить канонизировать покойного графа Кулдского Камбера Мак-Рори.

Когда замолкли слова Кверона, на мгновение воцарилась полнейшая тишина, а потом зал взорвался возбужденными криками. Джорем почти непроизвольно вскочил, его отчаянное «Нет!» потонуло в общем шуме, но гнев и смятение в лице были более чем красноречивы.

Сына Камбера знали многие в зале, и его выходка не осталась незамеченной. Однако Кверона она не смутила, ему было предоставлено слово, и он собирался договорить до конца. Шагнув к помосту, он махал свитком, требуя внимания. Его голос заглушал не только протесты Джорема, но и возгласы духовенства.

— Ваша милость, я могу говорить? Я прошу выслушать меня, не прерывая. Уверю вас, мои сведения нельзя опровергнуть.

Когда гул затих и все заняли свои места, Кверон окинул слушателей тяжелым взглядом и опустил свиток. Безмолвный и бледный, Джорем стоял перед Квероном, до боли в суставах сжимая спинку кресла Камбера. Камбер оцепенел, когда Кверон смерил взглядом его сына.

— Благодарю вас, милорды,— наконец произнес Кверон обычным голосом, вновь оборачиваясь к Джефффри— Ваша милость, я могу продолжать?

Джефффри, единственный из епископов, сохранивший достоинство сана, задумчиво откинулся на спин-

ку своего трона, машинально потирая подбородок рукой в перстнях. Его глаза скользнули от Кверона к Джорему и Камберу.

— Епископ Келлен, попросите, пожалуйста, своего секретаря сесть. Мы знаем отца Кверона и выслушаем его прошение.

Роберт Орисс, сидевший справа от Джеффри, наклонился к своему коллеге и заговорил, не отводя взгляда от потрясенного Джорема.

— Этот молодой человек — сын лорда Камбера, ваша милость. Вам об этом известно?

— Мне сообщили,— ответил Джеффри.— И несмотря на это, я должен просить его не вмешиваться, пока отец Кверон не закончит. Сядьте, пожалуйста, отец Мак-Рори. Позже вам будет предоставлена возможность высказаться.

Почувствовав прикосновение Камбера к своему локтю, Джорем медленно опустился на краешек стула и напряженно застыл. Камбер тщетно пытался сломать стены мысленного сопротивления сына, не решаясь применить силу или обратиться к нему на глазах у всех. Возможно, позже. Как бы он ни поступил, надо быть уверенным, что реакция Джорема не будет слишком буйной. Здесь, под пронизательным взглядом Кверона, они не могут рисковать.

Вздохнув, Камбер приподнялся, слегка кланяясь Джеффри.

— Примите мои извинения, ваша милость. Мой секретарь юн и легко возбудим. Я постараюсь проследить, чтобы подобное не повторилось.

— Буду признателен вам за это,— ответил Джеффри, поворачиваясь.— Теперь можете продолжать, отец Кверон. Прошу вас.

Кверон поклонился, скручивая свиток, которым он так эффектно воспользовался несколько минут назад. Однако содержимое бумаги осталось неоглашенным. Может, свиток был попросту пуст, и Кверон потрясал им, стараясь произвести впечатление. Что еще продемонстрирует этот Дерини в своем стремлении убедить собравшихся?

Камбер добросовестно изображал легкую заинтересованность и некоторое сочувствие к своему секретарю, сидевшему рядом с жалким видом. Камбер принял одну из излюбленных поз Элистера Келлена — сосредоточенное неподвижное лицо, руки лежат свободно, все мышцы кажутся расслабленными. Он видел, как Кверон изящно развернулся, оглядывая слушателей и поигрывая своим свитком. Он заговорил свободно и доверительно, овладевая вниманием публики.

— Ваша милость, преподобные отцы. Для тех, кто, возможно, не знает меня, скажу; я Кверон Кайневан, Целитель и бывший священник Ордена святого Гавриила. Я остался и Целителем, и священником, но, как видите, мое облачение говорит о том, что я больше не принадлежу гавриилитскому Ордену. И на это есть причина. Не падение моего прежнего Ордена, которым я всегда буду дорожить,— здесь он слегка поклонился отцу Эмрису,— а призвание к исполнению другой службы, которая для меня и, я верю, для Гвиннеда более важна. Надеюсь, вы поймете причину такой перемены и выразите свою поддержку.

Он неторопливо вздохнул, а публика затаила дыхание.

— Как вам известно, граф Кулдский был убит в сражении в прошлом году. Точнее, был убит Камбер Мак-Рори: мягкий и набожный человек, как мы знаем, вернувший на престол нашего короля (да будет долгим его правление). Защитник человечества, как теперь многие называют его, причем справедливо, ибо он пал, защищая нас от тиранов-Фестилов. Он был повержен в расцвете своего служения королевству, пал задолго до того, как его труды могли принести плоды. Но мы, именующие себя его Слугами, верим, что он не был спокоен, покидая нас, когда его работа не совершена и эта земля в опасности. Его тело умерло, но сам он не ушел! Его рука простерта над этой землей и ее народом. С немногими избранными он даже говорил, направляя и подавая надежду и даруя чудо исцеления.

Теперь он овладел их вниманием и знал это. Его голос снизился до едва слышного, а сам он видел, как собравшиеся шикают на соседей, помешавших слушать его. Механически потирая указательным пальцем нос, чтобы скрыть растущий испуг, Камбер почувствовал, как похолодело внутри, когда он услышал слова об исцелении.

Знал ли Кверон о случившемся с Синхилом?

— Весной я говорил с одним из таких людей,— продолжал Кверон.— Сейчас он присутствует здесь.— Камбер позволил себе слегка расслабиться — Синхила в зале не было.— Он рассказал мне о чуде; благословенный Камбер явился ему как бы во сне, но это не было сном! Те из вас, кто знает меня или слышал о моей репутации, надеюсь, поверят, если я скажу, что подробно расспросил этого человека, полностью использовав свои способности, и убедился, что Камбер появился именно так, как описывает он. Я продемонстрирую это, Однако он не единственный неоспоримый свидетель.

Вот оно — еще одно возможное упоминание о Синхиле.

Кто еще мог быть поистине неоспорим? Расспросы
530 Синхила были по-настоящему опасны.

— Достоверность говорит сама за себя, преподобные отцы. Я верю, что Камберу Мак-Рори была дарована милость Божья, чтобы даже после смерти продолжать свое служение на этой земле. Я верю, что в конце концов у этого августейшего собрания не останется иного выбора, как объявить Камбера Мак-Рори святым. Если моя откровенность обидела кого-то, прошу меня простить.

Он склонил голову. На мгновение все в комнате замерло, хотя Камбер прекрасно знал, что должно произойти следом. На несколько секунд воцарилась мертвая тишина, а потом послышалось бессвязное бормотание — епископы и духовенство зашептались. Так продолжалось несколько минут, пока Джеффри не поднял руку, требуя тишины, наступившей в тот же момент.

— Мы благодарим вас, отец Кверон. Отец Мак-Рори, вы желаете что-то сказать, прежде чем отец Кверон предоставит нам своих свидетелей?

Джорем медленно поднялся, глядя в глаза Джеффри. В последние минуты страстной речи Кверона он позволил отцу прикоснуться к своему сознанию и заверил его, что не выдаст себя. И все же ему хотелось сообщить как можно больше правды, не подвергая при этом опасности человека, ради которого он столько раз шел на компромисс.

— Ваша милость, я любил отца,— твердо произнес он.— Я любил его и по-прежнему люблю так сильно, что не в силах выразить словами.— Он посмотрел под ноги, вновь закрыв свой разум для Камбера, потом снова взглянул на Джеффри.— Но отец был человеком, таким же, как и все: податливым и набожным, как говорил отец Кверон; любящим отцом и мудрым советчиком, необычайно одаренным даже для представителей нашей расы. Он многим жертвовал ради завершения того, во что верил, и был готов заплатить за это, потому что любил свою землю и ее короля... может быть, слишком любил. Но он не был святым. Я только надеюсь убедить вас, что он ужаснулся бы, узнав о том, что происходит под этой крышей.

Вздыхнув, Джеффри снова поглядел на Кверона. Для своих лет архиепископ Джеффри был довольно привлекательным мужчиной. Его темная гавриилитская косица была слегка тронута сединой, но от речи сына Камбера он словно сделался старше. Всего за несколько минут. Джеффри хмурился и размышлял, как быть. Когда Кверон поднял голову, задумчиво сцепив руки за спиной, архиепископ постукивал по зубам своим аметистовым перстнем.

— Отец Кверон,— произнес он, опять вздохнув.— Я вынужден напомнить преподобным отцам, что мы с вами друзья и братья с тех пор, когда я еще принадлежал к Ордену святого Гавриила. Мне хочется верить в то, что мой друг и брат только что сообщил августейшему собранию. Однако хочу заметить, что я, как и прочие, слушаю это заявление впервые. Я также должен обратить внимание на то, что сын человека, которого вы просите признать святым, не разделяет вашего энтузиазма. Вы готовы доказать ваши заявления свидетельствами, как требует обычай?

— Готов, ваша милость.

— Хорошо. Вы сказали, что один из свидетелей присутствует здесь. Я хотел бы услышать его рассказ. На основании его мы решим, стоит ли рассматривать это дело дальше. Вы согласны?

Кверон поклонился.

— Хорошо. Отец Мак-Гори, можете присесть. Прошу вас хранить молчание, пока свидетель Кверона не закончит свою речь.

Охваченный отчаянием, не в силах говорить, Джорем кивнул, опустил на стул и прислонился головой к креслу отца. Барьеры сознания снова опустились, пропуская Камбера. Когда отец проник в его разум, успокаивая, благодаря и подбадривая сына, Кверон повернулся к своей братии, все еще стоящей на коленях. Словно повинувшись зову, встал Гвейр. Быстрота его реакции возбудила в Камбере подозрение, что они с Квероном поддерживают магический контакт. Теперь они увидят, был ли Кверон таким умелым, каким его объявляла молва. С объективной точки зрения, было интересно узнать, как много запомнил Гвейр.

— Ваша милость.— Кверон передал свой свиток одному из коленопреклоненных людей и поклонился архиепископу.— Представляю вам лорда Гвейра Арлисского, нашего благодетеля и, если позволит ваша милость, в скором времени одного из Слуг святого Камбера,— так мы хотим назвать нашу общину.

Джеффри задумчиво посмотрел на Гвейра.

— Я слышан о вашей семье, Гвейр. Вы еще не приняли духовный сан?

— Нет, ваша милость.

Взяв украшенный драгоценными камнями нагрудный крест, Джеффри протянул его Гвейру.

— Гвейр Арлиссский, клянетесь ли вы этим символом нашей веры и святыми мощами, заключенными в нем, что ваш рассказ будет правдой и только правдой, пони-

мая, как лжесвидетельство отразится на вашей бессмертной душе?

Гвейр приблизился и поцеловал крест.

— Клянусь, и да поможет мне Бог.

Получив одобрительный кивок Джеффри, Гвейр поднялся и, опустив глаза, вернулся и встал рядом с Квероном. Соединив руки на груди, Кверон еще раз кивнул Джеффри и быстро оглядел своих слушателей.

— Гвейр, скажи, пожалуйста, преподобным отцам, видел ли ты кого-нибудь из присутствующих в этой комнате прежде, разумеется, кроме наших братьев.

— Да, отец Кверон. Я знаю отца Джорема, лорда Джебедию и епископа Келлена, конечно.

— Очень хорошо. Рассказывай подробнее, пожалуйста.

— Я был другом Катана — брата преподобного Джорема, павшего от руки короля Имре, Я был вместе с отцом Джоремом, лордом Джебедией и бла... и лордом Камбером в течение года после Реставрации. Я был слугой лорда Камбера после смерти Катана и... до его смерти. Затем я поступил на службу к епископу Келлену.

— Понятно. Есть ли кто-нибудь еще, кого ты видел раньше?

— Видел? Да. Это было неизбежно, пока я служил у епископа Келлена. Но я не разговаривал с ними. Я был всего лишь секретарем и иногда камердинером.

— Но ты оставил службу у епископа Келлена. Почему?

Гвейр внимательно изучил обутые в сандалии ноги, выглядывавшие из-под серой рясы.

— Прошлой весной я пришел к его милости с просьбой построить храм святого Камбера в соборе. Он... ему не понравилась эта идея, а отец Джорем категорически возражал, поэтому я решил, что буду более полезным, если оставляю службу у его милости, чтобы не смущать его и не сеять сомнений среди его слуг. Я надеялся, что в конце концов бла... благословенный Камбер заставит его изменить свое отношение.

Кверон кашлянул и вмешался.

— Ваша милость, преподобные отцы, я думаю, что сейчас полезно узнать причину, по которой Гвейр поступил на службу к епископу Келлену. В этом рассказе заключено первое чудо, которое мы намерены доказать.

— Чудо? — воскликнул архиепископ Оррис.— Вы хотите сказать, что этот... этот юноша попал к Келлену благодаря чуду?

— Гвейр, расскажи преподобным отцам, что случилось,— спокойно произнес Кверон.

Гвейр поднял голову, уставившись куда-то в пространство, и Камбер понял, что воспоминания будут безупречны. Кверон позаботился об этом.

Он откинулся на спинку кресла, решившись терпеливо принять все. Это будет посерьезнее, чем Камберу казалось сначала, потому что Кверон наверняка отлично вышколил своего свидетеля. Теперь оставалось надеяться, что именно это и станет ловушкой для Кверона — чересчур ясные и убедительные воспоминания скорее всего покажутся сомнительными. Но обольщаться надеждами, что Кверон перестарался, не стоило.

— Это случилось в ночь похорон лорда Камбера,— Гвейр сначала лепетал, потом твердость и решительность появились в голосе.— Многие могут подтвердить, что смерть Камбера повергла меня в отчаяние. Той ночью я плакал у его гроба и никак не мог уйти. Должно быть, я пробыл там уже несколько часов, когда пришел отец Келлен и увидел меня. Думаю, стражники беспокоились и просили узнать, что со мной.

Захваченные рассказом, слушатели перевели дух.

— Он отвел меня в комнату, принадлежащую брату Йоханнесу, который был в то время его камердинером. Он и Йоханнес попытались заставить меня заснуть. Я... думаю, они боялись оставить меня одного из страха, что я могу что-то сделать над собой.

Много из происшествий того вечера помню неясно. Как бы там ни было, я не мог заснуть, пока отец Келлен не дал мне подогретого вина. Позже я понял, что в нем, должно быть, было снотворное. Не знаю, как долго я спал.

Когда Гвейр замолчал, чтобы восстановить дыхание, Кверон слегка развернулся к рассказчику. В его глазах горел огонек беспокойства. Казалось, Гвейр не заметил этого.

— Тем не менее я чувствовал себя вполне уверенно для того, чтобы осмыслить случившееся,— продолжал Гвейр.— Я помню, что проснулся и понял, что лежу в одеялах, что выпитое мной вино, наверное, было сдобрено каким-то зельем, но был спокоен. Потом я неясно ощутил присутствие кого-то еще, как будто дверь в комнату открылась и закрылась, хотя я этого не слышал.

Открывая глаза, я ожидал увидеть брата Йоханнеса или отца Келлена. Но брат Йоханнес мирно спал в кресле у камина, и когда я повернул голову к двери, я... в тот же момент понял, что это был не отец Келлен.

Он слотнул и на мгновение закрыл глаза, набираясь сил, чтобы произнести следующие слова. Но прежде Кверон положил правую руку на шею Гвейра, а левой ру-

кой провел по глазам юноши. Гвейр выдохнул и расслабился, делаясь совершенно спокойным. Когда Кверон убрал руку, голова Гвейра поникла на грудь.

Глубоко вздохнув, Кверон взглянул на Джеффри. Густые ресницы бросали тень на его карие глаза, правая рука лежала на плече Гвейра.

— Ваша милость, я прошу прерваться на минуту, чтобы предложить лучший способ рассказать о случившемся, чем слова. С согласия вашей милости я бы хотел показать, что случилось с Гвейром в ту ночь.

Шепот удивления прокатился по залу, и Камберу показалось, что он видит едва заметную улыбку на губах Джеффри. Он даже подумал, не сговорились ли Джеффри и Кверон заранее, несмотря на то, что говорил архиепископ.

Нет, это невозможно. Даже Кверон не способен на такое. Или способен?

— Прошу вас, расскажите нашим братьям, что вы имеете в виду,— спокойно сказал Джеффри. Кверон поклонился.

— Как известно вашей милости, но не всем здесь присутствующим, Орден святого Гавриила учит одной процедуре, благодаря которой опытный Дерини может проникнуть в память другого и создать видимый образ его воспоминаний. Мы, Целители, иногда используем это для лечения определенных болезней рассудка.— Он обратился к публике.— Эта процедура не совсем волшебство, хотя, судя по всему, доступна только Дерини и не опасна ни для пациента, ни для Целителя, ни для наблюдателей, несмотря на то, что Целителю приходится затрачивать много энергии. Если разрешит его милость, вы сможете увидеть происшедшее в ту ночь с Гвейром своими глазами.

Послышался шепот страха и удивления, нервный кашель и шорохи задвигавшихся людей. Потом наступила тишина, и взгляды собравшихся обратились к Джеффри.

— Заприте двери,— распорядился архиепископ.— Нам не помешают. Отец Кверон, можете начинать.

ГЛАВА XXII

**Потому что ты будешь
Ему свидетелем пред всеми людьми
о том, что ты видел и слышал.¹**

Когда глашатай убедился, что дверь заперта, и поставил на стражу двоих рыцарей, Кверон указал своей братии на места в первых рядах. Теперь в центре зала остались только они с Гвейром. Он велел принести ему плащ, и это было исполнено; Камбер нерешительно заерзал в кресле. Внешне он старался ничем не выдать охватившей его тревоги, позволяя лишь тени удивленного ожидания лечь на лицо,— но внутри он весь кипел.

Разумеется, ему доводилось слышать о том, что предлагал Кверон, но он никогда не видел этого воочию. Райс-то наверняка знал это таинство, так как одно время обучался своему искусству в Ордене святого Гавриила и считался там одним из самых опытных молодых Целителей.

Однако у Камбера никогда не возникало желания попробовать самому, ведь он не был ни гавриилитом, ни Целителем, и теперь, заинтригованный и полный недобрых предчувствий, ожидал увидеть, как преломятся его действия сквозь призму сознания другого человека. Самое скверное, и что во многом грозило лишить его свободы действий, это то, что плащ для Гвейра — должный, вероятно, изображать кровать — расстелили прямо у ног Камбера.

А когда Кверон подвел покорного юношу к «постели» и уложил лицом прямо к Камберу с Юстасом, он догадался, что все это неспроста: ведь Элистер Келлен был одним из свидетелей происшедшего. Разумеется, Кверон не имел представления

об его истинной роли, но это не мешает ему отмечать малейшие реакции любого, кто замешан в этом деле. Браво, Кверон. Камберу не следовало недооценивать его!

Сидевший рядом с ним Джорем почти восстановил душевное равновесие. Он был полностью во власти своей обычной любознательности, готовясь стать свидетелем Деринийского искусства, никогда прежде не виданного. Джорем подался вперед, недавние страхи уступили место интересу. Он знал цену чуду, знал, как обставлял его Камбер, но искушение увидеть все глазами того, перед кем разыгрывался спектакль, было слишком велико. Джорем никогда не одобрял склонности отца к авантурным приемам и, несмотря на неприятие, всегда любовался совершенством, с которым Камбер ухитрялся делать все. Джорему сейчас просто не пришлось в голову, что если и на этот раз исполнение безупречно, то, увидев это при помощи Кверона, все признают чудо и никто не усомнится.

Пока отец и сын наблюдали, как Кверон опустился на колени возле Гвейра и откинулся на пятки лицом к архиепископам и боком к Камберу. Когда все стихло, Кверон положил руку Гвейру на лоб, устанавливая более жесткий контроль. Дерини становился все более спокойным и сосредоточенным. В какой-то момент он поднял затуманившийся взор на Джеффри, тот кивнул, и Кверон обратился к Гвейру.

Мгновение спустя Гвейр свернулся калачиком, словно во сне, и застонал, плотнее заворачиваясь в плащ. Кверон сидел неподвижно и молча. Наконец Гвейр несмело открыл глаза и огляделся.

Камбер знал, что произойдет дальше. Переведя взгляд в центр комнаты, куда повернулся Кверон, он увидел, как вихрь светящегося дыма постепенно приобретает черты неподвижной фигуры в сером плаще с капюшоном.

Неужели он действительно выглядел так? Не удивительно, что сначала Гвейр испугался!

Гвейр перевернулся на другой бок, заморгал, удивленно глядя, как высокая, окруженная сиянием фигура подплывает ближе. На лице юноши мелькнула тревога. Гвейр начал быстро вставать, но застыл, едва приподнявшись, и, опираясь на локоть, прошептал: «Камбер!»

Видение еще приблизилось, потом остановилось, и капюшон упал с серебристой головы, хорошо знакомой всем присутствующим в заде. Когда собравшиеся увидели и узнали его лицо, послышался глубокий вздох.

Ошеломленный, Камбер смотрел на самого себя. Лицо выглядело несколько моложе того, каким каза-

лось последние несколько лет, и Камбер понял, что, должно быть, таким видел его Гвейр.

— Не бойся,— сказал его собственный голос. Эти два слова были произнесены Квероном, но шевелились губы видения, а интонация была точно Камберовская.— Я вернулся только на несколько минут, чтобы облегчить твою печаль и сообщить, что мне легко в моем новом жилище.

Камбер кивнул, захваченный воспоминаниями, и потерял нить происходящего на несколько секунд.

— ..Теперь, когда вас нет, действия короля станут неподконтрольными,— говорил Гвейр, когда Камбер вернулся к действительности.— Я боюсь его, милорд.

— Пожалей его, Гвейр,— мягко ответил призрак.— Не бойся его. И помоги тем, кто остался, продолжить начатое,— Джорему, Райсу, моей дочери Ивейн и моем внукам, когда они подрастут. А Элистер Келлен, который привел тебя сюда, больше всех нуждается в твоей помощи.

— Отец Келлен? — Гвейр удивленно покачал головой, в его голосе слышалась печаль.— Но он такой резкий и самоуверенный. Как я помогу ему?

— Он не такой независимый, каким желает казаться,— ответил призрак со знакомой улыбкой.— Да, он бывает груб и иногда слишком упрям. Но ему даже больше моих детей будет доставать нашей дружбы. Ты сможешь ему, Гвейр? Ты будешь служить ему, как служил мне?

Взгляды присутствующих обратились к Гвейру в ожидании его ответа. Камбер не мог не преклоняться перед мастерством Дерини по имени Кверон, который сумел вызвать из затуманенного снотворным сознания такое ослепительно яркое воспоминание и теперь удерживал публику в чарах волшебства. Когда Гвейр робко посмотрел на своего гостя, Камбер прикрыл улыбку рукой.

— Я правда могу помочь ему?

— Правда.

— Служить ему так же, как служил вам?

— Он более чем достоин этого, Гвейр, и слишком горд, чтобы просить о твоей помощи.

Гвейр сглотнул, и половина слушателей сделала то же самое.

— Хорошо, милорд. Я сделаю так. И я не дам умереть памяти о вас, клянусь!

— Память обо мне не так важна,— ответило видение уж слишком застенчиво. Камбер такого за собой не помнил.— А вот начатая нами работа — да. Помогите Эли-

стеру, Гвейр. Помоги королю. И помни, я всегда буду с тобой, даже тогда, когда ты меньше всего ждешь этого.

Это уж точно, подумал Камбер.

— Да, милорд! — Гвейр выкатил глаза, понимая, что призрак должен исчезнуть. — Нет! Подождите, милорд! Не оставляйте меня сейчас!

Видение остановилось и с сочувствием посмотрело на него.

— Я не могу остаться, сын мой, и не могу больше приходить к тебе. Да будет с тобой мир.

В отчаянии посмотрев на призрак, Гвейр упал на колени и протянул руки.

— Тогда благословите меня, милорд. Пожалуйста! Не отказывайте мне в этом!

Знакомое лицо приобрело выражение торжественности, голова слегка склонилась, словно раздумывая над просьбой, и потом рука изящно очертила знак благословения над головой Гвейра.

— *Benedicat te omnipotens Deus, Pater, et Filius, et Spiritus Sanctus*, — прошептало видение, начиная таять еще до того, как Гвейр успел выдохнуть: Аминь.

Едва коснувшись вздрагивающей головы, благословляющая рука исчезла из глаз. Несколько секунд Гвейр оставался неподвижным, потом открыл глаза и увидел пустоту.

Когда он вскрикнул и начал было подниматься, Кверон нарушил собственную неподвижность и легко дотронулся до его плеча. В то же мгновение Гвейр замер, а потом снова сел: глаза закрылись, голова бессильно свесилась на грудь.

Взволнованный возглас пронесся по рядам зрителей. Кверон откинул голову и дрожащей рукой устало вытер лоб. Камбер сразу же угадал, что этот безобидный жест маскировал заклинание, возвращающее силы. Потом Целитель-священник глубоко вздохнул и медленно встал, тяжело опираясь о плечо Гвейра. Его прикосновение вернуло юношу к действительности. Он захлопал глазами и огляделся, словно стараясь сориентироваться.

По комнате пронесся вздох облегчения.

— Ваша милость, кто-то из присутствующих в этой комнате может подумать, что раз мне удалось сделать то, чему вы стали свидетелями, то и случившееся с Гвейром может быть результатом волшебства, — произнес Кверон, поддерживая свидетеля под локоть, помогая ему подняться, и подняв плащ. — Уверю вас, это не так, несмотря на то, что его сознание было затуманено снотворным. Я не имею цели бросить тень на доброе имя епископа Келлена, сударь, вы дали ему

именно то, что предложил бы и я, окажись на вашем месте... Тем не менее его память сохранила такие детали, о которых он сам узнал не сразу. То, что видел Гвейр, не было результатом магических действий. Камбер действительно присутствовал в комнате, и это я могу объяснить только вмешательством сверхъестественных сил. Мы не расспрашивали о той ночи брата Йоханнеса, который спал в кресле рядом с Гвейром, и епископа Келлена, конечно же. Мне бы хотелось представить вашей милости полное расследование случившегося. Я готов подвергнуться считыванию мыслей прямо здесь, на той глубине, которую выберет ваша милость, чтобы доказать, что я говорю только правду и ни в чем не искажал увиденное Гвейром.

В зале зашептались, и Джеффри оглядел собрание, заметно взволнованный последними словами Кверона.

— Думаю, в этом нет необходимости, Кверон, если только... Не хотели бы вы, милорды, сделать это? Может быть, вы предпочитаете, чтобы ради соблюдения правил я одобрил просьбу Кверона? Ни у меня, ни у Кверона возражений нет. Мы сделаем это, если это облегчит для вас принятие решения. Я вижу среди вас сомневающих.

Молодой епископ О'Бирн, видевший призрак Камбера в основном со спины, нерешительно оглянулся на коллег за поддержкой и встал.

— Простите, ваша милость, но для нас, людей, дела Дерини являются тайной. Думаю, нам всем будет спокойнее, если рассказ Кверона подтвердит кто-то, например вы, ваша милость, если пожелаете.

Когда О'Бирн сел, несколько священников согласно закивали и забормotalи, одобрительно перешептываясь, Кверон поклонился, когда Джеффри снова взглянул на него. Передав плащ Гвейру, он подошел к архиепископу и опустился на колени.

Когда Кверон смиренно склонил голову, зал умолк. С протяжным глубоким вдохом, готовясь к проникновению в сознание своего бывшего брата, Джеффри поднес пальцы правой руки к виску Кверона. Закрыв глаза, медленно выдохнул, и в течение какого-то времени ничто не нарушало тишину комнаты.

Потом Джеффри вздохнул, открыл глаза, заморгал, взял Кверона за руку и легонько пожал. Он оглядел комнату с совершенным спокойствием.

— Отец Кверон говорит правду,— негромко, с легким трепетом сказал архиепископ.— Гвейр действительно видел все то, что видели мы. Деринийское волшебство к это-

му не имеет никакого отношения. Мне остается только согласиться с Квероном, что это поистине чудо.

В зале возник ропот, но почти сразу утих — собравшиеся поняли, что Джефффри не договорил.

— Кроме того, я узнал,— продолжал Джефффри,— и о других фактах, которые могут иметь отношение к данному делу. Я разрешаю отцу Кверону огласить их. Однако сейчас мне хотелось бы обратить ваше внимание на одну деталь, касающуюся канонизации Камбера.

Священнослужители переглянулись, некоторые подались вперед, а Камбер почувствовал, что каменеет. Неужели Джефффри собирался рассказать о втором чуде, свидетелем которому стал Синхи?

— От отца Кверона я узнал, что он и его братья провели дальнейшее расследование,— продолжал архиепископ,— нанесли несколько визитов в Кайрори, к месту захоронения Камбера.

Сидевший рядом с Камбером Джорем сжался в комок. Оба они поняли, что произойдет дальше. Речь шла не о Синхиле, только эта тема была почти столь же пугающей.

— Могила Камбера пуста, милорды,— сказал Джефффри.— Кверон утверждает, что Камбер вознесен на небеса!

В этот момент зал взорвался множеством восклицаний; о таких чудесах с глубокой древности никто не сообщал. Это вне всякого сомнения, указывало на святость Камбера. Только Джорем и сам Камбер не присоединились к обсуждению. Ошеломленный, Джорем застыл, его глаза округлились от ужаса. Отец смотрел на него с глубоким состраданием.

Когда шум затих, Джефффри полуобернулся в сторону Джорема. Взгляд Кверона, все еще стоявшего слева от архиепископа, последовал в том же направлении.

— Отец Мак-Рори? — Голос архиепископа оборвал разговор.— Судя по вашему лицу, вы не верите этому. Может быть, вам что-то известно об исчезновении тела?

Джорем поднялся, слишком подавленный, чтобы попытаться сделать что-то еще, кроме как держаться на ногах.

— Я... не могу понять, откуда отцу Кверону стало известно об этом,— запинаясь произнес Джорем,— Мой отец был похоронен в фамильном склепе рядом с могилой его жены и моей матери. Если Кверон нарушил неприкосновенность его последнего земного прибежища...

— Его последнее земное прибежище не тронут,— вмешался Джефффри.— Вы не можете предложить другого объяснения существованию пустой могилы.

Джорем смотрел под ноги. В его глазах стояли непрошеные слезы, он слишком хорошо помнил предлог для перезахоронения тела Келлена и как впервые заговорили об этом.

— Я... я перевез тело,— в отчаянии прошептал Джорем.

— Не понимаю вас, отче.

— Я сказал, что это я перевез тело,— повышая голос, повторил Джорем, глядя Джеффри в глаза.

— Убедительное объяснение,— Кверон обращался только к Джеффри, однако буркнул достаточно громко, и его замечание услышали все,— Наверное, отец Мак-Рори может пояснить?

— Итак, отче?

Джорем сглотнул и кивнул.

— Это... было необходимо, ваша милость. М-мой отец просил об этом.

— Он просил об этом? — воскликнул Джеффри, очевидно еще более заинтригованный.

— До смерти, ваша милость,— поспешил поправиться Джорем.— Он... беспокоился, что с его смертью (в свои шестьдесят лет он понимал, что это может произойти значительно раньше, чем он предполагал, в бою или по другой причине), что могут... возникнуть трудности. Он боялся, что могила такого известного и противоречивого Дерини, как он, может быть осквернена,— продолжил он, стараясь говорить как можно убедительнее.— Возможно, он опасался именно того, что происходит сейчас здесь, и не хотел, чтобы его бранные останки служили предметом поклонения, Я исполнил его просьбу,— закончил он.

— И перевезли его прах в другую могилу,— Джеффри продолжал.— Что означает, отче, возможность увидеть его?

Джорем опустил голову. По тому, что осталось от тела Келлена, уже нельзя было угадать, кому оно принадлежало, но такие опытные Дерини, как Кверон или Джеффри, могли точно установить, кто это был.

— Нет, ваша милость, не могу.

— Но почему? — поинтересовался Джеффри.— Может быть, потому, что вы никогда не перевозили тело и осведомлены о его судьбе не лучше отца Кверона?

Прежде чем Джорем успел открыть рот, чтобы ответить, Кверон взял инициативу в свои руки.

— Ваша милость, боюсь, добрый отец Мак-Рори стал жертвой своего сыновнего почтения. Не знаю, почему он пытался обмануть наше собрание, хотя считаю, что причина этому —

подлинная любовь к отцу, чью святость он отказывается признать по каким-то ведомым одному ему причи-

нам. Но я хочу сказать ему — либо представьте прах, либо придумайте что-то другое. Как я понял, он не может предъявить останки, потому что еще несколько минут назад не знал об их исчезновении!

Джорем опустил голову, не в силах опровергнуть Кверона. Разрушить его логику можно было, окончательно выдав себя. Он и так слишком много сказал. Даже теперь сын Камбера стоял на тонком льду — он только что принародно пытался солгать своему архиепископу, все это видели.

— Святой отец, прошу вас, будьте рассудительны,— голос Джеффри звучал почти примирительно.— Мне хотелось верить вам. Я понимаю, что вы должны чувствовать. Однако не могу позволить вашим личным переживаниям смешиваться с долгом этого собрания. Вы позволите считать ваши мысли, как сделал это Кверон, если я пообещаю хранить в тайне все, за исключением некоторых деталей? Это будет полезно в будущем, ибо, я уверен, рано или поздно это дело будет вынесено на обсуждение двора.

Джорем не удержался от невольного восклицания, уверенный, что угодил в ловушку. Ни в коем случае он не должен позволять Джеффри считывать его мысли, даже если это будет стоить жизни! Перезахоронение тела Элистера, его участие в случае с Синхилом... Он боялся думать о том, что произойдет, если Джеффри попытается заставить его подчиниться и придется оказать сопротивление выученному в Ордена святого Гавриила Дерини. Но когда он уже открыл рот для отказа, готовый к любым последствиям, сознание Камбера с такой силой надавило на его сознание, что он от боли схватился за голову.

— На тебе лежит запрет не открывать места моего последнего земного убежища, которого ты, разумеется, не знаешь, потому что я еще не умер,— зазвучала в его мозгу мысль Камбера.— Если Джеффри попытается заставить тебя, это погубит твой рассудок. Запрет слишком строг. Скажи ему это!

Слегка покачиваясь и все еще ощущая головокружение от мощи контакта, Джорем выпрямился и посмотрел на архиепископа, обрадовавшись, что его слабость вызвала тревогу на лицах Джеффри, Кверона и остальных. Теперь он чувствовал, как поддержка отца ослабевает, епископ Келлен смотрел на него с той же озабоченностью, что и другие. Он понял, что Камбер что-то задумал, но не знал, что это было. Ему просто нужно следовать приказам и верить в то, что его ведут правильным путем.

— Я... я не могу позволить вам этого, ваша милость,— сказал он, и даже его голос звучал несколько

нерешительно — Только что ко мне пришло довольно болезненное напоминание, что отец наложил на меня некие... печати, не позволяющие раскрыть место его последнего земного убежища. Откровенно говоря, я не вполне помню, где оно находится,— добавил он. Все это было правдой.

Джеффри подозрительно поджал губы.

— Подобные пробелы в памяти можно исправить, отче.— Сами по себе слова были довольно нейтральными, но в голосе послышалась угроза.

— Это погубит мой рассудок. Прошу вас, не заставляйте меня ваша милость,— произнес Джорем.

Камбер поднялся и положил обе руки на плечи сына.

— Ваша милость, мой секретарь очень расстроен. Позвольте мне сказать?

— Только если вы можете предложить что-то существенное, епископ Келлен,— ответил Джеффри раздраженно,— Отказ отца Мак-Рори не очень-то убедителен. По-моему, все это чистый обман.

— Позвольте мне предложить выход, ваша милость,— спокойно сказал Камбер.— С тех пор как Джорем вступил в наш Орден, мы с ним стали довольно близки. Он стал мне почти сыном. Кажется, я знаю его лучше, чем кто-либо в этом зале... и его отца тоже. Для моего секретаря я уже год являюсь духовником и исповедую его с тех пор, как он находится при мне.

Все это было правдой, и Камбер почувствовал себя увереннее оттого, что Джеффри не спешил возражать.

— Ваша милость, позвольте мне считать мысли Джорема,— продолжал Камбер.— Если на нем действительно лежит печать против проникновения в мозг постороннего (а вы действительно посторонний, несмотря на то, что являетесь для него как архиепископ духовным отцом), может быть, мне удастся проделать это. Принуждение может вызвать необратимые разрушения. В защите собственных секретов Камбер обладал незаурядным мастерством.

Раздумывая над словами епископа, Джеффри нетерпеливо нахмурился.

— Итак, отец Мак-Рори, вы согласны на это?

— Не уверен, что это мудрое решение, ваша милость,— вмешался Кверон, не давая Джорему возможности говорить,— Мы уже убедились, что епископ Келлен фигурирует в случае с Гвейром, хотя я должен признать, что его милость узнал об этом уже как о свершившемся факте. Тем не менее, должен сказать, что его милость может оказаться не самым объектив-

544 ным. Мы располагаем информацией, что он, как и

Джорем, принимал участие в другом чуде, приписываемом благословенному Камберу, хотя нам известно, что его милость в то время пребывал без сознания.

Вот оно! Опять намек на другого свидетеля. Синхил? Или Дуалта? Однако по какой-то причине Кверон не решился назвать короля. Возможно, он тоже боялся рисковать, сомневаясь в реакции Синхила.

Оценивая вероятность такого, Камбер повернулся к Джеффри. Архиепископ выжидательно смотрел, приподняв бровь.

— Это правда, епископ Келлен?

— Так мне сказали, ваша милость. Сам я ничего не помню.

— Джорем рассказал вам об этом?

— Нет, ваша милость.

— Кто же тогда?

— Я не могу сказать этого, ваша милость. Это был источник, который я не имею права открывать, если только тот человек не предстанет перед этим собранием и не позволит мне говорить. Однако, вне зависимости от того, как разрешится этот вопрос, моего личного интереса в нем нет, о святости Камбера я знаю только по слухам.

— Однако вы отказались выполнить просьбу Гвейра о постройке храма, когда он пришел к вам зимой,— вмешался Кверон.

— Я предположил, что Гвейр ошибается в своей трактовке того, что якобы видел,— поправил Камбер.— Он не просил у меня разрешения, а желал, чтобы я поговорил с архиепископом Энскомом, упокой Господь его душу. Сам Гвейр решил тогда не подавать прошение архиепископу.

— Но вы не советовали Гвейру делать этого? — спросил Джеффри.

— Да, ваша милость. В то время я не располагал никаким другим доказательством, кроме несколько сбивчивого рассказа о том, что я счел сном. Кроме того, ваша милость должен принять во внимание и то, что я старался облегчить горе юного Джорема, которого я люблю. Он присутствовал в комнате, когда Гвейр излагал свою просьбу. Я хочу только, чтобы все было по справедливости, ваша милость. Надеюсь, сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться: мое обследование Джорема будет совершенно беспристрастно. Разумеется, вопрос этот пока чисто теоретический. Нам неизвестно, уступит ли Джорем моему прикосновению.

— Итак, отец Мак-Рори, что вы скажете? — сурово спросил Джеффри.— Эти печати позволяют епископу Келлену произвести считывание?

— Я... не знаю, ваша милость,— прошептал Джорем, изображая неуверенность.— Думаю, да. Я чувствую... некоторое сопротивление, но епископу Келлену я доверяю, как никому другому. Поверьте, ваша милость, у меня нет ни малейшего желания послушаться, но еще меньше я хочу, чтобы мой разум был разрушен, какой бы ни была эта сила.

Джефффри обратился к Ориссу за советом, а Кверон наклонился поближе, чтобы внести в обсуждение свою лепту. Потом Джефффри покачал головой и снова, посмотрел на них.

— Хорошо. Предупреждаю, сомнения у нас остаются, но вы можете начинать. Вам нужны приготовления?

— Нет, ваша милость.

Поклонившись, Камбер взял стул, на котором раньше сидел Джорем, и вынес на середину комнаты. Попросив Джоре-ма сесть на него лицом к архиепископам, он встал позади сына и опустил руки на напряженные плечи, отправив мысленное послание Джорему.

— Постарайся, чтобы это выглядело естественно, сынок. У нас много работы, и я хочу, чтобы ты заставил их думать, будто стараешься преодолеть сопротивление. Когда закончим, я усыплю тебя, так что не придется отвечать на вопросы. Просто доверься мне.

— Начинай,— только и ответил Джорем.

— Хорошо, Джорем,— Камбер заговорил, слегка массируя сведенные мышцы плеч и осторожно оглядывая комнату.— Я знаю, что оказаться перед столькими людьми трудновато. Мне тоже нелегко, непривычно глубоко личное выносить на публику. Нам приходилось делать это и раньше, только на других уровнях. Итак, я хочу, чтобы ты просто расслабился и снова нашел знакомую тебе точку сосредоточения.

Джорем сделал глубокий вдох и выдохнул, приказывая себе расслабиться. Сейчас на фоне чисто физического контакта укреплялось общение на уровне сознания, опасности, что другие Дерини смогут подслушивать, не было. Это был их островок безопасности в стане врага.

Веки Джорема задрожали — верный признак настойчивости Камбера и его усилий. Со стороны это выглядело как сопротивление Джорема. Слова отца текли сквозь его сознание, унося вдаль, растворяя физические ощущения в тишине того, что с молниеносной быстротой превращалось в пустоту.

— Вот так. Закрой глаза и иди за мной,— говорил Камбер, глядя в пол перед Джоремом, чувствуя податливость сына и внимание зрителей.— Знаю, на это потребуется много времени, но ты справишься. Можешь не обращать

внимания ни на что, кроме моего голоса, прикосновения и знакомого присутствия моего разума.

Он говорил для присутствующих, не знакомых с Деринийским контактом. Подсознательно он чувствовал, что некоторые из публики вместе с Джоремом погружаются в транс.

Через мгновение слова забудутся ими, и в памяти останется только то, что они видели.

— А теперь откройся мне,— пробормотал он, положив руки на шею Джорема и легко опираясь большими пальцами в позвоночник под светлыми волосами. Почувствовал под пальцами ровное и нечастое биение пульса на висках сына.

— Вот так. Говорить больше не нужно. Ни один звук не должен беспокоить тебя, ни одно ощущение не должно обрывать связи. Соединись со мной, Джорем.

Когда и Камбер закрыл глаза, в затихшей комнате не было слышно ни звука. В каком-то смысле это было не меньшее волшебство, чем то, которое показал Кверон. Камбер мысленно слился с Джоремом, и они оба вновь вернулись ко всему сказанному, разрабатывая план действий. Сейчас можно было не опасаться присутствия чужого мозга. Ни Кверон, ни Джеффри, ни любой другой Дерини в зале не имеют ни малейшего представления о том, что в действительности происходило между ними.

В следующие несколько минут Джорем заметно вздрагивал под прикосновением Камбера. На его лице отражалась несуществующая внутренняя борьба. На самом деле они прятали воспоминания о нынешнем Камбере туда, где в случае другого обследования их нельзя будет обнаружить, блокировали образы памяти так, что только сам Камбер сможет снять это блокирование.

Когда все было сделано и Джорем стал помнить о стоявшем рядом человеке только то, что должен был помнить, Камбер коснулся точки, контролирующей сознание, и усилил давление. Тело Джорема обмякло. Камбер медленно открыл глаза, опустил руки и поднял голову, притянув спящего Джорема к себе.

— Он говорил правду, ваша милость,— пробормотал Камбер, заставив очнуться нескольких слушателей, которые попали во власть его магии.— Действительно вскоре после похорон он перевез тело, еще раньше получив наказ отца сделать это.— Если понять эти слова дословно, они были правдой — Однако память о последнем месте захоронения отца стерта.— Это тоже была правда, потому что сам Камбер стер ее.

Прищуриив глаза, Джефффри оглядел епископа и его секретаря.

— Ваше обследование не причинило ему вреда, святой отец?

— Необратимого — нет, ваша милость. Необходимо было преодолеть очень сильное сопротивление, но главное последствие — слабость. Я погрузил его в сон. Если ночью его не потревожат, утром он проснется уже бодрым.

Джефффри кивнул, явно удовлетворенный ответом.

— Ваши выводы относительно тела Камбера?

— Нет никакого способа вернуть его, ваша милость. Можно только с точностью утверждать, что предположение о его вознесении к небесам, выдвинутое Слугами святого Камбера, не может быть ни доказано, ни опровергнуто.

— Но видение Гвейра...— вмешался Кверон.— Обследование Джорема не опровергло его.

— Верно,— ответил Камбер.— Об этом случае Джореми известно не больше любого другого. Разумеется, кое-что он знал, так как был свидетелем моего зимнего разговора с Гвейром, и только.

Джефффри внимательно посмотрел на седовласого епископа, по-прежнему поддерживающего спящего Джорема, потом поерзал на троне и вздохнул.

— Хорошо, епископ Келлен. Спасибо за помощь. Можете проследить за тем, как устроят вашего секретаря. На сегодня я объявляю заседание закрытым, уже поздно. Завтра мы продолжим. Отец Кверон, надеюсь, к тому времени вы представите дополнительные свидетельства.

— Да, ваша милость. По разным причинам некоторые из наших главных свидетелей не могли присутствовать сегодня, однако завтра мы постараемся обеспечить их присутствие.

— Тогда заседание закрыто.

Собравшиеся расходились, а Камбер боролся с противным холодком внутри, ему было хорошо известно, кого Кверон имел в виду. Конечно, Джорема будут снова допрашивать, хотя теперь Камбер не сомневался в том, что ничего нового он не расскажет. Возможно, вызовут и его самого, однако потеря сознания может послужить ему весомой причиной незнания.

Райса и Дуалту тоже вызовут. С Дуалтой уже ничего не поделаешь, а Райса можно было вызвать к себе сегодня ночью (вроде бы за тем, чтобы осмотреть Джорема) и предупредить.

Никто не решится требовать проникновения в мозг

548 Целителя, а если и захотят, то настаивать не будут. Так

что, пока Райс не сказал ничего, не соответствующего их истории, он в безопасности.

Но главным свидетелем, если Кверон отважится вызвать его, станет Синхил, и никто не может знать, как онотреагирует. Но по крайней мере одного свидетеля Кверон не сможет найти, думал Камбер, когда он и несколько михайлинцев подняли и понесли спящего Джорема. Даже такой умный Дерини, как Кверон Кайневан, не в состоянии отыскать монаха-михайлинца по имени Джон.

Молва о событиях этого дня распространилась еще быстрее, чем Камбер опасался. К тому времени, когда он уложил Джорема в постель, проинструктировал Райса и переговорил с дюжиной доброжелательно настроенных коллег, желавших узнать его мнение о проблеме, уже закончилась вечерняя месса. Камбер понял, что сможет остаться в одиночестве, только спрятавшись ото всех. Если он хотел получить возможность восстановить душевное равновесие, приготовить себя к завтрашней попытке, на часок-другой он должен был скрыться куда-нибудь.

Однако действовал он недостаточно быстро, только собрался исчезнуть, как появился королевский паж. Послание его господина было написано высокопарным стилем, но заключало и твердость приказа.

Итак, старательно укрывшись под черным покровом плаща, надвинув капюшон так, чтобы факел в руках пажа случайно не высветил его лица, Камбер вышел вслед за мальчиком из архиепископского дворца. Они пересекли площадь перед собором, достигли огромных южных ворот главной башни королевского замка и через маленькую калитку в воротах проникли внутрь. Вскоре Камбер преодолел винтовую лестницу, паж был уже у двери королевских покоев, но не успел постучать — дверь распахнулась.

Синхил попросил гостя войти и сесть у камина, а сам встал рядом, глядя на Камбера через плечо.

Король переоделся ко сну, но ложиться явно не собирався, на лице его лежала печать тягостных раздумий.

— Итак, они хотят провозгласить его святым,— произнес он.

— Увы, это неизбежно,— ответил Камбер. Синхил окинул его пронизательным взглядом.

— Ну, епископ Келлен. Не замечаю энтузиазма! Неужели вы не одобряете того, что делают ваши приятели-священники?

— Не слишком, Государь. Видите ли, мне не пришлось прежде жить рядом и общаться со святым. От

мысли, что некто из иного мира может сейчас быть рядом с нами, оставаясь незримым, мне делается не по себе. По-видимому, вам подробно доложили обо всех неожиданностях сегодняшнего дня?

Синхил кивнул и отошел к камину, согревая руки о его нагретые камни.

— Как только закончилось заседание, пришел Джебедия и все рассказал. Он говорил, что завтра отец Кверон намеревается вызвать дополнительных свидетелей. Разумеется, Джебедия неизвестно о том, что случилось в ту ночь в ваших апартаментах. Но как насчет Кверона? Или Джебедия все же в курсе?

— Нет, если только Дуалта не открылся ему, хотя я не верю в это. Джебедия обязательно сказал бы мне. Тем не менее я почти уверен, что Кверон все знает. Он старательно избегал называть вас, но несколько раз намекал на некоего высокопоставленного свидетеля, чьи слова будут неоспоримы. Кого еще он мог иметь в виду?

— Значит, Дуалта признался ему,— заключил Синхил.

— Возможно. Дуалты в зале не было. Откровенно говоря, Я не видел его уже несколько месяцев, но Кверон действительно заметил, что завтра представит новых свидетелей. Остается вывод — Дуалта появится среди них. Райс тоже получил приглашение.

— Черт бы побрал этих дотошных людишек! — прошипел Синхил.— Еще кто-нибудь знает?

— Про вас? Наверняка Джеффри.

— Джеффри?

— Конечно. Он считывал мысли Кверона и знает обо всех его аргументах и доказательствах. Вашего имени он тоже не называл. А почему — об этом ведомо только им с Квероном. Тому, возможно, еще нужно время, чтобы получше подготовиться, и Джеффри пошел навстречу.

— Не вижу в этом смысла,— пробормотал Синхил.

— Ну, почему же? Джеффри на новом месте нельзя ошибаться. Архиепископу необходимо доверие клира, к нему он стремится вольно и невольно. Все епископы, особенно люди, верят Джеффри, Епископ О'Бирн просил Джеффри считать мысли и подтвердить рассказ Кверона. Сомневаюсь, чтобы среди присутствующих там осталось хоть полдюжины человек, которые еще не убедились в том, что Гвейр действительно видел Камбера Мак-Рори.

И ни один из них не осознал, что именно так оно
550 и было,— добавил Камбер про себя.

Синхил хмыкнул и плюхнулся в кресло рядом с Камбером.
— Джеффри. С ним хлопот не оберешься, не так ли? Знаете, он приходил ко мне.

— О?

— Да. Просил разрешить перенести завтрашнее заседание сюда, в тронный зал, чтобы разместить всех желающих, от которых, он полагает, не будет отбоя, как только новость распространится.

— И вас он тоже пригласил прийти,— догадался Камбер.

— Вряд ли я мог отказать, верно? В конце концов, я король. Ваш драгоценный Камбер позаботился об этом. Когда собираются канонизировать того, кто возвел на престол короля, то король должен поддержать это. Если Его Величество не соизволит почтить их своим августейшим одобрением, это будет крайне неуважительно, если не сказать неблагоприятно.

Камбер не мог не улыбнуться.

— Джеффри так сказал?

— Нет, не так откровенно, но смысл был именно такой. Он вынудит меня выступить, не так ли?

— По-моему, вынудит — не вполне удачное слово, но он, разумеется, попытается уговорить вас. Или это сделает Кверон. Поступи он иначе — это будет просто гаупостью. Как свидетель вы просто неоценимы. Каждому известно, что Синхил Халдейн никогда не солжет под присягой. А если король подтвердит приписываемое Камберу Мак-Рори чудо, кто рискнет опровергнуть это?

Синхил смотрел под ноги, храня молчание. Он зашевелился через некоторое время только для того, чтобы взглянуть на плясавший в камине перед ним огонь.

— Это было чудо, Элистер? Что я видел на самом деле? Я спрашивал себя уже тысячу раз, но так и не приблизился к ответу. Я не уверен, что способен на объективность там, где дело касается его. Как мне удастся испытывать так много самых разных чувств к одному человеку? Должен признать, я уважал и восхищался им, но и ненавидел за то, что он со мной сделал.

Камбер не решался посмотреть королю в глаза.

— Он давал и требовал многого, Государь. Он делал то, что считал нужным, но цена была велика и для вас, и для него. Однако, по-моему, он не стал бы упрекать вас за нерешительность. Если бы был другой способ спасти Гвиннеда, он не причинил бы вам боли.

— Но был ли он святым? — прошептал Синхил.— Они спросят меня, Элистер. Как я могу говорить о том, чего не знаю?

— Значит, если вы должны будете говорить, скажите о том, что видели, и не делайте выводов. Пусть этим занимаются епископы. Это не ваша забота.

— Разве?

Странная, неловкая пауза возникла между ними. Словно Синхил не договорил чего-то важного, что беспокоило его. Камбер все более утверждался в мысли о тайной, невысказанной печали короля. Пауза затянулась. Синхил поднялся и принялся торопливо и нервно вышагивать между креслами и камином туда-сюда. Наконец он остановился и повернулся к епископу.

— Есть кое-что, в чем я хочу признаться вам, Элистер, Я уже много раз собирался рассказать вам об этом, но... боялся, что вы не одобрите. Может быть, так будет и сейчас.

Камбер нахмурил густые брови.

— Если вы хотите отпущения грехов, у вас есть собственный, очень чуткий духовник, сир.

— Нет, я хочу исповедоваться вам, даже если потом не получу отпущения. Выслушайте меня, Элистер.

— Хорошо, как пожелаете.

Поднимаясь и следуя за Синхилом со свечой в руках через комнату к кровати, Камбер испытывал странное неудобство. Непонятно было, куда они направляются, дверь молельни осталась у них за спиной. Синхил остановился и опустился на колени перед большим кованым сундуком. Он передал свечу Камберу, проделал какие-то манипуляции с секретным запором и откинул крышку. Когда он откинул верхний слой коричневой шерстяной ткани, в пламени свечи сверкнула богатая вышивка церковного облачения.

Камбер затаил дыхание, когда Синхил отвернул и этот слой. Внизу оказались дискос, потир и другая священная утварь. Сразу же отбросив мысль о принадлежности этих богатств королевскому духовнику, Камбер дотронулся до края сундука. Свое подозрение он боялся высказать. А если оно обосновано...

Словно забыв о его присутствии, Синхил вынул аккуратно сложенную ткань и расправил складки ризы — белоснежный шелк и сияющее золото. Он смотрел на вышитый во всю грудь крест, словно решал, как объяснить все это, потом разложил облачение на руках, чтобы епископ мог получше разглядеть его.

— Разве это не прекрасно?

ГЛАВА XXIII

**Хотел бы я теперь быть у вас
и изменить голос мой,
потому что я в недоумении о вас.¹**

21 я не совсем понимаю, государь,— после недолгого молчания промолвил Камбер, опасаясь, напротив, что понимает слишком хорошо.— Это облачение отца Альфреда?

— Нет, мое. Отец Альфред никогда не надевал его.

— В отличие от вас,— закончил Камбер ровным голосом, не скрывая изумления.

— Да, с того самого мига, как вы стали епископом, ежедневно, с сердцем, исполненным веры, как когда-то

Камбер вздохнул, опираясь локтем о край сундука, и потер лоб, раздумывая, как лучше ответить на это признание. Как он мог не предвидеть чего-то подобного? Немудрено, что Синхил так спокоен последнее время.

Разумеется, он знал, каким должен быть его ответ. Элистер Келлен без труда назвал бы статью и параграф устава, запрещающей проводить службу священнику, отрекшемуся от сана. Даже Камбер, всего год пребывавший в духовном звании, сознавал, какие последствия грозили Синхилу — или любому другому священнику — за подобный проступок.

Но он не мог заставить себя осудить короля. Разве мало горя он причинил этому богобоязненному человеку? Что за беда, если втайне тот продолжает свое служение? Священник всегда остается священником, и кому какое дело до покойного епископа, что повелел ему снять облачение и надеть вместо этого корону. Если Синхил продолжает славить Господа, и от этого

¹ Галатам 4:20

ему легче сносить бремя царствования и отлучения от истинного своего призвания, то как может якобы покойный Камбер Мак-Рори, в своем бесконечном двуличии, на что-то указывать королю? Разве не может Синхил, подобно самому Камберу, иметь свои секреты?

— Вы возмущены, не так ли? — пролепетал Синхил, не в силах выносить молчание Камбера.— Боже, должно быть, я кажусь вам чудовищем!

Камбер удивленно взглянул на короля. Он никак не думал, что его молчание так подействует на Синхила. Разве не довольно было этому несчастному страданий и душевных мук? Признание короля было рискованным шагом, совершая его, он мог навсегда лишиться того, что считал единственным утешением в своей разбитой жизни.

— Чудовищем? — очнулся Камбер.— Боже милостивый, нет, Синхил! Поверьте, у меня и в мыслях этого не было, Сознаюсь, я был поражен. Вы знаете закон так же хорошо, как и я... возможно, даже лучше, потому что наверняка все тщательно обдумали, прежде чем пошли на это.

Синхил кивнул с несчастным видом, не находя сил отвечать.

— Скажите, то, что вы делаете, приносит вам успокоение? — ласково произнес Камбер.

— Это... смысла моей жизни! — выдавил Синхил, склонившись над лежавшей на руках ризой.

Несколько секунд Камбер молчал, предоставив королю колебаться между отчаянием и надеждой. Он видел, как Синхил гладит складки мягкого шелка, и дрожь в его руке, и неумелые попытки скрыть волнение. Что же, он думает, что сейчас ризу станут отнимать?

— Синхил? — наконец позвал Камбер, нагибаясь к застывшему в напряжении королю,— Синхил, послушайте, я понимаю причины, побудившие вас. Понимаю и вовсе не упрекаю. Я даже не хочу запрещать этого. Господу нашему не может быть неужодна такая любовь к нему.

Синхил медленно поднял голову, не веря своим ушам, он хотел видеть говорившего и искал его смятенным взором.

— Вы правда так думаете?

— Да.

Казалось, Синхил задумался, но, взглянув на епископское кольцо Камбера, вздохнул и начал складывать ризу.

— Может быть, вы правы насчет Него... Я хочу верить в это. Но епископы? Что они сделают со мной, когда узнают?

— А почему они должны узнать? — спросил Камбер, нахмурившись, когда Синхил положил облачение обратно в сундук. — Вы исповедовались. Разве вы станете исповедоваться и остальным?

— Значит, вы не расскажете им? — с надеждой произнес Синхил.

Вместо ответа Камбер заглянул в сундук и рылся в нем, пока не нашел то, что заметил раньше; широкую расшитую эпитрахиль фиолетового шелка. Он вынул ее и повесил на ладонь правой руки.

— Вы видите это, Ваше Величество?

— Да.

— Так вот, существует еще одна, которой вы не видели. Она была на мне с тех пор, как я поднялся с того кресла у камина. Как я могу рассказать еще кому-то о том, что узнал на исповеди? Неужели вы думаете, что я не строг в своих обетах?

Они помолились, а потом Синхил робко попросил своего брата-священника помочь ему отслужить мессу. Поколебавшись, Камбер согласился принять роль диакона, в то время как Синхил совершит обряд. Служба началась, и очень скоро благоговение и чистота наполнили Камбера, обжигающая вера короля возвращала к воспоминаниям о далекой ночи и потаенной часовне в сердце гор. Синхил открылся без остатка, сделался ясен, как рукопись под полуденным солнцем, чтобы читать в его душе, не требовалось никакой премудрости. Камбер уверился в правильности своего решения — секрет короля должен быть сохранен. Помимо всего, это укрепит дружбу и взаимное доверие монарха и его ближайшего советника Элистера Келлена.

Несмотря на очевидные выгоды, этот случай насторожил Камбера. Часом позже выйдя от короля, он нуждался в уединении больше, чем до визита. Взяв факел у одного из стражников королевской башни, он снова вышел через южные ворота, прогоняя назойливые мысли о Синхиле и его заботах. Когда он наконец оказался в своем крыле архиепископского дворца, начал спускаться вниз вместо того, чтобы пойти наверх. Через малозаметную дубовую дверь Камбер вышел на площадку из каменных плит. Под ним была небольшая часовня, в которую спускалась широкая лестница, заканчивающаяся в центре комнаты.

Это место не было укромным уголком Камбера, особенно зимой, но часовня находилась в стороне от главных переходов и чаще всего пустовала, так было и сейчас — подходящее местечко, чтобы привести мысли в порядок. Свет

проникал в часовню сквозь три проема над дверью. Внутри помещалось скромное надгробие, некогда выбеленное известью, наверное, чтобы стало посветлее. Но сырость и время превратили побелку в размытые грязные пятна на плите. Стены, когда-то украшенные фресками, изображавшими житие Богородицы, уже давно осыпались.

Однако часовня не была заброшена. Пол был довольно чист, алтарь в полном порядке — время от времени часовенка использовалась гостившими священниками, служившими и молившимися тут. Никаких украшений здесь не было. На алтаре лежали лишь обычные покровы, убранство составляли две свечи в простых подсвечниках, незатейливое деревянное распятие да изыщная, но серая от времени статуя Богородицы подле неприязательной дарохранительницы.

Взглянув, Камбер начал спускаться. Его факел отбрасывал круглую красноватую тень, бывшую единственным ярким пятном, кроме красного огонька лампы, горевшей над алтарем. Внизу он поклонился и перекрестился, потом вставил факел в держатель на северной стене. Вернувшись к алтарю, он распростерся на полу, как в ночь своего посвящения, от холода и сырости голого камня Камбера отделяла только ткань его одежда.

О, Боже, к чему он пришел? Не было ли все это заблуждением? Сможет ли он жить с этим дальше?

Как быть с Синхилом? Он сказал ему, что всепонимающий Господь простит послушника во имя любви. Ну а если не простит? Если словами сочувствия Синхил ввергнут в еще больший грех, и на несчастного будет навлечен гнев Божий.

А разве не заслуживают гнева Творца те, по вине которых в лоне церкви творят кумира, объявляя его святым? Разве не достойны гнева своим обманом сделавшие возможным такое кощунство?

Мог ли он позволить всему этому продолжаться? Действительно ли мотивом его поступков служило благо державы, или он пал жертвой собственной гордыни, растревоженной самонадеянными мыслями, что только его трудами можно спасти королевство и короля?

И все же прежние доводы казались убедительными, как всегда. Без Синхила, безжалостно оторванного от монастырской жизни и принужденного сделаться королем, Гвиннед, возможно, до сих пор находился бы во власти жестокого презренного Имре Фестила. А без помощи Элистера Келлена, кто бы ни скрывался за его телесной оболочкой, Синхил тратил бы свои силы на противостояние тому, кто водворил его на престол.

Теперь Синхил начинал поступать по-королевски, особенно после того, как нашел собственную стезю в делах, с которыми ему приходилось сталкиваться. Гвиннед уже достиг кое-чего в управлении и дипломатии и территориальных приобретениях. Если бы Камбер не сделал то, что сделал, где бы сейчас был Синхил? И где был бы Гвиннед?

Звук открывающейся двери часовни прервал его диалог с самим собой. Либо его разыскивали, либо кто-то искал уединения, зная, что в это время часовня обычно пустует.

Он не шелохнулся, когда звук шагов замер на площадке, в надежде, что у посетителя (кем бы он ни был) хватит ума уйти, поняв, что распростертый на полу человек не ищет ничего общества.

Однако нарушитель спокойствия так и остался стоять наверху. До Камбера доносилось его ровное дыхание. Магия ничего не подсказывала — пришелец был Дерини и защитился от проникновения. Дверь закрылась, но из часовни никто не выходил.

Вдохнув, Камбер поднял голову и встал на колени, внезапно ощутив всем телом пронзительный холод... Когда он оглянулся назад, капюшон упал с головы.

На площадке над ним стоял Джебедия. В свете факела, который он держал, его привлекательное лицо превратилось в сумрачную маску. Белый пояс выделялся на черных одеждах.

— Так и знал, что застану вас здесь,— тихо сказал он.

Дрожь пробежала по телу Камбера — стужа в комнате тут была уже ни при чем. Зачем Джебедия искал его, и почему его лицо так серьезно? Неужели он догадывался про Элистера Келлена? Неужели сегодня на Совете Камбер допустил ошибку?

Нет, это невозможно, хотя такая опасность есть. Более вероятно, конечно, что маршал станет допытываться о причинах их взаимного охлаждения в последний год. Тоже тяжелый разговор, но как-никак это лучше подозрений насчет Элистера.

Камбер неловко поднялся на ноги, широко улыбаясь.

— А, Джебедия. А я думал, что смогу укрыться здесь даже от тебя,— непринужденно сказал он.— После сегодняшнего дня и нескольких часов у короля я чувствовал непреодолимое желание побыть в одиночестве. Но тебе я всегда рад.

— Разве?

Повернувшись, Джебедия со зловещим стуком опустил засов спустился и прикрепил факел к стене.

— Я думал, нам удастся поговорить,— продолжал он, преклоняя колени перед алтарем.— Теперь не слыш-

ком часто выпадает такая возможность, разумеется, если не считать официальных встреч. Откровенно говоря, совместные заседания с Синхилом и Советом я нахожу не слишком полноценной заменой тому, что было прежде.

— Наши многие обязанности...

— Вряд ли являются причиной отдаления,— прервал Джебедея. Он положил руки на эфес меча и посмотрел в пол.— Как ни странно, у меня сложилось твердое убеждение (молюсь, чтобы я ошибался), что быть секретарем епископа важнее, чем просто давнишним другом его милости. Простите, если это звучит резко, Элистер.

Бессознательно повторяя движение Элистера, Камбер заложил руки за спину. Он был так смущен горечью в последних словах, что только удивленно воззрился на пришедшего. Джебедея ревновал его к Джорему!

— Бог мой, Джеб, ты ведь так не думаешь, не правда ли? — мягко спросил он, оправившись от потрясения первых секунд.— Весь этот год мы были так заняты — я в Грекоте и здесь, ты здесь и в войсках. Я думал, ты понимаешь, Джорем мне почти сын. Ты ведь не огорчен моим участием к нему, он так нуждается в поддержке!

— Жалеть его? Нет,— прошептал Джебедея.— Я завидую ему. Знаю, что это нехорошо, но ничего не могу с собой поделать, Я завидую, что он проводит столько времени с вами, что он — часть вашей жизни; раньше это был я. Прежде мы тоже были заняты, Элистер, но находили время делиться заботами и успехами.— Он поднял глаза, избегая взгляда Камбера.— О, я понимаю, теперь вы епископ и не можете быть полностью открыты. Я понимаю это, но я всегда думал, что вы понимаете, как много значит для меня ваша дружба, Иногда мне кажется, что это вы умерли, а не Камбер.

Едва не вскрикнув, Камбер напрягся. Понял ли Джебедея, что сказал? Это заявление — простая оговорка? Скорее всего Джебедею волнует, что его место занял Джорем, а не Камбер, почивший год назад, по крайней мере, пока, Джебедея не знал правды или даже не подозревал о ней. Он слишком прямодушен, чтобы изображать притворную невинность.

А вот их отношения могут натолкнуть на опасные мысли. Джебедея проницателен и умеет внимательно наблюдать, со временем может и догадаться... По крайней мере, в этой безнадежной тоске его никак нельзя оставить, нужно заручиться поддержкой или хотя бы успокоить.

Иначе этот бравый вояка может попросту не выпустить его отсюда. Он не уйдет без удовлетворитель-

ных объяснений. Если дело дойдет до чисто физического противостояния, Камберу вряд ли удастся совладать с ним. Когда-то Элистер и Джебедея соперничали в ловкости и мастерстве; но Камбер никогда не обладал воинским искусством Элистера и, уж конечно, не улучшил свою форму в последние несколько месяцев.

Даже Деринийское противостояние не сулило верной победы, хотя в этом случае Камбер получал определенные преимущества. Джебедея не может ожидать атаки на свое сознание. Элистер всегда пользовался Деринийскими способностями с неохотой, если речь шла не об ученых изысканиях, а вот Камбер был мастером в этом деле.

Но Джебедеи хорошо знакомо прикосновение Элистера. Взаимное влечение этих двоих отчасти объяснялось схожестью сознания, его стресса, возможностей и интуиции,— о таких тонкостях солдатской души мало кто догадывался.

Да, вторжение в разум было, без сомнения, лучшим шагом, но тогда придется удерживать инициативу. Натиск должен быть таким, чтобы защиты пали, прежде чем Джебедея поймет, что поединок начался, и успеет разгадать в нем не Элистера, а другого. В случае успеха Камбер обратит Джебедею в надежного союзника, или придется пленить его сознание... А может, и того хуже. Об этом Камбер старался не думать.

Каков бы ни был результат, медлить не стоило. На обдумывание атаки ушло несколько секунд, положение становилось довольно щекотливым. Камбер бросил нерешительный взгляд на Джебедею, ледяные глаза отразили боль, которую испытал бы Элистер после упреков друга.

— Прости... Джеб. Я не понимал...

— Мне тоже так кажется,— прошептал Джебедея, по-прежнему не поднимая головы.

Камбер позволил той части своего существа, которая была Элистером, выйти на верхний уровень сознания и продолжал:

— Ты можешь простить меня? Не стоило так увлекаться делами. Должно быть, ты чувствовал себя ужасно.

Джебедея поднял голову, но все еще не решался встретиться в Камбером взглядом.

— Да, это было ужасно. Вы представить себе не можете, как больно смотреть на то, как после смерти Камбера вы боретесь в одиночку. Вам следовало поделиться своей ношей. Вы совершенно забыли обо мне. Я никогда не понимал, почему.

Когда он заглянул в его лицо, Камбер понял — вот момент столкновения, который решит будущее обоих.

Камбер смотрел Джебедии в глаза, изображая беспокойство. Там он вдруг заметил огонек надежды. Кажется, Джебедия в глубине зрачков своего неверного друга увидел отблеск его сознания, он облегченно вздохнул.

— Могу я надеяться?

— Ты же знаешь, что прежнего уже не будет,— прошептал Камбер, он не прерывал едва наметившийся контакт, но не открывал свой мозг.— Я должен исполнять долг, который раньше не лежал на моих плечах.

Джебедия кивнул, безоговорочно принимая слова Камбера.

— Но если ты позволишь мне коснуться твоего сознания, я, возможно, смогу поделиться с тобой частью того, что занимало мой ум в месяцы разлуки. Позже, надеюсь, наше общение станет более близким.

Застенчивая улыбка, почти неуместная на измученном красивом лице, тронула губы Джебедии.

— Вряд ли это будет совсем как в старые добрые времена, но я понимаю причину. Вы простите меня, если я скажу, что опечален?

— Я всегда буду прощать тебя, Джеб,— тихо ответил Камбер; его тоже не радовала эта процедура и то, что он намеревался сделать.— Мы сядем здесь, на ступенях? День был длинным, и мои кости ноют от холода.

Плотнее завернувшись в плащ, Камбер опустился на ступень и привалился спиной к той, что повыше, а Джебедия, не говоря ни слова, примостился на самой нижней, положив между собой и Камбером меч.

— Это будет совсем иначе, чем раньше,— сказал михайлинец, вздыхая и поднимая глаза на Камбера.— Я нервничаю, точно перед боем.

— Знаю,— ответил Камбер.

Он взял Джебедию за плечи и притянул к своему колену, в то же время укрывая свой собственный внутренний мир как можно глубже в сознании, чтобы показать только часть, принадлежавшую Элистеру. Подняв правую руку, на которой блеснуло епископское кольцо, он заколебался, сжимая и разжимая кулак, словно согревал пальцы. Символ папской власти на руке должен был напомнить Джебедии о высоком положении его друга и оправдать неравенство в контакте.

Голова Джебедии начала клониться, Камбер подхватил его за подбородок. В то же мгновение Джебедия узнал это прикосновение, вздохнул и доверчиво повалился головой на руку

Камбера; его веки задрожали. Оставаясь по-прежнему
560 Элистером, Камбер упрочил контакт и почувствовал,

как сознание Джебедея успокаивается, тени подозрений больше не омрачали кристальную чистоту хорошо тренированного мозга.

— Теперь давай,— сказал Камбер шепотом, мысленно откровенно сознавая Элистера Келлена.

К его удивлению, Джебедея принял краткость контакта Элистера за естественную осторожность — его старый друг просто сохраняет тайны своего духовного сана.

Камбер умилился этой наивной доверчивости и в то же время испытал отвращение к себе за то, что обманывает невинность. Он помедлил, собирая силы для единственного неотразимого удара, и рванулся вперед, захватывая уровни сознания и перекрывая каналы мозга, пока Джебедея не оказал сопротивления. Только мгновения нужны были, чтобы он уже не освободился.

Джебедея вскрикнул и дернулся под руками Камбера, его сознание оказалось во власти другого разума. Он еще силился разорвать связь, превратившуюся в путы для него, но коварная сила предупреждала его попытки, забираясь все дальше. От каждого ее движения буквально ослепленный Джебедея вздрагивал и корчился, никогда этот воин не мог представить себя таким жалким и беззащитным.

И только тело продолжало сопротивляться — мускулы воина откликнулись на угрозу, не дожидаясь команды обессиленного мозга. Правая рука инстинктивно ухватила за кинжал, полупарализованные пальцы сжались вокруг рукоятки из слоновой кости и медленно потянули оружие из ножен.

Камбер заметил и одним движением блокировал руку. Ни на йоту не отступая от намеченной цели, он навалился на распластанного михайлинца и удвоил силу мысленного натиска. Знание вливалось в мозг михайлинца во всей полноте, начиная со дня смерти Элистера до последней минуты.

Джебедея замотал головой и закричал по-звериному, леденящим кровь криком. Вырвавшись, он ухватил Камбера за мантию и тянул к себе, разглядывая пустыми, невидящими глазами. Тем временем в другой руке вновь появился кинжал.

Но это не смущало Камбера. Он безжалостно вытолкнул последнюю порцию знания: происшедшие с Синхилом перемены к лучшему, круг тех, кто знал правду о Камбере-Элистере; последствия провала всего этого замысла: борьба против Дерини вернувшихся ко двору дворян-людей, гибель для всех участников представления, туманная судьба страны.

На этом Камбер ликвидировал все связи, кроме одной, способной вызвать потерю сознания и в случае

необходимости — смерть. В то же время он приказал своему замаскированному облику исчезнуть, и Джебедия увидел перед собой полные надежды и страдания глаза Камбера. Кинжал был прижат к его горлу, готовый прорезать кожу, но Камбер не обращал внимания на холод стали, молясь, чтобы здравый смысл удержал Джебедию от отказа принять полученные знания, а его — от греха убийства.

Джебедия, так и не осознав открывшегося ему, понял, что снова свободен, и они покатались по полу. Рыцарь одержал верх, он сидел на груди противника, под острием оружия учащенно бился пульс на шее, лежавший под ним более не мог сопротивляться. Он был обречен.

В глазах Камбера Джебедия видел мольбу.

Только теперь до него дошло, что он едва не совершил. Михайлинец сдавленно вскрикнул, в глаза вернулось осмысленное выражение, рука выронила кинжал. Камберу показалось, что он видит поток сознания, мчавшийся в мозгу Джебедии, когда тот застыл, разжав ладонь, а оружие валялось возле уха Камбера.

Затем веки сомкнулись, из лихорадочно сокращающегося горла вырвался всхлип, и рыдающий Джебедия упал в объятия Камбера.

Камбер осторожно выбрался из-под дрожащего тела и сел, утешая человека, только что потерявшего горячо любимого друга, бывалый воин плакал, как ребенок, и Камбер утешал его, как сына. Вспливы затихли, и Камбер осторожно погладил дрожавшую голову, возвращая Джебедию к действительности.

— Прости, что пришлось сделать это,— прошептал он, убедившись, что здравый смысл возобладал над чувствами Джебедии.— Наверное, я должен был сказать тебе раньше. У тебя было право знать это. Мы небезосновательно полагали (к тебе это не имеет отношения), что чем меньше людей будут знать обо всем, тем безопаснее. Я боялся, что ты сам можешь догадаться, и тогда мне не удастся сдержать твой гнев. Теперь знаю, что мне не следовало делать того, что я вытворял сегодня перед тобой.

Громко шмыгнув носом, Джебедия отстранился, вытер рукавом лицо и снова сел на нижней ступени, прижав колени к груди. Камбер тоже сел поудобнее, стараясь не беспокоить Джебедию.

— Я... и не замечал,— выдавил Джебедия, отвечая на последние слова Камбера.— Я хочу сказать, что я понимал, что-то изменилось, и я... я ревновал к Джорему, но

мне и в голову не могло прийти, что передо мной не Элистер или что это вы.

Он постарался вернуть себе самообладание, поднял голову, с трудом глотнув и глубоко вздыхая.

— Что...— Он набрал воздуха и начал снова.— Что бы вы сделали, если бы не заставили меня принять... это?

Камбер поджал губы и на мгновение опустил глаза, потом взял себя в руки, снова поднял голову, нажимая на сознание михайлинца.

— Боюсь, я не так честен, каким тебе хотелось бы видеть меня,— прошептал он, когда Джебедея почувствовал результат и едва не потерял сознание. Камбер ослабил давление последней связи и, поддерживая Джебедею, взял его за плечо.— Как видишь, я припас последнее, самое эффективное оружие. Если бы мне действительно пришлось применить его, результат мог быть различным.

Джебедея вздрогнул и понимающе кивнул.

— Вы бы убили меня,— произнес он безразлично.— И были бы правы. Вы могли оставить мне жизнь только как союзнику. Ваша цель слишком важна, чтобы игнорировать опасность разоблачения.— Он помолчал.— Боже мой, что вы пережили за эти месяцы! Мои страдания блекнут рядом с вашими...

— Тс-с.— Камбер поднял руку, прерывая.— Ты имел право на собственные чувства. Оттого, что твое недоумение основывалось на неведомом тебе обмане, оно не становилось менее болезненным. Если бы я имел смелость сообщить правду раньше... Он никогда бы не оставил тебя в одиночестве и отчаянии, как сделал это я.

— Нет, но он бы оправдал ваши действия,— прошептал Джебедея.— И... если бы он оказался на вашем месте, по-моему, сделал бы то же самое.

— Может быть.

Наступило молчание, потом Джебедея вздрогнул и заговорил снова.

— Более года назад я сделал вам одно предложение, Камбер-Элистер,— прошептал он, не решаясь нарушать торжественность этого момента громким голосом,— Тогда я еще не знал вас, хотя мне так и казалось, но я предложил вам помочь облегчить вашу ношу. Вы отказались. Теперь я вижу, что знаю вас еще меньше, чем тогда. Но прошу, не отказывайтесь снова. Позвольте мне помогать вам.

В течение нескольких секунд Камбер смотрел в печальные глаза, красные от недавних слез, читая в них

доверие и преданность, которые принадлежали Элистеру, а может быть, и ему тоже. Проверять это пока не стоило. Соединив правую руку с ладонью Джебедея, он соединил с его разумом сознание Элистера, а потом и свое. Это было удивительное слияние трех личностей.

Никогда прежде он не распахивал настежь память Элистера, теперь ее живые образы переплетались с мыслями того, кто знал и любил Элистера Келлена больше, чем любой из живущих на этой земле. Джебедея был потрясен. Его воспоминания и переживания Элистера сливались с псевдо-Элистером, образуя контакт, который казался невозможным. Двое сидели так, протянув друг другу руки, восхищаясь своим открытием, печалась, удивляясь и даже заливаясь смехом. В реальный мир они вернулись только через час. Камбер вновь принял облик того, кого только что узнал много лучше и больше, чем мог о том мечтать. А Джебедея, замороженный, смотрел, как его новый друг принимает обличие старого, который тоже не был потерян для него.

ГЛАВА XXIV

**Ибо никогда не было у нас
(пред вами) ни слов ласкательства,
как вы знаете, ни видов корысти:
Бог свидетель! Не ищем славы
человеческой ни от вас,
ни от других.¹**

История с канонизацией Камбера продолжалась, к его большому неудовольствию. Собравшись вновь на следующее утро в парадном зале королевского дворца, Совет епископов начался самым что ни на есть скверным для Камбера образом. Повсюду царило праздничное оживление. Он даже слышал краем уха, как один монах досадовал другому, что придется слушать все эти скучные свидетельства — ведь вопрос-то уже решенный, и дело теперь не в том, был ли Камбер святым, а когда об этом объявит Церковь.

Он размышлял об этом, пока они с Джоремом пробирались на свои места сквозь толпу спящих клириков, но в глубине души уже готов был принять неизбежность канонизации. Оставалось лишь утешаться тем, что раз уж это неотвратимо, то останется сокрытой хотя бы самая главная тайна, которую все они старались хранить такой ценой. Своих помощников, включая и Джебедию, он накануне вечером проинструктировал как можно подробнее. Если не случится чего-то из ряда вон выходящего, то слушание медленно, но верно будет двигаться к развязке, столь желанной для Кверона и прочих Слуг Святого Камбера. Но, в отличие от дня вчерашнего, Камбер чувствовал себя почти в безопасности — по крайней мере, не ждал не-

¹ 1-е Фессалоникийцам 2:5-6

приятностей от смертных, замешанных в этой истории. Бесмертные силы — дело иное; он по-прежнему не знал, каковы же будут его отношения с Создателем в свете происходящего.

Усевшись в кресло, он заметил Джебедия, поднявшегося на помост вместе с глашатаем Джеффри; они были увлечены спором — вероятно, о том, как следует расставить стулья секретарей, которые будут записывать ход заседания. Он не слышал содержания разговора, но несколько минут спустя архиепископ Оррис поднялся со своего кресла (на его прежнее место на помосте поставили трон короля), и спор сразу прекратился. Глашатай отвесил поклон, Джебедия поклонился в ответ, и стулья были расставлены окончательно. Пожав плечами и бросив взгляд в сторону Камбера, Джебедия вернулся в толпу, заполнившую центр зала, и исчез в боковой двери, откуда в скором времени появился король.

Большинство толпившихся в середине поспешили к креслам, стоявшим вдоль стен в три ряда, — занимать места. На галерее в противоположном конце зала, битком набитой народом, Камберу показалось, он заметил огненно-рыжую голову Райса, но, возможно, это была ошибка.

Но времени гадать не было — епископ Юстас с теплым приветствием занял место возле Камбера. Весельчак Юстас не мог не заметить задумчивости своего коллеги. Пришлось объяснять утомление часами ночных молитв. Можно было считать, что в определенном смысле это не совсем неправда. Да это и не интересовало коллегу-епископа. Зато он узнал о посетившем отца Элистера во время бдения решении; во время голосования присоединиться к мнению большинства. Юстасу этого оказалось достаточно — он был человеком и Деринийским вниманием к тонким оттенкам чувств никогда не отличался.

Юстасу не терпелось поболтать. Он сообщил о том, что Джорему после вчерашнего остается только сидеть смирно. Вот сестра и зять, не видевшие неопровержимых свидетельств, могут вмешаться. Кстати, они сейчас на галерее в свите королевы. Оспаривать святость Камбера лично он, Юстас, не советовал бы ни родне, ни прочим. Он готов поручиться, что сегодня будут убеждены даже законченные маловеры.

Сам он уже убедился. Того же мнения придерживаются еще по крайней мере трое епископов. Ивейн Мак-Рори Турин, любящая дочь покойного графа, если и усомнится в его святости, то только по незнанию. У ее мужа тоже не будет сомнений, все прекрасно знали о преданности Целителя Рай-

са Турина тому, кто стал ему тестем. Королева же до замужества была подопечной Камбера.

Звук фанфар заставил разговоры стихнуть (к немалому облегчению Камбера), а потом в залу с противоположных дверей одновременно вошли король и примас-архиепископ, сопровождаемые пением *Te Deum*, Все собравшиеся встали, чтобы поклониться, а король и примас направились к помосту в сопровождении секретарей. На короле была темно-зеленая мантия и корона из переплетенных листьев и крестов, поблескивавшая на посеребренной черноволосой голове, Джеффри был одет в полное церковное облачение: митру, расшитую драгоценными камнями ризу. Вчера он, как и любой другой епископ, был в пурпурной сутане и шапочке.

Все это не ускользнуло от зрителей, когда двое сели на места — Синхил чуть-чуть раньше архиепископа, Это был дворец Синхила, но Совет Джеффри. Как примас Гвиннеда архиепископ Джеффри имел преимущества в делах церкви.

После вступительной речи Джеффри и кратких итогов предыдущего дня Кверон представил двоих Слуг святого Камбера, которые сопровождали его во время визита к могиле Камбера в Кайрори, и предоставил им самим рассказать замороженному собранию о своих находках (или отсутствии таковых).

Двое дружно рассказали довольно захватывающую историю о том, как летом, темной безлунной ночью, они тайно пробрались в фамильную часовню Мак-Рори и прошли в склеп, к могиле покровителя. Пришлось убрать обычные Деринийские преграды, выставляемые с целью защиты могилы от грабителей, а потом они заглянули внутрь.

Подняв крышку гробницы, они, ожидавшие увидеть законный в свинец гроб графа Кудского, ничего подобного не увидели! Могила была пуста!

Слушатели изумленно вздохнули, словно услышали это впервые,— настолько их захватила красочная история. Кверон заметил произведенный эффект, но решил развить успех, обратившись к расспросам свидетелей: Откуда им известно, что Камбер вообще был в этой могиле? Может быть, она всегда пустовала?

Нет, напомнил ему один из свидетелей, некий Чарльз, прежде бывший пекарем в деревушке рядом с Кайрори. Он собственными глазами видел, как тело Камбера привезли из Валорета, видел погребение, нет никакого сомнения, что могила не могла быть пустой с самого начала.

Однако ни один их двоих свидетелей не мог объяснить, каким образом человек (здесь это слово исполь-

зовалось в значении простого смертного, не обладающего сверхъестественными способностями) мог перенести тело из могилы. Не брались они и судить о мотивах некоего секретного перезахоронения тела отцом Мак-Рори, о котором тот говорил. Напротив, Чарльз видел, как несколько месяцев назад Джорем и лорд Райс приходили навестить могилу. А он был послан братьями проследить: не знает ли кто-нибудь еще о том, что могила пуста. Зачем Джорему и Райсу понадобилось являться к могиле, если они знали, что тела там нет, как заявил Джорем? Чарльзу оставалось сделать вывод, что Джорем и Райс не знали об этом.

На этом Кверон прервал расспросы, не желая утомлять высокое собрание умозаключениями сельского пекаря. Пришел черед Райса. Тот, помня ночные наставления, категорически заявил, что ему неизвестно ни о каком перезахоронении тела Камбера Джоремом или кем-то другим. Приятно было не лгать — перевезено было тело Элистера, а не Камбера. Его заявление вполне совпало с заверениями Джорема в том, что он выполнил работу в одиночку, следуя просьбе отца, сделанной еще до того, как Райс стал членом их семьи.

Кверон расспросил и Ивейн, решив, что Камбер, возможно, поделился и с ней своей волей. Но, разумеется, Камбер не делал этого, и Ивейн могла со спокойной совестью утверждать, что она не знала о перезахоронении тела отца и не участвовала в этом. Учитывая то, что леди Ивейн не фигурировала ни в одном из представленных Квероном свидетельств, и ее деликатное положение, Кверон позволил ей удалиться, Камбер не мог не улыбнуться, прикрываясь рукой, поднятой якобы за тем, чтобы скрыть зевок, глядя, как Ивейн сделала реверанс с самым невинным видом и с преувеличенной торжественностью, какую часто изображают дамы на пороге материнства, направилась обратно к галерее. Если бы Кверон знал о ее действительном участии в деле святого Камбера, он бы не стал так спешить.

На все это ушла половина утра. К тому времени, когда Кверон закончил перекрестный допрос об исчезновении тела Камбера, многие из тех, кто отсутствовал на предыдущем заседании, заскучали. Следующее свидетельство заставило оживиться всех. Повинуясь приказу Кверона, из дверей у левого камина появился некий лорд Дуалта Джарриот, судя по одежде, рыцарь Ордена святого Михаила.

Спокойно приблизившись к тронам, Дуалта с церемонной учтивостью поклонился королю и, опустившись на колени, поцеловал кольцо архиепископа. Он избегал

встретаться взглядом с королем, прекрасно зная, что, придя сюда, послушался его приказа, и молился о скорейшем избавлении от этой пытки и королевского гнева.

В расспросах Дуалта Кверон не пользовался никакими Деринийскими штучками, обратившись к обычной формуле вопрос-ответ, когда речь шла о личности Дуалта и его роли в том, о чем вскоре узнает Совет. Кверон объявил, что, принимая во внимание число представленных свидетелей, он не в состоянии повторить проделанное им вчера и показать, что именно видел Дуалта, Но с согласия Дуалты он уже считал его мысли и убедился, что юный рыцарь говорит правду.

Пусть Дуалта сам расскажет свою историю. Юноша получил михайлинское военное образование, известное столь же славной репутацией, как гавриилитское обучение для Дерини. Кверон выразил уверенность, что молодой человек сохранил точные воспоминания, и его правдивый рассказ будет интересен высокому собранию.

Камбер тоже не сомневался в этом.

Собравшиеся затихли, когда Дуалта начал повествование о событиях, предшествовавших чуду: о том, как он вошел в комнату настоятеля вслед за своим спутником (он не станет называть имени) и нашел Келлена лежащим без сознания и явно борющимся с некой силой, оказывавшей влияние на все и вся в комнате.

Камбер отметил, что Дуалта предпочел не упоминать имени Синхила. Это могло означать только то, что Кверон прибег к королю в качестве последнего и главного козыря, так как невозможно было закончить этот рассказ; не открыв имени таинственного зрителя.

Райс и Джорем пытались облегчить положение Келлена, продолжал Дуалта, но было ясно, что нечто, противостоящее викирию, обладало куда большей силой, чем все они. Лорду Райсу удалось выяснить, что это были остатки злобных чар Эриеллы, угрожающих Келлену с той ночи в Йомейре, когда он убил коварную принцессу.

Потом Келлен перестал дышать, его лицо медленно синело, в то время как Райс и испуганный Джорем опустили его на пол и принялись делать ему искусственное дыхание, стараясь вернуть настоятеля к жизни.

Рассказывая свою историю, Дуалта словно перенесся в то время, как это было с Гвейром, хотя ни Кверон, ни кто-то другой не способствовали этому. Теперь он говорил так, будто борющаяся за свою жизнь жертва колдовства

лежала перед ним в зале, который превращался под его мысленным взором в спальню отца Элистера.

— О, Господи, если бы Камбер был здесь! — воскликнул Дуалта, падая на колени и с мольбой воздевая руки к небу. — О, Господи! Камбер бы мог спасти настоящего!

Будто пораженный молнией, Дуалта замер, стоя на коленях. Слушатели застыли вместе с ним. Постепенно начало меняться выражение лица юноши — от отчаяния к испуганному удивлению.

Затем тихим, дрожащим голосом Дуалта описал увиденное им. Как лицо Келлена на мгновение окуталось дымкой тумана и начало принимать черты лица Камбера Мак-Рори, а прежнее лицо будто исчезло.

— Видение длилось недолго, — сказал Дуалта. — Казалось, что Райс был менее всего смущен случившимся, он вроде принял это как помощь в исцелении. Когда Целитель закрыл глаза и склонил голову, должно быть, погружаясь в транс, видение растаяло, туман растворился, и лицо вновь приобрело черты Элистера Келлена. Джорем же уткнулся руками в лицо и плакал до тех пор, пока все не кончилось.

Лицо Дуалты стало белее его пояса, а глаза были устремлены в пол перед ним, и зрители почти увидели то, что по-прежнему стояло перед его мысленным взором. Руки застыли в воздухе, словно он держал за руку того, кто стоял рядом с ним на коленях. Как будто отвечая невидимому собеседнику, слегка повернул голову.

— Да будет благословенно имя Господне! — горячо прошептал он и набожно сложил руки. — Он послал благословенного Камбера, чтобы помочь нам! — воскликнул он. — Господь послал Камбера спасти слугу своего Элистера!

Когда он в умилении склонился, Кверон тихо подошел и положил руку на его плечо, нагнувшись, сказал на ухо несколько слов, которых не слышали замороженные зрители. Спустя несколько секунд Дуалта поднял голову и посмотрел на Кверона, потом на короля, архиепископа и публику. На губах появилась тень нервной, застенчивой улыбки.

— Прошу простить меня, преподобные отцы, Государь, — забормотал он, обращаясь к Синхилу в особенности и расправляя плечи трясущими руками. — Я хотел...

Джеффри отрицательно покачал головой.

— Извинений не нужно, лорд Дуалта, Ваш рассказ на многое проливает свет. Отец Кверон, вы хотите, чтобы лорд Дуалта продолжал?

— Не стоит, ваша милость,— Кверон поклонился и повернулся к Синхилу,— Ваше Величество, мы подошли к весьма трудному моменту, ибо следующее свидетельство должно быть представлено человеком, вне всякого сомнения, вам известным. Разумеется, я могу попросить лорда Дуалту продолжить, но...

До этого момента Синхил следил за рассказом, сосредоточенно поджав губы, иногда прикрывая глаза, словно от яркого света, хотя пламя факелов и огонь в камине вовсе не слепили публику. Камбер, конечно, знал, что Синхил закрывается не от света, и был уверен, что Кверон тоже это понимает. Джеффри, который вчера прочел мысли Кверона, старался не смотреть на короля. Впрочем, ему и не нужно было делать этого, остальные епископы и все в зале устремили взгляды на владыку Гвиннеда.

Сердцем Камбер рвался к королю. Кверон действовал безжалостно. Теперь Синхил не мог избежать расспросов. Кверон может постараться быть помягче, но не отступит.

— Ваше Величество? — спросил Кверон, будто не был уверен, что король расслышал прежние слова.

Синхил поигрывал печаткой на большом пальце, стараясь казаться беспристрастным.

— Я не знал, что король обладает властью при дворе архиепископа,— произнес он, не поднимая головы. Архиепископ Оррис взглянул на Кверона, потом на Джеффри, который так ничего и не сказал, и, наконец, на Синхила.

— Сир? Этот свидетель известен Вашему Величеству?

Синхил медленно кивнул, не решаясь поднять глаза и встретить так много взглядов. Может быть, они втроем договорились? Джеффри и Кверон заранее приобщили Орриса к своей грязной работе, чтобы принудить Синхила говорить... Синхил не станет лгать, не утаит самой жуткой правды.

Вздохнув, король повернулся лицом к Оррису.

— Он известен мне очень хорошо, архиепископ.

— Почему бы нам не выслушать его? — не отступал Оррис. Синхил не ответил, и сидевший рядом с Камбером Юстас, прочистив горло, встал.

— Ваше Величество, прошу меня извинить, но я не понимаю, что здесь происходит. Я человек простой. Мне не по душе интриги и тайны. Если есть еще один свидетель, так пусть он выступит. Знакомство с Вашим Величеством не освобождает от того, чтобы сообщить правду по такому вопросу.

— Вы, несомненно, правы, епископ,— начал Синхил спокойно, предпринимая последнюю отчаянную попытку избежать этого разговора.— Не освобождает. Но... будь

оно проклято! — Он взглянул на Юстаса.— Вам, должно быть, известно о моих сложных чувствах к Камберу. Я и есть этот свидетель!

Послышались вскрики удивления, так как до этой минуты большинство из присутствовавших в зале не догадывалось о том, кто эта безымянная персона. Точно ветер, пронесся по комнате шепот смущения, постепенно затихший. Синхил молчал. После нескольких секунд неловкой тишины заговорил Кверон.

— Ваше Величество, приношу извинения. Я не собирался принуждать вас поступать против вашей воли.

Камбер сам себе кивнул и едва заметно улыбнулся, прекрасно зная, что именно сейчас произойдет.

Кверон повернулся к Джеффри.

— Прошу и вашу милость извинить меня. Мне не следовало заводить этот разговор. С вашего разрешения я прошу лорда Дуалту...

— Нет.

Это слово Синхил произнес едва слышно, но Кверон замолк, как будто на него прикрикнули. Под испуганное бормотание Синхил поднялся, знаком велел всем оставаться на местах, когда собравшиеся начали подниматься следом. Сняв корону решительным движением, он бережно положил ее на сиденье своего трона. В полнейшей тишине спустился с помоста и повернулся к Джеффри. Без короны, в своей темно-зеленой, почти черной мантии, он походил на монаха, чего всегда и желал.

— Милорд архиепископ, я готов представить свое свидетельство по данному делу. Так как я говорю с вами не со своего трона, вы можете опускать мой титул, не тратя понапрасну время.

Джеффри приподнялся и поклонился, потом снова сел и взглянул на Кверона.

— Думаю, Его Величеству не обязательно приносить присягу,— полувопросительно произнес он и по примеру Кверона отрицательно качнул головой.— Можете начинать.

Низко поклонившись, Кверон повернулся к Синхилу. Он с нетерпением ждал этого свидетеля, который подтвердит все сказанное, хоть и возмущаясь этим до глубины души. По сути дела, именно возмущение и протест сделают рассказ более достоверным, потому что Синхил вовсе не преувеличивал, говоря о своих противоречивых чувствах к Камберу. Синхил действительно был тем неопровержимым свидетелем, которого обещал Кверон, хотя сейчас на нем и не было коро-

ны. Камберу казалось, что Кверон прямо-таки источает торжество. Господи, если бы он знал, что делает!

— Я постараюсь, чтобы это закончилось как можно быстрее, отче (надеюсь, вы позволите называть вас так). Всем здесь известно, что когда-то вы были священником.

Синхил вздрогнул. Кверон напомнил публике о прошлом, сразу обозначив одну из причин нежелания короля участвовать в возвеличивании Камбера Мак-Рори. Потом бывший гавриилит замолчал, глядя в землю, он обдумывал следующий ход.

— Итак, отче, вы подтверждаете, что находились в комнате епископа Келлена в ночь отпевания Камбера?

— Да,— прошептал в ответ Синхил.

— И стали свидетелем чего-то необычайного, имеющего отношение к епископу Келлену?

— Да,— подтвердил Синхил.

— Превосходно,— сказал Кверон, оглядывая слушателей и оценивая их реакцию.— А теперь, отче, расскажите преподобным, что вы видели в ту ночь, и как можно более подробно. В особенности нам бы хотелось услышать о том, что касается Камбера.

Синхил закрыл глаза, сглотнул, потом посмотрел под ноги и начал говорить о том, что видел.

Свидетельство было недолгим. Несколько дополнив повествование Дуалты (воспоминания стража отличались от его собственных), Синхил обратился к впечатлениям от так называемого чуда; сначала он просто не поверил, потом, когда понял, что не сошел с ума, другие видели то же самое, неверие сменилось страхом.

— Я не хотел признавать этого,— прошептал Синхил,— несмотря на то, что Дуалта произнес вслух то, о чем мы все тогда думали. Я говорил себе, что, должно быть, ошибся, что чудес больше не бывает. Даже лорд Райс не подтвердил это, а ведь Целители, вероятно, ближе всего к чудесам. Он заверил, что епископ Келлен избавлен от опасности, но отказался вести разговор о том, как это случилось. Когда я спросил, не помог ли Камбер, он ответил, что не ему судить об этом.

— Тогда я понял, что в комнате находится еще один человек, которого я не заметил раньше.— Слушатели подались вперед — это было что-то новое, ранее неизвестное.

— Там был юный монах-михайлинец, стоявший на коленях в дверях молельни. Райс сказал, что его звали Джон, и что епископ Келлен пригласил его сделать внушение. В суматохе о нем забыли.

В этом месте повествования Кверон прочистил горло.

— Кстати, отче, несмотря на то, что лорд Дуалта подтверждает присутствие некоего брата Джона, ни он, ни кто-то другой из Ордена святого Михаила не может выяснить, где такой монах находится. Кроме того, нет никаких письменных подтверждений, что он вообще существует. Нам известно, что вы тоже пытались найти его. Может быть, вы более удачливы?

Синхил покачал головой, некоторые из епископов неодобрительно загудели.

— Благодарю вас, отче. Вернемся к этому позднее.

Предстояло продолжать, и король постарался успокоиться, Завороженные слушатели не шелохнулись.

— Этот... брат Джон просто стоял на коленях в молельне. Я спросил, видел ли он то, что произошло. Он ответил, что всего лишь монах, семен и необучен, но я настаивал на ответе. Помню, когда он поднял голову, я заметил, что никогда не видел таких непонятных, неопределенных глаз, как у него. Он был дымно-черные.

— Продолжайте, пожалуйста,— поторопил Кверон.

— Да. Он признал, что видел кое-что. А когда я велел рассказать подробнее, он ответил: «Это был он. Он коснулся настоятеля.»

— Как вы поняли слово «он»,— поинтересовался Кверон.

— Я... спросил его,— прошептал Синхил.— Я спросил его, и он сказал... он сказал: «Кажется, это был лорд Камбер.» — Синхил глубоко вздохнул и закрыл глаза,— Я буду помнить его слова до конца жизни. Он сказал: «Кажется, это был лорд Камбер. Однако он мертв. Я видел его! Я слышал, что хорошие люди возвращаются, чтобы помочь достойнейшим...»

Тяжкий вздох волной прошелестел по залу, когда голос Синхила стих. Даже у Кверона больше не было вопросов. Синхил открыл глаза, но казалось, будто он по-прежнему ничего не видит. Он поднес руки к лицу, разглядывая, снова опустил и со вздохом посмотрел на Кверона. Им удалось выудить то, чего он не хотел говорить, пусть это и была правда. Теперь Синхилу хотелось убежать, уйти от продолжения разговоров о человеке, которого он боялся, с которым не мог примириться.

Кверон выдохнул и кивнул Синхилу.

— Благодарю, отче. Не расскажете ли собранию, что еще случилось той ночью, если, конечно, случилось?

— Совсем немного,— пробормотал Синхил.— мне нужно было остаться одному и подумать. Я все еще не хотел верить в то, что видел и слышал. Я... велел им не рассказывать никому и вышел.

— И пошли?..

— В... собор помолиться у его тела.— Он снова понурил голову.— Затем я вернулся к себе.

— И в соборе не произошло ничего необычного? — настаивал Кверон, однако не слишком напористо, потому что теперь даже он не знал, чего ожидать.

Но Синхил покачал головой со взглядом, полным такой решимости, что даже самоуверенность Кверона поколебалась. Целитель-священник низко поклонился, будто говоря: «Как пожелаете», и терпеливо дожидаясь, пока Синхил превратится из свидетеля в монарха. Цель была достигнута.

— Ваша милость архиепископ, думаю, нам больше не о чем спросить. Свидетель может быть свободен?

— Разумеется,— ответил Джеффри.— Ваше Величество, если пожелаете, сегодняшнее заседание будет закрыто. Я понимаю, как вам было трудно.

Вместо ответа Синхил перевел тяжелый взгляд на архиепископа, потом оглядел собрание. Под его взглядом слушатели съезжились (все, кроме Камбера), не решаясь ни заговорить, ни пошевелиться. Постояв так, король поднялся на помост, взял корону, сел и надел державный венец. Кроме легкой бледности, в лице не осталось следов только что пережитого, но печать чего-то зловещего лежала на облике владыки.

Камбера не смущали сгущавшиеся тучи. Королевская буря таила в себе и смирение. Приступ гнева предшествовал неизбежному раскаянию, признаниям о жалкой человеческой доле, о слабости смертных — от жалкого раба до князей церкви и державных властителей.

Поэтому ничего не произойдет. Просто верховный сюзерен оказался как бы унижен перед властью церкви и сейчас напоминает Джеффри, кто в этом зале настоящий король. Это сражение Синхил проиграл, но не всегда собирается проигрывать. Этой ночью он одержал победу, хотя и невеликую, приобретя союзника в борьбе за то, чтобы стать таким, каким прежде его заставляли сделаться, а теперь он хотел сам.

— Благодарю за заботу, архиепископ, но нет нужды объявлять перерыв ради нашей персоны,— сказал он, превратившись в монарха до кончиков ногтей — Мы не желаем, чтобы говорили, будто король Гвиннеда каким-либо образом препятствовал деятельности этого высокого собрания, независимо от того, каких взглядов он придерживается. Как верный сын церкви король присутствует здесь по приглашению вашей милости и с вашего разрешения. Прошу вас, продолжайте

и примите наши извинения, если мы показались немного своевольны.

На этом Джефффри оставалось только пробормотать что-то успокоительное к заверить короля, что собрание очень радо его личному присутствию и, разумеется, понимает его нежелание выступать по данному вопросу. Синхил принял его заверения утивно, и напряжение в зале спало.

Для повторных показаний и подтверждения рассказа Синхила о таинственном брате Джоне был вызван Дуалта. Потом были снова Райс и Джорем, однако ничего нового к ранее сказанному добавить не смогли. Райс впервые видел брата Джона в комнатах Келлена, а Джорем заявил, что в тот вечер монах сам пришел к нему и сказал, что его вызвал епископ Келлен. Разумеется, сам епископ Келлен не подтвердил и не опроверг это утверждение, так как потеря памяти не позволяла ему установить, вызывал он брата Джона или нет.

На этом закончилось утреннее заседание, но не дискуссия о неуловимом брате Джоне. Недостаточность сведений о его существовании, рассказы о ночном посещении стали причиной появления вокруг этой фигуры ореола таинственности, а у кого-то из слушателей даже появились предположения, что он ангел, посланный на землю, чтобы известить о чуде. Это предположение было поддержано епископом Найфордским, ставшим активным сторонником Камберианского движения. Раз монах не мог предстать перед Советом, нельзя было доказать и его земное существование. Возможно, он был и ангелом. Разумеется, эта деталь не ускользнула от составителей все увеличивавшегося описания жития Камбера.

Обсуждение продолжалось после перерыва на обед. Были представлены несколько свидетелей, жизни которых круто изменились после предполагаемого вмешательства благословенного Камбера: исцеления у его могилы, удовлетворенные прошения, либо иное покровительство Защитника человечества. Разумеется, ни одно из этих свидетельств не могло выдержать строгой проверки по правилам канонизации, но это уже не имело значения. К концу дня стало ясно, что после некоторых формальностей Камбер будет официально объявлен святым.

Самому же Камберу оставалось только вздыхать и ожидать голосования. Он смиренно обращался к Богу, который провел его через столько и позволил всему случиться,— пусть примет и эту последнюю ложь.

Решение оказалось единогласным. Оглашение результатов было встречено всеобщей радостью. Четыр-

надцатого числа, то есть через две недели, Камбер Кайрил Мак-Рори будет официально канонизирован и с того дня станет именоваться святым Камбером Кулдским, Защитником человечества и всеми остальными титулами, которые получит в оставшиеся до канонизации дни.

Во время обсуждения деталей Камбер говорил мало, черпая силы в общении с Джоремом и Джебедией, и, прежде чем выйти из залы, бросил долгий печальный взгляд на Ивейн и Райса, сидевших на галерее. В тот вечер он не ужинал и после вечерней мессы уединился с сыном и Джебедией. Нужно было приступить к своему новому статусу.

ГЛАВА XXV

Он причислен к детям Божиим и обитает среди святых.¹

К приходу осени Святого Камбера Куддского уже славили во всех приходах и соборах Гвиннеда. Затем пришла зима, наступили и закончились святки, миновал и новый год, однако Три Короля еще не явились с дарами.

Однажды ранним утром, за пару дней до праздника Епифании, епископ Грекотский преклонил колени в часовне, посвященной новоявленному святому, и погрузился в раздумья, пытаясь осознать, кем же он стал — человек, известный миру как Элистер Келлен, бывший на деле тем самым легендарным Камбером.

Точнее, конечно, не легендарным, ибо тот человек не имел ничего общего с реальностью, ему приписывали чудеса, коих он никогда не совершал, — а он даже не мог их опровергнуть. Точнее, мог бы, но не желал. Так что Камбер Кайрил Мак-Рори мертв, и должен таковым оставаться.

Камбер обреченно оглядел святилище, что его приверженцы возвели во славу человека, которого сами же и создали, пытаясь заставить себя принять сердце то, что разум его был вынужден осознать еще несколько месяцев назад. По всему Гвиннеду только и разговоров было, что о Святом Камбере. Впервые за все время со дня канонизации часовня оказалась пуста, и то лишь потому, что на дворе валил снег, а час был еще очень ранний. Что же их так влекло сюда?

Ищущим взором окинул он свое изображение — в полный рост, вырезанное из светло-серого мрамора, такое каким увидел его в ту ночь Гвейр,— плащ, капюшон на плечах, седовласая голова приподнята, раскрашенное лицо обращено к королевской диадеме, которую он держит в руках. Это была точная копия короны из переплетенных листьев и крестов, которую однажды ночью (как давно это было!) Камбер опустил на голову Синхила.

Sanctus Camberus, Defensor Hominum, Regis Creator — было начертано на алтаре. Святой Камбер, Защитник человечества, Творец королей. С каждой стороны от алтаря в небольших углублениях в песке стояли бронзовые подсвечники. Десятки горящих свечей наполняли часовню золотистым сиянием. Изнутри стены были заново облицованы белым камнем, старые деревянные ширмы были заменены резными гипсовыми, на полу был выложен плиткой бело-серый крест, который, поговаривали, должен стать символом Слуг святого Камбера. Ходили слухи, что камберовский храм в аббатстве Слуг в Долане был обставлен с большей роскошью, однако сам Камбер пока не набрался мужества съездить туда.

Ладно, Господь с ними, с его сомнениями, нужно понять, что все это означает для мира, а не для него лично. В качестве объединяющей силы в Гвиннеде культ нового святого играл огромную роль и приносил добрые плоды, привлекая равно людей и Дерини, о чем сам Камбер всегда мог только мечтать. В те дни, когда он пытался предотвратить собственную канонизацию, он не мог и представить, что святого станут прославлять не только как Защитника Человечества, но и как покровителя магии Дерини, поборником разумного использования этого могущества — именно этого, собственно, всегда и требовали от Дерини люди: чтобы их не унижали более одаренные собратья. Так, никому ведь и в голову не приходило восставать против Целителей!..

Однако все это не объясняло участвовавшие чудеса, приписываемые Камберу. Вмешательства святого были более чем очевидны; исцеления, снятие порчи, чудные спасения и исполнение всяческих просьб. Только Камбер не имел к этому ни малейшего отношения. Неужели сама вера творила чудеса, несмотря на то, что тот, к кому обращались за помощью, в действительности не существовал?

Или вера многих людей вызвала святого Камбера к жизни? Вероятно, культ поклонения Камберу лежит за пределами понимания Дерини, где-то в царстве Божьем? Разве не может всемогущий Господь действовать через Камбе-

ра, если такова Его воля? Разве одно имя хуже другого? Должен существовать какой-то план, объясняющий случившееся, иначе Камбер никогда не добился бы успеха в своем предприятии.

Но что если он ошибается? Возможно, Бог только играл с ним, вознося лишь затем, чтобы потом низвергнуть...

Камбер вздрогнул, закрыл лицо руками и в который раз спросил себя, а не зашел ли он слишком далеко. Услышав шорох, он понял, что не один, хотя до этого не слышал шагов. Он только собрался взглянуть, кто его потревожил, ибо за прочной защитой не удавалось различить сознание другого, — как послышался тихий голос.

— Святой Камбер, да?

Камбер дернулся, и лишь затем осознал, что перед ним Синхил, и в словах его не было обвинения. Оглянувшись, Камбер увидел короля. Тот стоял в дверях, скрестив руки; на плечах, темном плаще и на волосах поблескивал снег. Камбер хотел было подняться, но Синхил покачал головой и сам опустился на колени рядом. Король подышал на руки, чтобы отогреть их, и оглядел часовню с ироничной улыбкой.

— Вы удивляете меня, Элистер. Кажется, я и впрямь застал вас врасплох. Вы ведь не слышали, как я вошел, правда?

— Вы научились пользоваться защитами, — улынувшись, ответил Камбер — Прощу простить меня. Я слишком увлекся.

— Мне тоже так показалось.

Синхил взглянул на возвышавшуюся перед ним статую, задумчиво приподнял бровь и снова обернулся к Камберу. Выражение его лица стало серьезнее за эти несколько секунд, серые глаза потемнели. Камбер решительно не мог понять, что привело короля сюда в поздний час и в такую метель. Ему казалось, что он отыскал ответ.

— Скажите, вы тоже все еще не верите в него? — шепотом поинтересовался Синхил.

Задумавшись, Камбер отвел взгляд, еще больше утвердившись в своих подозрениях и с болью осознавая, что в этом не может довериться королю.

— Разве это имеет значение? — вопросом на вопрос ответил он, — Культ существует. Никто не сможет отрицать положительных результатов, которые удалось достичь его последователям в Гвиннеде. Возможно, это и есть истинный критерий святости.

Синхил задумался на несколько секунд, потом медленно кивнул.

— Вероятно, вы правы, И все же есть кое-что еще.

то он хочет от меня чего-то еще, только вот не знаю чего.— В смущении он опустил глаза.— Глупо, не правда ли?

— Вовсе нет,— ответил Камбер, позабавленный тем, что Синхил, сам того не осознавая, говорил правду.— Но что подсказывает ваше сердце? Забудем на время о здравом смысле

Синхил едва слышно вздохнул и пожал плечами.

— Не знаю. Я даже пытался спрашивать его. В ту ночь, когда он... спас вас, я... пришел сюда, в собор, и попытался молиться у его гроба. Я гневил небеса. Требовал, чтобы он ответил, что делает и чего хочет от меня. Но он молчал, молчит до сих пор.

— А если бы он ответил, как, по-вашему, как бы вы узнали об этом? — мягко спросил Камбер. В ожидании он затаил дыхание, ибо ответ Синхила мог дать ключи к королевской душе.

Откинувшись назад, Синхил сел на пятки и вопросительно взглянул на статую святого. Его молчание длилось так долго, что Камберу показалось, что король решил не отвечать. Однако Синхил покачал головой и посмотрел на Камбера.

— Не уверен, что смогу сказать точно. В наивности моей веры в те времена, когда я был скромным священником-монахом, проводившим дни в молитве, я бы ожидал... даже не знаю... какого-нибудь видения или сна, как, например, случилось с Гвейром. Я пытался вызвать нечто подобное (поверьте мне, Элистер, действительно пытался), но ничего не случилось. Кроме того, учитывая происшедшее за последние два года, не думаю, чтобы этого было достаточно. Собственно, я даже не знаю, чего было бы достаточно.

— Что ж, может быть, это слишком упрощено,— произнес Камбер,— Полагаю, чем более искушенными наблюдателями мы становимся, тем большего мы требуем. Нам нужны все более веские доказательства, тогда как единственное, что необходимо — это вернуть детское умение удивляться, способность видеть чудо в каждом мгновении жизни, верить в то, что подсказывают наши чувства, видеть Бога в делах Его.

— И в Его святых? — цинично осведомился Синхил.

— Возможно. Возможно, большинству из нас этого вполне достаточно. Просто с годами мы растем и меняемся, и Он меняет способ общения с нами. Вероятно, вы могли бы прекрасно обойтись и без какого-то святого Камбера. Но у вас есть работа, с которой вы научились превосходно справляться, помогает вам святой или нет. Совесть подскажет вам, выполняете ли вы Его волю. Возможно, это и есть еще один способ общения с Богом.

— Значит, моя совесть — это Бог? — Синхил ухмыльнулся.— Это богохульство, епископ, богохульство!

— Вам прекрасно известно, что я не это имел в виду,— засмеялся Камбер, поднимаясь на ноги.— Но пойдемте отсюда. Сейчас слишком поздно и холодно, чтобы продолжать философствовать. Если хотите, поговорим завтра после завтрака, но я уже устал от разговоров о нашем друге Камбере.

Он указал на статую. Синхил тоже поднялся, и они вместе пошли к выходу; у дверей Синхил остановился, чтобы оглянуться на прощание.

— Знаете,— сказал король, когда они вышли и направились к северному входу, где ожидал стражник с лошадей,— кажется, сегодня ночью я наконец кое-что понял.

— В самом деле?

— Да. Думаю, я понял, что могу примириться с его существованием. Понимаете, я не забыл и не простил ему того, что он со мной сделал. Если когда-нибудь это случится, то будьте уверены, не скоро. Однако я могу принять его таким, каким он стал. Тот святой в часовне не похож на человека, которого я боялся и уважал.

Камбер улыбнулся, придерживая дверь, чтобы король мог пройти. Метель ударила им в лицо.

— Тогда вы поняли очень многое, Государь,— произнес он негромко, чтобы не услышал стражник.— Так мне прийти к вам завтра утром на мессу? Потом мы могли бы продолжить беседу за завтраком, или когда пожелаете.

Синхил кивнул довольно небрежно, но Камбер прекрасно знал, что сейчас перед мысленным взором короля возник сундук с церковным облачением и что он благодарен Келлену за эту связь между ними и за то, что то хранит его тайну. Падающие хлопья снега с шипением таяли в огне факела, который держал стражник. Синхил вскочил в седло, и в глазах его блеснули отсветы пламени.

— Договорились,— сказал он, подняв на прощанье руку.— Да благословит вас Бог, епископ Келлен.

— И вас, государь,— отозвался Камбер Куддский.

Окруженный огненным ореолом, король двинулся прочь.

Содержание

Камбер Кулдский	7
Камбер-еретик	255

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

«АСТ»
И
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляют сериал

КЭТРИН КУРТЦ
«КАНОН ДЕРИНИ»

Камбер Кулдский
Святой Камбер
Камбер еретик
Скорбь Гвинеда
Год короля
Бастард
Возрождение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини
Наследник епископа
Королевская милость
Тень Камбера
Архивы Дерини
Магия Дерини

Читайте в серии
«Перекресток миров»
НОВЫЕ КНИГИ

**Константина Бояндина
Сергея Герасимова
Андрея Дашкова
Александра Зорича
Дмитрия Скирюка**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью !

Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Шрам"

"Преемник"

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
тетралогию фэнтези

Дмитрия Скирюка
читайте первый роман цикла

ОСЕННИЙ ЛИС

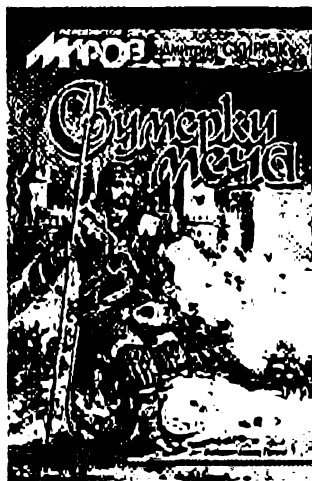

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
тетралогию фэнтези

Дмитрия Скирюка
читайте второй роман цикла

СУМЕРКИ МЕЧА

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:

«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА

«СУДЬЯ»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:

«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА

«ПЛЕННИЦА»

НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

Куртц Кэтрин
Камбер Кулдский
Святой Камбер

Романы

Иллюстрации: В. Асадуллин
Художественные редакторы О. Адашкина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Шрифтовой дизайн: Д. Вяземский
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать 25.12.00. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 5 000 экз. Заказ № 3560.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

•

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-005857-8

9 785170 058570